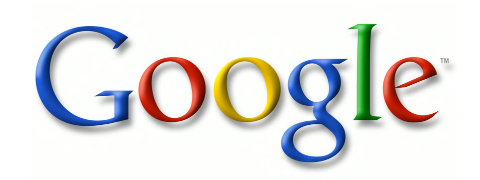
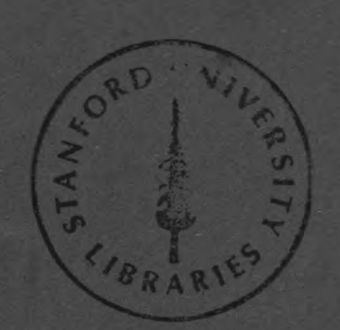

Google


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ВЫПУСКЪ I.

Воронежъ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1898

Дозволено Цензурой. Москва, 28 Марта 1898 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

въ 1898 году.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. За представленное изданіе Филолог. Зап. на Всероссійскую Выставку печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

Въ настоящемъ году наше изданіе, предпринятое въ интересахъ изслѣдованія по языку и литературѣ отечественной, славянскимъ нарѣчіямъ и другимъ,—вступаетъ въ 38-ю годовщину своего существованія. Область языкознанія широка и задачи далеко еще не исчерпаны; работы впереди предстоитъ еще много. Учеными и компетентными лицами и педагогическимъ персоналомъ труды наши оцѣнены по достоинству. Съ своей стороны Редакція принимаетъ всевозможныя усилія доставлять больше нужныхъ матеріаловъ, какъ пособіе для развитія и разъясненія научныхъ вопросовъ. Постоянные наши подписчики достаточно знакомы съ цѣлью, задачами и стремленіями и съ тѣми матеріалами и пособіями, какіе доставлялись и доставляются въ журналѣ.

Не говоря объ оффиціальныхъ отзывахъ, относительно изданія нашего, укажемъ какъ на болѣе крупныя пособія, именно на практическое пособіе, выработанное г. Барсовымъ, на „Методику" подъ заглавіемъ „Живое слово" для преподаванія рус. языка, изданное въ 3-хъ курсахъ, печатается и 4 й курсъ. Въ настоящемъ году авторомъ „Живого Слова" выпущена къ методикѣ и давно ожидаемая „Хрестоматія" къ 1-му курсу.—Готовится Хрестоматія для 2-го и для другихъ курсовъ.

Въ журналѣ помѣщались и помѣщаются даже цѣлые курсы, напр., въ прошломъ году помѣщенъ былъ курсъ „Теорія Словесности", составленный И. Н. Стефановичемъ, отли-

чающійся научно-яснымъ изложеніемъ, о которомъ недавно данъ прекрасный отзывъ А. П. Флёровымъ. Готовится также курсъ, какъ новый трудъ въ учебной литературѣ г. Добровскаго: „Очерки изъ современной поэтики“ въ связи съ логикой и психологіей, какъ разъясненіе взаимныхъ отношеній между произведеніями поэтическими и научными на почвѣ психологіи, чего у насъ недостаетъ, какъ болѣе важнаго въ дѣлѣ преподаванія словесности.

Въ портфелѣ Редакціи на 1898 г., кромѣ продолжающагося очерка „О преподаваніи латинскаго языка въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ“, имѣются слѣдующія статьи: „Произведенія А. С. Пушкина (планъ, идея, литературная форма и языкъ)“.—„О правописаніи по Гроту“.—„Дума“, Лермонтова.—Русскій языкъ въ духовныхъ училищахъ“.—„Очеркъ жизни и дѣятельности Ѳ. И. Буслаева“.—По поводу предстоящаго 50-лѣтія В. Г. Бѣлинскаго,—ст. Н. Ѳ. Бунакова.—Замѣчанія на Словарь 2-го Отд. Акад. Наукъ, 3-й вып. Никольскаго. „Замѣтка къ Слову о Полку Игоревѣ“.—„Разборъ стихотворенія „Тучки“, Лермонтова.—„Живое слово“—продолженіе IV курса.—„С. П. Шевыревъ и его взгляды на задачи воспитанія“.—„О сродствѣ сагъ“ и другія. Кромѣ того будетъ продолжаться печатаніе перевода „Грамматики церковно-славянскаго языка“ Шлейхера и другія переводныя статьи.

„Филологическія Записки“ издаются въ **Воронежѣ**; выходятъ безсрочными выпусками,—по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** руб. **50** к. съ пересыл.; за границу **7** руб.

ПОДПИСКА преимущественно принимается въ Редакціи „Филологическихъ Записокъ“, въ **Воронежѣ**; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе „Фил.Зап.“ можно выписывать и за прежніе годы.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

Дозволено цензурой.
Москва, 6 Декабря 1897.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРѢ.

I

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ТЕОРІИ ПОЭЗІИ [1]).

Исторія такъ называемой пiитики начало свое получила въ древней Элладѣ, и первый, кто подвергъ поэзію научному изслѣдованію, былъ знаменитый учитель Александра Великаго, философъ Аристотель, родившійся въ 384 г. до Р. Хр. Среди множества сочиненій этого знаменитаго философа, между прочимъ, дошелъ до насъ и трактатъ его о поэзіи: περὶ ποιητικῆς, состоящій изъ 26 главъ.

Указавъ въ началѣ своего сочиненія различіе между искусствами и выдѣливъ изъ нихъ поэзію, какъ

---

[1]) По новымъ министерскимъ программамъ, утвержденнымъ въ 1890 году, курсъ теоріи словесности, изучаемой въ нашихъ гимназіяхъ, перенесенъ изъ пятаго класса въ восьмой. Такое перемѣщеніе этого предмета въ самый высшій классъ гимназій, естественно, должно внести и большую широту въ изученіе словесности, чѣмъ это было прежде. Такъ, въ высшей степени желательно бы ознакомить учениковъ хотя съ краткимъ очеркомъ историческаго развитія теоріи поэзіи, сопровождая это ознакомленіе, по возможности, чтеніемъ важнѣйшихъ сочиненій по теоріи поэзіи, каковы, напр., Περὶ ποιητικῆς Аристотеля, Ars poëtica Горація, L'Art poétique Буало, Лаокоонъ и Гамбургская драматургія Лессинга.—Съ этою цѣлію и написана предлагаемая здѣсь замѣтка, намѣчающая главные моменты въ исторіи развитія теоріи поэзіи. Думаю, что теоретическія свѣдѣнія о разныхъ родахъ и видахъ сочиненій еще болѣе основательно укрѣпятся въ сознаніи ученика, когда они будутъ освѣщены и съ исторической точки зрѣнія.

самый высшій родъ искусства, онъ прежде всего рѣшаетъ вопросъ: откуда возникла поэзія, и отвѣчаетъ, что она явилась изъ подражанія, которое врождено человѣческой натурѣ и которое замѣчается на всѣхъ ступеняхъ развитія и во всѣхъ возрастахъ. Это мнѣніе Аристотеля, бывъ невѣрно истолковано, привело впослѣдствіи ко многимъ ложнымъ взглядамъ: стали утверждать, между прочимъ, что чѣмъ ближе произведенія искусства къ природѣ, тѣмъ они лучше, и так. обр. подражаніе въ поэзіи возвели въ простую копировку.

Въ дальнѣйшихъ главахъ своей Піитики Аристотель рѣшаетъ и еще нѣсколько вопросовъ, разъясняющихъ сущность поэзіи.

Во-первыхъ, онъ сопоставляетъ поэзію съ исторіей (IX гл.) и утверждаетъ, что первая выше послѣдней, потому что исторія изображаетъ только то, что дѣйствительно было, рабски подчиняясь событіямъ, тогда какъ поэзія изображаетъ не только то, что было, но и то, что могло быть: поэтъ можетъ описывать происшествія совершенно вымышленныя; нужно только, чтобы его описанія не противорѣчили законамъ природы и человѣческаго духа. Описывая, напр., восхожденіе солнца, поэтъ не можетъ сказать, что оно взошло съ запада, или, изображая любящую мать, приписать ей дѣйствія, противныя нашему понятію о чадолюбіи.

Во-вторыхъ, Аристотель разсуждаетъ о погрѣшностяхъ въ поэзіи. Онъ говоритъ, что бываютъ ошибки противъ природы и противъ искусства, но погрѣшности противъ искусства гораздо важнѣе. Не бѣда, напр., если живописецъ нарисуетъ лань съ рогами, которыхъ у ней не бываетъ: въ художественномъ отношеніи гораздо хуже, если онъ изобразитъ ее и согласно съ природой, но дурно. И дѣйствительно, ошибки противъ природы встрѣчаются нерѣдко даже у знаменитыхъ поэтовъ; напр., у Лермонтова въ прекрасномъ его описаніи Терека рѣка эта сравнивается со

львицей, у которой шея покрыта гривой, но это нисколько не портитъ художественной картины описанія.

Наконецъ, въ-третьихъ, подраздѣливъ поэзію на два главныхъ отдѣла—эпическую и драматическую, Аристотель болѣе половины своего сочиненія (именно 17 главъ) [2]) посвящаетъ почти исключительно разсужденію о трагедіи, какъ высшемъ родѣ поэзіи, достигшемъ самаго высокаго процвѣтанія въ Греціи въ лицѣ знаменитыхъ трагиковъ: Эсхила, Софокла и Еврипида. Трагедія, говоритъ Аристотель, соединяетъ въ себѣ всѣ элементы изящнаго и представляетъ идеалъ поэтическаго искусства; въ ней соединяются и эпосъ, и лирика: эпосъ заключается въ миѳахъ, которые даютъ содержаніе трагедіи, а лирическій элементъ является въ хорахъ, которые въ древне-греческой трагедіи выражали чувства и мысли, возбуждаемыя дѣйствіемъ трагедіи. Кромѣ того, трагедія имѣетъ еще и то преимущество предъ эпосомъ и лирикой, что она отличается полнотой и единствомъ дѣйствія, чего не имѣютъ ни эпосъ, ни лирика, взятыя въ отдѣльности.

Ученіе Аристотеля о единствѣ дѣйствія въ трагедіи, такъ же какъ и взглядъ его на подражаніе въ искусствахъ, привели послѣдующихъ теоретиковъ тоже къ невѣрнымъ выводамъ и положеніямъ въ теоріи драматической поэзіи.

Первое сочиненіе, написанное на основаніи Піитики Аристотеля, было Ars poëtica Горація. Хотя при написаніи этого сочиненія основаніемъ Горацію и служила Піитика Аристотеля, однако, по формѣ между этими сочиненіями нѣтъ ничего общаго: въ противоположность Піитикѣ Аристотеля, сочиненіе Горація не имѣетъ ни послѣдовательности въ изложеніи, ни строгихъ научныхъ выводовъ; это есть не что иное, какъ бесѣда умнаго и образованнаго человѣка, заключающая въ себѣ разныя замѣтки о поэзіи. Горацій расходится съ Аристотелемъ даже въ основныхъ взгля-

2) Περὶ ποιητικῆς гл. 6—22.

дахъ на поэзію; такъ, онъ вмѣсто Аристотелевскихъ единства и полноты требуетъ отъ поэзіи единства и простоты:—

«Знай же, художникъ, что нужны во всемъ простота и единство» [3]). Кромѣ того, платя дань духу времени и практическому характеру своей націи, онъ требуетъ еще, чтобы поэзія доставляла не только пріятность, но вмѣстѣ и пользу: «въ поэзіи нужно соединять пріятное съ полезнымъ» [4]), говоритъ онъ. Наконецъ, Горацій рѣшаетъ вопросъ о томъ, какая цѣль поэзіи, чего Аристотель не касается въ своей Піитикѣ. Поэзія, говоритъ Горацій, должна имѣть образовательное значеніе и вліять преимущественно на нравственное чувство слушателей и читателей.—Вотъ сущность взглядовъ, проводимыхъ Гораціемъ въ его сочиненіи Ars poëtica.

Эти два сочиненія древне-классическаго міра и послужили образцомъ въ дальнѣйшемъ развитіи теоретическихъ взглядовъ на искусство вообще, и на поэзію въ частности. Такъ, когда, по минованіи эпохи среднихъ вѣковъ, наступило такъ называемое возрожденіе классическихъ наукъ искусствъ, то при разрѣшеніи вопросовъ, касающихся поэзіи, прежде всего обратились къ Горацію и Аристотелю, и первымъ подражателемъ Горація явился извѣстный французскій писатель XVII вѣка Буало, написавшій знаменитое свое сочиненіе L'Art poétique, которое на долгое время сдѣлалось, какъ извѣстно, каноническою книгою въ теоріи поэзіи.

---

[3]) Ars poëtica ст. 23.

[4]) ibid. ст. 334. Въ этомъ сочиненіи Горація говорится 1) о единствѣ произведенія, 2) о расположеніи въ немъ частей, 3) о способахъ выраженія, куда входятъ языкъ, стихосложеніе и стиль, 4) о характерахъ въ драмѣ, 5) о дѣйствіи, куда входятъ эпическая и драматическая поэзія, 6) о хорѣ, 7) о просодіи, 8) объ исторіи и наконецъ 9) высказываются различныя отдѣльныя мысли.

Сущность теорiи Буало объясняется тремя факторами: 1) характеромъ французскаго народа, 2) характеромъ того времени и состоянiемъ науки и литературы и 3) взаимнымъ отношенiемъ литературы и общества.

1) Каждый народъ имѣетъ свою особенность въ характерѣ. Отличительная черта французскаго народа, какъ извѣстно, есть господство разсудка надъ фантазiей; у нихъ анализъ преобладаетъ надъ синтезомъ, вслѣдствiе чего фантазiя не имѣетъ надлежащаго простора для своей дѣятельности. Отсюда самыми замѣчательными отдѣлами французской поэзiи были сатира и комедiя, представителями которыхъ являются Мольеръ, самъ Буало и Вольтеръ. От того-то Буало и въ своемъ сочиненiи главною способностiю поэтическаго творчества признаетъ разсудокъ и здравый смыслъ; даже въ пѣсняхъ, по его мнѣнiю, долженъ преобладать разсудокъ, а не чувство: «пусть всегда здравый смыслъ согласуется съ риѳмой», говоритъ онъ. Оттого все чудесное въ поэзiи Буало запрещаетъ, а если и допускаетъ, то только въ аллегорическомъ смыслѣ. Преобладанiемъ же разсудка надъ другими душевными способностями объясняется и неправильное пониманiе Буало ученiя Аристотеля о единствѣ дѣйствiя: въ то время какъ Аристотель требовалъ отъ драматическихъ сочиненiй только единства дѣйствiя, сосредоточивающагося на одномъ главномъ лицѣ, на одномъ главномъ предметѣ,—Буало, напротивъ, узаконилъ соблюденiе единства и времени, и мѣста, вслѣдствiе чего всякое драматич. событiе должно развиваться, по его мнѣнiю, не болѣе однѣхъ сутокъ и притомъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. «Иной испанскiй писатель, говоритъ онъ: готовъ въ одномъ днѣ совмѣстить множество годовъ, что противорѣчитъ здравому смыслу. Отъ того ихъ герой въ началѣ представленiя является младенцемъ, а въ концѣ—ужъ бородатымъ. Мы же, сообразуясь съ здравымъ смысломъ, требуемъ, чтобы единый цѣльный случай развитъ былъ въ драматическомъ представленiи въ одинъ день

и на одномъ мѣстѣ» [5]). Отсюда и вошло въ кодексъ французской драмы знаменитое триединство, господствовавшее въ продолженіе всего періода такъ называемой ложно-классической поэзіи.

2) L'Art poétique, сказали мы, объясняется еще характеромъ того времени и состояніемъ науки и литературы. Буало написалъ свое сочиненіе послѣ эпохи Возрожденія классическихъ наукъ; новая жизнь была отброшена въ то время; средніе вѣка миновались и не давали уже матеріала для поэзіи: при Людовикѣ XIV они казались чѣмъ-то грубымъ. Вслѣдствіе этого, отбросивъ все собственное, поневолѣ обратились къ древнеклассическимъ памятникамъ поэзіи.

3) Наконецъ, соч. Буало обусловливалось взаимнымъ отношеніемъ литературы и общества его времени. Поэзія въ то время сосредоточена была при дворѣ, а условія придворной жизни во времена Людовика XIV были: чрезвычайная утонченность и осторожность не только въ дѣйствіяхъ, но и въ словахъ: ничего грубаго, ничего рѣзкаго, такъ что каждый шагъ долженъ быть разсчитанъ. Потому-то, говоря даже объ идилліи, Буало требуетъ, чтобъ она была проста и въ тоже время элегантна; отъ того и пастушка въ французскихъ идилліяхъ являлась придворной дамой, а барашки—съ красивыми рогами, увитыми ленточками, греческіе же герои выходили скорѣе маркизами.—Аристотель требовалъ чтобъ трагедія возбуждала ужасъ и состраданіе; французы никакъ не могли согласить-

---

[5]) L'Art poétique, III п. ст. 39—46. Въ этомъ сочиненіи сперва излагаются общія правила о стихотворствѣ, потомъ—о мелкихъ отдѣльныхъ видахъ поэтическихъ произведеній: эклогѣ, элегіи, одѣ, сонетѣ, мадригалѣ, эпиграммѣ, сатирѣ и водевилѣ; далѣе—о большихъ поэтическихъ произведеніяхъ: трагедіи, эпосѣ и комедіи; наконецъ—о задачахъ критики и объ условіяхъ развитія и упадка поэзіи.—L'Art poétique на русскій языкъ было переведено Тредьяковскимъ и Хвостовымъ.

ся съ этимъ, и потому Буало прибавляетъ еще, чтобъ ужасъ былъ кроткій и пріятный, не принимая въ соображеніе того обстоятельства, что человѣкъ въ страхѣ не можетъ приноравливаться къ требованіямъ общественнымъ.—Главнымъ же образомъ придворная жизнь вліяла на стиль языка. Употреблять не только простонародныя слова, но даже изъ обыкновеннаго обихода считалось крайне неприличнымъ. Самая хорошая мысль не могла нравиться, если она выражалась простымъ слогомъ.

И такъ, отличительныя черты французской поэзіи, выразившіяся въ теоріи Буало, были слѣдующія:

1) господство здраваго смысла и преобладаніе разсудка надъ фантазіей,

2) отчужденіе отъ новаго міра и пристрастіе къ древнему—

и 3) развитіе элегантности выраженія и самой утонченной критики слога.—Все это отразилось на поэзіи и всей западной Европы, слѣдовавшей французской теоріи.

Послѣ Буало, написавшаго L'Art poétique, но изложившаго теорію поэзіи безъ системы, является другой французскій ученый—аббатъ Баттэ (+1780 г.) который представляетъ уже теорію поэзіи въ стройной системѣ. Это былъ, какъ и Буало, человѣкъ даровитый и образованный, тщательно изучившій образцы греческой и римской литературы. Хорошо ознакомившись съ этими образцами, онъ въ 1746 г. написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Traité des beaux—arts, réduits á un même principe [6]). Главный принципъ Баттэ тотъ-же, что и у Аристотеля. Слѣдуя ему, онъ говоритъ, что искусство и поэзія состоятъ въ подражаніи природѣ. Слово—подражаніе и сдѣлалось девизомъ послѣдующихъ критиковъ, которые, впрочемъ, не видѣли разницы въ томъ, какъ понималъ

---

[6]) На русскій языкъ переведено: Изящныя искусства, приведенныя къ одному началу (изд. 1809 г.).

слово подражаніе Аристотель, и какъ понималъ его Баттэ. Баттэ понималъ это слово грубо; по его мнѣнію, подражать природѣ значитъ копировать, списывать ее. Отсюда—тотъ предметъ искусства считался лучшимъ, который, какъ копія, вѣрнѣе передавалъ свой оригиналъ. Но Аристотель не то разумѣлъ подъ словомъ подражаніе [7]). Для него, какъ для Грека, природа представлялась живымъ существомъ, одареннымъ силою творчества, и подражать ей значило подражать ея творчеству, подражать тому процессу, какой замѣчается въ природѣ при образованіи вещей. Природа творитъ; значитъ—она одарена творческою силою; поэтъ также одаренъ творческою силою и, слѣдовательно, подражая природѣ при своемъ актѣ творенія, онъ долженъ подражать ея творчеству [8]).

Понимая поэзію, какъ копировку природы, Баттэ своеобразно относился и къ нѣкоторымъ родамъ поэзіи. Такъ, эпосъ онъ ставилъ ниже простого описанія на томъ основаніи, что эпосъ, по словамъ Баттэ, питается и живетъ ложью. Точно также, по его мнѣнію, только то хорошо лирическое произведеніе, которое выражаетъ подражательныя чувства, т. е., чувства, которыхъ поэтъ самъ не испытываетъ стало быть—чувства притворныя, и—чѣмъ больше такого притворства, тѣмъ лирическое произведеніе лучше.—Противъ такой ошибки уже въ то время нѣкоторые критики дѣлали Баттэ весьма вѣскія возраженія. Ему говорили: если вѣрно сказанное объ эпосѣ и лирикѣ, то надо признать и то, что чѣмъ предметъ поэзіи или искусства сходнѣе съ природой, тѣмъ онъ лучше. Но на дѣлѣ этого не бываетъ. Восковая кукла, положимъ, гораздо ближе къ естественному предмету, чѣмъ мраморная статуя; но вѣдь кукла не считается выше статуи. Точно также, что изображено на какомъ нибудь ландшафтѣ, можетъ

[7]) Περὶ ποιητικῆς гл. 1, 2, 3 и особенно 4.

[8]) ibid. гл. IX, XIV, 5; XV и XVI, а также гл. II, 8, Физики Аристотеля.

быть представлено, и даже рельефнѣе, въ понорамѣ; но все-таки мы выше цѣнимъ ландшафтъ, чѣмъ изображеніе въ панорамѣ. Къ тому-же—зачѣмъ два міра? для чего нужна еще копія, если предъ нашими глазами находится оригиналъ?! Значитъ, возражали ему, подражаніе природѣ должно состоять въ другомъ чемъ-то, а не въ копировкѣ.—Далѣе, въ природѣ есть много несовершенствъ, аномалій, которыя искусство должно очищать. Какая же будетъ копія, если художникъ, съ цѣлію представить поэтическое художественное произведеніе, отброситъ или счиститъ эти несовершенства, могущія помѣшать произведенію быть художественнымъ?

Когда сдѣлано было послѣднее возраженіе,—Баттэ въ другомъ своемъ соч.: «Курсъ изящныхъ наукъ»[9]) ограничилъ опредѣленіе искусства и говорилъ уже такъ: «искусство должно подражать прекрасной природѣ». Подъ прекраснымъ же онъ разумѣлъ то, что приводитъ въ движеніе нашъ умъ и сердце и что познается особеннымъ чувствомъ, такъ называемымъ вкусомъ. Но что такое вкусъ? Баттэ этого не опредѣлилъ. При томъ, какъ можно брать за норму прекраснаго дѣйствіе предмета на нашъ умъ и сердце, когда въ природѣ существуетъ столько индивидуумовъ съ субъективными особенностями? Въ такомъ случаѣ одинъ и тотъ-же предметъ одному будетъ казаться прекраснымъ, а другому—не прекраснымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ прекрасное имѣетъ всеобщую обязательность: Венера, Зевксиса и «Мизантропъ» Мольера прекрасны для всѣхъ.

Итакъ, Баттэ за принципъ искусства принимаетъ подражаніе природѣ прекрасной, а прекрасное, по его мнѣнію, выбирается вкусомъ, который у различныхъ людей бываетъ различный. Нужно было опредѣлить: что такое вкусъ? и эту задачу взялъ на себя Мармонтель (1723—1793 г.), написавшій Опытъ о

---

[9]) Principes de la litterature ou cours des belles lettres (1765 г.).

вкусѣ [10]). Въ этомъ сочиненіи Мармонтель опредѣляетъ вкусъ, какъ чувство приличій. По его мнѣнію, сообразно съ двумя состояніями человѣка: естественнымъ и общественымъ—существуетъ два рода приличій: родъ приличій природныхъ и родъ приличій общественныхъ. Отсюда проистекаютъ и два рода вкуса: вкусъ природный и вкусъ общественный. А такъ какъ приличія постоянно измѣняются, то и вкусы, какъ естественный, такъ и общественный, подлежатъ развитію. И вся книга Мармонтеля есть не что иное, какъ исторія развитія этихъ двухъ родовъ вкуса. Художникъ, по его мнѣнію, долженъ обладать обоими вкусами и, по преимуществу, вкусомъ общественнымъ.

Какіе же періоды развитія этихъ двухъ вкусовъ? Мармонтель насчитываетъ ихъ три. Первый періодъ былъ въ древней Греціи, гдѣ развивались чувства естественныя—простота и естественность. Но въ общественныхъ—приличіяхъ Греки были ниже Римлянъ. Гомеръ въ сравненіи съ Вергиліемъ въ этомъ отношеніи—дикарь.—Второй періодъ принадлежитъ исторіи Рима. Хотя латинская поэзія и была ниже греческой, но въ отношеніи къ общественной жизни Римляне выше Грековъ. Они знакомы были съ дворомъ Августа, жили при немъ, и потому общественныя приличія у нихъ стояли выше, чѣмъ у Грековъ.—Наконецъ, третій період относится къ новымъ временамъ и заключается въ развитіи общественнаго чувства преимущественно у Французовъ, знакомыхъ съ придворнымъ этикетомъ Людовика XIV. Поэзія Французовъ по Мармонтелю, выше поэзіи Греческой и Римской. Еврипидъ уступаетъ Расину, а Мольеръ выше стоитъ Аристофана.

Вотъ выводы, къ которымъ пришли Французы. Оставалось имъ примѣнить свою теорію къ критикѣ, и вотъ явился Лагарпъ (+1803 г.), взявшій на себя эту задачу. Въ концѣ прошлаго вѣка въ Парижѣ основанъ

---

[10]) L'essai sur le goût, служащее продолженіемъ соч. Баттэ: Cours des belles lettres.

былъ Лицей для чтеній публичныхъ лекцій. Лагарпъ сталъ тамъ читать курсъ древней и новой литературы [11]), принявъ за мѣрку критики степень соблюденія общественныхъ приличій. Такого рода критика перешла и къ намъ. И у насъ, въ подражаніе Лагарпу, профессоръ Московскаго Университета Марзляковъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ одномъ частномъ домѣ открылъ публичныя лекція о русской литературѣ и разбиралъ ее на основаніи Французской теоріи поэзіи [12]).

Англичане не поддались тому стѣснительному вліянію Французовъ въ теоріи поэзіи, какому подчинились въ этомъ отношеніи другіе народы Европы. Причина этого явленія заключается въ томъ, что у нихъ былъ самостоятельный геніальный творецъ трагедій— Шекспиръ, который не подчинялся узкимъ и одностороннимъ требованіямъ французскаго поэтическаго кодекса, вслѣдствіе чего Англичане были свободны отъ исключительнаго вліянія французской теоріи трагедіи даже тогда, когда со временъ реставраціи въ Англіи началось господство классицизма, и весь дворъ и театръ были устроены на французскій манеръ.

Истинная же наука объ искусствѣ вообще развилась собственно въ Германіи. Здѣсь первоначальному возникновенію и развитію ея особенно способствовали философы и критики. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ имена весьма знаменитыя. Такъ, Винкельманъ (1718—1768 г.) въ половинѣ прошлаго вѣка написалъ

---

[11]) Lycée ou cours de litterature ancienne et moderne (16 томовъ). Эти лекціи Лагарпа переведены были у насъ членами Императорской Россійской Академіи Карабановымъ (ч. I), П. Соколовымъ (ч. II, Ш), Никольскимъ (ч. IV) и Д. Соколовымъ (ч. V послѣдняя) подъ заглавіемъ: Ликей, или кругъ словесности древней и новой. Сочиненіе I. Ф. Лагарпа. (Изд. 1810—1814).

[12]) Зачатки русской литературной критики. И. Бѣлоруссова. Вып. 2-й. А. Ѳ. Мерзляковъ.

«Исторію изящнаго искусства», гдѣ опредѣлилъ, между прочимъ, духъ и характеръ греческаго ваянія и тѣмъ содѣйствовалъ уничтоженію манерности и неестественности въ скульптурѣ. Вѣрно опредѣливъ характеръ древней скульптуры, онъ тѣмъ самымъ способствовалъ объясненію характера другихъ искусствъ, а въ томъ числѣ и поэзіи, такъ какъ всѣ искусства у Грековъ шли въ своемъ развитіи рука объ руку. Въ этомъ отношеніи заслуги, оказанныя Винкельманомъ наукѣ, можно сказать, безсмертны.

Но звѣздою первой величины между потрудившимися для науки объ искусствѣ былъ Лессингъ (1724—1781 г.). Онъ имѣлъ необыкновенный критическій даръ, и отъ него только идетъ начало правильныхъ понятій о поэзіи.—Исправленію испорченнаго вкуса въ поэзіи и освобожденію отъ французскаго ученія онъ содѣйствовалъ извѣстными своими соч. Лаокоонъ и Гамбургская драматургія. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій, говоря о предѣлахъ скульптуры и живописи съ одной стороны и поэзіи—съ другой, Лессингъ задаетъ такой вопросъ: почему скульпторъ не представилъ Лаокоона кричащимъ, тогда какъ Грекъ не стыдился человѣческихъ слабостей и потому весьма легко допускалъ и даже умышленно вводилъ въ поэзію крикъ,—какъ естественное выраженіе тѣлесной боли? Филоктетъ, напр., въ трагедіи Софокла того же имени издаетъ ужасные вопли и проклятія въ страданіяхъ отъ неизлѣчимой раны, но трагедія все таки въ высшей степени изящна. Или: почему художникъ Тимантъ закрылъ лицо Агамемнона на картинѣ, изображающей жертвоприношеніе Ифигеніи, дочери Агамемнона? Потому, отвѣчаетъ Лессингъ, что «красота у древнихъ была высшимъ закономъ образовательныхъ искусствъ». Страсти, сопровождаемыя сильнымъ потрясеніемъ и выражающіяся въ лицѣ отвратительными чертами, или—совсѣмъ неизображались Греками въ скульптурѣ и живописи, или же низводились на такую степень, гдѣ не бросалось прямо въ глаза безобразіе. «Тимантъ зналъ пре-

дѣлы, которые предписываются граціями его искусству; онъ зналъ, что горесть, приличная Агамемнону, какъ отцу, должна была бы выразиться въ такихъ чертахъ, которыя всегда отвратительны. Поэтому, насколько позволяли красота и достоинство, Тимантъ выражалъ эту горесть; отвратительнаго же онъ желалъ или совсѣмъ избѣжать, или ослабить его силу; но такъ какъ избранное содержаніе не дозволяло ему ни того, ни другого,—что оставалось ему, какъ не скрыть отъ глазъ обезображенныя черты лица Агамемнона? Чего онъ не осмѣлился изобразить, то онъ оставилъ угадывать. Короче, этотъ покровъ есть жертва, которую художникъ принесъ красотѣ». То же самое должно сказать и о группѣ Лаокоонъ. «Художникъ заботился о выраженіи высшей красоты при условіи тѣлесной боли. Во всей своей жестокой силѣ эта боль не совмѣстима съ красотой; поэтому онъ долженъ былъ ослабить ее: крикъ долженъ былъ онъ превратить въ стоны не потому, чтобъ крикъ обличалъ неблагородную душу, а потому, что онъ искажаетъ лицо неблагообразнымъ выраженіемъ» [13]). Слѣдовательно, поэтъ, живописецъ и скульпторъ имѣютъ свои опредѣленныя границы для дѣятельности: то, что можетъ поэтъ изобразить безъ ущерба художественности произведенія, какъ напр. Софоклъ въ «Филоктетѣ»,—очень часто никакъ не можетъ быть приложимо въ живописи и скульптурѣ, какъ напр. въ картинѣ: жертвоприношеніе Ифигеніи и въ группѣ Лаокоонъ. Причина этого явленія заключается въ томъ, что условія дѣятельности поэта, живописца и скульптора различны: поэтъ изображаетъ дѣйствіе въ различные послѣдовательные его моменты, а живописецъ и скульпторъ изображаютъ какой-либо одинъ моментъ дѣйствія; поэтъ дѣйствуетъ во времени, а живописецъ и скульпторъ въ пространствѣ; въ поэзіи предметы слѣдуютъ одинъ за дру-

[13]) Соч. Лессинга, т. IV, стр. 18. Изд. 1882 г.

гимъ, а въ живописи стоятъ они рядомъ другъ подлѣ друга [14]).

Гамбург. драматургія написана Лессингомъ по слѣдующему поводу. Въ прошломъ вѣкѣ открылся въ Гамбургѣ новый театръ, завѣдываніе которымъ поручено было Лессингу. Съ цѣлію исправить ложное понятіе о драмѣ, Лессингъ и написалъ свою драматургію, гдѣ нападалъ онъ главнымъ образомъ на Вольтера. Разбирая его «Семирамиду», онъ говорилъ, что Вольтеръ хотя и называетъ Шекспира дикаремъ, но самъ подражаетъ ему, только—безтолково. При этомъ же случаѣ Лессингъ пролилъ новый свѣтъ и на пониманіе трагедіи и доказалъ, что Аристотель не говоритъ ни о единствѣ мѣста, ни о единствѣ времени дѣйствія и иначе понимаетъ подражаніе природѣ, чѣмъ понимаютъ это Французы.

На идеяхъ Винкельмана и Лессинга развились взгляды Гете. Онъ, будучи поклонникомъ древняго классическаго міра, желалъ пересадить и въ Германію греческую архитектуру, скульптуру и поэзію. По его мнѣнію, красота должна заключаться въ соединеніи характернаго съ мягкимъ, важнаго съ игривымъ, подобно тому какъ и въ древне-классическихъ произведеніяхъ искусства было гармоническое сочетаніе симметріи и разнообразія, спокойствія и движенія. Такая красота въ поэтическихъ произведеніяхъ достигается привлекательнымъ изображеніемъ важнаго матеріала. Поэтому вниманіе художника при созданіи своего произведенія должно быть обращаемо, съ одной стороны, на важность и значительность содержанія, а съ другой—на привлекательность выраженія этого содержанія.

Нельзя не упомянуть еще о вліяніи и философовъ германскихъ на пониманіе прекраснаго въ искусствѣ. Самое названіе эстетики съ смыслѣ изящнаго и нау-

[14]) Ibid. (соч. Лесс.) стр. 122, 123, 124.

ки о прекрасномъ появилось въ первый разъ въ Германіи. Баумгартенъ въ 1750 г. издалъ на латинскомъ языкѣ свою Эстетику [15]), приспособивъ ее къ философіи Вольфа и Лейбница. Въ первой (теоретической) части его Эстетики говорится объ изобрѣтеніи матеріала, выборѣ цѣли и выраженіи его, а во-второй (практической) представлено изслѣдованіе способовъ примѣненія общихъ основъ науки къ отдѣльнымъ видамъ искусства. Основаніемъ эстетики у Баумгартена является понятіе о совершенномъ, совершенное же состоитъ въ соотвѣтствіи предмета понятію о немъ. Прекрасное, по мнѣнію Баумгартена, есть одинъ изъ видовъ совершеннаго, а именно тотъ, когда совершенное познается не разумомъ, а чувствомъ (αἰσθάνομαι=чувствую, воспринимаю чувствами, отсюда—названіе эстетики). Согласно ученію Лейбница о предопредѣленной гармоніи, что существующій міръ есть лучшій міръ, и Баумгартенъ представляетъ идеаломъ красоты природу, вслѣдствіе чего искусство должно состоять въ воспроизведеніи этой красоты [16]).

За Баумгартеномъ слѣдовалъ философъ Кантъ, который въ своей «Критикѣ чистаго разума» также разсуждаетъ о прекрасномъ. Шиллеръ, воспитавшійся на философскихъ сочиненіяхъ Канта, слѣдуетъ отчасти въ своихъ взглядахъ на прекрасное воззрѣніямъ этого философа, и какъ Кантъ въ прекрасномъ видѣлъ сочетаніе истины и красоты, такъ точно и Шиллеръ представляетъ прекрасное въ гармоніи духа съ природою, содержанія съ формою. Взгляды эти выражены Шиллеромъ въ трехъ его сочиненіяхъ: О прелести и достоинствѣ, объ эстетическомъ воспитаніи человѣка и о наивной и сентиментальной поэзіи.

Но первымъ и важнѣйшимъ изъ философовъ, положившихъ твердое основаніе эстетикѣ, былъ Шел-

---

[15]) Aesthetica ч. I, 1750 г. и ч. II, 1758 г.

[16]) «Зачатки рус. лит. критики». Вып. 2-й, стр. 5, 6.

лингъ (+1854 г). Онъ глубоко разсмотрѣлъ слова: природа и Аристотелевское подражать природѣ. Нужно, говоритъ онъ, знать, что такое природа. Люди часто относятся къ природѣ весьма различно. Для большинства она кажется только совокупностію предметовъ безъ связи, безъ идеи. Но для людей мыслящихъ природа есть живое существо, живая сила, безпрерывно по извѣстнымъ законамъ производящая изъ себя творенія. Эти творенія не случайны, но необходимы. Въ явленіяхъ мы различаемъ форму и сущность, и каждая форма соотвѣтствуетъ сущности, обѣ же онѣ составляютъ изъ себя нѣчто цѣлое, нераздѣльное; это—душа и тѣло. Подражать природѣ, поэтому, значитъ творить такъ, какъ творитъ природа, т. е. влагать извѣстную сущность въ извѣстную форму, совершенно ей соотвѣтствующую. Поэтому и говорится: «произведеніе искусства есть выраженіе идеи въ соотвѣтствующей формѣ или—безконечнаго въ конечномъ». Способность, посредствомъ которой поэтъ творитъ художественное произведеніе и возводитъ форму до степени совершенства, называется фантазіей.

И такъ, есть произведенія природы и есть произведенія искусства. Спрашивается, которыя выше?—Конечно, произведенія искусства, отвѣчаетъ Шеллингъ: такъ какъ искусство творитъ сознательно, а природа—безсознательно. Художникъ знаетъ, что въ предметѣ существенно и что случайно, и беретъ поэтому въ форму только то, что нужно для выраженія идеи. Живописецъ—художникъ, напр., въ портретѣ выражаетъ характеръ человѣка, душу его, а не гонится за наружными только чертами.

Но какъ природа творитъ безсознательно, такъ поэтъ творитъ свое произведеніе безъ цѣли. Искусство, говоритъ Шеллингъ, есть само себѣ цѣль. Этимъ знаменитымъ изреченіемъ Шеллингъ положилъ начало такъ называемому чистому искусству. Его мысли вошли потомъ во всѣ теоріи поэзіи. И у насъ съ 20-хъ годовъ, когда стали изучать нѣмецкую фило-

софію и литературу, ввели мысли Шеллинга о поэзіи. Такъ, изъ Русскихъ на основаніи Шеллинга писалъ Галичъ, проф. С.-Петербургскаго университета; Шевыревъ и Надеждинъ, проф. Московскаго университета, также много заимствовали изъ Шеллинга. Шеллингу же слѣдовали и извѣстные наши литературные критики: Бѣлинскій—въ лучшую пору своей литературной дѣятельности, Дружининъ и Апол. Григорьевъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ нѣмецкихъ эстетикахъ, внесшихъ ученіе о комическомъ. Это были—Жанъ-Поль-Рихтеръ († 1825 г.) и Фридрихъ Фишеръ. Ж. П. Рихтеръ въ своемъ «Введеніи въ эстетику» опредѣлилъ юморъ, какъ видъ комическаго, а Фишеръ въ своей «Эстетикѣ» (1846—1857 г.) представилъ обстоятельное изслѣдованіе о комическомъ вообще.

Вотъ главные моменты въ исторіи развитія теоріи поэзіи. Въ силу историческихъ условій и мы, Русскіе, пережили и восприняли всѣ эти взгляды и воззрѣнія. До Пушкина мы слѣдовали теоріи французской, съ Пушкина же обратились къ эстетикѣ нѣмецкой; появились тогда и сочиненія по теоріи поэзіи, стали разбирать и объяснять поэтическія произведенія на основаніи идей Шеллинга и другихъ нѣмецкихъ теорій. [17]).

---

[17]) Укажемъ на нѣкоторыя русскія сочиненія по теоріи словесности. Первымъ русскимъ сочиненіемъ по теоріи словесности были Риторика Ломоносова (1748 г.), которою пользовались и позднѣйшіе составители риторикъ.

Затѣмъ, въ 1788 г. вышло Краткое руководство къ ораторіи россійской Серебрянникова для духовныхъ училищъ.

Въ 1791 г. вышелъ русскій переводъ англійской риторики Блера.

Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія выходило очень много сочиненій по теоріи словесности. Извѣстнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

Краткая риторика Мерзлякова (2 изд. 1817 г.).

II.

КЪ ОТДѢЛУ О ФРАНЦУЗСКОМЪ, ИЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМОМЪ ЛОЖНОМЪ КЛАССИЦИЗМѢ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Ложно-классическій періодъ русской литературы, продолжавшійся почти цѣлое столѣтіе, такъ тѣсно связанъ съ французской классической литературой, что изучать его внѣ связи съ этой литературой невозможно. Между тѣмъ, ни въ существующихъ учебникахъ, ни даже въ полныхъ курсахъ нашей исторіи литературы, какова напр. исторія русской словесности Галахова, нѣтъ систематическаго изложенія французскаго классицизма. Недостатокъ этотъ особенно неблагопріятно отзывается

Краткое начертаніе теоріи изящной словесности (1821 г.) Мерзлякова (Переводъ изъ Эшенбурга, принадлежавшаго къ школѣ Баумгартена).

Краткое руководство къ эстетикѣ (1829 г.) Мерзлякова по Эшенбургу.

Риторика Малиновскаго.

Учебная книга россійской словесности Греча.

Опытъ науки изящнаго (1825 г.) Галича.

Риторика Кашанскаго.

Умозрительныя и опытныя основанія словесности Глаголева.

Теорія поэзіи и ея историческое развитіе Шевырева.

Чтенія о словесности Давыдова.

О преподаваніи отечественнаго языка Буслаева.

Теорія словесности Чистякова.

Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи Метлинскаго.

Учебники теоріи словесности проф. Колосова, Бѣлоруссова, Бѣлявскаго, Филонова и др.

Изъ научныхъ сочиненій по теоріи словесности замѣчателенъ трудъ проф. Аландскаго: Поэзія, какъ предметъ науки, гдѣ разсматриваются психологическія основанія поэтическаго творчества.

на учащихся. Въ нашихъ среднихъ школахъ, напр., при изученіи Ломоносовскаго періода, постоянно приходится дѣлать ссылки на Корнеля, Расина, Буало, а между тѣмъ учащіеся не только въ подлинникѣ или переводахъ незнакомы съ знаменитыми этими французскими писателями, но даже по выдержкамъ не знаютъ ихъ произведеній. Еще хуже того, говоря о нашихъ псевдо-классикахъ и недостаткахъ ихъ, обыкновенно, всю вину сваливаютъ на французскихъ классиковъ и ихъ теоретика Буало, такъ что внѣдряютъ въ сознаніе учениковъ ложное представленіе о такихъ знаменитыхъ французскихъ писателяхъ, которые въ продолженіе долгаго времени господствовали надъ умами всей Европы и были, такъ сказать, законодателями и образцами въ литературѣ. Вслѣдствіе этого учащіеся, безъ достаточнаго основанія, привыкаютъ смотрѣть на этихъ литературныхъ корифеевъ Европы свысока, а на представителей ложно-классическаго періода нашей литературы даже съ пренебреженіемъ. Въ глазахъ нашихъ учениковъ Сумароковъ, Княжнинъ, Озеровъ представляются не стоящими вниманія и не только не составляютъ органическаго звена въ исторіи нашей литературы, но какъ бы служатъ помѣхою въ историческомъ ростѣ русской словесности. Даже на Ломоносова смотрятъ съ нѣкоторымъ лишь снисхожденіемъ и то въ виду заслугъ его по естественнымъ наукамъ.

Само собой, такое явленіе при изученіи курса русской литературы крайне ненормально, и потому, вмѣсто голословнаго указанія на имена французскихъ классиковъ, необходимо познакомить учащихся хотя въ краткомъ видѣ съ исторіей возникновенія и развитія французскаго классицизма, съ сущностью ложно-классической теоріи и съ историческимъ объясненіемъ и оправданіемъ ея во французской литературѣ, наконецъ—съ главнѣйшими произведеніями французскихъ классиковъ и съ ихъ вліяніемъ на русскихъ писателей ложно-классическаго періода.

Французскій, или такъ называемый ложный класcицизмъ находится въ тѣсной связи съ эпохою возрожденія древне-класическихъ наукъ и искусствъ, которая начинается во Франціи съ XVI столѣтія. Писатели этого столѣтія рѣзко дѣлятся на двѣ группы, изъ коихъ одна относится къ первой половинѣ XVI вѣка, а другая—ко второй половинѣ. Первая группа писателей, усвояя плоды знакомства съ древне-классическимъ міромъ, не порываетъ связей съ національной жизнью какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ, вслѣдствіе чего и произведенія этихъ писателей, съ одной стороны, находятся въ тѣсной связи съ предшествовавшей французской литературой, а съ другой—являются отраженіемъ современной жизни Франціи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это были, такъ сказать, публицисты-сатирики своего времени, изображавшіе недостатки отживавшей свой вѣкъ средневѣковой эпохи и указывавшіе путь къ новой жизни, которая возникала подъ вліяніемъ идей древне-классическаго міра. Другая группа состояла изъ писателей, увлекавшихся исключительно литературой древнихъ Грековъ и Римлянъ и преимущественно формой классическихъ произведеній, вслѣдствіе чего писатели этой группы, порвавъ связь съ предшествовавшей національной литературой, задались мыслью образовать новый французскій языкъ и новую форму литературныхъ произведеній по образцу древнихъ классиковъ. Собственно, вторая группа писателей XVI вѣка и полагаетъ начало французскому классицизму; но такъ какъ и произведенія писателей первой группы заключали уже въ себѣ нѣкоторые зачатки вліянія на дальнѣйшую судьбу и характеръ французской классической литературы, то нельзя и ихъ обойти молчаніемъ, говоря о французскомъ класcицизмѣ.

Между писателями первой половины XVI вѣка, въ литературной дѣятельности которыхъ отразился характеръ этой эпохи, замѣчательны были: Маргарита Валуа, Маро и Рабелэ.

Маргарита Валуа Наварская (1492—1549 г.),

сестра короля Франциска I и бабка Генриха IV, занимала первое мѣсто по своей учености между современниками, знала латинскій, греческій и даже еврейскій языки, любила науки и искусства и, покровительствуя всѣмъ ученымъ и писателямъ эпохи возрожденія, сдѣлала свой дворъ сборнымъ для нихъ мѣстомъ. Ея сочиненіе Гептамеронъ [1]), представляющее собою первый памятникъ французской литературной прозы, состоитъ изъ 72 новеллъ, содержаніемъ которыхъ служатъ любовныя интриги то съ комическимъ, то съ трагическимъ характеромъ. По отношенію къ характеру французскаго классицизма содержаніе этихъ новеллъ не важно: оно соотвѣтствуетъ духу времени и заключаетъ просвѣтительныя идеи эпохи возрожденія, что видно изъ той морали, которая высказывается по окончаніи почти каждой новеллы; но важна и характерна самая манера выраженія: способъ сужденія о лицахъ и предметахъ, похвала и порицаніе всегда выражаются въ мягкой и сдержанной формѣ, а любовь героевъ повѣстей никогда не достигаетъ страстности проявленія.

Маро (1495—1544 г.), умѣвшій согласовать въ своихъ стихотвореніяхъ [2]) духъ старой народной поэзіи

---

[1]) Гептамеронъ есть подражаніе новелламъ итальянскаго писателя Боккачіо (1313—1375 г.), который назвалъ свой сборникъ Декамеронъ. Завязка Гептамерона очень простая. Небольшое общество мужчинъ и дамъ, застигнутое въ Пиринеяхъ грозами и ливнями, должно было остановиться на время въ одномъ аббатствѣ. Чтобы скоротать какъ нибудь время, путешественники рѣшаютъ проводить дни слѣд. образомъ: утромъ одна изъ дамъ займетъ ихъ чтеніемъ Св. писанія, затѣмъ они отправятся слушать обѣдню, а послѣ обѣда каждый по очереди долженъ разсказать какую нибудь новеллу изъ видѣннаго или слышаннаго происшествія. Такимъ образомъ проходитъ 7 дней; отсюда и названіе гептамеронъ.

[2]) Главныя произведенія Маро слѣдующія: поэма Адъ, представляющая сатиру на инквизиторскій судъ и напоминающая по формѣ «Адъ» Данта; Амуръ-Бѣглецъ, сатира

съ новой, вызванной эпохою возрожденія, еще болѣе характеренъ по стилю своему, чѣмъ Маргарита Валуа въ Гептамеронѣ. Съ присущимъ французамъ остроуміемъ и легкостью, онъ обращаетъ вниманіе болѣе на внѣшній міръ, чѣмъ на внутренній, откуда проистекаетъ поверхностность его сужденій; воображеніе его не смѣлое, но веселое, остроты игривыя, насмѣшки не саркастическія. Всюду видна сдержанность, какъ и у Маргариты Валуа. Въ изображеніи любви у Маро обнаруживается также отличительное свойство французовъ— galanterie, особаго рода любезность; любовь эта начинается не въ сердцѣ, а въ разсудкѣ, потому никогда не бываетъ страстною и не овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ.

Рабелэ (1483—1553 г.) является самымъ яркимъ выразителемъ всей совокупности мыслей, пробужденныхъ эпохою возрожденія: это былъ философъ-публицистъ и сатирикъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ выражаетъ любовь къ наукѣ, стремится воспроизвести идеи древнихъ классиковъ и примѣнить ихъ къ жизни, а суевѣріе, фанатизмъ и схоластическую рутину подвергаетъ ѣдкому осмѣянію. Въ романѣ своемъ, изданномъ подъ заглавіемъ: Исторія великана Гаргантюа и сына его Пантагрюэля [3]) онъ вывелъ всѣ порядки жизни частной и государственной и подъ вымышленными именами осмѣялъ короля, администрацію, судопроизводство, духовенство, монашество и особенно папу. Са-

---

противъ монаховъ; аллегорическій Романъ Розы; Balladin— танецъ съ двумя аллегорическими фигурами; Жалоба пастуха—сатира на религіозную нетерпимость со стороны католическаго духовенства и представляющая наивную пастушескую жизнь въ стилѣ эклогъ Вергилія; нѣсколько Посланій къ друзьямъ, къ королю Франциску и др.

[3]) Романъ этотъ состоитъ изъ 5 книгъ (послѣдняя не окончена) и писался почти 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ авторъ наблюдалъ современную ему жизнь и наблюденія свои заносилъ на страницы романа.

тира его отличается безцеремонными выходками, доходящими нерѣдко до цинизма, и исполнена неисчерпаемаго источника смѣха; въ выводѣ же—всегда мораль, какъ и въ Гептамеронѣ Маргариты Валуа. Отличительною чертою стиля Рабелэ служитъ то, что онъ въ особенно широкихъ размѣрахъ пользовался народнымъ элементомъ: великаны-богатыри, изображенія народныхъ празднествъ и игръ, поговорки, чисто-народные обороты рѣчи и провинціализмы, накопленіе народныхъ эпитетовъ въ рѣчи—все это, при неожиданномъ сопоставленіи сатирическихъ выходокъ съ возвышеннымъ и идеальнымъ элементомъ, составляетъ главный источникъ смѣха.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ эти три писателя первой половины XVI вѣка, не порывая связи съ народной литературой и съ интересами современной жизни, не стремились въ то же время и къ созданію новыхъ литературныхъ формъ на основаніи изученія древнихъ классиковъ. И въ этомъ смыслѣ они не имѣли почти никакого вліянія на то литературное явленіе, которое называется ложнымъ классицизмомъ. Но нѣкоторыя черты способа выраженія, а именно: мягкая и сдержанная форма сужденій и проявленія чувствъ, а также преобладаніе разсудочнаго элемента надъ другими душевными способностями, что особенно ясно выразилось въ аллегорическомъ и сатирическомъ направленіи ихъ произведеній,—являются уже тѣми отличительными чертами, которыя легли потомъ въ основу французскаго классицизма, особенно въ лирической и драматической поэзіи, какъ увидимъ это ниже.

Переходнымъ звеномъ отъ писателей первой группы къ писателямъ второй половины XVI вѣка является Дюбелле (†1560 г.), который полагаетъ начало полному обновленію литературы какъ со стороны содержанія, такъ и въ особенности со стороны формы. Онъ пишетъ цѣлый трактатъ: Прославленіе французскаго языка [4]) и направляетъ его противъ двухъ

[4]) Illustration de la langue française.

партій современныхъ ему писателей. Одну партію составляли тѣ, которые писали на латинскомъ языкѣ, пренебрегая своимъ роднымъ и считая его не способнымъ къ выраженію важныхъ идей и къ прославленію великихъ личностей, а другую— тѣ, которые хотя и изучали древне-классическіе образцы, но изучали неправильно, недостаточно, а главнымъ образомъ—не пользовались формами классической литературы. Къ послѣдней партіи онъ относилъ и Маро, и Рабелэ. Писателямъ первой партіи Дюбелле возражалъ, что и французскій языкъ можно обработать настолько, что онъ будетъ способенъ къ выраженію важныхъ идей не хуже латинскаго. Языки, говорилъ онъ, не родятся съ природными задатками болѣзненности или здоровья, съ надеждою на разцвѣтъ или съ зачаткомъ увяданія; всѣ они созданы одинаково и улучшаются въ силу потраченной на нихъ работы. Слѣдовательно, Французы могутъ создать свой языкъ такимъ, какой потребуется. Писателямъ второй партіи онъ доказывалъ, что слѣдуетъ изучать классическіе образцы и подражать имъ, но для этого недостаточно однихъ переводовъ: переводы не переносятъ въ плоть и въ кровь народа чуждыхъ идеаловъ; переводъ—дѣло мертвое, нужно самостоятельное изученіе подлинныхъ образцовъ и живое, осмысленное подражаніе имъ. А для того, чтобы осуществить это, надо ввести во французскую литературу роды поэзіи, которыхъ еще нѣтъ у насъ, именно: оду, элегію, эклоги, эпиграммы, идиллію. Все это достижимо и можно перенести во французскую поэзію. У Французовъ нѣтъ эпоса, но его можно создать, продолжаетъ Дюбелле. Возьмите одну изъ прекрасныхъ старыхъ поэмъ или легендъ, какое-нибудь преданіе и обработайте его на манеръ Аріосто. Во Франціи нѣтъ исторіи, а есть только хроники. Сдѣлайте изъ нихъ исторію по образцу Тита Ливія.—Такимъ образомъ, Дюбелле, какъ видимъ, предлагая изученіе древне-классическихъ образцовъ, вовсе не хотѣлъ буквальнаго подражанія древнимъ, буквальнаго перенесенія древнихъ по-

нятій въ новую жизнь: онъ рекомендовалъ брать сюжеты старо-французскіе и только обработывать ихъ по образцу древнихъ классиковъ. Но послѣдователи Дюбелле, не обладавшіе его талантомъ, поняли мысль своего учителя неправильно и односторонне: они обратили изученіе древнихъ образцовъ въ рабское и буквальное подражаніе имъ, заботясь исключительно о внѣшней формѣ и соблюденіи случайныхъ, но бьющихъ въ глаза признаковъ древне-классическихъ произведеній, при чемъ памятники родной старинной литературы, какъ грубыя по содержанію и языку произведенія среднихъ вѣковъ, были отвергнуты и забыты ими. Съ этого, собственно, времени и начинается та фальшь французскаго классицизма, которая такъ рѣзко выразилась впослѣдствіи въ неправильномъ пониманіи духа древнихъ классиковъ и основныхъ признаковъ формы ихъ произведеній.

Главнымъ лицомъ въ примѣненіи мысли Дюбелле къ французской литературѣ былъ Ронсаръ (1524—1585 г.), пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ своемъ кружкѣ и прозванный царемъ поэтовъ. Отличаясь необыкновеннымъ трудолюбіемъ, онъ скоро ввелъ во французскую поэзію недостававшія ей до сихъ поръ формы: пиндаровскую оду, элегію, идиллію и, наконецъ, задумалъ создать національную поэму Франсіаду по программѣ Дюбелле. Взявъ одну старую легенду о какомъ-то Франкѣ, сынѣ Пріама или Гектора, который, по преданію, былъ будто бы родоначальникомъ королей французскихъ, онъ началъ разрабатывать ее по образцу Энеиды, но дальше 4-й пѣсни не пошелъ [5]. По внѣшней формѣ начало поэмы представлялось блестящимъ, съ соблюденіемъ всѣхъ пріемовъ Вергилія, но по внутреннему содержанію, лишенному всякаго интереса, эпопея оказалась неудовлетворительною и скучною. Такъ эпоса и не вышло за отсутствіемъ творческой мысли,

[5]) Не лишне замѣтить, что и нашъ Ломоносовъ дальше 2-й пѣсни не пошелъ въ своей поэмѣ Петръ Великій.

которой Ронсару недоставало.—Неудачно совершена была Ронсаромъ и другая реформа—усовершенствованіе французскаго языка. Создавая новый литературный языкъ, онъ хотѣлъ внести въ него классическій обликъ, но впалъ при этомъ въ крайность: онъ часто заимствовалъ латинскія и греческія слова, придавая имъ только французкія окончанія; кромѣ того, замѣтивъ въ греческомъ языкѣ обиліе сложныхъ словъ, онъ началъ составлять и по-французски новыя сложныя слова, не соединяя составныхъ частей слова никакими соединительными частицами. Вслѣдствіе этого слогъ его вышелъ чрезвычайно тяжелый, а языкъ—съ трудомъ понятный. Послѣднее чувствовалъ и самъ авторъ, поэтому въ 4-й пѣсни Franciade онъ говоритъ, что если французы возьмутъ его сочиненіе, то ощутятъ въ своихъ рукахъ безполезное бремя, если не будутъ знакомы съ греками и латинами.

Одновременно съ введеніемъ классическихъ формъ въ эпическую и лирическую поэзію сдѣлана была попытка и въ преобразованіи драмы. Такимъ реформаторомъ явился одинъ изъ современниковъ Ронсара Жодель (1532—1575 г.). Онъ въ противоположность самостоятельнымъ формамъ французской драмы (мистеріи, моралитэ и фарсу) задумалъ написать драму по древне-классическому образцу. Драма эта была Клеопатра (1552 г.), сюжетъ для которой заимствованъ изъ Плутарховой біографіи: Антоній. По сравненію съ средневѣковыми французскими драмами и мистеріями, новаго въ драмѣ Жоделя было то, что онъ внесъ въ нее драматическій элементъ и единство дѣйствія, тогда какъ средневѣковыя драмы не имѣли ни того, ни другого и представляли собою простой эпическій разсказъ, раздѣленный на акты и поставленный на сцену. Въ этомъ заключалась великая заслуга Жоделя, какъ предшественника Корнеля, окончательно установившаго французскую классическую драму.

Исправителемъ созданнаго Ронсаромъ литературнаго языка является Малербъ (1555—1628 г.). Что-

бы уничтожить въ рѣчи ту пестроту, которую внесъ Ронсаръ, онъ задумалъ преобразовать языкъ и выполнилъ свою задачу талантливо. Онъ сообщилъ литературной рѣчи вообще и поэтической въ частности чистоту и единство. Вотъ его положенія: 1) поэтическій языкъ долженъ быть также понятенъ, какъ и прозаическій, поэтому необходимо очистить его отъ словъ и оборотовъ, заимствованныхъ изъ языковъ иностранныхъ, 2) писатель долженъ знать французскій языкъ такъ, какъ знаютъ его парижане. Вѣрный этимъ положеніямъ, Малербъ дѣйствительно довелъ до высокаго совершенства и французскій стихъ, и поэтическій языкъ, сблизивъ его по простотѣ съ языкомъ народнымъ. Оды его послужили образцомъ для слѣдовавшихъ за нимъ лириковъ. Буало въ своемъ сочиненіи L'art poétique такъ отзывается объ этой заслугѣ Малерба: «наконецъ, явился Малербъ и первый во Франціи заставилъ почувствовать въ стихѣ истинный размѣръ, показалъ силу слова, поставленнаго на своемъ мѣстѣ, и снова привелъ музу къ правиламъ долга». (Пѣснь I, ст. 139—142). Неудивительно поэтому, что Малербъ сдѣлался и первымъ по времени критикомъ-стилистомъ, получившимъ прозваніе «тирана словъ и слоговъ». Онъ запрещалъ перенесеніе слова изъ одного стиха въ другой, что до него дѣлалось; запрещалъ такъ называемый hiatus, узаконилъ александрійскій стихъ (шести-стопный ямбъ съ риѳмами) и установилъ постоянную въ немъ цезуру послѣ шестого слога.

Рядомъ съ Малербомъ нужно поставить современнаго ему сатирика Ренье (1573—1613 г.), обладавшаго истиннымъ поэтическимъ талантомъ и отличавшагося, подобно Малербу, стилемъ, близкимъ къ народной рѣчи. По отношенію къ литературной формѣ, сатиры его представляютъ ту особенность, что писались онѣ по образцамъ древне-классическимъ, тогда какъ сатира до Ренье, служа орудіемъ борьбы партій, враждовавшихъ во имя реформаціонныхъ и политическихъ идей, не имѣла опредѣленной формы и соединялась съ разна-

го рода сочиненіями. Ренье первый далъ французамъ опредѣленную форму сатиры, заимствуя ее у римскихъ сатириковъ: я хочу идти по стопамъ Ювенала, Персія и Горація, говоритъ онъ. Но, идя по стопамъ ихъ, онъ подражалъ только формѣ, что же касается внутренней стороны — содержанія, духа языка, характера идей и понятій, то сатира его была французская: все было плодомъ его наблюдательности надъ современной жизнью.

Итакъ, изъ разсмотрѣнныхъ явленій французской литературы начала эпохи возрожденія вытекаетъ слѣдующій общій выводъ. Писатели первой половины XVI вѣка, представителями которыхъ были Маргарита Валуа, Маро и Рабелэ, не стремились еще къ созданію новыхъ литературныхъ формъ на основаніи изученія древнихъ классиковъ. Начало къ этому стремленію полагаетъ Дюбелле знаменитымъ своимъ трактатомъ: П р о с л а в л е н і е ф р а н ц у з с к а г о я з ы к а. Послѣдователи Дюбелле, примѣняя мысль его въ развитіи литературы, съ одной стороны, даютъ ей новыя формы, заимствованныя изъ древне-классическихъ писателей, а съ другой—создаютъ и упорядочиваютъ французскій литературный языкъ. Первое сдѣлала школа Ронсара, а второе выполнилъ Малербъ. Послѣдствія такого движенія въ развитіи литературы второй половины XVI-го и начала XVII вѣка имѣли хорошую и дурную сторону. Выгодная сторона выразилась въ созданіи литературнаго языка и въ знакомствѣ съ древне-классическою литературою, вслѣдствіе чего расширился горизонтъ литературы новой; вредная же сторона заключалась во внѣшней рабской подражательности, которая была причиною того, что литературныя произведенія получили ложную, псевдо-классическую окраску, а литературные таланты, обращая исключительное вниманіе на внѣшнюю форму древне-классическихъ образцовъ, должны были терять свою оригинальность, и сверхъ того—прекращалась органическая связь новой литературы съ прежнею на-

родною. А такъ какъ подражательность зависѣла отъ учености, то новая литература сдѣлалась достояніемъ только образованнаго класса.

Достойно примѣчанія, что и въ русской литературѣ ложно-классическаго періода наблюдается подобное же явленіе. Одновременно съ заимствованіемъ новыхъ литературныхъ формъ классическихъ произведеній совершается и реформа русскаго литературнаго языка, сдѣланная Ломоносовымъ. Въ это же время полагается и начало стилистической критики, отцомъ которой былъ Сумароковъ. Наконецъ, тѣ же невыгодныя стороны слѣпой подражательности выразились и у насъ, съ той лишь разницей, что наша подражательность стояла еще ниже, чѣмъ у французовъ, такъ какъ мы знакомились съ древне-классической литературой не непосредственно, а черезъ французовъ; но вредное вліяніе было то же самое: и у насъ произошелъ разрывъ между народною и искусственною литературою. Съ Ломоносова, водворившаго псевдо-классицизмъ, образованные классы стали пренебрежительно относиться къ народному элементу, и новая литература тоже сдѣлалась достояніемъ лишь образованнаго общества. Пушкинъ понялъ этотъ разрывъ и потому выразился о Ломоносовѣ такимъ образомъ: «его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, о т с у т с т в і е в с я к о й н а р о д н о с т и и о р и г и н а л ь н о с т и—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ», хотя нѣсколькими строками выше онъ и говоритъ, что Ломоносовъ «является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія; онъ создалъ первый университетъ, онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ» [6]).

---

[6]) Соч. Пушкина, т. VI, стр. 31, изд. Анненкова. 1855 г.

Сдѣлавшись достояніемъ образованнаго класса, французская литература въ ложно-классической формѣ съ 20-хъ годовъ XVII столѣтія перенесена была сперва въ литературные салоны, а потомъ и ко двору Людовика XIV, въ вѣкъ котораго достигаетъ она самаго блестящаго состоянія.

Замѣчательнѣйшими изъ салоновъ были два: салонъ маркизы Рамбулье и Скюдери. Салонъ маркизы Рамбулье явился, какъ реакція грубыхъ нравовъ, которые господствовали передъ тѣмъ при дворѣ Генриха IV, а цѣлью его было эстетическое перевоспитаніе общества. Рядомъ съ лицами изъ высшихъ аристократическихъ кружковъ, примкнули, между прочимъ, къ этому салону молодой аббатъ Боссюэтъ, Корнель и, наконецъ, Ришелье, молодой еще тогда епископъ. Занятіемъ кружка было чтеніе и обсужденіе прочитаннаго, что естественнымъ путемъ привело къ выработкѣ самаго утонченнаго литературнаго стиля, доведеннаго, впрочемъ, впослѣдствіи до крайней изысканности, чопорности и жеманства. Любительницы такого языка (précieuses) доходили до смѣшного въ своемъ стремленіи къ утонченности выраженій. Ихъ-то и осмѣялъ Мольеръ въ своей комедіи: Les précieuses ridicules, написанной въ 1659 году. Въ этомъ же салонѣ положено было начало и тому изящному разговорному языку (esprit de conversation), который впослѣдствіи принялъ такіе обширные размѣры во Франціи. Представителями этого направленія въ литературѣ были Бальзакъ (1588—1654 г.) и Вуатюръ (1598—1648), главное достоинство которыхъ состояло въ томъ, что они умѣли самую пустую болтовню изложить въ умной и изворотливой формѣ.—Литературною заслугою Скюдери и ея кружка являются героическіе романы, служившіе однимъ изъ выраженій тогдашняго общественнаго направленія. Эти романы, по отношенію къ характеристикѣ ложноклассической литературы, замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ особенно нагляднымъ образомъ выразилось насильственное сочетаніе двухъ различныхъ

міровъ—древнеклассическаго и современнаго. Внутреннее содержаніе для героическихъ романовъ бралось изъ общественной жизни самого кружка, со внѣшней же стороны они переносятъ читателей ко временамъ древнихъ Римлянъ, Грековъ и Персовъ. Даже имена героевъ взяты изъ литературы этихъ народовъ, чѣмъ и объясняется названіе самыхъ романовъ, напр., Киръ Великій, Клелія и др. Со стороны стиля героическіе романы, при крайней изысканности языка и сентиментальности, отличались героическимъ слогомъ и въ этомъ отношеніи находились они въ тѣсной связи съ высокимъ и торжественнымъ тономъ драмы золотого вѣка, представителемъ которой былъ сперва Корнель, участвовавшій въ этихъ салонахъ, а затѣмъ—Расинъ.

Наконецъ, выступаетъ на сцену Ришелье, съ дѣятельностію котораго французская литература вступаетъ въ тотъ періодъ, который принято называть золотымъ, классическимъ. Никогда не существовало такого единства и согласія въ литературѣ, какое воцарилось въ ней въ эту эпоху. Ришелье стремился подчинить одной организаціи всю прессу и сдѣлать ее орудіемъ центральной власти. Онъ смотритъ на литературу, какъ на извѣстную силу, которую нужно держать въ рукахъ и которую слѣдуетъ администрировать. А это привело къ тому, что при Людовикѣ XIV вся литература сосредоточивается вокругъ двора и живетъ его идеалами. Къ этому-то періоду и относятся тѣ классическіе писатели, которые составляютъ славу XVII вѣка. Это были, по преимуществу, три знаменитыхъ драматурга: Корнель, Расинъ, Мольеръ и законодатель теоріи классической французской поэзіи Буало.

Корнеля (1606—1684 г.) французы называютъ создателемъ французскаго классическаго театра, потому что онъ комедіей Лжецъ (1642 г.) далъ форму комедіи, усовершенствованной затѣмъ Мольеромъ, а своими трагедіями проложилъ путь Расину и основалъ французскую классическую драму съ сохраненіемъ трехъ единствъ: мѣста, времени и дѣйствія. Въ началѣ дра-

матической дѣятельности Корнеля, во Франціи господствовало два направленія драматическаго искусства: одно, подъ вліяніемъ испанскихъ драматурговъ Лопе-де-Веги и Кальдерона, было свободное и не стѣсняемое соблюденіемъ трехъ единствъ и другое—классическое, основанное на теоретическомъ изученіи древне-классической драмы, которое, вслѣдствіе неправильнаго пониманія Піитики Аристотеля, требовало соблюденія трехъ драматическихъ единствъ. Теорію классической драмы поддерживала и Французская Академія, которую основалъ въ это время Ришелье, какъ одно изъ орудій для того, чтобы администрировать литературу и подчинить ее одной общей организаціи. Корнель, хотя и болѣе сочувствовалъ теоріи свободной драмы, но долженъ былъ подчиниться требованію Академіи особенно въ виду тѣхъ неурядицъ, которыя происходили въ современныхъ траги-комедіяхъ отъ частыхъ и неумѣстныхъ перемѣнъ мѣста дѣйствія и времени, легко развлекавшихъ вниманіе зрителей. Поэтому, на тріединство, введенное Корнелемъ въ драму, должно смотрѣть какъ на необходимую реакцію противъ неурядицъ драматическихъ современныхъ представленій; тѣмъ не менѣе правило о трехъ единствахъ обратилось съ этого времени въ законъ классической драмы: внѣ трехъ единствъ нѣтъ спасенія (hors des trois unités il n' y a point de salut). Въ этомъ, собственно, и заключается главная заслуга Корнеля, какъ основателя французской классической драмы. Но во внутренней связи съ обязательнымъ соблюденіемъ единствъ времени и мѣста онъ, по образцу древне-классической драмы, долженъ былъ ввести въ свои трагедіи еще одно нововведеніе, а именно—допустить на сцену два типа: такъ называемыхъ наперсницъ или компаньонокъ героини и вѣстниковъ съ ихъ характерными ролями. За недостаткомъ времени, удѣляемаго ложноклассическою драмою для развитія дѣйствія, наперсницы должны выслушивать повѣствованіе своихъ героинь о ихъ прошлой судьбѣ, а вслѣдствіе соблюденія единства мѣста вѣстники должны давать до-

несенія о томъ, что происходило въ другомъ мѣстѣ, за сценою.

Самыми замѣчательными трагедіями Корнеля были: Сидъ (1636 г.), Горацій (1639 г.), Цинна (1639 г.) и Поліевктъ (1640 г.). Сидъ [7]), первая трагедія, написанная Корнелемъ по классическому образцу, произвела восторгъ во французскомъ обществѣ и доставила автору громкую славу. Замѣчательно при этомъ, что Французская Академія, по настоянію Ришелье, признала эту трагедію все еще не совсѣмъ удовлетворяющею теоріи классической драмы. Сюжетъ Сида заимствованъ Корнелемъ у одного испанскаго драматурга. Важно прослѣдить, насколько Корнель внесъ ложно-классическую упорядоченность въ свою трагедію по сравненію съ испанской драмой, свободной отъ требованій классической драмы. Героемъ испанской драмы и трагедіи Корнеля является донъ-Родриго-Діацъ, прозванный Сидомъ (господиномъ). Онъ прославился въ войнѣ съ Маврами, о немъ сложились преданія и пѣсни въ испанскомъ народѣ [8]), словомъ—Сидъ сдѣлался національнымъ героемъ и представителемъ благороднаго рыцарства и кастильской чести. Испанская драма, не связанная требованіями тріединства, все это представила въ широкомъ развитіи дѣйствія, допустивъ массу эпизодовъ и позволивъ цѣлому обществу, цѣлому народу принимать участіе въ драмѣ. Корнель, напротивъ, урѣзываетъ эпизоды и оставляетъ только остовъ драмы; изъ всей массы дѣйствующихъ лицъ онъ выбираетъ, собственно, одну личность, Сида, и ставитъ ее на

---

[7]) Сидъ Корнеля переведенъ на русскій языкъ Катенинымъ въ 1822 г. Пушкинъ сказалъ по этому случаю:

...Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый.
(Евгеній Онѣг., гл. 3).

[8]) Ср. «Испанскій народный Эпосъ о Сидѣ». Ѳ. И. Буслаева. Спб. 1864 г. (Приложеніе къ 5 т. Записокъ Академіи Наукъ).

пьедесталъ; изъ множества моментовъ развитія дѣйствія онъ выдѣляетъ только одно драматическое положеніе въ жизни героя, именно—какъ онъ во имя долга мститъ графу Гормасу за оскорбленіе отца своего Діего и какъ выражаетъ свою любовь къ Хименѣ, дочери убитаго графа Гормаса. Вслѣдствіе этого широкое поле для дѣйствія суживается у Корнеля, и все вертится вокругъ этого небольшого по объему событія, совершающагося на одномъ мѣстѣ и въ теченіе одного только дня, при чемъ для характеристики героя берется одна только страсть, а потому и личность его хотя является цѣльною, но одностороннею. На этой трагедіи Корнель показалъ всѣ достоинства и недостатки ложно-классической теоріи о драмѣ.

Основа содержанія для второй трагедіи «Горацій» [9]) взята Корнелемъ изъ исторіи Тита Ливія объ извѣстной борьбѣ Горацієвъ съ Куріаціями. Сущность драматизма этой трагедіи, такъ же какъ и въ Сидѣ, заключается въ борьбѣ двухъ противоположныхъ чувствъ въ герояхъ, а именно: 1) въ борьбѣ чувства любви Камиллы къ жениху своему, (убитому Куріацію), съ чувствомъ братской любви къ Горацiямъ, 2) въ борьбѣ чувства радости Сабины по случаю побѣды мужа ея Горація съ чувствомъ скорби объ убитыхъ братьяхъ своихъ и 3) въ борьбѣ отцовской любви стараго Горація къ сыновьямъ своимъ съ чувствомъ патріотическимъ. Сначала приходитъ извѣстіе, что двое Горацієвъ убиты, а третій обратился въ бѣгство. Старый Горацій, какъ истинный патріотъ, пораженъ этимъ извѣстіемъ, Камилла же, радуясь спасенію и скорому возвращенію жениха-Куріація, испытываетъ и радость, и горе, такъ какъ двое братьевъ ея убиты. Когда же вѣстникъ извѣстилъ, что это бѣгство Горація было толь-

---

[9]) Эта трагедія переведена на рус. яз. въ 1817 г. по случаю бенефиса актрисы Семеновой, но переводъ былъ поспѣшный и неудачный; переводило четверо по частямъ: кн. Шаховской, Катенинъ и еще два литератора.

ко хитростью, и что Куріаціи убиты имъ поодиночкѣ, тогда старый Горацій отецъ восклицаетъ:

О сынъ мой! кровь моя! мнѣ старцу утѣшенье!
Отчизны гибнущей опора и спасенье!

Камилла же поражена отъ этого извѣстія горемъ, потому что убитъ женихъ ея Куріацій. Въ то же время Сабина рада, что мужъ ея торжествуетъ, но она и скорбитъ по случаю смерти братьевъ. Такіе переходы изъ одного душевнаго состоянія въ другое и составляютъ драматизмъ въ этой трагедіи.

Корнель, какъ классическій трагикъ, имѣлъ громадное вліяніе и на русскую литературу. Это вліяніе видно изъ того, что трагикъ нашъ Княжнинъ большею частію подражалъ Корнелю въ своихъ трагедіяхъ. Какъ у того, такъ и у другого герои трагедій отличаются героическимъ характеромъ. Героизмъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ борьбѣ долга и чувства первый всегда беретъ перевѣсъ надъ послѣднимъ. Кромѣ того, Княжнинъ переводилъ даже цѣлыя мѣста изъ Корнеля [10].

Расинъ (1639—1699 г.) довершилъ дѣло, начатое Корнелемъ, и поставилъ трагедію на такую же высоту, какъ Молверъ комедію. Продолжая держаться той же ложно-классической теоріи, какъ и Корнель, Расинъ тѣмъ не менѣе внесъ въ трагедію новыя достоинства и освободилъ ее отъ нѣкоторыхъ недостатковъ Корнеля. 1) Корнель былъ великъ въ изображеніи мужскихъ героическихъ характеровъ (Сидъ, Горацій, Цинна), но онъ вздумалъ перенести свойства героевъ и на героинь, что̀ доходило нерѣдко до искаженія женской природы; Расинъ никогда не впадаетъ въ этотъ недостатокъ: у него женщины въ самыхъ трагическихъ положеніяхъ остаются все-таки женщинами. 2) Корнель въ отдѣль-

---

[10]) Такъ напр. въ трагедіи Княжнина Софонизба послѣдній монологъ Массиниссы, гдѣ онъ проклинаетъ Римъ, представляетъ собою почти буквальный переводъ монолога Камиллы изъ трагедіи Корнеля «Горацій».

ныхъ сценахъ прекрасенъ и не уступаетъ Расину, но въ цѣлой драмѣ—не всегда удовлетворителенъ: характеры у него не вполнѣ отдѣланы, въ рѣчахъ бываютъ перерывы, а иногда переходитъ онъ отъ истиннаго и задушевнаго краснорѣчія въ декламацію; Расинъ—свободенъ отъ этого: онъ обрабатываетъ всю піесу, и въ характерахъ видно строгое развитіе и послѣдовательность. 3) У Корнеля всегда господствуетъ одинъ и тотъ же патетическій тонъ, вслѣдствіе чего проистекаетъ нѣкоторое однообразіе; Расинъ—каждому лицу въ каждомъ его положеніи влагаетъ соотвѣтствующую рѣчь. Наконецъ 4), какъ отмѣчено выше, отличительною чертою Корнеля служитъ то, что онъ изображаетъ героизмъ, подчиненіе чувства долгу, у Расина же, наоборотъ, господствуетъ страсть, преимущественно любовь, нерѣдко доходящая до героизма. Отсюда и производимое впечатлѣніе различно: Корнель болѣе поражаетъ, Расинъ трогаетъ; трагедіи Корнеля отличаются величавостью, а трагедіи Расина—благородствомъ и даже чувствительностію. Послѣднее отличіе трагедій Расина отъ трагедій Корнеля главнымъ образомъ объясняется духомъ времени: въ то время какъ началъ писать Корнель, въ обществѣ и при дворѣ, какъ сказано выше, господствовали героическіе романы, а потому и героическая драма Корнеля вполнѣ соотвѣтствовала господствовавшему вкусу; во времена же Расина общественные нравы подъ вліяніемъ двора измѣнились, измѣнилось и понятіе о любви, а отсюда—явились новыя требованія и отъ трагедій. Тогда въ обществѣ происходила даже борьба между сторонниками двухъ трагиковъ. Нѣкоторые навсегда остаются вѣрными Корнелю, какъ напримѣръ M-me de Sévigné, которая совсѣмъ не хотѣла признавать генія Расина, называя его слащавымъ (doucereux). Признакъ этотъ важенъ для характеристики трагедій Корнеля и Расина съ исторической точки зрѣнія, указывая на ихъ національность и отзывчивость къ современнымъ вкусамъ и понятіямъ.

Трагедіи Расина по ихъ сюжетамъ можно раздѣ-

лить на три группы. Первую группу составляютъ трагедіи, заимствованныя у греческихъ поэтовъ и преимущественно у Еврипида, какъ наиболѣе соотвѣтствующаго духу трагедій Расина, такъ какъ оба они любили изображать страсть, чувство. Главныя изъ трагедій этого рода были: Андромаха, Ифигенія и Федра; послѣдняя—самая лучшая. Второй отдѣлъ составляютъ историческія трагедіи: Британникъ, Вереника и Митридатъ. Къ третьему разряду принадлежатъ трагедіи, сюжетъ которыхъ взятъ изъ Св. писанія: Эсѳирь и Аталія; послѣдняя является самымъ позднимъ и вмѣстѣ лучшимъ произведеніемъ Расина.

Знакомство съ Расиномъ въ русской литературѣ выражалось въ переводахъ и подражаніяхъ. Первый началъ подражать Расину Сумароковъ; онъ самъ говорилъ, что явилъ Россамъ театръ Расина. На первомъ планѣ у Сумарокова, какъ и у Расина, всегда стоитъ страсть. Озеровъ тоже часто подражалъ Расину, такъ какъ по преимуществу изображалъ женскіе характеры; таковы характеры Моины въ Фингалѣ и Ксеніи въ Димитріи Донскомъ [11]).

Вліяніе французскихъ трагиковъ на нашихъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока мы не познакомились съ Шиллеромъ и Шекспиромъ, т. е. почти до тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія; а нѣкоторыя трагедіи Расина держались на нашей сценѣ болѣе полвѣка.

---

[11]) Относительно русскихъ переводовъ нужно сказать, что сочиненія иностранныхъ поэтовъ переводились у насъ или цѣликомъ и въ такихъ случаяхъ издавались отдѣльно, или только отрывками. Изъ раннихъ отдѣльныхъ переводовъ Расина отмѣтимъ слѣд.: Андромаха, перев. Хвостова (5-ое изд. вышло въ 1794 г.); Катенинъ написалъ подражаніе этой трагедіи въ 1827 г.—Аталія, въ первый разъ переведена въ 1784 г., а во второй—въ 1820 г.—Эсѳирь въ первый разъ—въ 1783 г. и во второй (Катенинымъ) въ 1816 г. Ифигенія—въ 1796 и 1815 г. (Лобановымъ). Федра имѣла пять переводовъ до 1827 г.

Такимъ образомъ, въ исторіи развитія французской классической драмы мы видимъ, что она по формѣ создалась изъ подражанія древнеклассической драмѣ, съ одной стороны, какъ протестъ противъ безпорядочныхъ средневѣковыхъ драматическихъ представленій и испанскихъ трагедій, а съ другой—подъ энергическимъ воздѣйствіемъ централизующей и все упорядочивающей правительственной власти; по содержанію же она явилась, какъ результатъ общественнаго настроенія и вообще духа времени. Религіозныя войны, вызванныя реформаціей, и постоянныя народныя бѣдствія не могли не создать величественныхъ характеровъ, презиравшихъ опасности и стремившихся къ подвигамъ. Этотъ-то предпріимчивый духъ народа и выразился въ трагедіяхъ Корнеля, отличающихся величіемъ характеровъ. Нѣтъ нужды, что герои его трагедій заимствованы изъ чуждаго міра; но духъ этихъ героевъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнему духу французской націи, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, перенесеніе національныхъ чертъ на классическихъ героевъ въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ, особенно у Расина, характеръ трагедій котораго, какъ сказано выше, образовался подъ вліяніемъ придворной жизни, дававшей тонъ всѣмъ слоямъ общественной жизни.

Не таковы были условія развитія комедіи во Франціи въ эпоху Возрожденія. Комедія, изображающая пороки с о в р е м е н н а г о общества, требуетъ выведенія на сцену, по преимуществу, средняго класса общества, но онъ въ это время во Франціи былъ стѣсняемъ внутренними неурядицами и даже совершенно подавленъ. Трагедіи могутъ обращаться за матеріаломъ къ прошедшимъ временамъ и къ другимъ національностямъ, для комедіи же это мало имѣетъ смысла, такъ какъ она, по самому назначенію своему, должна бичевать с о в р е м е н н о е свое общество. Поэтому, ни подражанія итальянскимъ и испанскимъ комедіямъ, чуждымъ французской національности, ни подражанія Плавту и Теренцію, у которыхъ можно было только заимствовать форму, ни

шутовскія, наконецъ, средневѣковыя комедіи, удовлетворявшія только простой народъ, не могли подготовить почву для развитія истинной комедіи въ классическомъ духѣ до самаго Мольера (1622—1673 г.), при которомъ соціальная жизнь дала для этого благопріятныя условія. Франція при немъ представляла собою слѣдующее явленіе. Каждое сословіе, рѣзко отличаясь другъ отъ друга, носило свою физіономію; но, подчиняясь одному монарху, всѣ они вмѣстѣ представляли строгое единство. Первое мѣсто между сословіями занимали придворные, различавшіеся между собою по сану и общественному положенію, но имѣвшіе общій типъ. За ними слѣдовало мелкое дворянство, стремившееся за высшимъ; потомъ среднее сословіе, къ которому принадлежали ученые, чиновники и торговый народъ. Они тоже тянулись за знатью, сознавая небольшую разницу между ними и собою; прислуга, которая хотя морально и зависѣла отъ господъ, но могла свободно наблюдать ихъ поступки. Наконецъ, въ среду французскаго общества входили женщины, достигшія во Франціи большей свободы, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, и занимавшіяся литературой и политикой. Вотъ какой богатый матеріалъ давала для комедіи общественная жизнь эпохи Людовика XIV. Мольеръ вѣрно схватилъ характеристическія черты каждаго сословія, потому что былъ хорошо знакомъ со всѣми ими: по своему общественному положенію онъ принадлежалъ къ среднему сословію, по происхожденію—къ низшему, а посѣщеніе двора дало ему возможность познакомиться и съ нравами высшихъ. Потому комедіи Мольера суть картины жизни и въ высокой степени національны. Его дѣйствующія лица представляютъ собою типы, выражающіе настроеніе цѣлаго класса, хотя въ то же время каждая личность своими индивидуальными особенностями отличается отъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же кругу.

Держась, подобно Корнелю и Расину, теоріи ложноклассической драмы, Мольеръ не избѣгъ тѣхъ недостатковъ, которые связаны съ соблюденіемъ трехъ

единствъ, но зато онъ придалъ новый характеръ комедіи въ другомъ отношеніи. До Мольера господствовала во Франціи такъ называемая комедія ситуацій (situation), состоящая въ сцѣпленіи случаевъ, приводящихъ въ движеніе дѣйствующихъ лицъ; Мольеръ же замѣнилъ ее комедіей характеровъ, вслѣдствіе чего герои комедій не подчиняются въ дѣйствіяхъ своихъ случаю, а сами вліяютъ на случай, такъ что поступки ихъ вытекаютъ изъ ихъ характеровъ. Въ этомъ заключается большое достоинство комедій Мольера.

Какъ великій талантъ, Мольеръ оказалъ вліяніе на многихъ комиковъ другихъ народовъ. Его вліяніе было очень значительно и на русскую литературу. Наши комики или брали комедіи Мольера себѣ за образецъ, или переводили ихъ то цѣликомъ, то нѣкоторыя сцены. Причина, почему обратились мы къ Мольеру, а не къ древнимъ классикамъ, заключалась прежде всего въ томъ, что писатели наши незнали древнихъ языковъ, а кромѣ того въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда собственно и началось у насъ знакомство съ Мольеромъ, вообще господствовало французское направленіе [12]).

Наконецъ, послѣднимъ звеномъ, завершившимъ зданіе французскаго классицизма въ литературѣ, былъ Буало (1636—1711 г.). Буало, собственно, не былъ истиннымъ поэтомъ: онъ не имѣлъ ни глубокаго чувства, ни пла-

---

[12]) Первые переводы Мольера явились у насъ еще въ царствованіе Петра I. Такъ, отъ 1709 года сохранилось описаніе комедій, какія есть въ государственномъ приказѣ. Между списками находилась и комедія Мольера «Лѣкарь поневолѣ» (подстрочный переводъ). Потомъ, въ 1755 г. появился въ рукописи Амфитріонъ (напечат. въ 1768 г.). Въ томъ же 1755 г. переведена комедія Les précieuses ridicules подъ названіемъ: Драгія смѣянныя. Затѣмъ, въ 1788 г. явились переводы: Лѣкарь по-неволѣ, Мизантропъ, Мѣщанинъ во дворянствѣ (а въ 1781 г. было подражаніе этой комедіи: Дворянящійся купецъ), Тартюфъ, Школа женъ и Школа мужей. Въ 1799 г. были переведены: Принужденная женитьба (въ 1837 г. эта же ко-

менной фантазіи, но обладалъ въ высокой степени логико-математическомъ мышленіемъ, которымъ и воспользовался въ примѣненіи своего сужденія о языкѣ и литературѣ. Онъ началъ свою литературную дѣятельность съ сатиръ, изъ коихъ четыре посвящены исключительно литературѣ. Но сатира не могла удовлетворить его такъ, какъ она дѣйствовала лишь отрицательнымъ образомъ, указывая на недостатки современной литературы. Нужно было воздѣйствовать на нее положительно, изложить свои мнѣнія въ системѣ, и вотъ Буало написалъ L'Art poétique, теоретическое сочиненіе о сущности поэтическаго языка, о разныхъ родахъ и видахъ поэзіи, о задачахъ критики и объ условіяхъ развитія и упадка поэзіи. Сочиненіе свое онъ написалъ стихами, такъ что вмѣстѣ съ теоріей представилъ образецъ и прекрасной стихотворной рѣчи; многія мысли выражены у него такъ точно и кратко, что обратились въ правила и пословицы. — Теорія Буало имѣла громадное значеніе и оказала вліяніе на Мольера и Расина, которые и примѣнили ее на практикѣ. Въ русской литературѣ сочиненіе L'Art poétique также имѣло большое вліяніе; оно переводилось на русскій языкъ нѣсколько разъ, начиная съ Тредьяковскаго [13]), и служило для нашихъ писателей ложноклассическаго періода самымъ высшимъ авторитетомъ, какъ теоретическій кодексъ въ поэзіи.

Для полноты знакомства съ классическимъ періо-

медія переведена подъ названіемъ: Хоть тресни, а женись), комедія Скупой, переведенная потомъ еще нѣсколько разъ. Въ 1802 г. переведена Любовь доктора, въ 1803 г. — Скапеновы обманы, въ 1809 г. «Тартюфъ» переведенъ былъ подъ названіемъ: Ханжеевъ или Лицемѣръ. Теперь есть «Собраніе сочиненій Мольера». Изд. Бакста (1884 г.) въ трехъ томахъ.

[13]) Полное названіе этого перевода у Тредьяковскаго такое: «Наука о стихотвореніи и поэзіи съ французскихъ стиховъ Боало-Депреовыхъ стихамижъ». Т. I, изд. Смирдина, 1849 г. Переведено четыре пѣсни.

домъ французской литературы слѣдовало бы еще указать на сочиненія нѣкоторыхъ другихъ писателей этой эпохи, напр., Фенелона, Лафонтена, Вольтера; но такъ какъ произведенія ихъ, за исключеніемъ Генріады Вольтера, какъ образца законченной ложно-классической французской поэмы, не привносятъ никакихъ новыхъ чертъ для характеристики французскаго классицизма, то можно сдѣлать теперь общій выводъ объ этомъ замѣчательномъ литературномъ явленіи.

Прежде всего мы видимъ, что французскій литературный классицизмъ получилъ начало свое и выросъ на почвѣ изученія древнеклассической литературы. Писатели первой половины XVI вѣка (Маргарита Валуа, Маро и Рабелэ), изучая древнихъ классиковъ, не порывали еще связи съ народной литературой и не стремились къ созданію новыхъ литературныхъ формъ въ духѣ древнеклассическомъ; начиная же со второй половины XVI вѣка происходитъ крутой и рѣзкій переходъ: послѣ знаменитаго трактата Дюбелле: Прославленіе французскаго языка, связь съ національной старой литературой прекращается, и вводятся древнеклассическія литературныя формы какъ лирической и эпической поэзіи (Ронсаръ, Малербъ, Ренье), такъ и драматической (Жодель, а позднѣе—Корнель, Расинъ и Мольеръ). Съ этого, собственно, момента и начинается такъ называемый ложный классицизмъ съ его характеристическими особенностями. Особенности эти прежде всего касаются формы: первые французскіе ложноклассики, неправильно понявъ основные признаки формъ древнеклассическихъ произведеній и рабски слѣдуя имъ, обратили исключительное вниманіе на соблюденіе признаковъ случайныхъ, внѣшнихъ, какъ наиболѣе бросающихся въ глаза; таковы напр. внѣшніе пріемы древнихъ эпическихъ поэтовъ, начинающихъ свои поэмы глаголомъ пою, обращеніе къ музамъ, внесеніе элемента чудеснаго; торжественность и высокопарность въ одахъ съ такъ называемымъ лирическимъ безпорядкомъ, введеніе древней языческой миѳологіи и глав-

нымъ образомъ—установленіе трехъ единствъ въ драмѣ. Но рядомъ съ формою фальшь коснулась и содержанія. При рабскомъ поклоненіи всему классическому и съ отстраненіемъ родной старины, матеріалъ для содержанія стали брать изъ міра античнаго, внося въ него въ то же время элементы и изъ современной жизни, съ національною окраскою. Отсюда произошло смѣшеніе двухъ разнородныхъ цивилизацій: античной—языческой и новой—христіанской, что и послужило причиной неправдоподобныхъ изображеній дѣйствительности. Особенно благопріятствовало такому насильственному сочетанію элементовъ двухъ разнородныхъ міровъ то обстоятельство, что литература, порвавъ органическую связь съ родной стариной и сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ лишь образованнаго класса, перенесена была съ 20-хъ годовъ XVII столѣтія въ великосвѣтскіе салоны, а потомъ и ко двору Людовика XIV, т. е. въ центръ современной классической образованности. Героическіе романы Скюдери, изображавшіе современную общественную жизнь въ лицѣ древнеклассическихъ героевъ и обставлявшіе ихъ несоотвѣтствующею обстановкою, служатъ нагляднымъ выраженіемъ такого смѣшенія жизни, нравовъ и воззрѣній двухъ разнородныхъ міровъ. Это былъ въ своемъ родѣ грандіозный анахронизмъ, уничтожавшій всякую истинность поэтическаго изображенія. Литература стала пересаживать на современный ладъ представленія древняго міра, а свою дѣйствительность начала одѣвать въ одежду древности, которую составляли не одни только имена, но и извѣстные типы душевнаго настроенія и выраженія. Не избѣгли этой фальши и славные представители французской классической трагедіи, Корнель и Расинъ, придававшіе своимъ героямъ изъ древнеклассическаго міра современную національную окраску, столь типично выразившуюся въ своеобразно—блестящій вѣкъ Людовика XIV, такъ что произведенія классической французской литературы, съ одной стороны, были глубоко національны, а съ другой—принадлежали къ совершен-

но чуждому міру. Такимъ образомъ, фальшь французской литературы классическаго періода отразилась какъ на формѣ, такъ и на содержаніи произведеній. Оставалось закрѣпить и, такъ сказать, кодифицировать этотъ своеобразный родъ литературы. Историческія условія благопріятствовали этому. Централизующая власть въ лицѣ Ришелье и Людовика XIV, простерла свою организующую и объединяющую руку и на литературу, а Буало явился какъ-бы исполнителемъ государственной власти и кодификаторомъ языка и поэзіи. Такъ возникла развилась и утвердилась литературная псевдоклассическая система во Франціи, откуда она проникла потомъ въ литературы и другихъ народовъ.

Нѣтъ нужды перечислять по всѣмъ родамъ и видамъ поэзіи тѣ лже-классическіе признаки, которые вошли въ систему французскаго классицизма, узаконенную въ извѣстномъ сочиненіи Буало L'Art poétique: признаки эти общеизвѣстны; гораздо важнѣе, напротивъ, указать и выяснить внутреннюю зависимость этихъ признаковъ отъ тѣхъ національныхъ и историческихъ условій, при которыхъ развилась система ложнаго классицизма. Попробуемъ сдѣлать это.

Въ предъидущей замѣткѣ о «Главныхъ моментахъ въ исторіи развитія теоріи поэзіи» мы отмѣтили, между прочимъ, что сущность теоріи Буало объясняется главнымъ образомъ тремя условіями: во-первыхъ, характеромъ французскаго народа; во-вторыхъ, характеромъ времени и состояніемъ науки и литературы и, наконецъ, въ третьихъ—взаимнымъ отношеніемъ литературы и общества, въ то время, когда Буало писалъ свое сочиненіе L'Art poétique. Этими тремя условіями въ той или другой степени, дѣйствительно, и объясняются какъ теорія Буало, такъ и всѣ признаки, характеризующіе ложно-классическую французскую поэзію, какъ можно было видѣть изъ предложеннаго очерка и сдѣланнаго изъ него вывода. Какіе же именно признаки находятся въ зависимости отъ каждаго изъ этихъ условій?

1) Если вѣрно, что характеръ каждаго народа отмѣченъ своей особою печатью, то отличительною чертою характера французскаго народа служитъ преобладаніе разсудка надъ фантазіей, господство анализа надъ синтезомъ. Это доказывается, между прочимъ, уже тѣмъ, что направленіе литературы у Французовъ издревле было то аллегорическое, то сатирическое, то вообще дидактическое, указывающее на господство разсудка надъ фантазіей. Мы уже видѣли, что писатели первой половины XVI вѣка, еще не порывавшіе связи съ народной своей литературой, отличаются именно этимъ направленіемъ. Такъ, новеллы въ Гептамеронѣ Маргариты Валуа всегда заканчиваются моралью; произведенія Маро и Рабеле почти исключительно дидактико-сатирическія и съ аллегорическимъ характеромъ; та же черта не переставала господствовать въ произведеніяхъ и послѣдующихъ писателей: достаточно указать на сатиры Ренье, на разсудочные и дѣланные романы Скюдери, прибѣгающіе нерѣдко къ аллегорической формѣ [14]), на

[14]) Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи романъ г-жи Скюдери Клелія. Въ немъ проводится взглядъ на любовь чисто-разсудочный; писательница не столько ощущаетъ любовь, сколько разсуждаетъ о ней, и въ этомъ отношеніи она чрезвычайно напоминаетъ Моро, у котораго, какъ сказано было нами въ своемъ мѣстѣ, любовь начинается тоже не въ сердцѣ, а въ разсудкѣ. Характеренъ тоже слѣдующій эпизодъ въ этомъ романѣ. У героини романа Клеліи есть почтовая карта, рисованная ея рукой и научающая, какъ дойти отъ дружбы къ любви. Такъ какъ, по ея мнѣнію, нѣжныя чувства можно питать или изъ уваженія, или изъ признательности, или изъ склонности, то Клелія изображаетъ это географически тремя городами, стоящими на трехъ рѣкахъ: Уваженія (Estime), Признательности (Reconnaissance) и Склонности (Inclination), а послѣдняя впадетъ въ море Опасности (Mer Dangereuse).

У насъ Тредьяковскій перевелъ также съ франц. языка аллегорическое сочиненіе (изд. 1713 г.): Ѣзда на островъ любви. На этомъ островѣ есть предметы разнаго сорта— отчаянія, надежды, скорби и т. п., все въ аллегорич. духѣ.

дидактическія сочиненія Фенелона, басни Лафонтена, сатиры Буало, комедіи Мольера и сочиненія Вольтера. Вслѣдствіе такого преобладанія разсудка надъ творческой фантазіей, и самыми замѣчательными отдѣлами французской поэзіи были сатира и комедія. Оттого и Буало, какъ истый сынъ своей націи, въ сочиненіи L'Art poétique главною способностію называетъ разсудокъ и здравый смыслъ которыхъ требуетъ отъ поэта повсюду, не исключая даже лирической поэзіи. Этимъ и объясняется, почему онъ, а за нимъ и вообще французскіе лирики начертали точный путь изліянію одушевленнаго чувства въ лирической поэзіи, опредѣливъ, изъ сколькихъ частей должна состоять, напр., ода, съ чего ее начинать и чѣмъ оканчивать. Чувство въ одѣ заключено было въ опредѣленныя рамки, изъ которыхъ оно не должно выходить. Ода должна имѣть приступъ, предложеніе, отступленіе, пареніе или такъ называемый лирическій безпорядокъ и заключеніе. Особенно характерно требованіе лирическаго безпорядка, которое указываетъ не только на подчиненіе фантазіи и чувства разсудку, но и на ложное и чисто внѣшнее пониманіе греческой оды псевдоклассиками. Въ одѣ, какъ извѣстно, господствуетъ сила одушевленія и смѣлый полетъ фантазіи; оттого образы и чувства, въ ней изображаемыя, по видимому, не имѣютъ между собою связи, на самомъ же дѣлѣ связь эта есть: образы и чувства подчинены единству мысли, вдохновляющей поэта. Слѣдовательно, такъ называемый лирическій безпорядокъ въ древне-классическихъ одахъ есть только кажущійся; между тѣмъ псевдоклассики, принимая это за дѣйствительное отсутствіе внутренней связи въ теченіи чувствъ и рабски подражая внѣшней формѣ древнихъ образцовъ, возвели лирическій безпорядокъ въ непремѣнный законъ, по которому дѣлали намѣренные разрывы содержанія и обозначали ихъ по большей части фигурами вопрошенія и восклицанія. Оттого въ одѣ, вмѣсто поэтическаго одушевленія, являлась у нихъ реторическая величавость и напыщенность—дѣло разсудка, а не фан-

тазіи и чувства. Потому-то Буало и говоритъ, что «прекрасный безпорядокъ въ одѣ является дѣломъ искусства» [15]), а не плодомъ свободнаго творчества фантазіи. Преобладаніемъ же разсудка въ творческой дѣятельности объясняются и нѣкоторыя другія свойства ложноклассической поэзіи, напр. резонерство въ драмахъ, сдержанность и отсутствіе страстности въ душевныхъ движеніяхъ героевъ. Наконецъ, самое тріединство, внесенное Корнелемъ подъ вліяніемъ неурядицъ, происходившихъ въ тогдашнихъ трагикомедіяхъ, узаконено было въ L'Art poétique Буало тоже по требованію здраваго смысла: «мы же, говоритъ онъ, сообразуясь съ здравымъ смысломъ, требуемъ, чтобы единый цѣльный случай развитъ былъ въ представленіи въ одинъ день и на одномъ мѣстѣ» [16]). Не говоримъ уже о тѣхъ искаженіяхъ и передѣлкахъ, которымъ нерѣдко подвергались миѳологическіе и легендарные сюжеты подъ перомъ ложно-классиковъ потому только, что все чудесное, заключающееся въ миѳахъ и легендахъ, не согласовалось съ здравымъ смысломъ.

2) Характеръ времени и состояніе науки и литературы въ періодъ созиданія и процвѣтанія французскаго классицизма также оказали на него вліяніе. Изъ предложеннаго очерка мы видѣли, что съ эпохою возрожденія наукъ и искусствъ во Франціи писатели второй половины XVI вѣка порвали связь съ родной средневѣковой литературой и обратились исключительно къ древнимъ классикамъ; сюжеты заимствовали они изъ древняго чуждаго міра, въ которомъ только и видѣли все высокое, образцовое, а свое родное забыли, какъ предметъ недостойный поэзіи; между тѣмъ средніе вѣка были замѣчательны и давали богатый матеріалъ для поэзіи: въ нихъ господствовали—вѣра, чувство, личный элементъ. Лишившись такого богатаго источника, поэзія потеряла и свою національную индивидуальность.

15) L'Art poétique, Chant II, ст. 72.
16) Ibid. III, 44—46.

Таково было вліяніе эпохи Возрожденія на содержаніе французской литературы. Вліяніе же на форму было еще большее: прежде всего, выработанъ былъ и доведенъ до блестящаго совершенства языкъ какъ прозаическій, такъ и поэтическій, и это—полезная сторона; а затѣмъ—произведено было полное обновленіе литературы чрезъ введеніе изъ древнеклассической литературы всѣхъ родовъ и видовъ поэзіи. Но такъ какъ это введеніе классическихъ формъ совершилось путемъ рабскаго подражанія и усвоенія лишь внѣшней стороны, то и явились, естественно, лжеклассическіе признаки въ французской классической поэзіи. Сюда по преимуществу относятся извѣстные признаки ложноклассической эпопеи, введеніе какъ въ эпическую, такъ и лирическую поэзію языческой миѳологіи, а главнымъ образомъ—узаконеніе извѣстныхъ трехъ единствъ въ поэзіи драматической. Правда, внесеніе трехъ единствъ въ драму обусловливалось еще, съ одной стороны, историческимъ ходомъ развитія драматическихъ представленій во Франціи, а съ другой—преобладающей стихіей въ духовномъ складѣ французской націи, именно—разсудочностью и требованіемъ «здраваго смысла», какъ сознается самъ Буало, тѣмъ не менѣе главнѣйшею причиною узаконенія этой реформы въ драмѣ было неправильное и узкое пониманіе ученія Аристотеля объ этомъ предметѣ, т. е. такое же внѣшнее и поверхностное усвоеніе формы, какое выказалось и въ отношеніи поэзіи эпической и лирической. Единства дѣйствія Аристотель дѣйствительно требуетъ въ своей Піитикѣ [17]), о единствѣ же мѣста онъ ничего не говоритъ, а о единствѣ времени, по поводу сравненія трагедіи съ эпопеей, выражается слѣдующимъ образомъ: «трагедія по возможности старается замкнуть дѣйствіе въ одинъ круговоротъ солнца или немного болѣе, эпопея же не ограничена временемъ» [18]). Французскіе классики замѣнили глаголъ

---

[17]) Περὶ ποιητιχῆς гл. VII и VIII.
[18]) Ibid. V, 4.

«старается» словомъ «должна» и такимъ образомъ исказили смыслъ этого понятія. А если принять въ соображеніе, что современные Аристотелю трагики большею частію замыкали дѣйствіе своихъ трагедій въ однѣ сутки, то въ словахъ Аристотеля нужно видѣть только простое указаніе на фактъ, а не требованіе. Изъ седьмой же главы Пiитики ясно видно, что Аристотель никоимъ образомъ не думаетъ стѣснять развитіе дѣйствія въ трагедіи однѣми сутками. Онъ говоритъ: «предѣлъ продолжительности, сообразный съ сущностью предмета, таковъ: чѣмъ предметъ болѣе, тѣмъ онъ относительно величины прекраснѣе; въ какомъ объемѣ вытекаетъ изъ событій перемѣна несчастія въ счастіе или счастія въ несчастіе, такой объемъ и достаточенъ». Такъ думалъ Аристотель о времени, потребномъ для совершенія дѣйствія въ драмѣ, но не такъ кодифицировалъ Буало драматическія единства, и вслѣдствіе этого во французскую классическую драму вошли слѣдующіе недостатки, зависящіе отъ обязательнаго соблюденія единства времени и мѣста. Недостатокъ времени 1) стѣснилъ объемъ развитія дѣйствія и сдѣлалъ невозможнымъ всестороннее развитіе характеровъ дѣйствующихъ лицъ, отъ чего герои французскихъ трагедій, какъ видѣли мы это у Корнеля, являются большею частію съ одною какою—нибудь преобладающею чертою, или односторонними. Еще болѣе недостатокъ этотъ виденъ въ комедіяхъ Мольера. 2) Для того чтобы познакомить зрителей съ тѣмъ, что предшествовало событію, составляющему сюжетъ драмы, французскіе драматурги нерѣдко вынуждаемы были посвящать первый актъ такъ называемой экспозиціи, т. е. изложенію завязки, а это вносило уже эпическій характеръ въ драму. 3) Эпическій же элементъ вносился въ драму и въ тѣхъ случаяхъ, когда герои заставляли своихъ наперсниковъ или наперсницъ выслушивать повѣствованіе о ихъ судьбѣ или исповѣдь ихъ чувствъ и мыслей.—Отъ сохраненія единства мѣста зависѣло внесеніе во французскія

драмы длинныхъ донесеній или разсказовъ вѣстниковъ о томъ, что происходило въ другомъ мѣстѣ, за сценою. Донесенія эти, составляя тоже эпическій элементъ въ драмѣ, являлись кромѣ того неестественными, такъ какъ вѣстники иногда передавали свои длинные разсказы лицамъ, находящимся въ крайне возбужденномъ состояніи, и тѣмъ заставляли ихъ удерживать себя отъ естественныхъ порывовъ чувства въ продолженіе всего разсказа вѣстника [19]).

3) Наконецъ, характерныя особенности французскаго классицизма и его недостатки обусловливались взаимнымъ отношеніемъ литературы и общества того времени. Рѣдко когда бывала столь тѣсная связь между литературой и обществомъ, какая замѣчается въ періодъ развитія и процвѣтанія французскаго классицизма. А такъ какъ центромъ общественной жизни того времени служилъ дворъ Людовика XIV, то и поэзія сосредоточена была также при дворѣ; условія же придворной жизни были—чрезвычайная утонченность нравовъ, крайняя осторожность не только въ дѣйствіяхъ, но и въ словахъ; употреблять не только простонародныя слова, но и изъ обыкновенной рѣчи считалось непристойнымъ и неприличнымъ; ничего рѣзкаго, ничего грубаго, такъ что каждый шагъ долженъ быть разсчитанъ. Все это, при полномъ взаимодѣйствіи литературы и общества, неизбѣжно должно было отразиться и на характерѣ поэзіи, законодателемъ которой былъ Буало. Поэтому-то, говоря, напр., объ идилліи, онъ требуетъ, чтобы идиллія отличалась не только простотою, что

---

[19]) Разсказываютъ слѣдующій характерный случай изъ артистической жизни знаменитой Рашель. Когда, во время представленія Расиновой Федры, вѣстникъ передавалъ на сценѣ обстоятельства смерти Ипполита, пасынка Федры, въ котораго она была влюблена, то Рашель, войдя въ свою роль (Федры), не въ состояніи была дослушать весь разсказъ вѣстника и воскликнула: остановись! нѣтъ силъ выслушивать тебя!

составляетъ существенное ея свойство, но и изяществомъ, вслѣдствіе чего пастушка являлась въ своемъ родѣ придворной дамой, а пастухи выходили какими-то маркизами. Особенно же сильно отразилось вліяніе придворной жизни на характерѣ трагедіи, такъ какъ драматическія представленія служили обычнымъ удовольствіемъ двора. Мы уже видѣли, какіе недостатки внесены были во французскую драму подъ вліяніемъ національнаго характера французовъ и неправильнаго пониманія Піитики Аристотеля. Къ этимъ недостаткамъ, подъ вліяніемъ придворной или что то же общественной жизни, присоединились еще новыя особенности, характеризующія французскую классическую трагедію. Подобно тому какъ въ салонныхъ романахъ Скюдери проявилось смѣшеніе двухъ разнородныхъ міровъ, такъ и въ основу трагедіи легли двѣ цивилизаціи— древняя и современная, отдѣленныя одна отъ другой многими вѣками, различныя во всѣхъ отношеніяхъ и допускающія соглашеніе только насильственное. Прежде всего отразилось это на фабулахъ трагедій. Заимствуя для своихъ драмъ древніе миѳологическіе и историческіе сюжеты, французскіе писатели измѣняли ихъ сообразно духу своего времени [20]). Затѣмъ, отразилось это вліяніе на характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Древне-классическіе герои, въ противоположность ихъ національному характеру, изображались во французскихъ трагедіяхъ по тому идеалу героическаго величія, какой сложился въ представленіи французскаго общества въ эпоху Людовика XIV. Являясь не въ своемъ настоящемъ видѣ и духѣ, греки и римляне въ трагедіяхъ французскихъ классиковъ не были однакожъ и французами. Такъ напр., въ Расиновой трагедіи Ифигенія въ Авлидѣ Ахиллъ отличается рыцарскимъ духомъ, деликатностію чувствъ и изящной вѣжливостію, чего, конечно, не могло быть въ Гомеровскомъ Ахиллесѣ. Или въ той же

20) См. объ этомъ въ «Зачаткахъ русской литературной критики», вып. II, стр. 51—58.

трагедіи Ифигенія приносится въ жертву, при чемъ героиня Еврипида жалѣетъ разставаться съ жизнью, такъ какъ загробная жизнь, по вѣрованію древнихъ грековъ, не обѣщаетъ ей ничего особенно хорошаго; Ифигенія же Расина, какъ христіанка, мужественно идетъ на смерть въ надеждѣ получить достойное воздаяніе за гробомъ. Наконецъ, вкусъ, нравы и обычаи и свѣтскія приличія, которыя образовались въ высшемъ французскомъ обществѣ подъ вліяніемъ двора Людовика XIV и соблюденіе которыхъ было обязательно въ литературѣ, повліяли на изображеніе трагическаго вообще. Трагизмъ, какъ извѣстно, состоитъ въ сильной душевной борьбѣ героя, изъ которой нѣтъ ему исхода. Дѣйствующія лица, находясь въ такомъ положеніи, естественно, выражаютъ свои чувства прямо и открыто, забывая всякій утонченный этикетъ и подчиняясь единственно своей страсти. Въ трагедіяхъ французскихъ между тѣмъ господствуютъ строгій порядокъ и сдержанность. Аристотель требуетъ въ своей Піитикѣ, чтобы трагедія возбуждала ужасъ и состраданіе; французскіе драматурги не могли слѣдовать этому; поэтому Буало, говоря о трагическомъ, къ требованію Аристотеля еще прибавляетъ, чтобы ужасъ былъ тихій и приличный [21], не обращая вниманія на то, что человѣкъ въ сильно возбужденномъ состояніи не можетъ сообразоваться съ общественными требованіями. Оттого вмѣсто истиннаго паѳоса въ ложноклассическихъ трагедіяхъ и являются нерѣдко лишь пышныя фразы и вообще риторство.

Такимъ образомъ, недостатки или вѣрнѣе сказать— особенности французскаго классицизма не являются какъ deus ex machina, а развивались историческимъ путемъ и обусловливались тремя важными вліяніями:—преобладаніемъ разсудочнаго элемента въ духовномъ складѣ французской націи, предпочтительнымъ и почти исключительнымъ изученіемъ образцовъ древнеклассической поэзіи и, наконецъ, тѣмъ взаимодѣйствіемъ, какое гос-

---

[21]) L'Art poétique, III, 121—123.

подствовало между общественною жизнью и литературою. Не удивительно послѣ этого, что ложноклассическая поэзія, благодаря столь могущественнымъ факторамъ, не только пустила глубокіе корни во французской литературѣ, но и достигла самаго блестящаго состоянія въ лицѣ славныхъ своихъ представителей и долгое время господствовала въ литературѣ всѣхъ образованныхъ народовъ.

III.

СТРАНИЧКА КЪ ЛИТЕРАТУРНОМУ РОМАНТИЗМУ.

Какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ, духовномъ мірѣ явленія находятся въ причинномъ и внутреннемъ взаимодѣйствіи другъ къ другу. Литература, какъ одно изъ проявленій дѣятельности человѣческаго генія, подчиняется тому-же закону. Слѣдовательно, и литературный романтизмъ, овладѣвшій умами всего образованнаго міра въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, не можетъ стоять особнякомъ, какъ явленіе исключительное, не имѣвшее связи съ прошедшимъ и не оказавшее вліянія на будущій ходъ и развитіе литературы.

«То движеніе въ европейской литературѣ, которое стали впослѣдствіи разумѣть подъ сборнымъ именемъ романтизма, говоритъ Пыпинъ въ своихъ Историческихъ очеркахъ [1]), было явленіе очень сложное, въ разныхъ литературахъ вызванное различными потребностями и сложившееся въ разныя формы». Но едва ли точно подобное объясненіе, ибо, хотя post hoc и не всегда бываетъ propter hoc, но если литературный романтизмъ явился на смѣну французскаго клас-

---

[1]) Историческіе Очерки. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. А. Н. Пыпина, стр. 27.

сицизма, то въ этой преемственной смѣнѣ и слѣдуетъ искать истинныхъ причинъ для объясненія происхожденія романтизма, какъ особой литературной формы, особаго литературнаго явленія.

Въ предъидущей замѣткѣ о французскомъ классицизмѣ, между прочимъ, отмѣчено было нами, что одною изъ характерныхъ особенностей его было то, что ложноклассики, погрузившись въ античный міръ, отрѣшились отъ національной литературы и забыли свою родную старину, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишили себя и столь важныхъ источниковъ, питающихъ всякую литературу, каковы: вѣра, чувство и индивидуальность. Само собой, такое насильственное отчужденіе литературы отъ жизни и отъ того, что дороже всего для человѣка, слишкомъ долго продолжаться не могло и рано-ли, поздно-ли должно было вызвать протестъ противъ заполонившаго вліянія французскаго классицизма. Такимъ протестомъ противъ классицизма и явилось новое литературное направленіе, названное романтизмомъ.

Протестъ этотъ прежде всего выразился въ томъ, что литература обратилась къ родной своей старинѣ, къ забытой эпохѣ среднихъ вѣковъ съ характерными ея особенностями, съ ея вѣрою и суевѣріями, съ ея народными преданіями, исполненными всякихъ чудесъ, къ идеализированнымъ рыцарскимъ подвигамъ и приключеніямъ съ неизмѣнною рыцарскою любовью и т. д., и т. д. Словомъ, романтизмъ, какъ протестъ противъ классицизма, былъ прежде всего возвращеніемъ литературы на родину послѣ продолжительнаго скитанія по чужимъ краямъ. Въ этомъ и состоитъ внутренняя преемственная связь классицизма и романтизма, какъ двухъ литературныхъ направленій, смѣнившихъ одно другое.

Итакъ, первоначальною отличительною чертою, рѣзко отдѣляющею романтизмъ отъ классицизма, служитъ та новая область, откуда романтизмъ сталъ почерпать содержаніе для своихъ произведеній. Изъ характера этой-то новой области, какова эпоха среднихъ

вѣковъ, и вытекаютъ всѣ признаки, всѣ достоинства и недостатки романтической литературы.

Первымъ характеристическимъ признакомъ романтизма, естественно, былъ національный элементъ. Въ противоположность классикамъ, бравшимъ сюжеты для своихъ произведеній изъ древнеклассическаго міра, романтики принялись со страстью за разработку и воспроизведеніе средневѣковой жизни, начали собирать средневѣковыя легенды, сказанія, миѳы, народныя пѣсни и воспроизводить родную исторію. Вмѣстѣ съ возвращеніемъ къ родной старинѣ они обратились и къ любимымъ средне—вѣковымъ литературнымъ формамъ, такъ что самою обычною эпическою формою съ этихъ поръ сдѣлались романъ, окончательно смѣнившій классическую эпопею, и баллада, отличавшаяся характеристическою примѣтою среднихъ вѣковъ—чудесностью и фантастичностью. Изъ стремленія же романтиковъ къ возстановленію родной старины вытекало и то, что они принялись за изученіе поэтическихъ произведеній и жизни вообще древняго міра, но это изученіе древности было уже не тѣмъ поверхностнымъ изученіемъ, изъ котораго родился ложный французскій классицизмъ, а изученіемъ глубокимъ и всестороннимъ, давшимъ понятію о поэзіи, какъ искусствѣ, такую широту, какой она никогда не имѣла прежде [2]).

Литературными представителями такого романтизма были: въ Англіи—Вальтеръ Скоттъ, живописно представившій въ своихъ романахъ англійскую старину, въ Германіи—Гете, Шиллеръ, Уландъ, Бюргеръ, воскресившіе своими балладами нѣмецкую и классическую старину, и нѣсколько позднѣе во Франціи—Викторъ Гюго, написавшій, между прочимъ, знаменитый романъ изъ средневѣковой жизни Соборъ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris).

Вторымъ и самымъ важнымъ признакомъ, харак-

---

2) См. въ первой замѣткѣ о Лессингѣ и Винкельманѣ, раскрывшихъ фальшь французскаго классицизма.

теризующимъ романтизмъ, какъ литературное направленіе, противоположное классицизму, было то, что романтики внесли въ содержаніе поэзіи міръ ощущеній внутренней жизни, мало дотолѣ затрогиваемой въ литературѣ. Собственно, этотъ-то признакъ и составляетъ жизненный нервъ романтизма, давшій ему типическую окраску. А такъ какъ міръ ощущеній внутренней жизни исчерпывается областью вѣры и чувства, то эта область и легла главнымъ образомъ въ основу романтической литературы. Еще до зарожденія романтической школы чувствовался уже въ ложно-классической литературѣ пробѣлъ изъ міра ощущеній внутренней жизни: сентиментальные романы Ричардсона Памела (1740 г.) и Кларисса (1748 г.) были первымъ выраженіемъ протеста и поворотомъ отъ героическихъ романовъ псевдоклассиковъ къ повѣсти о повседневной жизни съ ея радостями и страданіями; они, затронувъ область жизни сердечной и придавъ этимъ литературѣ теплоту и простоту, стушевали разсудочную сухость ложно-классической поэзіи и приблизили ее къ жизни. Романтики же протестъ свой противъ разсудочной сухости классицизма выразили еще рѣшительнѣе: они поставили уже вопросъ не о сближеніи, но объ объединеніи поэзіи и жизни, объ осуществленіи поэтическихъ идеаловъ въ жизни реальной. А такъ какъ человѣчество живетъ не однимъ только разумомъ, но и міромъ сердечныхъ ощущеній, то романтики требовали, чтобы и этотъ послѣдній занялъ подобающее ему мѣсто въ литературѣ, чего не давалъ французскій классицизмъ. Основатели нѣмецкой романтической школы братья Шлегели въ цѣломъ рядѣ критическихъ и полемическихъ статей, помѣщавшихся въ журналѣ Атеней, рѣзко возстали противъ вліянія въ нѣмецкой литературѣ англійской деистической и французской энциклопедической философіи, возведшей разумъ въ идею о

---

[3]) Августъ Шлегель (1767—1845 г.) и Фридрихъ Шлегель (1772 -1829 г.).

Богѣ, и признали такое направленіе чисто разсудочной философіи вреднымъ не только для науки, но и для жизни. На этомъ основаніи они стремились произвести радикальный переворотъ въ нѣмецкой литературѣ и провозгласили принципъ единства поэзіи и жизни, для осуществленія же этого принципа требовали возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искусство встрѣчались и сливались «въ высшемъ единствѣ религіи». Такимъ образомъ, вѣра, а нераздѣльно съ нею и міръ ощущеній внутренней жизни должны были сдѣлаться центромъ направленія поэзіи. Преслѣдуя такую цѣль романтики и обратились къ эпохѣ среднихъ вѣковъ, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, христіанство того времени, не зараженное никакою одностороннею философіей, соединяло воедино и государство и церковь, и литературу и жизнь. Слѣдовательно, мотивы основателей романтизма къ воскрешенію эпохи среднихъ вѣковъ были слишкомъ возвышенны, и не ихъ вина, что послѣдующіе романтики, уносясь въ очаровательное для нихъ прошедшее и ища въ немъ идеаловъ для неопредѣленнаго еще будущаго, послѣдовательнымъ путемъ приходили къ туманному религіозному мистицизму, къ витаніямъ въ мірѣ духовъ и привидѣній. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что романтизмъ внесъ въ поэзію новую жизненную струю, по сравненію съ классицизмомъ, именно—міръ ощущеній внутренней жизни, и черезъ это расширилъ литературный горизонтъ, придавъ господствующее значеніе новой формѣ лирической поэзіи—элегіи, которой почти вовсе не было въ ложно-классической литературѣ.

Наконецъ, третьимъ отличительнымъ признакомъ, характеризующимъ романтическую поэзію и тѣсно связаннымъ со вторымъ, была индивидуальность. Вполнѣ естественно и понятно, что каждый поэтъ, стремясь къ осуществленію идеаловъ въ жизни, размышлялъ и чувствовалъ по своему. Отсюда субъективный элементъ въ романтической поэзіи сдѣлался преобладающимъ не только въ лирикѣ, но и въ эпосѣ, такъ что

созданъ былъ романтиками новый и небывалый еще до сихъ поръ особый видъ лиро-эпической поэзіи—такъ называемая поэма новаго времени.

Представителями романтической лирики были: въ Англіи—Грей, Драйденъ, Саути, Гольдсмитъ, Томасъ Муръ, Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ, положившій начало поэмѣ новаго времени; въ Германіи—Гёте, Шиллеръ, Уландъ, Гебель, Ламоттъ-Фуке, Зейдлицъ, Рюккертъ, Гриммъ и др.

Такимъ образомъ, если разсматривать романтизмъ, какъ явленіе литературное, а не исключительно съ политической и притомъ узко-тенденціозной точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ иногда почтенный авторъ обширныхъ Историческихъ очерковъ [1]), то романтизмъ оказывается явленіемъ не слишкомъ сложнымъ, вызваннымъ въ разныхъ литературахъ не различными, а одною и тою же потребностію, и сложившимся въ опредѣленныя литературныя формы. А именно—

Существенныхъ признаковъ, характеризующихъ романтизмъ, только три: національный элементъ, тѣсно связанный съ идеализированнымъ воскрешеніемъ эпохи среднихъ вѣковъ, изображеніе міра ощущеній изъ внутренней жизни человѣка и индивидуальность.

Стимуломъ, вызвавшимъ романтическое литературное движеніе, былъ протестъ противъ ложнаго классицизма, какъ направленія чуждаго въ литературѣ и по внутреннему содержанію узкаго и односторонняго.

Наконецъ, господствующими литературными формами романтической поэзіи стали: въ эпосѣ—романъ, смѣнившій классическую эпопею, баллада и поэма новаго времени, новый видъ лиро-эпической поэзіи; въ лирикѣ—элегія, какъ наиболѣе пригодная для изображенія міра ощущеній; что же касается драматической поэзіи, то, не говоря уже о такъ называемой слезной комедіи или мѣщанской трагедіи, какъ пер-

---

[1]) Историческіе Очерки Пыпина, стр. 17—60.

вомъ протестѣ противъ ложно-классической трагедіи [5]), французская классическая драма смѣнилась драмой Шекспировскаго характера, съ широкимъ и всестороннимъ изображеніемъ внутренняго міра души человѣческой.

Въ русской литературѣ наблюдается совершенно аналогичное явленіе. И у насъ первымъ протестомъ противъ разсудочной сухости ложно-классической поэзіи и напыщенныхъ громозвучныхъ одъ ея тоже является сперва внесеніе сентиментализма въ литературу. Въ 1787 г. была переведена Памела, а въ 1891—82 г.г. Кларисса Ричардсона, въ 1894 же году нѣкто Павелъ Львовъ написалъ въ подражаніе Россійскую Памелу, или исторію Маріи, добродѣтельной поселянки. Затѣмъ, выступилъ представитель русскаго сентиментализма Карамзинъ со своими Письмами русскаго путешественника и повѣстями Бѣдная Лиза и Наталья, боярская дочь, которыми низвелъ онъ поэтическій вымыселъ изъ героическаго міра въ среду обыкновенной и понятной для всѣхъ жизни и затронулъ при этомъ струны сердечныя. Наконецъ, не много спустя и даже одновременно съ Карамзинымъ является и Жуковскій, «родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ», какъ самъ онъ про себя выражается.

Не вдаваясь въ изложеніе дальнѣйшей судьбы какъ западнаго, такъ и русскаго романтизма, послужившаго зерномъ къ возникновенію и развитію національной литературы у всѣхъ народовъ и положившаго начало эстетической критики и психологическаго анализа въ поэтическомъ творчествѣ, укажемъ еще на одинъ очень важный моментъ въ исторіи развитія романтизма, слу-

[5]) Зачатки русской литературной критики. И. Бѣлоруссова. Вып. I, стр. 16—22.

жающій переходомъ отъ мечтательной идеализаціи къ реальной дѣйствительности въ поэзіи.

Какъ ни странно на первый взглядъ, но именно романтическій идеализмъ и породилъ такъ называемую реальную словесность или поэзію дѣйствительности. Нашъ Пушкинъ былъ истиннымъ романтикомъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова и вмѣстѣ первымъ поэтомъ національной дѣйствительности. Само собой, рожденіе поэзіи дѣйствительности изъ романтическаго идеализма, какъ и вообше актъ рожденія, обошелся не безъ страданій и не безъ борьбы въ исторіи развитія литературы, доказательствомъ чего служитъ поэтическое творчество всѣхъ поэтовъ, стоящихъ на рубежѣ романтизма и реальной литературы; но несомнѣнно, что стремленіе романтизма внести идеалъ въ реальную жизнь и произвело новое поколѣніе поэтовъ дѣйствительности. Въ такой внутренней и причинной преемственности одно литературное явленіе смѣняется другимъ литературнымъ явленіемъ! Не будь Пушкина—романтика, не было бы у насъ и Гоголя, родоначальника реальной литературы

Высоко-поучительную страницу въ исторіи поэтическаго творчества представляетъ собою Шиллеръ, какъ поэтъ, стоящій на рубежѣ романтической и реальной словесности и пережившій всѣ муки борьбы и страданій при осуществленіи принципа романтиковъ—внести идеалъ въ жизнь реальную.

Какъ извѣстно, литературная дѣятельность Шиллела была двоякая: теоретическая или философско-эстетическая и художественная или поэтическая. Оба рода этой дѣятельности тѣсно связаны между собою и идутъ у него рука объ руку, т. е. мысли, выраженныя въ разсужденіяхъ философско-эстетическихъ, представлены также и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Такъ, мысли, изложенныя въ разсужденіи: О возвышенномъ, нашли свое выраженіе въ стихотвореніи: Путеводите-

ли жизни [6]). Къ мыслямъ, выраженнымъ въ разсужденіи: О достоинствѣ и прелести [7]), относятся стихотворенія: Пляска и Достоинство женщинъ.

---

[6]) Насколько близка другъ къ другу философско-эстетическая и художественная дѣятельность Шиллера, это можно видѣть изъ слѣдующаго, напр., сопоставленія отрывка изъ разсужденія О возвышенномъ съ стихотвореніемъ Путеводители жизни. «Есть два генія, которыхъ природа дала намъ спутниками жизни, говоритъ онъ въ разсужденіи О возвышенномъ. Одинъ, дружескій и благосклонный, сокращаетъ намъ своею веселою игрою трудное путешествіе, облегчаетъ намъ оковы необходимости и ведетъ насъ среди дружбы и шутокъ до опасныхъ мѣстъ, гдѣ мы должны дѣйствовать, какъ чистые духи, и отложить все тѣлесное, до познанія истины и исполненія обязанности. Здѣсь онъ насъ оставляетъ, ибо только чувственный міръ его область; выше же этого міра его не могутъ носить его земныя крылья. Но теперь выступаетъ другой, важный и молчаливый, и твердою рукою несетъ насъ надъ бездонною пропастью. Первый изъ этихъ геніевъ есть чувство прекраснаго, второй—чувство возвышеннаго». (Полное собраніе соч. Шиллера, 6-е изд. Гербеля, т. 3-й, стр. 434). Почти буквальный переводъ этого мѣста представляетъ собою стихотвореніе: Путеводители жизни (Соч. Шиллера, 6-е изд., т. I, стр. 104). Вотъ оно.

«Смертный! два генія чудныхъ ведутъ тебя въ жизни. Счастливъ ты,
«Если они, помогая другъ-другу, ведутъ тебя вмѣстѣ!
«Рѣзвой игрою одинъ сокращаетъ твой путь; опираясь
«На исполинскую руку его, ты судьбу и заботы
«Смѣло встрѣчаешь тогда, и, играя, тебя онъ приводитъ
«Къ безднѣ, гдѣ человѣкъ, содрогаясь, стоитъ передъ моремъ
«Вѣчности. Здѣсь другой молчаливо тебя принимаетъ
«И черезъ черную бездну гигантской рукой переноситъ.
«Нѣтъ! ты вполнѣ никогда одному лишь изъ нихъ не ввѣряйся!
«Не довѣряй одному своей чести, а счастья—другому!

[7]) Это соч. на русскій языкъ не переведено.

Письмамъ Объ эстетическомъ образованіи человѣка [8]) и разсужденію: Наивная и сентиментальная поэзія соотвѣтствуютъ стихотворенія: Идеалы, Самоотреченіе (Resignation), Мечты и жизнь, Боги Греціи, изъ коихъ одни изображаютъ разочарованіе, какъ дисгармонію духа, а другія выражаютъ примиреніе съ жизнью вслѣдствіе гармоніи, водворившейся въ душѣ человѣка.

Воззрѣнія, изложенныя Шиллеромъ главнымъ образомъ въ этихъ разсужденіяхъ, сводятся къ слѣдующему. Въ вѣкъ юношества человѣческаго рода, человѣкъ жилъ въ согласіи съ природой и самимъ собою; тѣлесныя и духовныя силы его находились въ немъ въ равновѣсіи; человѣкъ былъ организмомъ гармоническимъ и, какъ изящное произведеніе, представлялъ сочетаніе достоинства и граціи. Такое состояніе покоя и наслажденія жизнью особенно поэтически представлено стихотвореніемъ Боги Греціи. Но культура уничтожила это согласіе [9]), вслѣдствіе чего человѣкъ не чувствуетъ уже того покоя, какимъ наслаждались въ Аркадіи; его удѣломъ стали борьба и разочарованіе. Это изображено въ стихотвореніяхъ: Самоотреченіе и Идеалы.

Какъ же уничтожить такое тяжелое состояніе? Назадъ, въ періодъ юношества, возвратиться нельзя [10]);

---

[8]) Письмо, это, (числомъ 27) писано было къ герцогу Голштейнъ—Августенбургскому и въ полномъ собраніи соч. Шиллера изд. Гербеля тоже не помѣщены.

[9]) «Когда человѣкъ входитъ въ состояніе цивилизаціи, и искусство налагаетъ на него свою руку, говоритъ Шиллеръ,—тогда уничтожается въ немъ чувственная гармонія, и онъ можетъ только выражаться, какъ моральное единство, т. е., какъ стремящійся къ единству. Гармонія ощущенія съ мыслительностію, существовавшая прежде дѣйствительно, существуетъ теперь только идеально; она уже болѣе не въ немъ, но внѣ его, какъ мысль, которая должна еще осуществиться, а не какъ фактъ его жизни» («Наивная и сентиментальная поэзія», соч. Шиллера, т. 3, стр. 382).

[10]) «Прочь жалобы на трудности жизни! восклицаетъ

надобно поэтому идти впередъ, въ область культуры болѣе совершенной. Надобно, чтобы человѣкъ облагородилъ себя, выработалъ изъ себя человѣка съ идеальнымъ достоинствомъ, воплотилъ бы въ себѣ чистѣйшій идеалъ человѣческой сущности. Это достигается эстетическимъ образованіемъ, которое идеалъ красоты прилагаетъ къ дѣйствительной жизни. Такое образованіе уничтожитъ внутреннюю борьбу въ человѣкѣ, положитъ конецъ разочарованіямъ, дастъ равновѣсіе всѣмъ силамъ человѣка, водворитъ согласіе между разумомъ и волею, между закономъ и человѣческими наклонностями, и введетъ насъ не въ Аркадію, которая лежитъ позади насъ, а въ Элизіумъ, который открывается впереди, какъ цѣль нашихъ стремленій, какъ идеалъ. Это достиженіе идеала и выражено въ стихотвореніи: Мечты и жизнь въ образѣ Геркулеса, который, совершивъ на землѣ подвиги, достигаетъ своего идеала, т. е. принимается на Олимпъ и вкушаетъ божественный напитокъ, подносимый ему Гебой.

И такъ, стремленіе внести идеалъ въ реальную жизнь, водворить въ душѣ человѣка гармонію, нарушенную современной культурой и цивилизаціей — вотъ основная мысль, проводимая Шиллеромъ въ его философско-эстетическихъ сочиненіяхъ и воплощенная въ поэтическіе образы. Это же стремленіе, какъ сказано выше, было исходнымъ пунктомъ и германской романтической школы: и она, недовольная современной культурой, поселившей разладъ въ жизни человѣческой, ду-

---

Шиллеръ. Покорись имъ самоотреченіемъ! уважай ихъ, какъ естественныя условія жизни! оплакивай зло, но однѣми только слезами! Заботься лучше о томъ, какъ бы среди этихъ золъ самому дѣйствовать чисто, среди капризныхъ перемѣнъ — постоянно, среди анархіи — законно. Та природа, въ которой ты завидуешь неразумному, не стоитъ тоски твоей. Она позади тебя, она должна вѣчно оставаться за тобою» (Ibid., стр. 379).

мала уничтожить этотъ разладъ и возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искусство встрѣчались и сливались въ высшемъ единствѣ религіи. Но въ то время, какъ другіе романтики думали найти идеалъ жизни въ воскрешеніи эпохи среднихъ вѣковъ,—Шиллеръ, напротивъ, прямо отрицалъ возможность возвращенія назадъ и требовалъ идти впередъ, въ область культуры болѣе совершенной, и въ ней искать идеала для жизни.

Элегіи Шиллера суть выраженіе тоски о такомъ идеалѣ, а другія стихотворенія его выражаютъ торжество достиженія этого идеала.

Современники наиболѣе извѣстныхъ нашихъ писателей весьма часто приравнивали ихъ знаменитымъ авторамъ древняго и новаго міра, прославившимся въ тѣхъ родахъ сочиненій, въ которыхъ упражнялись наши писатели. Такъ, Ломоносова называли русскимъ Пиндаромъ, Сумарокова—русскимъ Расиномъ, Хераскова—русскимъ Гомеромъ и проч. На томъ же основаніи и Жуковскій именовался русскимъ Шиллеромъ. Но такое прозвище дано было невѣрно [11]), и невѣрность эта произошла отъ того, что не было уяснено истинное отношеніе Жуковскаго къ Шиллеру, какъ переводчика

---

[11]) Впрочемъ, еще Н. Полевой, Очерки котораго изданы были въ 1839 году, понималъ невѣрность такого прозванія Жуковскаго. Къ счастію Жуковскаго, говоритъ Полевой, онъ съ дѣтства узналъ новую нѣмецкую литературу, и она была ему ближе французской. Впрочемъ, не должно полагать, чтобы Жуковскій глубоко проникалъ тогда въ сущность Германской и Англійской поэзіи... Не могъ онъ постигнуть глубины Гете и даже вдохновителя и любимца своего Шиллера. Чувство, одушевлявшее Жуковскаго, было то неопредѣленное и неглубокое чувство, которое одушевляетъ юношу—мечтателя. (Очерки русской литературы Н. Полеваго, т. I, стр. 112).

многихъ стихотвореній послѣдняго. Во-первыхъ, какъ извѣстно, Жуковскій не перевелъ ни одного разсужденія Шиллера, въ которыхъ проводятся его взгляды на отношеніе поэзіи къ жизни; во-вторыхъ, онъ оставилъ безъ перевода самыя характеристическія стихотворенія Шиллера, каковы: Самоотреченіе, Идеалы, Мечты и жизнь, Боги Греціи, Пѣснь о колоколѣ и др. Что же касается характера элегій Жуковскаго, то въ нихъ выражается тоска совершенно по другомъ идеалѣ, чѣмъ у Шиллера: Жуковскій сѣтуетъ на разлуку съ любимымъ существомъ. Воспоминаніе объ этой любви и надежда на соединеніе съ предметомъ любви въ загробной жизни, настоящая жизнь, слагающаяся изъ этихъ двухъ элементовъ (воспоминанія и упованія)—вотъ почти исключительная и единственная тема его элегій, изъ которыхъ лучшая оригинальная—Теонъ и Эсхинъ—написана на эту же самую тему. И только переводъ прекрасныхъ Шиллеровскихъ баллядъ и Орлеанской Дѣвы былъ поводомъ, почему современники могли назвать Жуковскаго русскимъ Шиллеромъ.

И. Бѣлоруссовъ.

Вис. Гр. БѢЛИНСКІЙ.

«Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!
Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.
Ты не гнушался никакимъ трудомъ...
«Чернорабочій я, не бѣлоручка!»
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!»

Некрасовъ, 1867 г. «Медвѣжья охота».

Въ настоящемъ году, 26 мая, оканчивается пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, котораго по справедливости должно признать не только отцомъ русской литературной критики, но и руководителемъ ея до самаго послѣдняго времени, до нынѣ не потерявшимъ значенія, вліянія, такъ сказать, нѣкоторой власти надъ умами мыслящихъ русскихъ людей. Сила этого вліятельнаго, «властнаго», значенія заключается, конечно, прежде всего, въ сочиненіяхъ этого талантливаго критика—публициста, но чуть ли не столько-же въ его благородной личности, какою она рисуется и въ этихъ сочиненіяхъ, и въ воспоминаніяхъ друзей, между прочимъ—такихъ выдающихся писателей, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ.

Бѣлинскому принадлежитъ, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи умственнаго и об-

щественнаго развитія нашего отечества. Литературная критика можетъ имѣть громадное значеніе въ этомъ дѣлѣ, если она обладаетъ силой общественнаго вліянія. Выясняя значеніе и смыслъ художественныхъ произведеній слова, ихъ связь съ общественной жизнью, ихъ художественное, общественное и нравственное достоинство, она возбуждаетъ и направляетъ мысль и идеальныя стремленія не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но и въ обществѣ. Случается, что художественныя произведенія по-долгу остаются непонятыми, недоступными для общаго пониманія и общаго наслажденія, безъ благотворнаго нравственнаго воздѣйствія на общество, именно потому, что нѣтъ надлежащей объяснительной критики, обладающей силой общественнаго вліянія. Безъ такой силы, и очень умная критика—все равно, что дѣльный адвокатъ, который, однако же, не умѣетъ или не можетъ заставить судъ присяжныхъ слушать себя. Вотъ почему, не смотря на многія другія достоинства, такъ мало значенія имѣли критическія сочиненія Аполлона Григорьева, Эдельсона, Анненкова, Страхова. Бѣлинскій въ высокой степени обладалъ этой силой общественнаго вліянія, которое началось съ появленія въ «Молвѣ» его первой самостоятельной и значительной работы («Литературныя мечтанія», 1834 г.), продолжалось до конца его жизни, продолжается и до сихъ поръ.

Біографія Бѣлинскаго не богата событіями и внѣшнимъ интересомъ. Въ общемъ, она обнаруживаетъ, что вліянія и условія жизни, съ дѣтскихъ лѣтъ и до самаго конца, преимущественно возбуждали критическую сторону его ума. Понятно, что и критика его, прежде всего, направлялась на самую жизнь и на художественную литературу, какъ отраженіе жизни. Достаточно припомнить самыя главныя событія его біографіи, чтобы убѣдиться, что сама жизнь готовила изъ него именно критика—публициста, для котораго литература стала дѣломъ жизни, личная жизнь котораго очень рано и не-

разрывно связалась съ литературной, критико-публицистической, дѣятельностью.

Вис. Гр. Бѣлинскій родился въ 1810 году, въ Свеаборгѣ, гдѣ тогда жилъ его отецъ, флотскій врачъ. Но дѣтство свое онъ провелъ въ уѣздномъ городѣ Чембарѣ, Пензенской губерніи: сюда перешелъ на службу его отецъ, на должность уѣзднаго врача. Здѣсь же онъ началъ учиться, сперва у отца и домашней учительницы, потомъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ.

Имѣются указанія, что уже въ дѣтствѣ будущій критикъ вынесъ изъ окружающей дѣйствительности не мало впечатлѣній, опредѣлявшихъ характеръ всей его жизни и литературной дѣятельности, какъ человѣка борьбы и смѣлаго протестующаго слова. Да въ дѣтствѣ-же обнаружились и въ личности его признаки такого именно человѣка. Отецъ его, при многихъ недостаткахъ и слабостяхъ, былъ человѣкъ честный и прямой. Онъ не ладилъ съ обществомъ и жизнью глухого русскаго городка, каковы они были въ первой четверти текущаго столѣтія. Онъ возмущался господствомъ невѣжества, грубости, картежной игры, пьянства, взяточничества и всяческихъ злоупотребленій. Онъ громко порицалъ и осмѣивалъ, и въ обществѣ, и въ своей семьѣ, мѣстную жизнь и мѣстные нравы, вооружая противъ себя общество, возбуждая критическое раздумье и негодующее чувство въ сынѣ, который уже тогда былъ серьёзенъ не по лѣтамъ. Какъ человѣкъ, сравнительно, образованный, отецъ Бѣлинскій съ горячностью говорилъ о невѣжествѣ общества, о необходимости просвѣщенія для его очеловѣченія, и эти рѣчи глубоко и прочно ложились въ душу серьёзнаго и воспріимчиваго мальчика. Училище, въ которомъ пришлось учиться юному Бѣлинскому, было поставлено плохо, впрочемъ-какъ и всѣ русскія училища того времени. Безтолковое преподаваніе по дряннымъ учебникамъ, которые заучивались безъ всякихъ объясненій, грубое обращеніе съ дѣтьми, жестокія наказанія, иногда переходившія въ варварство и глумле-

ніе,—вотъ что видѣлъ въ этомъ училищѣ даровитый мальчикъ, жадно искавшій знаній, любознательный и бойкій на слово. Среди этого педагогическаго безобразія Бѣлинскій, уже мальчикомъ, являлся человѣкомъ протеста и борьбы. Онъ смѣло возставалъ противъ варварской жестокости одного изъ учителей, хотя эта жестокость вовсе не обрушивалась на него лично. Онъ не безъ успѣха заступался за товарищей, за ихъ человѣческое достоинство, даже привлекъ отца къ участію въ этой борьбѣ. Въ средѣ товарищей онъ замѣтно отличался бойкостью, осмысленностью и остроуміемъ своихъ отвѣтовъ, и на него обратилъ особенное вниманіе директоръ училищъ, извѣстный романистъ Ив. Ив. Лажечниковъ, при ревизіи Чембарскаго уѣзднаго училища. «Худенькій, маленькій, разсказываетъ Лажечниковъ, онъ на лицо казался старше, чѣмъ показывалъ его ростъ (тогда Бѣлинскому было 12 лѣтъ). Смотрѣлъ онъ очень серьёзно. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частью, своими словами, прибавляя и то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ».

Въ 1825 году юноша Бѣлинскій перешелъ, для дальнѣйшаго образованія, въ Пензенскую гимназію. Гимназія эта, ни въ учебномъ, ни въ воспитательномъ отношеніи, не выдѣлялась изъ общаго уровня всѣхъ тогдашнихъ русскихъ гимназій, вообще поставленныхъ неудовлетворительно, не приспособленныхъ къ условіямъ и потребностямъ русской жизни, не имѣвшихъ ни дѣльнихъ учебниковъ, ни живыхъ преподавателей. Единственнымъ живымъ человѣкомъ, съ любовью къ наукѣ, съ педагогическимъ огонькомъ и тактомъ, съ благотворнымъ вліяніемъ на учениковъ, въ Пензенской гимназіи тогда былъ преподаватель М. М. Поповъ, «кладъ для гимназіи», по выраженію того же Лажечникова. Бѣлинскій всегда сохранялъ теплое отношеніе къ этому своему учителю, который тоже не безъ участія, впрочемъ, до-

вольно осторожнаго, относился къ своему бывшему ученику, хотя впослѣдствіи бросилъ учебную службу для другой и достигъ значительнаго служебнаго положенія.

Въ гимназіи Бѣлинскій, вообще учившійся только удовлетворительно, обращалъ на себя особенное вниманіе бойкостью и одушевленнаго устнаго изложенія, серьёзными, иногда очень остроумными, сочиненіями и независимымъ увлекающимся характеромъ, неспособнымъ ни къ какимъ уступкамъ, ни къ какому угодничеству. Всего болѣе онъ увлекался чтеніемъ и литературой, особенно любилъ поэзію Пушкина, тогда уже обнаружившаго всю силу своего блестящаго генія.

Такъ какъ гимназическое преподаваніе не удовлетворяло даровитаго юношу, то онъ задумалъ перейти въ университетъ, не окончивъ гимназическаго курса. Осенью 1829 года, предварительно посѣтивъ Чембаръ, Бѣлинскій уже былъ въ Москвѣ, и съ 25 сентября началъ слушать лекціи по словесному факультету. Средствъ для удовлетворительной жизни въ Москвѣ у него не было, потому что отецъ, при всей его привязанности къ даровитому сыну, не могъ оказывать ему значительной помощи: онъ и самъ съ семьей, въ глухомъ Чембарѣ, постоянно нуждался. Пришлось добывать себѣ средства уроками и кое-какими журнальными работами. Но скоро студенту Бѣлинскому удалось попасть въ число казенно-коштныхъ. И все-таки, разъ, пристроившись къ литературной работѣ, онъ не отставалъ отъ нея,—тѣмъ болѣе, что и университетскія лекціи того времени оказались мало удовлетворительными: пора разцвѣта и кипучей жизни для Московскаго университета еще не наступила.

«Солнце истины, говоритъ К. С. Аксаковъ, тоже бывшій тогда въ числѣ студентовъ Московскаго университета, освѣщало наши умы очень тускло и холодно». Студенчество, при безжизненности преподаванія, при отсутствіи умственныхъ и научныхъ интересовъ, отдавалось безобразнымъ кутежамъ, буйству и проказамъ, о которыхъ ходило по Москвѣ не мало забавныхъ раз-

сказовъ. Кружокъ молодежи, къ которому присталъ студентъ Бѣлинскій, представлялъ исключеніе: здѣсь увлекались чтеніемъ, театромъ, литературой, Мочаловымъ, Щепкинымъ, Пушкинымъ, подымали вопросы и горячіе споры общественнаго, научнаго и литературнаго содержанія. Умственная жизнь этого кружка и Бѣлинскаго имѣла очено мало связи съ университетомъ до появленія Н. И. Надеждина, который, импровизируя свои блестящія лекціи, умѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе молодежи, примѣняя къ вопросамъ искусства и литературы широкую философскую точку зрѣнія. Надеждинъ имѣлъ большое вліяніе на складъ мыслей будущаго критика не только своими живыми лекціями, но и своими критико-философскими статьями, которыя печаталъ подъ псевдонимомъ «Недоумко». Вліяніе это сказалось въ томъ, что мысль Бѣлинскаго сосредоточилась на вопросахъ философскихъ и литературныхъ: вовсе не обладая художественнымъ вкусомъ и критической проницательностью. Надеждинъ въ свое время былъ истиннымъ человѣкомъ науки, съ обширной начитанностью, съ большими познаніями, а потому своими лекціями и статьями возбуждающимъ образомъ дѣйствовалъ на молодежь.

Литературныя занятія неудержимо влекли къ себѣ Бѣлинскаго. Но въ то время онъ еще самъ не опредѣлилъ, какая именно литературная работа соотвѣтствуетъ складу его ума, и съ увлеченіемъ принялся за сочиненіе трагедіи, въ основу которой была положена идея человѣческаго достоинства. Впослѣдствіи онъ самъ смѣялся надъ этимъ произведеніемъ своего юношескаго пера; у него былъ сильный критическій умъ и тонкое художественное пониманіе, но онъ вовсе не обладалъ творческой силой поэта, и юношеская трагедія была, конечно, неудачнымъ опытомъ художественнаго творчества. Опытъ былъ неудачнымъ и по своему художественному достоинству, и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми сопровождались усилія автора напечатать свое произведеніе. Трагедія была признана

безнравственной, потому что въ ней слуга убиваетъ своего господина, а къ автору университетское начальство стало относиться подозрительно и недоброжелательно,—и вотъ, въ концѣ 1832 года, Бѣлинскій былъ исключенъ изъ университета подъ предлогомъ «неспособности (?!) къ слушанію лекцій».

Молодому человѣку пришлось не мало бѣдствовать, занимаясь то мелкими литературными работами, то частными уроками, которые скудно оплачивались. Знакомство съ Надеждинымъ, который умѣлъ понять и оцѣнить своего талантливаго ученика, дало ему постоянную работу въ «Молвѣ» и «Телескопѣ». Въ 1834 году, въ «Молвѣ», появилась первая значительная и совершенно самостоятельная его критико-публицистическая статья, которая произвела впечатлѣніе и обратила на себя вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей, какъ первый у насъ критическій очеркъ исторіи русской литературы, написанный горячо, съ оригинальнымъ пониманіемъ и съ широкимъ взглядомъ на дѣло. Это были извѣстныя «Литературныя мечтанія», которыми начинается «Собраніе сочиненій Бѣлинскаго» (т. I, стр. 1—125).

Молодой критикъ настаиваетъ, что «литература непремѣнно должна быть народною, если хочетъ быть «прочною и вѣчною», что она должна «выражать и воспроизводить въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ своего народа». Изъ историческаго обзора русскихъ литературныхъ явленій онъ дѣлаетъ смѣлый выводъ, что такой литературы, какъ живого отраженія народнаго духа, а слѣдовательно—и народной жизни, у насъ пока (1834 г.) нѣтъ, но есть нѣсколько писателей, произведенія которыхъ являются несомнѣнными предвѣстниками богатой русской литературы въ будущемъ, когда въ Россіи «будетъ просвѣщеніе, созданное народными трудами, возращенное на родной почвѣ»... «Намъ нужно, съ горячностью и убѣжденіемъ восклицаетъ авторъ, не литература, которая безъ всякихъ съ нашей стороны усилій явится въ свое время, а просвѣщеніе!» «Придетъ время—просвѣще-

віе разольется по Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа; а теперь намъ нужно ученье, ученье, ученье!.» Когда у насъ разольется просвѣщеніе, тогда мы будемъ имѣть и свою литературу, «явимся не подражателями, а соперниками европейцевъ». Авторъ вѣритъ, что это время недалеко, что «въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена для будущаго, и они взойдутъ, разцвѣтутъ пышно и великолѣпно».

Не смотря на молодость, авторъ въ своемъ первомъ самостоятельномъ трудѣ обнаружилъ и опредѣленность живого оригинальнаго убѣжденія, и большую долю проницательности. Основнымъ идеямъ этого перваго труда,—о великомъ значеніи народнаго просвѣщенія, какъ необходимаго условія для лучшаго будущаго, и о народности художественной литературы, въ смыслѣ отраженія народнаго духа, а слѣдовательно—и народной жизни,—Бѣлинскій оставался вѣренъ до конца своей литературной дѣятельности. Это происходило не отъ того, чтобы онъ застылъ на однихъ и тѣхъ же понятіяхъ и слѣпо отстаивалъ все, разъ имъ сказанное. Напротивъ, рѣдко бываютъ люди до такой степени неспособные къ умственной неподвижности, каковъ былъ Бѣлинскій, всю жизнь остававшійся человѣкомъ развивающимся, свободно измѣнявшимъ свои мнѣнія и приговоры, какъ только онъ убѣждался въ ихъ односторонности или несправедливости, и поэтъ-пріятель очень мѣтко выразился про него: «твой умъ кипѣлъ». Это постоянное «кипѣніе ума», эта безпрерывная самодѣятельная работа мысли не позволяли Бѣлинскому остановиться, застыть. «Безстрашный боецъ за правду, говоритъ про него А. А. Григорьевъ («Сочиненія», т. I), Бѣлинскій не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненіе взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей тотъ, кто не дорожитъ правдой»... «Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, го-

ворить тотъ же авторъ, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы высшее свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни». Вѣрность вышесказаннымъ основнымъ идеямъ, въ общемъ, обусловливалась и самымъ достоинствомъ этихъ идей, впослѣдствіи вошедшихъ въ общее сознаніе, но въ то время у насъ еще новыхъ, и глубокимъ проникновеніемъ Бѣлинскаго этими идеями. Надо сказать, что онъ вступилъ въ литературу далеко не такимъ «недоучкой», какъ хотѣли представить недоброжелатели, такъ его обзывавшіе. Нѣтъ, хотя онъ и не окончилъ университетскаго курса, но вступилъ въ литературу, что называется, «во всеоружіи» — человѣка не только богато одареннаго, но и серьёзно подготовленнаго. Кромѣ природнаго крупнаго ума, замѣчательнаго художественнаго чутья и вкуса, наконецъ—блестящаго литературнаго таланта, Бѣлинскій обладалъ и обширной начитанностью, и рѣдкимъ для того времени философскимъ развитіемъ, результатомъ усидчивыхъ изученій и напряженной самостоятельной умственной работы. Въ этомъ дѣлѣ философскаго развитія онъ былъ много обязанъ—во-первыхъ, Надеждину, перенесшему въ Россію философію Шеллинга, во-вторыхъ, кружку мыслящей Московской молодежи, душою котораго былъ даровитый идеалистъ Н. В. Станкевичъ. Этотъ кружокъ не остановился на Шеллингѣ, а съ увлеченіемъ отдался изученію новѣйшей нѣмецкой философіи, представителемъ которой былъ Гегель. Для Бѣлинскаго, скоро занявшаго видное и совершенно самостоятельное положеніе въ кружкѣ, это была хорошая философская школа, которая дала ему отличную логическую дисциплину. При этомъ, благодаря силѣ своего критическаго ума, онъ не остался слѣпымъ послѣдователемъ изучаемой философской теоріи и вскорѣ освободился отъ ея идеалистическихъ крайностей, а идеи—о благотворной силѣ просвѣщенія и о народности художественной литературы, какъ отраженія народнаго духа и народной жизни, все

ярче выяснялись въ его умѣ и все отчетливѣе выражались въ его критико-публицистическихъ сочиненіяхъ.

Кружокъ Станкевича съ восторженнымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ статьи Бѣлинскаго, а Надеждинъ почти совсѣмъ передалъ на его руки свой «Телескопъ» съ «Молвою». Конечно, не было недостатка и въ недоброжелателяхъ, литературныхъ старовѣрахъ: они грубо бранили «исключеннаго студента», «недоучку», заговорившаго такъ смѣло и такъ оригинально. Однимъ изъ первыхъ тогдашнихъ представителей русской литературы, умѣвшихъ понять и достойно оцѣнить умъ и талантъ этого «недоучки», былъ великій Пушкинъ, всегда отличавшійся широтой, смѣлостью и независимостью мысли. Онъ дѣлалъ попытки привлечь молодого критика къ участію въ своемъ «Современникѣ», когда Надеждину пришлось прекратить свои изданія. Бѣлинскому, однако, не пришлось ни видѣться съ Пушкинымъ, ни быть сотрудникомъ его журнала. По странному стеченію обстоятельствъ, годъ преждевременной трагической смерти поэта былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ въ жизни его лучшаго и восторженнаго истолкователя.

Прекращеніе «Телескопа» лишило Бѣлинскаго заработка и средствъ къ жизни, да къ тому-же онъ заболѣлъ и принужденъ былъ ѣхать на минеральныя воды на Кавказъ. Невозможно было обойтись безъ денежной помощи друзей и безъ долговъ, а то и другое крайне его тяготило: онъ всегда отличался большой щекотливостью въ денежныхъ дѣлахъ. Но чуть-ли не болѣе всего этого человѣка тяготило вынужденное молчаніе. Чувствовалась непреодолимая потребность печатнаго слова, а органа для этого не было. Къ счастію, такое положеніе продолжалось не долго. Въ 1838 году Бѣлинскій редактировалъ «Московскій Наблюдатель», помѣщая въ немъ свои статьи, а съ 1839 года началъ печататься въ Петербургскихъ изданіяхъ, преимущественно — въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Участіе въ послѣднемъ журналѣ повело Бѣлинскаго къ переселе-

нію въ Петербургъ. Здѣсь онъ болѣе семи лѣтъ работалъ неутомимо для «Отечественныхъ Записокъ», которыя скоро, именно благодаря его участію, стали самымъ интереснымъ и вліятельнымъ русскимъ журналомъ.

Бѣлинскій работалъ неутомимо, не жалѣя времени и силъ, иногда по восьми часовъ сряду, получая весьма умѣренное вознагражденіе и постоянно нуждаясь въ деньгахъ, особенно когда онъ женился (1843 г.), и семейная жизнь потребовала увеличенія средствъ. Но умъ его по прежнему «кипѣлъ». Такія крупныя литературныя явленія, какъ Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, придавая его критикѣ все болѣе реалистическій и публицистическій характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждали въ немъ убѣжденіе, что наступаетъ та пора созданія дѣйствительной русской литературы, которую онъ предсказывалъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». И вотъ, онъ является достойнымъ истолкователемъ тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя, по его убѣжденію, стоятъ во главѣ создающейся дѣйствительной русской литературы, которымъ принадлежитъ великое общественное значеніе и несомнѣнное право на безсмертіе. Въ то же время онъ ведетъ непримиримую борьбу противъ, такъ называемаго, «квасного» патріотизма, противъ узкаго пониманія народности, какъ начала противоположнаго просвѣщенію. То была пора господства у насъ именно такого пониманія народности, въ духѣ «Маяка», пора «квасного» и «кулачнаго» патріотизма, который получилъ даже оффиціальное значеніе и доставлялъ большія выгоды разнымъ ловкимъ обдѣлывателямъ своихъ личныхъ дѣлишекъ, но, конечно, шелъ въ разрѣзъ съ просвѣтительными стремленіями лучшихъ людей времени, искренно преданныхъ своему отечеству и народу. Бѣлинскій, съ свойственной ему страстностью, порицалъ все, что ему казалось проявленіемъ этого ложнаго пониманія народности и патріотизма, въ чемъ видѣлъ хотя бы косвенное подкрѣпленіе этого пониманія, отвлекающаго Россію отъ просвѣщенія и тормазящаго великое просвѣтительное дѣло, начатое Петромъ Великимъ.

Естественно, что страстное отношеніе къ дѣлу иногда приводило его къ крайностямъ и даже нѣкоторымъ невольнымъ противорѣчіямъ съ собственными положеніями художественной критики, впрочемъ, неимѣющимъ большого значенія въ суммѣ оставленнаго имъ критическаго и критико-публицистическаго матеріала. Его упрекали, напримѣръ, за недружелюбное отношеніе къ славянофильству, за суровые отзывы о произведеніяхъ русскаго народнаго творчества, за отрицательное отношеніе къ народнымъ русскимъ сказкамъ и въ оригиналѣ, и даже въ художественной обработкѣ Пушкина, за рѣзкіе отзывы о «Гайдамакахъ» Шевченко, о сочиненіи Костомарова, посвященномъ значенію народной поэзіи. Другіе неразборчиво пользовались такими отзывами Бѣлинскаго для униженія названныхъ литературныхъ явленій—ради цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ литературой. Истинное и доброжелательное пониманіе Бѣлинскаго легко разберетъ, что указанныя литературныя явленія вызывали рѣзкіе отзывы его именно по той причинѣ, что онъ видѣлъ въ нихъ поддержку тому мраку, застою и, что еще хуже, возвращенію къ до—Петровской старинѣ, противъ котораго онъ боролся во имя просвѣщенія и движенія впередъ.

Славянофильство того времени, дѣйствительно, впадало въ узкое и одностороннее пониманіе народности и говорило о возвращеніи къ далекой старинѣ. Даже и гораздо позже, на нашей памяти, оно обмолвилось въ этомъ смыслѣ знаменитымъ восклицаніемъ: «пора домой!» Но въ наше время такое приглашеніе едва ли можно считать опаснымъ для просвѣщенія; тогда-же нельзя было относиться къ нему шутя или хотя бы равнодушно, съ нимъ надо было считаться и воевать. Бѣлинскій былъ пламенный патріотъ, но онъ по своему понималъ патріотизмъ и народность. «Кому неизвѣстна превосходная пьеса Пушкина «Пиръ Петра Великаго»? писалъ онъ. Это высокое художественное произведеніе, и въ тоже время народная пѣсня. Вотъ передъ такою народностью въ поэзіи мы готовы преклониться; вотъ это—патріо-

тизмъ, передъ которымъ мы благоговѣемъ... А ужъ воля ваша, ни народности, ни патріотизма не видимъ мы ни искорки въ новѣйшихъ «драматическихъ представленіяхъ» и романахъ съ хвастливыми фразами, съ квашенною капустою, кулаками и подбитыми лицами» (т. VIII, стр. 403).

Къ народной поэзіи, къ былинѣ, къ сказкѣ и пѣснѣ, Бѣлинскій относился, конечно, не такъ, какъ относятся образованные люди нашего времени. Былины онъ прямо называетъ «сказками», замѣчаетъ въ нихъ «прозаичность въ выраженіи, простонародность (а не народность) въ чувствахъ и поговоркахъ», какъ господствующую черту (т. V, стр. 69). Но опять-таки, вопервыхъ, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать преувеличенному увлеченію стариной и народной поэзіей, въ смыслѣ ложнаго народничанья, впадающаго въ обскурантизмъ. Во-вторыхъ, тогда не только серьёзное изученіе, но и правильное собираніе произведеній устнаго народнаго творчества, у насъ еще не начиналось. Надлежащей критической оцѣнки ихъ, ни научной, ни художественной, не могло быть. Вѣдь это уже гораздо позже Бѣлинскаго появились богатые сборники былинъ, сказокъ, пѣсенъ (Рыбникова, Кирѣевскаго, Афанасьева и др.), и начались тѣ всестороннія изученія народнаго творчества, которыми пользуемся мы.

Что касается народныхъ сказокъ въ художественной обработкѣ Пушкина, Бѣлинскій порицалъ ихъ именно по той причинѣ, что видѣлъ въ нихъ, по его выраженію, «плодъ ложнаго стремленія къ народности». Это было, съ его стороны, ошибкой, но весьма понятной и не особенно важной ошибкой. Придавая особенно властную силу поэзіи Пушкина, онъ въ ней-то и считалъ особенно опасными проявленія, противъ которыхъ съ такой энергіей боролся. Впрочемъ, если мы послѣдовательно разсмотримъ всѣ отзывы критика о сказкахъ великаго поэта, мы увидимъ, что его отрицательное и порицательное отношеніе къ нимъ постепенно смягчается. Въ 1834 году онъ отрицаетъ въ нихъ всякое достоин-

ство, наряду съ «Конькомъ-горбункомъ» Ершова, и даже самую мысль подвергать народныя сказки художественной обработкѣ считаетъ несчастною и странною. Въ 1836 году онъ уже дѣлаетъ исключеніе для сказки о рыбакѣ и рыбкѣ за «простоту» и «естественность», а болѣе всего—за «чисто русскій размѣръ» (стиха), даже самое написаніе сказки хочетъ объяснить, какъ «попытку поэта въ этомъ размѣрѣ». Въ 1838 году онъ уже говоритъ, что «сказки Пушкина были неудачными опытами поддѣлаться подъ русскую народность», но что «и въ нихъ виденъ Пушкинъ», который даже «возвысился въ нихъ до совершенной объективности и съумѣлъ взглянуть на народную фантазію орлинымъ взоромъ Гете». Въ 1840 году онъ уже совѣтуетъ давать для чтенія дѣтямъ «нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина», а мѣриломъ для опредѣленія ихъ достоинства ставитъ: «присутствіе высокой поэзіи и нравственной идеи, безконечную народность и происходящую отъ нея доступность для всѣхъ возрастовъ и сословій». Въ 1844 году, разбирая сказки Полевого, онъ говоритъ, что и «Пушкинъ дѣлалъ то-же (обработывалъ народныя сказки), да не такъ», что онъ «перекладывалъ ихъ въ свои дивные стихи и, какъ истинно національный, и притомъ великій поэтъ, придавалъ имъ поэзію, которою онѣ (народныя русскія сказки) вообще довольно бѣдны».

Крайности и увлеченія Бѣлинскаго, вызванныя особенными условіями того времени, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ, совершенно понятны всякому, кто понимаетъ ихъ благородный источникъ. Ставить ихъ въ упрекъ ему, или пользоваться ими для постороннихъ цѣлей, вовсе не литературнаго характера, тѣмъ недобросовѣстнѣе, что Бѣлинскій совершенно ясно установилъ въ своихъ сочиненіяхъ общія руководящія положенія для опредѣленія истиннаго достоинства художественныхъ произведеній, частью уже указанныя выше (въ примѣненіи къ сказкамъ Пушкина). Беремъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они постепенно вырабатывались на всемъ про-

тяженіи литературной дѣятельности и философскаго развитія нашего критика.

Первое изъ этихъ положеній, которое выясняется и доказывается Бѣлинскимъ неоднократно, состоитъ въ томъ, что поэтъ мыслитъ образами и картинами, а не силлогизмами и дилеммами, показываетъ, а не доказываетъ, производитъ впечатлѣніе, убѣждаетъ не логическими доводами, какъ философъ, а картинами. Но философа за то слушаютъ и понимаютъ немногіе, а поэта— всѣ (т. XI, 369). Поэзія, какъ и наука, стремится къ истинѣ, но имѣетъ своимъ предметомъ не отвлеченную истину, а истину, какъ она проявляется въ конкретныхъ фактахъ, въ жизни. Поэтому, художественныя изображенія должны быть правдивы и естественны: въ этомъ именно и состоитъ истинная художественная красота.

Чтобы поражать и трогать читателей своими правдивыми изображеніями, художественныя произведенія должны быть народны, въ смыслѣ выраженія народнаго духа; и эта народность—«необходимая принадлежность творчества, являющаяся безъ всякаго усилія со стороны поэта». «Изъ какого бы міра ни бралъ поэтъ содержаніе для своихъ созданій, къ какой бы націи ни принадлежали его герои, самъ онъ всегда остается представителемъ духа всей націи, смотритъ на предметы ея глазами и кладетъ на нихъ ея печать». Но народность художественнаго произведенія не исключаетъ въ немъ общечеловѣческаго. Напротивъ, «чѣмъ геніальнѣе поэтъ, тѣмъ общѣе его созданія, а чѣмъ они общѣе, тѣмъ національнѣе и оригинальнѣе»... «Только сфера бездарности отличается безличной общностью, для которой не существуетъ ни пространства, ни времени, ни націи, ни колорита, ни тона, которая во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, отъ начала міра до нашихъ дней, выражается однимъ языкомъ и тѣми-же словами».

Имѣя своимъ предметомъ истину и правдиво изображая дѣйствительную жизнь, художественное произведеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ и должно служить жизни, внося въ нее начала правды, добра, красоты. «Кто

поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній»... «Не только поэты, съ ихъ вдохновеніями, съ ихъ сладкими звуками и молитвами, но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, если бы набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ». «Никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ вправѣ требовать, чтобъ поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ». (Т. VIII, 399—400). «Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи». (398) «Отнимать у искусства право служить общественнымъ интересамъ, значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ лишать его самой живой силы, т. е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ» (т. XI, 368)

Единство идеи и единство формы, вполнѣ соотвѣтствующихъ другъ-другу, необходимое условіе художественнаго произведенія, образующее изъ него гармоническое цѣлое. Но если характеромъ древняго искусства было «равновѣсіе содержанія и формы», то характеромъ новаго искусства, въ силу иныхъ условій жизни, сталъ «перевѣсъ важности содержанія надъ важностію формы»... «Что Шекспиръ—величайшій творческій геній, поэтъ по преимуществу,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но тѣ плохо понимаютъ его, кто изъ-за его поэзіи не видитъ богатаго содержанія, неистощимаго рудника уроковъ и фактовъ для психолога, философа, государственнаго человѣка и т. д. (Т. XI, 366—367).

Изобразительность, простота, народность и про-

исходящая отъ того — общедоступность выраженія — тоже необходимое условіе художественнаго произведенія. Только при этомъ условіи, поэта будутъ слушать и понимать дѣйствительно всѣ. Конечно, тутъ дѣло не въ мертвой грамматической правильности языка, которою не отличается, напримѣръ, высокохудожественный языкъ Гоголя, какъ въ наше время не отличается ею языкъ Л. Н. Толстого *). (VI 564).

Какъ достойный истолкователь Пушкина, которымъ началась «дѣйствительная» русская литература, Бѣлинскій напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1843—44—45—46 годахъ, рядъ статей по поводу новаго изданія сочиненій поэта. Эти статьи, занимающія большую часть объемистаго VIII го тома его сочиненій (изданіе 1885 г., т. VIII, стр. 90—697), приблизили произведенія величайшаго русскаго поэта къ пониманію русскаго общества. Извѣстно, что наше общество плохо понимало и холодно принимало самыя зрѣлыя и совершенныя изъ нихъ, какъ «Скупой рыцарь», «Русалка», «Каменный гость», «Мѣдный всадникъ», «Галубъ»; уже «Борисъ Годуновъ» не вызвалъ того восторга, которымъ сопровождалось появленіе каждой главы «Евгенія Онѣгина». Нужна была объяснительная критика, которую и далъ Бѣлинскій.

*) Здѣсь кстати сказать, что, по видимому, не всѣ новѣйшіе наши критики понимаютъ различіе между художественнымъ достоинствомъ и грамматической правильностью языка. Когда мнѣ пришлось выразиться объ одномъ произведеніи Л. Н. Толстого, что оно написано «языкомъ, какимъ умѣетъ писать одинъ Л. Н. Толстой» (въ смыслѣ художественнаго достоинства), самоувѣренный критикъ 70-хъ годовъ, здравствующій и нынѣ, опровергая меня, указывалъ на грамматическія погрѣшности въ языкѣ великаго художника. Замѣчательно, что на тѣже погрѣшности одновременно и не менѣе авторитетно, указывалъ и другой критикъ Л. Н. Толстого, совсѣмъ изъ другого лагеря, въ «Вѣстникѣ Европы».

Прежде всего, въ своихъ статьяхъ, онъ излагаетъ превосходный критическій обзоръ русской художественной литературы до Пушкина, начиная Ломоносовымъ и Державинымъ; потомъ устанавливаетъ задачи критики и переходитъ къ подробному разбору и объясненію произведеній Пушкина, заканчивая свой трудъ опредѣленіемъ историческаго и общественнаго значенія ихъ. Послѣднее опредѣленіе, по его широтѣ, глубинѣ и мѣткости, до сихъ поръ, черезъ 52 года, вполнѣ сохранило свою силу:

«Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ-художникъ, и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество, и потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка»... «Придетъ время, когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

Намъ остается прибавить къ этому, что предсказаніе критика вполнѣ осуществилось. Для подтвержденія, достаточно напомнить, какъ относились къ Пушкину такіе замѣчательные люди, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій,—можно сказать—воспитавшіеся на его поэзіи.

Великое общественное значеніе приписываетъ Бѣлинскій комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», хотя не признаетъ за ней полной художественности. «Превосходнѣйшій образецъ художественной комедіи, говоритъ онъ, представляетъ собою «Ревизоръ» Гоголя. Но и дидактическая комедія, если она выходитъ не изъ невиннаго желанія поострить, но изъ глубоко-оскорбленнаго пошлостью жизни духа, если ея насмѣшка растворена саркастическою желчью, въ основаніи ея лежитъ глу-

бочайшій юморъ, а въ выраженіи дышитъ бурное одушевленіе,—словомъ, если она есть выстраданное созданіе,—то стоитъ всякой художественной комедіи... Высочайшій образецъ такой комедіи имѣемъ мы въ комедіи «Горе отъ ума»,—этомъ благороднѣйшемъ созданіи геніальнаго человѣка, этомъ бурномъ, диѳирамбическомъ изліяніи желчнаго, громового негодованія, при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей... «Горе отъ ума» имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы, и для нашего общества». (XII, 360—61).

Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ началась «дѣйствительная» русская литература. За ними непосредственно слѣдуютъ: Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, которые потому именно и были своевременно поняты и оцѣнены русскимъ обществомъ, что нашли въ Бѣлинскомъ превосходнаго истолкователя.

Въ то время, когда даже такой даровитый и литературно-образованный человѣкъ, какъ Н. А. Полевой,—видѣлъ въ Гоголѣ только «веселаго и вульгарнаго шутника», а другіе прямо брезгливо относились къ нему, какъ «писателю грязному», чуть-ли не клеветнику на русскую жизнь,—Бѣлинскій говорилъ и доказывалъ, съ своей обычной энергіей и страстностью, совсѣмъ другое:

«Отличительный характеръ повѣстей Гоголя, писалъ онъ, составляетъ простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной»... «Гоголь творитъ вѣрно природѣ. Вѣрность натурѣ въ твореніяхъ Гоголя вытекаетъ изъ его великой творческой силы, знаменуетъ въ немъ глубокое проникновеніе въ сущность жизни, вѣрный тактъ, всеобъемлющее чувство дѣйствительности»... «Съ Гоголемъ начался русскій романъ и русская повѣсть, какъ съ Пушкинымъ началась истинная русская поэзія». (т. VI, 73, 76).

Вообще за Гоголя, за высокое достоинство и вели-

кое общественное значеніе его произведеній, Бѣлинскому пришлось особенно много ратовать, чтобы приблизить ихъ къ пониманію общества и отстоять отъ кривотолковъ, ходившихъ и въ обществѣ, и въ литературѣ. Но чѣмъ выше цѣнилъ онъ этого писателя, чѣмъ больше возлагалъ на него надеждъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ ударомъ была для Бѣлинскаго происшедшая въ Гоголѣ крутая перемѣна, которая обнаружилась въ предисловіи ко 2-му изданію «Мертвыхъ душъ» и въ книгѣ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Бѣлинскій видѣлъ въ этой перемѣнѣ грустное паденіе живой творческой силы, которая такъ много обѣщала и могла дать Россіи; онъ очень рѣзко, съ раздраженіемъ и горечью, отнесся теперь къ своему любимому писателю:

«Это предисловіе, говоритъ онъ, внушаетъ живое опасеніе за авторскую славу въ будущемъ (въ прошедшемъ она неколебимо прочна) творца «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»; оно грозитъ русской литературѣ новою великою потерею прежде времени» (XI, 44).

Статью о «Перепискѣ» онъ заканчиваетъ такимъ заключеніемъ: «Горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если, недовольный своею дорогою, онъ ринется на чуждый ему путь. На этомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возможно возвращеніе на прежнюю дорогу». (XI, 108). Это было писано, когда Бѣлинскій уже пережилъ двѣ горькія потери—не свои личныя, а потери русской литературы, но ея потери были для него не легче личныхъ. Мы говоримъ про преждевременную смерть Лермонтова и Кольцова. Оба эти поэта были тоже его любимцами: онъ привѣтствовалъ появленіе ихъ первыхъ произведеній, онъ съ любовью объяснялъ и приближалъ ихъ къ пониманію общества, онъ многаго ожидалъ отъ нихъ въ будущемъ. «Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, писалъ Бѣлинскій о Лермонтовѣ, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ—въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глу-

боко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато (1841 г.), и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ»? (IV, 330—31).

Бѣлинскій вовсе не былъ преувеличеннымъ хвалителемъ Лермонтова. Онъ очень рѣзко и, конечно, не менѣе мѣтко, раскрывалъ художественныя несовершенства его произведеній, но видѣлъ, какая могучая сила обнаруживалась въ этихъ произведеніяхъ, и съ свойственной ему глубиною объяснялъ ихъ смыслъ.

«Герой нашего времени», говоритъ онъ,—это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергически, возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще («Печально я гляжу на наше поколѣнье»)... Но со стороны формы, изображеніе Печорина не совсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый характеръ такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объективировать его... Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію черезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ-бы недоговоренное, какъ въ «Вертерѣ» Гете, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ тоже время и достоинство романа Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ; это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе» (III, 628—629).

По отношенію къ Кольцову, Бѣлинскому принадлежитъ еще и другая важная заслуга, кромѣ превосходнаго объясненія и всесторонней оцѣнки его произведеній, насколько она была возможна для современника. Именно Бѣлинскому мы обязаны тѣмъ вдохновеннымъ народнымъ пѣвцомъ, раскрывающимъ самую душу русскаго крестьянина—земледѣльца, какимъ мы знаемъ и любимъ Кольцова.

Въ печати нѣсколько разъ (у Де-Пуле и др.) проскальзывало мнѣніе, будто сближеніе Кольцова съ Бѣлинскимъ и его Московскими друзьями, Станкевичемъ и проч., «съ кружкомъ нашихъ гегельянцевъ», какъ выражается г. Марковъ,—очень неблагопріятно отзывалось и на личности, и на поэзіи Кольцова, внося въ его душу и поэзію какіе то «чуждые» идеалы, «искусственныя» настроенія. При этомъ прибавляется, что «практическій народный умъ поэта—прасола, съ неподкупнымъ мужицкимъ здравомысліемъ, оцѣнилъ всю безплодность и все безсиліе тѣхъ отрицательныхъ идеаловъ, которыми ему приходилось замѣнить свою дѣтскую вѣру»,—оцѣнилъ де «въ самый разгаръ своихъ сношеній съ Бѣлинскимъ и Станкевичемъ и своего благоговѣнья передъ нимъ» (Бѣлинскимъ?), и онъ-де «съ обновленнымъ жаромъ сердца обратился къ вѣрѣ своихъ отцовъ и своей земли».

Философія Гегеля и отрицательные идеалы, практичность народнаго ума, неподкупность мужицкаго здравомыслія и дѣтская вѣра своихъ отцовъ и своей земли, вся эта нескладица—совершенно пустопорожній наборъ словъ. Въ кружкѣ «нашихъ гегельянцевъ» въ то время, когда онъ принималъ живое участіе въ Кольцовѣ (1831—1838 г.г.), господствовало идеалистическое настроеніе безъ всякаго отрицательнаго оттѣнка, и Бѣлинскій болѣе, чѣмъ кто нибудь, былъ захваченъ этимъ идеализмомъ. Извѣстно, что эта идеалистическая точка зрѣнія именно тогда приводила его къ признанію законности только безсознательнаго, непосредственнаго поэтическаго творчества, къ консерватизму и къ оправданію

всего существующаго—не въ смыслѣ причинности, а въ смыслѣ одобрительности,—и полное освобожденіе его отъ этой точки зрѣнія произошло уже въ 40-хъ годахъ, незадолго до смерти Кольцова: въ послѣдній разъ они видѣлись въ 1840 году. Никакого вліянія, въ смыслѣ внушенія отрицательныхъ идеаловъ и совращенія съ вѣры «своихъ отцовъ и своей земли», ни со стороны Бѣлинскаго, ни вообще со стороны его Московскихъ друзей, по отношенію къ Кольцову не было и не могло быть. Вліяніе было чисто эстетическое, литературное,— и вполнѣ благотворное. У Кольцова, до знакомства съ Бѣлинскимъ, стремленіе къ вымученному стихотворству на книжныя темы и по книжнымъ образцамъ («Сирота», «Ровеснику», «Красавицѣ», «Мщеніе», «Къ рѣкѣ Гайдарѣ», «Веселый часъ», «Что значу я?», «Надежда» и пр.) преобладало надъ живымъ естественнымъ вдохновеніемъ народнаго пѣсенника, самобытнаго художника степной природы, земледѣльческаго труда, жизни и души русскаго крестьянина—земледѣльца. Подчиняясь, дома, въ Воронежѣ, вліяніямъ людей безъ художественнаго пониманія и вкуса, онъ не цѣнилъ высокаго достоинства своихъ оригинальныхъ «пѣсенныхъ» піесъ, не хотѣлъ примириться съ долей простого народнаго пѣсенника, а стремился, во что бы то ни стало, сдѣлаться настоящимъ, книжнымъ сочинителемъ. Безъ Бѣлинскаго онъ такъ и остался-бы зауряднымъ стихотворцемъ, какихъ тогда не мало было въ Воронежѣ, какъ и въ другихъ городахъ Россійской имперіи, наивныхъ кандидатовъ въ Пушкины и Лермонтовы.

Получивъ толстую тетрадь съ массой стиховъ Кольцова, Бѣлинскій, по немногимъ «пѣсеннымъ» піесамъ, въ числѣ которыхъ были такія превосходныя, какъ «Пѣсня пахаря» («Ну тащися, сивка»...) и «Размышленіе поселянина» («На восьмой десятокъ»...), угадалъ, какая оригинальная непосредственная художественная сила таится въ этомъ русскомъ самородкѣ. Вотъ почему онъ принялъ живое участіе въ первомъ изданіи стихотвореній Кольцова (1835 г.), но изъ массы стиховъ

выбралъ для печати только 18 піесъ. Бѣлинскій цѣнилъ и любилъ въ Кольцовѣ именно непосредственную даровитую русскую натуру и непосредственную, чисто народную, творческую силу. Онъ первый убѣдительно растолковалъ Кольцову, какія его произведенія прекрасны и цѣнны, какія ничтожны, и почему именно, и въ какомъ направленіи ему слѣдуетъ продолжать свою творческую работу. Потому то, послѣ сближенія съ Бѣлинскимъ, Кольцовъ почти исключительно отдался той пѣсенной поэзіи, которая дала ему прочную извѣстность и которую онъ по праву могъ считать дѣйствительно своей, «Кольцовской», поэзіей. Съ тѣхъ поръ онъ только изрѣдка возвращался къ попыткамъ книжнаго рифмованнаго стихотворства, но уже и самъ не придавалъ имъ серьёзнаго значенія, какъ не придавалъ имъ значенія и Бѣлинскій, высоко цѣнившій именно живое непосредственное творчество своего друга

Такъ, въ 1840 году, разбирая стихотворенія крестьянина Слѣпушкина, онъ говоритъ:

«Что поэзія есть не плодъ науки, а счастливый даръ природы,—этому лучшимъ доказательствомъ—Кольцовъ, и по сію пору прасолъ, и по сію пору незнающій русской орѳографіи... Посмотрите, какою глубокою художественною жизнію вѣетъ отъ дѣвственныхъ простодушныхъ вдохновеній поэта прасола! Задумается-ли онъ надъ явленіями природы и, тщетно ища въ себѣ отвѣта на внутренніе вопросы, восклицаетъ:

О, гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы
Сладостна молитва!

или въ пламенной молитвѣ, у неба проситъ разрѣшенія замогильной тайны бытія,—или, когда уединенная могила среди безбрежной степи вызываетъ его поэтическія мечты,—вездѣ какая полнота чувства, какое ощутительное присутствіе мысли, какіе поэтическіе образы,

какая энергія и мощь и, вмѣстѣ, простота въ выраженіи, и совсѣмъ тѣмъ, какая народность—этотъ отпечатокъ ума глубокаго и сильнаго, но неразвитаго образованіемъ и заключеннаго въ магическомъ кругѣ своей непосредственности и дѣвственной простоты!.. А когда онъ передаетъ вамъ поэзію простого быта, жизнь вашихъ меньшихъ братій съ ихъ страстями и мечтами, горемъ и радостью, какъ глубоко онъ истиненъ въ каждомъ чувствѣ, въ каждой картинѣ, въ каждой чертѣ! Какая простота, сжатость, молніеносная сила въ его изображеніяхъ! Какое русское раздулье, какая могучая удаль, какъ все широко и необъятно! Какіе чисто-русскіе образы, какая чисто-русская рѣчь!» Приведя нѣсколько примѣровъ, критикъ останавливается на извѣстномъ стихотвореніи «Косарь» и оканчиваетъ рѣчь о Кольцовѣ, чтобы перейти къ Слѣпушкину, такими словами:

«Вотъ она, простодушная, дѣвственная и могучая народная поэзія! Вотъ она, задушевная пѣснь великаго таланта, замкнутаго въ естественной непосредственности, невышедшаго изъ себя развитіемъ, неподозрѣвающаго своей богатырской мощи! Найдите хоть одно ложное чувство, хоть одно выраженіе, котораго бы не могъ сказать крестьянинъ!» (т. IV, 103—107).

Какъ мало похожъ этотъ восторженный критикъ на совратителя, стремящагося замѣнить въ душѣ поэта «дѣтскую вѣру» какими-то «отрицательными идеалами»! Такъ писалъ Бѣлинскій о Кольцовѣ при жизни его (1840), а вотъ что говоритъ онъ, когда поэта уже не было на свѣтѣ:

«Въ нихъ (въ пѣсняхъ Кольцова) и содержаніе, и форма чисто-русскія,—и, не смотря на всю объективность своего генія, Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни. Этою пѣснею онъ создалъ свой особенный, только одному ему довлѣвшій міръ, въ которомъ и самъ Пушкинъ не могъ бы съ нимъ соперничать, но не по недостатку таланта, а потому, что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего че-

ловѣка, а для Пушкина, какъ для генія, этотъ міръ былъ слишкомъ тѣсенъ и малъ»... «Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ»... «Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собой сдѣлалось у Кольцова»... «Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ піитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченныя бороды, и старыя онучи—и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи»... «Даже русскія пѣсни, созданныя народомъ, не могутъ равняться съ пѣснями Кольцова въ богатствѣ языка и образовъ, чисто русскихъ. Это естественно: въ народныхъ пѣсняхъ заключаются только элементы народнаго духа и поэзіи, но въ нихъ нѣтъ художественности, подъ которою должно разумѣть цѣльность, единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы»... «И придетъ время, когда пѣсни Кольцова пройдутъ въ народъ и будутъ пѣться на всемъ пространствѣ безпредѣльной Руси, какъ нѣкогда пройдутъ въ народъ и будутъ заучены имъ наизусть басни Крылова»... (XII, 137—146).

Опять приходится сказать, что предсказаніе критика, въ значительной мѣрѣ, осуществилось, благодаря расширенію и дѣятельности русской народной школы, которая не обходится и не можетъ обойтись безъ Крылова и Кольцова.

Съ той же чуткостью художественнаго пониманія, съ той же мастерской объяснительной критикой, глубоко продуманной и прочувствованной, отнесся Бѣлинскій и къ новымъ литературнымъ явленіямъ, которыми ознаменовалась для Россіи вторая половина 40-хъ годовъ, когда появились первыя произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Григоровича, первыя стихотворенія

Некрасова, въ которыхъ обнаруживалась та яркая и оригинальная «некрасовская» поэзія, какою мы знаемъ ее теперь.

Бѣлинскій радостно привѣтствовалъ появленіе новыхъ многообѣщающихъ писателей; онъ, съ проницательностью высоко-талантливаго критика-публициста и съ горячимъ увлеченіемъ страстной натуры, выяснялъ достоинства и общественное значеніе ихъ произведеній (X, 334, XI, 375). Вѣдь это выдвигалась та «дѣйствительная» русская литература, появленіе которой онъ предсказывалъ еще въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», которая началась Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, Кольцевымъ, которую онъ считалъ прямымъ послѣдствіемъ и плодомъ просвѣтительной работы Петра Великаго.

«Въ области нашей литературы, писалъ онъ, теперь нѣтъ мѣстъ особенно замѣчательныхъ, но есть вся литература. Недавно она еще была похожа на пестрое пространство нашихъ полей, только что освободившихся отъ ледяной зимней коры: тутъ на холмахъ кой-гдѣ пробивается травка, въ оврагахъ лежитъ еще почернѣвшій снѣгъ, перемѣшанный съ грязью. Теперь ее можно сравнить съ тѣми-же полями въ весеннемъ убранствѣ: хотя зелень не блистаетъ яркимъ колоритомъ, мѣстами она очень блѣдна и не роскошна, но она уже стелется повсюду: прекрасное время года наступаетъ»... «Какъ все, что ни есть въ современной Россіи живого, прекраснаго и разумнаго, наша литература есть результатъ реформы Петра Великаго. Правда, онъ не заботился о литературѣ,—и ничего не сдѣлалъ для ея возникновенія, но онъ заботился о просвѣщеніи, бросивъ въ плодовитую землю русскаго духа сѣмена науки и образованія,—и литература, безъ его вѣдома, явилась впослѣдствіи сама собой, какъ необходимый результатъ его дѣятельности». (XI, 10, 374).

Недавно случилось намъ прочитать въ одномъ распространенномъ русскомъ журналѣ *) странный упрекъ

*) «Русское Богатство» 1897 г.

по адресу Бѣлинскаго за его рѣзкій отзывъ о первой книжкѣ стихотвореній Некрасова «Мечты и звуки», появившейся въ 1840 году безъ имени автора, а только съ его инициалами Н. Н. Въ этомъ рѣзкомъ отзывѣ видятъ со стороны Бѣлинскаго «крупный эстетическій промахъ». Упрекъ совершенно неосновательный. Въ книжкѣ «Мечты и звуки», какъ и въ другихъ стихотворныхъ упражненіяхъ Некрасова до 45—46 года, нѣтъ никакихъ признаковъ того Некрасова, котораго знаемъ и любимъ мы. Стихи были столько-же безсодержательны, сколько безцвѣтны и неуклюжи по формѣ. Понятно, что Бѣлинскій замѣтилъ въ книжкѣ только посредственность, а «посредственность въ стихахъ», по выраженію Бѣлинскаго, нестерпима» (V, 66). Это и высказано въ его рецензіи о «Мечтахъ и звукахъ», и право-же ничего другого о нихъ не могло быть сказано. Вѣдь никакой самый чуткій и проницательный критическій геній не можетъ видѣть того, чего не видно, не можетъ угадать таланта, пока не замѣтно никакихъ проявленій его. Когда-же, въ 1846 году, появились въ «Петербургскомъ Сборникѣ» первыя стихотворенія Некрасова съ признаками яркаго и оригинальнаго таланта, между ними и то извѣстное стихотвореніе «Въ дорогѣ», которымъ начинались первыя собранія его стихотвореній, Бѣлинскій немедленно обратилъ на нихъ особенное вниманіе, при чемъ съ обычною мѣткостью опредѣлилъ въ немногихъ словахъ и отличительныя черты некрасовской поэзіи. «Мелкихъ стихотвореній въ «Петербургскомъ Сборникѣ», писалъ онъ, не много. Самыя интересныя изъ нихъ принадлежатъ перу издателя «Сборника», г. Некрасова. Они проникнуты мыслію; это — не стишки къ дѣвѣ и лунѣ; въ нихъ много умнаго, дѣльнаго и современнаго. Лучшее изъ нихъ — «Въ дорогѣ». (X, 359). Самому-же Некрасову, по поводу этихъ стихотвореній, онъ, какъ извѣстно, сказалъ: «Да знаете-ли вы, что вы поэтъ, и поэтъ истинный!»

Гдѣ-же «крупный эстетическій промахъ»? Другое дѣло, если-бы Бѣлинскій отнесся съ высокомѣрнымъ

отрицанiемъ къ произведенiямъ Некрасова, за которыя вся Россiя любитъ и всегда будетъ любить его, какъ относился къ нимъ, напримѣръ, не тѣмъ будь помянутъ, И. С. Тургеневъ, или теперь относится жалкiй стихотворецъ г. Льдовъ... Нѣтъ, по справедливости, ни о какомъ «крупномъ эстетическомъ промахѣ» Бѣлинскаго, по отношенiю къ Некрасову, не можетъ быть и рѣчи. Справедливѣе сказать, что для Некрасова онъ, приблизительно, былъ тѣмъ-же, чѣмъ и для Кольцова: пробудилъ и направилъ его содержательный и своеобразный талантъ, далъ Россiи того могучаго поэта-публициста, какимъ она знаетъ Некрасова съ 50-хъ годовъ. И самъ поэтъ-публицистъ хорошо понималъ это. Онъ настойчиво извлекалъ изъ обращенiя «Мечты и звуки», а въ 1864 году, перепечатывая въ 3-й части собранiя своихъ произведенiй кое-что изъ своихъ стихотворенiй 1842—45 годовъ, съ тактомъ и пониманiемъ большого ума, оговорилъ: «печатаю эти вирши не потому, чтобъ видѣлъ въ нихъ какое нибудь достоинство, а чтобъ отбить охоту у г.г. библiографовъ копаться въ моихъ юношескихъ упражненiяхъ послѣ моей смерти». Бѣлинскаго же онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ нѣкотораго благоговѣнiя и сердечной благодарности. Примѣромъ могутъ служить хоть-бы прекрасные, по энергiи чувства и силѣ выраженiя, стихи, поставленные эпиграфомъ къ этой статьѣ.

Немного остается еще досказать о жизни и дѣятельности В. Гр. Бѣлинскаго, чтобы окончить эту статью.

Чрезмѣрность работы, которая обусловливалась не только умѣренностью вознагражденiя, но еще болѣе внутренней потребностью самого писателя, истощала силы Бѣлинскаго. Здоровье разстроивалось. Мало помогла и поѣздка на югъ Россiи въ 1846 году, и поѣздка за границу въ 1847 г. Правда, съ 1847 года ему открылась работа въ сравнительно лучшихъ условiяхъ, благодаря переходу изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ «Современникъ» Панаева и Некрасова, но онъ въ это

время былъ, такъ сказать, уже наканунѣ смерти... Дѣло довершили тяжелыя нравственныя впечатлѣнія, къ которымъ Бѣлинскій, по своей чрезвычайной впечатлительности, не могъ относиться легко и примирительно. Такими убійственными для него впечатлѣніями были: во-первыхъ, крутая перемѣна, происшедшая съ Гоголемъ, послѣдствіемъ которой была рѣзкая и горячая переписка между поэтомъ и его критикомъ; во-вторыхъ, смерть любимаго сына; въ-третьихъ, безотрадное настроеніе, надвигавшееся тогда на русскую общественную жизнь.

Неспокойное политическое положеніе западной Европы отзывалось у насъ недовѣрчивымъ, подозрительнымъ отношеніемъ къ университетамъ и молодежи, къ наукѣ и литературѣ, къ ученымъ и литераторамъ.

Понятно, какъ тяжело было жить при такихъ условіяхъ больному Бѣлинскому, съ его впечатлительностью, съ его живымъ умомъ, съ его непобѣдимой потребностью честнаго, прямого, громкаго слова,—тѣмъ болѣе, что подозрѣнія, конечно, не миновали и его, какъ передового и вліятельнаго писателя. Въ 1847 и въ началѣ 1848 года онъ еще писалъ довольно много для «Современника», но къ веснѣ ему стало совсѣмъ плохо, и 26 мая 1848 года, въ 6 часовъ утра, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго не стало.

Н. Буланов.

С. Петино.
1898 года, Марта 3.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЯ «АНГЕЛЪ».
Лермонтова.

(Разоблаченіе аллегорической формы и выясненіе мысли стихотворенія).

Стихотвореніе это состоитъ изъ 4-хъ строфъ. Изложимъ содержаніе каждой изъ нихъ.

1-я строфа. Ночь. На темно-синемъ небѣ мерцаютъ звѣзды. Луна съ высоты серебритъ облака, скученныя на горизонтѣ. Все тихо, будто притаило дыханіе, только слышатся небесные звуки чудной пѣсни. То поетъ ангелъ, летящій по небу. Пѣснь его такъ возвышенна, такъ свята, такъ искренняя и преисполнена такой любви и истины, что все невольно внимаетъ ей.

2-я строфа. Онъ (Ангелъ) поетъ восторженный гимнъ Богу, поетъ о Его вѣчной славѣ и безпредѣльномъ могуществѣ, о высокомъ неземномъ блаженствѣ безгрѣшныхъ душъ въ обителяхъ рая.

3-я строфа. Пѣснь Ангела оставила глубокій и сильный слѣдъ въ «молодой душѣ», которую онъ несъ въ объятіяхъ «для міра печали и слезъ»; т. е. на землю. Хотя эта пѣсня и не облеклась въ «душѣ молодой» въ опредѣленную рѣчь, однако она сдѣлалась въ ней живымъ началомъ: «и звукъ его пѣсни въ душѣ молодой остался безъ словъ, но живой».

4-я строфа. Явившись въ плоти для земной жизни, «душа молодая» не могла забыть тѣхъ чудныхъ, высокихъ пѣсенъ, которыя напѣвалъ ей ангелъ. Она постоянно томилась желаніемъ высшаго, лучшаго, идеальнаго; житейскіе интересы не могли удовлетворить ее, не могли замѣнить ей тѣхъ высокихъ духовныхъ предметовъ, о которыхъ пѣлъ ей ангелъ. «И звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли».

Обозначимъ изложенное содержаніе стихотворенія въ видѣ плана или, вѣрнѣе, оглавленія:

I. Ночь, когда ангелъ летѣлъ и пѣлъ.

II. Содержаніе его пѣсни.

III. Впечатлѣніе, произведенное его пѣснью на «душу младую», которую онъ несъ.

IV. Стремленіе «души молодой» къ духовному міру, какъ слѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на нее пѣснью ангела.

Очевидно, что разсматриваемое стихотвореніе не слѣдуетъ понимать буквально: въ немъ мысль поэта облеклась въ аллегорическій образъ. Выяснимъ же эту мысль и выразимъ ее прозаическою рѣчью. При этомъ самъ собою разоблачится аллегорическій образъ.

Остановимся на окончаніи стихотворенія, именно, на строкахъ: «И звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли». Что нужно здѣсь понимать подъ «скучными пѣснями земли» и что «подъ звуками небесъ», которыхъ не могли замѣнить «скучныя пѣсни земли»?

Въ человѣкѣ объединены два начала—физическое и духовное (тѣло и душа). Сообразно съ этимъ, и потребности его раздѣляются на матеріальныя и духовныя. Удовлетвореніе первымъ необходимо для поддержанія органической жизни. Чтобы добыть предметы, служащіе къ удовлетворенію этихъ потребностей, люди проявляютъ соотвѣтственную дѣятельность: одни занимаются земледѣліемъ, другіе—скотоводствомъ, третьи—охотой, четвертые—обработываютъ сырые продукты, т. е. занимаются фабричной или ремесленною дѣятельностью, пятые занимаются торговлей или иною какою-нибудь дѣятельностью. Значительная часть дѣятельности людей обусловливается стремленіемъ ихъ добыть предметы, служащіе къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей. Это естественно, необходимо, а потому и хорошо; но худо, если на этой почвѣ развиваются въ человѣкѣ нехорошія чувства и наклонности, худо, если человѣкъ въ своей дѣятельности руководится не чув-

ствомъ справедливости, законности и сознаніемъ долга, а грубо-эгоистическими, преступными побужденіями и причиняетъ ближнимъ зло.

Всѣ заботы, всѣ интересы людей, связанные съ ихъ чисто-физическою жизнью, и составляютъ то, что названо въ стихотвореніи «скучными пѣснями земли».

Кромѣ физическихъ потребностей, въ человѣкѣ, какъ выше сказано, есть еще потребности, связанныя съ его духовной стороной. Человѣкъ чувствуетъ потребность въ религіи и стремится къ Богу, проявляя такое стремленіе, между прочимъ, въ молитвѣ; онъ стремится къ знанію и создаетъ науку; онъ сочувствуетъ всему доброму и наслаждается прекраснымъ.

Человѣкъ не раждается въ міръ съ совершенно развитыми духовными силами, но онъ раждается лишь съ возможностью и съ стремленіемъ къ такому развитію. Человѣкъ развивается и совершенствуется духовно, благодаря воспитанію и образованію. Удовлетвореніе духовнымъ потребностямъ и ведетъ, между прочимъ, къ такому развитію и совершенствованію. И чѣмъ выше человѣкъ поднимается въ своемъ духовномъ развитіи, тѣмъ болѣе и болѣе онъ чувствуетъ потребность къ духовному усовершенствованію. Такое усовершенствованіе составляетъ высшее благо и высшую цѣль его. «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный», заповѣдалъ людямъ Божественный учитель.

Какъ бы человѣкъ ни былъ поглощенъ заботами о матеріальныхъ благахъ, въ немъ всегда сознается потребность въ духовныхъ благахъ, въ томъ, что въ стихотвореніи названо «звуками небесъ». Каждому навѣрно приходилось въ своемъ духѣ восклицать словами псалмопѣвца: «Господи, направи стопы мои по заповѣдямъ Твоимъ и не отврати лица Твоего отъ меня»!

И такъ, въ душѣ человѣческой свойственно стремленіе къ высшему, лучшему, духовному,—стремленіе къ тому, что приближаетъ ее къ Богу; вслѣдствіе этого стремленія, она не можетъ ограничиться только чисто

матеріальными интересами. Это и выражено въ стихотвореніи словами:

«И долго на свѣтѣ томилась она (душа),
Желаніемъ чуднымъ полна».

Само собою разумѣется, что хотя стремленіе къ высшему, духовному міру присуще всѣмъ людямъ, однако не у всѣхъ ихъ оно проявляется въ одинаковой силѣ. Оно особенно живо и сильно у лицъ, обладающихъ богатой духовной организацiей. Къ такимъ лицамъ несомнѣнно принадлежалъ Лермонтовъ. Всю жизнь свою онъ не находилъ удовлетворенія въ «пѣсняхъ земли» и томился стремленіемъ къ «пѣснямъ небеснымъ»; скучныя «пѣсни земли» не могли замѣнить ему «звуковъ небесъ».

Стремленіе къ духовному міру присуще душѣ человѣческой; это ея свойство, ея неотъемлемая принадлежность. Это-то ея свойство, эту ея принадлежность поэтъ и выразилъ въ образѣ слѣда, оставленнаго въ ней «небесною пѣснью» ангела, который, когда несъ ее «въ міръ печали и слезъ», то пѣлъ ей «о Богѣ великомъ», «о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ». Такой образъ тѣмъ болѣе удаченъ, что самъ народъ о рожденіи младенца съ благоговѣніемъ говоритъ: «Ангелъ Господень принесъ его душу на землю». Да и Св. Церковь наша поучаетъ, что каждому человѣку съ рожденія данъ Ангелъ.

Обобщая все сказанное, мы можемъ выразить мысль поэта такъ: Человѣку присущи высшія духовныя потребности, благодаря чему онъ не удовлетворяется одними матеріальными интересами. Эта мысль и выражена поэтомъ въ чудномъ образѣ.

Послѣ разъясненія мысли стихотворенія, можетъ быть предложена ученикамъ для устнаго, а затѣмъ и письменнаго изложенія слѣдующая тема: «Основная

мысль стихотворенія «Ангелъ» и выраженіе ея, при чемъ можетъ быть выработанъ слѣдующій планъ изложенія:

I. Высшія духовныя стремленія, какъ свойство души человѣка.

II. Проявленіе этихъ стремленій.

III. Образъ, созданный поэтомъ для выраженія мысли.

IV. Соотвѣтствіе образа содержанію.

Разоблачивши форму стихотворенія и выразивши мысль его въ прозаической формѣ, можно воспользоваться сдѣланнымъ разборомъ для выясненія ученикамъ одного изъ отличій поэзіи отъ прозы. Ученики видятъ, какъ одна и та-же идея выражается въ разсмотрѣнномъ стихотвореніи (въ образѣ) и какъ она выражается въ прозаическомъ изложеніи; это и помогаетъ имъ составить понятіе объ отличіи по формѣ поэтическаго произведенія отъ прозаическаго сочиненія. (Само собою разумѣется, что для полнаго выясненія ученикамъ отличія поэзіи отъ прозы преподаватель прибѣгаетъ къ сравненію и другихъ словесныхъ образцовъ).

Останавливаясь на формѣ стиха разбираемаго стихотворенія, преподаватель можетъ обратить вниманіе учениковъ на особенную гармоничность его (три стопы амфибрахическія и четвертая—ямбическая; богатая мужская риөма, при чемъ риөмуются два смежные стиха).

Примѣчаніе. Въ біографіи Лермонтова, помѣщенной при одномъ изъ изданій его сочиненій, сказано, что въ стихотвореніи «Ангелъ», въ образѣ Ангела, несшаго душу младенца и напѣвавшаго ему небесныя пѣсни, поэтъ изобразилъ свою мать, которая разсказывала ему въ младенчествѣ сказки и пѣла пѣсни, и что слѣдъ этихъ сказокъ и пѣсенъ глубоко запечатлѣлся въ душѣ поэта и вызывалъ въ ней неумолкаемое стремленіе къ лучшему, высшему. Полагаю, что такое толко-

ваніе поэтическаго образа слишкомъ узко. Поэтъ выразилъ въ созданномъ имъ образѣ не частный фактъ, а общую мысль, общую идею. Къ тому же, такое толкованіе, если вдуматься въ него, сведется въ концѣ-концовъ къ приведенному выше толкованію. Дѣло въ томъ, что если бы въ душѣ поэта не было зачатка духовно развиваться и стремиться къ раскрытію духовной жизни, то пѣсни и разсказы матери и не возбудили бы въ ней такого стремленія. Пѣсни и разсказы матери могли служить такимъ-же внѣшнимъ факторомъ, возбуждающимъ и раскрывающимъ духовную жизнь ребенка, какъ и другіе воспитательные факторы, напр., впечатлѣнія отъ окружающей природы, событія въ жизни, религіозные обряды, примѣры сверстниковъ и т. п.

К. Ельницкій.

„КОГДА ВОЛНУЕТСЯ ЖЕЛТѢЮЩАЯ НИВА". Лермонтова

Разборъ этого стихотворенія.

Картины природы всегда производятъ на человѣка такое или иное впечатлѣніе, вызываютъ въ немъ такое или иное душевное настроеніе. Конечно, не на всѣхъ людей онѣ производятъ одинаково сильное впечатлѣніе. Различіе въ этомъ отношеніи обусловливается неодинаковою впечатлительностью, чуткостью ихъ къ красотамъ природы. Одни лица очень чутки къ картинамъ и явленіямъ природы. Про нихъ можно сказать то же, что Баратынскій сказалъ про Гете:

«Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна»...

Другія же лица обладаютъ значительно меньшею впечатлительностью къ красотамъ и разнообразнымъ явленіямъ природы. Они, говоритъ Тютчевъ, «живутъ» въ семъ мірѣ, какъ въ потьмахъ»; для нихъ природа— «бездушный ликъ».

Поэты, вслѣдствіе особенностей своей духовной организаціи, отличаются обыкновенно чуткостью и воспріимчивостью къ красотамъ природы. Къ такимъ поэтамъ несомнѣнно принадлежалъ Лермонтовъ. Въ своемъ стихотвореніи «Когда волнуется желтѣющая нива» онъ выражаетъ впечатлѣніе, производимое на него различными картинами природы.

Все это стихотвореніе состоитъ изъ четырехъ строфъ. Въ первыхъ трехъ строфахъ поэтъ рисуетъ картины природы, а въ четвертой онъ говоритъ о томъ вліяніи, какое онѣ производятъ на него.

Въ первой строфѣ поэтъ немногими, но рѣзкими признаками изображаетъ картину сельской природы лѣтомъ. Вниманіе его останавливается и на малиновой сливѣ подъ тѣнью сладостной зеленаго листка, и на волнующейся «желтѣющей нивѣ, и на свѣжемъ лѣсѣ», шумящемъ при звукѣ вѣтерка.

Во второй строфѣ онъ изображаетъ весеннее ясное утро, при чемъ его вниманіе привлекаетъ ландышъ серебристый, который «изъ-подъ куста привѣтливо киваетъ головой».

Въ третьей строфѣ онъ изображаетъ тѣнистый оврагъ, на днѣ котораго струится ручеекъ, который своимъ журчаніемъ и плескомъ наводитъ сладостную дремоту «съ чудесными таинственными грезами о дальнихъ краяхъ».

Подъ вліяніемъ изображенныхъ картинъ природы,— говоритъ поэтъ въ четвертой строфѣ,—смиряются его душевныя тревоги, онъ успокоивается, постигаетъ счастье на землѣ и возносится духомъ къ Творцу («въ небесахъ я вижу Бога»).

Вглядываясь въ отношеніе поэта къ изображаемымъ имъ предметамъ, нельзя не замѣтить послѣдовательности въ душевномъ сближеніи его съ этими предметами. Такъ, слива (1-ая строфа) олицетворяется поэтомъ: она прячется подъ тѣнью сладостной зеленаго листка; затѣмъ, ландышъ (2-ая строфа) не только олицетворяется поэтомъ, но и ставится въ болѣе близкія отношенія къ нему: онъ (ландышъ) не остается только предметомъ наблюденія, но уже самъ привѣтствуетъ поэта, «кивая ему головой»; наконецъ, ручей (3 строфа) не ограничивается тѣмъ, что привѣтствуетъ поэта, но уже «лепечетъ ему сказанія и, овладѣвая его мыслями, переноситъ ихъ въ иной край».

Сообразно съ этимъ, мы видимъ градацію и въ изображеніи вліянія, оказываемаго картинами природы на душу поэта. Въ первой строкѣ 4-ой строфы поэтъ говоритъ, что «смиряется души его тревога», во второй строкѣ онъ говоритъ, что чувствуетъ сладостное

успокоеніе, и это душевное состояніе выражено посредствомъ воплощенія его, (расходятся морщины на челѣ»); въ третьей строкѣ онъ уже прямо заявляетъ, что постигаетъ счастье на землѣ, и въ четвертой строкѣ говоритъ, что картины природы возносятъ его мысли и чувства къ Богу («и въ небесахъ я вижу Бога»).

Кромѣ того въ первыхъ двухъ строкахъ той-же 4-ой строфы поэтъ говоритъ, что онъ, подъ вліяніемъ картинъ природы, освобождается отъ того тревожнаго, грустнаго настроенія, которое является преобладающимъ въ его душевной жизни («смиряется души моей тревога», «расходятся морщины на челѣ»); въ послѣднихъ же двухъ строкахъ той же строфы онъ говоритъ о положительномъ благѣ, счастьѣ, испытываемомъ подъ вліяніемъ этихъ картинъ («счатье я могу постигнуть на землѣ», «въ небесахъ я вижу Бога»).

Разсматриваемое стихотвореніе относится къ выдающимся поэтическимъ произведеніямъ не только по глубинѣ и вѣрности мысли и чувства, изображеннаго въ немъ, но также и по своей художественной формѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно отличается не только образностью, живостью, но также и искуснымъ построеніемъ. Представляя собою одну законченную мысль которая можетъ быть выражена такъ: картины природы благотворно вліяютъ на душевное настроеніе человѣка и оживляютъ въ немъ вѣру въ Творца; оно (стихотвореніе) распадается на двѣ части, которыя внутренно связаны между собою, какъ условіе съ слѣдствіемъ. Внѣшнимъ признакомъ такой связи служатъ нарѣчія: когда—тогда. Такая форма рѣчи составляетъ періодъ, и при томъ сложный, такъ какъ въ немъ первая и вторая части распадаются на члены (первая часть—условіе—на три, а вторая—слѣдствіе—на четыре).

При чтеніи разбираемаго стихотворенія оттѣняются тономъ голоса повышеніе и пониженіе, при чемъ въ первой части тонъ голоса безъ скачковъ, постепенно возвышается до конца части, во второй же—съ такою

же правильностью постепенно понижается. Кромѣ того, члены какъ повышенія, такъ и пониженія произносятся такъ, чтобы въ сознаніи слушающаго возникали картины, нарисованныя поэтомъ, и становилось яснымъ вліяніе, оказываемое ими на его душу.

При разборѣ произведенія учитель вызываетъ самодѣятельность учениковъ. Онъ ставитъ вопросы побуждающіе ихъ вникнуть въ произведеніе и, такимъ образомъ, уяснить его себѣ. Учитель не сообщаетъ ученикамъ того, до чего они могутъ дойти сами, вникнувши въ произведеніе.

При разборѣ названнаго произведенія могутъ быть предложены ученикамъ хотя такіе общіе вопросы:

Оказываютъ ли картины природы вліяніе на душевное настроеніе человѣка? Какъ мы чувствуемъ себя въ ясный весенній день и какъ въ пасмурную погоду? О чемъ говорится въ стихотвореніи «Когда волнуется желтѣющая нива? Изъ сколькихъ строфъ состоитъ оно? О чемъ говорится въ первыхъ трехъ строфахъ и о чемъ—въ четвертой? Какая картина рисуется въ воображеніи при чтеніи первой строфы? Изложите эту картину! Изложите картину, рисующуюся при чтеніи второй строфы!—третьей! Объясните слѣдующія строки третьей строфы: «Ключъ, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ, лепечетъ мнѣ таинственную сагу»! (Ручей журчитъ и плещетъ, перебѣгая по камешкамъ или скатываясь съ уступовъ. «Вслушайтесь въ журчаніе ручья. Сначала оно покажется пріятнымъ щекотаніемъ слуха; затѣмъ будетъ привлекать незамѣтно все болѣе и болѣе ваше вниманіе и ваши мысли, наконецъ, вы уже не услышите журчаніе ручья; оно сольется съ вашей душой и заставитъ впасть въ какое— то полузабытье съ чудесными таинственными грёзами о дальнихъ краяхъ»...) Какое вліяніе производятъ на поэта указанныя картины и предметы природы? Передайте содержаніе въ отдѣльности каждой строки четвертой строфы! Что выражаетъ собою строка: «тогда расходятся морщины на челѣ»? Чувство, настроеніе поэта выражено посред-

ствомъ воплощенія этого чувства, настроенія, во внѣ). Объясните послѣднюю строку? («И въ небесахъ я вижу Бога). На какія двѣ части распадается все стихотвореніе? Въ какомъ логическомъ отношеніи находится первая часть (первыя 3 строфы) ко второй части (четвертой строфѣ)? Чѣмъ выражена внѣшняя связь первой части со второй? Изъ сколькихъ членовъ состоитъ первая часть и изъ сколькихъ вторая часть? Какъ называется такое построеніе рѣчи, какъ въ приведенномъ стихотвореніи? (періодомъ). Расчлените на части и члены этотъ періодъ. Укажите особенно образныя, живописующія слова и выраженія. Какая основная мысль всего стихотворенія? Укажите, какъ раскрываетъ поэтъ свою мысль.

К. Ельницкій.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Ѳ. И. БУСЛАЕВА *).

Рѣчь, читанная 9 Сентября 1897 года ученикамъ Пензенской 1-й гимназіи преподавателемъ П. К. Горницкимъ.

31 іюля настоящаго года русская наука понесла тяжелую утрату: на дачѣ, близъ Москвы, скончался ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, почетный членъ и бывшій заслуженный профессоръ Московскаго университета Ѳ. И. Буслаевъ.

Имя покойнаго, какъ профессора, 33 года читавшаго лекціи въ старѣйшемъ и многолюднѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ, а какъ автора многочисленныхъ ученыхъ изслѣдованій и нѣсколькихъ учебныхъ книгъ, извѣстно всякому образованному русскому человѣку; небезъизвѣстно поэтому же оно и вамъ. Но для учениковъ Пензенской 1-й гимназіи это имя должно быть особенно дорого, должно служить предметомъ гордости, а жизнь покойнаго вся посвященная труду на пользу науки, постояннымъ образцомъ для подражанія.—Ѳ. И. Буслаевъ получилъ свое среднее образованіе въ нашей гимназіи. Педагогическій Совѣтъ, желая глубже запечатлѣть въ вашей памяти имя своего знаменитаго ученика, постановилъ сегодня, въ 40 день по кончинѣ Ѳ. И. собраться сюда, въ эту залу всѣмъ вмѣстѣ, и учителямъ и ученикамъ, чтобы помолиться объ упокоеніи души усопшаго, а меня почтилъ порученіемъ ознакомить васъ съ главнѣйшими фактами жизни и дѣятельности почившаго.

---

*) Составленъ по статьямъ: 1) Дим. Языковъ—Ѳ. И. Буслаевъ. Рус. Вѣст. 1897 г. сент. стр. 377—388; 2) А. А. Танковъ.—Воспоминанія о Ѳ. И. Буслаевѣ. Ист. Вѣст. 1897 г. сент. стр. 837—851; 3) Ѳ. И. Буслаевъ (некрологъ); тамъ же стр. 887—901. 4) Историческій очеркъ Пензенской 1-й гимназіи съ 1804 по 1871 г. Составилъ П. П. Зеленецкій. Пенза 1889.

Ѳ. И. Буслаевъ по своему происхожденію принадлежалъ къ дворянскому роду, еще въ прошломъ столѣтіи занесенному въ родословныя книги Пензенскаго намѣстничества. Отецъ Ѳедора Ивановича, Иванъ Ивановичъ, жилъ и служилъ секретаремъ при земскомъ судѣ въ Керенскѣ, уѣздномъ городѣ нашей губерніи. Здѣсь 13 апрѣля 1818 года родился Ѳ. И. и здѣсь же провелъ свое раннее дѣтство. Послѣ смерти отца (3 іюня 1823 г.) Ѳ. И. вскорѣ переѣзжаетъ въ Пензу и здѣсь начинаетъ свое образованіе. Подъ руководствомъ горячо любящей матери, Ѳ. И. быстро выучился читать и писать по-русски, и затѣмъ увлекается чтеніемъ книгъ, попадавшихся ему въ руки. По собственному его свидѣтельству, имъ были прочтены въ дѣтствѣ такія народныя изданія, какъ „Сонникъ", гадательная книга „Соломонъ", „Брюсовъ календарь", „Пѣсенникъ", повѣсть „Англійскій милордъ Георгъ", а также и такія крупныя произведенія иностранной литературы, какъ „Робинзонъ Крузэ", „Донъ-Кихотъ", „Потерянный рай" и поэма Томсона „Четыре времени года". Всѣ эти произведенія, по словамъ Ѳ. И., послужили ему твердою основою для дальнѣйшаго знакомства съ плодами народнаго творчества и лучшими образцами европейской литературы.

9-ти лѣтъ Буслаевъ поступаетъ на нѣкоторое время въ приготовительный пансіонъ М. А Лебедевой, существовавшій тогда въ Пензѣ, а затѣмъ переходитъ въ I-й классъ Пензенской гимназіи, гдѣ въ это время учился и другой знаменитый ея ученикъ—В. Г. Бѣлинскій. О своемъ пребываніи въ нашей гимназіи Ѳ. И. сохранилъ, между прочимъ, такое воспоминаніе: „Въ 1829 году, когда я поступилъ въ 1-й классъ Пензенской гимназіи, прежній учитель русскаго языка выбылъ, а новаго опредѣлить еще не успѣли. Тогда на нѣсколько мѣсяцевъ гимназическое начальство поручило обучать насъ гимназисту Бѣлинскому (впослѣдствіи переименованному въ Бѣлинскаго)... Онъ много намъ диктовалъ и заставлялъ насъ учить наизусть стихи, изъ которыхъ, какъ сейчасъ помню: „О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта" и О, Ты, пространствомъ безконечный". Въ своихъ „Воспоминаніяхъ", говоря о времени своего обученія въ Пензенской

гимназіи, Ѳ. И. восклицаетъ: „И какъ же мы любили свою милую гимназію!“ Говоря же о результатахъ своего обученія въ нашей гимназіи, покойный заявляетъ: въ Пензенской гимназіи, подъ руководствомъ Бѣлинскаго и Евтропова (учители словесности времени Буслаева), я впервые узналъ и полюбилъ русскую словесность, которой потомъ посвятилъ всю свою жизнь и въ литературныхъ трудахъ и въ лекціяхъ съ каѳедры Московскаго университета“.

Въ свободное отъ гимназическихъ занятій время Буслаевъ предавался чтенію. Особенно нравились ему въ это время романы Загоскина „Юрій Милославскій“ и „Рославлевъ“, сочиненія Батюшкова, Жуковскаго, Козлова, Грибоѣдова и „Письмовникъ“ Курганова. Послѣдняя книга, кромѣ образцовъ писемъ всякаго рода, заключала въ себѣ собраніе, анекдотовъ, пословицъ, притчъ и другихъ образцовъ народнаго остроумія. Подъ вліяніемъ, быть можетъ, этого „Письмовника“, Ѳ. И. начинаетъ уже въ эти юные годы скупать лубочныя картинки, забавныя новости и печатныя сказки съ простыми рисунками и такимъ образомъ кладетъ начало своему богатѣйшему собранію памятниковъ народнаго творчества. Сверхъ этого, по старинному обычаю, Буслаевъ составляетъ себѣ и рукописную библіотеку, записывая въ тетради неизданныя и даже напечатанныя произведенія.

Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія гимназіи состояли всего лишь изъ 4 классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Ѳ. И., поступилъ въ гимназію въ 1829 году, а въ 1833 оканчиваетъ гимназическій курсъ. Ему было въ это время только 15 лѣтъ, а въ университетъ же могли поступать лишь достигшіе 16-ти лѣтняго возраста. Поэтому Ѳ. И. до поступленія въ университетъ пришлось провести въ Пензѣ еще цѣлый годъ, которымъ онъ и воспользовался для пополненія и расширенія знаній, пріобрѣтенныхъ въ гимназіи. Такъ, напр., подъ руководствомъ тогдашняго преподавателя мѣстной духовной семинаріи Д. О. Львова онъ занялся изученіемъ греческаго языка и исторіи философіи, не преподававшихся въ то время въ гимназіи, а также и латинскаго языка.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1834 года Ѳ. И. сдаетъ пріем-

ный экзаменъ въ Московскій университетъ и настолько успѣшно, что попадаетъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ словеснаго (нынѣ историко филологическаго) факультета.

Изъ профессоровъ университета, по признанію Ѳ. И., произвели на него болѣе сильное впечатлѣніе Шевыревъ и Погодинъ. „Лекціи Шевырева, говоритъ Ѳ И. производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почуялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его". Вліялъ на Ѳ. И. и Погодинъ своими одушевленными лекціями, симпатичнымъ характеромъ, кипучею ученою дѣятельностью, а также своимъ знаменитымъ „Древлехранилищемъ", т. е. собраніемъ старинныхъ рукописей. „Ясно осталось въ моей памяти, писалъ во дни старости Буслаевъ, какъ, бывало, будучи студентомъ, по праздничнымъ днямъ иду я по Дѣвичьему полю въ это Древлехранилище списывать Евгеніевскую Псалтирь, рукопись XI вѣка, на которой я впервые познакомился съ юсами и другими премудростями древняго письма".

Вообще, въ студенческіе годы Ѳ. И. занимался самымъ усерднымъ образомъ, особенно увлекаясь изученіемъ языковъ: классическихъ, еврейскаго, польскаго, французскаго и нѣмецкаго. Здѣсь же, въ университетѣ, начинается и научно-литературная дѣятельность Ѳ. И. Она проявилась на первыхъ порахъ въ томъ, что Ѳ. И., сообща съ товарищами-филологами, записываетъ, составляетъ и обработываетъ для печати лекціи профессоровъ Погодина по исторіи и Давыдова—по словесности. Въ компаніи съ нѣсколькими студентами Ѳ—мъ И—мъ переведено съ французскаго сочиненіе Демишеля: „Исторія среднихъ вѣковъ". Къ окончанію курса въ университетѣ Буслаевъ уже единолично приготовилъ работу: „Основанія общей грамматики Сильвестра Де-Саси съ нѣмецкаго перевода Фатерова", снабженную важными замѣчаніями юнаго переводчика касательно русскаго языка. Эта работа была представлена Ѳ. И. профессору Давыдову, какъ кандидатская диссертація, и по отзыву про-

фессора 13 іюня 1838 г. Ѳ. И—чъ былъ удостоенъ степени кандидата словесныхъ наукъ.

Школьные годы обученія для Ѳ. И. окончились и началось самостоятельное изученіе различныхъ отраслей историко-филологическихъ наукъ, начались долгіе годы самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ старости, вспоминая годы своего школьнаго ученія, Ѳ. И. говорилъ: „Съ живѣйшею признательностью вспоминалъ я о моемъ школьномъ обученіи: оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлію всей моей жизни".

По окончаніи университетскаго курса, Буслаевъ получаетъ мѣсто учителя русскаго языка въ младшихъ классахъ Московской 2-й гимназіи; вскорѣ затѣмъ попечитель Московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ приглашаетъ Ѳ. И—ча отправиться въ Италію, чтобы тамъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ давать уроки дѣтямъ графа. Ѳ. И. принимаетъ предложеніе и въ іюнѣ 1839 г. выѣзжаетъ изъ Москвы.

„Въ продолженіе всего двухлѣтняго пребыванія моего за границей, говорилъ впослѣдствіи Буслаевъ,—насталъ для меня безпрерывный свѣтлый праздникъ... Передо мною открылась необъятная и манящая вдаль перспектива отъ Балтійскаго моря. по всей Германіи, черезъ Альпійскія горы въ широкую Ломбардію, къ Адріатическому морю въ Венецію, а оттуда черезъ Альпы во Флоренцію, Римъ и наконецъ на берега Средиземнаго моря съ Неаполемъ и Везувіемъ, съ Геркуланумомъ и Помпеею"... На этомъ продолжительномъ пути съ частыми остановками въ различныхъ мѣстностяхъ и городахъ молодой ученый находитъ для себя много интереснаго въ области археологіи и искусства, и онъ не только любуется подобными памятниками, но и изучаетъ ихъ, обогащая себя новыми цѣнными свѣдѣніями. Такъ, напр., послѣ осмотра Дрезденской картинной галлереи, гдѣ его надолго приковала къ себѣ Мадонна Рафаеля, Буслаевъ принимается за изученіе по книгамъ исторіи искусствъ, сопровождая такое изученіе осмотромъ памятниковъ искусства и исторіи въ Нюренбергѣ, Мюнхенѣ, Веронѣ, Неаполѣ, Геркуланумѣ, Помпеѣ и особенно въ Римѣ. Насколько ин-

тересовали Ѳ. И. памятники искусства и старины, видно изъ слѣдующихъ словъ его: „я весь поглощенъ былъ монументальностью Италіи и постольку же мало обращалъ вниманіе на ея жителей, какъ и на разнообразныя красоты ея природы. Впрочемъ, и сами итальянцы имѣли для меня нѣкоторый интересъ, но только по отношенію къ изучаемымъ мною памятникамъ искусства и вообще старины. Мнѣ казалось, что жители этой страны и существуютъ теперь для того только, чтобы охранять завѣтныя сокровища великаго прошедшаго въ своихъ городахъ и услужливо показывать и пояснять ихъ иностранцамъ“. Въ Римѣ Ѳ. И. познакомился съ кружкомъ русскихъ художниковъ, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи пріобрѣли значительную извѣстность. Бесѣды съ этими художниками помогли Ѳ—ру И—чу полнѣе и глубже понять окружавшія его произведенія искусствъ. По дорогѣ изъ-за границы въ Россію въ крупныхъ центрахъ просвѣщенія Ѳ. И. заводитъ ученыя знакомства, бесѣдуетъ съ филологами и словесниками. Особенное значеніе для позднѣйшихъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ области русскаго языка имѣло для Ѳ. И. знакомство въ Варшавѣ съ польскимъ филологомъ Линде, который ознакомилъ Буслаева съ своими методами и пріемами филологическихъ изслѣдованій.

По возвращеніи въ 1841 году въ Москву, Ѳ. И. получаетъ мѣсто личнаго секретаря при попечителѣ учебнаго округа графѣ С. Г. Строгановѣ и учителя русскаго языка и словесности въ 3-й Московской гимназіи. Попечитель, замѣтивъ блестящія способности своего секретаря, обратилъ его вниманіе на сочиненія Дистервега. Маже и другихъ педагоговъ, а когда замѣтилъ, что Ѳ. И. пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ педагогіи, то сталъ поручать ему составленіе циркуляровъ, а иногда и цѣлыхъ брошюръ по вопросамъ воспитанія и обученія, которые затѣмъ разсылались по округу для руководства учащихъ.

Эти занятія, наблюденія и практика учителя гимназіи, а также изученіе „Грамматики нѣмецкаго языка“ Якова Гримма дали Ѳ—ву И—чу богатый матеріалъ для его книги: „О преподаваніи отечественнаго языка“. По содержа-

нію сочиненіе это распадается на двѣ части. Первая часть, методическая, говоритъ о болѣе живыхъ пріемахъ преподаванія сухой грамматики, а вторая, научная, о свойствахъ русскаго языка, о его стилистикѣ. Въ основаніи первой части лежитъ несомнѣнно личный опытъ автора, и поэтому рекомендуемые имъ пріемы преподаванія получаютъ особенную цѣну, какъ добытые и провѣренные на практикѣ. О собственномъ своемъ преподаваніи Ѳ. И. позднѣе говорилъ: „Меня никогда не удовлетворяла безжизненная буква; я чуялъ въ ней музыкальный звукъ, который отдавался въ сердцѣ, живописалъ воображенію и вразумлялъ своею точною, опредѣленною мыслью въ ея обособленной конкретной формѣ". Такую-то одухотворенность преподаванія языка Буслаевъ желалъ внести и въ среднюю школу. Что же касается второй части названнаго сочиненія, то уже здѣсь Буслаевымъ впервые былъ примѣненъ тотъ методъ изученія явленій языка, который впослѣдствіи далъ его знаменитую „Историческую грамматику русскаго языка".

Къ этому же періоду жизни Ѳ. И. относится и длинный рядъ статей въ журналахъ. Однѣ изъ нихъ представляютъ собою критическіе разборы книгъ по русскому языку и словесности, а другія—самостоятельныя изслѣдованія по языку, словесности и исторіи искусствъ.

Въ томъ же 1841 году Ѳ. И. былъ прикомандированъ къ каѳедрѣ профессора Шевырева для чтенія и разбора письменныхъ студенческихъ работъ. Въ апрѣлѣ 1843 г. Буслаевъ сдалъ экзаменъ на магистра русскаго языка и словесности и съ цѣлью написанія диссертаціи занялся изученіемъ со стороны языка „Остромирова Евангелія". Въ 1847 году онъ начинаетъ чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ по теоріи словесности, сравнительной грамматикѣ, а также по исторіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Тяготясь учительскими обязанностями и для ускоренія своего научнаго труда, Ѳ. И. еще въ 1846 году оставляетъ службу въ гимназіи, а 3-го іюня 1848 г. блестяще защищаетъ свою магистерскую диссертацію „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ". Это сочиненіе составило цѣлое событіе въ русской историко-филологической наукѣ.

И здѣсь въ изслѣдованіи лингвистическихъ явленій авторомъ примѣнены новѣйшіе пріемы современной нѣмецкой науки. Извѣстный нашъ ученый г. Пыпинъ даетъ такую оцѣнку этого труда Ѳ—ра И—ча: „Диссертація Буслаева была въ нашей литературѣ совершенною новостью; это былъ первый опытъ примѣнить сравнительное и историческое языкознаніе къ древностямъ славянскаго языка, откуда извлекалась бытовая картина такой далекой поры, на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука“.

Получивъ степень магистра, Ѳ. И. съ 5 августа 1848 г. занимаетъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру русскаго языка и словесности, начинаетъ чтеніе лекцій и читаетъ ихъ здѣсь до іюня 1881 года, въ теченіе 33 лѣтъ. Чтенія эти, вмѣстѣ съ печатными трудами Ѳ. И—ча, не только снабжали богатыми свѣдѣніями будущихъ учителей родного языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніхъ, но и создали цѣлую школу ученыхъ, занявшихся изслѣдованіемъ русскаго языка и словесности съ примѣненіемъ методовъ Ѳ—ра И—ча. Покойнаго безъ преувеличенія, кажется, можно назвать отцомъ современнаго русскаго языкознанія.

Что касается манеры Ѳ. И—ча читать лекціи, то чтеніе его, по свидѣтельству одного изъ слушателей, не отличаясь блескомъ краснорѣчія, было тѣмъ не менѣе увлекательно и плодотворно. Передавая слушателямъ самыя сухія свѣдѣнія, Ѳ. И—чъ воодушевлялся; видно было, что излагаемое живо интересуетъ его самого, и этотъ интересъ невольно передавался его слушателямъ; мысль ихъ неустанно слѣдила за мыслью профессора, и содержаніе лекціи вслѣдствіе этого глубоко западало въ ихъ умы. Притомъ же Ѳ. И. никогда не ограничивался догматическимъ изложеніемъ готовыхъ научныхъ выводовъ, а дѣлалъ ихъ здѣсь же, въ аудиторіи, изъ сырого словеснаго матеріала. Такой способъ чтенія лекцій былъ, несомнѣнно, чрезвычайно плодотворнымъ: такія лекціи, по совершенно справедливымъ словамъ слушателя Ѳ—ра И—ча, „учили пріемамъ и формамъ научнаго изслѣдованія, а также методамъ изученія научныхъ законовъ и правиламъ постановки и рѣшенія научныхъ задачъ“.

Сверхъ этого, слушатели Ѳ—ра И—ча хорошо знали его всегдашнюю готовность руководить самостоятельными домашними работами студентовъ. Его богатое собраніе старинныхъ рукописей было всегда доступно для пользованія всѣмъ желавшимъ работать надъ ними. За всѣ эти качества Ѳ. И. пользовался всегда живѣйшею симпатіею своихъ слушателей. Его аудиторія была всегда полна не только студентовъ филологическаго, но и другихъ факультетовъ.

Въ 1852 году управленіемъ военно-учебныхъ заведеній Буслаевъ былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ Галаховымъ, въ коммиссію, обсуждавшую реформу преподаванія въ этихъ заведеніяхъ русскаго языка и словесности. Для руководства учителей этихъ-то заведеній и былъ написанъ Ѳ—мъ И—мъ „Опытъ исторической грамматики русскаго языка" (1858), и составлена „Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ" (1861). Изъ этихъ крупныхъ ученыхъ трудовъ Ѳ. И. впослѣдствіи выработалъ двѣ учебныхъ книги, сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ всей учащейся русской молодежи: „Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою" и „Русская хрестоматія"; обѣ эти книги разошлись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и продолжаютъ печататься и до настоящаго времени. Громадное большинство теперешнихъ школьныхъ грамматикъ русскаго языка составлены на основаніи двухъ названныхъ грамматикъ Ѳ—ра И—ча.

Изъ этихъ трудовъ Буслаева особенную научную цѣну и значеніе имѣетъ „Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Въ немъ Буслаевъ примѣняетъ тотъ же методъ изслѣдованія явленій языка, какой былъ употребленъ имъ во 2-й части сочиненія „О преподаваніи отечественнаго языка" и въ трудѣ „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ". Методъ этотъ можетъ быть названъ **сравнительно-историческимъ** и состоитъ въ томъ, что каждое явленіе литературнаго языка: падежъ склоняемой части рѣчи, глагольная форма—разсматриваются не только сами по себѣ, въ современномъ своемъ употребленіи въ литературной рѣчи, но сравниваются съ соотвѣтственными формами живой народной рѣчи, другихъ славянскихъ языковъ и родствен-

ныхъ языковъ: санскритскаго, литовскаго, латинскаго, греческаго и новоевропейскихъ; кромѣ этого, изслѣдователь разсматриваетъ употребленіе этой формы въ рѣчи и на всемъ протяженіи русской письменности, т. е. отъ XI вѣка до нашихъ дней, отмѣчая всѣ перемѣны, происходившія въ ней за это время. Такой методъ филологическихъ изслѣдованій былъ выработанъ въ началѣ настоящаго столѣтія въ Германіи учеными братьями Гриммами, а Ѳ—мъ И—мъ былъ перенесенъ въ Россію, примѣненъ имъ и его учениками и послѣдователями къ изслѣдованію русскаго языка и принесъ здѣсь богатые плоды.

Въ 1859—1860 году на долю Ѳ-а И-а выпадаетъ честь преподавать русскій языкъ въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, и Ѳ. И. оказался вполнѣ достойнымъ этой чести, съумѣвъ въ короткое время пріобрѣсти любовь своего Царственнаго ученика и возбудить въ немъ интересъ къ преподаваемому предмету.

Въ теченіи всей профессорской дѣятельности Ѳ. И-ча и по окончаніи ея не прекращается и научно-литературная дѣятельность его. Свои ученыя статьи по русскому языку, древней книжной и устной народной словесности и древнерусскому искусству онъ помѣщаетъ въ самыхъ разнообразныхъ журналахъ какъ спеціально-ученыхъ, такъ и въ общихъ литературно-научныхъ. Часть этихъ статей уже въ 1861 году составили 2 громадныхъ тома „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства" Научное значеніе этихъ „Очерковъ" было такъ велико, что за нихъ Московскій университетъ поднесъ автору безъ защиты диссертаціи, honoris causa, степень доктора русской словесности, а Академія наукъ избрала автора въ академики. Позднѣе Ѳ. И. издаетъ второй сборникъ своихъ статей подъ названіемъ—„Мои досуги", въ 2-хъ томахъ, а позднѣе третій—„Народная поэзія" громадное же количество статей такъ и осталось разсѣяннымъ въ періодическихъ изданіяхъ.

Въ то же время Ѳ. И. принимаетъ самое дѣятельное участіе во многихъ ученыхъ обществахъ какъ, напр., въ Обществѣ любителей древней письменности, въ Обществѣ любителей Россійской словесности; въ послѣднемъ Ѳ. И. чи-

талъ, между прочимъ, „О значеніи романа“; и эти чтенія сильно заинтересовали публику *).

Оцѣнивая значеніе трудовъ Буслаева по народной словесности г. Пыпинъ выражается такъ: „въ сочиненіяхъ г. Буслаева сказались слѣдующія черты—обладаніе пріемами нѣмецкой филологической науки, помогавшей дешифрировать затемнившійся и забытый смыслъ народнаго преданія, и то совсѣмъ новое у насъ отношеніе къ народности, гдѣ не только не допускалась мысль о „снисхожденіи“ къ грубости народныхъ понятій о поэзіи, но требовалось къ нимъ глубокое уваженіе, гдѣ произведенія народной поэзіи излагались и комментировались съ такимъ же признаніемъ ихъ достоинствъ, какое привыкли отдавать лучшимъ произведеніямъ искусственной литературы и съ неменьшимъ, если еще не съ большимъ сочувствіемъ указывались высокія нравственныя начала, лежащія въ ихъ основѣ, и особенности ихъ поэтическаго стиля, съ живою образностью котораго искусственная поэзія не можетъ и равняться. Г. Буслаевъ умѣлъ дѣйствительно, раскрывать привлекательныя стороны народно-поэтическихъ сказаній, какъ до того времени не было еще дѣлано въ нашей литературѣ. Установленіе этого новаго отношенія къ народной старинѣ и поэзіи, кромѣ многихъ въ спеціально-научномъ отношеніи важныхъ изслѣдованій, составляетъ капитальную заслугу г. Буслаева, которая должна быть высоко оцѣнена въ исторіи изученія русской народности“.

Съ 1881 года Ѳ. И. прекратилъ чтеніе лекцій въ университетѣ и поселился на покой въ Москвѣ. Въ 1888 году былъ торжественно отпразднованъ 50-лѣтній юбилей научно-литературной дѣятельности Ѳ-ра И-ча; въ этомъ чествованіи приняла участіе и наша гимназія, пославъ юбиляру привѣтственный адресъ и удостоилась получить отъ него отвѣтное письмо. Тогда же Педагогическій Совѣтъ нашъ постановилъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ

*) Оцѣнка ученыхъ трудовъ и заслугъ Ѳ. И. Буслаева обусловлена составомъ слушателей и краткостію времени, удѣленнаго чествованію.

о помѣщеніи въ этой залѣ портрета Ѳ. И. Буслаева. За два года до кончины Ѳ. И. лишился зрѣнія, причиною же смерти послужила болѣзнь—ракъ, унесшая Ѳ-а И-ча въ могилу 31 Іюля въ 11 ч. ночи, въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ.

Похороны Ѳ-а И-ча, несмотря на глухое каникулярное время, отличались необыкновенною торжественностью: гробъ его провожали попечитель учебнаго Округа, представители высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, представитель города Москвы—городской голова, толпа сослуживцевъ и бывшихъ слушателей. На гробъ было возложено множество вѣнковъ, а по погребеніи, надъ могилою профессоромъ Р. Ѳ. Брандтомъ была сказана прочувственная рѣчь. Все свидѣтельствовало о тяжелой утратѣ крупнаго ученаго, выдающагося профессора и хорошаго человѣка. Погребенъ Ѳ. И. въ Новодѣвичьемъ монастырѣ рядомъ съ Н. М. Загоскинымъ, писателемъ, который такъ нравился Ѳ-у И-чу въ юности.

Таковы въ краткихъ чертахъ жизнь и дѣятельность знаменитаго ученика Пензенской гимназіи. Какъ ни блѣденъ нашъ очеркъ, но да послужитъ онъ выраженіемъ нашего общаго уваженія къ памяти великаго русскаго ученаго.

А теперь, вмѣстѣ съ о. законоучителемъ, помолимся объ упокоеніи души усопшаго болярина Ѳеодора.

П. К. Горницкій.

О ПРАВОПИСАНІИ ПО—ГРОТУ.

Недавно на столбцахъ одной Петербургской газеты [1]) нѣкто „старый литераторъ" напечаталъ двѣ замѣтки о правописаніи. Въ обѣихъ замѣткахъ „старый литераторъ" дѣлаетъ упрекъ покойному академику Якову Карловичу Гроту за то, что онъ будто бы „засорилъ русское правописаніе разными вядчинами и спуталъ до того, что въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи въ разныхъ классахъ пишутъ по—разному". Подобные упреки почтенному русскому ученому не представляютъ изъ себя новости: обвиненіе Грота въ засореніи русскаго правописанія въ послѣднее время сдѣлались обычнымъ и даже моднымъ. По временамъ это обвиненіе переходитъ даже въ пошлыя глумленія и глупыя насмѣшки.

Имѣютъ-ли, однако, всѣ подобныя нареканія на покойнаго академика какое нибудь основаніе?

Въ 1885 году вышло въ свѣтъ первое изданіе Русскаго Правописанія. Въ предисловіи къ этому изданію говорилось между прочимъ слѣдующее: „Настоящее краткое руководство имѣетъ цѣлью удовлетворить сознаваемую всѣми потребность привести русское правописаніе къ желательному единообразію". Во многихъ случаяхъ наше правописаніе установилось давно уже, хотя и не всегда правильно, измѣнять его въ подобныхъ случаяхъ не представлялось удобныхъ, потому что такого рода измѣненія могли-бы только поколебать существующее соглашеніе и создать новыя разнорѣчія въ нашемъ письмѣ. Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившагося обычая, отступая отъ него только тогда, когда общеупотребительныя начертанія оказались положительно невѣрными или слишкомъ непослѣдовательными".

Издавая „Русское Правописаніе", Гротъ, какъ видно, не ставилъ себѣ цѣлью произвести въ правописаніи

---

[1]) «Новое Время» 1898 г. №№ 7865 и 7872.

коренную реформу. Онъ хотѣлъ только во-первыхъ исправить „положительно невѣрныя или слишкомъ непослѣдовательныя начертанія" и во-вторыхъ—ввести въ правописаніе отчетливость и сознательность. Для достиженія второй цѣли въ книгѣ „въ видѣ введенія изложены основныя черты русской фонетики, такъ какъ предварительное знакомство съ ними признано необходимымъ для вполнѣ отчетливаго и сознательнаго письма".

Въ своихъ научныхъ выясненіяхъ и нововведеніяхъ Гротъ былъ крайне остороженъ. Измѣненіе „положительно-невѣрныхъ или слишкомъ непослѣдовательныхъ начертаній", укоренившихся въ нашемъ письмѣ въ силу простого обычая, онъ не хотѣлъ взять на свою только отвѣтственность. Каждый спорный вопросъ относительно правописанія тѣхъ или другихъ словъ „подвергался тщательному пересмотру въ собраніи всѣхъ наличныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, и рѣшаемъ былъ съ общаго согласія".

Когда „Русское Правописаніе" вышло изъ печати и поступило въ продажу, то Гротъ, чрезъ посредство газетъ, просилъ всѣхъ русскихъ ученыхъ, литераторовъ и и педагоговъ высказать свои замѣчанія на его книгу. Нѣсколько лицъ откликнулись на эту просьбу и прислали свои замѣтки. Ни одна изъ этихъ замѣтокъ, по словамъ самого Грота, „не осталась безъ самаго внимательнаго съ его стороны обсужденія".

На основаніи такихъ замѣчаній, а также на основаніи появившихся въ печати отзывовъ, Гротъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ дополненій и измѣненій въ „Правописаніи". Между прочимъ, въ Справочномъ указателѣ, приложенномъ къ книгѣ, „при нѣкоторыхъ словахъ помѣщены въ скобкахъ такія начертанія, которыя, хотя и не предлагаются руководствомъ, но могутъ быть допускаемы, такъ какъ они не противорѣчатъ основнымъ началамъ его".

Если взять „Русское Правописаніе" Грота въ томъ видѣ, въ какомъ оно стало появляться съ пятаго изданія, то въ немъ новаго окажется очень немного. Но этого немногаго было достаточно для того, чтобы въ русскомъ

правописаніи образовался расколъ: явилось правописаніе „по—старому“ и правописаніе „по—Гроту“. Въ сущности то и другое правописаніе было одно и то же; да иначе и быть не могло: Гротъ, изъ опасенія (по нашему мнѣнію напраснаго) разнорѣчій въ письмѣ, оставилъ безъ измѣненія даже такія начертанія, которыя не совсѣмъ были правильны, но сохранились и утвердились въ силу своей давности. Весь споръ свелся на отдѣльныя слова, въ родѣ Владиміръ и на нѣкоторыя окончанія, въ родѣ ого.

Но какъ всегда бываетъ, въ нападкахъ на „новое“ правописаніе, староверы позабыли главное—не вдумались въ суть „Русскаго Правописанія“ Заслуга Грота состоитъ въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ попытку осмыслить правописаніе,—научить русскаго человѣка писать не только правильно, но и сознательно. И книга Грота, въ этомъ отношеніи, представляетъ изъ себя трудъ замѣчательный, къ сожалѣнію, далеко не всѣми понятый и очень немногими оцѣненный... Если съ нѣкоторыми взглядами и объясненіями Грота можно не соглашаться (да онъ и не требовалъ этого), то нельзя не признать во всякомъ случаѣ, что его Правописаніе возбуждаетъ интересъ къ русскому языку, даетъ толчокъ мысли и подготовляетъ почву для дальнѣйшихъ „филологическихъ разысканій“. Только подъ руководствомъ этой книги стало возможно строго-научное, осмысленное и потому занимательное изученіе орфографіи въ школѣ.

Чтобы оцѣнить „Правописаніе“ Грота, нужно прежде всего внимательно прочитать и усвоить его. Между тѣмъ многіе этого-то какъ разъ и не хотѣли сдѣлать. Съ именемъ „Русскаго Правописанія“ у противниковъ Грота до сихъ поръ еще соединяется представленіе, какъ о простомъ перечнѣ словъ въ родѣ вядчины, мачехи, Олены... Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте пересмотрѣть возраженія на книгу Грота—и вы увидите, что большинство этихъ возраженій нейдетъ дальше простыхъ глумленій надъ той же вядчиной, мачехой, Оленой.

Немного дальше ушли въ пониманіи „Русскаго Правописанія“ и нѣкоторые гротографисты. Большинство составленныхъ по Гроту русскихъ грамматикъ и „правописаній“ ясно говорятъ, что составители подобныхъ руководствъ знаютъ въ сущности не „Русское Правописаніе, а одинъ только Справочный указатель, приложенный къ „Правописанію“.

Еще болѣе грустное явленіе стало повторяться, когда „правописаніе по Гроту было внесено въ школу. Сосредоточивъ все свое вниманіе на отдѣльныхъ словахъ педагоги не только не вдумались въ смыслъ книги Грота, но забыли даже тѣхъ, для облегченія кого она была составлена: живая дѣтская душа была принесена въ жертву буквѣ. Научить правильно писать по Гроту, съ точки зрѣнія приверженцевъ буквы—это значитъ пріучить ученика во что бы то ни стало писать: Владиміръ вмѣсто Владиміръ, ветчина вм. ветчина, мачеха вм. мачиха, Олена вм. Алена, копейка вм. копѣйка, цифра вм. циөра и т. д.

Но такъ какъ большая часть подобныхъ словъ въ читаемыхъ и изучаемыхъ учениками книгахъ и учебникахъ изображаются не такъ, какъ приказываютъ учителя русскаго языка, то положеніе ученика дѣлается по истинѣ критическимъ: его глазъ усвоилъ одно начертаніе (и это усвоеніе отличается особенной прочностью), его руку пріучаютъ къ начертанію иному. Въ результатѣ получаются „вѣчно однѣ и тѣ же ошибки“ и ихъ постоянныя спутницы—единицы.

— Г. Ивановъ! Почему вы написали мачиха, а не мачеха? Вѣдь вамъ было говорено пятьсотъ тысячъ разъ, что надо писать ма-че-ха.

— Я недавно читалъ „Сорочинскую ярмарку“ Гоголя; тамъ напечатано „мачиха“.

— Вы учитесь не у Гоголя. Вы должны писать такъ, какъ вамъ велятъ. Понимаете? Такъ, какъ велятъ.

— Понимаю. Но значитъ все—таки Гоголь-то писалъ „мачиха“?

— Я просилъ бы васъ не разсуждать. Вы пишите не по Гоголю, а по Гроту. Или, можетъ быть, вы хотите быть

умнѣе и ученѣе самого Грота? Въ такомъ случаѣ сочините свое правописаніе.

Озадаченный такимъ внушительнымъ доводомъ, ученикъ покорно садится, но его голову занимаетъ одна неотвязная мысль": На что онъ злится? Не я одинъ написалъ м а ч и х а. Вѣдь т а к ъ писалъ даже Гоголь".

Если бы ученикъ заглянулъ въ „Ф и л о л о г и ч е с к і я Р а з ы с к а н і я" Грота, которымъ его только-что попрекнули, то онъ нашелъ бы тамъ разъясненіе своихъ тревожныхъ думъ. Онъ прочиталъ бы тамъ такія строки: „Какъ ни разумно требованіе единообразія въ правописаніи, это требованіе не должно быть безусловно. Надобно умѣть отличать важныя разногласія отъ неважныхъ. Несоблюденіе этого правила ужъ не разъ было причиною слишкомъ строгихъ оцѣнокъ и несправедливыхъ взысканій въ школѣ". „Положительныя ошибки не должны быть терпимы, грубыя заслуживаютъ строгаго осужденія; но если ученикъ напишетъ с в ѣ д е н і е вм. с в ѣ д ѣ н і е, ж о л т ы й вм. ж е л т ы й в о з р а с л о вм. в о з р о с л о, л и ц е вм. л и ц о, то разсудительный учитель, конечно, не вмѣнитъ въ преступленіе такихъ начертаній. Важно только, чтобы пишущій умѣлъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что и какъ онъ пишетъ. Если его основаніе неправильно, то пусть ему объяснятъ это, всякая сознательная причина имѣетъ право на вниманіе". „Итакъ требуя въ правописаніи единообразія и стремясь къ нему, будемъ однакожъ остерегаться педантизма, который во всякомъ частномъ и мелочномъ отступленіи отъ принятыхъ Гротомъ начертаній видитъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество".

Можно-ли послѣ этого утверждать, какъ дѣлаетъ „старый литераторъ", что Гротъ „спуталъ и засорилъ русское правописаніе разными в я д ч и н а м и"?

Засорить и спутать правописаніе измѣненіемъ начертанія н ѣ к о т о р ы х ъ словъ нельзя; но произвести путаницу въ головахъ школьниковъ, конечно, можно. ,,Такую путаницу дѣйствительно и производятъ тѣ услужливые не по-разуму педагоги, которые, во всякомъ частномъ и мелочномъ

отступленіи отъ принятыхъ (Гротомъ) начертаній видятъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество".

Если относиться къ „Правописанію" Грота разумно, то оно не только не внесетъ путаницы въ ученическія головы, а напротивъ просвѣтитъ эти головы, пріучитъ ихъ къ самостоятельному мышленію, обогатитъ ихъ прочными филологическими знаніями и, что особенно важно, возбудитъ любовь и интересъ къ нашему „прекрасному, могучему, правдивому, великому и свободному" языку.

А. Рождествинъ.

ДУМА, Лермонтова.

Чуткій и проницательный поэтъ, замѣчая среди современныхъ ему образованныхъ людей много существенныхъ недостатковъ, приходитъ въ грустное настроеніе:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!

Поэтъ не презираетъ родъ людской за его недостатки и несовершенства: это было бы пошло и наивно — онъ только проникнутъ великою жалостью къ людямъ, видя ихъ безчисленныя страданія и заблужденія, чувствуя, что даже будущее ихъ онъ имѣетъ основаніе считать безотраднымъ:

Его грядущее — иль пусто, иль темно.

А ничего не ожидаетъ поэтъ отъ будущаго современнаго ему молодого поколѣнія, потому что при всѣхъ своихъ познаніяхъ оно обречено на позорное бездѣйствіе:

Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.

„Бремя познаній и сомнѣній“ авторъ „Демона“, вѣроятно, употребляетъ въ смыслѣ чрезмѣрнаго количества знаній и мучительной тяжести сомнѣній, но изъ дальнѣйшаго содержанія стихотворенія видно, что для большинства современнаго поэту поколѣнія „познанія и сомнѣнія“ были тяжелымъ бременемъ, не по своему изобилію, а по своей непригодности къ жизни и по своей внутренней несостоятельности. Когда познанія и сомнѣнія представляютъ собою ту силу, которая шагъ за шагомъ побѣждаетъ природу и увеличиваетъ сумму человѣческаго счастья на землѣ, тогда органическій ростъ ихъ доставляетъ человѣку глубокую радость, и они вовсе не кажутся „тяжелымъ бременемъ“.

Такимъ образомъ, то постыдное бездѣйствіе, о которомъ говоритъ авторъ, вызвано было, помимо прочихъ обстоятельствъ безплоднымъ образованіемъ и воспитаніемъ, состоявшимъ большею частію въ усвоеніи „ошибокъ отцовъ", т. е. всякихъ грубыхъ суевѣрій, жестокихъ традицій и отвлеченнаго взгляда на жизнь. Жизнь безпощадно обнаруживала ложь такого образованія и воспитанія и заставляла вырабатывать другіе взгляды на все, но это было слишкомъ поздно, не во-время, когда уходило дѣло, уплывала молодая энергія. Да, много бѣды оттого, что

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ.

Богатое главнымъ образомъ „ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ" современное автору поколѣніе естественно могло вообразить, что вся премудрость человѣческаго духа, вся тайна міра замкнута въ этихъ ошибкахъ и въ этомъ позднемъ умѣ отцовъ. Какой же смыслъ, или по крайней мѣрѣ, интересъ при такомъ взглядѣ можетъ имѣть жизнь? Никакого: „что было, то и будетъ—ничто не ново подъ луной". Это же выражается и въ слѣдующихъ строкахъ стихотворенія:

И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

„Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ"—очень удачное сравненіе: съ одной стороны, оно указываетъ на неправду экономическаго положенія праздныхъ людей,—съ другой—указываетъ на то, что бездѣйствіе есть удаленіе отъ жизни, отъ ея тяжелой борьбы и труда, но зато и отъ ея радостей побѣды, отъ ея наслажденій отдыха.

Неудивительно, что потеря интереса къ жизни, полная праздность отняли самыя драгоцѣнныя качества у человѣка: его способность активно относиться къ добру и злу, его мужество, его чувство человѣческаго достоинства:

Къ добру и злу постыдно равнодушны
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы,

говоритъ поэтъ въ тонѣ скорбнаго негодованія, которое, переходитъ почти въ отчаяніе при мысли, что современное автору поколѣніе есть поистинѣ тощій плодъ, больной, никому ненужный, висящій на деревѣ исторіи осиротѣлымъ пришлецомъ среди здоровыхъ и нормальныхъ плодовъ:

Такъ тощій плодъ, до времени дозрѣлый
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Если въ человѣкѣ отсутствуютъ нравственныя качества мужество и человѣческое достоинство, то онъ дѣйствительно ненужный больной плодъ,—въ этомъ связь приведеннаго сравненія съ предъидущимъ содержаніемъ стихотворенія.

„Плодъ до времени дозрѣлый"... Это понятно: отсутствіе освѣжающей дѣятельности ведетъ за собою пониженіе жизнеспособности организма и всѣхъ его дѣйствій: ни организмъ, ни всѣ душевныя способности человѣка не развиваются до естественнаго, нормальнаго размѣра и преждевременно замираютъ.

Послѣднія обстоятельства отражаются и на способности наслаждаться благами жизни. Напрасно праздные эгоисты съ жаромъ и нетерпѣніемъ набрасываются на одни только наслажденія: нѣтъ труда—нѣтъ и награды за трудъ—здороваго и полнаго наслажденія. Напрасно авторъ думаетъ, что современное ему образованное поколѣніе навѣки извлекло „лучшій сокъ" изъ каждой радости:

Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Это невѣрно: кто разумнымъ трудомъ не пріобрѣлъ себѣ права на жизнь, тотъ лучшихъ соковъ изъ радостей не

извлечетъ никогда: чѣмъ же онъ извлечетъ, когда у него отъ бездѣйствія и дурныхъ наклонностей органивмъ и чувства не развились до нормы и безвременно поблекли и и пожелтѣли? Да и въ самомъ дѣлѣ: дальше поэтъ говоритъ:

Мечты фантазіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ.

Такимъ образомъ, лучшія радости—радость, напримѣръ, божественной поэзіи, радость вдохновенной музыки, вызывающія чудныя, благородныя настроенія, повышающія чувство жизни, недоступны, по свидѣтельству самого поэта, помертвѣлымъ сердцамъ его поколѣнія.

Недоступны ему также и радости дружбы, симпатіи, любви, потому что для этого нужны и нормальныя устойчивыя чувства, и благородный мужественный характеръ, и болѣе или менѣе опредѣленныя убѣжденія; ничего же этого нѣтъ у современнаго автору поколѣнія:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ груди.

Вотъ этотъ „холодъ тайный“ какъ нельзя лучше подтверждаетъ мысль, что безъ дѣятельности, укрѣпляющей умъ и сердце, недоступенъ человѣку полный міръ радостей и восторговъ святыхъ, какъ человѣку съ испорченнымъ зрѣніемъ не вполнѣ доступенъ міръ свѣта и цвѣтовъ.

На этотъ „холодъ тайный“ можно смотрѣть, какъ на результатъ непрестаннаго самоанализа и сомнѣній, что опять-таки указываетъ на ненормальное, негармоническое развитіе силъ человѣческаго духа, указываетъ на исключительное развитіе отвлеченнаго ума въ ущербъ прочимъ способностямъ человѣка, особенно тѣмъ, которыя развиваются въ борьбѣ за жизнь, за существованіе.

Тонъ и содержаніе этой элегической сатиры показываютъ, что поэтъ испытываетъ глубокое—грустное настроеніе,

которое постепенно переходитъ въ благородное негодованіе и скорбное отчаяніе, что зависитъ всецѣло оттого, какъ относится самъ поэтъ къ недостаткамъ описываемой имъ эпохи. Подъ давленіемъ безотрадныхъ чувствъ онъ, однако, придалъ преувеличенное, а подчасъ и невѣрное выраженіе нѣкоторымъ явленіямъ жизни.

Тяжело человѣку жить „подъ бременемъ сомнѣній", но вѣдь сомнѣніе заставляетъ во что бы то ни стало добиваться истины въ наукѣ и правды и справедливости въ жизни. Сомнѣнія, которыя поэтъ подмѣтилъ среди современныхъ ему образованныхъ людей, могли бы послужить хоть небольшимъ основаніемъ для ожиданія лучшаго будущаго; но мрачно настроенному поэту видится только одна сторона этого явленія—тяжесть и мученіе сомнѣній.

Что можетъ устоять противъ сомнѣній? Однакоже „надежды лучшія и голосъ благородный все-таки уцѣлѣли, по свидѣтельству даже мрачно настроеннаго поэта. Но онъ опять взглянулъ на дѣло только съ одной стороны, а именно съ той, что многіе люди его времени, боясь ядовитаго дыханія насмѣшки, не имѣли гражданскаго мужества открыто выражать и надежды лучшія и голосъ благородный":

Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный,
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.

Кромѣ того, самъ авторъ сознаетъ всю постыдность душевной дряблости и лѣни, нравственнаго одичанія и потери человѣческаго достоинства до степени рабства, и такихъ людей не мало было въ знаменитые сороковые годы,—годы Герцена, Гарибальди, Бѣлинскаго и мн. др. А развѣ такое сознаніе не есть залогъ лучшаго будущаго?

Таково, по нашему мнѣнію, содержаніе стихотворенія „Дума".

Какую же идею заключаетъ въ себѣ это стихотвореніе?

Сначала выведемъ главную мысль „Думы", при помощи обобщенія ея содержанія: современное автору поколѣніе, вслѣдствіе нарушенія законовъ справедливости (праздная

жизнь, безплодное занятіе наукой и искусствомъ) обречено на печальное настоящее и безславное будущее:

И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья
и безъ славы
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмой и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Если высказанную выше главную мысль стихотворенія обобщить еще шире, вывести ее, такъ сказать, за предѣлы даннаго стихотворенія, то получится слѣд. идея: нарушеніе законовъ справедливости для человѣчества не проходитъ даромъ.

В. Сирочинскій.

ЯЗЫКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

Произведенія Пушкина очень разнообразны; они относятся ко всѣмъ родамъ поэтическаго творчества: лирикѣ, эпосу и драмѣ.

I. Произведенія лирическія.

Изъ лирическихъ произведеній мы разберемъ только слѣдующія: «Пророкъ», «Поэтъ», «Поэту», «Поэтъ и чернь», «Эхо», «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Опять на родинѣ», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» и «Памятникъ». Языкъ этихъ стихотвореній представляетъ нѣкоторыя грамматическія и стилистическія особенности, а именно:

А. Въ грамматическомъ отношеніи

1) Въ нихъ встрѣчается очень много славянизмовъ, таковы напр:

а) имена существительныя: перстами, зѣницы, десницею, гласъ, сѣнь, прахъ, языкъ (т. е. народъ) и др.;

б) имена прилагательныя: вѣщія, горній ангеловъ полетъ, хладный сонъ, младая роща, и др.;

в) глаголы: отверзлись, внялъ, возстань, виждь, внемли, не зришь, внемлешь, вѣдаю, объемлетъ, пріяли, и др.;

г) мѣстоименія: до сей поры, всякъ сущій въ ней языкъ;

д) суффиксъ *і* въ склоненіи существительныхъ не сокращается передъ окончаніемъ въ *ь*, напр: любов*ію* народной;

е) согласная *д* смягчается въ *жд*, а не въ *ж*, напр: прово*жд*ать;

ж) родительный пад. ед. ч. ж. р. прилагательныхъ имѣетъ полное окончаніе—*ыя*, что впрочемъ свойствен-

но и народному нашему языку, напр.: жало мудр*ыя* змѣи;

з) имена прилагательныя краткаго окончанія бываютъ опредѣленіями, что также свойственно и народному языку, напр.: подъ вѣчны своды.

2) Въ стихотвореніяхъ встрѣчаются чисто народныя формы; таковы, напр.

а) существительныя: дубровы, трудъ («сулитъ мнѣ трудъ и горе грядущаго волнуемое море»);

б) глаголы: сулитъ,

в) предлоги и нарѣчія: межъ дѣтей, другъ къ дружкѣ близко,

г) уменьшительныя и ласкательныя существительныя и прилагательныя: уже старушки нѣтъ, вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, вотъ смиренный домикъ,

3) Есть здѣсь и слова иностранныя, напр.: серафимъ, поэтъ, муза, Аполлонъ, лира, кумиръ, алтарь, гармоніей упьюсь.

4) Нѣкоторыя слова употреблены въ особомъ, отступающемъ отъ обыкновеннаго, значеніи, напр.: мой вѣкъ забвенный, грядущей смерти годовщину, людской чуждается молвы.

5) Кромѣ всего сказаннаго, встрѣчаются слѣдующія неправильности:

а) касаться до..., напр.: «глаголъ до слуха чуткаго коснется»;

б) предлогъ мимо стоитъ послѣ управляемаго слова: «здѣсь, когда ихъ мимо я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи»...

в) звательный падежъ мн. ч. о други:

«Но не хочу, о други, умирать!»

г) своеобразныя приставки, напр.: тлѣнья *у*бѣжитъ,

Б. Въ стилистическомъ отношеніи.

Въ стилистическомъ отношеніи перечисленныя стихотворенія отличаются живостью образовъ и мѣткостью

выраженій; это достигается употребленіемъ картинныхъ оборотовъ, которые и придаютъ стихамъ Пушкина ту живую прелесть, о которой онъ самъ говоритъ въ своемъ «Памятникѣ». Въ стихотвореніяхъ Пушкина мы находимъ богатый подборъ эпитетовъ, олицетвореній, сравненій, троповъ и фигуръ; таковы, напр.:

1) Эпитеты: святая лира, широкошумныя дубровы, минутный шумъ, смѣхъ толпы холодной, плоды любимыхъ думъ, съ улицъ шумныхъ, въ лѣсу глухомъ, смиренный домикъ, не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ, холмъ, лѣсистый, вдоль улицъ шумныхъ, многолюдный, храмъ, юношей безумныхъ. дубъ уединенный, гордый внукъ славянъ, другъ степей калмыкъ, и пр.

2) Олицетворенія: «Душа вкушаетъ хладный сонъ».
«Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ»...
«Минувшее меня объемлетъ живо»...
«Гдѣ въ гору подымается дорога»...
«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой»...

3) Сравненія: «Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ».
«Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ».
«Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
Зато, какъ вѣтеръ, и безплодна».
«А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ»...

4) Тропы: а) метафоры:
«Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой».
«Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».
«Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»...
«И можетъ быть, на мой закатъ печальный

Блеснетъ любовь улыбкою прощальной».
«По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни».
б) Метонимія: «И вырвалъ грѣшный мой языкъ»...
в) Аллегорія: «Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ».
«Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ».
г) Гиперболла: «Ты червь земли, не сынъ небесъ».
«Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки».
«Надъ вымысломъ слезами обольюсь».
5) Фигуры: а) умолчаніе:
«Но мраморъ сей вѣдь богъ?... Такъ что же?
б) обращеніе: «Поэтъ, не дорожи любовію народной»!
«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!»
«Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я»...
«Велѣнью Божію, о муза, будь послушна»...
в) Повтореніе:
«День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать»...
«Ты пользы, пользы въ немъ не зришь».

А. Шумаевъ.

Орелъ.

С. П. Шевыревъ и его взгляды на задачи общественнаго воспитанія.

Съ чувствомъ глубокой признательности и благодарности потомство вспоминаетъ дѣятелей, такъ или иначе послужившихъ пользѣ общественной. Но не всѣ изъ такихъ дѣятелей бываютъ извѣстны обществу. Къ числу такихъ дѣятелей принадлежитъ и достоуважаемая свѣтлая личность профессора Московскаго университета Степана Петровича Шевырева. Его доброе сердце, его чистая любовь къ наукѣ, его забота о добросовѣстномъ исполненіи своей профессорской обязанности, его безпримѣрное трудолюбіе, его общее многостороннее образованіе даютъ ему полное право на общую признательность. Онъ сдѣлалъ много для своего времени: онъ далъ сочиненія, которыя надолго еще останутся лучшими источниками свѣдѣній о словесности, какъ русской, такъ и иностранной; въ его критическихъ статьяхъ заключается много вѣрныхъ, поучительныхъ замѣчаній о важнѣйшихъ произведеніяхъ искусства; онъ содѣйствовалъ образованію тысячи молодыхъ людей, разсыпанныхъ по всей Россіи, получившихъ свѣдѣнія объ отечественномъ языкѣ и литературѣ подъ его авторитетнымъ руководствомъ. Въ виду этого я позволю себѣ напомнить нѣкоторыя характерныя черты изъ жизни и дѣятельности этого ревнителя просвѣщенія, чтобы потомъ остановиться нѣсколько на его взглядахъ касательно общественнаго воспитанія, о которомъ онъ одинъ изъ первыхъ поднялъ вопросъ и старался провести его въ сознаніе общества.

С. П. Шевыревъ родился въ 1806 году, въ Саратовѣ. Родители его были люди добрые, пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ за свою справедливость и безкорыстіе. Первоначальное воспитаніе Шевыревъ получилъ въ домѣ родителей. Сохранился одинъ интересный эпизодъ изъ его дѣтства. Когда старшимъ его братьямъ

и сестрамъ пришла пора учиться, родители пригласили священника и учителя математики изъ гимназіи и приняли въ домъ воспитателя и воспитательницу г-на и г-жу Латомбель. По обыкновенію отслуженъ былъ молебенъ, и старшія дѣти посажены за учебный столъ. Меньшой, трехлѣтній нашъ Шевыревъ расплакался, зачѣмъ ему не дали книги въ руки. Французъ попросилъ позволеніе посадить его за столъ съ своими учениками и сказалъ: «онъ будетъ лучше всѣхъ». Замѣчательно, что это случайное, вызванное желаніемъ француза, успокоить малютку, предсказаніе сбылось. Когда Шевыреву наступила пора учиться, онъ принялся съ большою охотою. Отецъ и мать хвалили и любили его, особенно за успѣхи, но нисколько не баловали. Скоро Шевыревъ пріохотился къ чтенію, часто засыпалъ онъ съ книгою въ рукахъ или клалъ ее подъ подушку, чтобы, проснувшись пораньше, читать въ постели. Съ годами все болѣе и болѣе увеличивалась охота къ чтенію и ученію. Познакомясь съ французскимъ языкомъ, онъ началъ переводить изъ Беркенева Друга дѣтей и Театра г-жи Жанлисъ и въ учебной комнатѣ его вскорѣ накопилась кипа его переводовъ. Шевыревъ еще въ дѣтствѣ пробовалъ сочинять и самъ. Одна изъ его драмъ была разыграна вмѣстѣ съ братьями и сестрами. За чтеніемъ и домашними занятіями шло время, пока Шевыреву не наступилъ двѣнадцатый годъ. Въ 1818 году Шевыревъ былъ привезенъ матерью своею въ Москву и помѣщенъ въ Московскій Университетскій Благородный пансіонъ. Здѣсь вскорѣ Шевыревъ обратилъ на себя вниманіе директора Прокоповича-Антонскаго и инспектора Давыдова, которые много содѣйствовали его развитію и успѣхамъ, руководствуя занятіями, ссужая книгами для чтенія, задавая предметы для сочиненій и разбирая образцовыхъ писателей. Высшіе классы пансіона имѣли тогда счастіе пользоваться уроками лучшихъ университетскихъ профессоровъ. Такіе лица, какъ Мерзляковъ, Щепкинъ, Перевощиковъ, Павловъ, Денисовъ, имѣли сильное и благотворное вліяніе на молодежь и Шевыреву

пансіонскій курсъ принесъ большую пользу, положивъ прочное основаніе для будущаго всесторонняго образованія. Въ 1822 году, въ сентябрѣ, онъ окончилъ курсъ первымъ въ университетскомъ пансіонѣ, а въ началѣ 1823 года получилъ аттестатъ съ правомъ на чинъ десятаго класса и золотую медаль. Имя его было выставлено на золотой доскѣ отличныхъ воспитанниковъ Университетскаго пансіона. По окончаніи курса Шевыревъ продолжалъ жить въ пансіонѣ и посѣщалъ лекціи университета, особенно профессоровъ Давыдова, Перевощикова, Каченовскаго и Мерзлякова. Намѣреніемъ Шевырева было вступить въ университетъ и выдержать экзаменъ прямо въ кандидаты, чтобы итти далѣе путемъ степеней университетскихъ. Но ему не было дозволено, такъ какъ онъ не былъ студентомъ, а вышелъ изъ пансіона прямо съ аттестатомъ десятаго класса. Послѣ тщетныхъ усилій пристроиться къ университету Шевыревъ опредѣлился 1823 года въ Московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Можно сказать, что сама судьба помогала Шевыреву и вела его самою надежною дорогой къ предначертанной имъ цѣли. Такъ, библіотека архива, богатая старыми книгами, облегчила для него ученыя занятія, а отличное товарищество архива, какъ-то: Калайдовичъ, Веневитиновы, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Соболевскій, Титовъ — предлагали Шевыреву благородную сферу постоянныхъ умственныхъ и литературныхъ занятій. Съ этого времени Шевыревъ принимаетъ самое живое участіе въ литературныхъ Московскихъ кружкахъ. Въ разныхъ альманахахъ и журналѣ «Московскій Вѣстникъ» онъ помѣщаетъ свои рецензіи, стихотворенія, переводы въ стихахъ и прозѣ изъ древнихъ и новыхъ писателей. Дебюты Шевырева были очень удачны. Рецензіи, основанныя на правилахъ науки, обнаруживали вкусъ и большую начитанность. Въ этотъ промежутокъ времени Шевыревъ становится извѣстнымъ А. С. Пушкину за свое стихотвореніе «я есмь», въ это время онъ удостоивается получить благодарный и лестный отзывъ отъ са-

мого Гете за разборъ второй части его Фауста, тогда только что вышедшей. Но вскорѣ Шевыреву представился случай отправиться за границу въ качествѣ гувернера сына княгини З. А. Волконской. Жизнь въ Италіи и притомъ въ такомъ домѣ, который былъ средоточіемъ всего лучшаго по части наукъ и искусствъ была истиннымъ счастіемъ для Шевырева, доставившимъ ему возможность докончить свое собственное образованіе. Имѣя пытливый умъ и удивительное прилежаніе и любовь къ знанію, Шевыревъ не упустилъ случая изучить все примѣчательное въ классическихъ городахъ Италіи. Италія была его школой самообразованія: она дала ему средство познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что славнаго произвела наука и искусство прежняго и новаго времени; она представила ему возможность познакомиться со многими славными западными поэтами и учеными; словомъ, Италія была для Шевырева живою научно-эстетическою школою. Еще во время пребыванія Шевырева за границею, Погодинъ, по смерти Мерзлякова, призывалъ его готовиться къ занятію каѳедры Русской словесности въ Московскомъ Университетѣ. Но невозможность пріобрѣсти ученую степень, встрѣченная Шевыревымъ при самомъ началѣ его служебнаго поприща, лишала его надежды на исполненіе подобной мысли, да и самъ онъ еще боялся занять это мѣсто, какъ видно изъ его переписки съ Погодинымъ. Но судьба рѣшила иначе. Въ 1832 году при первомъ личномъ свиданіи съ Шевыревымъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уваровъ, предложилъ ему вступить въ Московскій Университетъ адьюнктомъ по каѳедрѣ Русской Словесности. Такое предложеніе оживило всѣ надежды Шевырева. Онъ принялъ предложеніе и вступилъ въ Университетъ. Не могъ забыть Ш—въ того впечатлѣнія, которое произвелъ на него Университетъ при первомъ въ него вступленіи. Взглядъ на самое это зданіе, которое еще въ отроческія лѣта внушало ему уваженіе, видъ цвѣтущаго, оживленнаго юношества, стремившагося въ аудиторіи; какое-то неясное предчув-

ствіе и надежда связать свою участь съ судьбой этого великаго образовательнаго учрежденія въ Россіи:—все это вмѣстѣ наполняло душу его трепетомъ какого-то сладкаго, неизъяснимаго восторга. Не имѣя никакой ученой степени, Ш—въ, покоряясь опредѣленію факультета, написалъ разсужденіе: «Дантъ и его вѣкъ», которое было одобрено и напечатано въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (№ 5, 1833 г. № XI, 1834 г.). Послѣ вступительной лекціи, которая имѣла предметомъ характеристику образованія и поэзіи главнѣйшихъ новыхъ народовъ Западной Европы, Ш—въ былъ принятъ въ число университетскихъ преподавателей. Въ аудиторіи его являлись безпрестанно новые слушатели, что придавало духу и силы молодому профессору. Двадцать лѣтъ Ш—въ подвизался на пользу Московскаго Университета, читая лекціи по различнымъ отдѣламъ словесныхъ наукъ и изящныхъ искусствъ; двадцать лѣтъ онъ руководилъ занятіями студентовъ съ любовью и жаромъ, желая видѣть въ нихъ достойныхъ преемниковъ и членовъ общества. Ему многимъ обязаны такія личности, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, Самаринъ, Бергъ, Фетъ, Бартеневъ, Бессоновъ, Тихонравовъ и мн. другіе. Будучи образованнѣйшимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, Ш—въ не замыкался въ одинъ тѣсный кругъ научныхъ интересовъ, но отзывался и на текущіе вопросы времени въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и журналахъ. Пріобрѣтая все больше и больше извѣстности на поприщѣ научномъ, Ш—въ достигъ апогея своей извѣстности и вліянія въ университетѣ и обществѣ въ 1855 году послѣ столѣтняго юбилея Московскаго Университета. Однако въ послѣдніе годы своей жизни ему пришлось испытать не мало огорченій и умереть вдали отъ родины, въ Парижѣ, 8 мая 1864 года.

Переписка, сохранившаяся за время послѣдняго пребыванія Ш—ва за границею, съ Погодинымъ, дорисовываетъ привлекательный его образъ на свѣтломъ фонѣ. Ш—въ до самой смерти усердно трудился, имѣя

въ виду съ успѣхомъ послужить просвѣщенію отечества, о которомъ всегда высоко отзывался и къ которому внушалъ уваженіе иностранцевъ. Движимый чувствомъ любви къ отечеству, Ш—въ съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ изъ своего прекраснаго «далека» за теченіемъ русской жизни и всегда отзывался на всѣ важныя явленія ея. Такъ, получивъ извѣстіе телеграммой объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, Ш—въ откликнулся стихотвореніемъ, полнымъ чувства и глубокаго пониманія смысла этого великаго событія для Россіи. Приведемъ нѣкоторыя выдержки:

«Вездѣ цвѣтетъ она, свобода—Божій плодъ,
«Вездѣ зоветъ на пиръ счастливые народы.
«Ударилъ русскій часъ, пришелъ и нашъ чередъ,
«Пора и намъ вкусить божественной свободы»...

Или другое стихотвореніе, написанное по тому-же поводу, Ш—въ начинаетъ такъ:

«Благая вѣсть! Изчезла крѣпость,
«И цѣпи разомъ порваны;
«Смолкаетъ гулъ ихъ, какъ нелѣпость
«Давно отжившей старины»...

Интересенъ конецъ этого стихотворенія, въ которомъ высказывается взглядъ на свободу, какъ на залогъ общественнаго благосостоянія. Вотъ онъ:

«Цари, вашъ первый другъ—свобода;
«Вамъ нѣтъ союзниковъ вѣрнѣй
«Свободы вашего народа
«И просвѣщенія людей».

Итакъ, залогъ общественнаго и государственнаго благосостоянія Россіи Ш—въ видѣлъ въ свободѣ и просвѣщеніи народа. Всю жизнь и дѣятельность свою онъ принесъ въ жертву особенно послѣдней идеѣ,—не толь-

ко, какъ мощный руководитель, Ш—въ питалъ и просвѣщалъ ввѣренное ему юношество въ стѣнахъ университета, но также, какъ просвѣщенный человѣкъ и глубокій патріотъ, сознавая необходимость общественнаго воспитанія и правильную его постановку, старался, насколько могъ, провести въ сознаніе образованнаго общества взгляды на воспитаніе, взгляды, изъ которыхъ многіе еще и до настоящаго времени не лишены глубокаго смысла и не утратили своего значенія и силы.

Еще во время раннихъ своихъ поѣздокъ за границу вниманіе Ш—ва привлекалъ одинъ изъ важныхъ учебныхъ предметовъ—Педагогика. Съ этою цѣлью онъ посѣщалъ низшія и среднія учебныя заведенія въ различныхъ городахъ Западной Европы, пользовался указаніями и наставленіями компетентныхъ знатоковъ въ этой области и слѣд., лицомъ къ лицу, такъ сказать, имѣлъ возможность видѣть всю важность этой науки. Въ 1842 году на публичномъ актѣ Ш—въ читаетъ рѣчь объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному. Въ 1851 году Ш—въ получилъ каѳедру педагогики въ Московскомъ Университетѣ, впервые тогда открытую. По своей типичности взгляды Ш—ва на воспитаніе заслуживаютъ, чтобы съ ними познакомиться нѣсколько поближе.

Ш—въ такъ опредѣляетъ понятіе воспитанія. «Подъ именемъ воспитанія должно разумѣть возможно полное развитіе и усовершенствованіе всѣхъ тѣлесныхъ, душевныхъ и духовныхъ способностей человѣка, отъ Бога ему данныхъ,—развитіе, совершаемое подъ руководствомъ старшихъ, согласно съ высшимъ его назначеніемъ и примѣнительно къ народу и государству, среди которыхъ Провидѣніе назначило ему дѣйствовать». Это опредѣленіе требуетъ нѣкотораго поясненія. Ш—въ въ опредѣленіи воспитанія сближаетъ слова: развитіе и усовершенствованіе. Недостаточно, чтобы человѣкъ развилъ свои способности:—необходимо еще, чтобы онъ ихъ и усовершенствовалъ. Развиваются способности упражненіемъ:—совершенствуются надлежащимъ направленіемъ

къ высшей цѣли воспитанія. Развитіе способностей одностороннее не всегда ведетъ человѣка къ совершенству, иногда, напротивъ, удаляетъ отъ него. Были вполнѣ развиты у дикихъ народовъ тѣлесныя силы, но онѣ послужили только на гибель и опустошеніе. У народовъ-же образованныхъ встрѣчаемъ иногда противоположные случаи: сильное развитіе умственныхъ способностей, но безъ нравственныхъ основъ, безъ надлежащаго направленія къ общему совершенству человѣка, можетъ вести къ ниспроверженію этихъ самыхъ основъ и всего человѣческаго благосостоянія. Основнымъ идеальнымъ положеніемъ Ш—ва является воспитаніе всего цѣльнаго человѣка, или, какъ онъ выражается, возможно полное развитіе и усовершенствованіе всѣхъ тѣлесныхъ, душевныхъ и духовныхъ способностей человѣка, отъ Бога ему данныхъ; затѣмъ, Ш—въ требуетъ, чтобы воспитаніе соотвѣтствовало назначенію человѣка и, наконецъ, чтобы оно было примѣнительно къ народу и государству, т. е. требуетъ, чтобы воспитаніе было народнымъ и соотвѣтствовало цѣлямъ государства, въ которомъ человѣку опредѣлено судьбою дѣйствовать. Человѣкъ съ самаго перваго дня своего рожденія окруженъ семьею, обществомъ, государствомъ. Въ этой средѣ воспитывается онъ, въ этой средѣ совершается все первоначальное его развитіе. Поэтому, какъ цѣлая жизнь всего народа, взятая исторически, такъ и воспитаніе каждаго человѣка отдѣльно, должно пройти, по мнѣнію Ш—ва, три періода въ правильномъ и полномъ своемъ развитіи: семейный, государственный и, наконецъ, третій, представляющій сліяніе того и другого. Задачей семейнаго воспитанія должно служить образованіе внутренняго человѣка, а цѣлію государственнаго—образованіе внѣшняго. Только при совмѣстномъ дружномъ участіи семьи и государства возможно достигнуть правильнаго воспитанія. Ш—въ дальше указываетъ и на ту роль, какую играетъ семья, а затѣмъ государство въ дѣлѣ воспитанія. Семья полагаетъ основаніе, на которомъ впослѣдствіи созидается цѣлое зданіе; между

тѣмъ какъ государство въ своихъ заведеніяхъ образуетъ человѣка общественнаго, внѣшняго,—здѣсь, въ невидимомъ лонѣ семьи, родится, ростетъ и зрѣетъ человѣкъ внутренній, цѣльный, дающій основу и цѣнность внѣшнему; отсюда, изъ нѣдръ семьи, выходитъ человѣкъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Роль семейнаго воспитанія столь важна, по Шевыреву, что и государственныя усилія въ успѣхѣ своемъ зависятъ отъ него подобно тому, какъ внѣшній человѣкъ зависитъ отъ внутренняго: ибо добро общественнаго воспитанія выростаетъ и утверждается только на той почвѣ, какую заготовляетъ семья

Переходя затѣмъ къ воспитанію государственному, Ш-въ прежде всего рисуетъ намъ ту пользу государственнаго воспитанія, достигнуть которой у себя семья не можетъ никакими средствами, и этимъ путемъ онъ наглядно, такъ сказать, убѣждаетъ въ томъ, что только въ самой тѣсной, въ самой неразрывной связи семейнаго воспитанія съ государственнымъ заключается идеалъ совершеннаго воспитанія, что, слѣд., семья и государство въ этомъ отношеніи должны и идти на встрѣчу другъ другу. Итакъ, государство, по словамъ Ш-ва, принимая человѣка изъ семьи и вводя его въ свои общественныя заведенія, окружаетъ его свободу сферою долга и необходимости и связываетъ его множествомъ обязанностей и отношеній, среди которыхъ должна развиваться его жизнь. И вотъ, благодаря этому, свобода подъ дѣйствіемъ внѣшней необходимости образуется въ видѣ воли: нравственный характеръ изъ идеальной сферы семейной переходитъ въ живую сферу общественныхъ отношеній; далѣе, государственное воспитаніе приводитъ къ единству разность въ образѣ мыслей, характеровъ, обычаевъ, привычекъ, предразсудковъ, приносимыхъ изъ семей, и наконецъ, государственное воспитаніе предлагаетъ воспитаннику такіе богатыя средства къ развитію его силъ, какихъ ни одно семейство въ себѣ содержать не можетъ. Здѣсь особенно важны сокровища ученія, которое находится почти всё въ рукахъ

вамъ, человѣкъ только чрезъ воспитаніе можетъ сдѣлаться человѣкомъ, то русскій только черезъ русское воспитаніе можетъ быть русскимъ человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи, какъ семья, такъ и государство, совмѣстно должны помогать другъ-другу и всегда помнить, что достигнуть этого въ Россіи можно только чрезъ утвержденіе народныхъ стихій, составляющихъ отличительную особенность русскаго народа. Такими стихіями, по Ш—ву, являются христіанская православная религія, составляющая, такъ сказать, душу и сердце народа, и русскій языкъ—этотъ видимый образъ всего русскаго человѣка. Поэтому семья и государство должны приложить всѣ старанія къ тому, чтобы воспитаніе русское было проникнуто духомъ православной религіи и горячею любовью ко всему русскому, національному.

Вотъ желательный ходъ общественнаго воспитанія и тѣ періоды его, при которыхъ возможно, по мнѣнію Ш—ва, приблизительно полное развитіе и усовершенствованіе всѣхъ способностей человѣка.

Таковы въ краткихъ чертахъ взгляды Шевырева на задачи семейнаго и общественнаго воспитанія. Характернѣйшей ихъ особенностью является мысль о важности нравственнаго элемента въ системѣ воспитанія человѣка и о необходимости для государственной школы дѣлить вмѣстѣ съ семьей заботу о проведеніи этого принципа въ дѣло. Важность этого послѣдняго выходитъ за предѣлы спеціальнаго вопроса о воспитаніи и вводитъ насъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ въ весьма интересный моментъ нашего общественнаго самосознанія, котораго въ данномъ случаѣ Шевыревъ является знающимъ и весьма умѣлымъ выразителемъ.

И. Смѣльницкій.

г. Бахмутъ.
1897 г., Сентября 23 дня.

ЖИВОЕ СЛОВО ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОДНОГО ЯЗЫКА. МЕТОДИКА РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И ОБЪЯСНЕНІЯХЪ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОБРАЗЦАМЪ.

XII. **Новороссійская степь** (отрывокъ изъ поэмы „Тарасъ Бульба“). Гоголь. 1834 года.

По начальнымъ словамъ: „Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе“—видно, что Гоголь намѣренъ говорить о к р а с о т ѣ степи, значитъ—этими словами опредѣляется точка зрѣнія.

По заглавію видно, что Гоголь пишетъ о Новороссійской степи: „Новороссійская степь“—подлежащее сочиненія; слова—„становилась прекраснѣе“—сказуемое къ нему. Въ сказуемомъ высказанъ п р и з н а к ъ, значитъ—читаемое произведеніе—о п и с а н і е.

Описывая Новороссійскую степь съ точки зрѣнія красоты, Гоголь указываетъ сначала то, что прекрасно въ общемъ видѣ степи, потомъ то, что прекрасно въ отдѣльныхъ предметахъ, находящихся въ степи; онъ говоритъ о томъ, какъ все это прекрасно днемъ, вечеромъ, ночью. Планъ представляется въ такомъ видѣ:

I. Точка зрѣнія.

II. Признаки:
- 1) Степь днемъ:
  - а) Общій видъ степи.
  - б) Растенія.
  - в) Животныя.
- 2) Степь вечеромъ:
  - а) Перемѣны въ степи.
  - б) Животныя.
- 3) Степь ночью:
  - а) Остановка на ночлегъ.
  - б) Звѣздное небо.
  - в) Ночные звуки и свѣтлыя явленія въ степи.

Въ другихъ описаніяхъ авторы разсматриваютъ предметъ съ избраннаго пункта; здѣсь авторъ, какъ будто, самъ ѣдетъ съ казаками въ продолженіе сутокъ, при чемъ степь

въ сущности однообразная, измѣняетъ видъ по временамъ сутокъ; отсюда—три главныя части описанія: степь днемъ, вечеромъ, ночью. Всѣ части степи однообразны, поэтому указываются признаки не частей въ порядкѣ по мѣсту, а описываются элементы, отдѣльные предметы, находящіеся въ степи, —отсюда дѣленіе главныхъ частей описанія.

Анализъ. 1) Степь днемъ: общіе признаки всей степи: а) пустыня—въ томъ смыслѣ, что она не населена людьми; б) обширная, в) дѣвственная, г) зеленая, д) волнистая, е) съ брызгами.

Послѣдніе три признака заключены въ одно прекрасное сравненіе, дающее цѣлую движущуюся картину: „вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Конецъ этого сравненія служитъ переходомъ отъ описанія общаго вида степи къ слѣдующей части: дальше и говорится о брызгахъ,—о цвѣтахъ—о волошкахъ, дрокѣ, кашкѣ, а потомъ—о колосѣ пшеницы.

Слова: „Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки“—служатъ переходомъ къ части о животныхъ, въ которой упоминаются, кромѣ куропатокъ, тысяти птичьихъ свистовъ, ястребы, дикіе гуси, чайка.

Всѣ предметы представляются въ движеніи—признаки обозначены глаголами: плугъ не проходилъ, „кони скрывавшіеся вытаптывали“; степь, подобно океану, представляется не мертвымъ пространствомъ, а вѣчно движущимся—на ней волны съ брызгами; цвѣты тоже дѣйствуютъ, живутъ: „волошки сквозятъ“, „дрокъ выскакиваетъ“, „кашка пестрѣетъ“; „занесенный колосъ наливался“. Всю эту картину еще больше оживляютъ птицы: мы слышимъ „шныряющихъ“ курапатокъ, видимъ ястребовъ стоящихъ въ воздухѣ, высматривающихъ добычу, чайку, мѣрно подымающуюся, „купающуюся“ въ воздухѣ, она перевернулась, блеснула, пропала: мы слышимъ свисты птицъ, крикъ вереницы дикихъ гусей.

Способъ обозначать признаки совершенно поэтическій: высчитываніе верстъ ширины и длины степи никогда не можетъ дать такого живого представленія объ общирности сте-

пи, какъ сравненіе съ океаномъ; высота травы опредѣляется не аршинами и вершками, опредѣляется картинно: „кони скрывались, какъ въ лѣсу“; картинно изображена и дѣвственность степи: „плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній“.

2) Степь вечеромъ: измѣненіе цвѣта степи, благовоніе; на небѣ розовыя полосы, клочки прозрачныхъ облаковъ; свѣжій вѣтерокъ; звуки, издаваемые сусликами, кузнечиками, лебедемъ.

Въ изображеніи степи вечеромъ тоже живость—все въ движеніи: степь темнѣетъ, тѣнь перебѣгаетъ, растенія дышатъ; полосы на небѣ „наляпаны исполинскою кистью“ клоки облаковъ „бѣлѣли“; вѣтерокъ „колыхался“. И здѣсь картину еще больше оживляютъ животныя своими криками.

Одни признаки воспринимаются зрѣніемъ, другіе—обоняніемъ, третьи—слухомъ, общимъ чувствомъ (вѣтерокъ „чуть дотрогивался до щекъ“): чѣмъ больше силъ участвуетъ въ воспріятіи, тѣмъ впечатлѣніе сильнѣе, разностороннѣе. Авторъ смотритъ, обоняетъ и опять смотритъ: онъ смотритъ и не насмотрится,—и безпорядокъ у поэта имѣетъ значеніе.

3) Степь ночью: ужинъ и ночлегъ; звѣздное небо; разнообразные звуки; свѣтящіеся черви; вереница лебедей, освѣщенныхъ заревомъ.

Даже ночью непрерывное движеніе на травѣ, свѣтящейся живыми червями, подъ звѣзднымъ, вдали объятымъ заревомъ, небомъ: казаки разводятъ огонь, варятъ кулишъ, постилаютъ свитки и ложатся спать; нѣкоторые и послѣ поднимаются; летятъ лебеди; слышится трескъ, свистъ, стрекотаніе.

Типы выраженій. (Примѣчаніе). Если выписывать всѣ особенности выраженій, то нужно переписать всю статью: это безполезная трата времени. Возможно только указать особенно типичныя выраженія:

1) У желтаго дрока пирамидальная верхушка, у бѣлой кашки зонтикообразная шапка: Гоголь словами рисуетъ въ нашемъ воображеніи цвѣтъ (желтый, бѣлая) и форму растеній (пирамидальная, зонтикообразная); эти рисующія слова—эпитеты.

2) Степь сравнивается съ океаномъ, колебанія растеній—съ волнами океана, цвѣты—съ брызгами: получаются сравненія и метафоры: кто видѣлъ океанъ или вообще большое водное пространство, тотъ при такихъ сравненіяхъ, да еще съ помощію рисующихъ эпитетовъ, легко представитъ картину степи.

3) „Дрокъ выскакивалъ“, „тѣнь перебѣгала“—неодушевленные предметы представляются одушевленными, олицетворяются: все это, оживляя описаніе, еще помогаютъ нашему воображенію представить предметы въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся въ дѣйствительности.

4. Сравнимъ: а) куропатки „шныряли“—куропатки бѣгали; въ первомъ предложеніи сказуемое—слово звукоподражательное: мы, какъ будто, слышимъ шныряніе куропатокъ, воображаемъ звукъ; б) колосъ „наливался“—колосъ зрѣлъ, росъ; въ первомъ предложеніи сказуемое заставляетъ вообразить, какъ будто мы видимъ наполненіе колоса влагою. Изъ многихъ синонимическихъ глаголовъ Гоголь выбираетъ слово болѣе образное, рисующее дѣйствіе предмета.

Эпитеты, сравненія, метафоры, олицетворенія и вообще—образныя слова придаютъ языку особое свойство—„изобразительность“; при такомъ свойствѣ языка въ нашемъ воображеніи являются картины, представленія предметовъ. Описанія, дающія представленія предметовъ, называются художественными.

Представленіе и понятіе. Гоголь смотрѣлъ на степь (не тогда, когда писалъ, а прежде), слушалъ, обонялъ, вообще—ощущалъ: въ душѣ его получилось представленіе степи; это представленіе (картина) хранилось въ памяти. Гоголь уже былъ въ Петербургѣ, когда принялся описывать степь: способность души—воображеніе снова нарисовало картину видѣнной имъ степи, въ воображеніи снова явилось представленіе степи—и днемъ, и вечеромъ, и ночью.

„Вечеромъ вся степь перемѣнилась“, говоритъ Гоголь; перемѣнилась она и ночью; но это все таже степь: перемѣнился преимущественно видъ въ зависимости

отъ освѣщенія; многое осталось безъ перемѣны—есть признаки постоянные. Если мы выдѣлимъ, „отвлечемъ“ эти постоянные признаки, потомъ соединимъ ихъ въ одно цѣлое (сдѣлаемъ синтезъ), то получится понятіе о Новороссійской степи. Изъ указанныхъ въ началѣ описанія степи можно считать постоянными признаками обширность, пустынность, дѣвственнность; но зелено-золотой цвѣтъ только днемъ (и притомъ только весною и лѣтомъ); высокія растенія оставались тѣ-же, но видъ ихъ измѣнялся по временамъ сутокъ; и днемъ, и вечеромъ, и ночью въ степи было множество животныхъ, но видны и слышны были то одни, то другія. Соединивъ указанные постоянные, иначе—существенные признаки въ одно цѣлое, получимъ понятіе о Новороссійской степи; содержаніе этого понятія выразится такъ: Весь югъ, до самого Чернаго моря, представлялъ обширное, безлюдное, дѣвственное пространство, покрытое высокою травою и населенное безчисленнымъ множествомъ животныхъ. Здѣсь уже нѣтъ прежней картинности, а есть отвлеченность (потому что понятіе образуется чрезъ отвлеченность); языкъ потерялъ изобразительность и сдѣлался „отвлеченнымъ“; въ этомъ языкѣ не встрѣчаются названія съ рисующими эпитетами: голубыя, синія и лиловыя волошки, желтый пирамидальный дрокъ, бѣлая кашка съ зонтикообразною шапкою и проч., а говорится просто о травѣ; не говорится ни о ястребахъ, ни о сусликахъ, ни о свѣтящихся червяхъ, а просто о животныхъ; а какъ представить животное? это-ни звѣрь, ни птица, ни насѣкомое, ни съ ногами, ни безъ ногъ... То, что дается въ „понятіи“, мы не представляемъ, а только понимаемъ.

Значеніе описаній природы для насъ. Чтеніемъ описаній замѣняются путешествія не для всякаго доступныя: путешествія соединены съ большими неудобствами, иногда трудно переносимыми, съ большими издержками, которыя не для всѣхъ посильны; не всякій располагаетъ и временемъ для путешествій; а между тѣмъ любознательность свойственна человѣку—ему хочется знать и о предметахъ отдаленныхъ: чтеніе описаній такихъ предметовъ даетъ знаніе.

„Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе": быть въ прекрасной степи, смотрѣть вообще на красоты природы—это высокое наслажденіе, улучшающее, возвышающее душу человѣка. Жизнь среди прекрасной природы приноситъ то, что Св. Василій Великій считаетъ цѣннѣе всякаго богатства: тамъ „благочестивое довольство, жизнь безъ излишествъ, покой безъ заботы, нужда легко переносимая, тяжесть безъ скорбей, наслажденіе не посрамляющее". Мы, живя во многолюдныхъ городахъ, не можемъ пользоваться благами, доставляемыми природою, благами не матеріальными, а духовными: чтеніе художественныхъ описаній даетъ намъ возможность, хотя на время и въ слабой степени, проникнуться думами и чувствами автора, подвергающагося вліянію прекрасной природы. Не лишнее здѣсь высказать совѣтъ: учащіеся, читая художественное описаніе, должны, непремѣнно, дѣлать усилія своимъ воображеніемъ представить каждый предметъ со всѣми мельчайшими подробностями. По свойству нашей души, при этомъ въ воображеніи читающаго будутъ представляться предметы, видѣнные имъ, сходные съ описываемыми: онъ переживетъ снова свое прошедшее. Привычка читать много и быстро, безъ усилій воображенія, порождаетъ извѣстное явленіе: многіе, читая книги, описанія пропускаютъ, а интересуются только сюжетомъ.

XIII. **Іоаннъ III.** Изъ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, (Первые 8 томовъ „Исторіи" изданы въ 1816 г.).

I. Содержаніе. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей Европы.

Гдѣ причина этого явленія? Въ природномъ умѣ: „безъ ученія, безъ наставленій руководствуемый только природнымъ умомъ, онъ далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней".

1. Внѣшняя политика (возвысившая Іоанна до положенія „знаменитѣйшаго государя Европы"). При посредствѣ хитраго, осторожнаго, умѣреннаго, си-

стематичнаго ума, а) возстановлена свобода и цѣлость Россіи; разрушено царство Батыево, ослаблена Литва, расширены границы до Сибири и Лапландіи, б) при посредствѣ брака съ Софіею Іоаннъ „раздралъ завѣсу между Европою и нами“; „не имѣя никакихъ страстей въ политикѣ“, велъ въ Европѣ національную политику (у Карамзина видно, въ чемъ состоитъ эта національная политика: „не хотѣлъ мѣшаться въ чужія дѣла“ и т. д.). Результатъ мудрой внѣшней политики—величіе свободной Россіи „на границахъ Азіи и Европы“.

2) Внутренняя политика (возвысившая Іоанна въ глазахъ подданныхъ до положенія „какъ бы земного бога), а) учреждено единовластіе и самодержавіе, б) возбуждено благоговѣніе народа и вельможъ (бывшихъ князей—Рюриковичей); чтобы воздѣйствовать на воображеніе своихъ подданныхъ, Іоаннъ возвышался „всѣми наружными способами“: предсѣдательствовалъ на церковныхъ соборахъ, былъ гордъ въ сношеніяхъ съ царями, принималъ посольства съ пышною торжественностію; установилъ обрядъ цѣлованія руки—онъ „разгадалъ тайну самодержавія“. Кромѣ ума, этому положенію дѣла содѣйствовала природная суровость: ему дано прозвище Грознаго; отъ гнѣвнаго взора его женщины падали въ обморокъ; просители боялись итти къ трону; вельможи на пирахъ хранили молчаніе, когда Іоаннъ дремалъ по цѣлымъ часамъ.

Отличительная черта Іоанновой политики—осторожность, иногда похожая на боязливость: онъ „не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго“. Но благоразумная осторожность и дала прочность монархіи, созданной Іоанномъ: она имѣетъ преимущество предъ монархіями, созданными воинственностію. Величіе Іоанново признано иностранными лѣтописцами и замѣчено сходство съ Петромъ Великимъ.

II. Идея. Іоаннъ III, хотя не имѣлъ любезныхъ свойствъ Мономаха и Донского, но, какъ государь, стоитъ на высшей степени величія. Эта идея строго развита въ приведенномъ отрывкѣ: а) показано отсутствіе „любезныхъ свойствъ“—„великодушной смѣлости“ и „нѣжной чувстви-

тельности"; б) выяснено, въ чемъ состоитъ величіе Іоанна, какъ государя, т. е. обрисована внѣшняя и внутренняя политика, сдѣлана оцѣнка дѣятельности (создано прочное государство, гордо возвысившееся на границахъ Азіи и Европы); в) указанъ источникъ дѣлъ Іоанновыхъ—природныя душевныя свойства.

III. Итакъ—въ данномъ законченномъ отрывкѣ изображенъ великій государь такимъ, какимъ онъ явился въ своихъ дѣлахъ. Дѣла эти всѣ безъ исключенія имѣютъ общія черты, вытекающія изъ душевныхъ свойствъ твердаго (воля) до суровости (сердце) государя, изъ строго послѣдовательнаго ума, не затемненнаго страстями. Такія произведенія называются характеристиками.

IV. Катехизація. Что содержится въ характеристикѣ?—Перечисленіе дѣйствій характеризуемаго лица.—Всѣ ли дѣйствія перечисляются?—Нѣтъ, дѣлается выборъ.—Чѣмъ руководятся въ выборѣ?—Упоминаются только тѣ дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ постоянныхъ свойствъ души.—А развѣ есть дѣйствія у человѣка, не вытекающія изъ свойствъ души?—Дѣйствіе можетъ совершиться подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, по принужденію, по болѣзни...—Нужно-ли въ характеристикѣ излагать дѣйствія въ хронологическомъ порядкѣ?—Нѣтъ, надо располагать по сходству.—Нужно-ли разсказывать о дѣйствіяхъ подробно?—Слѣдуетъ указывать только главное, то въ чемъ видно душевное свойство человѣка.—Какіе элементы характеристики?—1) краткій разсказъ о дѣйствіяхъ, 2) указаніе на источники дѣйствій, т. е. на душевныя свойства—на свойства ума, сердца и воли, 3) оцѣнка дѣйствій по результатамъ.—Какъ составлять характеристики?—1) Нужно собрать матеріалъ, т. е. перечислить всѣ дѣйствія человѣка (рѣчи—тоже дѣйствія); 2) подумать, какія силы участвовали при совершеніи каждаго дѣйствія; 3) силы участвующія при совершеніи многихъ дѣйствій, считаются постоянными свойствами человѣка; по нимъ группируются дѣйствія; 4) изобрѣтается порядокъ расположенія группъ.

XIV. Шинель. Гоголь. 1836 годъ *),

1. Умеръ Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ; посланный за нимъ сторожъ объявилъ, что „не можетъ больше прійти". Почему?—„Да такъ: ужъ онъ умеръ".—„Исчезло и скрылось существо, говоритъ Гоголь: никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все-же-таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего".

По несчастію Акакій Акакіевичъ равенъ съ сильными міра сего, значитъ—онъ имѣетъ равное съ ними право и на счастіе. Но не признаютъ этого люди: сослуживцы постоянно издѣвались надъ бѣднымъ человѣкомъ; нѣкоторые посмѣялись надъ нимъ даже въ несчастіи; „значительное же лицо" такъ распекло его, что Акакій Акакіевичъ упалъ въ обморокъ, заболѣлъ горячкою и умеръ.

Такъ никто и не вступился за обиду бѣднаго человѣка? „Сама себя раба бьетъ, когда не чисто жнетъ": люди сами себя и наказываютъ за дурное—этому содѣйствуетъ совѣсть. Въ городѣ появились грабители, отнимающіе шинели: заговорила совѣсть у сослуживцевъ Акакія Акакіевича—отъ нихъ вышелъ слухъ, что отнимаетъ шинели мертвецъ, Акакій Акакіевичъ; пострадало и „значительное лицо": оно лишилось своей шубы и было страшно напугано „мертвецомъ".

Мертвецовъ боятся люди невѣжественные: какъ сослуживцы Акакія Акакіевича, такъ и значительное лицо не-

---

*) Чтеніе этой повѣсти дается на домъ недѣли на двѣ.

вѣжественны: потому-то они и оскорбляли бѣднаго человѣка. Невѣжество наказывается невѣжествомъ.

II. Сослуживцы смѣялись надъ бѣднымъ человѣкомъ: былъ-ли смѣшонъ Акакій Акакіевичъ? Въ каждомъ человѣкѣ есть что нибудь смѣшное—было и въ Акакіи Акакіевичѣ: 1) „А я вотъ того, Петровичъ, хитритъ Акакій Акакіевикъ: шинель-то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ крѣпкое... оно немножко запылилось и кажется, какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того... на спинѣ, да вотъ еще на плечѣ одномъ немного потерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видишь? вотъ и все. И работы немного". Эта хитрость безхитростнаго человѣка не дѣлаетъ вреда никому—ни Акакію Акакіевичу, ни Петровичу: надъ этимъ можно смѣяться веселымъ смѣхомъ, какъ смѣемся надъ уродливой маской, надѣтой на лицо.

2) „Нѣтъ, сказалъ Петровичъ: нельзя починить—худой гардеробъ"! У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ ёкнуло сердце. „Отчего же нельзя, Петровичъ? сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка: вѣдь только и всего, что на плечахъ поистерлось: вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки". —„Да кусочки-то найдутся, сказалъ Петровичъ: да нашить то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой, а вотъ оно ужъ и ползетъ".—„Пусть ползетъ, а ты заплаточку". Смѣется и здѣсь Гоголь, но уже не веселымъ смѣхомъ, а горькимъ: недаромъ на могилѣ Гоголя написаны слова пророка Іереміи: „Горькимъ моимъ смѣхомъ посмѣюся".

3) Смѣшонъ способъ копленія денегъ: Акакій Ак. ходитъ осторожно, чтобы не истоптать скоро сапоги; сидитъ дома безъ бѣлья, чтобы поменьше платить прачкѣ; смѣшно, но можно и пожалѣть Акакія Акакіевича: онъ отказался отъ вечерняго чаю, голодаетъ, не зажигаетъ свѣчей. Смѣшно и жалко; но въ этомъ есть кое-что и утѣшительное: „онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но за то онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто онъ же-

нился"... „Онъ сдѣлался какъ-то живѣе"... „Съ лица и поступковъ его исчезло сомнѣніе"... „Огонь порою показывался въ глазахъ его". Смѣхъ нашъ смѣняется радостію: еслибы почаще бывали такіе случаи съ человѣкомъ!

4) Нехорошимъ смѣхомъ смѣются сослуживцы. Акакій Ак. былъ „низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ". Онъ былъ „вѣчный титулярный совѣтникъ. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ—въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ". „Вицмундиръ у него былъ не зеленый, а какого то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничекъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у всѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами". Да, наружность непривлекательная! но виноватъ ли Башмачкинъ въ своей наружности? Очевидно, нѣтъ,—онъ только несчастенъ; а чиновники, говоря о свадьбѣ Акакія Ак. съ хозяйкою—70-ти-лѣтнею старухою, конечно, имѣли въ виду посмѣяться надъ наружностію; сыпали на лысину бумажки; издѣваясь надъ „капотомъ", смѣялись надъ бѣдною одеждою—не виноватъ и въ этомъ бѣдный чиновникъ: онъ не тратилъ денегъ на пустяки, не пользовался даже самыми скромными удовольствіями. Можетъ человѣкъ необдуманно посмѣяться надъ безобразнымъ бѣднякомъ, но у хорошаго человѣка такой смѣхъ сейчасъ же переходитъ въ печаль, даже въ стыдъ: такъ случилось съ однимъ молодымъ чиновникомъ. И какъ глупо смѣялись чиновники! такіе люди сами достойны смѣха. Они не смѣялись надъ начальникомъ, потому что боялись его; они не смѣялись бы и надъ Башмачкинымъ, еслибы онъ обладалъ или властію, или богатствомъ, или, по крайней мѣрѣ, физическою силою, нахальствомъ,

грубостію: они это понимаютъ и цѣнятъ, не цѣнятъ только человѣка, т. е. того, что дороже всего.—Оставьте меня, говорилъ Акакій Ак: зачѣмъ вы меня обижаете? Въ этихъ словахъ слышалось: „я братъ вашъ", т. е. такъ же могу страдать, какъ и вы—я человѣкъ. Надъ человѣкомъ можно посмѣяться смѣхомъ невиннымъ, но нужно и пожалѣть его. За что?

III. Достоинство не во власти, не въ богатствѣ, не въ красотѣ, не въ силѣ, а въ истинныхъ человѣческихъ свойствахъ; не будь этого, мы имѣли бы нѣкоторое право не любить ближняго. Не потерялъ-ли Башмачкинъ человѣческихъ свойствъ—ума, чувства, воли?

1) „Врядъ-ли можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности" (какъ Ак. Ак.): въ свою должность онъ уложилъ всю свою душу—все вниманіе; всѣ мысли его много лѣтъ были направлены на то маленькое дѣло, которое ему было предоставлено—объ этомъ онъ только и думалъ, и отвыкъ думать о чемъ-нибудь другомъ. Одинъ директоръ захотѣлъ дать Башмачкину что-нибудь поважнѣе, другое дѣло, но онъ не справился съ самымъ простымъ дѣломъ и опять попросилъ что-нибудь переписать. По видимому, Башмачкинъ совсѣмъ отупѣлъ; но когда жизнь потребовала усилій мысли, онъ начинаетъ думать, хитритъ съ Петровичемъ, увѣряя, что сукно совсѣмъ новое, только запылилось; не удалась эта хитрость, онъ выбираетъ болѣе удобный моментъ и старается задобрить „гривенничкомъ". Хотя цѣль не достигнута, но дѣло поведено умно; и послѣ этого Ак. Ак. умно копитъ деньги и запасаетъ матеріалъ для шинели: шинель пріобрѣтена скоро и сдѣлана изъ хорошаго матеріала; „гривенничекъ также не пропалъ даромъ: за него Петровичъ очень постарался: онъ „и себя не уронилъ да и портного искусства тоже не выдалъ". У Башмачкина было столько ума, сколько ему было нужно для его скромнаго положенія.

2) При нуждѣ мысль Акакія Акакіевича пробудилась; но въ жизни едва-ли не больше нужна сила воли—и Башмачкинъ выказалъ силу воли не малую, когда, несмотря на помѣхи, на насмѣшки товарищей, настойчиво исполнялъ

свое любимое дѣло; эта сила пригодилась ему и при копленіи денегъ: понадобилось отказаться отъ необходимаго; „съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ—всѣ колеблющіяся и нерѣшительныя черты“. Съ такою силою воли Акакій Ак. могъ сдѣлать и великое дѣло, еслибы судьба предоставила ему.

3) Нуженъ человѣку умъ, нужна и воля, но главное достоинство человѣка въ добромъ сердцѣ: Башмачкинъ обладалъ большою кротостію, незлобливостію. „Въ департаментѣ сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него“; „начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно—деспотически“; сослуживцы назойливо издѣвались надъ нимъ; но Акакій Ак. не возмущался ничѣмъ; его только тревожило, если мѣшали любимому дѣлу: дѣло свое онъ оберегалъ, какъ любящая мать оберегаетъ свое дитя, „онъ служилъ съ любовію“. Внѣ службы, сейчасъ же послѣ обѣда онъ переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ; иногда онъ снималъ копію съ бумаги для себя, для собственнаго удовольствія. Никто не любилъ Акакія Акакіевича, никому онъ не былъ нуженъ въ этомъ мірѣ—онъ въ воображеніи создалъ свой лучшій міръ: „на что онъ ни глядѣлъ—видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки;“ „написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ,—что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра“. Когда же Ак. Ак. затѣялъ сшить шинель, тогда жизнь его сдѣлалась еще полнѣе, „какъ будто онъ женился, какъ будто другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу“. Это—былъ человѣкъ, способный страстно полюбить, за неимѣніемъ живого существа и неодушевленный предметъ—шинель, „оживившую на мигъ бѣдную жизнь“. Онъ конфузился передъ „частнымъ“, потому что даже мысли о дурномъ у него не было; значительное лицо несправедливо распекаетъ—онъ не сердится, а только пугается. Акакій Акакіевичъ никому не сдѣлалъ зла, самъ же терпѣливо переносилъ всѣ обиды.

4) Постоянная цѣль, идеалъ Акакія Акакіевича—„чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки“, въ этомъ красота, доступная Башмачкину; шинель на хорошей прочной подкладкѣ—тоже идеалъ, оживившій жизнь, пробудившій къ дѣятельности. Способность человѣка поставить себѣ цѣль и стремиться къ ней съ настойчивостію—отличительная черта отъ животнаго: цѣль, поставленная впереди, ведетъ къ самоусовершенствованію, какъ мы и видѣли на Башмачкинѣ.

Небольшое дѣло было у Акакія Ак., но онъ исполнялъ это такъ, какъ нужно исполнять всѣ дѣла; небольшую цѣль онъ поставилъ себѣ, но стремился къ ней такъ, съ такою настойчивостію, которая достойна подражанія; любилъ онъ дѣло, любилъ шинель, былъ на все отзывчивъ своимъ незлобивымъ сердцемъ—это хорошо; но все хорошее покрылось грубою корою—по чьей винѣ? Надъ противорѣчіями, надъ смѣшеніемъ добраго съ пошлымъ смѣется Гоголь своимъ „горькимъ смѣхомъ“.

IV. Планъ.

А. Обидчивость учрежденій и властныхъ лицъ.

Б. Беззащитность слабаго человѣка (пункты 2, 4, 5, 8, 9 и 10 указываютъ на беззащитность, остальные обрисовываютъ „слабаго человѣка“*).

1) Чиновникъ-неудачникъ.
2) Отношеніе къ нему департамента.
3) Любовь къ службѣ.
4) Высокомѣріе Петровича.
5) Уныніе при отказѣ починить шинель.
6) Копленіе денегъ и подъемъ духа.
7) Пріобрѣтеніе шинели и торжество.
8) Грабежъ.
9) Безпомощность обиженнаго человѣка.
   а) „Частный“.
   б) Сослуживцы.
   в) Значительное лицо.
10) Горячка и смерть.

В. Мстительный „мертвецъ“.	1) Слухи о продѣлкахъ „мертвеца“. 2) Совѣсть значительнаго лица. 3) Ограбленіе „значительнаго лица“.

Простыми буквами обозначены важнѣйшія три пункта: А. Уваженіе къ силѣ. Б. Пренебреженіе человѣческимъ достоинствомъ. В. Слѣдствіе.

Можно человѣка унизить, оскорбить, убить; но если самъ человѣкъ былъ слабъ постоять за себя, то совѣсть обидчика сама призоветъ мщеніе (иногда въ фантастическомъ образѣ).

Припомнить стихотвореніе Пушкина „Утопленникъ“.

V. Отношеніе автора къ своему предмету: „Капитанская дочка“ Пушкина и „Шинель“ Гоголя.

Въ повѣсти Пушкина „Капитанская дочка“ IV к. II ст.) хорошіе люди, героически перенесшіе несчастія, достигаютъ возможнаго счастія; въ повѣсти Гоголя „Шинель“ бѣдный слабый человѣкъ, обижаемый дурными людьми, не выноситъ постигшаго его несчастія; неспокойная совѣсть обидчиковъ создаетъ устрашающій призракъ. Пушкинъ рисуетъ намъ добрыя черты людей (героизмъ, вѣрность долгу, самоотверженіе, вѣрность въ любви, терпѣніе, чувство благодарности, покорность волѣ родителей и проч.) и показываетъ достоинство добра; Гоголь выдвигаетъ преимущественно смѣшные недостатки людей (претензіи капитана-исправника, глупыя издѣвательства чиновниковъ, смѣшную важность Петровича, глупое величіе „значительнаго лица“), наказаніе—мученіе совѣсти проявляется въ смѣшномъ видѣ. Пушкинъ изображаетъ прекрасное, великое, доброе въ жизни; Гоголь—пошлое, смѣшное, некрасивое. Пушкинъ рисуетъ то, чему мы можемъ подражать; Гоголь показываетъ, отъ чего мы должны оберегать себя, чего отвращаться. Пушкинъ выразилъ въ своей повѣсти: добро привлекательно и ведетъ къ хорошимъ результатамъ; Гоголь нарисовалъ зло въ смѣшномъ видѣ и показалъ, что зло это наказывается смѣхомъ.

XV. Уединеніе (иначе—Деревня). Пушкинъ. 1819 г. (только первая часть).

I. Слова и выраженія. 1) „Лоно“ значитъ—пазуха, отсюда метонимія—часть груди, гдѣ находится пазуха; Пушкинъ употребляетъ выраженіе: „на лонѣ водъ“, т. е. на груди, на поверхности водъ. „Лоно счастья и забвенья“: счастье и забвенье сравниваются съ обширною поверхностію, на которой „льется дней невидимый потокъ“.

2) Порочный дворъ цирцей“. Цирцея (въ греческой миѳологіи сладкорѣчивая волшебница, ласково принимавшая странниковъ и потомъ превращавшая ихъ въ различныхъ животныхъ (спутниковъ Одиссея она превратила въ свиней). „Порочнымъ дворомъ цирцей“ названо свѣтское общество, гдѣ „пиры, забавы, заблужденья“, отвлекающія отъ истинныхъ человѣческихъ интересовъ.

3) „Оракулы вѣковъ“. Греки-язычники во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращались за совѣтомъ къ „оракулу“: въ нѣкоторыхъ храмахъ жрецы гадали по шелесту листьевъ, по полету птицъ, по внутренностямъ животныхъ и проч., и давали мудрые совѣты—это и были изреченія оракула. Пушкинъ называетъ „оракулами вѣковъ“ писателей всѣхъ вѣковъ, у которыхъ онъ находилъ мудрыя изреченія, мудрые совѣты—зерно „думъ, зрѣющихъ въ глубинѣ“.

4) „Въ уединеньѣ величавомъ слышнѣе“ голосъ оракуловъ вѣковыхъ, т. е., попросту, въ уединеніи можно внимательнѣе читать.

II. Оглавленіе. 1) Привѣтствіе „пустынному уголку“. 2) Сопоставленіе уголка съ „порочнымъ дворомъ цирцей“. 3) Описаніе пустыннаго уголка“. 4) Настроеніе души въ уединеніи. 5) Дѣятельность—вдохновеніе.

Въ этомъ произведеніи два элемента: 1) описаніе пустыннаго уголка и 2) настроеніе души поэта (4 и 5 п. п.).

Цѣль Пушкина—сказать о настроеніи своей души: произведеніе лирическое. „Пустынный уголокъ“ вызываетъ настроеніе, онъ—причина настроенія.

Развитіе оглавленія (въ общихъ чертахъ). I. „Пустынный уголокъ“: 1) Его свойства: прі-

ютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенія—въ этомъ тихое счастіе. Въ этой части обозначена точка зрѣнія для описанія пустыннаго уголка.

2) Сопоставленіе уголка съ „порочнымъ дворомъ цирцей“: при дворѣ—роскошные пиры, забавы, заблужденія; въ пустынномъ уголкѣ—мирный шумъ дубровъ, тишина полей, праздность вольная.

3) Описаніе уголка. Сначала описываются ближайшіе предметы, потомъ дальнѣйшіе: садъ, лугъ, ручьи, два озера, холмы, нивы, хаты, овины, мельницы—„вездѣ слѣды довольства и труда“.

II. Настроеніе поэта. 1) Освобожденіе отъ суетныхъ оковъ („порочнаго двора цирцей“): а) блаженство въ истинѣ (освобожденіе ума), б) боготвореніе закона „свободною душой“ (освобожденіе воли), в) отсутствіе злобы, зависти, способность сочувствія (освобожденіе сердца).

2) Дѣятельность: а) чтеніе („оракуловъ вѣковъ“), б) жаръ къ трудамъ и вдохновеніе.

Идея. Пустынный уголокъ освобождаетъ умъ, чувство и волю отъ оковъ, пробуждаетъ душу для высокаго труда.

Можно сдѣлать повѣрку выведенной идеи: нужно примкнуть пересказъ частей стихотворенія къ отдѣльнымъ словамъ, передающимъ идею. Если перескажется такимъ образомъ все содержаніе, значитъ—идея выведена вѣрно.

За выпускомъ пятаго и шестого стиха, восемнадцать начальныхъ стиховъ примыкаютъ къ словамъ „пустынный уголокъ“, а пятый и шестой къ слову „оковъ“: получится пересказъ первой части. Въ 21—27 стихахъ говорится объ освобожденіи ума, чувства и воли; въ послѣднихъ семи стихахъ говорится о жарѣ къ вдохновенному труду. Развитіе разсказа изъ идеи очень полезное упражненіе; для пробужденія большей самодѣятельности можно дѣлать и перестановку, напримѣръ такъ: „оковы“, „пустынный уголокъ“, „освобожденіе“..., „трудъ“.

Видъ. Въ противоположность шумному двору цирцей въ пустынномъ уголкѣ спокойствіе; тамъ—при дворѣ заблужденія, здѣсь истина; тамъ пиры, забавы—здѣсь трудъ;

тамъ оковы—здѣсь свобода души: „пустынный уголокъ"—пріютъ тихаго счастія. Произведенія, въ которыхъ изображается тихая счастливая жизнь (преимущественно—сельская), называются идилліями: стихотвореніе Пушкина „Уединеніе„—идиллія.

А. Барсовъ.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ДЛЯ УЧЕНИЧЕСКИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ И БЕСѢДЪ.

III.

А. С. Пушкина „РУСАЛКА".

Въ 1835 г., въ 3-й книжкѣ „Библіотеки для чтенія" — журнала, издававшагося Сенковскимъ, — и затѣмъ въ IV томѣ „Стихотвореній" Пушкина былъ напечатанъ рядъ пьесъ, весьма разнообразныхъ по формѣ и содержанію, по времени написанія относящихся къ 1832 — 33 годамъ и изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Пѣсни западныхъ славянъ".

Одна изъ этихъ „Пѣсенъ" носитъ названіе „Янышъ — королевичъ".

Вотъ текстъ этой пьесы [1]):

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
Ей приноситъ съ червонцами чересъ [2]),
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, изд. Общ. для пос. нужд. литератор. и уч. подъ редакціей П. О. Морозова, т. III, стр. 504—507.

[2]) Чересъ — длинный кошель, въ которомъ носятъ деньги, опоясываясь подъ одеждой.

И поѣхалъ своею дорогой.
Такъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье надвое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,—
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня вороного,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
„Разскажи, какое ты творенье:
Женщина-ль тебя породила,
Или Богомъ проклятая Вила?“
Отвѣчаетъ ему Водяница:
„Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ—Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей“.

Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И, слезами заливаясь, молвилъ:
„Гдѣ, скажи, твоя мать — Елица?
Я слыхалъ, что она потонула“.
Отвѣчаетъ ему Водяница:
„Мать моя — царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ:
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-рыба“.
Водяницѣ молвилъ Королевичъ:
„Такъ иди же въ водной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданья проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ“.
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: „Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты;
Говори, чего еще ты хочешь?“
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ:
„Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцѣлуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полюблю тебя крѣпко“.
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
„Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,

Я къ тебѣ на зеленый берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо-ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?"
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
„Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ".

„Пѣсня о Янышѣ-королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю",—такимъ замѣчаніемъ самого автора сопровождается въ изданіяхъ текстъ этой пьесы.

П. В. Анненковъ („А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній", изд. 2-е, стр. 369, 371) и П. О. Морозовъ (въ примѣч. къ „Пѣснямъ Зап. Сл.", Соч. Пушкина, т. III., стр. 508) сообщаютъ, что „Янышъ-королевичъ"—пѣсня чешскаго происхожденія, содержаніе ея взято изъ чешскихъ народныхъ сказаній. Однако же самый оригиналъ, источникъ этой пѣсни—неизвѣстенъ [3]).

Пьеса эта замѣчательна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что по взгляду изслѣдователей, ей мы обязаны идеей „Русалки", которая, при осуществленіи своемъ, приняла въ себя уже элементы чисто русскіе [4]).

Это послѣднее произведеніе великаго поэта и будетъ предметомъ нашей бесѣды. Созданіе „Русалки" относится издателями къ 1832 году (первая сцена дописана поэтомъ, какъ видно по рукописи, 12 апрѣля 1832 г.)—слѣдова-

---

[3]) А. И. Незеленовъ, Исторія русск. словесн., ч. II, стр. 166; Соч. А. С. Пушкина, изд. Л. Поливанова, т. III, стр. 100.

[4]) Анненковъ, тамъ же, стр. 371, Морозовъ, тамъ же стр. 479.

тельно, является одновременнымъ съ написаніемъ пѣсни „Янышъ-королевичъ“,—хотя первыя неясныя черты драмы встрѣчаются уже въ тетрадяхъ 1828—1829 годовъ [5]). По кончинѣ Пушкина „Русалка“ найдена въ его бумагахъ недоконченною и напечатана въ первый разъ въ VI т. „Современника“ 1837 года. Тутъ, какъ и во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина всего пять сценъ и 17 стиховъ шестой сцены. Окончаніе этой шестой сцены и дальнѣйшія сцены, довершающія чудную драму, считаются вовсе ненаписанными, либо утраченными.

Эпоха и мѣсто дѣйствія—приднѣпровье древней княжеской Руси. Молодой князь полюбилъ красавицу—крестьянку, дочь мельника [6]). Мельникъ,—человѣкъ не злой, не развратный, но слабый сколько по любви къ дочери, столько, можетъ быть, и по страху къ княжескому могуществу, сквозь пальцы смотрѣлъ на свиданія своей дочери съ княземъ.

---

[5]) Анненковъ, Матер. стр. 354. Соч. Пушк. изд. Поливанова, т. III, стр. 99. Это послѣднее обстоятельство, т. е. зарожденіе идеи «Русалка» еще въ 1829 г., съ одной стороны,—а съ другой стороны отсутствіе, по крайней мѣрѣ неизвѣстность до настоящаго времени, чешскаго или какого бы то ни было оригинала, на который ссылается Пушкинъ («я перевелъ первую часть»), невольно наводитъ на мысль, что и въ этомъ случаѣ поэтъ упоминаетъ о небываломъ оригиналѣ, какъ сдѣлалъ онъ это по отношенію къ «Скупому Рыцарю», сославшись на Ченстона — англійскаго писателя, никогда не существовавшаго (Анненкомъ, Матер., 277 и дальше, Поливановъ, изд. соч. Пушк. т. III),—и что на «Яныша—Королевича» должно смотрѣть не какъ на переводное произведеніе, которому мы обязаны идеей «Русалки», а какъ на оригинальную пьесу нашего поэта, въ которой воплотилась идея, выразить которую въ формѣ драмы («Русалка») Пушкинъ предпринялъ въ это же время, но не успѣлъ еще осуществить своего плана.

[6]) Развитіе дѣйствія драмы «Русалка» анализировано Бѣлинскимъ въ VIII т. Собр. его сочиненій; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользуемся этимъ анализомъ Бѣлинскаго.

Дѣйствіе начинается съ того момента, когда страсть князя уже остыла, онъ полюбилъ другую, и задумалъ жениться. Ежедневныя прежде поѣздки его на мельницу становятся рѣже, и наконецъ девять дней онъ совсѣмъ не показывается къ прежней милой. Мельникъ, какъ человѣкъ хладнокровный, какъ мужчина, тотчасъ же понялъ, почему посѣщенія князя сдѣлались рѣже, и видя, что стараго ужъ не воротить, совѣтуетъ дочери воспользоваться хоть матеріальными выгодами этой связи. Но дочь—существо любящее и страстное, привязчивое, слѣдовательно, обреченное на несчастіе и гибель,—и вѣрить не хочетъ, чтобъ ея милый охладѣлъ къ ней. Она старается объяснить себѣ отсутствіе князя тѣмъ, что его отвлекаютъ государственныя заботы и труды:

Онъ занятъ (говоритъ она); мало-ль у него заботы?
Вѣдь онъ не мельникъ; за него не станетъ
Вода работать! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжеле.

Мельникъ смотритъ иначе:

Да, вѣрь ему (отвѣчаетъ онъ дочери). Когда князья
трудятся?
И что ихъ трудъ? травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да собирать сосѣдей,
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ...

Но слышится топотъ коня—и бѣдная женщина все забыла.

Она видитъ, что князь печаленъ, но не умѣетъ, не можетъ понять сразу, отчего такъ тревожитъ ее эта печаль? Онъ объясняется съ нею довольно осторожно, но тѣмъ не менѣе ясно: онъ женится на другой: онъ князь,—онъ не воленъ въ выборѣ невѣсты... Она оцѣпенѣла, а онъ, близорукій мужчина, радехонекъ, что дѣло обошлось безъ бури, не понимая, что эта тишина страшнѣе всякой бури,—и на полумертвую надѣваетъ онъ повязку и ожерелье, даетъ ей для отца мѣшокъ денегъ, и хочетъ уйти...

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что́...

Князь.

Припомни,

Она.

Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки въ самомъ дѣлѣ
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся...

Князь.

Несчастная! Какъ быть? Хоть для него
Побереги себя! Я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Со временемъ, быть можетъ, самъ пріѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушися.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя) Ухъ, кончено! Душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо.

(Уходитъ. Она остается неподвижною).

За этою страшною, трагическою сценою слѣдуетъ другая, не менѣе ужасная:

Дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уѣздѣ коня!
Пускай бы онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!..

. . . .

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ;

Отстань отъ насъ! Ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ...

Подарки князя глубоко оскорбили несчастную:

И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться
И мнѣ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
Что-бъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...

Бросивъ горькій упрекъ отцу:

Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!... (Отдаетъ ему мѣшокъ)

она срываетъ съ себя подарки князя:

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣей, змѣею онъ меня,
Не жемчугомъ опуталъ... Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!...
Вотъ вѣнецъ мой,
(Снимаетъ съ себя повязку)
Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася,
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
(Бросаетъ повязку въ Днѣпръ)
Теперь все кончено...
(Бросается въ рѣку).

Не подозрѣвая трагической участи несчастной дочери мельника, князь играетъ свадьбу. Вторая сцена нашей драмы съ удивительной вѣрностью передаетъ картину брачнаго

пира во всемъ (какъ выражается Бѣлинскій) простодушіи старинныхъ русскихъ нравовъ [7]). Молодые сидятъ за столомъ; сватъ, сваха, дружко, гости, хоръ дѣвушекъ, гости пируютъ, дѣвушки поютъ, перекидываясь шутками и насмѣшками съ сватомъ. Вдругъ среди наивнаго веселья раздается фантастическій голосъ:

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.

---

[7]) На экранѣ волшебнаго фонаря показать картину древнерусскаго свадебнаго пира. Вотъ какъ описывается древнерусская княжеская свадьба у Карамзина (Ист. Гос. Росс., т. VII, глава 4-я), у котораго, съ увѣренностью можно предполагать, и заимствованы Пушкинымъ упоминаемыя имъ въ «Русалкѣ» подробности свадебныхъ обрядовъ:

«Державный женихъ (Вел. кн. Василій Іоанновичъ), нарядясь сидѣлъ въ брусяной столовой избѣ съ своимъ поѣздомъ; а невѣста (Елена Глинская) съ женою тысяцкаго, двумя свахами, боярынями и многими знатными людьми шла изъ дома въ среднюю палату; передъ нею несли двѣ брачныя свѣчи въ фонаряхъ, два коровая и серебряныя деньги. Въ сей палатѣ были сдѣланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и камками; на нихъ лежали два изголовья и два сорока черныхъ соболей; а третьимъ сорокомъ надлежало опахивать жениха и невѣсту (сорокъ—связка изъ сорока собольихъ мѣховъ). На столѣ, покрытомъ скатертью, стояло блюдо съ калачами и солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ; сестра ея, княжна Анастасія,—на жениховомъ; боярыни—вокругъ стола. Василій прислалъ туда брата, князя Юрія, который занявъ большое мѣсто, велѣлъ звать жениха. Государь! сказали ему: иди съ Богомъ на дѣло. Великій князь вошелъ съ тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ княжну Анастасію съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали молитву Жена тысяцкаго гребнемъ чесала голову Василію и Еленѣ. Свѣчами Богоявленскими (которыя горѣли въ навечеріи Богоявленія Христова при освященіи воды) зажгли брачныя, обогнутыя

А слыхала-ль ты, рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечоръ у насъ красная дѣвица утопилась,
Утопая, милаго друга проклинала?

Общее смятеніе. Князь велитъ конюшему отыскать и вывести „мельничиху“, которая, по его мнѣнію, пропѣла на

соболями и вдѣтыя въ кольца. Невѣстѣ подали кику и фату. На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, лежали хмель, соболи, одноцвѣтные платки бархатные, атласные, камчатные, и пѣнязи числомъ по девяти въ каждомъ углѣ. Жена тысяцкаго осыпала хмелемъ Вел. Князя и Елену, опахиваемыхъ соболями. Дружко Государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечу и сыры для всего поѣзда; а Еленинъ дружко раздавалъ ширинки. Ѣхали въ церковь. Когда священный обрядъ совершился, новобрачные сѣли на двухъ красныхъ зголовьяхъ. Митрополитъ, князья и бояре поздравляли ихъ: пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи съ коровавями отнесли въ спальню, или въ сѣнникъ, и поставили въ кадь пшеницы. Въ четырехъ углахъ сѣнника были воткнуты стрѣлы. Надъ дверью и надъ всѣми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати семи ржаныхъ снопахъ. Вел. Князь завтракалъ съ людьми ближними; ѣздилъ верхомъ по монастырямъ и обѣдалъ со всѣмъ Дворомъ. Князь Юрій опять сидѣлъ на большомъ мѣстѣ, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними поставили жаренаго пѣтуха; дружка взялъ его, обернулъ верхнею скатертью и отнесъ въ спальню, куда повели и молодыхъ изъ-за стола. Въ дверяхъ знатнѣйшій бояринъ выдавалъ великую княгиню и говорилъ рѣчь. Жена тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну на изворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмелемъ, а дружки и свахи кормили ихъ пѣтухомъ. Во всю ночь конюшій государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами съ обнаженнымъ мечемъ». Легко угадать,—замѣчаетъ Карамзинъ,—разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія, весьма древнихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были удалять дѣйствіе злого волшебства. (Описаніе Василіевой свадьбы напечатано въ Древн. Рос. Библіот. III, 5).

свадьбѣ эту несвадебную пѣсню... Ея, разумѣется, не находятъ... Однако она здѣсь, на свадьбѣ: когда молодые цѣлуются, слышенъ слабый крикъ; голосъ хорошо знакомъ князю:

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый!..

Прекрасно въ художественномъ отношеніи и полно глубокаго смысла введеніе въ пьесу и этой пѣсни и этого ревниваго „слабаго крика“: гибель несчастной дочери мельника, цѣною которой куплено свадебное торжество, требуетъ возмездія, и слова этой пѣсни звучатъ, какъ голосъ совѣсти, и говорятъ намъ (устами свахи, особенно озабоченной этою пѣснею), что дѣло клонится „не къ добру“.

Неподдѣльною искренностью и непосредственностью народнаго міросозерцанія дышитъ вся сцена княжеской свадьбы; только поэтомъ, всецѣло усвоившимъ и вполнѣ раздѣлявшимъ это народное міровоззрѣніе, могла быть создана эта сцена.

Не къ добру, дѣйствительно, прозвучала на свадьбѣ эта пѣсня „По камушкамъ, по желтому песочку“. Въ слѣдующей же сценѣ мы слышимъ сѣтованія княгини:

Какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался;
Съ меня очей бывало не сводилъ;
Женился онъ—и все пошло не такъ!
Теперь меня ранехонько разбудитъ
И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлать,
Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздитъ.
Воротится—чуть ласковое слово
Промолвитъ онъ, чуть ласковой рукою
По бѣлому лицу меня потреплетъ.

Старая мамка утѣшаетъ ее, не подозрѣвая, что въ глубокой простотѣ ея добродушныхъ словъ скрывается ужасная, роковая истина:

Княгинюшка! Мужчина, что пѣтухъ:
Кури-куку! Махъ, махъ крыломъ—и прочь;

А женщина--что бѣдная насѣдка;
Сиди себѣ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,
Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ не наглядится;
Женился—и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,
То на войну нелегкая несетъ,
Туда, сюда—а дома не сидится.

Наскучивъ женою, князь вспомнилъ о прежней любви, раскаялся, какъ въ глупости, что бросилъ дочь мельника, не понимая, что она потому только стала ему мила, что ея нѣтъ съ нимъ, что его жена уже не мила ему... И вотъ его „невольно влечетъ невѣдомая сила“, воспоминанія прежней счастливой любви, къ тѣмъ „грустнымъ берегамъ“ Днѣпра, гдѣ въ дни „вольной, красной юности“ его „встрѣчала свободнаго свободная любовь“. Съ тѣхъ поръ минуло восемь лѣтъ, и многое перемѣнилось: мельница „ужъ развалилась; веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ; сталъ жерновъ... Тропинка тутъ вилась—она заглохла: давно, давно сюда никто не ходитъ. Тутъ садикъ былъ, съ заборомъ—разросся онъ кудрявой рощей“... Старый мельникъ отъ горя помѣшался; въ лохмотьяхъ, полунагой скитается онъ по берегу Днѣпра, вокругъ прежняго своего пепелища, и воображаетъ себя ворономъ.

Я воронъ, а не мельникъ,—говоритъ онъ, встрѣтясь съ княземъ: Чудный случай:

Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю; то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

Отосланная кляземъ свита является опять къ нему, по приказанію обезпокоенной княгини. Но это вниманіе со стороны уже нелюбимой имъ жены только раздражаетъ его:

Несносна
Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ нельзя ступить безъ няньки?

Поэтъ вводитъ насъ въ чудный, сказочный міръ, созданный народною фантазіею. Пушкинъ воспользовался здѣсь тѣмъ же повѣрьемъ, что и Гоголь въ своей повѣсти „Майская ночь, или Утопленница“:

Гляди сюда,—говорилъ Левко Ганнѣ: вонъ подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого берега кинулась панночка въ воду, и съ той поры не стало ея на свѣтѣ... Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили, въ лунную ночь, въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною [8]).

Народная память до настоящаго времени удерживаетъ древнее вѣрованіе въ русалокъ [9]); народъ и теперь вѣритъ, будто младенцы умершіе некрещенными, а также утоплен-

---

[8]) Соч. Н. В. Гоголя. изд. 10-е, т. I, стр. 56.

[9]) «Младенчествующій народъ — говоритъ Соловьевъ (Ист. Россіи, изд. 4, т. I, стр. 85, 86) о вѣрованіяхъ славянъ—не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту... встаютъ для наслажденія новой жизнью природы—въ образѣ русалокъ; русалки суть не иное что, какъ души умершихъ.. Русалки появляются съ Страстного четверга, какъ только покроются луга весеннею водою, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть... Съ Троицына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ».

ницы и вообще женщины и дѣвицы, самопроизвольно лишившія себя жизни и не погребенныя, становятся русалками, обитательницами водъ. Дѣвицы, бросающіяся съ горя и отчаянія въ воду, подхватываются русалками и поступаютъ въ среду этихъ водяныхъ нимфъ [10]).

Это вѣрованіе народа и возведено поэтомъ въ „перлъ созданія“ въ пѣснѣ „Янышъ—королевичъ“ и въ „Русалкѣ“.

Веселой толпою
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ.
Насъ грѣетъ луна!..
Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать,—

поютъ русалки, выплывая ночью на поверхность Днѣпра [11]).

Бросившаяся въ воду дочь мельника

Въ глубинѣ Днѣпра—рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей.

Она сдѣлалась царицею русалокъ; у нея родилась дочь, Русалочка. Восемь лѣтъ лелѣяла она мысль о мести князю; его охлажденіе къ женѣ и появленіе на берегу Днѣпра у мельницы говоритъ ей, что ея „часъ насталъ“. И вотъ, чтобы совершить мщеніе, она посылаетъ дочь—Русалочку заманить князя въ воду.

---

[10]) См. Афанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, т. III, стр. 240.

[11]) Показать на экранѣ картину; ученики исполняютъ «хоръ русалокъ» изъ третьяго дѣйствія оперы Даргомыжскаго «Русалка».

Пятая сцена представляетъ теремъ русалокъ на днѣ Днѣпра; русалки прядутъ около своей царицы; входитъ Русалочка [12]).

Русалка.

Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я, къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ,
Онъ—твой отецъ...
... Къ нему нѣжнѣе приласкайся
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спроситъ онъ,
Забыла ль я его иль нѣтъ: скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь.

О, поняла!..

И князь, дѣйствительно появляется на берегу (сцена шестая). Русалочка приближается къ нему. „Откуда ты, прелестное дитя?"—произноситъ въ изумленіи князь.

Этимъ и оканчивается извѣстный доселѣ текстъ Пушкинской „Русалки". Конецъ пьесы понятенъ, говоритъ Бѣлинскій: князь долженъ погибнуть, увлеченный русалками на дно Днѣпра.

Но читатель не можетъ не жалѣть, что заключительный аккордъ, который завершалъ бы чудное произведеніе, отсутствуетъ. И вотъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ окончить „Русалку". Одну представляетъ собою Либретто оперы Даргомыжскаго, другую—напечатанное въ 1878 г. въ Москвѣ „Продолженіе и окончаніе драмы Пушки-

---

[12]) Картина на экранѣ.

на „Русалка“, сочиненіе И. О. П. Оба эти окончанія представляются неудачными. Наконецъ въ послѣднее время, въ № 3 „Русскаго Архива“ за 1897 г., а затѣмъ и отдѣльной брошюрой, появилось окончаніе „Русалки“ по современной записи Д. П. Зуева, который, какъ сообщаетъ издатель, обладая чудесной памятью и прослушавъ чтеніе самимъ Пушкинымъ его произведенія вполнѣ, въ ноябрѣ 1836 г., записалъ тогда же окончаніе „Русалки“ по памяти.

Разсмотрѣнію текста, напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“, посвящена обстоятельная статья проф. В. Е. Якушкина О „Русалкѣ“ Пушкина (Русс. Вѣд. 1897 г. № 79); выводъ таковъ,—что въ записи г. Зуева нельзя признать подлинное окончаніе той „Русалки“ Пушкина, которая дошла до насъ безъ окончанія.

Вл. Рѣвановъ.

О ПРЕПОДАВАНІИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И УЧИЛИЩАХЪ *).

Второй курсъ или вторая ступень,— курсъ первыхъ трехъ классовъ семинаріи.

Главные недостатки въ нынѣшнемъ преподаваніи, какъ указано выше,—погоня за мелочами и постоянное вращеніе въ предѣлахъ одной грамматики. Методъ преподаванія исключительно грамматическій. Такая односторонность въ методѣ зависитъ оттого, что вообще нѣтъ системы въ преподаваніи. Курсъ училищный и курсъ семинарскій мало чѣмъ отличаются одинъ отъ другого. Что дѣлаютъ въ училищахъ, тоже повторяютъ и въ семинаріяхъ, въ среднихъ и старшихъ классахъ семинаріи занимаются, несмотря на перемѣну авторовъ, тѣмъ-же, чѣмъ и въ младшихъ. Ясное дѣло, что это не система: тутъ чувствуется отсутствіе послѣдовательности, порядка, плана, вообще явное отсутствіе системы. Поэтому прежде всего нужно выработать систему и держаться послѣдовательности въ занятіяхъ. Семинарскій курсъ, даже курсъ первыхъ классовъ есть уже высшая ступень въ сравненіи съ училищнымъ курсомъ. Понятно, что здѣсь должно быть другое отношеніе къ предмету. А такъ какъ въ предметѣ, т. е. въ языкѣ есть много сторонъ, то эти новыя стороны и должно показать ученикамъ семинаріи и ихъ нужно изучать. Если первый курсъ мы отводимъ грамматикѣ и усвоенію элементарныхъ свѣдѣній, то второй курсъ долженъ быть посвященъ чтенію авторовъ золотого вѣка латыни и изученію стилистики. Какъ тотъ курсъ мы назвали грамматическимъ, такъ этотъ должны назвать стилистическимъ по преимуществу. Знакомство съ авторами золотого вѣка и изученіе строя ихъ рѣчи—вотъ что должно составлять задачу этого курса. Этотъ курсъ въ несравненной

---

*) См. Ф. З. 1897 г. вып. V—VI.

степени долженъ быть болѣе практическимъ, чѣмъ предшествующій. Теоріямъ тутъ мало мѣста, а главное мѣсто принадлежитъ чтенію и изученію текста. Изучать языкъ нужно чрезъ чтеніе авторовъ и именно хотя немногихъ, но образцовыхъ, лучшихъ авторовъ. Кругъ изучаемыхъ писателей долженъ быть очень тѣсенъ. Да и самое количество времени не позволитъ намъ распорядиться иначе. Сосредоточеніе на небольшомъ числѣ авторовъ имѣетъ большія выгоды. Такими авторами мы считаемъ Цезаря и Цицерона. Если не съ кѣмъ говорить полатыни, то нужно какъ можно чаще бесѣдовать съ Цезаремъ и Цицерономъ. Они наши настоящіе учители латыни. У нихъ и слѣдуетъ учиться.

Послѣ того какъ ученики хорошо усвоятъ въ училищѣ элементы языка т. е. этимологію и главнѣйшія правила синтаксиса, научатся разбирать предложенія, пріобрѣтутъ достаточный запасъ словъ, и наконецъ послѣ того какъ они уже упражнялись въ переводѣ двухъ-трехъ авторовъ, послѣ всего этого можно считать почву подготовленною для самаго важнаго и плодотворнаго занятія т. е. для систематическаго чтенія авторовъ съ объясненіемъ ихъ стилическихъ особенностей. На это занятіе и нужно употреблять все время, удѣляя только одинъ урокъ спеціально на упражненіе въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Все время, говоримъ, нужно употреблять на чтеніе авторовъ, потому что другого болѣе важнаго занятія при изученіи языка нѣтъ и не можетъ быть и потому ни одной минуты не должно тратить на что-нибудь призрачное, эфемерное, случайное. Чтеніе авторовъ, какъ само собой понятно, есть ключъ къ изученію языка и ключъ этотъ нельзя замѣнить ничѣмъ. Всякое время, употребленное на что-нибудь другое посторонее, побочное, второстепенное, должно считаться потеряннымъ временемъ. Но чтеніе это, разумѣется, не должно быть только пріятнымъ препровожденіемъ времени, игрою и забавой; но должно сопровождаться изученіемъ техники и архитектоники языка. Въ предѣлахъ возможнаго для учениковъ младшихъ классовъ семинаріи

это и будетъ изученіе стилистики. Это будетъ второй шагъ, вторая ступень въ изученіи языка. Такая постановка латыни тѣмъ болѣе естественна въ младшихъ классахъ семинаріи, что въ тоже время, въ тѣхъ же классахъ ученики изучаютъ теорію и образцы русской литературной рѣчи т. е. ту же стилистику. Ученіе о періодахъ, столь важное для пониманія латинской рѣчи, изучается на урокахъ русскаго языка въ то время, когда на урокахъ латинскаго языка читаются Цезарь и Цицеронъ. На этихъ авторахъ и должно основаться изученіе латинскаго языка на этой ступени. Припомнимъ здѣсь,—что̀ говорилъ объ изученіи древняго языка вышеупомянутый нами Шлиманъ. Онъ говорилъ, что его учителями въ греческомъ языкѣ были греческіе авторы и въ особенности Гомеръ.

Такъ и учителями воспитанниковъ семинаріи по латинскому языку должны быть Цезарь и Цицеронъ. Изучить Цезаря, ознакомиться съ Цезаремъ не слегка, не поверхностно, не отчасти, не по отрывкамъ, а основательно, всесторонне—дѣло совсѣмъ не трудное. Сочиненій его очень немного и притомъ главнымъ образомъ требуется изученіе только одного его сочиненія—комментарія De bello Gallico.

Для штудированія этого сочиненія достаточно одного года. А кто уже хорошо знакомъ съ Цезаремъ, для того переходъ къ Цицерону очень простъ. Итакъ чтеніе и изученіе Цезаря должно составить первый шагъ и вмѣстѣ прочный фундаментъ въ дѣлѣ изученія латыни въ семинаріи. И такъ какъ въ стилѣ авторовъ золотаго вѣка вообще и въ стилѣ Цезаря и Цицерона въ особенности преобладаетъ періодическая рѣчь, то при занятіяхъ Цезаремъ особенное вниманіе должно быть обращено на изученіе періодовъ и на строеніе періодической рѣчи. Образцы періодовъ должно заучивать наизусть, анализировать въ классѣ, переводить съ латинскаго и обратно съ русскаго на латинскій, словомъ изучать всесторонне. Нужно, чтобы не только голова ученика, но и глазъ и ухо его вполнѣ привыкли къ пе-

ріоду и освоились съ нимъ. Богатство матеріала, обиліе образцовъ превосходной исторической прозы въ сочиненіяхъ Цезаря даетъ полную возможность достигнуть этой цѣли т. е. ввести учениковъ въ духъ и строй простой и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнѣйшей латинской рѣчи.

Въ теченіе года нужно ознакомить учениковъ со всѣмъ комментаріемъ De bello Gallico, читая его a livre ouvert, въ видѣ же уроковъ должно быть прочитано и проштудировано не менѣе двухъ книгъ. Лексиконъ Цезаря долженъ быть изученъ въ совершенствѣ. Онъ впрочемъ довольно однообразенъ и совсѣмъ необширенъ. Управиться съ нимъ въ теченіе года весьма легко.

Требованіе относительно изученія словаря должно быть также широко и настойчиво выполняемо и въ семинаріи, какъ и въ училищѣ.

Нужно согласиться, что годъ занятій Цезаремъ долженъ привести къ отличнымъ результатамъ, если эти занятія будутъ направлены на чтеніе и изученіе прозы Цезаря въ ея цѣломъ т. е. на изученіе стилистики, а не на элементарный грамматическій разборъ. И въ теченіе года Цезаря и именно его B. Gallicum можно и должно изучить настолько, чтобы ученики читали его бѣгло, нуждаясь въ очень рѣдкихъ справкахъ съ словаремъ.

Задачею перваго класса долженъ быть не переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ сочиненій Цезаря, что можетъ быть подъ часъ механическимъ малопроизводительнымъ занятіемъ, а изученіе, всестороннее изученіе языка Цезаря, послѣ чего ученикъ могъ бы сказать, что Цезарь ему весьма знакомый писатель, именно какъ писатель, со стороны языка, по его стилю, по его манерѣ писать. А не такъ, какъ теперь, когда въ результатѣ годовыхъ занятій Цезаремъ ученикъ вамъ скажетъ, что онъ переводилъ отрывки изъ Цезаря, знаетъ нѣсколько отдѣльно взятыхъ изъ B. G. главъ, представляющихъ собою нѣчто безъ начала и конца, и не только не въ состояніи составить никакого общаго понятія, никакого общаго представленія о Цезарѣ, какъ писателѣ,

о его стилѣ, но даже иногда не въ состояніи бываетъ назвать заглавіе того сочиненія Цезаря, какое онъ переводилъ, а скажетъ, что онъ переводилъ отрывки изъ Цезаря, потому что онъ весь годъ имѣлъ дѣло съ отрывками, которые такъ и были озаглавлены—«Отрывки изъ». . . . . . Эта отрывочность матеріала лишаетъ ученика возможности узнать, что такое Цезарь, какъ писатель, какъ римскій историкъ, расторгаетъ ту связь съ читаемымъ авторомъ, которую нужно всячески охранять и укрѣплять и въ которую ученикъ долженъ въ теченіе годовыхъ занятій все глубже и глубже входить. Мы прямо признаемъ существенно вреднымъ нынѣшній христоматійный, отрывочный характеръ матеріала, предлагаемаго ученикамъ изъ классическихъ писателей. Необходимо читать и непремѣнно прочитывать въ теченіи года хотя небольшое, но цѣлое сочиненіе изъ каждаго автора. Отрывки, говоря вообще, идутъ въ разрѣзъ съ логическими требованіями нашей природы, потому что представляютъ изъ себя нѣчто несвязное и неопредѣленное, безъ начала и безъ конца, какъ мы сейчасъ сказали. Послѣ указанныхъ выше занятій въ училищѣ и особенно послѣ знакомства съ Непотомъ—«отрывки» въ семинаріи неумѣстны и занятіе ими непедагогично. Цезарь одинъ изъ наиболѣе подходящихъ и доступнѣйшихъ писателей для юноши въ 15—18 лѣтъ и обращать такого юношу къ отрывкамъ вмѣсто того, чтобы знакомить его съ цѣльнымъ образомъ этого превосходнаго и вовсе нетруднаго писателя по нашему мнѣнію нерезонно и это значило бы поставлять занятія въ противорѣчіе съ тѣми цѣлями, къ которымъ должно быть направлено изученіе языка.

Если мы предлагаемъ прочитывать въ 1 кл. изъ B. G. не менѣе двухъ или даже трехъ книгъ, то разумѣется ради такихъ цѣлей многое въ нынѣшнихъ обычныхъ пріемахъ преподаванія должно быть измѣнено.

Начало занятій должно открываться такъ называемыми вводными или пропедевтическими уроками. Учитель сообщаетъ ученикамъ свѣдѣнія о жизни и сочине-

ніяхъ Цезаря, при чемъ содержаніе B. G. излагается имъ довольно полно и обстоятельно и ученики записываютъ эти данныя въ свои тетрадки въ такъ называемыя vademecum.

Затѣмъ учитель и ученики берутъ въ руки Bellum Gallicum въ цѣломъ видѣ, а не въ христоматiйныхъ отрывкахъ и начинаютъ знакомиться съ языкомъ и характеромъ изложенія въ данномъ сочиненія.

Для этого ученики должны изучить 10—15-ть нарочно подобранныхъ образцовъ Цезаревскаго стиля. Лучшіе, характерные періоды Цезаревской прозы должны на первыхъ же урокахъ быть предложены ученикамъ въ этихъ образцахъ. Учитель, намѣтивъ для годовыхъ занятій тѣ или другія 2 книги изъ Bellum Gallicum, дѣлаетъ предъ учениками характеристику слога Цезаря, подтверждая сообщаемыя свѣдѣнія указаніями на тотъ или другой изъ избранныхъ отрывковъ, какъ на типичный примѣръ, со всевозможной полнотой объясняетъ строеніе этихъ образцовъ, имѣя въ виду исчерпать предъ учениками всѣ особенности, уяснить всѣ свойства, весь характеръ рѣчи Цезаря. Разсмотрѣнные и всесторонне проанализированные отрывки ученики записываютъ въ тетради и заучиваютъ наизусть. Учитель не долженъ упустить при этомъ ничего характернаго въ слогѣ Цезаря. Изученные такимъ образомъ 10—15-ть образцовъ или что тоже 10—15-ть страницъ изъ Bellum Gallicum, для изученія которыхъ потребуется столько же и уроковъ, составятъ собою превосходный вступительный курсъ,—лучшее введеніе къ чтенію Цезаря. Это тоже, что изученіе гаммъ и аккордовъ въ музыкѣ, дающихъ ключъ къ тому или другому музыкальному произведенію. Эти предварительные или, какъ мы ихъ назвали, пропедевтическіе уроки должны дать ученикамъ столько руководственныхъ указаній, столько данныхъ практическаго характера относительно строенія рѣчи Цезаря, что ни одна страница изъ Bellum Gallicum не должна послѣ этого показаться ученику чѣмъ нибудь неожиданнымъ и непонятнымъ по своему строенію. Чрезъ заучи-

ванiе наизусть этихъ образцовъ ученики не только ознакомятся, но и сроднятся съ рѣчью Цезаря. Играя такую важную роль въ формальномъ отношенiи, эти вступительные уроки должны также сопровождаться реальными объясненiями. Здѣсь должно быть сообщено только самое главное. Но однако послѣ этихъ реальныхъ комментарiевъ у ученика должно быть цѣльное представленiе о предметѣ. Важнѣйшимъ въ этомъ отношенiи должно считать наглядныя пособiя и умѣнье пользоваться ими. Карты, атласы, рисунки, хронологическiя таблицы, спецiальныя «введенiя» при учебныхъ изданiяхъ и проч.—всѣмъ этимъ ученики должны располагать свободно, умѣло и съ пользою для себя. Военный талантъ Цезаря, его походы, его политическая дѣятельность, описанiе лагеря, вооруженiе, свѣдѣнiя о военномъ дѣлѣ вообще, справка съ исторiей и съ географiей, лица, годы, мѣста дѣйствiй и т. п. все это должно быть своей стихiей для учениковъ и со всѣмъ этимъ они должны познакомиться на вводныхъ урокахъ. Въ этихъ же видахъ преподаватель долженъ располагать учениковъ къ чтенiю соотвѣтственныхъ книгъ и заботиться о томъ, чтобы чрезъ чтенiе они расширяли и умножали свои реальныя знанiя. Только послѣ этого нужно приступать къ чтенiю Цезаря. Тогда со стороны учителя понадобится только нѣсколько напоминанiй и указанiй на прежде выясненное и нѣсколько сопоставленiй и сравненiй съ тѣмъ, съ чѣмъ уже раньше ученики ознакомились и что занесли въ свои записныя книжки. А со стороны учениковъ потребуется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только прiобщить новыя данныя къ старымъ однороднымъ и уже по существу имъ извѣстнымъ. При такихъ условiяхъ чтенiе Цезаря будетъ совершаться легко и чѣмъ больше ученики прочитаютъ изъ сочиненiй Цезаря, тѣмъ больше соберутъ они поучительныхъ фактовъ, тѣмъ лучше изучатъ латинскiй языкъ! Далеко не такъ ведется дѣло теперь, когда на каждомъ отдѣльномъ урокѣ, чуть не каждая строчка задерживаетъ учениковъ и учителя. Этого

не должно быть и этого не было бы, если бы чтенію авторовъ предшествовали тѣ вступительные уроки, какіе рекомендуемъ мы. Это измѣненіе въ пріемахъ преподаванія существенное и мы на немъ настаиваемъ. Послѣ того чтеніе, дѣйствительное чтеніе авторовъ, а не по названію только возможно будетъ въ семинаріи. Разумѣется для такой широкой постановки дѣла въ семинаріи необходима лучшая и гораздо болѣе полная, нежели нынѣшняя подготовка учениковъ по латинскому языку въ училищѣ. Такъ же точно, полагаемъ мы, должно вести дѣло и во II классѣ семинаріи, гдѣ ученики должны читать преимущественно рѣчи Цицерона, которыхъ нужно прочитывать въ теченіе года не менѣе 2—3-хъ. Здѣсь также необходимо изученіе стиля, изученіе образцовъ, изученіе ораторскихъ періодовъ, самое тщательное и настойчивое изученіе. Здѣсь также предварительно прежде чѣмъ приступать къ чтенію нужно ознакомить учениковъ съ типическими образцами Цицероновскаго слога. Начавъ съ разсмотрѣнія и изученія простыхъ періодовъ и переходя къ болѣе и болѣе сложнымъ, слѣдуетъ уяснить значеніе протазиса и аподозиса, ихъ взаимное отношеніе, прослѣдить всѣ особенности, всевозможныя украшенія, тропы и фигуры, въ такомъ обиліи встрѣчающіяся въ рѣчахъ Цицерона и закончить обозрѣніемъ способовъ и видовъ риторическаго построенія рѣчей великаго оратора. Изученіе стилистики должно быть настолько широко и полно во II и III классахъ, (такъ какъ и въ III классѣ читается Цицеронъ), что любой отрывочно взятый изъ рѣчей Цицерона, даже трудный по своему строенію періодъ, отличающійся самымъ возвышеннымъ паѳосомъ по внутреннему содержанію и блистающій всевозможными украшеніями и фигурами по внѣшней формѣ, ученики этихъ классовъ должны умѣть разобрать и объяснить въ немъ каждый оборотъ въ отдѣльности. Отдѣльные члены или термины, фигуры и обороты въ ораторскомъ періодѣ должны быть также изучаемы, какъ изучается географическая карта, безъ знанія которой

никакое теоретическое изученiе географiи не имѣетъ цѣны. Много, очень много образцовъ должно быть при этомъ заучено наизусть, чтобы ученикъ могъ во всякое время свободно располагать типическими примѣрами. Здѣсь же т. е. при изученiи Цицероновскихъ перiодовъ должно учениковъ познакомить съ инверсiей т. е. съ риторическимъ расположенiемъ членовъ въ предложенiи. Послѣ такого знакомства съ стилистической стороной рѣчей Цицерона можно приступать къ свободному ихъ чтенiю: задержки и остановокъ тогда будетъ не много. Послѣ этого для успѣшнаго чтенiя рѣчей Цицерона отъ учениковъ потребуется только тщательное изученiе словаря цицероновскаго, въ чемъ учитель и долженъ быть весьма и весьма требователенъ. Для философскихъ сочиненiй Цицерона, которыя читаются въ III классѣ необходимы кромѣ того довольно обширные реальные комментарiи: именно ознакомленiе учениковъ съ различными философскими системами и школами, съ философскими взглядами и убѣжденiями Цицерона, съ философскимъ языкомъ (mos philosophorum) и съ особенностями дiалогической формы рѣчи, приближающейся къ обыкновенной разговорной и отличающейся нерѣдко остротами, шутками, намеками и т. п. игрою словъ.—Таковы должны быть первые шаги въ занятiяхъ Цезаремъ и Цицерономъ. Что касается частныхъ прiемовъ при дальнѣйшихъ занятiяхъ, то при чтенiи авторовъ предъявляются слѣдующiя требованiя и чтенiе сопровождается слѣдующими занятiями.

То, что ученикъ умѣетъ перевести съ латинскаго, долженъ умѣть перевести и обратно т. е. съ русскаго на латинскiй; долженъ умѣть выразить туже мысль и другими словами въ другой конструкцiи—умѣть сократить ее т. е. онъ долженъ умѣть сдѣлать перифразъ и построить варiантъ переведеннаго текста. Это такъ называемыя: imitatio, variatio и compendium. Всѣ эти упражненiя выполняются частью устно, частью письменно. Наконецъ то, что ученикъ умѣлъ перевести устно и письменно съ латинскаго на русскiй и съ рус-

скаго на латинскій, долженъ онъ умѣть передать въ видѣ отдѣльныхъ отвѣтовъ на вопросы преподавателя; т. е. долженъ умѣть вмѣстѣ съ учителемъ въ діалогической формѣ кратко передать полатыни содержаніе переведеннаго отрывка. Это такъ называемый діалогъ или бесѣда о прочитанномъ. Время отъ времени учитель долженъ задавать ученикамъ въ видѣ домашней работы т. е. въ замѣнъ урока приготовлять письменно точный и вмѣстѣ съ тѣмъ литературный (правильный и гладкій въ смыслѣ русской рѣчи) переводъ уже переведеннаго въ классѣ и обработаннаго отрывка или главы. Это такъ называемое versio.—Точно также время отъ времени, но по возможности часто онъ заставляетъ учениковъ передавать устно порусски содержаніе переведенныхъ главъ и возстановлять связь нѣсколькихъ главъ, чтобы чрезъ то постоянно поддерживался интересъ къ содержанію цѣлаго. Вотъ и всѣ тѣ занятія и тѣ частные пріемы, которыми должно сопровождаться чтеніе авторовъ или лучше сказать вообще преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ семинаріи и которыя, по нашему мнѣнію, дѣйствительно ведутъ къ изученію языка. Конечно всѣ такія упражненія возможны только при томъ широкомъ изученіи Цезаря и Цицерона, какое рекомендуемъ мы; при такой постановкѣ дѣла возможно и самое широкое изученіе лексикона. Если всѣ такія упражненія трудно продѣлать въ одинъ урокъ, то слѣдуетъ на ближайшемъ урокѣ продолжать ихъ, но не отступать отъ нихъ и не забывать о нихъ. Съ перомъ или карандашемъ въ рукѣ ученикъ постоянно долженъ работать надъ текстомъ. Всегда должно помнить, что stilus est optimus dicendi magister.

Что касается говоренія на латинскомъ языкѣ, то многіе и въ томъ числѣ извѣстный Негельсбахъ находятъ это требованіе преувеличеннымъ для средняго учебнаго заведенія; хотя съ другой стороны французскій проф. М. Бреаль справедливо говоритъ что, кто неумѣетъ мыслить и говорить на латинскомъ языкѣ, тотъ

еще не вполнѣ знаетъ лат. языкъ. Значитъ говоренiе нужно, но на это требованiе при нынѣшнихъ условiяхъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на желательный, но не легко осуществимый идеалъ къ достиженiю котораго однако должно стремиться всячески. Начинать нужно съ маленькаго, съ такъ называемыхъ Квинтилiаномъ incisa, т. е. съ краткихъ простыхъ предложенiй, отъ нихъ должно переходить къ membra т. е. къ простымъ, но распространеннымъ предложенiямъ, а отъ этихъ послѣднихъ уже къ перiодамъ (circuitus), сначала къ простымъ, потомъ къ сложнымъ, постепенно все болѣе и болѣе расширяя кругъ и вводя все большее и большее число терминовъ (terminus) въ составъ перiода.

Такимъ образомъ одновременно будетъ достигаться и навыкъ въ чтенiи авторовъ и умѣнье переводить съ русскаго языка на латинскiй.

Относительно выбора матерiала изъ указанныхъ программою писателей для занятiй въ первыхъ трехъ классахъ семинарiи должно замѣтить слѣдующее.

Въ Цезарѣ, какъ уже сказано, нужно останавливаться на B. G. и изъ этого сочиненiя слѣдуетъ брать для чтенiя предпочтительно 1, 2 и 6-ую книги, а также пожалуй и 4-ую. Эти книги болѣе интересны по содержанiю и меньше содержатъ техническихъ описанiй. Что же касается языка, то Цезарь вездѣ одинаково прекрасенъ. Простота, чуждая всякой риторики, ясность, вытекающая изъ совершенной правильности въ построенiи рѣчи и естественность доходящая до изящества и грацiи, удивительное соотвѣтствiе мысли слову, рѣдкая гармонiя формы съ содержанiемъ, спокойствiе и объективность тона дѣлаютъ этого автора несравненнымъ и незамѣнимымъ для школы. У него нигдѣ нѣтъ искусственныхъ украшенiй рѣчи и тѣмъ болѣе случайной небрежности. Все у него, какъ въ зданiи устроенномъ по прекрасному плану, на мѣстѣ, ничего нѣтъ лишняго, ничего недостающаго. По отзыву Цицерона Комментарiи Цезаря nudi enim sunt, recti et venusti т. е. ясны, просты и изящны. (Brut. LXXV, 262). Трудно пред-

ставить себѣ болѣе полное соотвѣтствіе между содержаніемъ и изложеніемъ! Мастерство удивительное: рѣчь настолько же пріятна, насколько интересно содержаніе.

Такой авторъ и доступенъ и пріятенъ ученикамъ. Они его и полюбятъ и легко поймутъ.

Уравновѣшенный, простой, изящный и интересный онъ болѣе, чѣмъ всякій другой авторъ можетъ сдѣлаться любимымъ чтеніемъ учениковъ.

Изъ Цицерона выборъ труднѣе. Какъ богаты и разнообразны его творенія, такъ богатъ и разнообразенъ его языкъ. Но главное вниманіе школы разумѣется должно быть обращено на рѣчи, какъ обыкновенно и дѣлается. Однако и тутъ выборъ слишкомъ богатъ. Лучшими рѣчами для школьныхъ занятій мы считаемъ pro Ligario, pro lege Manilia, нѣсколько менѣе соотвѣтственными школѣ, но тоже имѣющими высокій интересъ считаемъ Catilinariae; далѣе сюда же могутъ быть отнесены pro Marcello, pro rege Dejotaro и наконецъ по своему чрезвычайно симпатичному и родному для школы предмету—pro Archia. Изъ всѣхъ этихъ рѣчей первое мѣсто однако занимаютъ именно pro Ligario и pro lege Manilia.

Для выбора рѣчей существовали издавна весьма различныя основанія и столь же различныя точки зрѣнія. Нерѣдко принимается въ расчетъ и чисто внѣшнее основаніе: именно подборъ большихъ по объему и меньшихъ по объему рѣчей. Нельзя несогласиться, что, какъ ни поверхностно это основаніе, оно имѣетъ практическое значеніе для школы. Для школьнаго употребленія дѣйствительно нужны рѣчи и побольше и поменьше. Нѣкоторые желаютъ, чтобы читались рѣчи, имѣющія значеніе или для исторіи Цицерона или для исторіи Рима, но такое основаніе для выбора нельзя признать слишкомъ вѣскимъ. Что касается содержанія, то главнымъ образомъ нужно имѣть въ виду то, чтобы оно было доступно и интересно для учениковъ. Но еще большее значеніе должны имѣть стилистическія основанія, потому что для учениковъ Цицеронъ нуженъ глав-

нымъ образомъ именно со стороны языка: всѣ занятія учениковъ должны быть направляемы къ тому, чтобы ученики научились читать Цицерона т. е. къ изученію его языка. Главную цѣль, говоритъ Геснеръ, всегда должно составлять знакомство съ языкомъ Цицерона и способомъ его мышленія. Ставить чтенію рѣчей Цицерона болѣе широкія задачи нерезонно и такія широкія требованія не будутъ даже соотвѣтствовать понятіямъ учениковъ. Удобными для школьнаго употребленія какъ по содержанію, такъ по языку, а равно и по размѣрамъ или по объему давно уже признаны именно тѣ рѣчи, которыя указаны нами выше. Самыми лучшими для школы безъ сомнѣнія должны считаться рѣчи за Лигарія и за законъ Манилія. По красивому языку, легкому и простому изложенію и по остроумному чрезвычайно оживленному, сплошь проникнутому иронiей тону, по превосходному тонкому и въ политическомъ и въ психологическомъ отношеніи заключенію рѣчь за Лигарія почти не имѣетъ себѣ равной. Это лучшій и доступнѣйшій для учениковъ образецъ судебной рѣчи (genus judiciale). Гораздо болѣе сложная, гораздо болѣе серьезная и богатая по содержанію рѣчь De imperio Cn. Pompei или иначе pro lege Manilia представляетъ собою превосходный образецъ политической рѣчи (gen. deliberativum); она же можетъ отчасти служить и образцомъ похвальныхъ рѣчей (g. demonstrativum). Чтобы нѣсколько сократить ея размѣръ и чтобы избавить учениковъ отъ необходимости проникать въ финансовую римскую политику, не особенно конечно интересную для учениковъ,—можно изъ этой рѣчи 2—3 гл. пропускать при чтеніи, отчего цѣльность впечатлѣнія нисколько не пострадаетъ. И обстоятельства историческія, и личности историческія, и нравы, и порядки изображаемые Цицерономъ въ этой рѣчи (поведеніе полководцевъ и намѣстниковъ римскихъ въ провинціяхъ и доблести Помпея)—все это уже знакомо ученикамъ по урокамъ гражданской исторіи. Здѣсь имъ представляется только яркая мастерская картина.—Хорошо знакомый и подробно

излагаемый въ исторіи сюжетъ такъ называемыхъ Catilinariae дѣлаетъ эти рѣчи также умѣстными въ школѣ, а о превосходной формѣ и говорить нечего. Только мы не соглашаемся съ общепринятымъ мнѣніемъ, будто самая удобная для школьныхъ занятій—1 я рѣчь; напротивъ эта, безъ сомнѣнія самая краснорѣчивѣйшая изъ всѣхъ четырехъ, по содержанію всего менѣе подходяща для учениковъ, съ ея слишкомъ тонкими партійными и ученикамъ мало доступными политическими соображеніями; кромѣ того слишкомъ рѣзкая, безпощадная характеристика Катилины и его соучастниковъ, далеко не безпристрастная и доведенная у оратора до крайности, чрезмѣрная напряженность тона и паѳосъ мало совмѣстимый съ спокойными классными занятіями—все это дѣлаетъ эту рѣчь мало пригодною для школы. Вторую мы считаемъ изъ всѣхъ четырехъ наименѣе интересной. По нашему мнѣнію третья рѣчь противъ Катилины, въ которой излагаются обстоятельства раскрытія заговора и изображается энергія и находчивость съ которыми дѣйствовалъ консулъ—ораторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивая, но болѣе спокойно изложенная представляетъ собою болѣе благодарный и удобный для школы матеріалъ.

Въ такой же степени пригодна и 4-я Catilinaria, какъ докладъ о томъ въ какомъ положеніи обстоитъ политическое дѣло и какъ итогъ трехъ предшествующихъ рѣчей. При чрезвычайно тонкомъ и искусномъ построеніи и воздѣйствіи на слушателей, которые незамѣтно для себя, невольно должны подчиниться выводамъ оратора, эта рѣчь со стороны фактической доступна, съ логической стороны понятна и по искусному построенію интересна для учениковъ. Словомъ я не вижу основанія почему-бы изъ 4-хъ Catilinariae предпочтительнѣе нужно было читать 1-ую и 2-ую. Но вообще всѣ эти рѣчи тѣмъ интересны, что чтеніе ихъ, отлично знакомитъ учениковъ съ дѣятельностью Цицерона какъ консула. Мнѣнія критиковъ о рѣчи pro Archia не выгодны и дѣйствительно давно признано, что это одна изъ второстепен-

ныхъ рѣчей Цицерона; но ея интересъ заключается въ такъ называемой похвалѣ наукамъ, составляющей главную часть этой маленькой рѣчи. Юридически она, какъ извѣстно, совсѣмъ слаба и первая половина ея довольно скучна. Однако знаменитое haec studia adulescentiam alunt, senectutem oblectant et cet. обыкновенно привлекаетъ симпатіи къ этой рѣчи. Превосходны безъ сомнѣнія pro Milone и pro Murena, но они слишкомъ велики, тяжелы и мало удобны для обозрѣнія содержанія въ цѣломъ и по своему объему лишили бы классъ возможности познакомиться съ другими рѣчами. Болѣе удобны и хороши маленькія pro Marcello и pro rege Dejotaro, какъ Caesarianae, подобно рѣчи за Лигарія. Пламенныя Филиппики и такія же Verrinae не могутъ быть предпочитаемы вышеисчисленнымъ рѣчамъ и притомъ первыя затрогиваютъ слишкомъ сложный предметъ политики, а вторыя по ораторскимъ пріемамъ и страстности однородны съ Catilinariae и не могутъ считаться выше ихъ. Изъ философскихъ сочиненій Цицерона выборъ долженъ, разумѣется, остановиться на Tusculanae disputationes и при томъ преимущественно на V кн. о добродѣтели, а также и на De officiis. Два эти сочиненія безъ сомнѣнія достаточно ознакомятъ учениковъ съ философскимъ языкомъ Цицерона и съ его философскими взглядами и убѣжденіями. De officiis нужно читать въ порядкѣ книгъ т. е. начиная съ 1-й, но можно дѣлать значительные пропуски и съ большимъ удобствомъ можно дѣлать выборъ отдѣльныхъ главъ, въ которыхъ излагается тотъ или другой частный вопросъ. Къ философскимъ сочиненіямъ Цицерона указываемымъ семинарскою программою относятся также діалоги о старости—Cato Major и о дружбѣ—Laelius. Изъ двухъ діалоговъ Laelius и Cato Major обыкновенно предпочитаютъ выбирать для занятій съ учениками разговоръ о дружбѣ, единственно по тому соображенію, что тема эта для юношества болѣе подходяща и болѣе симпатична, нежели тема о старости. Но намъ кажется, что этого одного основанія недостаточно для того, чтобы отдать предпочтеніе

Делію. При томъ Цицеронъ разсуждаетъ о дружбѣ совсѣмъ не такъ, какъ хотѣли бы слышать юноши и имѣетъ въ виду въ своихъ разсужденіяхъ преимущественно дружбу государственныхъ мужей. De Senectute по изложенію болѣе стройно и ясно, по аргументаціи болѣе внушительно и по языку болѣе правильно, болѣе обработано и вообще представляется болѣе подходящимъ для употребленія въ школѣ, нежели De amicitia, которое страдаетъ повтореніями, слабыми и по мѣстамъ преувеличенными аргументами, выставляемыми авторомъ въ пользу дружбы, растянутымъ изложеніемъ и недостаточной отдѣлкой языка. Вообще же оба эти діалога и по темамъ и по объёму считались удобными и всегда господствовали въ школѣ. При всемъ томъ имъ, по нашему мнѣнію, должно отдавать только то время, которое останется во II кл. послѣ чтенія рѣчей и въ III кл. послѣ чтенія Тускуланскихъ бесѣдъ и De officiis, но не предпочтительно предъ ними.

Что касается поэтовъ, то Овидій и Виргилій по ограниченности времени, назначеннаго семинарской программой на латинскій языкъ, не могутъ занять много мѣста въ семинаріи. Изъ Овидія выборъ разнообразенъ и удобенъ. У него, что ни возьми, все превосходно, но Метаморфозы нужно предпочитать другимъ сочиненіямъ. Такъ впрочемъ и назначено семинарской программой. Чтеніе гекзаметра и знакомство съ греко-римской миѳологіей составляютъ главную задачу при чтеніи Овидія. Виргилій съ своей Энеидой всегда занималъ среди римскихъ поэтовъ центральное мѣсто въ школѣ. Это и понятно. Ничего подобнаго, ничего равнаго нѣтъ еще у римскихъ поэтовъ. Если бы позволяло время, желательно возможно болѣе полное знакомство съ Энеидой. Но во всякомъ случаѣ нужно прочитывать въ II классѣ не менѣе одной пѣсни. Самыя интересныя и самыя богатыя по содержанію конечно II и VI пѣсни; ихъ и слѣдуетъ читать предпочтительно предъ другими пѣснями. Такъ кажется въ семинаріяхъ и дѣлается. Несомнѣнно, что Виргилій, за-

значенный для одного II класса на ряду съ Цицерономъ, слишкомъ стѣсненъ; а потому желательно бы и было бы полезно продолжить его чтенiе опять рядомъ съ Цицерономъ и въ III классѣ и для этого желательно бы прибавить въ III классѣ одинъ урокъ по латинскому языку. Но это только наши pia desideria, исполненiю которыхъ можетъ способствовать только реформа учебнаго дѣла въ семинарiи.

Вообще же говоря, гораздо важнѣе правильно пользоваться наличнымъ временемъ, нежели увеличивать число уроковъ. А насчетъ того, какъ наиболѣе правильно пользоваться даннымъ временемъ, никакихъ предписанiй нельзя сдѣлать. Это дѣло личнаго такта и умѣнья каждаго преподавателя. Съ своей стороны полагаемъ, что полезнѣе всего изъ четырехъ уроковъ въ I и во II кл. три урока употреблять на чтенiе авторовъ, съ тѣми упражненiями, какiя указаны выше, и одинъ урокъ на переводъ съ русскаго языка на латинскiй какъ устно такъ и письменно т. е. иначе сказать на говоренiе и на письменныя работы. Въ третьемъ классѣ оба урока посвящаются чтенiю авторовъ, письменнымъ же работамъ, говоренiю и другимъ упражненiямъ удѣляется отъ каждаго урока столько времени, сколько найдетъ возможнымъ и полезнымъ преподаватель. Можетъ онъ распорядиться временемъ и иначе: иногда онъ можетъ одинъ недѣльный урокъ цѣликомъ употреблять на чтенiе авторовъ, а другой на переводъ съ русскаго языка на латинскiй, говоренiе и другiя подобныя упражненiя. Важно только то, чтобы то и другое исполнялось, а такое или иное распредѣленiе времени при наличности двухъ всего уроковъ не можетъ имѣть большаго значенiя.

Въ теченiе всѣхъ трехъ лѣтъ втораго курса должно продолжаться заучиванiе наизустъ изреченiй, сентенцiй и особенно красивыхъ по своему строенiю мѣстъ изъ рѣчей Цицерона, чтобы ученики практически въ живыхъ образцахъ могли ознакомиться съ такъ называемымъ syntaxis-омъ ornata. Въ I кл. очень полезно

ознакомить учениковъ со всѣми фразами, помѣщенными въ приложеніи къ учебнику грамматики Сидорова и Кесслера. Изученіе вокабулъ на этой ступени воспособляется синонимикой и запасъ словъ расширяется посредствомъ сравненія и сопоставленія синонимовъ. Наприм. при словѣ mediocris, посредственный, незначительный, естественно спросить учениковъ и указать имъ, какъ полатыни—малый, ничтожный, маловажный, низкій, бѣдный, простой, вялый, слабый и тому подобныя т. е. посредственный, незначительный въ физическомъ смыслѣ, въ нравственномъ, въ матеріальномъ, въ умственномъ, въ общественномъ, спеціально въ военномъ смыслѣ и т. д. и т. д. Это значитъ сопоставить съ словомъ mediocris слова: parvus, levis, humilis, pauper, tenuis, exiguus, exilis, languidus, paulus, imbecillus и многія другія. Это съ одной стороны увеличитъ запасъ словъ, а съ другой задастъ мысли ученика полезную работу. Точно также при выраженіи loco nobili, summo loco natus (или наоборотъ obscuro loco nat.) ученику полезно вспомнить nobilis, clarus, insignis, notus, illustris и особенно часто разсыпаемые Цицерономъ (въ рѣчахъ) эпитеты vir clarissimus, illustrissimus, ornatissimus, amplissimus, fortissimus, probatissimus, homo divinus и т. под... При уясненіи сходства и различія въ этихъ выраженіяхъ ученикъ легче и прочнѣе запомнитъ ихъ значеніе и не мало поработаетъ мыслью. Таковъ долженъ быть второй курсъ и такъ должны идти занятія на второй ступени.

Сущность этого курса можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ. Нельзя и въ семинаріи дѣлать тоже самое, что дѣлается въ училищѣ. Здѣсь задачи другія, требованія выше. Здѣсь важнѣе всего чтеніе авторовъ, на него и нужно налечь; при этомъ лучше всего сосредоточиться на немногихъ наиболѣе образцовыхъ писателяхъ. Чтобы чтеніе это могло идти успѣшно необходимо прежде всего вооружить учениковъ техническими знаніями относительно строенія рѣчи данныхъ писателей

и снабдить ихъ необходимыми реальными свѣдѣнiями. Такая предварительная подготовка въ двухъ направленiяхъ относительно формы и относительно содержанiя совершенно необходима, если нехотятъ двигаться черепашьими шагами въ дѣлѣ чтенiя авторовъ. Какъ необходимо знанiе словъ и грамматическихъ формъ для пониманiя каждой отдѣльной фразы, такъ необходимы знанiя стилистическiя и реальныя для пониманiя извѣстнаго сочиненiя или извѣстнаго автора. Съ голыми руками нельзя приступать къ чтенiю авторовъ, надо учениковъ вооружить, какъ мы выражаемся, а это вооруженiе нельзя уже здѣсь, на этой ступени ограничивать одной элементарной грамматикой, здѣсь необходимо знакомство съ стилистикой. Этой цѣли должно послужить на первыхъ порахъ изученiе перiодовъ. При анализѣ текста ученики не должны идти ощупью, а должны сознательно браться за текстъ, умѣя сразу отличить аподозисъ и протазисъ. Если ученики набьютъ руку въ разборѣ перiодовъ, то имъ легко тогда будетъ читать Цезаря и Цицерона.

Столь же необходимо ученикамъ, приступающимъ къ чтенiю Цезаря и Цицерона, знанiе реалiй, чтобы читаемыя произведенiя латинскихъ авторовъ не казались ученикамъ китайской грамотой.

Всѣ другiе частные прiемы при дальнѣйшихъ занятiяхъ должны преслѣдовать одну цѣль—усвоенiе учениками латинскихъ оборотовъ и практическое знакомство съ латинской фразой.

Наконецъ какъ вообще всегда при всѣхъ занятiяхъ латинскимъ языкомъ неуклонно должно преслѣдовать общеобразовательныя цѣли, такъ и для успѣшнаго чтенiя авторовъ необходимо расширять умственный кругозоръ учениковъ и повышать ихъ понятiя относительно изучаемаго предмета. Съ спецiальными цѣлями и задачами всегда неразрывно рука-объ-руку должно совершаться достиженiе общеобразовательныхъ цѣлей. Съ юношами свѣдущими не въ грамматикѣ только, но

и въ матеріи относящейся къ читаемымъ авторамъ (и вообще во всей области классическихъ древностей) чтеніе авторовъ пойдетъ гораздо легче и успѣшнѣе.

Къ этому между прочимъ должно быть направлено и чтеніе учениками спеціальныхъ книгъ.

Г. Можаровъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКА КЪ ВОПРОСУ О ВНѢКЛАССНОМЪ ЧТЕНІИ УЧАЩИХСЯ.

Контролированіе письменныхъ домашнихъ работъ *).

У каждаго человѣка, умѣющаго читать, есть стремленіе такъ или иначе выразить свое отношеніе къ книгѣ.

Въ школьной жизни у учениковъ младшихъ классовъ это обнаруживается въ старательномъ списываніи въ особую тетрадку разныхъ стихотвореній; у учениковъ старшихъ классовъ пробуждается уже интересъ передать въ краткихъ словахъ прочитанное, а иногда ими устанавливается даже критическое отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ. Подобныя тетради преподаватель всегда можетъ встрѣтить у учениковъ и ученицъ. Вотъ этой-то естественной потребности „бесѣдовать“ о прочитанномъ съ „бумагой“ какъ нельзя болѣе удовлетворяютъ тѣ контрольныя тетради, о которыхъ я упомянулъ въ концѣ предъидущей статьи.

Контрольныя тетради въ педагогической практикѣ дѣло хотя и не новое, но, къ сожалѣнію, оно въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ привлекаетъ къ себѣ такъ мало симпатій и такъ рѣдко и вяло примѣняется къ внѣклассному чтенію, что нуждается еще въ самыхъ элементарныхъ методическихъ указаніяхъ.

Не входя въ обсужденіе причинъ этого явленія, перейду къ вопросу о желательной организаціи контрольныхъ те-

*) По предложенію преподавателя учащіеся ведутъ записи въ тетрадяхъ, какія въ продолженіе года читали и читаютъ литературныя произведенія и какія свои сужденія высказываютъ объ нихъ; о чемъ высказано было преподавателемъ въ особой статьѣ. Для чтенія выдано было учащимся старшаго класса изъ библіотеки гимназіи большое количество разныхъ книгъ. См. «Замѣтку о внѣклассномъ чтеніи учащихся». IV вып. Ф. З. 1897 г.

Ред.

традей, ихъ значеніи и скажу нѣсколько словъ о тѣхъ выводахъ, къ которымъ привели меня наблюденія надъ тетрадями моихъ ученицъ.

Контрольная тетрадь является актомъ добровольнаго желанія учащагося: обязательность такой работы не должна быть допускаема ни въ какомъ случаѣ.

Въ этой тетради, при точномъ обозначеніи времени, употребляемаго ежедневно на чтеніе, составляется письменный отчетъ о прочитанныхъ произведеніяхъ по плану предложенному преподавателемъ учащимся для руководства. Разныя замѣтки, дневники, избранные учащимися для отчетовъ, должны находить полное поощреніе, такъ какъ всякое проявленіе оригинальности и личной инициативы въ высшей степени желательно. Конечно, только наиболѣе интересное съ точки зрѣнія учащихся подвергается разбору въ контрольныхъ тетрадяхъ; свѣдѣнія же о произведеніяхъ, не вошедшихъ въ составъ разборовъ, даются въ видѣ простого перечня заглавій въ концѣ контрольныхъ тетрадей, при чемъ на отдѣльныхъ половинахъ перегнутыхъ листковъ строго отмѣчается, что взято изъ училищной библіотеки и изъ частныхъ рукъ.

Подача контрольныхъ татрадей не пріурочивается къ какому-либо опредѣленному времени. Учащійся подаетъ свою тетрадь преподавателю, когда разборъ извѣстнаго произведенія принимаетъ законченный характеръ. Просматривая контрольныя тетради, преподаватель поступаетъ такъ-же, какъ и при исправленіи обязательныхъ письменныхъ работъ, т. е. обращаетъ вниманіе на содержательность письменнаго отчета, на правильность наблюденій, послѣдовательность изложенія, стиль, орѳографію и каллиграфію. Этимъ онъ будетъ воспитыватъ привычку и въ приватномъ занятіи избѣгатъ дурныхъ навыковъ, какъ, напримѣръ, грязное неряшливое письмо, безграмотность и т. д. а съ другой стороны веденіе контрольныхъ тетрадей поднимаетъ на степень серьезнаго дѣла.

Условія, при которыхъ контрольныя тетради могутъ быть полезны, зависятъ прежде всего отъ любви преподавателя къ этому важному дѣлу, отъ степени его знакомства съ интересующими учащихся произведеніями и отъ обладанія ихъ

счастливой потребностью къ свѣжей активной умственной дѣятельности. Кромѣ того преподаватель долженъ проявить много умѣнья, находчивости и такта, чтобъ овладѣть довѣріемъ и симпатіями учащихся. Послѣдніе тогда пойдутъ на встрѣчу бесѣдѣ съ преподавателемъ, когда увидятъ въ немъ не только человѣка знающаго, но и дорожащаго ихъ интересами. Не говорю уже о томъ, что всѣ замѣчанія по поводу возможныхъ промаховъ въ письменныхъ отчетахъ юныхъ читателей должны носить характеръ дружескихъ совѣтовъ. Впрочемъ, все это достигнетъ цѣли въ томъ только случаѣ, если учащіеся желаютъ отнестись сознательно къ прочитанному матеріалу, и если въ нихъ находится способность откровенно сознаваться въ своемъ незнаніи, не обнаруживая стремленія замаскировать его какими—либо побочными средствами. Ложный стыдъ за свое незнаніе на практикѣ можетъ явиться далеко небезопаснымъ зломъ, такъ какъ простому невѣдѣнію помочь гораздо легче, чѣмъ глупой неискренности.

Въ организаціи внѣкласснаго чтенія контрольныя тетради имѣютъ прежде всего методическое значеніе. Внѣклассное чтеніе, какъ сказано уже, оставаясь безъ контроля, превращается въ простое удовольствіе, при которомъ не возбуждается умственная энергія, но лишь происходитъ насильное воспріятіе впечатлѣній. Нѣтъ нужды много распространяться о вредныхъ сторонахъ такого чтенія. Достаточно сказать, что чтеніе безъ размышленія, не давая работы уму, ослабляетъ умственныя силы, дѣятельность которыхъ постепенно притупляется отъ недостатка упражненія; и юноша, создающій изъ чтенія процессъ досужей игры мыслей, впослѣдствіи потеряетъ способность быть оригинальнымъ и самостоятельнымъ и будетъ блуждать въ безпорядочномъ хаосѣ вычитанныхъ мыслей. Контрольная тетрадь, примѣняемая къ внѣклассному чтенію, борется съ этимъ зломъ, служа именно къ возбужденію активной умственной живни учащихся. Чтобы составить отчетъ о прочитанномъ, учащійся не можетъ механически читать ради чтенія, ради забавы; онъ перелистаетъ не разъ прочитанную книгу, подумаетъ надъ ея содержаніемъ, вникнетъ въ характеры и положенія дѣйствующихъ лицъ, выдѣлитъ мѣста, цѣнныя въ эстетическомъ от-

ношеніи, и вообще не разъ провѣрить свои собственныя наблюденія. Подобная работа, повторенная въ теченіи продолжительнаго времени, постепенно вырабатываетъ въ учащемся извѣстные методическіе пріемы и качества хорошаго чтенія. Онъ убѣдится, что секретъ хорошаго чтенія заключается не въ количествѣ, но въ качествѣ прочитаннаго. Что контрольная тетрадь функціонируетъ въ желательномъ направленіи, приведу примѣръ изъ своей практики. Мои ученицы неоднократно подтверждали, что по ихъ наблюденіямъ, послѣ введенія контрольныхъ тетрадей процессъ чтенія замедлился, такъ какъ имъ приходилось дольше останавливаться надъ книгой, углубляться въ читаемое.

Контрольныя тетради могутъ быть посвящены разсмотрѣнію произведеній новѣйшихъ русскихъ авторовъ, не вошедшихъ въ составъ програмы по русской литературѣ, обязательной для среднихъ учебныхъ заведеній. Каждый преподаватель знаетъ, какъ неестественно обрывается программа по упомянутому предмету, и какъ давно чувствуется необходимость воспитывать молодое поколѣніе на положительныхъ образцахъ современной поэзіи, на образцахъ современнаго чистаго литературнаго языка. „Пора дать мѣсто въ школѣ изученію и новѣйшихъ писателей, первыя произведенія которыхъ появились сорокъ лѣтъ тому назадъ и успѣли завоевать себѣ почетное мѣсто въ литературѣ, и ввести въ наши програмы изученіе по крайней мѣрѣ такихъ писателей, какъ Тургеневъ и Островскій *) Григоровичъ, Гончаровъ и А. Толстой. Но это только одни пожеланія, а пока преподавателю представляется возможность знакомить учащихся съ произведеніями этихъ писателей приватнымъ указомъ.

Контрольная тетрадь, исключаясь изъ района отмѣточной системы, является прекраснымъ средствомъ воспитывать въ учащихся привычку находить наслажденіе непосредственно въ самомъ трудѣ и исполненіи работы. Хорошо исполненная работа доставляетъ учащемуся полное нравственное

*) Слова Балталона. «Пособіе для литературныхъ бесѣдъ».

удовлетвореніе, возвышаетъ жизнедѣятельность его духа; дурно исполненная работа не повергаетъ его въ тоску и отчаяніе, не понижаетъ его душевной энергіи, потому что въ обоихъ случаяхъ цѣлью служитъ не какое-нибудь побочное явленіе, какъ, напримѣръ, мысль о баллѣ, а идеальное исполненіе работы, истина. Наконецъ, для постановки правильнаго контроля надъ внѣкласснымъ чтеніемъ, интересующія насъ тетради имѣютъ также немаловажное значеніе. Въ письменныхъ отчетахъ на страницахъ этихъ тетрадей достаточно обрисуется личность учащагося—и направленіе его интересовъ, и качество чтенія, и степень пониманія прочитаннаго. Всѣ указанныя особенности письменныхъ отчетовъ послужатъ побудительною причиною къ обмѣну мыслей и чувствъ между преподавателемъ и учащимися. Преподаватель путемъ разъясненій пополнитъ представленные отчеты и обратитъ вниманіе учащихся на все, наиболѣе цѣнное въ прочитанныхъ произведеніяхъ, но въ то же время, ознакомившись съ интересами своихъ питомцевъ, поддержитъ ихъ добрыя стремленія и, насколько возможно, постарается предостеречь ихъ отъ заблужденій.

Перехожу теперь къ обзору контрольныхъ тетрадей ученицъ трехъ старшихъ классовъ.

Письменные отчеты ученицъ о прочитанныхъ произведеніяхъ позволяютъ сдѣлать такіе выводы *). Темпъ чтенія ученицъ колеблется между 10—20 страницами въ часъ. На такое чтеніе большинство ученицъ можетъ употреблять въ

*) Приведу здѣсь тѣ вопросы, которые я предложилъ ученицамъ для руководства, такъ какъ мой обзоръ тетрадей ученицъ имѣетъ тѣсную связь съ характеромъ этихъ вопросовъ.

1) Заглавіе прочитанной книги.

2) Какого числа начато и окончено чтеніе?

3) Краткое изложеніе содержанія прочитаннаго произведенія или наиболѣе интересной его части.

4) Выписать наиболѣе поразившія мысли и понравившіяся мѣста прочитаннаго произведенія.

5) Характеристика наиболѣе симпатичнаго дѣйствующаго лица и одного изъ главныхъ (кто можетъ).

день отъ $^1/_2$ до 1 часа, меньшинство отъ $^1/_2$ до 4 часовъ; одна ученица отмѣтила, что имѣетъ достаточно времени для чтенія. Такихъ указаній, чтобы чтеніе шло регулярно, по возможности каждый день, хотя бы по $^1/_2$ часа, я не встрѣтилъ ни въ одной тетради. Въ общемъ, количество времени, удѣляемое на чтеніе, отличается какою-то неровностью: идетъ, напримѣръ, нѣсколько дней усиленное чтеніе, затѣмъ вдругъ наступаетъ недѣльная пауза; иногда чтеніе прерывается однодневными, двухдневными, трехдневными промежутками, и т. д. Это, конечно, можетъ зависѣть и отъ недостатка времени, и отъ случайнаго отсутствія книги подъ руками. Часто ученица медлитъ приняться за чтеніе новаго произведенія просто потому, что желаетъ продлить наслажденіе, испытанное ею при чтеніи извѣстнаго произведенія, и пожить въ мірѣ вычитанныхъ образовъ. Но это все причины исключительныя. Вѣрнѣе всего ключъ къ разгадкѣ подобнаго явленія надо искать въ томъ, что чтеніе, пріобрѣтая интересъ среди ученицъ, еще не составляетъ для нихъ насущной потребности. Ученицы получали книги для чтенія, какъ видно изъ списковъ, помѣщенныхъ въ концѣ контрольныхъ тетрадей, изъ двухъ источниковъ: изъ училищной библіотеки и отъ частныхъ лицъ; причемъ количество тѣхъ и другихъ соперничаетъ между собою. Среди всѣхъ этихъ книгъ главное мѣсто отведено сочиненіямъ выдающихся рус-

---

6) Какими вопросами заинтересовалась ученица при чтеніи?

7) Высказать свое впечатлѣніе о произведеніи.

8) Указать, что не понято въ прочитанномъ (мысли, слова и т. п.).

9) Постепенно составлять указатель разборовъ и критическихъ статей о произведеніяхъ литературы (для ученицъ 7 и отчасти 6 класса).

Второй вопросъ былъ видоизмѣненъ такъ: «Сколько страницъ прочитывалось въ 1 часъ, и сколько времени употреблялось на чтеніе ежедневно?». Кромѣ того, ученицамъ было предложено въ концѣ контрольной тетради отмѣчать, что онѣ брали изъ училищной библіотеки и отъ частныхъ лицъ.

скихъ беллетристовъ, но приблизительно одну четверть составляютъ разныя приложенія къ „Родинѣ“, „Свѣту“...

Если обратиться къ разобраннымъ ученицами произведеніямъ, какъ къ показателю, что же именно изъ всего прочитаннаго онѣ считаютъ наиболѣе интереснымъ, то увидимъ произведенія Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Григоровича, Гончарова, Тургенева, Островскаго, Шиллера, А. Толстого, Л. Толстого, Достоевскаго, Короленка, Потапенка, Г. Сенкевича, Шпильгагена. Но на ряду съ этимъ есть 7 (изъ 64) произведеній такъ называемыхъ „извѣстныхъ русскихъ авторовъ“, какъ напримѣръ: „Роковой кладъ“, „Дочь пожарнаго“, „Забытая трубка“... Такое сравнительно безразличное отношеніе ученицъ къ внутренней цѣнности произведеній заставляетъ признать вкусъ ихъ къ чтенію далеко невоспитаннымъ. Съ другой стороны, такъ какъ среди всей массы прочитаннаго встрѣчаются книги, цѣнныя по содержанію, которыя, однако, не могутъ входить въ составъ ученическихъ библіотекъ, то отсюда ясно, что школьная библіотека, составленная идеально по „Опыту каталога“ 1896 года, не можетъ удовлетворить учащихся, и онѣ всегда будутъ искать книгъ внѣ стѣнъ учебнаго заведенія.

Работа ученицъ надъ прочитаннымъ матеріаломъ выразилась въ двухъ видахъ: однѣ ограничили свой трудъ пересказомъ прочитанныхъ произведеній, другія постарались дать отвѣты, по возможности, на всѣ мои вопросы, обращая особенное вниманіе на характеристики дѣйствующихъ лицъ. Вчитываясь въ эти характеристики, нетрудно замѣтить, что ученицы переживаютъ тотъ возрастъ, когда формируется міросозерцаніе человѣка. Онѣ стараются осмыслить назначеніе свое собственное и человѣка вообще, уяснить отношенія семейныя и общественныя, выработать идеалы. Потребность сознательнаго отношенія къ „вопросамъ жизни“ возбуждаетъ въ ученицахъ усиленное напряженіе критической дѣятельности и заставляетъ ихъ быть слишкомъ чуткими ко всему положительному и отрицательному въ сферѣ ума, воли и нравственности. Опромѣтчивое и поспѣшное рѣшеніе слишкомъ сложныхъ вопросовъ, ошибки и заблужденія, въ зна-

чительной мѣрѣ свойственныя разсматриваемому возрасту, раздѣляютъ также и мои ученицы. Интересно прослѣдить, какіе же въ частности вопросы волнуютъ ученицъ и вызываютъ на бесѣду. Центральное мѣсто во всѣхъ отчетахъ занимаетъ вопросъ о назначеніи женщины. Одна ученица такъ разсуждаетъ поэтому поводу. „Цѣль моихъ стремленій въ будущемъ—достигнуть высшаго образованія и на научномъ поприщѣ принести пользу обществу. Назадъ тому года два или три я прочла въ газетѣ о кончинѣ извѣстной нашей ученой Ковалевской, профессора высшей математики въ Гельсингфорскомъ университетѣ, и, признаюсь, позавидовала ей, какъ одной изъ образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ". Большинство ученицъ считаетъ, однако, назначеніемъ женщины семейную жизнь. Вотъ образчикъ подобныхъ мнѣній: „Вѣра (романъ Потапенка „Любовь") цѣль своей жизни—видитъ только въ наукѣ. Она положительно вся углубилась въ науку, совсѣмъ не обращая вниманія на семейную жизнь. Кому, спрошу я, она приноситъ пользу тѣмъ, что отдаетъ все наукѣ—и время, и здоровье? Наука, конечно, интересна, но отдавать ей все, пренебрегая жизнью—это эгоизмъ. Можно и наукой заниматься, но въ связи со всѣми радостями и горестями семейной жизни, которую я ставлю выше научныхъ занятій. Наташа совершенная противоположность Вѣрѣ: она вся отдалась семейной жизни, и я сочувствую всѣмъ ея поступкамъ и взглядамъ". Главная сфера женщины въ семейной жизни—это воспитаніе дѣтей, въ чемъ видятъ также служеніе обществу. Какимъ же образомъ женщина приноситъ пользу обществу, будучи воспитательницей? „Не знаю", продолжаетъ авторъ только-что приведеннаго мнѣнія: „какъ другіе отвѣтятъ на этотъ вопросъ, а я отвѣчаю такъ: женщина можетъ дать обществу разумныхъ и полезныхъ гражданъ. Что можетъ быть выше этого? И гдѣ можно лучше выполнить эту задачу, какъ не въ собственной семьѣ? Кто можетъ имѣть большее вліяніе на дѣтей, какъ не мать? Конечно, отецъ можетъ хорошо воспитать, но все же это не сравнится съ воспитаніемъ, даннымъ матерью". Однимъ изъ лучшихъ средствъ при воспитаніи считаютъ ласки, убѣжденія, хорошее вліяніе. Наказанія считаютъ мѣ-

рой, въ высшей степени нецѣлесообразной. „Я“, пишетъ одна ученица, „не могу согласиться съ взглядомъ Обноскова (романъ Шеллера „Господа Обносковы“) на воспитаніе да и смѣшно было бы, если бы кто согласился съ такимъ закоренѣлымъ и отсталымъ взглядомъ, что при воспитаніи нужны розги. Прошло уже то время, когда онѣ были въ ходу, и теперь пришли къ сознанію, что розги не приведутъ къ желаемой цѣли“. Воспитаніе дѣтей считаютъ такимъ серьезнымъ и святымъ дѣломъ матери, что ей ставится въ непростительную вину, если-бъ она вздумала какъ нибудь отъ него освободиться. „Уже съ перваго взгляда“, читаемъ въ разборѣ „Чужихъ грѣховъ“ Михайлова, „отталкиваетъ отъ себя Евгенія Александровна Хрюмина. Что это за мать, которая пожертвовала дѣтьми ради какой-то пустой интриги? Она оставляетъ ихъ, даже не задумываясь, не желая объясниться съ мужемъ“. Впрочемъ, чтобы быть идеальной матерью, женщина, въ роли воспитательницы, не должна забывать науки и литературы. „Наташа („Любовь“ Потапенка) была именно такихъ взглядовъ“, и съ этимъ не могутъ не согласиться. Жена должна быть вѣрна своему мужу не только при его жизни, но и послѣ его смерти. Девизомъ ея являются слова Татьяны—„буду вѣкъ ему вѣрна“.

Вотъ почему считаютъ совершенно нормальнымъ, когда Елена, героиня „Князя Серебрянаго“, послѣ смерти мужа удалилась въ монастырь. Такъ она и должна была поступить и была-бы въ высшей степени безчестной, если-бъ поступила иначе. Семейная жизнь не исключаетъ возможности для женщины благотворно вліять на мужа, налагая въ то же время и на него обязанность быть кроткимъ, гуманнымъ и заботящимся о томъ, чтобы сдѣлать изъ жены помощника, друга. Съ этой точки зрѣнія Павелъ Ивановичъ Адуевъ (Обыкнов. Исторія) получаетъ вполнѣ заслуженный упрекъ.

Въ контрольныхъ тетрадяхъ много мѣста отведено обсужденію вопроса объ отношеніяхъ къ людямъ, къ обществу. Татьяна Марковна (Обрывъ) положительно всѣмъ нравится за свое гостепріимство. „Мнѣ нравится сестра милосердія“ (разсказъ „Святая“), пишетъ одна ученица: „за свою любовь къ ближнимъ и страданія за несчастныхъ, а особенно

за то, что она жила не для себя, а для другой и умерла за другихъ". „Андрей" („Здравыя понятія" Потапенко), пишетъ другая ученица: „возбуждая во мнѣ не только сожалѣніе, но и презрѣніе, что я думаю, онъ вызоветъ и въ другихъ людяхъ. Да и можно ли уважать такого человѣка, который основалъ свои отношенія къ людямъ на расчетѣ и промѣнялъ счатье на деньги?" Или вотъ примѣры нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, взятые изъ произведеній Михайлова. „Что за свѣтлая личность этотъ Несовичъ? („Гнилыя болота") пишетъ ученица. „Что больше всего я цѣню въ немъ, такъ это добросовѣстное отношеніе къ ученикамъ и заботу объ ихъ развитіи, въ то время какъ всѣ остальные учителя относились къ нимъ такъ равнодушно и даже звѣрски". „А развѣ для общества, этой большой семьи, членомъ которой является каждый изъ насъ, не надо работать? Получать отъ него все, надо и ему дать что нибудь". Таками словами заканчивается характеристика Павла Панютина („Господа Обносковы"), который, послѣ выхода замужъ Груши, палъ духомъ и говорилъ, что работать и чего-нибудь добиваться нѣтъ надобности. Хорошее впечатлѣніе производитъ на ученицъ Александръ Рудый и нѣкоторые изъ учениковъ Несовича, такъ какъ они въ жизни были людьми дѣятельными. Обломовъ за свою бездѣятельность и Райскій за отсутствіе опредѣленной цѣли въ жизни—вызываютъ всеобщее порицаніе. Этого же удостоивается Петръ Ивановичъ Адуевъ, который не зналъ ничего кромѣ денегъ и свое личное счастье, личные интересы поставилъ выше общественныхъ. На нѣкоторыхъ ученицъ очень выгодное впечатлѣніе производитъ Штольцъ („Обломовъ"), и онѣ называютъ его „двигателемъ общества", но другія не согласны съ такимъ взглядомъ и задаютъ вопросъ, что же онъ сдѣлалъ для общества, чтобы удостоиться такого почетнаго названія.

Ученицъ сильно интересуютъ разныя добродѣтели, пороки и слабости людей, напримѣръ: честность и прямота въ словахъ и дѣйствіяхъ (князь Серебряный), твердость духа при перенесеніи несчастій (Лукерья въ „Живыхъ мощахъ"), мстительность (Хаджи-Абрекъ), прямолинейность и рѣзкость сужденій (МаркъВолоховъ), слѣдованіе голосу своей совѣсти

Василій въ „Роковомъ кладѣ"), стремленіе къ образованію и дѣятельности (Ольга въ „Обломовѣ"), эгоизмъ (П. Ив. Адуевъ), ревность, кокетство...

Наконецъ, ученицы затрогиваютъ еще цѣлый рядъ отвлеченныхъ вопросовъ, которые не входятъ ни въ одну изъ упомянутыхъ категорій. Вотъ примѣры подобныхъ вопросовъ. Что такое счастье? Должно-ли быть въ дружбѣ равенство? Какое значеніе имѣетъ для человѣка окружающаго среда? Можно-ли согласиться съ словами Ольги, что жизнь есть долгъ? Хорошо-ли жить не по средствамъ? Всегда-ли деньги приносятъ пользу?...

Въ прочитанныхъ произведеніяхъ ученицамъ понравились тѣ мѣста, которыя или исполнены драматическаго интереса (послѣднее свиданіе князя Серебрянова съ Еленой, сцена надъ обрывомъ, убіеніе Андрея Т. Бульбой, извѣстный монологъ Любима Торцова...), или представляютъ собою описанія картинъ природы (Койшаурская долина въ „Гер. наш. врем.", описаніе тяги въ разсказѣ „Ерм. и Мельничиха", описаніе деревни Сансуси въ „Чуж. грѣхахъ...). А вотъ примѣры мыслей, поразившихъ вниманіе ученицъ: 1) „Хорошихъ, простыхъ людей много,—умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричать: это тихіе, но гордые люди. Дурные дѣлаютъ больше шуму". 2) „Жизнь трудное искусство и тяжелая наука. Чтобы правильно жить, нужно много природныхъ способностей и пріобрѣтеннаго опытомъ умѣнья". 3) „Все прахъ и суета, и только честность и любовь въ людяхъ имѣютъ цѣну". 4) „Лучше быть честнымъ нищимъ, чѣмъ богатымъ подлецомъ". 5) „Кто пожилъ, да не сдѣлался снисходительнымъ къ другимъ, тотъ и самъ не заслуживаетъ снисхожденія". 6) „Лучше горькая правда, чѣмъ сладкій обманъ". 7) „Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которымъ нужна жена—подруга, а не слуга, не игрушка". 8) „Для меня нѣтъ человѣка, болѣе несчастнаго, какъ ребенокъ, брошенный матерью, и нѣтъ человѣка, болѣе жалкаго, чѣмъ мать, бросившая груднаго ребенка" 9) „молодость нужна для дѣла и для работы". и т. д.

Впечатлѣніе о всемъ произведеніи ученицы высказываютъ крайне неопредѣленно. Изрѣдка приходится читать

замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „Комедія бѣдность не порокъ“, мнѣ понравилась, потому что дѣйствующія лица изображены вѣрно“. Или: „Романъ Рудинъ“ мнѣ понравился потому что судьба героя возбудила мою жалость“. Большею же частью ученицы ограничиваются словами: „произведеніе понравилось“.

Затрудняетъ для ученицъ процессъ чтенія лишь иностранныя слова, встрѣчающіяся въ текстѣ, и онѣ выписываютъ ихъ чтобъ получить объясненіе ихъ значенія. Въ содержаніе-же прочитанныхъ произведеній ученицы оріэнтируются очень свободно и за разъясненіемъ чего-либо непонятаго не обращались ко мнѣ ни устно, ни письменно.

Что же касается указателей критическихъ статей, то ихъ я не встрѣчалъ ни въ одной тетради. Иногда при чтеніи отчетовъ попадались ссылки на того или иного критика, но въ общемъ ученицы знаютъ критическихъ статей очень мало, обращаются съ ними неумѣло, да и чувствуетъ въ немъ потребность ничтожный процентъ ученицъ. Эта сторона дѣла, какъ я замѣтилъ, требуетъ отъ руководителя внѣ класснаго чтенія серьезнаго вниманія и особыхъ наблюденій. Въ заключеніе упомяну о своемъ намѣреніи примѣненія къ внѣ классному чтенію еще одну мѣру, сущность которой заключается въ томъ, что ученицы отдѣльныхъ классовъ обмѣниваются контрольными тетрадями и на широко отогнутыхъ поляхъ высказываютъ свое мнѣніе о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ письменныхъ отчетовъ своихъ соученицъ.

Вотъ нѣсколько наблюденій, которыми я желалъ подѣлиться съ г.г. преподавателями, интересующимися вопросомъ о внѣкласномъ чтеніи. Былъ бы очень радъ, еслибъ мои замѣтки оказались хоть сколько нибудь полезными.

М. Харламовъ.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ, Жуковскаго.

(Переводъ изъ Гете).

Глубокая ночь. Сѣрая холодная мгла облегла всю землю. Печальные кусты и деревья зловѣще чернѣются по сторонамъ дороги. Болото, грязь и слякоть. Скорбная, безконечная грусть осени раздита въ ненастной, промозглой погодѣ, дышащей холодомъ и сыростью.

Кто же могъ въ такую глухую холодную ночь мчаться, скакать во весь опоръ, во весь духъ, по такой, довольно пустынной, болотистой мѣстности?

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглою?

Великое горе и страшная опасность, вѣроятно, грозятъ всаднику? Да, то ѣхалъ отецъ съ своимъ больнымъ, окоченѣвающимъ отъ холода, сыномъ:

Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.

Нужно было спасти своего несчастнаго дорогого сына, домчаться скорѣе до какой нибудь избушки и тамъ отогрѣть его. Но никакого жилья пока не видно нигдѣ. Все туманъ, унылое болото, мрачная, грозная темнота кругомъ... Все усиливается и усиливается пронизывающій холодъ ночи. Бѣдный старикъ-отецъ своею грудью согрѣваетъ издрогнувшаго «молодого» сына, печально приникшаго къ нему своимъ дрожащимъ тѣломъ:

Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ.

Пугливыя вздрагиванія сына заставляютъ отца смутно догадываться, что его бѣдному, больному дитяти не только холодно, но и страшно чего-то:

— Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?

говоритъ отецъ. Онъ не ошибся. Внѣшній міръ вообще неодинаково отражается въ зеркалѣ сознанія различ-

ныхъ людей, тѣмъ болѣе разстроенныхъ болѣзнію. Угрюмая ночь, клубящаяся на встрѣчу холодная сизая мгла, бѣгущіе деревья и кусты, грозный топотъ лошади, глухо отдающійся въ тоскливой темнотѣ осенней ночи,— все это въ воображеніи больного, необычайно впечатлительнаго ребенка принимаетъ какую то другую, фантастическую, страшную форму, не соотвѣтствующую дѣйствительности съ точки зрѣнія вооруженнаго опытомъ жизни отца; нѣмецкій ребенокъ видитъ лѣсного царя:

«Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ»

«Лѣсной царь въ глаза сверкнулъ». Какъ художественно красиво и психологически вѣрно представленъ здѣсь полусознательный бредъ тяжело больного, когда что-то мучительно, тяжело сверкаетъ въ глаза!

Видѣніе не уходитъ. Оно получаетъ устойчивую форму; больной ребенокъ уже смутно различаетъ наружность лѣсного царя, подсказанную нѣмецкими сказками о лѣсныхъ царяхъ и навѣянную причудливымъ видомъ туманной мѣстности ночью:

«Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой»,

говоритъ тревожно ребенокъ. Картина расплывающаяся, неясная, какъ мечта, какъ греза, какъ бредъ больного... Темная корона, сѣдая густая борода—это живая осенняя ночь съ чернѣющимся хмурымъ небомъ и лѣсомъ вверху и сѣдымъ расплывающимся туманомъ внизу.

Отецъ старается разрушить иллюзію сына, убѣждая его ничего не бояться, увѣряя, что за лѣсного царя онъ принялъ бѣлѣющійся надъ водою туманъ:

— О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водою.

Этихъ словъ отца вполнѣ достаточно было-бы, чтобы разрушить иллюзію сына и весь ужасъ, внушенный ею, если бы сынъ его былъ здоровъ, нормаленъ. Но въ томъ-то и дѣло, что ребенокъ былъ крайне боленъ. Болѣзненные образы, мелькнувшіе вначалѣ молніей, начинаютъ укрѣпляться все больше и больше въ воображеніи несчастнаго ребенка и окончательно порабоща-

ютъ его. Довольно обыкновенная зрительная иллюзія переходитъ въ слуховую полугаллюцинацію: мальчикъ уже ясно слышитъ голосъ лѣсного царя, который ему сулитъ «золото, радость и перлы». Золото, радость и украшенія—вотъ центръ тяготѣнія юной жизни всѣхъ временъ и народовъ. Въ чудно-поэтической, блестяще сжатой рѣчи лѣсного царя эта мысль выражается такъ:

— «Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои».

Какая плѣнительная картина для глубоко-впечатлительнаго, тяжело страдающаго мальчика! Лѣсной царь неудержимо манитъ его къ себѣ за темную даль непогоды, за угрюмый холодный горизонтъ, въ блаженную страну, гдѣ неба своды сіяютъ въ блескѣ голубомъ, гдѣ поля и луга сверкаютъ чистымъ радостнымъ блескомъ бирюзовыхъ цвѣтовъ, свѣтятся на солнцѣ чертоги, слитые изъ золота, бьютъ фонтаны алмазною струею... Это тамъ живутъ грезы, навѣянныя весеннимъ трепетомъ чуть-чуть воскресшей повсюду жизни, тихимъ шумомъ зеленѣющагося лѣса, мелодичнымъ журчаніемъ говорливаго ручья, свѣжимъ чистымъ дыханіемъ душистыхъ цвѣтовъ и листковъ веселаго мая! Тамъ желанное счастье и вѣчная радость!

Но туда не хочется бѣдному, измученному, больному мальчику: есть что-то въ немъ, что сильнѣе золота, радостей и перловъ: это любовь къ отцу и могучій инстинктъ жизни. Въ отвѣтъ на сладкій голосъ лѣсного царя, манящаго его въ волшебный міръ золотыхъ сновъ и сказочныхъ грезъ, мальчикъ въ ужасѣ говоритъ отцу:

«Родимый, лѣсной царь со мною говоритъ:
Онъ золото, радость и перлы сулитъ».

Отецъ опять старается разсѣять страхъ, вызванный коварнымъ голосомъ лѣсного царя; отецъ говоритъ:

— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись колыхнулъ листы.

И опять безуспѣшно. Больная фантазія ребенка продолжаетъ усиленно работать. Чѣмъ тяжелѣе, больнѣе малюткѣ, тѣмъ счастливѣе картины рисуются его воображенію. «Чѣмъ ночь темнѣе, тѣмъ ярче небо». Онъ снова слышитъ голосъ лѣсного царя, изображающаго на этотъ разъ послѣднюю грань блаженства и счастья на землѣ. Что можетъ быть плѣнительнѣе для юной жизни благоуханной поэзіи ея возраста: ласкъ матери и няни, игръ съ товарищами, чистой идеальной любви къ женщинѣ? Что можетъ быть лучше для больного, страдающаго ребенка, какъ не сладко уснуть подъ сказки и пѣсни, подъ убаюкиванье любимыхъ и дорогихъ существъ? Лѣсной царь знаетъ, чѣмъ привлечь юного страдальца. Лѣсной царь шепчетъ на ухо ребенку:

«Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять».

Въ серебристомъ лунномъ туманѣ тонетъ зеленая дуброва. Вѣтви деревьевъ подозрительно вырисовываются и шевелятся на лунномъ сіяніи: то прекрасныя дочери лѣсного царя, играя и летая, витаютъ въ ночной глубинѣ. Какія плѣнительно роскошныя картины рисуетъ лѣсной царь! онѣ томятся сладкимъ вдохновеніемъ сказокъ востока и юга,—сверкаютъ всѣми переливами солнечнаго и луннаго свѣта. Но отчего же вѣетъ отъ нихъ вѣчною грустью? Отчего слышится въ нихъ глухое безнадежное рыданіе самой матери сырой земли? Оттого, что картины эти вызваны законами контраста, мучительнымъ диссонансомъ угасающей души несчастнаго дитяти, которое въ ужасѣ взываетъ къ отцу:

«Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ вижу киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».

Отецъ опять увѣряетъ сына, что его одолѣваютъ ложныя видѣнія, что не прекрасныя дочери лѣсного царя киваютъ ему изъ темныхъ вѣтвей, а сѣдыя ветлы шевелятся въ ночной темнотѣ:

— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ.
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

Иллюзія и бредъ мальчика переходятъ въ тяжелый предсмертный кошмаръ: ребенокъ слышитъ:

— «Дитя! Я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».—

И въ послѣдній разъ говоритъ отцу:

«Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.

Финалъ извѣстенъ:

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ-летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Идея стихотворенія.

Содержаніе стихотворенія «Лѣсной царь», сжатое до одного предложенія, выразится такъ: «весьма воспріимчивый, глубоко-впечатлительный слабый мальчикъ погибъ ночью отъ холода». Продолжаемъ дальше обобщеніе подлежащаго и сказуемаго: вмѣсто «впечатлительный, воспріимчивый слабый мальчикъ» скажемъ «воспріимчивый, впечатлительный, простой, довѣрчивый человѣкъ»; вмѣсто «погибъ ночью отъ холода», скажемъ: «погибъ отъ тяжелыхъ, грубыхъ, неблагопріятныхъ обстоятельствъ жизни». Такимъ образомъ, главная мысль стихотворенія «Лѣсной царь» будетъ: «очень часто даровитые, идеальные люди погибаютъ отъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условій жизни».

Обратимъ теперь вниманіе на аллегорію, скрывающуюся въ словахъ обобщеннаго предложенія: «ночью отъ холода», «ночь» и «холодъ» служатъ часто и сим-

волами невѣжества и суевѣрій. Такимъ образомъ мы получаемъ болѣе опредѣленную идею. стихотворенія: «очень часто даровитые, идеальные люди погибаютъ жертвою грубаго и жестокаго невѣжества и тяжелыхъ, какъ кошмаръ, суевѣрій».

Сколько, въ самомъ дѣлѣ, погибло прекрасныхъ и впечатлительныхъ, какъ дѣти, и такихъ же простыхъ и довѣрчивыхъ геніевъ человѣчества отъ холоднаго, грубого натиска.

Вся исторія человѣчества мчится съ ужасающей быстротой. Она спѣшитъ спасти искру добра и любви въ людяхъ, все дорогое, все святое въ нихъ, спасти отъ холоднаго, мертвящаго дыханія осени съ ея туманами, мглою, болотомъ, съ ея дикими преданіями, рѣющими въ ночной темнотѣ. Много теряетъ она на пути жертвъ, возбуждающихъ вѣчную тревожную жалость къ себѣ въ хорошихъ и плохихъ людяхъ всѣхъ временъ. Но будетъ время, домчится всадникъ въ страну, согрѣтую вѣчно—милымъ солнцемъ, и отогрѣетъ тамъ истерзанную, измученную надежду человѣчества!

Нравственная же идея или мораль стихотворенія «Лѣсной царь» состоитъ въ возбужденіи чувства сострадація, сочувствія ко всѣмъ страдающимъ людямъ вообще. Мало этого, нравственное чувство, проникающее это стихотвореніе требуетъ, во имя различнаго отраженія и пониманія міра, гуманнаго, человѣческаго отношенія къ вѣрѣ, убѣжденіямъ и даже заблужденіямъ.

Геніи всѣхъ вѣковъ—Софоклъ, Шекспиръ, Гете, Сервантесъ во многихъ своихъ произведеніяхъ стараются поселить невыразимо-горестное сожалѣніе къ гибели идеальнаго въ жизни, и Гете это удается не меньше другихъ. Что можетъ быть трогательнѣе гибели бѣднаго, невиннаго мальчика, трепетно прильнувшаго къ отцу и обхватившаго его горячими рученками?

В. Н. Сирочинскій.

ПРИДЫХАНІЯ, УДАРЕНІЯ И НѢКОТОРЫЕ ДРУГІЕ НАДСТРОЧНЫЕ ЗНАКИ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Страничка изъ исторіи знаковъ препинанія въ греческомъ языкѣ. (Съ англійскаго).

Придыханія и ударенія появились въ греческомъ языкѣ сравнительно поздно. До VП вѣка по Р. Хр. они систематически не были употребляемы въ греческихъ текстахъ. Въ большинствѣ древнихъ рукописей только изрѣдка встрѣчаются знаки придыханій и притомъ предпочтительно густое придыханіе.

Придыханія и ударенія приписываются Аристофану Византійскому *), какъ часть δέκα προσῳδίαι, которыхъ онъ считается изобрѣтателемъ.

Придыханія (πνεύματα) густое и тонкое, соотвѣтствовавшія по своему значенію латинской буквѣ H, первоначально изображались лѣвой и правой половинкой этой буквы: густое —лѣвой ⊦, тонкое—правой ⊣. Скоро однако они видоизмѣнились въ ∟ и ⅃ и въ этомъ видѣ они встрѣчаются въ древнихъ рукописяхъ; современемъ же эти квадратныя очертанія замѣнились круглыми ʽ и ʼ, эту послѣднюю форму они приняли въ XII вѣкѣ. Съ этого времени они становятся уже постоянными.

Ударенія (τόνοι) были тѣже, какія извѣстны и нынѣ, а именно тяжелое (βαρεῖα) или обыкновенный тонъ; острое (ὀξεῖα) обозначавшее повышеніе въ голосѣ и

---

*) Знаменитый грамматикъ, критикъ гомеровскаго текста, род. ок. 260 г. до Р. Хр.

облеченное (ὀξειβαρεῖα или περισπωμένη) совмѣщавшее въ себѣ значеніе двухъ первыхъ и означавшее протяженное повышеніе голоса. Употребленіе удареній было таково, что первоначально всѣ слоги, которые не отмѣчались знакомъ остраго или облеченнаго ударенія, принимали тяжелое удареніе, такъ напр. Θὲὸδὼρὸς и такое употребленіе тяжелаго ударенія встрѣчается даже въ древнихъ рукописяхъ Гомера именно въ Харрисовомъ Гомерѣ *).

Кромѣ придыханія и ударенія въ древности употреблялось въ текстѣ до 10 ти другихъ знаковъ, служившихъ къ правильному чтенію текста. Эти знаки (также какъ и придыханія и ударенія) должны быть названы надстрочными знаками въ отличіе отъ строчныхъ знаковъ или отъ знаковъ препинанія въ собственномъ смыслѣ; хотя въ числѣ этихъ знаковъ встрѣчается напр. запятая, но съ другимъ спеціальнымъ значеніемъ, а не въ качествѣ знака препинанія.

Знаки эти суть слѣдующіе.

Χρόνοι или знаки служившіе для различенія слоговъ долгихъ и короткихъ. Знакъ долготы — и знакъ краткости ◡ т. е. тѣже, какіе употребляются и нынѣ. Случаи ихъ употребленія встрѣчаются въ древнихъ спискахъ Гомера (напр. у Гомера Харриса) и въ нѣкоторыхъ другихъ документахъ на папирусѣ.

Διαστολή или ὑποδιαστολή—запятая поставленная между словами значеніе которыхъ могло бы быть двусмысленно или не ясно напр. εστι, νοῦς, а не εστιν οὗς. Этотъ знакъ могъ имѣть особенное практическое значеніе въ очень древнихъ рукописяхъ, когда въ текстѣ не было промежутковъ между словами, а всѣ слова писались слитно и когда безъ этого знака читать текстъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы затруднительно.

---

*) Манускриптъ вѣроятно I в. до Р. Хр., найденный А. С. Harris-омъ въ 1849—50 г. и хранящійся въ Британскомъ Музеѣ.

Тире (ὑφέν) или черта употреблявщаяся въ словахъ сложныхъ и обозначавшая ихъ непрерывность или связь. Въ Гомерѣ Харриса тире—длинная прямая черта употребляется именно съ такимъ значеніемъ.

Апострофъ (ἀποστρόφος) кромѣ обозначенія пропуска употреблялся и въ другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ и форма его измѣнялась, изъ закругленной она переходила въ прямой знакъ, подобный знаку ударенія, или даже въ точку. Въ древнихъ рукописяхъ апострофъ часто встрѣчается послѣ иностраннаго имени или послѣ имени не имѣющаго греческаго окончанія напр. Αβρααμ' и послѣ словъ оканчивающихся твердыми согласными каковы: κ, χ, ξ, ψ, а также—на ρ.—Когда въ срединѣ слова встрѣчались двѣ одинаковыя согласныя, то надъ первой изъ нихъ или между одинаковыми буквами ставился апострофъ. Въ одномъ папирусѣ 542 г. по Р. Хр. апострофъ употребляется въ такомъ именно положеніи и изображается точкой. А въ одной рукописи осьмого или девятаго вѣка употребляется двойной апострофъ. Апострофъ употреблялся также для раздѣленія двухъ рядомъ стоящихъ, но принадлежащихъ различнымъ словамъ одинаковыхъ гласныхъ напр. ματία ' αὐτῶν *).—Въ нѣкото-

---

*) Этотъ же знакъ и притомъ съ болѣе широкимъ значеніемъ употреблялся и въ древне-славянскомъ языкѣ. См. Е. Ѳ. Будде «Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древне-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ». 1887 г. «Ф. З». «Болѣе интереса представляютъ, говоритъ названный авторъ, случаи постановки знака надъ гласными въ двухъ отдѣльныхъ словахъ, когда одно слово оканчивается гласной, а другое начинается гласной. Въ такомъ случаѣ надстрочные знаки служили двойной цѣли: они помогали не только правильному чтенію, но и правильному произношенію, поддерживая зіяніе и устраняя ненужную іотацію. Напр. написаніе «и оттуду» безъ знака могло-бы при произношеніи іотироваться и перейти въ «јоттуду» тогда какъ при наличности надстрочнаго знака оба слова т. е. обѣ рядомъ стоящія гласныя произносятся раздѣльно. Точно также написаніе «да исповѣдяться» при произноше-

рыхъ случаяхъ его ставятъ даже между двумя различными согласными одного и того же слова напр. αριθ'μος въ Вѣнской рукописи Діоскорида *).

Кромѣ перечисленныхъ знаковъ въ древнихъ греческихъ рукописяхъ встрѣчается еще знакъ діэрезиса, который ставился надъ ι и υ, когда слова начинались этими буквами или когда они (въ срединѣ слова) съ предшествующей гласной не образуютъ одного слога. Обозначается діэрезисъ одной или двумя точками или короткой чертой или какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ короткимъ знакомъ ударенія. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ чаще всего діэрезисъ изображается двумя точками т. е. такъ, какъ изображается онъ и въ настоящее время.

Изреченія обозначаются знаками на поляхъ и наиболѣе употребительны стрѣлообразные знаки > или <; но употребляется также косая или горизонтальная черта. Рѣже изреченія въ отличіе отъ обыкновеннаго текста писались болѣе короткими строчками, чѣмъ текстъ.

Чтобы отличить слова состоящія изъ одной только буквы (отъ другого употребленія тѣхъ же буквъ) употреблялся знакъ остраго ударенія. Такъ отмѣчалось ἤ въ его различныхъ значеніяхъ какъ слова, членъ ὅ и пр. Но это повело къ тому, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (очевидно вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ употребленіемъ этого знака) надъ этими буквами знакъ остраго ударенія стоитъ даже и тогда, когда они не составляютъ отдѣльнаго слова, а входятъ въ составъ

ніи слышится, какъ дай исповѣдаться, или какъ дай сповѣдаться, и еще: «вьси иже» при произношеніи переходятъ во вьсийже... но поставленный надстрочный знакъ—указатель предохраняетъ отъ такого слитнаго чтенія и требуетъ чистоты произношенія. Такимъ образомъ надстрочные знаки, помогая чистотѣ и правильности произношенія, способствовали отчасти сохраненію самого языка.»

*) Безъ сомнѣнія этотъ знакъ въ подобныхъ случаяхъ указывалъ на особенность произношенія, какъ и въ славянскомъ языкѣ напр. м'ного, м'нѣ и др. Ibid. стр. 23.

другихъ словъ. То и другое встрѣчается въ Александрійскомъ кодексѣ и въ одномъ папирусѣ конца VI стол. (595 г.) по Р. Хр.

Чтобы заполнить короткіе промежутки, оставленные пустыми въ концѣ строки, употреблялся стрѣлообразный знакъ напр. въ папирусѣ Гиперида *) (Lycophron) и въ Синайскомъ кодексѣ **).

Были кромѣ того еще совершенно случайные и произвольные знаки, состоявшіе изъ точекъ и черточекъ въ разныхъ направленіяхъ. Эти условные знаки употреблялись по отношенію къ какимъ нибудь выдержкамъ на поляхъ или напр. для того, чтобы указать на вставку пропущенныхъ словъ или частей текста ***). Въ только что упомянутомъ нами папирусѣ Гиперида (Lycophron) мѣсто для вставки строки отмѣчено словомъ ἄνω, тогда какъ сама строка пишется на верхнихъ поляхъ и сопровождается словомъ κάτω. Это означаетъ смотри внизу, какъ ἄνω значитъ смотри вверху. Въ папирусахъ Аристотеля объ Аѳинскомъ государствѣ буква или слово вставленныя между строками сопровождаются иногда точками съ обѣихъ сторонъ.

Равнымъ образомъ для обозначенія перемѣщеній употребляются различные знаки напр. буквы съ значе-

---

*) Папирусъ Гиперида (аѳинскаго оратора, современника Демосѳена)—это его рѣчи за Ликофрона и Евксениппа—необыкновенно хорошо сохранившійся огромный свитокъ въ одиннадцать футовъ длины. Его относятъ къ I в. до Р. Хр.

**) Codex Synaiticus Petropolitanus—знаменитый списокъ Библіи IV или V в. по Р. Хр., найденный въ 1862 г. въ Синайскомъ монастырѣ св. Екатерины и находящійся въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ.

***) Тоже встрѣчаемъ и въ болѣе позднихъ манускриптахъ. Ср. проф. Н. Н. Глубоковскаго—Греческій рукописный Евангелистарій, СПБ. 1897 г. стр. 9. Рукописный памятникъ, описываемый проф. Г—мъ появился, по его словамъ, «не позднѣе XI в.» нашей эры.

ніемъ чиселъ, или какъ въ папирусѣ Аристотеля наклонная слѣва направо черта и точка ⁄·, помѣщенныя надъ словами подлежащими перемѣщенію.

Чтобы отличить слова или буквы въ ихъ различныхъ комбинаціяхъ и значеніяхъ—отъ остальной части текста надъ ними проводилась черта. Это очевидно соотвѣтствовало нашему нынѣшнему курсиву. Такимъ образомъ отмѣчены грамматическія формы въ папирусѣ, приписываемомъ Трифону и находящемся въ Британскомъ Музеѣ.

То, что написано было ошибочно и подлежало—вычеркиванію,—букву, слово, строку или даже цѣлый рядъ строкъ древніе писатели обозначали заключеніемъ вычеркиваемаго слова или текста между видоизмѣненными запятыми, кавычками или точками, поставленными въ началѣ и въ концѣ того, что нужно вычеркнуть. Это напоминаетъ наши скобки. Иногда это обозначалось удареніями надъ буквами, словами и цѣлымъ рядомъ словъ напр. τών́, (чтобы пропустить ν), τά́ и παντά́ (чтобы пропустить все слово); иногда при помощи тире сверху напр. $\overline{\chi\alpha\iota}$; иногда при помощи точки сверху или изрѣдка снизу каждой буквы (въ словахъ подлежащихъ пропуску).

Такъ постепенно вырабатывалась система надстрочныхъ знаковъ и таковы они были въ древнихъ греческихъ рукописяхъ. Ясно, что они долгое время имѣли случайный и очень условный характеръ и видъ, (подобно нынѣшнимъ корректурнымъ знакамъ), и нескоро приведены были къ единству.

Г. М—въ.

ГЕКУБА.

Трагедія Эврипида въ пяти дѣйствіяхъ.

Переводъ съ греческаго М. Б. Гуревича.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ.

Принесеніе въ жертву тѣни Ахилла Поликсены, дочери Пріама и Гекубы, и месть Гекубы Полиместору, убійцѣ ея сына Полидора, составляютъ сюжетъ этой трагедіи, дѣйствіе которой происходитъ въ греческомъ лагерѣ, во Ѳракійскомъ Херсонесѣ, вскорѣ послѣ Троянской войны, на пути побѣдителей—грековъ на свою родину.

Является тѣнь Полидора, извѣщая въ формѣ пролога о томъ, что предшествовало моменту дѣйствія и намѣчая событія, которыя скоро развернутся передъ зрителями (1—58). Затѣмъ является Гекуба; она выходитъ изъ палатки плѣнницъ, поддерживаемая нѣсколькими троянками, подъ сильнымъ еще впечатлѣніемъ страшнаго сна, столь грознаго для ея дѣтей (59—95). Хоръ, состоящій изъ троянскихъ плѣнницъ, не медлитъ подтвердить ея опасенія: Ахиллъ потребовалъ принесенія въ жертву на его могилѣ Поликсены; даже усилія Агамемнона не могли спасти ей жизни; Одиссей придетъ вырвать дочь изъ объятій ея матери Гекубы (96—151).—Отчаяніе Гекубы (152—174); ея крики доходятъ до Поликсены, которая узнаетъ изъ устъ своей матери о роковомъ приговорѣ (174—184); покоряясь своей участи, Поликсена горюетъ только по своей матери (195—213). Начинается второе дѣйствіе. На сцену является Одиссей; напрасно, желая его смягчить, Гекуба напоминаетъ ему, что она нѣкогда спасла ему жизнь (214—296).—

„Найдемъ ли мы“, говоритъ Одиссей „героевъ, готовыхъ пасть въ защиту Эллады, если павшіе останутся безъ почестей (297—329)?“ Напрасно Гекуба убѣждаетъ Поликсену просить объ отмѣнѣ этого страшнаго приговора. Поликсена съ охотою покупаетъ себѣ свободу цѣной смерти и торопитъ Одиссея отвесть ее на роковой костеръ (336—379). Тщетны просьбы Гекубы или заклать ее вмѣсто Поликсены или по крайней мѣрѣ увести ее вмѣстѣ съ дочерью на закланіе (380—410). Послѣ трогательной сцены прощанія, проходящей въ формѣ жалобнаго плача, онѣ разстаются навсегда (411—441). Между тѣмъ какъ хоръ въ антрактѣ послѣ только что окончившагося второго дѣйствія оплакиваетъ неизвѣстность своего положенія (442—474), жертвоприношеніе совершается, и вѣстникъ Талѳибій тотчасъ же является, чтобы разсказать Гекубѣ о происшедшемъ за сценою закланіи и просить ее похоронить дочь (480—580): этимъ и начинается третье дѣйствіе.—Вслѣдствіе этой просьбы отдать послѣдній долгъ дочери Гекуба, оплакавъ ея смерть, посылаетъ служанку зачерпнуть морской воды, необходимой для омовенія тѣла Поликсены, а сама уходитъ въ палатку собрать немного украшеній, чтобъ почтить останки дочери (581—624).—Въ ея отсутствіи хоръ оплакиваетъ свои несчастія, послѣдовавшія отъ союза Париса съ Еленой (625—647).

Начинается четвертое дѣйствіе. Служанка, посланная къ морю за водою, нашла на берегу трупъ и приноситъ его съ собою. Явившись на сцену, Гекуба узнаетъ въ этомъ трупѣ своего сына Полидора. Эта сцена узнаванія, приводящая зрителей въ ужасъ, и поднявшійся вслѣдствіе этого новый плачъ (648—705) задерживаютъ Гекубу, и удивленный этимъ Агамемнонъ самъ является поторопить ее (706—719).—Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Гекуба сообщаетъ ему о своемъ новомъ горѣ (720—770) и проситъ его отмстить вѣроломному Полиместору (771—829).—Агамемнонъ, не осмѣливаясь компрометировать себя въ глазахъ грековъ, ограничивается только тѣмъ, что разрѣшаетъ свиданіе между Гекубой и Полиместоромъ, свиданіе, которымъ она можетъ воспользоваться, какъ ей угодно (830—888). Затѣмъ

въ ожиданіи ѳракійца во время антракта хоръ поетъ пѣсню о взятіи Трои и проклинаетъ Елену (889—932).—Начинается пятое дѣйствіе. Къ Гекубѣ является Полиместоръ со своими дѣтьми. Послѣ сцены обоюднаго притворства Гекубѣ удается заманить гостей въ палатку плѣнницъ подъ предлогомъ—„Раскрыть, гдѣ у Пріама золотые клады" (933—1002). Между тѣмъ какъ хоръ призываетъ на голову виновнаго кару небесную (1003—1011), внутри палатки происходитъ жестокое возмездіе, о чемъ свидѣтельствуютъ сначала крики Полиместора, затѣмъ самый видъ палатки, которая открывается передъ глазами зрителей: тамъ видны два дѣтскихъ трупа и ослѣпленный Полиместоръ; преслѣдующій троянокъ, которыхъ онъ тщетно старается поймать (1012—1085). Крики Полиместора приводятъ на сцену Агамемнона, являющагося судьей между нимъ и Гекубой (1886—1108). Полиместоръ заявляетъ, что онъ убилъ Полидора только въ интересахъ Грековъ (1109—1163); Гекуба его опровергаетъ (1164—1216); Агамемнонъ осуждаетъ Полиместора (1217—1228), который вдругъ почувствовалъ въ себѣ пророческое вдохновеніе и предсказалъ Гекубѣ, что она превратится въ собаку и утонетъ въ морѣ, а Агамемнону, что онъ и Кассандра падутъ подъ топоромъ Клитемнестры (1229—1269). Піеса кончается сигналомъ къ отплытію флота.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ТРАГЕДІИ.

Гекуба (жена Пріама).
Тѣнь Полидора, сына Гекубы.
Хоръ троянскихъ плѣнницъ.
Поликсена (дочь Гекубы).
Одиссей.
Талѳибій (вѣстникъ).
Служанка Гекубы.
Агамемнонъ.
Полиместоръ (воспитатель Полидора).

Дѣйствіе происходитъ въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ, вскорѣ послѣ Троянской войны на пути побѣдителей—грековъ на свою родину. Посреди сцены стоитъ шатеръ Агамемнона, въ одномъ изъ отдѣленій котораго помѣщается Гекуба и ея соотечественницы. Вдали у моря виднѣется Греческій лагерь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Прологъ.

Тѣнь Полидора.

Я Полидоръ; явился я изъ преисподней,
Изъ мрака, гдѣ живетъ отдѣльно отъ боговъ
Аидъ. Мои родители—Гекуба, дочь
Киссея и Пріамъ. Когда опасность Троѣ
Отъ Эллинскаго пасть меча грозила,
Отецъ мой въ страхѣ изъ земли Троянской
Меня отправилъ тайно къ другу своему,
Къ ѳракійцу Полиместору въ хоромы,
Кто лучшей областью владѣетъ въ Херсонесѣ
И мощною своей рукою правитъ
Народомъ, любящимъ коней. Со мной
Онъ тайно много золота отправилъ,

Чтобъ, переживъ паденье Иліонскихъ стѣнъ,
Сыны его не вѣдали нужды.
Я младшимъ сыномъ у Пріама былъ, и это
Меня спасло: вѣдь юною своей рукой
Я щитъ или копье не могъ еще носить.
И вотъ, пока жила родная сторона,
Пока и башни тамъ незыблимо стояли,
И счастливъ тамъ въ бою былъ Гекторъ, братъ мой,
Ѳракіецъ, другъ отца, холилъ меня; я росъ,
Какъ нѣжный отпрыскъ, но—увы!—себѣ на горе,
Когда же отлетѣла Гектора душа,
Погибла Троя, и очагъ домашній
Разрушенъ былъ, и самъ Пріамъ предъ алтаремъ
Священнымъ палъ, пронзенный кровожаднымъ
Ахилла сыномъ, тутъ отцовскій другъ,
Прельщенный золотомъ, убилъ меня
Несчастнаго и ввергъ въ пучину моря,
Чтобъ самому тѣмъ золотомъ владѣть.
И то на берегу лежу я, то на морѣ
Приливы и отливы волнъ меня несутъ,
И не оплаканъ я, не преданъ погребенью.
Теперь я вырвался сюда для встрѣчи
Съ Гекубой, матерью моей. Оставивъ тѣло,
Вотъ третій день уже по воздуху я мчусь,
Пока здѣсь въ Херсонесѣ мать моя,
Страдалица, что прибыла изъ Трои.
Ахейцы [1]) всѣ, остановивъ суда,
Спокойно здѣсь сидятъ на берегу ѳракійскомъ:
Явившись тѣнью на могилѣ, удержалъ
Всю эллинскую рать Пелеевъ сынъ Ахиллъ,
Когда по морю та домой держала путь.
Въ награду за свои дѣла онъ жертвы проситъ,
Онъ проситъ тѣни угодить и Поликсену,
Сестру мою, заклать. Добьется онъ того:
Друзья ему въ томъ дарѣ не откажутъ,

---

[1]) Греки называются ахейцами данайцами и аргивянами.

На смерть сестра моя обречена сегодня.
Два трупа, двухъ дѣтей увидитъ мать—
И сына трупъ и дочери злосчастной.
А я явлюсь въ волнѣ, паду у ногъ рабыни,
Чтобъ удостоиться обрядовъ погребальныхъ.
Властителей я упросилъ въ аду,
Чтобъ могъ могилу я обрѣсть и матери
Отдаться въ руки. Сбудется всецѣло
Мое желанье. Прочь уйду теперь
Отъ глазъ Гекубы старой. Вотъ идетъ она
Изъ Агамемнона палатки въ страхѣ
Отъ своего видѣнія. О мать моя,
Увы! день рабства послѣ власти царской
Узрѣла ты. Какъ ты теперь несчастна!
Какъ нѣкогда ты счастлива была!
За счастье прежнее тебя какой-то богъ
Караетъ, чтобъ сравнить съ тѣмъ прежнимъ счастьемъ
горе (исчезаетъ).

Гекуба.

(Выходитъ на сцену изъ палатки, поддерживаемая нѣсколькими троянками).

Предъ палатками, дѣти, старуху водите,
Ту рабыню, что прежде царицей была,
О троянки подруги, ведите-жъ меня.
Вы возьмите, несите, меня поддержите,
Мои старчески дряхлыя руки схватите.
Ваши руки, какъ жезлъ, мнѣ послужатъ опорой,
Поспѣвать постараюсь походкою скорой.
Вы скажите, перуны, скажи ты мнѣ, ночь,
Отчего такъ видѣнья пугаютъ меня,
Отчего сонъ согнали съ очей моихъ прочь?
Ты скажи мнѣ, Аида святая страна [2]):
Это ты чернокрылыхъ видѣній всѣхъ мать.

---

[2]) Т. е. подземное царство, гдѣ, по представленію древнихъ, обитали сновидѣнія.

Я ночное видѣнье хочу отогнать.
Сына, питомца Өракій, тѣнь предо мною предстала,
Тѣнь дорогой Поликсены, дочери тѣнь я видала,
Страшныя тѣни сейчасъ я узнала
Боги подземные, мнѣ вы спасите дитя:
Онъ у меня вѣдь одинъ, онъ опора моя.
Здѣсь онъ во Өракіи снѣжной, онъ здѣсь обитаетъ.
Стража отцовскаго друга его охраняетъ.
Будетъ ужасный конецъ!
Вырвется жалобный стонъ изъ печальныхъ сердецъ.
Сердце мое еще такъ не дрожало,
Такъ никогда еще не трепетало.
Гдѣ мнѣ, троянки, пророковъ Гелена, Кассандру [3]) найти,
Чтобъ разъяснили они мнѣ тѣ сны?
Снилась мнѣ пестрая лань: отъ груди моей лань безпощадно
Отняли. Снилось, когтями терзалъ ее волкъ кровожадный
Вотъ еще, что меня устрашало во снѣ:
На вершинѣ могилы, представилось мнѣ,
Тѣнь явилась Ахилла
И себѣ попросила
Изъ многострадальныхъ троянокъ одну,
О подальше, подальше, о боги, прошу,
Отъ дщери моей отвратите бѣду.

Хоръ плѣнницъ.

Вотъ, Гекуба, поспѣшно къ тебѣ я пришла [4])
Изъ палатокъ господъ, куда жребій меня,
Какъ рабыню прислалъ, когда градъ Иліонъ [5])
Отъ меча палъ ахеянъ, меня же въ полонъ
Они взяли, уведши съ собою сюда.
Я пришла не страданья твои облегчить,
Нѣтъ! Я горькую, тяжкую вѣсть принесла
И являюсь къ тебѣ я глашатаемъ зла.

---

[3]) Это дѣти Гекубы.
[4]) Хоръ говоритъ о себѣ единственнымъ числомъ.
[5]) Т. е. Троя.

Все собранье ахеянъ успѣло рѣшить
Ахиллеса душѣ твою дочь посвятить.
На вершинѣ могилы герой тотъ предсталъ
И, свои золотые доспѣхи нося,
Корабли судоходные онъ удержалъ,
Когда подняты были уже паруса.
Тутъ изрекъ онъ предъ ратью такія слова:
„Данайцы, куда отъ могилы моей вы стремитесь?
Неужто ее вы безъ дара оставить рѣшитесь?"
Споръ затѣялся шумный, какъ буря. Вся рать
Храбрыхъ грековъ два взгляда въ контрастъ провела:
Часть одна Поликсену рѣшила заклать,
Противъ взгляда такого другая была,
Тамъ за дѣло твое Агамемнонъ стоялъ:
Къ твоей дщери Кассандрѣ [6]) онъ страстью пылалъ,
Къ той Кассандрѣ, которую богъ вдохновилъ.
Два Тезеевыхъ сына, надежда Аѳинъ,
Говорили различно, но смыслъ былъ одинъ
Въ этихъ взглядахъ, которые каждый развилъ,—
Свѣжей кровью Ахилла курганъ окропить.
Неужели имъ можно героя забыть.
Изъ-за страсти вождя, изъ-за страсти одной?
Но поднявшійся споръ враждовавшихъ частей
Еще все не рѣшился. Тогда Одиссей,
Этотъ хитрый обманщикъ, что передъ толпой
Говоритъ такъ пріятно, увѣрилъ всю рать,
Что не слѣдуетъ въ жертвѣ тому отказать,
Кто за храбрость свою былъ прославленъ войной,
Когда рѣчь лишь идетъ о рабынѣ одной;
Чтобъ сказать Персефонѣ въ аду не могли:
Знать, данайцы съ полей Иліона ушли,
Не воздавши данайцамъ заслуженной мзды,
Тѣмъ, что смерть за Элладу въ бою обрѣли,
Вотъ немного спустя, Одиссей самъ придетъ,
Онъ отъ груди твоей твою дочь оторветъ

[6]) Кассандра, дочь Гекубы. Любя Кассандру, Агамемнонъ заступился за мать своей любовницы.

И изъ рукъ двухъ дряхлыхъ ее уведетъ.
Такъ бѣги же ты въ храмъ, къ алтарю побѣги
И къ ногамъ Агамемнона ты упади.
Всѣхъ боговъ—и земныхъ и небесныхъ зови.
Твои просьбы, быть можетъ, избавятъ тебя
Отъ несчастія бѣдную дочь потерять,
Иль какъ жертву готовься ты дочь увидать:
Предъ могилою будетъ валяться она,
Кровь будетъ струиться, какъ черный ручей,
Изъ украшенной золотомъ шеи.

Гекуба.

Ахъ, несчастная я! Что теперь мнѣ сказать?
Что за крики и вопли должна я поднять?
Я жалка, да и старость моя столь жалка,
Да и доля рабыни—несносна она
И терпѣть ее трудно. О горе, бѣда!
Что за племя и городъ защитятъ меня?
Я лишилася старца, лишилась дѣтей.
По какой же дорогѣ—по той или сей
Мнѣ направить стопы? И найду ли тамъ гдѣ
Я у генія, бога, спасенье себѣ?
Это вы, о троянки, глашатаи зла,
Это вы горькой вѣстью убили меня,
Вы убили. Теперь для меня навсегда
Прелесть жизни пропала и солнца краса.
О вы, дряхлыя ноги, несите меня,
Къ той палаткѣ старуху несите. Дитя
Злополучнѣйшей матери, выйди сюда,
Изъ палатки ты выйди; услышь свою мать,
Чтобъ могла ты узнать,
Что за горькую вѣсть о тебѣ донесла
Мнѣ людская молва.

Поликсена (выходитъ изъ палатки).

Моя мать, моя мать, къ чему крики твои?
Что за горькую новость услышала ты?

Я отъ страха, какъ робкая птица, лечу:
Меня вызвала ты изъ палатки одну.

Гекуба.

О горе, мнѣ дитя!

Поликсена,

Этотъ приступъ зловѣщій пугаетъ меня.

Гекуба.

А жизнь твоя... увы!

Поликсена.

Говори-жъ, не скрывай ты моей же судьбы.
Я дрожу, моя мать, я дрожу;
Поскорѣе узнать я хочу,
Что же значатъ тѣ страшные стоны твои.

Гекуба.

О дитя! ты несчастна, какъ я, твоя мать.

Поликсена.

Такъ о чемъ разсказать ты мнѣ хочешь, о чемъ?

Гекуба.

Сообща порѣшила Аргивская рать
Въ честь Ахилла съ тобою покончить мечемъ.

Поликсена.

О, бѣда! что сказала ты мнѣ? повтори.
О томъ страшномъ несчастьѣ еще разъ скажи.

Гекуба.

Злополучная новость дошла до меня.
Всѣ аргивяне вмѣстѣ рѣшили, дитя,
Лишить жизни тебя.

Поликсена.

Твои муки ужасны, страдалица—ты:
Вѣдь въ несчастьяхъ теперь ужъ текутъ твои дни.
Вотъ опять тебѣ—горе,—какъ тяжело оно!
Его, видно, послало тебѣ божество.
Ужъ теперь не живетъ твоя дочь для тебя,
Ужъ подругой по рабству не будетъ она.
Ты несчастна, старуха, несчастна и я.
И меня, словно львенка, питомца горы,
Словно робкую лань оторвутъ отъ груди,
Чтобъ Аиду заклать и во мракъ отослать:
Я несчастная буду средь мертвыхъ лежать.
Моя бѣдная мать! по тебѣ лишь одной
Эти горькіе слезные вопли мои:
Моя жизнь вѣдь позоръ и несчастье съ собой
Принесла. Не по ней лью я слезы свои.
Даже смерть для меня лучше жизни такой.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(На сценѣ Гекуба, Поликсена и хоръ).

Хоръ.

Гекуба, вотъ идетъ поспѣшно Одиссей.
Онъ новость хочетъ сообщить тебѣ.

Одиссей.

Ты знаешь, женщина, рѣшенье войска
И отданный приказъ. Однако выскажусь.

Угодно всѣмъ ахейцамъ дочь твою заклать
На гордомъ томъ холмѣ, что посвященъ Ахиллу.
Мнѣ велѣно ее увесть и проводить,
А сынъ Ахилла власть жреца получитъ
И жертвою руководить онъ будетъ,
Ты сдѣлай такъ, чтобъ не пришлось насильно.
Отнять ее, тебѣ-жъ—вступить со мною въ драку.
О дряхлости своей, о жалкой долѣ помни,
Да, тотъ мудрецъ, кто и въ несчастьяхъ здраво мыслитъ.

Гекуба.

Увы! Великая борьба передо мной:
Конца не будетъ стонамъ и слезамъ,
Зачѣмъ не умерла, гдѣ слѣдовало мнѣ?
Не погубилъ меня тамъ Зевсъ, а сохранилъ,
Чтобъ мнѣ несчастной большія дать муки.
Но если можно мнѣ, рабынѣ, вопросить
Свободнаго о томъ, что сердца не язвитъ
И не печалитъ, слушай же меня
И отвѣчай ты мнѣ на всѣ мои вопросы.

Одиссей.

Согласенъ, спрашивай. Мнѣ времени не жалко.

Гекуба.

Ты—помнишь?—въ Иліонъ лазутчикомъ пробрался.
Изъ глазъ текли на подбородокъ капли крови,
И въ жалкомъ рубищѣ ты жалокъ былъ и самъ.

Одиссей.

Да. Это глубоко запало въ сердце мнѣ.

Гекуба.

Узнавъ тебя, Елена мнѣ сказала, кто ты.

Одиссей.

Опасность, помню, велика была.

Гекуба.

И ты, упавши ницъ, обнялъ мои колѣна.

Одиссей.

И замерла рука моя въ твоей одеждѣ,

Гекуба.

И что-жъ ты говорилъ, когда ты былъ рабомъ?

Одиссей.

Выдумывалъ я все, чтобъ смерти избѣжать.

Гекуба.

Спасла-ли я тебя и помогла-ль бѣжать?

Одиссей.

Да. Свѣтъ дневной еще теперь я вижу.

Гекуба.

Итакъ, не стыдно ли тебѣ мнѣ козни строить?
Вѣдь самъ ты говоришь, что я спасла тебя,
А ты теперь мнѣ платишь зломъ, а не добромъ,
Неблагодарны вы, угодники толпы.
Вамъ слава лишь нужна. Мнѣ-бъ лучше васъ не знать,
Нѣтъ дѣла вамъ, что вы друзьямъ вредите,
Чтобъ молвить слово лишь толпѣ въ угоду.
Какой пустой предлогъ придумали они,

Чтобы рѣшить заклать дитя мое!
Нужна ли человѣческая жертва
Могилѣ, гдѣ прилична гекатомба?
Иль, можетъ быть, Ахиллъ враговъ убійства жаждетъ
И потому онъ въ жертву требуетъ ее?
Она ни въ чемъ ему не причинила зла.
Пусть въ жертву требуетъ себѣ Елену.
Вѣдь по ея винѣ погибъ онъ въ Троѣ
И если плѣнницу на смерть ужъ выбрать должно,
Чья красота затмила бъ все, то гдѣ ужъ намъ?
Елена, дочь Тиндара, всѣхъ милѣе;
Ничуть не менѣе, чѣмъ мы, она грѣшна.
Правдивымъ словомъ я борьбу веду. Теперь
Услышь, чѣмъ долженъ ты воздать мнѣ. Ницъ упавъ,
Руки моей и старческихъ моихъ ланитъ
Ты нѣкогда коснулся. Вотъ теперь ужъ я
Должна къ ногамъ твоимъ смиренно припадать:
Какъ ты тогда, я милости себѣ прошу.
Молю тебя, не вырывай ея изъ рукъ,
Не трогайте ея: достаточно ужъ мертвыхъ,
При ней я весела и забываю горе.
Она мнѣ все: моя утѣха и защита,
Моя кормилица, опора, проводникъ,
Пусть власть имущіе той властью не играютъ,
Счастливый пусть не мнитъ счастливымъ вѣчно быть.
И я имѣла власть, теперь ужъ не имѣю.
Все счастіе мое одинъ лишь день унесъ.
Но ты, любезный другъ, уважь мою мольбу
И сжалься надо мной. Вернись въ ахейскій станъ
И разъясни, что низко женщинъ убивать.
Зачѣмъ они тогда насъ не убили,
Уведши съ алтарей, а сжалились надъ нами?
Законы запрещаютъ проливать
Рабыни кровь, равно какъ кровь свободныхъ.
А если рѣчью ихъ не убѣдишь,
То твой авторитетъ ихъ поколеблетъ:
Рѣчь знатныхъ вѣдь всегда имѣетъ больше силы.

Хоръ.

Нѣтъ въ мірѣ смертнаго съ такимъ желѣзнымъ сердцемъ,
Кто-бъ, слыша стонъ и вопли слезные твои,
И самъ съ тобой не уронилъ слезы.

Одиссей.

Такъ слушай же Гекуба. Въ гнѣвѣ не считай
Врагомъ того, кто говоритъ съ тобой, какъ другъ,
Услугъ твоихъ я не забылъ. Тебѣ я жизнь
Готовъ спасти. Я вѣренъ слову своему.
Но будетъ также то, что я сказалъ алейцамъ.
Я обѣщалъ храбрѣйшему герою въ жертву
Дать дочь твою, когда возьмемъ мы Трою.
Да, въ томъ несчастье большей части городовъ,
Что храбрый мужъ и въ битвахъ закаленный
Не болѣе, чѣмъ трусъ, бываетъ отличаемъ.
Старуха! чествованья нашъ Ахиллъ достоинъ:
За всю Элладу онъ геройски палъ въ бою.
Не стыдно-ль послѣ смерти ужъ забыть
О другѣ томъ, кто въ жизни много намъ принесъ?
Что станутъ говорить, какъ снова стянутъ рать,
И новая борьба съ врагами азгорится?
Сразимся-ль мы тогда иль жизнь мы пожалѣемъ
При видѣ, что герой безъ почестей остался?
По мнѣ, пусть я живу хоть будничною жизнью,
Пусть бѣдно я живу, доволенъ буду этимъ.
Но я бъ желалъ въ могилѣ быть почтеннымъ:
Вѣдь та услуга мнѣ останется надолго.
Страдалицей ты жалкой назвалась? такъ слушай.
Межъ нами также есть, какъ ты́, несчастные—
Старухи дряхлыя и старики
И жены, что супруговъ храбрыхъ потеряли,
Чьи трупы ужъ лежатъ подъ пепломъ Иды.
Не бойся, если мы цѣною преступленья
Героевъ чтимъ, въ невѣжествѣ насъ упрекнутъ лишь.
А вы, о варвары, друзей своихъ добромъ

Не поминайте, не дивитесь смерти славной.
Тогда Эллада счастьемъ будетъ наслаждаться,
А вы, вашъ рокъ подобенъ будетъ вашимъ мыслямъ.

Хоръ.

Увы, увы! какъ горько быть рабомъ!
Смиренный силою, онъ долженъ все сносить.

Гекуба.

О дочь! слова свои на вѣтеръ я пускала,
Напрасно расточала, чтобъ спасти тебя.
Ты силу большую, чѣмъ мать, имѣешь,
Какъ соловей, ты въ треляхъ разливайся;
Всѣ силы напряги, чтобъ не лишиться жизни,
Ты съ плачемъ упади къ колѣнамъ Одиссея.
Моли. Имѣешь ты предлогъ и у него
Есть дѣти: жребій твой разжалобитъ его.

Поликсена.

Я вижу, Одиссей, ты руку скрылъ въ одеждѣ,
Лицомъ назадъ ты повернулся—въ страхѣ,
Чтобъ подбородка твоего я не касалась [7]):
Не бойся. Къ Зевсу я о мести не взмолюсь.
Нѣтъ! за тобой пойду: судьбѣ я покоряюсь
И смерти жажду я. Отказъ мой значилъ бы
Назвать себя трусихой, любящею жизнь,
А вѣдь къ чему мнѣ жить? Отецъ мой былъ царемъ
Троянцевъ всѣхъ. Изъ благъ моихъ то было первымъ.
Затѣмъ, я выросла для розовыхъ надеждъ
Невѣстой для царей, для ихъ соревнованій:
Всѣ женихи меня желали ввесть въ свой домъ,
Тогда царевною троянской я была,

[7]) Просители у древнихъ прикасались къ подбородку своихъ господъ.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Если за послѣднее время русскій языкъ стали усердно изучать въ Франціи, въ Германіи, Англіи, Финляндіи, Болгаріи и въ другихъ странахъ, то съ системѣ нашего школьнаго воспитанія и обученія онъ, безспорно, имѣетъ весьма и весьма важное значеніе. Преподаваніе этого предмета должно прежде всего принести учащимся знаніе формъ родного языка, умѣнье разумно и правильно пользоваться ими въ устной и письменной рѣчи. Такъ какъ преподаваніе русскаго языка имѣетъ дѣло не только съ отвлеченными грамматическими формами родной рѣчи, но (наприм., при грамматическомъ и синтаксическомъ разборѣ и объяснительномъ чтеніи статей) и съ его разнообразнымъ, богатымъ содержаніемъ, то оно оказывается еще и незамѣнимымъ средствомъ къ развитію мысли и чувства дѣтей. Вообще, родной языкъ въ школѣ является не только предметомъ изученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ органомъ и орудіемъ для выраженія всего учебнаго строя самой школы и воспитательнаго ея вліянія на учениковъ.

Конечно, такое же значеніе имѣетъ русскій языкъ и въ духовной школѣ. Изучая формы и обороты живой родной рѣчи, воспитанники духовныхъ училищъ преимущественно на урокахъ русскаго языка знакомятся съ предметами и явленіями окружающаго міра и, разбираясь въ нихъ подъ руководствомъ учителя, пріучаются къ серьезной умственной работѣ, которая ожидаетъ ихъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Относительная важность преподаванія русскаго языка въ духовныхъ училищахъ признается и духовно-учебнымъ управленіемъ. Можно сказать, нѣтъ циркуляра по духовно-учебному вѣдомству, который бы не касался этого предмета. Почти въ каждомъ циркулярѣ преподавателямъ русскаго языка въ духовныхъ училищахъ внушается быть энергичнѣе

и усерднѣе въ преподаваніи своего предмета, при чемъ его программа всесторонне разъясняется и дополняется болѣе и болѣе нужными требованіями. Къ сожалѣнію, и программа и циркулярныя дополненія къ ней далеко не соотвѣтствуютъ времени, отведенному на изученіе русскаго языка въ духовныхъ училищахъ, и вообще—постановка преподаванія въ нихъ этого предмета нуждается въ улучшеніяхъ.

По педагогическимъ отчетамъ и вѣдомостямъ духовныхъ училищъ, наибольшее число малоуспѣшныхъ учениковъ оказывается по-русскому языку и главнымъ образомъ—по письменнымъ русскимъ упражненіямъ.— Нельзя думать, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, очень многіе преподаватели этого предмета въ духовныхъ училищахъ плохо ведутъ свое дѣло. Если допустить, что они на самомъ дѣлѣ плохіе педагоги, то неизбѣжно поднимается вопросъ: почему только ихъ постигаетъ такая печальная участь, тогда какъ преподаватели другихъ училищныхъ предметовъ несутъ свой трудъ, по видимому, съ сравнительнымъ успѣхомъ? Конечно, было бы весьма страннымъ видѣть тутъ лишь роковую случайность. Думается, мы ближе подойдемъ къ вѣрному рѣшенію вопроса, если причину малоуспѣшности по русскому языку въ духовныхъ училищахъ станемъ искать не въ преподавателяхъ его (по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, большинство изъ нихъ обладаетъ и должнымъ знаніемъ, и энергіей), а въ самой постановкѣ здѣсь этого предмета.

Дѣйствительно, какъ и выше было замѣчено, преподаваніе русскаго языка въ духовныхъ училищахъ много страдаетъ прежде всего отъ несоотвѣтственнаго распредѣленія по классамъ времени, для него назначеннаго. Изъ 19 недѣльныхъ часовъ, которые въ духовныхъ училищахъ посвящаются на руссків и церковно-славянскій языкъ, 10 часовъ отведено для перваго класса и лишь по 3 часа на три старшіе класса. Въ первомъ классѣ, назначено на русскій языкъ 6 уроковъ здѣсь же изучается совмѣстно и церковно-славянскій 4 урока.

Проходится этимологія того и другого языка до нарѣчія, при чемъ ученіе о звукахъ и буквахъ, о производствѣ и составѣ словъ преподается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Во второмъ классѣ заканчивается русская и церковно-славянская этимологія, подробнѣе изучаются буквы и звуки, производство и составъ словъ и, вообще, повторяется весь курсъ перваго класса. Въ третьемъ классѣ обстоятельно должно проходиться по русскому и церковно-славянскому синтаксису, простое и отчасти сложное (подчиненное) предложеніе съ соотвѣтственными правилами о знакахъ препинанія. Въ четвертомъ классѣ по русскому языку изучается сочиненіе предложеній, періодическая рѣчь и нѣкоторыя правила о знакахъ препинанія, а по славянскому языку также заканчивается изученіе синтаксиса, и идетъ общее повтореніе всей грамматики того и другого языка. Сообщеніе ученикамъ указаннаго учебнаго матеріала, конечно, должно быть, по возможности, нагляднымъ. «Каждое грамматическое правило, справедливо говорится въ объяснительной запискѣ къ программѣ, должно выводиться изъ примѣровъ, разбираемыхъ въ классѣ. Выведенное и разъясненное такимъ образомъ правило должно быть укрѣпляемо въ сознаніи и памяти учениковъ новыми примѣрами». Кромѣ того, для развитія въ ученикахъ навыка къ свободному и правильному пониманію и употребленію выраженія какъ русской, такъ и церковно славянской рѣчи, ихъ необходимо постоянно занимать изученіемъ и разборомъ русскихъ образцовыхъ прозаическихъ и стихотворныхъ статей и текста Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ (съ переводомъ на русскій языкъ и обратно). Чтобы усвоеніе грамматики не было у учениковъ механическимъ, ихъ нужно, какъ можно чаще, упражнять въ русскомъ правописаніи при помощи диктантовъ и разнообразныхъ другихъ классныхъ и домашнихъ письменныхъ работъ. Для наблюденія же за исправнымъ приготовленіемъ учениками уроковъ и для побужденія ихъ къ дѣятельному участію въ классныхъ занятіяхъ, преподавателямъ не-

обходимо выспрашивать въ классѣ какъ можно, большее число учениковъ (Уставъ дух. училищъ). Результатомъ преподаванія русскаго языка въ духовныхъ училищахъ должно быть правильное и сознательное пользованіе учащихся родною рѣчью, устною и письменною; они должны усвоить ея формы, законы и духъ, должны научиться логично мыслить, грамотно выражаться и писать,—даже на самостоятельныя темы описательнаго или повѣствовательнаго характера,—о предметахъ, доступныхъ ихъ пониманію. А въ концѣ изученія церковно славянскаго языка ученики должны настолько овладѣть имъ, чтобы свободно могли читать и понимать богослужебныя книги, знать формы языка и передавать устно и письменно церковно-славянскимъ языкомъ славянскія статьи или русскія (Программа, Объяснит. записка Циркуляры № 8 и 105).

Таковы въ общемъ планъ и задачи преподаванія русскаго и церковно славянскаго языка въ духовныхъ училищахъ.—Разумѣется, на преподаваніе ихъ въ первомъ классѣ вполнѣ достаточно 10 недѣльныхъ уроковъ. При такомъ количествѣ времени преподаватель весьма свободно и основательно можетъ вести теоретическія и практическія занятія съ учениками, точно исполняя требованія программы и ея циркулярныхъ дополненій. Большое количество времени, назначеннаго на русскій и церковно славянскій языки въ первомъ классѣ, является въ нѣкоторомъ отношеніи даже неудобствомъ. Частые уроки того и другого языка значительно надоѣдаютъ ученикамъ, а вслѣдствіе этого у нихъ ослабляется интересъ къ преподаваемому. Притомъ, нѣкоторые отдѣлы русской и церковно-славянской грамматики изъ курса перваго класса и не могутъ быть ясно усвоены дѣтьми 9—10 лѣтъ. Ученики перваго класса, наприм., смутно понимаютъ различіе между именами прилагательными (качественными и относительными), съ трудомъ понимаютъ употребленіе ихъ полныхъ и неполныхъ окончаній, нелегко представляютъ себѣ различіе между глагольными видами и мн. др. Да и вся

грамматика съ ея отвлеченной терминологіей («подлежащее», «обстоятельство образа дѣйствія», «сослагательное наклоненіе», «аористъ» и т. п.) туго воспринимается дѣтьми, только что покинувшими родительскій домъ, плохо владѣющими и разговорной рѣчью. Такимъ образомъ, при изученіи русскаго и церковно-славянскаго языка въ первомъ классѣ преподавателемъ и учениками не мало тратится времени и труда, пожалуй, безполезно. Преподаватель, впрочемъ, можетъ надѣяться, что мало доступные ученикамъ отдѣлы этого курса будутъ усвоены ими впослѣдствіи при повтореніяхъ грамматики въ старшихъ классахъ. Но оправдается-ли такая надежда? Понятно, для успѣшнаго прохожденія слѣдующихъ частей грамматики необходимо основательное знаніе и приготовительнаго курса этимологіи. Къ сожалѣнію, при изученіи русскаго и церковно-славянскаго языка въ старшихъ классахъ не хватаетъ времени не только на обстоятельное повтореніе приготовительнаго курса, но даже на надлежащее прохожденіе программы именно этихъ классовъ, хотя оно становится уже болѣе доступной пониманію учениковъ. На самомъ дѣлѣ, можно-ли, какъ слѣдуетъ, вести преподаваніе, если на изученіе обоихъ языковъ въ каждомъ изъ трехъ старшихъ классовъ училища отводится лишь по 3 часа въ недѣлю?! *) Если на славянскій языкъ въ каждомъ изъ этихъ классовъ преподаватель удѣляетъ часъ (меньше — невозможно), то на русскій языкъ приходится только два часа въ недѣлю. Теперь спрашивается: какъ преподаватель можетъ пользоваться этими двумя драгоцѣнными часами?— Положимъ, полчаса онъ употребитъ на общій классный диктантъ (одинъ диктантъ въ недѣлю — немного, кажется), потомъ (въ слѣдующій урокъ) полчаса на разборъ и исправленіе его при участіи самихъ учениковъ; такимъ образомъ, одинъ диктантъ беретъ въ классѣ около часа въ недѣлю. На преподаваніе

*) Если же среди недѣли случатся праздники, то на эти предметы остается и еще меньше времени.

русскаго языка въ каждомъ старшемъ классѣ остается еще лишь по часу въ недѣлю, и много, много нужно сдѣлать за этотъ часъ! Преподаватель долженъ объяснить ученикамъ то или другое грамматическое правило, наглядно выводя его изъ примѣровъ, разбираемыхъ въ классѣ, долженъ слѣдить за тѣмъ, какъ воспринимаютъ ученики преподаваемое, понимаютъ-ли они сдѣланныя объясненія; затѣмъ, преподаватель долженъ прочитать и объяснить избранную прозаическую или стихотворную статью, назначаемую ученикамъ для изученія и разбора, и, наконецъ, провѣрить чрезъ обычное спрашиваніе, степень ихъ внимательности въ классѣ и усердія въ приготовленіи домашнихъ уроковъ. Конечно, все это исполняется, но не такъ какъ слѣдовало бы. Программа (и главнымъ образомъ—въ третьемъ классѣ) проходится торопливо; наглядное, практическое преподаваніе ея ученикамъ часто оказывается лишь pium desiderium для преподавателя. Не успѣвая основательно усвоить себѣ новаго курса грамматики, ученики до извѣстной степени забываютъ и предшествующій, потому что имъ некогда заниматься обстоятельнымъ повтореніемъ изученнаго. Хотя школьные успѣхи значительно поддерживаются частымъ спрашиваніемъ учениковъ, однако преподавателю русскаго языка въ старшихъ классахъ нельзя свободно пользоваться этимъ вліятельнымъ средствомъ: онъ едва успѣваетъ и однажды въ мѣсяцъ спросить каждаго ученика, если въ классѣ будетъ даже не болѣе 40 учениковъ. Почти такъ же стѣснительно идетъ въ старшихъ классахъ преподаваніе и церковно-славянскаго языка И все это—отъ недостатка времени, даннаго здѣсь въ распоряженіе преподавателя того и другого языка. Да и положеніе самого преподавателя по той же причинѣ оказывается весьма тяжелымъ и даже нелишеннымъ трагизма. Онъ, конечно, понимаетъ, что нужно знать его ученикамъ, желаетъ и можетъ преподать имъ предписанное въ программѣ, но у него нѣтъ времени, чтобы выполнить это надлежащимъ образомъ... Онъ обязанъ заботиться, что-

бы его ученики въ своихъ познаніяхъ по русскому и церковно-славянскому языку стояли на уровнѣ программы и ея циркулярныхъ разъясненій, и, хотя знаетъ, что ученики этого достигнуть не могутъ,—долженъ казнить единицами и двойками ихъ, а себѣ, всегда ожидать чисто служебныхъ непріятностей.—Вотъ, чѣмъ объясняется и отъ чего, главнымъ образомъ, зависитъ мало-успѣшность по русскому и церковно славянскому языку въ духовныхъ училищахъ.

На это намъ, пожалуй, возразятъ, что до 1884 г. въ училищахъ по названнымъ предметамъ уроковъ было меньше, и при томъ очень замѣтной мало-успѣшности тогда какъ будто не было.—Нѣтъ, она была и прежде, да лишь забыта. Если бы это упорно оспаривалось, мы всегда можемъ представить не мало убѣдительныхъ образцовъ безграмотности прежнихъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ.

Неблагопріятствуетъ для преподаванія русскаго и церковно-славянскаго языка въ духовныхъ училищахъ и то, что оно поручается не одному, а двумъ лицамъ: преподавателю перваго класса (по большей части, съ семинарскимъ образованіемъ) и преподавателю прочихъ, старшихъ классовъ (преимущественно, академисту). У того и другого—свои взгляды на преподаваніе, свой тонъ, свои пріемы и методы, у обоихъ—неодинаковая опытность и различное усердіе къ дѣлу. Разумѣется, все это отражается на преподаваніи каждаго. Ученикамъ перваго класса по переходѣ во второй приходится привыкать къ новому преподавателю, его пріемамъ и требованіямъ и въ то же время отставать отъ порядковъ, съ какими они свыклись—было прежде. Конечно, эта перемѣна преподавателей одного и того же предмета долго тормазитъ успѣхи учениковъ и мѣшаетъ единству и однообразію самаго преподаванія.

Невыгодно, наконецъ, отзывается на преподаваніе русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ духовныхъ училищахъ матеріальное положеніе самихъ преподавателей, что однажды уже и было заявлено въ печати (см.

ст. Ѳ. Ив. Делекторскаго въ «Москов Церк. Вѣдомостяхъ» за 1893 г.). Преподавая наиболѣе отвѣтственные и наиболѣе трудные предметы училищнаго курса, читая при томъ массу классныхъ и домашнихъ ученическихъ работъ, неблагопріятно вліяющихъ и на зрѣніе, и на нервы, подготовляя учениковъ къ церковному чтенію, они (преподаватели русск. и церковно-слав. язык.) получаютъ жалованья много меньше своихъ сослуживцевъ. Преподавателю русскаго и церковно славянскаго яз. въ «старшихъ» классахъ ассигнуется 750, а по выслугѣ 5 лѣтъ—900 руб., преподавателю же этихъ предметовъ въ первомъ классѣ—лишь 500 руб. въ годъ. Положимъ, Св. Синодъ, признавъ несоотвѣтствіе между трудами и вознагражденіемъ преподавателей русскаго и церковно-славянскаго яз., въ 1893 году ($^{16}/_{18}$ іюня) разрѣшилъ правленіямъ духовныхъ училищъ выдавать этимъ преподавателямъ (и только въ «старшихъ» классахъ) до 150 руб. въ годъ изъ остатковъ по содержанію училища (кромѣ наличнаго состава преподавателей). Но во многихъ-ли училищахъ бываютъ такіе остатки? Училищный бюджетъ такъ ограниченъ, а училищныя нужды такъ разнообразны, многочисленны и неопредѣленны, что остатки отъ содержанія училищъ, даже при опытномъ веденіи расходовъ, оказываются очень и очень рѣдко,—и иногда въ какихъ нибудь копѣйкахъ. Затѣмъ, хотя бы и предвидѣлись въ томъ или другомъ училищѣ приличные остатки, преподаватель не можетъ увѣренно расчитывать на полученіе добавочнаго вознагражденія изъ нихъ: если онъ не пользуется благоволеніемъ смотрителя или правленія училища ожидаемые остатки всегда могутъ быть израсходованы даже на мнимыя нужды (напр., на устройство электрическихъ звонковъ, на покупку ковровъ для училищныхъ корридоровъ и т. п.). Такимъ образомъ, и при указанномъ постановленіи Св. Синода содержаніе преподавателей русскаго и церковно-славянскаго языковъ не улучшается. Это и побуждаетъ многихъ изъ нихъ, особенно семейныхъ, искать болѣе обезпеченнаго положе-

нія въ другихъ вѣдомостяхъ (преимущественно въ епархіальномъ) или переходить на другіе предметы училищнаго курса—древніе языки, арифметику и географію. Преподаваніе послѣднихъ предметовъ не представляетъ такого тяжелаго, кропотливаго и отвѣтственнаго труда, какъ преподаваніе русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Правда, по древнимъ языкамъ, по арифметикѣ съ географіей больше недѣльныхъ уроковъ; за то преподаватели ихъ получаютъ и значительно большее вознагражденіе: преподаватели древнихъ языковъ (за 16 ур.) въ первые 5 лѣтъ—по 990 руб., а впослѣдствіи—по 1140 руб., преподаватель ариѳметики и географіи (за 17 ур). въ первые 5 лѣтъ—1050 руб., а потомъ—1200 руб. въ годъ. Получая лишь 500, 750, 900 руб., преподаватели русскаго и церковно-славянскаго языковъ всегда съ большимъ удовольствіемъ переходятъ на предметы, преподаваніе которыхъ менѣе трудно и лучше вознаграждается (да и справедливо-ли было бы препятствовать въ этомъ?). Мы знаемъ училище, въ которомъ въ теченіи 6—7 лѣтъ смѣнилось шесть преподавателей русскаго и церковно славянскаго яз. Каждый изъ нихъ не занимался этимъ предметомъ въ среднемъ и двухъ лѣтъ и, лишь только начиналъ пріобрѣтать навыкъ и опытность въ преподаваніи его, уступалъ мѣсто своему преемнику, который, въ свою очередь, также скоро оставлялъ его. Ужели такой этапный переходъ преподавателей одного и того-же предмета остается безъ ущерба для дѣла?—Этимъ нарушается правильный ходъ преподаванія, оно лишается единства плана и методовъ, чѣмъ вносится путаница въ познанія учениковъ, и безъ того уже шаткія.

— Вотъ, по нашему мнѣнію, главныя причины малоуспѣшности учениковъ духовныхъ училищъ по русскому и церковно-славянскому языкамъ. Есть и другія причины этого (напр., забвеніе интересовъ русскаго языка въ преподаваніи другихъ предметовъ училищнаго курса, крайняя бѣдность ученическихъ библіотекъ книгами для чтенія), но мы считаемъ ихъ случайными и

легко устранимыми и потому остановились лишь на тѣхъ, которыя кроются въ самой постановкѣ и общихъ условіяхъ преподаванія названныхъ предметовъ. А послѣднія таковы, что теперь трудно ожидать, чтобы изъ духовныхъ училищъ выходили вполнѣ грамотные питомцы. Для поднятія здѣсь успѣховъ по русскому и церковно-славянскому языкамъ недостаточно однихъ циркулярныхъ внушеній преподавателемъ, а необходима скорѣйшая коренная реформа преподаванія этихъ предметовъ.

Эта реформа была бы благодѣтельной прежде всего касательно распредѣленія уроковъ, безъ уменьшенія ихъ, кажется, слѣдовало бы приблизить къ тому, какое принято въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—наприм., въ министерскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ русскій и отчасти церковно-славянскій языки изучаются тоже въ 4 первыхъ классахъ; имъ отводится 5—6 недѣльныхъ уроковъ въ первомъ классѣ, 4—5 ур. во второмъ, по 4 ур. въ третьемъ и по 3 ур. въ четвертомъ. Если бы подобное распредѣленіе уроковъ по этимъ предметамъ введено было въ духовныхъ училищахъ, то здѣсь во всѣхъ классахъ оказалось бы достаточно времени для надлежащаго выполненія программы съ основательными ея повтореніями. Это увеличеніе уроковъ по русскому языку въ старшихъ классахъ можно было бы сдѣлать на счетъ древнихъ языковъ—перенесеніемъ уроковъ по нимъ въ первый классъ (по прежнимъ порядкамъ) или даже сокращеніемъ ихъ, тѣмъ болѣе, что высшее духовно-учебное начальство уже высказывалось противъ неумѣреннаго изученія этихъ предметовъ.

Труднѣе рѣшить вопросъ о предоставленіи преподаванія русскаго и церковно славянскаго языковъ во всѣхъ классахъ училища одному лицу.—Преподаваніе этихъ предметовъ даже при 19 недѣльныхъ урокахъ и чтеніи соотвѣтственнаго имъ количества письменныхъ работъ, конечно, не было бы для него невыполнимымъ.

Преподаватели арифметики и географіи даютъ въ училищѣ по 17 уроковъ, иные же семинарскіе преподаватели (о гимназическихъ уже не говоримъ) имѣютъ болѣе 20 уроковъ; послѣдніе часто читаютъ тоже много и письменныхъ ученическихъ работъ и однако не считаютъ своего труда непосильнымъ. Не счелъ бы своего дѣла обременительнымъ до крайности преподаватель и русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ духовномъ училищѣ, если бы онъ былъ одинъ,—тѣмъ болѣе, что увеличеніе труда соединялось бы для него съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія: въ первые 5 лѣтъ онъ получилъ бы 1170 руб., а впослѣдніи—1820 руб. въ годъ. Опытъ возложенія всѣхъ уроковъ по этимъ предметамъ на одного преподавателя, какъ намъ извѣстно, въ 1893 году съ разрѣшенія Св. Синода уже былъ сдѣланъ—въ Полоцкомъ духовномъ училищѣ, можно было бы допустить то же и въ другихъ училищахъ. Тогда одинъ преподаватель велъ бы весь курсъ, придерживаясь выработанныхъ имъ пріемовъ, однообразіе которыхъ въ преподаваніи русскаго языка имѣетъ особенно важное значеніе. Но куда пойдетъ другой преподаватель, занимающійся теперь этимъ же предметомъ въ первомъ классѣ? Вдругъ устранить его съ училищной службы или, путемъ какихъ нибудь комбинацій, предоставить ему нѣсколько уроковъ по другимъ предметамъ (напр. по географіи)—неудобно: и то, и другое было бы тяжело для него самого, а послѣднее еще увеличило бы и расходы по содержанію училищной корпораціи. Кажется, лучшимъ средствомъ выйдти изъ указаннаго затрудненія —было бы постепенное закрытіе преподавательскихъ вакансій по русскому языку въ первомъ классѣ, лишь только онѣ будутъ освобождаться вслѣдствіе добровольнаго выхода преподавателей; чрезъ два—три года эта цѣль была бы достигнута. Намъ могутъ замѣтить, что предлагаемое нами соединеніе двухъ преподавательскихъ должностей въ одномъ лицѣ сократило бы число вакансій по духовно-учебному вѣдомству, которыхъ и теперь не хватаетъ для молодыхъ людей, выходящихъ изъ ду-

ховныхъ академій и готовыхъ взяться за преподаваніе русскаго языка даже въ первомъ классѣ духовныхъ училищъ. Но зачѣмъ при «устройствѣ» стремящихся на духовно-учебную службу упускать изъ виду чисто педагогическіе интересы и раздѣлять преподаваніе такихъ предметовъ, какъ русскій и церковно-славянскій языки, которые всего менѣе допускаютъ это?—Во всякомъ случаѣ, если бы и оказалось почему-либо неудобнымъ поручить преподаваніе русскаго языка одному лицу, слѣдовало бы для устраненія частой смѣны преподавателей этого предмета возвысить ихъ содержаніе. При улучшеніи ихъ положенія они дольше оставались бы на училищной службѣ, рѣже покидали-бы преподаваніе первоначально порученнаго имъ предмета. Только желательное возвышеніе ихъ содержанія должно быть отнесено на счетъ опредѣленнаго и постояннаго источника, а не случайнаго и сомнительнаго (какъ остатки отъ содержанія училища); иначе безотрадная смѣна преподавателей будетъ продолжаться по прежнему.

Но довольно... Въ нашу задачу не можетъ входить всестороннее обсужденіе средствъ къ возвышенію успѣховъ по русскому и церковно-славянскому языкамъ въ духовныхъ училищахъ. Нашей цѣлью было показать только то, отъ чего, главнымъ образомъ, происходитъ въ духовныхъ училищахъ годъ отъ года возрастающая малоуспѣшность учениковъ по русскому и церковно-славянскому языкамъ. Она очевидно, зависитъ не отъ бездѣятельности преподавателей (единичныя исключенія никогда не берутся въ расчетъ), а отъ другихъ причинъ: отъ несоразмѣрнаго распредѣленія уроковъ по классамъ духовныхъ училищъ, отъ недостатка единства въ преподаваніи этихъ предметовъ, поручаемыхъ не одному, а двумъ лицамъ, и отъ частой смѣны преподавателей вслѣдствіе неудовлетворительности ихъ содержанія, не вполнѣ вознаграждающаго ихъ тяжелый трудъ.—Прошло болѣе 10 лѣтъ, какъ преподаваніе русскаго (и церковно-славянскаго) языка въ духовныхъ училищахъ было поставлено въ тѣ условія, въ какихъ находится оно

доселѣ; этого времени, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что они нуждаются въ улучшеніи. Желательно, чтобы преподаваніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ столь важнаго предмета, какъ русскій языкъ подверглось нѣкоторому преобразованію; его настоящее положеніе въ духовныхъ школахъ шатко, что очень прискорбно *).

Н. Поповъ.

---

*) Желая оказать содѣйствіе учебному дѣлу преподаванія русскаго языка, Редакція «Филол. Зап.» можетъ рекомендовать съ своей стороны Методику Барсова, подъ заглавіемъ «Живое Слово» въ 3-хъ курсахъ и недавно вышедшую Хрестоматію къ 1-му курсу съ церковно-славян. языкомъ. Цѣна Хрестом. съ перес. 55 коп.

Средь всѣхъ дѣвицъ я выдавалась красотой.
Въ безсмертіи однимъ богамъ я уступала.
Теперь ужъ я рабыня. Жалкое названье!
Мнѣ-бъ лучше умереть, чѣмъ имя то носить.
Притомъ, могу попасть къ тирану господину,
И купитъ онъ за золото меня... меня,
Сестру героевъ многихъ, Гектора сестру.
А въ домѣ томъ меня заставятъ стряпать,
Полы тамъ подметать, стоять тамъ у станка.
Въ печали дни свои влачить я буду.
Презрѣнный рабъ тамъ ложе оскверпитъ мое.
То ложе, коего цари всѣ домогались
Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ лучше свѣта не видать глазами,
Аиду отдаюсь я добровольно.
Веди же, Одиссей, меня, покончь со мною:
Вѣдь не могу-жъ я на спасенье уповать
И ждать я не могу, чтобъ я была счастлива,
Но только ты не вмѣшивайся, мать,
Ни на словахъ, ни въ дѣлѣ. Смерти мнѣ желай,
Пока еще невинно не терплю обидъ.
Вѣдь кто еще не пилъ изъ чаши горя,
Тому страданья тяжки, какъ ярмо на шеѣ.
По смерти будетъ онъ счастливѣе чѣмъ въ жизни.
Да! Жизнь въ позорѣ есть великое страданье.

Хоръ.

Типичная черта всѣхъ знатныхъ—благородство,
По ней узнать ихъ можно. То-же благородство
Рельефнѣе у тѣхъ, кто заслужилъ его.

Гекуба.

Съ достоинствомъ ты говорила, дочь,
Но чувство горя скрыто въ той достойной рѣчи,
Ахъ, если должно отплатить Пелиду [8]),

[8]) Т. е. Ахиллесу, сыну Пелея.

Чтобъ можно было вамъ упрековъ избѣжать,
То не ее вамъ слѣдуетъ убить;
Меня вы на костеръ Ахилла уведите:
Колите, не щадите: я вѣдь мать Париса,
А тотъ стрѣлой сразилъ Өетиды сына [9]).

Одиссей.

Ахъ, нѣтъ, старуха, не тебя, а дочь твою
Заклать просила насъ Ахилла тѣнь.

Гекуба.

Убейте жъ вмѣстѣ съ дочерью меня,
И пусть двойное будетъ возліянье
Землѣ и тѣни той, что требовала крови.

Одиссей.

Довольно смерти дочери: ты лишней будешь.
О если бъ лишнею была и Поликсена!

Гекуба.

Умру я съ дочерью, во что бы то ни стало.

Одиссей.

Что? я не зналъ, что здѣсь указывать мнѣ будутъ.

Гекуба.

Но я приникну къ ней, какъ къ дубу плющъ.

Одиссей.

Ты слушай тѣхъ, которые тебя умнѣе.

---

[9]) Т. е. Ахиллеса, сына Пелея и нимфы Өетиды.

Гекуба.

Нѣтъ, добровольно отъ нея я не отстану.

Одиссей.

Но безъ нея и я вѣдь не уйду отсюда.

Поликсена.

Меня ты слушай, мать. И ты, Лаэрта сынъ, [10])
Ты въ матери уважь тотъ благородный гнѣвъ!
Несчастная! ты съ властными людьми не спорь.
Ты хочешь наземь пасть и плавать здѣсь въ крови?
Вотъ онъ тебя насильно оттолкнетъ,
Изъ рукъ моихъ онъ оторветъ тебя съ позоромъ.
Смотри, дождешься ты, что не въ лицу тебѣ.
Дай, мать любимая, мнѣ дорогую руку,
О, дай мнѣ приложить щеку къ твоей щекѣ,
Въ послѣдній разъ теперь я вижу свѣтъ дневной,
Ужъ солнечныхъ лучей я больше не увижу.
Послѣднія слова мои теперь ты слышишь.
О, мать, о жизнь, я ухожу въ обитель мертвыхъ.

Гекуба.

А я, о дочь, здѣсь на землѣ рабыней буду.

Поликсена.

Прощай, мой бракъ! Прощай же сладость Гименея.

Гекуба.

И ты несчастна, дочь, и мать твоя несчастна.

Поликсена.

И тамъ, въ аду я буду безъ тебя лежать.

---

[10]) Одиссей—сынъ Лаэрта.

Гекуба.

Бѣда! что дѣлать мнѣ? гдѣ кончить жизнь свою?

Поликсена.

Отецъ мой былъ свободнымъ, я умру рабыней.

Гекуба.

А я умру, утративъ пятьдесятъ дѣтей.

Поликсена.

Что жъ Гектору сказать и старому супругу [11]).

Гекуба.

Скажи, что средь всѣхъ женъ несчастнѣйшая я.

Поликсена.

О грудь, которая меня вскормила сладко!

Гекуба.

О дочь несчастная! какъ рано ты умрешь.

Поликсена.

Будь счáстлива же, мать! прощай и ты, Кассандра!

Гекуба.

Другіе счастливы, но мать твоя несчастна.

---

[11]) Гекторъ и Пріамъ, какъ умершіе уже, находились въ подземномъ царствѣ.

Поликсена.

Прощай ты, гость өракійцевъ, братъ мой Полидоръ!

Гекуба.

Боюсь, что онъ ужъ умеръ. Я вѣдь такъ несчастна.

Поликсена.

Онъ живъ Умрешь,—закроетъ вѣки онъ тебѣ.

Гекуба.

Я нравственно ужъ умерла отъ горя.

Поликсена.

Веди же, Одиссей, прикрывши мнѣ лицо,
Мечъ не вонзенъ еще въ меня, а сердце рвется
Отъ воплей матери. Мой плачъ ее убилъ.
О свѣтъ! еще могу къ тебѣ я обращаться,
Но скоро ужъ разстанусь я съ тобой,
Когда явлюсь къ мечу, къ Ахилловой могилѣ.

Гекуба.

Увы! я умираю, подкосились ноги.
Дитя, ты къ матери прильни и дай мнѣ руку,
Бездѣтной не оставь. Подруги, я погибла.
Пусть такъ увижу я лаконянку Елену;
Вѣдь то ея плѣнительныя очи
Разрушили позорно счастье Трои
(Одиссей уводитъ Поликсену).

Хоръ.

I Вѣтеръ, вѣтеръ морской!
Ты по вздутой пучинѣ несешь
Быстрый челнъ за собой.
Горе мое ты куда увезешь?

Въ чей домъ я рабыней приду?
Въ портъ ли Дориды я приплыву
Или въ Фтію забросить судьба?
Тамъ-то прекрасная мчится рѣка,
Тамъ Апидонъ затопляетъ поля.
II Иль, весломъ разсѣкая волну,
Обреченная лишь на бѣду,
Я горе мыкать на островъ приду,
Гдѣ впервые изъ нѣдръ земли
Лавръ и пальма дали ростки.
И священныя вѣтви свои
Пальма богинѣ Лотонѣ [11]) дала,
Чтобъ нарядила богиня дитя.
Съ хоромъ дѣвицъ Артемида, тебя
Я на Делосѣ возьмусь прославлять,
Лукъ, діадему твою воспѣвать.
III Или въ Аѳины я попаду,
Тамъ разноцвѣтныя нити возьму,
Ими шафранный покровъ я сошью,
Вышью я пестрою нитью своей
И колесницу и пару коней.
Будетъ назначенъ покровъ тотъ Аѳинѣ,
На колесницѣ сидящей богинѣ.
Или титановъ изображу,
Зевсъ, сынъ Крона, ихъ поразилъ,
Молнію въ нихъ метнулъ онъ свою.
Вѣчнымъ сномъ онъ ихъ усыпилъ.
IV О горе мнѣ, дѣти, горе, отцы!
Отчизну покрыли дыма столбы.
Мой городъ родной, онъ палъ отъ меча,
А я на чужбинѣ дальней раба.
Отчизна главу предъ тучей склонила.
Я смерть на позорный бракъ обмѣнила.

---

[12]) Латона—мать Аполлона Делосскаго и Артемиды (солнца и луны).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Входитъ вѣстникъ Талѳибій. Гекуба лежитъ на землѣ).

Талѳибій.

Троянки, гдѣ Гекубу видѣть я могу,
Ту, что была царицей Иліона?

Хоръ.

Она вблизи тебя, Талѳибій: на землѣ
Лежитъ она, одеждою прикрывшись...

Толѳибій:

О, что сказать мнѣ, Зевсъ? печешься-ль ты о людяхъ,
Иль вѣра въ бытіе боговъ есть предразсудокъ
Пустой и суетный, и случай нами правитъ?
Царица-ль то богатой золотомъ Фригіи?
Жена ли то счастливаго Пріама?
Теперь мечемъ врага весь городъ уничтоженъ.
Она жъ, рабыня дряхлая, дѣтей утративъ,
Лежитъ здѣсь на землѣ, главу посыпавъ пепломъ.
Увы, увы! я старъ, но мнѣ ужъ лучше смерть,
Чѣмъ на проклонѣ лѣтъ терпѣть такой позоръ.
Ну встань, несчастная, и подымись съ земли
И выпрями сѣдую голову свою.

Гекуба.

Оставь! Кто это не даетъ мнѣ здѣсь лежать?
Убита горемъ я. Зачѣмъ меня тревожишь?

Талѳибій.

То я, Талѳибій. Я герольдъ данайцевъ.
Самъ Агамемнонъ за тобой меня послалъ.

Гекуба.

Такъ ты пришелъ, мой милый, объявить рѣшенье
Ахеянъ и меня заклать? Я очень рада.
Скорѣй-же! поспѣшимъ! веди-жъ меня, старикъ!

Талөибій.

Погибла дочь твоя. Я за тобой пришелъ,
Чтобъ ты ее похоронила. Такъ желаютъ
Атрида два [13]) и весь народъ Ахеянъ.

Гекуба.

Увы! Такъ ты пришелъ не смерть мнѣ объявить,
Но горькое извѣстье передать?!
Такъ ты погибла, дочь? Отторгнутая дочь!
Бездѣтной я осталась. Горе мнѣ несчастной!
Но какъ покончили вы съ ней? съ почтеньемъ-ли
Иль съ яростью, какъ убиваетъ врагъ врага?
Скажи-жъ, хотя слова твои мнѣ будутъ горьки.

Талөибій.

Ты хочешь, чтобъ я снова слезы проливалъ
Изъ жалости къ той дѣвѣ? разъ я у могилы
Рыдалъ, когда она упала подъ мечемъ.
Разсказъ о мукахъ тѣхъ вновь вызоветъ слезу.
Вся рать ахейская собралась у могилы
Свидѣтелями быть закланія дѣвицы.
И Поликсену за́ руку взялъ сынъ Ахилла [14]),
Поставилъ на верху холма. Я-жъ былъ вблизи,
За нимъ вослѣдъ шли выборные молодцы
Удерживать порывы жертвы нѣжной.
И золотую чашу, полную до края,

---

[13]) Т. е. Агамемнонъ и Менелай, сыновья Атрея.
[14]) Т. е. Неоптолемъ, (Пирръ).

Взялъ сынъ Ахилла, возліянье совершилъ
Отцовской тѣни. Мнѣ-жъ онъ приказалъ
Просить весь станъ ахейскій замолчать.
И посреди собранья такъ я крикнулъ:
„Умолкните, ахейцы! весь народъ безмолвствуй!
Молчите! Тише! Воцарилась тишина.
Тутъ онъ воскликнулъ: „Сынъ Пелея, мой отецъ,
Прими ты очистительное возліянье,
Зовущее тѣней. Приди напиться крови,
Багряной, чистой крови дѣвы. Это даръ
Отъ рати и меня. О будь къ намъ благосклоненъ,
Ты дай намъ отвязать отъ берега кормы,
Дай счастливо вернуться съ Иліона,
Дай счастливо намъ всѣмъ на родину притти".
Онъ кончилъ. Вслѣдъ за нимъ молиться стала рать.
За рукоятку взялъ онъ позлащенный мечъ
И вынулъ изъ ноженъ. Затѣмъ онъ приказалъ
Отборнымъ молодцамъ схватить дѣвицу,
Но та все поняла и такъ сказала имъ:
„Аргивяне, что городъ мой опустошили!
Охотно я умру. Но тѣла моего
Пусть не коснутся. Смѣло горло я подставлю.
Моей свободы, ради Бога, не стѣсняйте,
Чтобъ я свободной умерла. И я бъ краснѣла,
Когда бы я, царевна, въ адъ сошла рабыней".
Толпа одобрила ту рѣчь, самъ Агамемнонъ
Велѣлъ дружинѣ отпустить дѣвицу.
Они-жъ верховнаго владыки своего
Приказъ услышали и дали ей свободу.
И дѣва этому распоряженью вняла.
Она схватила платье съ самаго плеча,
Она его до поясницы разорвала
И обнажила грудь. И какъ у статуи,
Та грудь была прелестна. Преклонивъ колѣна,
Она произнесла печальныя слова:
„Вотъ, воинъ молодой, вотъ грудь моя.
Рази! угодно? хочешь, можетъ, въ горло?
Готова я принять ударъ хоть въ горло".

А онъ, изъ состраданья къ ней онъ долго мѣшкалъ.
Затѣмъ ударилъ онъ въ дыхательное горло,
А кровь текла ручьемъ. И даже умирая,
О женской скромности дѣвица не забыла:
Прикрыла все, что нужно отъ мужчинъ скрывать.
Когда послѣдній вздохъ она ужъ испустила,
Аргивяне за разныя работы взялись.
Одни листвой вѣнчали бездыханный трупъ,
Другіе же изъ нихъ изъ пней сосновыхъ
Костеръ воздвигли ей. Кто не трудился,
Такіе слышалъ тамъ упреки отъ другого:
„Противный! Ты сидишь себѣ спокойно?
Ты не несешь прелестнаго ей покрывала?
Той благородной и величественной дѣвѣ
Воздай ты чѣмъ нибудь“. Вотъ все тебѣ на счетъ
Погибшей дочери. Ты счастлива дѣтьми,
Хотя средь женщинъ ты несчастнѣйшая въ мірѣ.

Хоръ.

Гроза ужъ разразилась надъ семьей Пріама
И надъ моей отчизной. Божій рокъ нависъ.

Гекуба.

О дочь! средь стольких мукъ не знаю, надъ какой
Подумать мнѣ. Когда одной предамся скорби,
Другая отвлечетъ, тутъ третья ужъ пристанетъ.
Одна печаль придетъ другой на смѣну.
И какъ теперь мнѣ не стонать? неизгладимый
Ударъ для сердца моего твое несчастье.
Своимъ геройствомъ ты смягчила боль мою.
Не странно-ли? Пусть почва бѣдной будетъ,
Имѣя нужное, богатую дастъ жатву.
Богатая земля, не получивъ, что нужно,
Плохой дастъ урожай. А у людей всегда
Неблагородный мужъ неблагороднымъ будетъ,
А честный—честнымъ. Горе не испортитъ

Его натуры. Нѣтъ! останется онъ тѣмъ же.
Зависитъ то отъ рода или воспитанья?
Да, воспитаніе есть школа благородства,
И кто до глубины познаетъ это благо,
Узнаетъ онъ порокъ, сличивъ его съ добромъ.
Но тщетно мысль моя и тщетно умъ блуждаетъ.

(обращаясь къ Талѳибію)

Ступай къ аргивянамъ, скажи имъ отъ меня:
Пусть удалятъ толпу, чтобъ трупа не касался
Никто. Увы! Толпа въ огромномъ войскѣ
Безчинна: легче справиться съ огнемъ, чѣмъ съ ней.
Кто зла не дѣлаетъ, того дурнымъ считаютъ.

(Талѳибій уходитъ)

А ты, служанка старая, возьми сосудъ.
Ты набери морской воды, неси сюда,
Чтобъ тѣло дочери въ послѣдній разъ омыть,
Обручницу [15]), погибшую до брака,
Устроить почести, какихъ она достойна.
Но какъ мнѣ быть? я не имѣю средствъ.
Но все же соберу немного украшеній
У плѣнницъ, что живутъ со мной въ палаткахъ.
Тѣ, вѣрно, скрыли отъ поработителей
Изъ прежняго хозяйства что нибудь.
О гордый нашъ дворецъ! о домъ, когда-то цвѣтшій,
Пріамъ, отецъ блестящаго потомства,
Владѣтель многихъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ,
И я, дѣтей тѣхъ мать, столь старая теперь,
Ничтожны мы съ тобой. Что гордостью намъ было,
Теперь того ужъ нѣтъ. Гордимся-ль мы теперь
Иль тѣмъ великолѣпнѣйшимъ дворцомъ,
Иль знаменитымъ титуломъ средь гражданъ?

---

[15]) Поликсена, обрученная съ Ахилломъ, была, такъ сказать, предоставлена своему мужу совершившимся жертвоприношеніемъ.

То суета, то призраки надежды,
Пустое чванство. Тотъ одинъ лишь счастливъ,
Кто горя никогда при жизни не вкушалъ.

(Уходитъ въ палатку собрать украшенія).

Хоръ.

I Уготовано было горе мнѣ
И паденіе неизбѣжное,
Какъ Парисъ себѣ въ лѣсѣ темненькомъ
Съ Иды вырубилъ сосну стройную.
Онъ по шумному морю путь держалъ,
Завладѣть хотѣлъ онъ Еленою,
Что милѣе всѣхъ озаряемыхъ
Краснымъ солнышкомъ лучезарненькимъ.
II Это грозный рокъ надо мной нависъ,
Рокъ страшнѣе мнѣ, чѣмъ несчастія,
Лишь Парисъ грѣшилъ, а страдаетъ ужъ
Вся земля та, гдѣ Симоисъ течетъ,
Пристаетъ къ бѣдѣ бѣда новая.
III Вотъ заспорили три безсмертныя.
Споръ на Идѣ [16]) былъ,—кто прелестнѣе,
И пастухъ одинъ разрѣшилъ ихъ споръ,
Споръ ихъ кончился сѣчей грозною
И паденіемъ моего дворца.
Но не я одна, плачутъ въ теремахъ
И лаконянки въ цвѣтѣ юности
Близъ Эвротаса серебристаго.
Стонутъ матери, потерявъ дѣтей,
И руками бьютъ свои головы,
Сѣдиной давно ужъ покрытыя.
И старухи тамъ рвутъ лицо себѣ:
На ногтяхъ у нихъ кровь виднѣется.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[16]) Гора во Фригіи.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводитъ до общаго свѣдѣнія, что настоящее конкурсное трехлѣтіе (1898—1900 г.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры *).

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ, и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія *).

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

---

3. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.

Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдовате-

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

лемъ, круга произведенія письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

---

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія *).

На соисканіи премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

---

*) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1900 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Ученые труды А. Н. Пыпина.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ избранъ по предложенію академика Л. Н. Майкова ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по 2-му ея Отдѣленію. Вотъ какъ характеризовалъ онъ ученые труды А. Н. Пыпина, недавно избраннаго въ члены корреспонденты Академіи. До этого не удалось Академіи осуществить желанія видѣть маститаго ученаго въ рядахъ своихъ. Не многимъ извѣстна неудача Академіи 1871 года, когда А. Н. по особеннымъ обстоятельствамъ отказался отъ предложенной ему чести сдѣлаться членомъ академіи. Еще въ 1853 году, на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ появилась его первая ученая работа—изслѣдованіе о Владимірѣ Лукинѣ, малоизвѣстномъ драматургѣ Екатерининскихъ временъ, между прочимъ мечтавшемъ о созданіи русскаго народнаго театра. Содержаніе этого труда представляло въ свое время новость; избравъ такую тему, начинающій ученый сразу показалъ свое умѣніе отъискивать въ старой литературѣ интересныя явленія и дать имъ правильное историческое освѣщеніе.

Вслѣдъ за этимъ первымъ опытомъ Пыпинъ обратился къ изученію нашей древней письменности, при чемъ ему приходилось знакомиться съ ея памятниками по рукописямъ, такъ какъ въ то время немногое изъ старой литературы было издано. Занимаясь въ Императорской Публичной библіотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ. Пыпинъ обратилъ особенное вниминіе на столь распространенное въ нашей старинной письменности апокрифы и произведенія народнаго повѣтствовательнаго характера. Однако, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, онъ не имѣлъ въ то время возможности посвятить себя ближайшему изученію апокрифической литературы и ограничился только подробнымъ излѣдованіемъ судебъ извѣстной статьи „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, избралъ нѣсколько произведеній апокрифическаго содержанія и о нѣкоторыхъ изъ изъ нихъ предложилъ отдѣльные этюды.

Напротивъ того, исторія русской народной повѣсти

сказки, оригинальной и переводной, была обслѣдована Пыпинымъ всесторонне, на сколько то было возможно въ тогдашнее время, и въ 1852 году появился его прекрасный трудъ: „очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ". Здѣсь опять мы встрѣчаемся со свѣжестью научной задачи и съ тщательностью въ обслѣдованіи вопросовъ, ею вызываемыхъ. Въ „очеркѣ" разсмотрѣны, съ одной стороны повѣсти иноземнаго происхожденія, т. е. переведены съ греческаго, латинск., польскаго и нѣмецкаго, а съ другой повѣсти и сказки оригинальныя русскія. Первымъ отведено большее мѣсто, и авторъ тщательно указываетъ подлинники тѣхъ иноземныхъ произведеній, которыя перешли на русскую почву; при этомъ постоянно обращается вниманіе на различныя редакціи этихъ памятниковъ. Если отдѣлъ книги, посвященной русскимъ повѣстямъ, не столь обширенъ, то потому именно, что и самыхъ повѣстей было мало въ нашей старинной литературѣ.

„Очеркъ" Пыпина, представленный, какъ десертація въ Петербургскомъ университетѣ, доставилъ автору ученую степень магистра русской словесности, а въ 1858 году Пыпинъ былъ командированъ за границу для приготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ исторіи западныхъ литературъ. Но профессорская дѣятельность Пыпина продолжалась всего одинъ годъ 1860—1861. Съ тѣхъ поръ мы видимъ его исключительно учено-литературнымъ дѣятелемъ, печатающимъ свои труды въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно; число статей помѣщенныхъ имъ въ журналахъ, весьма значительно, и перечислить ихъ всего было бы крайне трудно, но многія изъ этихъ статей вошли впослѣдствіи въ отдѣльно изданныя имъ сочиненія; по этому обзора этихъ послѣднихъ трудовъ Пыпина будетъ совершенно достаточно, чтобы дать понять какъ развивалась его ученая дѣятельность.

Въ 1865 году А. Н. Пыпинъ напечаталъ „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ" книгу въ высшей степени полезную и удовлетворяющую насучнымъ потребностямъ славистики. Такого обзора еще не было ни въ одной изъ славянскихъ литературъ, не смотря на постоянные толки о славянскомъ общеніи и взаимности. Конечно при обработкѣ, столь обширнаго предмета, авторъ не могъ быть самостоятелемъ во всѣхъ его частяхъ; онъ даже предоставилъ весь польскій отдѣлъ труду другого лица (В. Д. Спасовича); но во всемъ, что написано самимъ Пыпинымъ обнаруживаются

свойственныя ему качества, обширность предварительно собранныхъ свѣдѣній, искусный ихъ выборъ, точность и тщательность въ ихъ сообщеніи. Эти достоинства труда Пыпина еще болѣе ясны во второмъ его изданіи (1889—1890 гг.), въ которомъ „Исторія славянскихъ литературъ" удвоилась въ объемѣ, и такимъ образомъ сдѣлалась по истинѣ классическою книгою по своей части.

Послѣ этого счастливаго уклоненія въ область западныхъ и южныхъ славянскихъ литературъ, Пыпинъ снова возвратился въ область своихъ излюбленныхъ занятій русскою литературой. Въ теченіи 70 годовъ имъ написаны три сочиненія, касающіяся исторической литературы и просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи: 1) „Общественное движеніе при Александрѣ I-мъ". 2) „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ" и 3) „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". Всѣ эти три сочиненія, стоящія въ связи одно съ другимъ, представляютъ большой историческій интересъ. Первое изъ нихъ очень ярко изображаетъ внутреннюю жизнь Александровскаго времени, просвѣтительныхъ стремленій той поры, борьбу культурныхъ направленій и ихъ характерныя черты; это именно исторія движенія идей въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Оцѣнка этихъ явленій сдѣлана авторомъ съ живымъ сочувствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ справедливо, на основаніи весьма обширнаго знакомства съ фактами. Во второй книгѣ, посвященной литературнымъ явленіямъ съ 1820 г. по 1850 годъ, авторъ замкнулъ свое изложеніе въ болѣе тѣсныя, исключительно литературныя рамки, здѣсь мы найдемъ картины движенія общественной мысли, и въ этомъ заключается слабая сторона сочиненія, тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую односторонность воззрѣній, книга содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, искусно и поучительно сгруппированныхъ. Оба названныя сочиненія выдержали по два изданія, безъ сомнѣнія, потому, что авторъ касаясь предметовъ высшаго интереса умѣлъ придать своему сочиненію общедоступную форму, но еще важнѣе то, что при перепечаткѣ названныхъ книгъ авторъ кореннымъ образомъ переработалъ и умножилъ основной ихъ текстъ. Къ „Характеристикамъ литературныхъ мнѣній" непосредственно примыкаетъ особое сочиненіе Пыпина о Бѣлинскомъ (1876 г., два тома). Этотъ прекрасный, съ любовію обработанный трудъ даетъ обстоятельное понятіе о ходѣ умст-

веннаго развитія нашего знаменитаго критика и вмѣстѣ съ тѣмъ вносить много новыхъ фактовъ изъ исторіи нашего умственнаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Нѣсколько особымъ характеромъ отличается обширный трудъ, занимавшій Пыпина въ 80-хъ годахъ и затѣмъ, въ 1890—92 гг. изданный въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ „Исторія русской этнографіи". То своеобразное и въ высшей степени важное значеніе, какое имѣла народность въ развитіи русской образованности, дало Пыпину поводъ спеціально заняться разсмотрѣніемъ хода нашихъ этнографическихъ изученій, и онъ нашелъ въ этомъ предметѣ рядъ характернѣйшихъ проявленій нашей культуры. Въ частности онъ обозрѣваетъ здѣсь труды всѣхъ русскихъ изслѣдователей народности, дѣлаетъ ихъ оцѣнку и подводитъ итоги ихъ изысканіямъ. Сочиненіе это, очень оригинальное по своей основной мысли, чрезвычайно богато новыми фактическими данными и можетъ быть названо однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій въ исторіи молодой русской науки.

Въ самые послѣдніе годы Пыпинъ возвратился къ задачѣ, давно его занимавшей,—къ составленію обширнаго сочиненія по исторіи русской литературы. Отдѣльныя статьи изъ этого труда были печатаемы имъ разновременно въ журналахъ, а въ самое послѣднее время вышелъ первый томъ этой „Исторіи литературы" заключающій въ себѣ обзоръ древней письменности до начала XVI в. Этимъ трудомъ, который является какъ бы итогомъ всего, что донынѣ сдѣлано по разработкѣ русской литературы, Пыпинъ воздвигаетъ себѣ литературный памятникъ, который надолго сохранитъ его имя въ наукѣ. Членомъ корреспондентомъ Академіи А. Н. Пыпинъ состоитъ лишь съ 1891 года; но его тѣсныя связи съ нею восходятъ къ гораздо болѣе давнему времени; его „Опытъ исторіи повѣстей и сказокъ былъ напечатанъ въ запискахъ 2-го отдѣленія еще въ 1857 году: три изъ его сочиненій, именно: тотъ же „Опытъ", „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ" и „Исторія русской этнографіи" были увѣнчаны академическими преміями. Академія неоднократно поручала ему составленіе рецензій для выданныхъ ею наградъ и еще недавно возложила на него составленіе біографіи покойнаго слависта Котляревскаго.

Н. Н. Вакуловскій.

О ВЫРАЗИТЕЛЬНОМЪ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНОМЪ ЧТЕНІИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

I.

Гимназическими программами признается за одно изъ важныхъ устныхъ практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ выразительное чтеніе и выразительное произношеніе выученныхъ наизусть произведеній отечественной словесности.

Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что выразительное чтеніе можетъ значительно содѣйствовать развитію умственныхъ и эстетическихъ способностей учащихся.

Всѣ педагоги, занимавшіеся вопросомъ о чтеніи, согласны въ томъ, что „выразительность чтенія, какъ и всякое искусство, не дается сразу. Прежде всего требуется пріучить учениковъ къ правильности, бѣглости, громкости и сознательности чтенія. Но это не значитъ, что соединеніемъ этихъ качествъ достигается выразительность. Нужно, чтобы ученикъ, читая бѣгло и сознательно, вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ характерѣ или способѣ произношенія словъ и предложеній, болѣе или менѣе ясно и отчетливо выражалъ тѣ мысли и чувства, какія излагаются въ статьѣ, со всѣми ихъ особенностями. Главное же и самое дѣйствительное средство научить дѣтей такому чтенію состоитъ въ образцовомъ по выразительности чтеніи самого учителя. Когда учитель постоянно читаетъ въ классѣ выразительно, тогда дѣти невольно роднятся съ такого рода чтеніемъ и инстинктивно стараются подражать ему. И необходимо, чтобы учитель читалъ безукоризненно. Чтеніе его покажетъ ученикамъ, что можно переливами, измѣненіемъ голоса выражать всѣ оттѣнки мысли и чувства, а это въ состояніи возбуждать дѣятельность учениковъ, направленную къ такому чтенію. Кто испыталъ на себѣ чарующее вліяніе выразительнаго чтенія, у того не можетъ не явиться желанія и самому посредствомъ чтенія

производить на другихъ такое-же вліяніе *). Извѣстно что въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, откуда выходятъ учителя народныхъ начальныхъ школъ, введено въ програмну и ознакомленіе съ пріемами выразительнаго чтенія. Можно-ли тоже сказать о тѣхъ лицахъ, которыя прямо съ университетской скамьи поступаютъ преподавателями русскаго языка въ среднія школы? Не въ обиду будь имъ сказано,—думаемъ, что нѣтъ? Нельзя отрицать, что человѣкъ съ высшимъ образованіемъ въ умственномъ отношеніи, въ пониманіи законовъ отечественнаго языка и въ знаніи русской литературы стоитъ выше и можетъ глубже понимать изгибы языка, мысли и чувства читаемыхъ авторовъ, но вѣдь этого еще недостаточно: нужно пріобрѣсти умѣнье голосомъ выражать всякіе оттѣнки мыслей и чувствъ, нужно изучить самому искусство выразительнаго чтенія, узнать законы его и пріемы. А это искусство, если и изучается гдѣ либо, то— развѣ въ особыхъ школахъ театральныхъ или музыкальныхъ, но никакъ не въ университетѣ! „Отчего это въ самомъ дѣлѣ неоднократно раздаются жалобы, что ученики наши зачастую и читаютъ и говорятъ неудовлетворительно въ смыслѣ выразительности: читаютъ быстро, безъ всякой интонаціи; говорятъ—растягивая слова, разсказываютъ особымъ школьнымъ пѣвучимъ говоромъ; выученныя наизусть стихотворенія читаютъ равнодушно. Все упражненіе въ заучиваніи стихотвореній сводится къ упражненію механической памяти, а переспросъ выученнаго наизусть—къ повѣркѣ, твердо ли знаетъ ученикъ стихотвореніе, можетъ ли прочесть его наизусть безъ запинки“.—Такую мало-отрадную картину рисуетъ намъ одинъ ихъ современныхъ выдающихся педагоговъ Д. Тихомировъ, касаясь постановки выразительнаго чтенія въ народной школѣ, ему хорошо извѣстной. Если такъ не блестяще обстоитъ дѣло по части выразительнаго чтенія въ низшей школѣ, гдѣ преподаватели болѣе или менѣе знакомы съ пріемами его, то насколько хуже должно быть съ выразительностью чтенія въ средней школѣ, въ ко-

*) См. наиболѣе распространенныя методич. руководства Ельницкаго, Солонина, Тихомирова, Зимницкаго и др.

торой учителя русскаго языка, прежде чѣмъ стать руководителями юношества по этому предмету, не могли во время своей педагогической подготовки, если только можно назвать этимъ именемъ четырехлѣтнее пребываніе въ стѣнахъ университета, пріобрѣсть и получить руководящихъ указаній, какъ вести обученіе выразительнаго чтенія, какъ вообще самимъ-то слѣдуетъ читать, — не могли, повторяемъ, уже въ силу своего образованія. Положимъ, что, ставъ учителями, они будутъ стараться усовершенствовать себя во всѣхъ отношеніяхъ, примутся изучать законы выразительнаго чтенія, но и для нихъ самихъ, чтобы усвоить искусство чтенія, необходимъ прежде всего образецъ, необходимо самимъ слушать хорошихъ чтецовъ, декламаторовъ. Быть можетъ, все это и могутъ исполнить учителя столичные, но для провинціальныхъ, (а ихъ-то большинство), такое дѣло неосуществимо, и тѣмъ болѣе трудно, что провинція тормозитъ всякое стремленіе къ усовершенствованію. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ въ Соляномъ городкѣ были открыты г. Коровяковымъ курсы выразительнаго чтенія, привлекшіе къ себѣ массу слушателей, къ сожалѣнію за смертію талантливаго лектора они прекратились. Отчего бы теперь, когда открывается вновь многое множество различныхъ учебныхъ заведеній всевозможныхъ типовъ, не могло бы открыться спеціальное учрежденіе, гдѣ бы теоретически и практически преподавалось трудное, но въ тоже время полезное и необходимое искусство чтенія? Нѣчто въ родѣ лекцій или курсовъ выразительнаго чтенія возможно устроить при любомъ университетѣ для лицъ, готовящихся къ учительскому званію. На такіе курсы, или въ такое заведеніе полезно въ высшей степени было бы командировать на годъ хотя бы по одному преподавателю русскаго языка изъ каждой гимназіи для усовершенствованія въ чтеніи. Нужно ли еще прибавлять, что тогда-то и только тогда умѣнье читать выразительно, переданное нашимъ дѣтямъ ихъ учителями, дѣйствительно, окажетъ на нихъ благотворное умственное и эстетическое вліяніе. Средняя школа, какъ и низшая, имѣя въ выразительномъ чтеніи весьма важное образовательное и воспитательное средство, требуетъ, чтобы оно было поставлено, какъ слѣдуетъ.

II.

„Выразительность чтенія зависитъ главнымъ образомъ отъ той степени сознательности, съ какою учащіеся относятся къ тому, что читаютъ. Задача объяснительнаго чтенія состоитъ въ томъ, чтобы научить дѣтей—соединять съ каждымъ прочитаннымъ словомъ принадлежащее ему значеніе, усвоивать мысль, которая выражается въ каждомъ предложеніи читаемаго текста, понимать связь между мыслями и сущность всего сочиненія, какъ одного органическаго цѣлаго *). Въ настоящей статьѣ мы коснемся вопроса о томъ, какъ поставлено въ нашихъ гимназіяхъ объяснительное чтеніе, уроки котораго, по нашему убѣжденію, требуютъ отъ учителя такой старательной подготовки, какъ, можетъ быть, ни одна классная работа. Дѣлаемъ оговорку,—мы имѣемъ въ виду младшіе классы, начиная отъ приготовительнаго и кончая четвертымъ.

Обильны въ учебной литературѣ составленныя преподавателями гимназій и реальныхъ училищъ всевозможныя грамматики, диктанты, хрестоматіи, теоріи, курсы литературы, задачники и вопросники по русскому языку, но есть ли какія нибудь обстоятельныя систематическія руководства по объяснительному чтенію для среднихъ учебныхъ заведеній—не вѣдаемъ! У насъ область грамматики русской и ореографіи усиленно разрабатывается—и въ тоже время извѣстная вещь для всѣхъ, что до сихъ поръ ничего нѣтъ столь шаткаго и неопредѣленнаго, какъ наша ореографія и грамматика! Гимназисты наши, какъ неоднократно подтверждается министерскими циркулярами, пишутъ малограмотно, неправильно въ грамматическомъ отношеніи, не говоря уже объ изяществѣ изложенія. Невольно спросишь себя послѣ этого: если такъ плохо дѣло выходитъ съ правописаніемъ, то что же должно быть съ объяснительнымъ чтеніемъ, на которое, какъ видно, мало обращается вниманія. Полагать надо, что веденіе его или весьма легко и успѣшно идетъ у всѣхъ пре-

---

*) См. руководства Бунакова, Тихомирова и др.

подавателей русскаго языка въ гимназіяхъ и не требуетъ поэтому никакихъ особыхъ побужденій и усилій, или дѣло это поставлено у насъ далеко неудовлетворительно и не считается предметомъ важнымъ, а ведется каждымъ по своему усмотрѣнію? Мы склоняемся ко второму мнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, правильная постановка объяснительнаго чтенія должна была бы дать слѣдующія результаты: учащіеся пріучившись читать сознательно, обогащая свою устную рѣчь оборотами и выраженіями изъ литературныхъ произведеній, усваивая себѣ новыя идеи, мысли въ извѣстной системѣ и въ изящной формѣ, развивая эстетическій вкусъ, съумѣли бы потомъ найти соотвѣтствующія словесныя формы для передачи любого подлежащаго изложенію содержанія; умѣнье же излагать свои мысли толково и понятно для другихъ, пріобрѣтенное учениками въ младшихъ классахъ, соединяясь потомъ постепенно съ курсомъ исторіи литературы и теоріи ея, должно было бы привести къ инымъ результатамъ, нежели тѣ, какіе обнаруживаются теперь въ сочиненіяхъ нашихъ гимназистовъ, страдающихъ скудостью мыслей, плохимъ изложеніемъ и вообще неправильностью въ логическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ. И такъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ, отчего гимназисты стали писать, плохо, какъ постоянно нынѣ жалуются, мы считаемъ плохую постановку объяснительнаго чтенія. До сихъ поръ еще не рѣшенъ вполнѣ опредѣлительно вопросъ объ объяснительномъ чтеніи въ начальной народной школѣ: въ сужденіяхъ объ этомъ занятіи встрѣчаются большія разногласія. Желающихъ отсылаемъ подробнѣе ознакомиться къ сочиненію г. Бунакова „Родной языкъ“—стр. 72, 73 и слѣд., здѣсь же приводимъ изъ него самыя существенныя мѣста: этотъ авторъ подъ названіемъ объяснительнаго чтенія разумѣетъ вовсе не чтеніе, а бесѣды учителя съ учениками о различныхъ предметахъ и явленіяхъ по поводу того или другого слова, которое встрѣтится въ читаемомъ текстѣ, причемъ не предполагаетъ въ этихъ бесѣдахъ никакой руководящей идеи... „Иначе смотритъ на объяснительное чтеніе составитель одной изъ хрестоматій, вышедшей въ недавнее время.

Его взглядъ на это дѣло обнаруживается изъ коммен-

тарія, которымъ онъ снабдилъ каждую помѣщаемую статью и который состоитъ изъ вопросовъ и примѣчаній, направленныхъ частью къ объясненію вещественнаго и переноснаго значенія словъ, частью ихъ этимологическаго состава или синтаксическаго употребленія". Еще иначе относится къ объяснительному чтенію составитель другой хрестоматіи... „По его мнѣнію, исключительной задачей такого чтенія должно быть изученіе цѣлаго сочиненія, какъ системы мыслей; основная мысль, во имя которой они приведены въ сочетаніе—это то неизвѣстное, которое требуется найти. Помочь найти это неизвѣстное—вотъ задача объяснительнаго чтенія". Несмотря на разногласія, тѣмъ не менѣе, объяснительное чтеніе въ народной школѣ въ общемъ пользуется большимъ вниманіемъ среди другихъ занятій по русскому языку и ведется болѣе или менѣе удовлетворительно.—А какъ смотрятъ на это дѣло преподаватели русскаго языка въ гимназіяхъ? Въ учебной литературѣ можно лишь указать отдѣльныя попытки разрѣшить вопросъ о правильной постановкѣ объяснительнаго чтенія въ нашей средней школѣ—общаго же систематическаго продуманнаго и вполнѣ цѣлесообразнаго руководства для гимназій до сихъ поръ нѣтъ.

Приводимъ еще нѣсколько фактовъ, которые, по нашему мнѣнію, тоже говорятъ далеко не въ пользу правильной постановки объяснительнаго чтенія въ гимназіяхъ. Если бы оно велось, какъ слѣдуетъ, то немыслима была бы распространенность такой книги для чтенія въ младшихъ классахъ, какъ „Родина", которая однако выдержала чуть не пятнадцать изданій и очевидно въ большомъ ходу у насъ. На счетъ качества большинства помѣщенныхъ въ ней статеекъ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ г. Смирновскаго, который въ своей книжкѣ о курсѣ чтенія говоритъ: „не достигаетъ чтеніе своихъ цѣлей и при помощи такихъ сборниковъ, какъ „Родина" и ей подобныхъ въ которыхъ ихъ составители имѣли смѣлость свои собственныя, пестрымъ слогомъ написанныя произведенія „выдавать ихъ за образцы, достойные подражанія". Въ самомъ дѣлѣ, ужели возможно преподавателю вести уроки объяснительнаго чтенія, даже

еслибы онъ и вполнѣ ясно сознавалъ сущность такого чтенія, задачи его въ средней школѣ и прекрасно былъ знакомъ со всѣми наилучшими методами,—ужели возможно, повторяемъ, поставить ему это занятіе на должную степень, пользуясь книгою, въ которой статьи, точно хамелеоны, мѣняютъ свою наружность чуть не въ каждомъ изданіи, подвергаются перестановкамъ, передѣлкамъ? Какъ и ученики-то могутъ путемъ чтенія усвоивать формы общелитературнаго родного языка, когда въ книгѣ для чтенія они не видятъ почти вовсе статеекъ, которыя были бы заимствованы изъ произведеній образцовыхъ нашихъ писателей: Аксакова, Тургенева, Гончарова, Печерскаго, А. Толстаго и др.!

„При нормальной постановкѣ объяснительнаго чтенія ученикъ въ состояніи бываетъ вполнѣ свободно и разумно, вполнѣ правильно, полно и связно передать воспринятое путемъ чтенія содержаніе статьи: онъ выразитъ надлежащимъ образомъ и отношеніе частей разсказа и отношеніе отдѣльныхъ мыслей; передавая подробности, онъ не будетъ теряться въ нихъ, такъ какъ онъ въ состояніи тогда будетъ отличать второстепенное отъ главнаго, частное отъ общаго; онъ сможетъ разсказать содержаніе статьи и подробно съ сохраненіемъ частныхъ мыслей и кратко съ указаніемъ только основныхъ мыслей статьи“. Таковы должны быть результаты, если объяснительное чтеніе поставлено правильно: учащіеся должны вполнѣ уяснить себѣ содержаніе читаемой статьи. Но достижимы ли эти результаты въ нашихъ гимназіяхъ, когда мы въ учебной литературѣ видимъ много примѣровъ, какъ сами преподаватели неясно сознаютъ, что именно называется содержаніемъ. Укажемъ хотя бы такой примѣръ: во многихъ учебникахъ по латинской грамматикѣ до сихъ поръ недостаточно точно опредѣляется извѣстное пугало гимназистовъ, „косвенная рѣчь“. Говорится такъ: „прямая рѣчь—такая рѣчь, въ которой передаются слова и мысли какого нибудь лица въ той формѣ, въ какой они были высказаны. Косвенная же рѣчь—такая, въ которой передается только содержаніе словъ или мыслей въ зависимости отъ глагола“. Для объясненія этихъ двухъ опредѣленій всек

го чаще приводится рѣчь Аріовиста, изложенная во второмъ и первомъ лицѣ, а потомъ тѣже слова передаются лишь въ третьемъ лицѣ и называются, стало быть, косвенною рѣчью. Другой примѣръ: г. Смирновскій въ той-же вышеназванной книжкѣ предлагаетъ для учениковъ въ качествѣ письменныхъ работъ на первой ступени: письменное воспроизведеніе содержанія (стр. 43, 44.) „Воспроизвести содержаніе“, говоритъ онъ—„значитъ передать его по возможности словами и выраженіями самого автора“. Въ первомъ классѣ дѣло ведется такъ: сперва читается вся статья заразъ, а послѣ по частямъ и каждая отдѣльная часть сейчасъ же воспроизводится, затѣмъ уже вся статья цѣликомъ. Къ концу урока ученики знаютъ ее наизусть, и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаютъ ея планъ“. Воспроизведеніе содержанія? такъ ли это? Подъ содержаніемъ принято разумѣть вообще самое существенное и важное, главнѣйшее въ статьѣ, остовъ ея. Подъ тѣмъ же видомъ сочиненій, который объясняется г. Смирновскимъ, ученики не воспроизводятъ содержанія, а пишутъ просто напросто переложеніе или пересказъ. Сомнѣваемся, чтобы они къ концу урока понимали и планъ статьи, они лишь запомнятъ ее, заучатъ порядокъ мыслей, но связи между ними, отношеній между частями не поймутъ! Для этого, очевидно, требуется продѣлать съ ними урокъ объяснительнаго чтенія, а не одного лишь простого чтенія и пересказыванія. Итакъ, если сами преподаватели недаютъ себѣ точнаго отчета въ томъ, что разумѣется подъ содержаніемъ статьи, то мудрено, чтобы учащіеся подъ ихъ руководствомъ достигали умѣнья находить въ любой статьѣ главное и второстепенное, общее и частное, умѣли бы изложить ея содержаніе и дать подробное воспроизведеніе ея. Способность и навыкъ легко и быстро опредѣлять главное содержаніе прочитаннаго, умѣнье выражать это содержаніе въ немногихъ словахъ может и должно служить, по нашему мнѣнію, наилучшею мѣрою для опредѣленія успѣховъ ученика въ усвоеніи языка, и ничѣмъ другимъ нельзя вѣрнѣе опредѣлить степень его умственнаго развитія. Если же преподаватели русскаго языка по указаннымъ нами соображеніямъ и фактамъ посвящаютъ дѣлу объяснительнаго чте-

нія не столько вниманія и труда, сколько слѣдовало-бы, то въ этомъ посправедливости мы находимъ причину малоуспѣшности учениковъ гимназій въ области русскаго языка вообще и въ сочиненіяхъ въ особенности. Нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. До сего времени для гимназій по русскому языку не составлено еще образцовой хрестоматіи, по которой бы можно вести систематически объяснительное чтеніе, въ которой бы давался матеріалъ и для письменныхъ работъ и просто для самостоятельнаго чтенія учениковъ.

Есть, правда, много хрестоматій, авторы которыхъ имѣютъ въ виду или одинъ классъ, который нибудь или нѣсколько младшихъ классовъ подъ рядъ, но, если разсмотрѣть подробнѣе составъ ихъ, то насъ поразитъ разнообразіе матеріала, расположеніе котораго обусловливается самыми различными мотивами и взглядами. Вопросы: что читать и какъ читать въ гимназіяхъ—рѣшаются каждымъ по своему. А вѣдь пора бы, кажется придти къ единству во взглядахъ на способы преподаванія отечественнаго языка въ средней школѣ. Не мѣшало-бы взять въ этомъ случаѣ примѣръ съ начальной школы, имѣющей прекрасные образцы методикъ, руководствъ, и хрестоматій. По нашему мнѣнію, нормальная книга для чтенія въ гимназіяхъ должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ. Во первыхъ, относительно выбора матеріала должно слѣдовать примѣру древнихъ, которые требовали, чтобы въ школѣ читались и изучались лучшіе образцовые писатели. Изъ этихъ образцовъ дѣти, бѣдныя представленіями и неискусныя въ рѣчи, должны мало по малу усвоивать богатство мыслей, разнообразіе понятій; путемъ изученія наиболѣе совершенно—обработанной литературной рѣчи достигать умѣнья находить для изложенія мыслей самые соотвѣтственные изящнѣйшіе способы выраженія.

По формѣ и содержанію матеріалъ этотъ долженъ заключать въ себѣ статьи изъ различныхъ родовъ прозы и поэзіи соотвѣтственно съ постепеннымъ развитіемъ учени-

ковъ. Въ виду того, что ученики нашихъ гимназій весьма мало, въ особенности въ младшихъ классахъ, бываютъ знакомы съ природою и ея явленіями, мало также имѣютъ свѣдѣній о явленіяхъ окружающей жизни, объ отношеніяхъ людей между собою, (если же они и слышатъ или читаютъ или наблюдаютъ какіе нибудь факты изъ этихъ областей, то всѣ подобныя свѣдѣнія, наблюденія у нихъ носятъ характеръ случайный, безсистемный)—мы бы расширили программу чтенія для гимназистовъ и ввели бы въ хрестоматію для нихъ, именно для младшихъ классовъ рядъ, статей, заключающихъ въ себѣ краткій самый необходимый курсъ міровѣдѣнія и тѣмъ восполнили бы отчасти недостатокъ въ нашихъ гимназіяхъ естественныхъ наукъ. Кому неизвѣстно, какое поразительное невѣжество обнаруживаютъ по части реальныхъ знаній даже абитуріенты, которымъ вѣдомы всякіе законы и учрежденія, всякія гражданскія и негражданскія отношенія въ древнемъ мірѣ, порядки же родины неизвѣстны и даже не интересны. Съ этою цѣлію ради развитія устной рѣчи учениковъ и для обогащенія ихъ ума ясными и живыми представленіями о предметахъ мы предложили бы часть уроковъ по объяснительному чтенію превратить въ предметные уроки. Знакомое всѣмъ явленіе, что гимназистъ свободно и легко говоритъ и пишетъ о всевозможныхъ консулахъ, битвахъ, договорахъ, о пользѣ чтенія и т. п., отвлеченныхъ и часто малосодержательныхъ, неинтересныхъ предметахъ, а по поводу того, что у него совершается предъ глазами, по поводу окружающихъ явленій, бываетъ вполнѣ безпомощенъ, и не знаетъ, какъ сказать или писать. Этихъ-то фактовъ не должны забывать преподаватели русскаго языка. Кромѣ того мы расширили бы книгу для чтенія, помѣстивъ въ ней статьи по исторіи, географіи, прежде всего Россіи, а потомъ и другихъ государствъ, ввели-бы статьи содержанія религіознаго и бытоваго.

Статьи историческія и географическія могутъ служить лучшимъ и болѣе подробнымъ разъясненіемъ того, что они слышатъ на урокахъ этихъ учебныхъ предметовъ, и въ то

же время знакомить съ языкомъ, свойственнымъ тому и другому; статьи второго рода т. е. религіозныя и бытовыя прекрасно могутъ объяснить на наглядныхъ примѣрахъ смыслъ религіозныхъ явленій: праздниковъ, священнодѣйствій и т. п., равно какъ обрисовать повседневную людскую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ. Мы уже говорили, что статьи для чтенія должны быть выбираемы по содержанію сообразно съ развитіемъ учащихся, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ должны содѣйствовать выработкѣ у нихъ устной и письменной рѣчи въ той же постепенности. Одними изъ этихъ статей преподаватель воспользуется для грамматическихъ или логическихъ упражненій, другими для выразительнаго чтенія, третьими—для развитія въ дѣтяхъ эстетическаго чувства, или для выработки собственно технической стороны устной рѣчи, или для письменныхъ работъ и т. д. Помимо образовательнаго знанія нормальная книга для чтенія должна еще имѣть и воспитальное вліяніе на дѣтей, развивая въ нихъ чувство нравственное, чувство любви къ родинѣ, чувство изящнаго. Что же касается системы распредѣленія статей въ нормальной книгѣ для чтенія въ гимназіяхъ, то, конечно, матеріалъ слѣдуетъ располагать по классамъ, имѣя въ виду всѣ вышеобъясненныя требованія, и притомъ для каждаго класса концентрически съ переходомъ постепеннымъ отъ знакомаго дѣтямъ къ незнакомому, отъ легкаго и простого къ болѣе трудному и сложному. Такое распредѣленіе кромѣ удобства въ педагогическомъ отношеніи хорошо еще и тѣмъ, что совпадаетъ съ программою учебныхъ предметовъ, проходимыхъ въ каждомъ классѣ.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ обратиться ко всѣмъ преподавателямъ русскаго языка въ гимназіяхъ съ предложеніемъ совмѣстной дружной разработки такого важнаго вопроса въ преподаваніи, какъ вопросъ объ объяснит. чтеніи и о чтеніи вообще. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, неустроить съѣздъ педагоговъ гимназическихъ: обмѣнъ мыслей, взглядовъ по всѣмъ отдѣламъ преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ между учителями, безъ сомнѣнія, былъ бы въ высшей степени полезенъ! А такъ какъ въ силу

нынѣшнихъ гимназическихъ программъ русскій языкъ поставленъ на первое мѣсто въ ряду другихъ учебныхъ предметовъ, то въ настоящее время особенно настоятельною является потребность, чтобы для успѣха дѣла повсюду примѣнялись наиболѣе совершенные методы, а таковые и могутъ выработаться только при условіяхъ общихъ дружныхъ работъ и усилій возможно бóльшаго количества преподавателей русскаго языка.

В. И.

ОБЪ УЧЕНИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Среди практическихъ письменныхъ упражненій по русскому языку, предлагаемыхъ для учениковъ нашихъ гимназій учебными планами 1890 года, особаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя служатъ для развитія въ учащихся навыка излагать мысли правильнымъ и точнымъ языкомъ въ ихъ логической послѣдовательности. Постоянно раздающіяся жалобы на неумѣнье нашихъ гимназистовъ писать толково, связно и правильно, неоднократно издаваемые циркуляры со стороны высшаго учебнаго начальства, въ которыхъ констатируется тоже малоудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе сочиненій такъ наз. абитуріентовъ и даже малограмотность въ нихъ—всѣ подобные факты наводятъ на размышленія и вызываютъ невольно вопросъ: отчего, въ самомъ дѣлѣ, гимназистамъ такъ трудно дается тотъ видъ стилистическихъ письменныхъ упражненій, который въ объяснит. запискѣ къ учебн. программамъ русскаго языка въ гимназіяхъ на стр. 40-й опредѣляется подъ № 6-мъ словами: сочиненіе на тему, заданную учителемъ; отчего также эти самыя работы стали страдать и малограмотностью? Мы останавливаемся на № 6-мъ потому что этотъ-то видъ сочиненій обыкновенно является пробнымъ камнемъ зрѣлости нашихъ гимназистовъ и въ тоже время камнемъ преткновенія. Кто правъ, кто виноватъ, судить не беремся, но намъ хотѣлось бы выяснить вопросъ о томъ, чѣмъ обыкновенно руководятся преподаватели русскаго языка, задавая «сочиненіе на тему»; хотѣлось бы высказать нѣсколько мыслей по этому интересующему насъ предмету.

Устарѣлыя руководства Гаврилова, собранія темъ или плановъ Весина, Бѣлявскаго, Ольшамовскаго, Холевіуса, К. Петрова, кое-какія замѣтки въ той или дру-

гой методикѣ—вотъ и весь матеріалъ, (?) которымъ можетъ располагать преподаватель русскаго языка, чтобы обучать своихъ учениковъ въ трудномъ искусствѣ сочиненій. Навѣрное намъ возразятъ, что самъ преподаватель помимо всякихъ руководствъ долженъ умѣть и темы пріискать и передать ввѣреннымъ ему дѣтямъ умѣнье писать правильно въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи. Сомнѣваемся—да самъ-то учитель русскаго языка, позвольте спросить—гдѣ могъ онъ выработать и развить въ себѣ и даръ слова вообще и искусство писать, и что еще важнѣе, гдѣ могъ онъ усвоить искусство научить писать и другихъ? На университетской скамьѣ онъ слушаетъ курсы всякихъ литературъ, или, вѣрнѣе, зубритъ по лекціямъ, сдаетъ и забываетъ; изучаетъ языковѣдѣніе сравнительное, санскритскій языкъ, курсъ исторіи, но о методикѣ русскаго языка вообще и о примѣненіи ея къ гимназіямъ, о пріемахъ цѣлесообразнаго веденія сочиненій въ особенности—нигдѣ ни слова. Быть можетъ, онъ благодаря природнымъ способностямъ или особымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, чрезъ близкое общеніе съ образованными людьми, усердное чтеніе образцовыхъ произведеній, пріобрѣтаетъ себѣ умѣнье говорить и писать хорошимъ литературнымъ языкомъ, но какъ постепенно развить рядомъ извѣстныхъ упражненій такое-же умѣніе въ ученикахъ, онъ, несомнѣнно, затруднится. Конечно, перешедшій съ университетской скамьи на должность учителя русскаго языка примется искать въ учебной литературѣ указаній и руководствъ по предмету, какой ему будетъ порученъ, но, не получивъ предварительно положительныхъ методическихъ основаній, онъ окажется словно въ лѣсу, будетъ бросаться во всѣ стороны, будетъ пробовать, примѣрять. Въ томъ и бѣда, что отъ этихъ опытовъ испытуемымъ очень нелегко и цѣль преподаванія отечественнаго языка при подобныхъ условіяхъ врядъ ли успѣшно достижима? Какъ-же быть то? Ученическія сочиненія, по истинѣ должны быть дѣломъ въ высшей степени труднымъ, если вспомнить, какъ самъ знамени-

тый сатирикъ Щедринъ получилъ за сочиненіе, написанное имъ для сына своего гимназиста, отъ грознаго преподавателя русскаго языка всего лишь «тройку»! Мы знаемъ подобный примѣръ, какъ одинъ дѣятель по народному образованію, авторъ многихъ популярныхъ въ провинціи учебниковъ по русскому языку, дерзнулъ разъ помочь дочери гимназисткѣ такимъ-же образомъ, какъ Щедринъ, за что и былъ наказанъ, получивъ еще горшую отмѣтку: «два»!!

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію литературы о веденіи сочиненій, мы снова повторяемъ то убѣжденіе, которое высказали и въ предъидущей статьѣ, а именно то, что успѣхи дѣтей въ письменномъ изложеніи вполнѣ зависятъ отъ успѣховъ ихъ въ объяснительномъ чтеніи, причемъ имѣлись въ виду письменныя упражненія учениковъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи, связанныя съ читаемыми и изучаемыми въ классѣ статьями. Это-же правило должно быть строго соблюдаемо и въ высшихъ классахъ отъ четвертаго и вплоть до послѣдняго выпускного; само собою разумѣется, что читаемыя и разбираемыя въ классѣ статьи должны сообразоваться и по объему, и по содержанію и изложенію съ постепеннымъ развитіемъ учащихся. Весьма важное мѣсто среди такихъ упражненій во всѣхъ классахъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отвести изложенію содержанія, на которое, къ сожалѣнію, обращается мало вниманія въ гимназіяхъ. Ученики обыкновенно въ подобныхъ сочиненіяхъ пускаются въ многословное пересказываніе даннаго имъ произведенія и очевидно незнаютъ, въ чемъ разница между пересказомъ и содержаніемъ. Да и какъ имъ знать, если и сами преподаватели, какъ объяснено было нами въ статьѣ объ объяснит. чтеніи, смѣшиваютъ оба эти слова. А между тѣмъ упражненія въ изложеніи содержанія признаются вполнѣ справедливо однимъ изъ полезнѣйшихъ упражненій, такъ какъ благодаря имъ вырабатывается слогъ, уясняется связь мыслей и само произведеніе дѣлается прочною собственностью читающаго, не говоря уже о томъ, что при

этомъ развиваются умственныя силы учащихся, изощряется способность къ обобщенію. Мы убѣждены, что умѣнье найти во всякомъ литературномъ произведеніи самое главное, важное и ясно, отчетливо изложить его вѣрнѣе можетъ свидѣтельствовать о зрѣлости ученика, чѣмъ всякія его писанія на темы. Важнымъ подспорьемъ въ старшихъ классахъ для того, чтобы пополнить свѣдѣнія по русской и всеобщей литературѣ и цѣлесообразно руководить домашнимъ чтеніемъ гимназистовъ могутъ служить литературныя бесѣды. Въ этомъ случаѣ мы вполнѣ согласны съ Балтадономъ (пособіе для литер. бесѣдъ, стр. 3), что давно уже необходимо воспитывать молодое поколѣніе на положительныхъ образцахъ современной литературы, на образцахъ современнаго чистаго языка... Пора дать въ школѣ мѣсто изученію и новѣйшихъ писателей, первыя произвенія которыхъ появились около полувѣка тому назадъ и успѣли завоевать себѣ почетное мѣсто въ литературѣ».— Понятно, что бесѣды такого рода слѣдуетъ вести методично и систематически; мало того бесѣды эти должны быть во всѣхъ гимназіяхъ обязательны, такъ какъ полезность ихъ уже не можетъ быть оспариваема никѣмъ изъ преподавателей, а для учащихся при теперешнихъ программахъ, не идущихъ далѣе Гоголя и Пушкина, онѣ положительно необходимы. Къ тому же онѣ допускаются правилами гимназій 1871 года (см. § 9 Объяснит. записки) и особенно рекомендуются въ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1874 г.

Что же касается самостоятельныхъ письменныхъ упражненій, то подъ этимъ именемъ разумѣются тѣ, для исполненія которыхъ ученики пользуются находящимися въ ихъ душѣ знаніями, вынесенными изъ изученія учебныхъ предметовъ или чтенія книгъ, или пріобрѣтенными изъ жизненнаго опыта, изъ наблюденій надъ дѣйствительностью и изъ самонаблюденія. Этотъ видъ упражненій, проще обыкновенно называемый сочиненіями, составляетъ для гимназистовъ, быть можетъ, не меньшій камень преткновенія, чѣмъ буква «ѣ», а

потому и заслуживаетъ съ нашей стороны более подробнаго разсмотренія.

Для выбора и распределенія сочиненій, задаваемыхъ гимназистамъ въ качестве самостоятельныхъ работъ на разныя темы, следуетъ, по нашему мненію, установить то основное правило, что письменныя работы должны соответствовать какъ степени ихъ умственнаго развитія такъ и выработаннымъ ими навыкамъ въ письменномъ изложеніи своихъ мыслей, стало быть, выборъ темъ можно сделать всего легче и удачнее, если учитель будетъ обращать вниманіе на содержаніе и объемъ, а также на постепенный ходъ обученія въ каждомъ классе, притомъ онъ долженъ знать взгляды, наклонности и привычки своихъ учениковъ. Установивъ такой взглядъ на темы для сочиненій, если мы разсмотримъ наиболее распространенные сборники темъ и самое распределеніе этихъ темъ, то увидимъ, что часто требованія предъявляются слишкомъ высокія. Отъ этихъ-то неправильныхъ и непомерныхъ требованій сочиненія делаются мученіемъ для учениковъ, даже нравственно вредными, потому что они принуждаются быть болтливыми, писать о томъ, чего не знаютъ, пріучаются, такъ сказать, къ софистике или просто напросто прибегаютъ къ обманамъ. Учителю же неудачныя работы безпрестанно даютъ поводъ жаловаться на неспособность учениковъ, тогда какъ ему следовало бы скорее всего обвинять самого себя и бросить такіе пустые опыты.

Пояснимъ наши мысли несколькими примерами. Въ вышеназванномъ руководстве для письменныхъ упражненій въ гимназіяхъ—г. Ольшамовскаго предлагаются для пятаго класса темы въ роде следующихъ: «Лето въ городе и деревне; природа крайняго севера, крайняго юга; горы, ихъ красота и польза; сельское утро и сельскій вечеръ; городъ и деревня». По смыслу нашихъ разъясненій о выборе темъ въ описаніи учащійся обязанъ проявить свое уменье, указать признаки предметовъ и явленій природы, какіе могутъ быть въ

области его знаній, по опыту и наблюденіямъ, и изложить ихъ въ ясной, правильной и послѣдовательной формѣ.

Теперь спросимъ: ужели преподаватель русскаго языка, давая одну изъ перечисленныхъ нами темъ, станетъ ожидать, что всѣ ученики напишутъ ему удовлетворительныя сочиненія? Возьмемъ напр. хоть пятиклассниковъ Петербургскихъ гимназій—многіе ли изъ нихъ знаютъ, что такое настоящая русская деревня, а не пародія на деревню, куда по близости столицы, вѣроятно, нѣкоторые изъ нихъ переселяются съ родителями на дачу въ лѣтнее время? Да и вообще-то жители городовъ, не только что гимназисты, но и люди взрослые, въ особенности интеллигентнаго класса, рѣдко имѣютъ надлежащее понятіе о деревнѣ, ея природѣ и т. п. Мы увѣрены, что имъ бываетъ хорошо извѣстно устройство какого нибудь древняго города въ родѣ Аѳинъ или Рима, и то, кто жилъ, какъ управлялся, о чемъ даже разговаривалъ въ собраніяхъ, но, чтобы зналъ ученикъ что либо также хорошо о родномъ городѣ это ему въ голову не приходитъ. Но преподавателю, какъ видно, этого мало: извольте-ка написать ему о красотѣ и пользѣ горъ, которыхъ, около города, можетъ быть, и нѣтъ. Положимъ, подобная тема дана гимназистамъ какой-либо Кавказской гимназіи, знакомымъ хорошо съ горами. А что, ежели тотъ или другой изъ нихъ, горы—видать видали, или лазили на нихъ, а красоты въ нихъ никакой не видятъ и не чувствуютъ. Или знаютъ они, что въ горахъ добывается и золото, и серебро, и нефть, и ртуть и т. п.—и все это куда-то увозится, и какая кому отъ этого польза! Преподаватель отечественнаго языка въ 5-мъ классѣ однако не успокаивается и требуетъ, чтобы ученики писали ему и «о пользѣ дерева», «желѣза», «вѣтра», чтобы они «не всякому слуху вѣрили». Не споримъ, что дерево, желѣзо и вѣтеръ—такъ или иначе извѣстны учащимся, но есть ли какая нибудь система, что нибудь опредѣленное въ этихъ

знаніяхъ? Нѣкогда на урокахъ географіи слыхали они что-то и о желѣзѣ, и о деревьяхъ всевозможныхъ, и объ издѣліяхъ изъ нихъ, и о вѣтрахъ постоянныхъ и непостоянныхъ, теплыхъ и холодныхъ и иныхъ. Но остались у нихъ одни отрывочки, да и вообще какъ-то имъ не случалось потомъ размышлять о пользѣ того или другого, не приходилось имъ ни говорить, ни читать о томъ, какіе именно предметы изготовляются изъ желѣза или дерева, на что они идутъ, какъ называются; за то опять они знаютъ, какъ по-латыни и по-гречески именуютъ и желѣзо, и дерево, и всякія производныя отъ нихъ слова, какія имена были вѣтрамъ знаютъ и чуть не каждый день твердятъ! И пишутъ гимназистики, что дерево полезно, потому что изъ него выдѣлываютъ разныя вещи—посуду, какъ-то: ложки, лопаты, столы, диваны; изъ желѣза—орудія: серпы, топоры, перья, котлы, кровати... Когда же ученики примутся за темы въ родѣ: «береги денежку» или «не всякому слуху вѣрь»,—то полагать надо, преподаватель имѣлъ въ виду ихъ жизненный опытъ, благодаря которому они убѣдились въ справедливости этихъ мыслей.

Переходимъ къ темамъ VI, VII и VIII классовъ предлагаемымъ тѣмъ же г. Ольшамовскимъ. Мы не касаемся темъ литературныхъ или историческихъ, такъ какъ онѣ пригодны для учащихся, имѣемъ здѣсь въ виду темы отвлеченныя. Прежде всего бросается въ глаза поразительное ихъ изобиліе. Ученикъ, напримѣръ, никогда не путешествовавшій, не выѣзжавшій даже изъ города, обязанъ доказать пользу путешествія! Допустимъ, что онъ прибѣгнетъ къ помощи исторіи, припомнитъ Петра Великаго, Колумба, Финикіянъ древнихъ мореплавателей, но мы увѣрены, что онъ не съумѣетъ сдѣлать отсюда правильнаго вывода вообще о пользѣ путешествія безъ отношенія къ времени и къ лицу или пишетъ онъ о пользѣ труда въ юности, о пользѣ чтенія книгъ,—мы думаемъ что на первую тему могъ бы написать лишь человѣкъ, прошедшій всѣ возрасты

и горькимъ опытомъ жизни познавшій и необходимость труда въ началѣ жизни; о пользѣ чтенія что можетъ сказать гимназистъ, только что начинающій читать, пріобрѣтающій вкусъ къ чтенію, но обыкновенно безъ всякой системы и руководства глотающій книги, или такой, который за массою уроковъ очень рѣдко можетъ найти минуту свободную для чтенія?

Еще тема: временное уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо. (Карамзинъ).—вѣроятно, въ карцерѣ! и другая тема: «познай самого себя», о, заключенный въ карцерѣ! (добавимъ мы) по причинѣ праздности; о вліяніи бѣдности и богатства человѣка: кого мы называемъ образованнымъ человѣкомъ? и т. д.—(Желающіе могутъ полюбоваться собраніемъ этихъ темъ у г. Ольшамовскаго на стр. 80—93). Преподавателю, который бы вздумалъ задавать сочиненія на подобныя темы гимназистамъ, мы совѣтуемъ примѣнить на себѣ справедливость темы, имъ же предлагаемой: «путешествовать полезно». Да, для него было бы полезно путешествовать, потому что «чужая сторона прибавитъ ума», какъ говорится въ другой его темѣ! Легко судить, какія должны представлять наши гимназисты сочиненія своимъ руководителямъ въ дѣлѣ письменныхъ упражненій на подобныя отвлеченныя темы! Результаты должны получаться еще хуже отъ того, что многіе изъ преподавателей предпочитаютъ классныя работы домашнимъ, зная по опыту, что очень часто учащіеся, разъ имъ дается тема на домъ, подаютъ учителю не самостоятельныя сочиненія, а тѣмъ или инымъ способомъ заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, компилятивныя, говоря попросту, списанныя. Желая устранить это явленіе, весьма вредное для успѣховъ русскаго языка, преподаватели ограничиваются самымъ небольшимъ числомъ обязательныхъ домашнихъ темъ, а все вниманіе обращаютъ на письменныя работы въ классѣ. Но и такой способъ веденія сочиненій, по нашему мнѣнію, не достигаетъ своей цѣли. Хотя русскій языкъ по новымъ программамъ занимаетъ первое мѣсто среди другихъ учебныхъ предме-

товъ гимназическаго курса, но число уроковъ, отведенное на его долю тѣми же программами, далеко не соотвѣтствуетъ его первенствующему положенію: оно почти втрое меньше общаго числа уроковъ, приходящихся на долю древнихъ языковъ, и немногимъ больше количества часовъ назначеннаго для нѣмецкаго или французскаго языковъ. Если же преподаватель русскаго языка при такой поразительной скудости уроковъ своего предмета станетъ, положимъ, употреблять напр. въ четвертомъ или пятомъ классахъ, гдѣ русскій языкъ бываетъ въ недѣлю по три раза, одинъ часъ на письменныя работы, хотя бы и чрезъ недѣлю, а другой часъ проведетъ въ разъясненіяхъ по поводу исправленій въ сочиненіяхъ и вообще своей оцѣнки ихъ, то чрезъ это съ другой стороны пострадаетъ теоретическая часть курса, программа котораго едва-едва можетъ быть пройдена при полномъ, безъ всякихъ пропусковъ, количествѣ данныхъ уроковъ. Если посмотрѣть на дѣло со стороны, то всякій безпристрастный наблюдатель, хорошо знакомый съ жизнью нашихъ гимназій скажетъ, что классныя сочиненія рѣшительно безполезны. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только себѣ представить всю обстановку, при которой пишутся у насъ въ классѣ письменныя работы. Головы гимназистовъ уже заранѣе возбуждены въ ожиданіи,—какою то темою разразится ихъ наставникъ? Послѣдній является въ классѣ и сообщаетъ своимъ питомцамъ тему, положимъ, въ родѣ: польза желѣза или вѣтра и т. п.».

Въ распоряженіи классныхъ занятій времени не болѣе 50-и минутъ, въ теченіе которыхъ они обязаны обдумать тему, составить обстоятельный планъ и изложить свои мысли связно, послѣдовательно, точнымъ, яснымъ и правильнымъ языкомъ. Очевидно, что въ такой промежутокъ они должны исполнить въ высшей степени сложную и трудную работу! Но достижимо-ли все это?—вотъ вопросъ, на который мы должны по всѣмъ пунктамъ отвѣтить отрицательно! Ясно, точно и толково можетъ ученикъ отвѣтить лишь

тогда, когда онъ имѣетъ вполнѣ ясное понятіе о предметѣ своего сочиненія, между тѣмъ какъ онъ часто оказывается при данной темѣ въ положеніи человѣка, про котораго говорится: «слышалъ звонъ»... Выше было достаточно сказано про то, какими знаніями вооруженъ бываетъ нашъ гимназистъ, когда ему предлагаютъ тему въ родѣ «польза желѣза и т. п. другихъ отвлеченныхъ вопросовъ и мыслей. Сознаться надо также, что и въ вещахъ, болѣе и ближе ему извѣстныхъ въ русской литературѣ и исторіи, откуда часто заимствуются темы, познанія гимназистовъ далеки отъ ясности, сознательности; да нельзя и требовать многаго отъ нихъ при громадной программѣ какъ этихъ предметовъ, такъ и другихъ. Кстати скажемъ, что весьма полезно было бы устранить изъ круга ученическихъ темъ рѣшительно всякія отвлеченности a la Карамзинъ, какъ напр., „уединеніе сладостно“; «познай самого себя» и т. п. Подобныя мучительства, можетъ быть, пригодны для нѣмецкаго ума, для нѣмецкихъ школъ, откуда они и были заимствованы для нашихъ руководствъ по веденію сочиненій; русскій же умъ, какъ извѣстно, отвлеченностей не любитъ, и напротивъ, какъ нельзя лучше проявляетъ себя въ области практическаго, а потому и темы для русскаго юношества должны быть наглядныя, опредѣленныя, но отнюдь не абстрактныя. Мы допускаемъ въ нихъ помѣщеніе и отвлеченныхъ мыслей, сужденій, изреченій и т. п., но съ тѣмъ чтобы они служили лишь подтвержденіемъ, доказательствомъ тѣхъ выводовъ, которые мы дѣлаемъ на строго конкретной почвѣ изъ фактовъ, наблюденій, разсказовъ: здѣсь они могутъ играть отличную роль. Да и въ жизни-то русскій человѣкъ постоянно любитъ прибавлять къ фактамъ для поясненія какую нибудь общую мысль въ родѣ, такъ сказать, цитаты, краснаго словца, разсуждать-же отвлеченно не очень-то склоненъ. Вернемся къ покинутому нами въ классѣ бѣдному писателю-ученику. Торопливость, вполнѣ понятная въ его положеніи, чтобы удовлетворить всѣмъ вышеобъясненнымъ требованіямъ

относительно письменной работы, вредно должна вліять на самое исполненіе: нерѣдко онъ ограничивается однимъ планомъ, разроботавши за то его до мелочей, или же, набросавъ слегка, планъ, кое-какъ къ концу урока успѣваетъ написать и самое сочиненіе, въ которомъ опять далеко неудовлетворены требованія относительно правильности, точности, чистоты языка, иначе и быть не можетъ. Итакъ боязнь списыванія заставляетъ учителей русскаго языка прибѣгать къ мѣрамъ, совсѣмъ недостигающимъ дѣла преподаванія. По нашему мнѣнію, напрасно опасаться обмановъ со стороны учениковъ въ дѣлѣ домашнихъ сочиненій: всякій преподаватель при внимательномъ наблюденіи надъ работами легко замѣтитъ, самостоятельная-ли работа ему представлена или списанная; выдавая тетради ученикамъ онъ можетъ путемъ бесѣды по поводу темы убѣдиться въ вѣрности своихъ подозрѣній касательно того или другого любителя контрфакціи или плагіата. Классныя-же работы мы бы оставили лишь или для темъ, взятыхъ изъ пройденнаго курса литературы, или для такихъ темъ иного характера, которыя были-бы предварительно разобраны въ классѣ при руководствѣ учителя, но давать темы ex abrupto—Боже сохрани! Отъ самихъ преподавателей русскаго языка зависитъ среди положенныхъ программою часовъ выбрать, найти не одинъ, и не два, а десятки уроковъ для класныхъ работъ. Въ ихъ власти, напр., не скажемъ, сократить программу, но при прохожденіи курса литературы, особенно древняго періода не вдаваться въ подробности, какъ дѣлаютъ иные изъ нихъ, читая отрывки лѣтописи, какую нибудь Задонщину, слова Кирилла Туровскаго, или разсужденія Ломоносова, Карамзина. Достаточно было-бы для всей русской литературы до Пушкинскаго періода, насколько это положено программою, сообщить учащимся лишь содержаніе произведеній, а не мучить ихъ чтеніемъ, да еще разборомъ непонятныхъ, скучныхъ и интересныхъ лишь для спеціалиста, отрывковъ. Ужели мыслимо предлагать учени-

камъ темы въ родѣ: «языкъ лѣтописи Нестора, языкъ былинъ»,—когда еще сами ученые не сдѣлали подобной работы, гдѣ бы обстоятельно былъ разсмотрѣнъ языкъ всей древней нашей литературы, и только лишь теперь дѣлаются первыя попытки въ этой области, да и то при большихъ разногласіяхъ среди изслѣдователей? Предлагаемымъ нами способомъ преподаванія можно достичь того, что въ распоряженіи преподавателя окажется немало свободныхъ часовъ, которые онъ можетъ употребить и на классныя работы и на бесѣды по поводу темъ. Дѣлаемъ опять оговорку, что классныя работы на темы изъ пройденнаго курса литературы должны лишь служить провѣркою имѣющихся у гимназистовъ свѣдѣній, по поводу которыхъ были сдѣланы всестороннія разъясненія учителемъ. Кромѣ того мы не придаемъ составленію плановъ того значенія, которое приписывается зачастую многими преподавателями. Охъ, эти планы—нѣмецкое изобрѣтеніе! Господа нѣмцы со всею методичностью выдумали многотрудное ученіе Dispositions lehre: прежде нежели писать самое сочиненіе, по ихъ методу, принятому и у насъ многими, изволь—ко бѣдный гимназистъ, напрягши умъ и наморщивши чело, обдуматъ во всѣхъ подробностяхъ, все, что онъ намѣренъ изложить да обозначить въ планѣ со всякими дѣленіями и подраздѣленіями, гдѣ и что и какъ онъ предполагаетъ размѣстить—и потомъ втискивать свое сочиненіе въ такія тѣсныя рамки. Способъ, какимъ составляются сочиненія, можно сравнить съ постройкою какого либо зданія. Ужели какой нибудь архитекторъ, начертивъ планъ дома, отмѣтитъ на немъ для успѣшности дѣла и то, подъ какимъ номеромъ, куда и какъ слѣдуетъ класть кирпичи или бревна? Какъ ни странно, а именно такой методъ по номерамъ признается за цѣлесообразнѣйшій для русскаго сочиненія! Послѣдователи нѣмецкихъ плановъ дошли даже до того, что и русскихъ писателей, читаемыхъ въ гимназіяхъ, подвергли разбору со стороны плана, хотя мы увѣрены, что будь они—эти великіе мастера русскаго слова—живы, то

громко возопіяли бы противъ такихъ анатомическихъ опытовъ. Не оттого ли и новѣйшіе нѣмецкіе беллетристы такъ скучны своими подробнѣйшими разсужденіями, что они слишкомъ упражнялись въ школѣ въ составленіи плановъ; не оттого-ли нашъ Гоголь такъ долго мучился, создавая свои Мертвыя Души, что не могъ сразу составить подробнаго плана для своего великаго произведенія. Учись онъ въ нынѣшней гимназіи, онъ навѣрное постигъ бы тайну плановъ и подарилъ бы насъ, быть можетъ, не одной исторіей Чичикова, но и его Чичонятъ!

Мы рѣшительно отвергаемъ предварительное составленіе подробныхъ плановъ и желаемъ лишь одного, чтобы темы во 1-хъ, ученикамъ давались посильныя, и во 2-хъ, касались бы такихъ предметовъ, о которыхъ они имѣютъ ясныя понятія или могутъ быть доведены до ясныхъ понятій на основаніи имѣющихся у нихъ знаній подъ руководствомъ учителя посредствомъ бесѣды, и въ 3-хъ, чтобы ученики постепенно обогащали свой языкъ путемъ внимательнаго изученія образцовыхъ русскихъ писателей и соотвѣтственныхъ стилистическихъ упражненій (кромѣ тѣхъ, которыя называются собственно сочиненіемъ). А тогда, разъ ученикъ выяснилъ въ головѣ своей всю суть того, что требуется писать,—владѣя также запасомъ выраженій, онъ съумѣетъ соединить содержаніе съ изложеніемъ, форму съ идеей и напишетъ сочиненіе.

Еще нѣсколько словъ о правописаніи Грота. Въ немъ изложены принятые за руководство для всеобщаго употребленія взгляды Академіи Наукъ на правописаніе, переносъ словъ и ученіе о знакахъ препинанія. О первомъ мы говорить не станемъ. Всѣ преподаватели русскаго языка, начиная съ 1884 г.; убѣдились, что правила, предложенныя Гротомъ для правописанія, во многихъ случаяхъ являются условными, неопредѣленными, шаткими, а потому отъ поры до времени раздаются голоса объ измѣненіи ихъ или просто сокращеніи съ цѣлью облегченія учащихся. Въ этомъ смыслѣ мы вполнѣ раздѣ-

ревичѣ, Полтава, Покореніе Казани, Убіеніе Царевича Димитрія, Екатерина Великая, Суворовъ, и проч. и проч. Въ продолженіе же 10 лѣтъ всего было чтеній до 500, а слушателей болѣе двухъ—сотъ тысячъ.

Особенно, что дорого и отрадно видѣть въ дѣятельности Общества, на это указываетъ разсылка въ славянскія земли и въ Черногорію во всѣ школы безвозмездно тысячи разныхъ изданій. Подобнаго рода разсылка представляетъ неоцѣнимую нравственно-научную силу, которая будетъ роднить славянскія общества во единую цѣлую семью, сильную духомъ и крѣпкою вѣрою единымъ роднымъ словомъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ теперь высказать, что на Кирилло-Меѳодіевскомъ празднествѣ отразилась уже мысль о культурномъ проникновеніи нашего русскаго языка и русской литературы далеко за предѣлы нашего обширнаго отечества.—Это мы и видимъ теперь въ томъ, какое широкое вліяніе на славянъ высказывается въ прессѣ, напр. по произведеніямъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гр. Л. Толстого, Тургенева, Достоевскаго, и др. Въ Болгаріи, напр., по отчету одной Библіотеки, русскіе писатели читаются посѣтителями охотнѣе, чѣмъ англійскіе, французскіе. Среди Болгарскихъ гимназистовъ нерѣдко встрѣчаются такіе, которые прочли всего Бѣлинскаго.

Финаломъ и вѣнцомъ дѣятельности Славянскаго благотворительнаго Общества и торжественнаго празднованія дня свв. Кирилла и Меѳодія мы приводимъ заключительную рѣчь члена Общества В. М. Добровскаго, извѣстнаго педагога и публициста, произнесенную имъ при многочисленномъ собраніи публики въ Новороссійскомъ университетѣ. Рѣчь эта въ высшей степени интересна и замѣчательна тѣмъ, что въ ней ораторъ рельефно изобразилъ значеніе общеславянскаго литературнаго русскаго языка, широкія его задачи и роль его въ жизни славянскихъ обществъ. Рѣчь эта до того интересна, до того увлекательна, что отъ чтенія оной трудно или почти невозможно оторваться: это что-то чарующее, много говорящее уму и сердцу, а потому ее и передаемъ дословно.

ОБЩЕ-СЛАВЯНСКОЕ НАЗНАЧЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНАГО РУССКАГО ЯЗЫКА.

(Памяти свв. братьевъ, просвѣтителей славянъ).

(Рѣчь В. М. Добровскаго, произнесенная на торжественномъ собраніи членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Новороссійскомъ Университетѣ 11 мая 1892 г.).

Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo.

Вступительная замѣтка.—Основное содержаніе идеи національной.—Условія, при которыхъ въ полномъ объемѣ выполнимы основныя ея требованія.—Роковое положеніе науки и литературы у народностей небольшихъ.—Нѣмецкій языкъ въ качествѣ общеславянскаго у славянъ заграничныхъ.—Единственное средство избавиться отъ этого ненормальнаго явленія чрезъ предоставленіе русскому языку роли языка нѣмецкаго.—Выгоды отъ этой перемѣны: а) лично для писателей и б) культурно-историческія.—Заключеніе.

Тема, избранная мною, слишкомъ обширна сама по себѣ, чтобы ее было можно исчерпать въ рѣчи съ достаточною полнотою. Я тѣмъ болѣе и не бралъ на себя такой задачи, что Правленіе нашего Общества могло удѣлить мнѣ чрезвычайно мало времени, такъ какъ настоящее собраніе не только торжественное, но и очередное, назначенное для расмотрѣнія текущихъ, довольно сложныхъ дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, я взялся высказать нѣсколько соображеній, касающихся принципіальныхъ сторонъ избранной мною темы,—взялся съ единственною цѣлью, чтобы по мѣрѣ силъ содѣйствовать распространенію въ обществѣ благотворной и слишкомъ важной для культурной исторіи славянъ идеи, которой посвящается это мое слово. Въ моихъ глазахъ представляется въ высшей степени страннымъ, что вопросъ, затрагиваемый мною теперь, хотя относится къ чи-

слу тѣхъ, которыхъ никоимъ образомъ не можетъ обойти культурная исторія славянъ и который можно смѣло называть очереднымъ для нашего времени,—тѣмъ не менѣе упорно замалчивается общественною печатью у насъ и внѣ предѣловъ Россіи, а если и разбирается, то лишь въ такого рода сочиненіяхъ, которыя доступны лишь завзятымъ спеціалистамъ. Для публики такого рода произведенія остаются неизвѣстными вслѣдствіе того, что авторы ихъ не хотятъ поставить вопросъ въ тѣсную связь съ текущею дѣйствительностью, а трактуютъ его болѣе или менѣе археологически.

Теперь приступаю къ дѣлу.

Общеславянская роль русскаго литературнаго языка тотчасъ же станетъ ясна и понятна, коль скоро мы коснемся анализа идеи національной—той идеи, которая, по выраженію В. И. Ламанскаго, составляетъ „душу" нашей эпохи и которая породила между прочимъ и самый славянскій вопросъ.

Сущность этой идеи заключается въ томъ, чтобы предоставить каждой національности возможность всесторонняго, болѣе или менѣе самостоятельнаго прогресса, съ сохраненіемъ лучшихъ чертъ народнаго быта и особенно національнаго языка.

Но цѣль, которая ставится идеей національной, требуетъ извѣстныхъ условій.

Самымъ важнымъ и самымъ существеннымъ условіемъ является политическая самостоятельность. Тѣ народности, которыя, не имѣя политической независимости, подчинены народу многочисленному и имѣющему болѣе или менѣе высокую культуру, обречены неумолимою судьбою на скорую или медленную національную смерть, потому что культурное и могущественное племя имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ средства, чтобы предоставить своей культурѣ и своему языку самое широкое вліяніе на языкъ и обособленную культуру подчиненныхъ національностей. Полагаю, что это положеніе не требуетъ доказательствъ, такъ какъ ихъ въ обильномъ ко-

личествѣ всякій можетъ найти самъ въ исторіи одной Европы, древней, средневѣковой и новой *).

Къ счастію, славянскія народности не находятся въ такомъ положеніи. Обязанныя сохраненіемъ національныхъ чертъ жизни и національнаго языка съ одной стороны малокультурности турокъ, съ другой—національному слабосилію разношерстной Австріи, эти народности нынѣ частью достигли при помощи Россіи политической самостоятельности, частью же близки къ этой самостоятельности. Но представимъ себѣ, что всѣ слав. народности уже наслаждаются политической независимостью, уже достигли ея. Позволительно спросить, ради уясненія той же самой идеи національности: можно ли каждую изъ этихъ народностей поздравить съ полнымъ осуществленіемъ всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя самымъ существеннымъ образомъ связаны съ понятіемъ о независимости національнаго развитія?

Отнюдь нельзя. Политическая свобода есть только одно изъ необходимыхъ условій для культурной самостоятельности народа, и условіе внѣшнее. Духовная же самостоятельность обезпечивается далеко не одними пушками и ружьями, а главнымъ образомъ наукой и литературой. Только тотъ на-

---

*) Прошу припомнить судьбу разныхъ племенъ, населявшихъ Италію рядомъ и одновременно съ маленькимъ племенемъ латинянъ; судьбу галловъ и другихъ кельтовъ предъ—и за—альпійскихъ, иберійцевъ, бриттовъ; далѣе, въ средніе вѣка,—бургундовъ, франковъ, вандаловъ, вестготовъ; полабскихъ славянъ; судьбу, наконецъ, многочисленныхъ финскихъ и тюрко-татарскихъ инородцевъ, жившихъ нѣкогда тамъ, гдѣ теперь живутъ русскіе, и проч., и проч. и проч. Нынѣшніе славяне сами, всякій разъ, когда теряли свою политическую самостоятельность на болѣе или менѣе продолжительное время, поступались и своимъ національнымъ достояніемъ духовнымъ—заимствовали у своихъ политическихъ господъ и обычаи, и воззрѣнія, и слова: болгары и сербы у турокъ, малоруссы и бѣлоруссы у поляковъ, великоруссы у татаръ (какъ ни слабо было политическое подчиненіе русскихъ во время господства татаръ), чехи и поляки у нѣмцевъ...

родъ и ту націю можно назвать вполнѣ независимою и обезпеченною въ самостоятельномъ прогрессѣ, которая имѣетъ на своемъ родномъ языкѣ всѣ замѣчательныя произведенія человѣческой мысли, т. е. богатѣйшую литературу, какъ оригинальную, такъ и переводную, какъ научную такъ и художественно-популярную.

Но насажденіе такой литературы, носящей имя литературы „міровой“, требуетъ весьма многихъ условій и для большинства націй, особенно небольшихъ, совершенно недостижимо. Надобно, чтобы народъ, питающій надежду имѣть на своемъ языкѣ міровую литературу, былъ богатъ, многочисленъ и долговѣченъ. Изъ всѣхъ народовъ Европы въ древности такую литературу имѣли только греки и римляне, а нынѣ французы, англичане и нѣмцы.

Французы, англичане и нѣмцы всесторонне обезпечены въ дѣлѣ національнаго развитія, пока будутъ сохранять свою политическую независимость. Каждый изъ этихъ народовъ имѣетъ на своемъ языкѣ произведенія человѣческой мысли въ такомъ обиліи, которое устраняетъ почти вполнѣ необходимость обращаться къ произведеніямъ чуждыхъ литературъ, чтобъ создать что нибудь новое въ сферѣ теоретич. знаній и прикладныхъ, въ сферѣ наукъ и разныхъ отдѣловъ изящной литературы. Говорятъ, что Викторъ Гюго успѣлъ пріобрѣсти международную извѣстность, не прочитавши ни единаго произведенія на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ французскаго. Это оттого, что литература, писанная на языкѣ французскомъ, предоставляла ему возможность познакомиться съ лучшими произведеніями мыслителей всѣхъ вѣковъ и странъ—съ произведеніями грековъ и римлянъ, англичанъ и нѣмцевъ и итальянцевъ эпохи Возрожденія. И такихъ людей, пріобрѣтающихъ міровую извѣстность или своими открытіями на поприщѣ теоретическихъ знаній или своими изобрѣтеніями и открытіями въ сферѣ знаній прикладныхъ или наконецъ образцовыми произведеніями въ мірѣ художественномъ,—такихъ людей, подобныхъ В. Гюго, мы найдемъ очень много среди англичанъ, нѣмцевъ и французовъ. Литература, подобная нѣмецкой, англійской и французской, не только обезпечиваетъ независимое поступатель-

ное движеніе народа по пути всесторонняго совершенствованія, но въ то же время сообщаетъ мыслителямъ увѣренность и смѣлость, словомъ—свободу духа во время процесса художественнаго хворчества и научнаго мышленія, тогда какъ ученые люди и мыслители народа, имѣющаго на своемъ родномъ языкѣ литературу бѣдную, въ большей или меньшей степени лишены этой свободы и независимости: не смотря на свой сильный природный талантъ, они всегда будутъ чувствовать себя въ какомъ-то приниженномъ и подчиненномъ положеніи. Имъ надобно отлично усвоить сначала нѣсколько иностранныхъ языковъ, множество истратить времени на ознакомленіе въ подлинникѣ съ произведеніями иностранныхъ литературъ, критически отнестись къ нимъ, прежде чѣмъ пріобрѣсти большую или меньшую свободу духа. Эта самая подчиненность, приниженность народныхъ мыслителей, отражается и на массѣ народа, особенно въ опасные моменты его исторіи, потому что толпа инстинктомъ угадываетъ малосиліе своихъ передовыхъ людей, и въ свою очередь падаетъ духомъ. Вотъ почему нельзя мечтать о полной духовной самобытности, не заведя у себя дома, на своемъ родномъ языкѣ, литературы значенія мірового или такой, которая бы дѣлала нужду въ знаніи чужого языка какъ можно меньшею и для возможно меньшаго числа людей.

Теперь возвращусь къ славянамъ. Легко видѣть всякому, что славяне не могутъ создать себѣ литературы міроваго значенія (за исключеніемъ одной только Россіи), если каждая изъ славянскихъ національностей, въ дѣлѣ созиданія литературы, будетъ разсчитывать на свои лишь собственныя, сепаративныя силы и на свой собственный языкъ. Не касаясь вопроса о томъ, насколько прочно и долговѣчно каждая славянская народность въ состояніи, полагаясь лишь на свои собственныя силы, обезпечитъ себѣ политическую независимость, славянскія національности не могутъ мечтать о независимой литературѣ вслѣдствіе одной лишь малочисленности каждой народности, отдѣльно взятой. Одна лишь эта причина, если хорошенько обсудить ея послѣдствія для роста литературы,

способна разбить всякія надежды на то, чтобы когда нибудь чешская, болгарская или сербская литература, каждая въ отдѣльности, могли вступить въ соперничество съ литературой напр. нѣмецкой, и избавиться отъ подавляющаго вліянія послѣдней или какой либо другой. Эта причина приводитъ даже къ тому, что уже съ давнихъ поръ заставляетъ лучшія силы славянскихъ народностей работать на пользу и обогащеніе литературы чужого народа. Не съ улыбкой, а съ чувствомъ горечи и крайней досады надо признать, что въ настоящее время, какъ и раньше, международнымъ общеславянскимъ языкомъ высшей науки является дѣйствительно языкъ нѣмецкій. Соображенія, заставляющія славянскихъ ученыхъ писать на этомъ языкѣ, двоякаго рода—матеріальнаго свойства и духовнаго. Остановимся на нихъ теперь-же, чтобы выяснить ихъ неотразимую силу.

1) Писатели, какъ люди, хотятъ не только мыслить, но и жить, и жить по возможности лучше. Они хотятъ, чтобы произведенія ихъ ума, стоящія имъ часто нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ упорнаго, неустаннаго труда, находили хорошій сбытъ и хорошо оплачивались. Но кому неизвѣстно, что какъ разъ тотъ самый товаръ, который предлагается на рынкѣ серьёзной науки, имѣетъ всего меньше потребителей? Потребителями этими является прежде всего сословіе самихъ производителей, ученыхъ, которые покупаютъ этотъ товаръ на свои личныя деньги, а чаще всего на общественныя и государственныя—для библіотекъ, находящихся при средне-учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ и при ученыхъ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ. Государство, признавая великую пользу науки, содѣйствуетъ распространенію наиболѣе замѣчательныхъ произведеній научныхъ даже путемъ болѣе или менѣе принудительнымъ—посредствомъ оффиціальныхъ рекомендацій или циркуляровъ, разсылаемыхъ по упомянутымъ мною учрежденіямъ. Всякій теперь легко можетъ сообразить, какой ничтожный сбытъ можетъ имѣть серьёзнѣйшее произведеніе науки, написанное напр. на болгарскомъ, сербскомъ и даже чешскомъ языкѣ—среди болгаръ, сербовъ и чеховъ, гдѣ всѣ средне-учебныя, высшія заведе-

нія, а также ученыя общества и учрежденія нетрудно сосчитать по пальцамъ. Въ повременномъ хорватскомъ изданіи „Slovansky Svêt" отъ 10 февраля 1892 года помѣщена статья, характеризующая состояніе культурно-учебнаго дѣла въ Хорватіи и Славоніи. Изъ нея мы видимъ, что это дѣло въ упомянутыхъ двухъ провинціяхъ Австро-Венгерской монархіи, стоитъ очень высоко: 1189 общественныхъ и частныхъ начальныхъ школъ хорватскихъ, 19 народныхъ училищъ съ 6-лѣтнимъ курсомъ, 29 ремесленныхъ училищъ, 4 коммерч. школы, пять ученыхъ обществъ, 1 университетъ, 2 учит. семинаріи, 8 клас. гимназій, 4 реальн. гимназіи, 4 реальныхъ училища, 2 духов. семинаріи. И тѣмъ не менѣе, хорватъ, написавшій на своемъ родномъ языкѣ какой-нибудь замѣчательный—научный трудъ, не можетъ расчитывать хоть на мало-мальски справедливое вознагражденіе: среди всѣхъ упоманутыхъ учебно-культурныхъ учрежденій Хорватіи и Славоніи только 30 будутъ имѣть большую или меньшую нужду въ его трудѣ! Стоитъ ли послѣ того убивать время и здоровье на пользу научной литературы, хотя-бы и родной страны? Да бѣднякъ-патріотъ, если бы и горѣлъ пламеннымъ желаніемъ трудиться на пользу дорогой ему родины, внѣ всякой возможности сдѣлать это, потому что ему и его семьѣ можетъ угрожать нищета и голодная смерть... А какъ ненадежно, въ дѣлѣ науки, полагаться на поддержку одного лишь общества своей страны, помимо поддержки правительства, сошлюсь на другой фактъ. Въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" 1889 г. (кн. II) помѣщена статья, посвященная замѣчательному дѣятелю на поприщѣ польской этнографіи—Оскару Кольбергу. Статья написана по поводу пятидесятилѣтняго юбилея, который справляло польское общество въ честь своего ученаго въ томъ году. Изъ нея мы узнаемъ, что этотъ самоотверженный жрецъ польской науки въ теченіи своей пятидесятилѣтней дѣятельности написалъ всего 28 томовъ, каждый страницъ въ 300 и болѣе! Но нужно быть Оскаромъ Кольбергомъ, чтобы совершить такой подвигъ, не только не получая матеріальнаго вознагражденія за свой трудъ, но прямо-таки въ убытокъ себѣ: оказывается, что его труды имѣли такой

ничтожный сбытъ среди польскаго общества, что этотъ сбытъ далеко не оплатилъ автору тѣхъ издержекъ, которыхъ потребовало только изданіе трудовъ. Авторъ тратитъ свои гроши, которые зарабатывалъ въ качествѣ учителя музыки и въ качествѣ сотрудника разныхъ журналовъ. Этотъ человѣкъ навѣрное принужденъ бы былъ отказаться отъ любимаго дѣла, еслибы наконецъ къ нему не пришли на помощь польскія ученыя учрежденія, которыя ему выдавали субсидіи, хоть отчасти уменьшавшія убытки отъ изданія... Какъ же можетъ страна надѣяться на созданіе литературы міроваго значенія, если талантливѣйшіе и самоотверженные дѣятели родной науки не могутъ найти въ ней достаточной поддержки ни со стороны государства, ни со стороны роднаго общества? А надобно принять къ свѣдѣнію, что польская нація—наиболѣе многочисленная среди другихъ славянскихъ національностей, послѣ русской, конечно.

Но среди народа многочисленнаго, среди государства, изобилующаго учеными и средне-учебными заведеніями, а также людьми богатыми и просвѣщенными, такого рода явленія, какое представляетъ жизнь Кольберга, невозможны. Въ такомъ народѣ не только Кольберги въ состояніи хорошо обезпечить себя съ матеріальной стороны, но люди, недостойные даже „ремня развязать“ на его ногахъ *), т. е. дѣятели науки самые посредственные. Исключеніе не можетъ быть правиломъ. Поэтому матеріальныя соображенія на огромную часть талантливыхъ дѣятелей науки дѣйствуютъ такъ, что заста-

*) Н. Янчукъ, редакторъ «Этногр. Обозрѣнія» и авторъ статьи о Кольбергѣ, такъ отзывается о юбилярѣ, какъ этнографѣ: «имя Кольберга съ полнымъ правомъ и заслуженной славой станетъ на ряду съ именами извѣстнѣйшихъ этнографовъ всѣхъ народовъ, а среди изслѣдователей славянскихъ народностей онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Простительно ли послѣ этого всякому образованному человѣку не знать имени этого достойнаго и самоотверженнаго дѣятеля, служителя науки? Непростительно потому, что такихъ людей немного, и ихъ жизнь и дѣятельность должны быть извѣстны каждому и служить намъ примѣромъ». Стр. 134.

вляютъ ихъ предпочитать родному языку языкъ чужаго народа и чужой культуры, несравненно болѣе распространенный. Какъ мы уже сказали, славянскіе ученые почти всегда въ такомъ случаѣ обращаются къ языку нѣмецкому: дѣльныя сочиненія, написанныя на этомъ языкѣ, расходятся не только въ Германіи и среди славянъ Австро-Венгріи, но и во всемъ славянскомъ мірѣ, не исключая и Россіи.

2) Соображенія духовнаго свойства, въ свою очередь, служатъ не малымъ побужденіемъ, чтобы писать на нѣмецкомъ языкѣ. Эти соображенія дѣйствуютъ съ особенной силой, почти неотразимой, на людей наиболѣе талантливыхъ и, если хотите, геніальныхъ. Талантъ не можетъ расчитывать на скорую и справедливую оцѣнку своего труда среди немногочисленныхъ читателей своей націи; онъ рискуетъ остаться мало-извѣстнымъ въ теченіи всей своей жизни. Объ извѣстности-же международной и славѣ при своей жизни ему нечего и думать. Но его труды быстро доставляютъ ему эту извѣстность, коль скоро онъ ихъ пуститъ на международный рынокъ.

Вотъ почему трудно, почти немыслимо ожидать, чтобы среди болгаръ, сербовъ хорватовъ, чеховъ появился поэтъ-геній, подобный Л. Толстому, Достоевскому, Шиллеру, В. Гюго, Байрону, Гете, не говоря уже о Шекспирѣ: всѣ такого рода геніи у нихъ будутъ обогащать своими твореніями чужую литературу, питать и удобрять чужую (нѣмецкую) культуру своими соками, которые въ то-же самое время являются драгоцѣннѣйшими соками націи *).

*) Не трудно каждому догадаться, какъ напр. было-бы благодѣтельно для всѣхъ славянъ, если бы чехъ Янъ Амосъ Коменскій, трехсотлѣтній юбилей котораго мы недавно праздновали, всѣ свои сочиненія могъ писать на одномъ изъ славянскихъ языковъ. Но почти всѣ сочиненія его писаны полатыни. Своей энергіей и умомъ онъ оплодотворялъ культурную ниву Германіи, Англіи, Венгріи, особенно Швеціи и лишь отчасти Польши. Эта энергія и необыкновенный талантъ Коменскаго успѣли уже дать на Западѣ сторичный плодъ, между тѣмъ какъ славянамъ отъ всей его дѣятельности своевременно перепали лишь крупицы,

Но если это такъ, если самою судьбою суждено, что лучшія силы славянъ юго-восточныхъ и западныхъ не могутъ цѣликомъ оставаться дома, чтобы оплодотворять культуру своей родины; если, наоборотъ, все лучшее, геніальное и талантливое уходитъ на служеніе иной литературы и чужой культуры—то не лучше ли было бы, не разумнѣе ли постараться о томъ, чтобы эти силы служили, по крайней

а нынѣ осталось еще воспоминаніе, не особенно пріятное,—воспоминаніе объ утраченномъ славянскомъ геніи... И сколько такихъ примѣровъ посвященія великихъ силъ славянъ на пользу чуждыхъ народностей было въ исторіи славянъ, благодаря отсутствію у нихъ общенаучнаго и общелитературнаго органа для геніевъ мірового значенія!

Но если Амосу Коменскому въ XVII столѣтіи, чтобы достигнуть міровой извѣстности и значенія, вполнѣ извинительно было писать на латинскомъ языкѣ, тогда единственномъ международномъ органѣ науки,—при томъ же на языкѣ мертвомъ, значитъ, болѣе или менѣе нейтральномъ съ точки зрѣнія идеи національной,—то теперь, когда всякая народность славянская уже имѣетъ или съ успѣхомъ вырабатываетъ свой собственный органъ науки и литературы, писать на живомъ нѣмецкомъ языкѣ славянину—значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ (по мѣткому выраженію нашего баснописца Крылова)— «класть свои яйца въ чужое гнѣздо». Народности славянскія не могутъ относиться къ такимъ дѣятелямъ науки иначе, какъ дѣтки Крыловской кукушки къ своей маткѣ (см. басню «Кукушка и Горлинка»). Нынѣ къ такому шагу могутъ побуждать славянскихъ писателей почти исключительно расчеты матеріальнаго характера. Такъ напр., если австрійскіе ученые изъ славянъ пишутъ на нѣмецкомъ языкѣ, то за то они пользуются всею благостынею нѣмецкаго правительства Австріи... Словомъ, явленіе, о которомъ я говорю, въ видѣ общеупотребительнаго обычая,—нынѣ крайне ненормальное и славянамъ нужно употреблять всѣ мѣры, чтобы свести его до предѣловъ возможнаго minimum'а. Такихъ случаевъ, гдѣ крутая необходимость заставляетъ прибѣгать къ инославянскому языку, въ настоящее время наберется не очень много.

мѣрѣ, на пользу славянскаго міра, прямо содѣйствуя росту славянской культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ росту и укрѣпленію обще-славянской національной идеи? Развѣ этого никакъ нельзя сдѣлать? Развѣ нѣтъ для того никакого выхода!

Отнюдь нѣтъ. Выходъ этотъ есть и притомъ выгодный во всѣхъ отношеніяхъ. Пусть славянскіе ученые и мыслители въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится писать свои труды на нѣмецкомъ языкѣ, обращаются къ языку русскому. И мы можемъ ихъ смѣло увѣрить, что они прежде всего лично ничего не потеряютъ отъ этой перемѣны фронта въ области научной и отчасти изящной литературы,—не проиграютъ ни матеріально, ни нравственно уже теперь. Обратимся къ разъясненію прежде всего этой стороны дѣла, т. е. личныхъ выгодъ писателей.

1) Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1890 г. (кн. IV—IX) помѣщенъ отчетъ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа о состояніи учебнаго дѣла въ подвѣдомственной ему окраинѣ Россіи въ 1887—8 учебномъ году. Изъ этого отчета между прочимъ, видно, что въ Кавказскомъ учебномъ округѣ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній 41 (а начальныхъ школъ 1014). Эту цифру возможныхъ мѣстъ потребленія научныхъ трудовъ въ упомянутомъ округѣ мы принимаемъ за среднее число, падающее на каждый изъ учебныхъ округовъ Россіи, нисколько не боясь получить преувеличеніе въ итогѣ, а, наоборотъ, лишь обратнаго—итога уменьшеннаго. Большинство учебныхъ округовъ внутренней Россіи превосходятъ на много эту среднюю цифру. Такъ, судя по отчету г. попечителя кіевскаго округа за 1888—9 учебный годъ (Ж. Мин. Нар. Просв. 1891 г.), тамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній было 65 (а начальныхъ школъ 2004). Петербургскій, Московскій, Варшавскій, Харьковскій, Виленскій, Одесскій учебные округа, каждый въ отдѣльности,—или превосходятъ или мало уступятъ Кіевскому. Всѣхъ учебныхъ округовъ въ Россіи пока 14 (Петербургскій, Дерптскій, Московскій, Виленскій, Варшавскій, Кіевскій, Харьковскій, Одесскій, Кавказскій, Казанскій, Оренбургскій, Западной Сибири,

Восточной и Туркестана или Средней Азіи), такъ что 41×14=574. Университетовъ у насъ 10 (вмѣстѣ съ Академіей наукъ). Число высшихъ специальныхъ заведеній превышаетъ цифру 20, учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства: академій, семинарій и духовныхъ училищъ (въ послѣднихъ преподавательскій персоналъ набирается въ однихъ по большей части, въ другихъ исключительно—тоже изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ) превышаетъ цифру 200 *) А сколько у насъ разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, обязанныхъ своимъ существованіемъ доброй волѣ частныхъ лицъ или обществъ, сколько публичныхъ библіотекъ, общественныхъ и частныхъ, предъявляющихъ спросъ на ученые труды, хотя и трудно сосчитать, но и ихъ число никакъ не менѣе 300, такъ какъ каждый губернскій городъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ 2—3 подобныхъ учрежденія, не говоря уже о такихъ городахъ, какъ Варшава, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, гдѣ число ихъ доходитъ до десятка, не говоря о столицахъ, гдѣ оно достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ и совсѣмъ игнорируя уѣздные города. Всего же правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, по которымъ научные труды могутъ распространяться путемъ болѣе или менѣе принудительнымъ со стороны правительства или самого общества, выходитъ больше тысячи даже по моему, слишкомъ умѣренному, расчету (1074). Припомнимъ, что въ Хорватіи и Славоніи подобныхъ мѣстъ найдется не болѣе 40 (намѣренно увеличиваемъ прежнюю цифру 30, ровно на $^1/_3$), мы придемъ къ заключенію, что серьезный трудъ написанный на русскомъ языкѣ, въ одной только Россіи можетъ имѣть сбытъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ въ 26 разъ большій, чѣмъ если-бы тотъ же самый трудъ напечатанъ былъ на языкѣ хорватовъ. Но мы игнорируемъ

*) Мы вынуждены были ограничиться этими приблизительными статистическими свѣдѣніями, потому что точныя статистическія данныя собрать у насъ чрезвычайно трудно частному лицу. Точная статистика хранится по большей части въ канцеляріяхъ и только частью въ циркулярахъ учебныхъ округовъ.

здѣсь частныхъ лицъ, просвѣщенныхъ богачей и чиновниковъ, администраторовъ, слѣдящихъ съ живымъ интересомъ за развитіемъ тѣхъ или другихъ наукъ и составляющихъ свои домашнія библіотеки. На 110,000,000 населенія Россіи такихъ лицъ найдется никакъ ни меньше 3—4000, т. е., въ 4 раза больше, чѣмъ потребителей науки принудительныхъ. Увеличивая во столько-же разъ число частныхъ потребителей Хорватіи и Славоніи, мы получимъ ихъ 160, а всего съ потребителями правительственными и общественными 200. Но въ Россіи всѣхъ возможныхъ потребителей явится уже 5,000, т. е. опять ровно въ 25 разъ больше. Такимъ образомъ, если трудъ, написанный на Хорватскомъ языкѣ, разойдется въ количествѣ 200 экземпляровъ, то тотъ-же самый трудъ, написанный по-русски, разойдется уже въ 5,000 экземплярахъ.

2) Но съ распространеніемъ русскихъ научныхъ книгъ въ славянскомъ мірѣ, всѣ славяне явятся потребителями ихъ: болгары, сербы, хорваты, хорутане, чехи, поляки, лужицкіе сербы, словаки, галицкіе и буковинскіе русскіе. Возможное число потребителей русскихъ научныхъ трудовъ во всемъ заграничномъ славянскомъ мірѣ можетъ тогда достигать minimum цифры 2,000. Такимъ образомъ, тогда серьезный трудъ хорватскаго ученаго можетъ расчитывать на сбытъ въ количествѣ 7,000 экземпляровъ вмѣсто 200.

3) Но и этого мало. Не только русская изящная литература, но и русская наука завоевываетъ все больше и больше вниманія у народовъ западной Европы. Современная русская наука съ гордостью можетъ указать на цѣлый рядъ ученыхъ представителей разныхъ отраслей научнаго знанія,—химиковъ, физиковъ, астрономовъ математиковъ, историковъ, филологовъ, лингвистовъ и проч., которыхъ научныя изслѣдованія читаются нѣмцами, французами и англичанами обоихъ полушарій. Вотъ и еще рынокъ для русскихъ научныхъ трудовъ, спросъ на которыхъ все больше и больше будетъ возрастать.

Я уже не говорю о русской изящной словесности, которая въ настоящее время продолжаетъ приковывать преимущественное вниманіе западно-европейской публики—не

только французской, нѣмецкой, англійской, но итальянской, испанской, шведской, датской и норвежской. Въ самомъ славянскомъ мірѣ эта литература дѣлаетъ быстрые успѣхи, какъ это вы, мм. гг., могли заключить изъ словъ предъидущаго референта.

Всѣ эти факты и выкладки краснорѣчиво говорятъ о томъ, что русская литература, какъ научная, такъ и изящная, вполнѣ обезпечена въ томъ отношеніи, чтобы въ скоромъ времени сдѣлаться литературою мировою, рядомъ съ нѣмецкой, французской и англійской. Такимъ образомъ, ученый, пищущій на русскомъ языкѣ, можетъ быть вполнѣ увѣренъ не только въ хорошемъ сбытѣ своего произведенія, если оно, дѣйствительно, замѣчательно чѣмъ-нибудь, но и со стороны своихъ расчетовъ и претензій нравственнаго свойства. Онъ не рискуетъ, подобно Кольбергу, остаться до глубокой старости неизвѣстнымъ или малоизвѣстнымъ въ мірѣ науки и тѣмъ болѣе въ художественной литературѣ. А принимая во вниманіе, что въ Россіи его произведенія будутъ покупаться или по симпатіи или по рекомендаціи нашего Министерства Народнаго Просвѣщенія, мы можемъ, говорю я, смѣло увѣрить западныхъ и южныхъ славянъ уже теперь, въ данный историческій моментъ, что ихъ замѣчательные труды, будучи написаны на русскомъ языкѣ вмѣсто нѣмецкаго, доставятъ и скорую международную репутацію ихъ авторамъ, и хорошее матеріальное вознагражденіе.

Закончу разъясненіе этой стороны дѣла ссылкою на примѣръ. Въ Берлинѣ съ 1876 года издается на нѣмецкомъ языкѣ прекрасное періодическое изданіе „Archiv für Slavische Philologie“. Понятное дѣло, что это изданіе находитъ себѣ сбытъ преимущественно среди славянъ заграничныхъ и русскихъ. Но это изданіе нашло бы втрое или вчетверо большій сбытъ, если бы оно издавалось на русскомъ языкѣ. Наше министерство Народнаго Просвѣщенія сочло-бы своимъ нравственнымъ долгомъ обезпечить самый широкій сбытъ этому важному для славянской науки изданію. А нечего и говорить, что оно продолжало-бы имѣть такой-же, если не больщій, сбытъ среди славянъ Австро-Венгріи, Болгаріи, Сербіи и даже Румыніи.

Теперь приступаю къ разъясненію другой стороны вопроса: какія воспослѣдують культурно-историческія выгоды отъ предполагаемой (по моему мнѣнію, неизбѣжной) перемѣны фронта въ мірѣ науки и искусства для всѣхъ славянъ, для всеславянской культуры и всеславянской національной идеи. Выгоды эти огромныя, трудно измѣримыя.

Если мы примемъ во вниманіе, какъ недалеко отъ насъ отстоитъ 1848 ой годъ, когда, мы русскіе, ясно доказали полное непониманіе національной идеи славянства, и если мы взглянемъ нынѣ, въ 1892 г., на политическую карту славянскаго міра и на то, что теперь тамъ дѣлается, какъ славяне ожили духомъ, какъ смѣло они высказываютъ свои національныя надежды и упорно отстаиваютъ свои національныя интересы, то нельзя не признать поразительно быстрыхъ, поистинѣ, блистательныхъ успѣховъ, какіе сдѣлала въ такой короткій срокъ славянская идея. Но надобно признать и то, что эти успѣхи ничѣмъ пока не обезпечены въ своей прочности и долговѣчности. Всѣ эти успѣхи являются результатомъ болѣе или менѣе смутнаго, болѣе или менѣе безсознательнаго, какъ бы стихійнаго увлеченія славянской идеей, съ особою силою охватившаго русское общество, отъ высшихъ слоевъ и до самаго низу. Славянская идея тогда переживала въ своемъ родѣ періодъ историческаго романтизма—прекрасный періодъ, который какъ и всякое романтическое направленіе, былъ исполненъ радужныхъ надеждъ, благородныхъ порывовъ къ неясному будущему и розовыхъ мечтаній. Періодъ этотъ былъ особенно тѣмъ хорошъ, что предоставлялъ полную свободу каждому славянину строить въ своей фантазіи великолѣпнѣйшіе воздушные замки и увлекаться ими каждому на свой манеръ. Но вотъ, послѣ романтизма наступила реальная исторія,—и что же мы видимъ? На первыхъ же порахъ этой самой исторіи воздушные замки, прежде таившіеся скрытно отъ другихъ въ головѣ и сердцахъ патріотовъ—славянъ, всплыли наружу, закружили голову, затуманили трезвую мысль и здравый разсудокъ. Реальная, а не воображаемая, дѣйствительность на первыхъ же порахъ показала намъ славянъ въ давно знакомомъ освѣщеніи: затянулась старая пѣсня, давнымъ—дав-

но извѣстная всякому изъ насъ, та самая пѣсня, которая особеннымъ успѣхомъ пользовалась въ Россіи въ удѣльный періодъ, которая дикою нотою раздавалась въ теченіи вѣковъ въ польско-русскихъ отношеніяхъ и которая не разъ уже доводила до края гибели какъ отдѣльныя славянскія народности, такъ и весь славянскій міръ въ совокупности.

Но еще извинительно было для нашихъ предковъ не сознавать и не слышать дикихъ звуковъ этой пѣсни: у нихъ не было науки; они жили въ лѣсу, въ умственномъ мракѣ. Но теперь, въ концѣ XIX столѣтія затягивать ту же пѣсню славянамъ, какъ будто стыдно и столь же пагубно, какъ и раньше—пагубно было потому, что сосѣди ихъ, нѣмцы, послѣ объединенія своего, заняты совсѣмъ инымъ дѣломъ, весьма согласно наступая на славянскій міръ со всѣхъ сторонъ.

Итакъ славянамъ надобно позаботиться о двухъ вещахъ: 1) чтобы гарантировать свою цѣлость со стороны нѣмцевъ и 2) не давать воли необузданной фантазіи, а прислушиваться къ голосу своего здраваго разсудка.

Но то и другое возможно лишь только тогда, когда славянская наука, а съ нею вмѣстѣ и славянская мысль освободится изъ-подъ вліянія науки и мысли нѣмецкой. А эта самая цѣль осуществима лишь подъ тѣмъ условіемъ, когда славяне скажутъ прежде всего нѣмецкому языку: „долой!“ изъ области своей литературы и науки.

Съ точки зрѣнія славянской идеи, конечно, на мѣсто нѣмецкаго языка безразлично рекомендовать какой угодно изъ славянскихъ живыхъ языковъ. Но мы уже видѣли всю невозможность рекомендовать на это мѣсто какой либо другой языкъ, кромѣ русскаго. Когда это случится, то произойдетъ слѣдующее:—

1) Славяне перестанутъ работать на пользу нѣмецкой литературы и, вообще, нѣмецкой культуры. Таланты и геніи, могущіе появиться среди небольшихъ славянскихъ націй найдутъ выходъ трудиться прямо на пользу славянской культуры, умножая ее и обогащая драгоцѣнными произведеніями своей мысли. Среди славянъ тогда могутъ появиться еще невѣдомые великіе поэты, которые, быть можетъ,

просвѣтятъ какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ потомковъ на счетъ того, какъ разумнѣе и лучше жить и устроиться, словомъ, прольютъ свой геніальный свѣтъ на нынѣ все еще темный и неопредѣленный славянскій вопросъ *).

2) Вмѣстѣ съ тѣмъ заложенъ будетъ прочный фундаментъ для вполнѣ самостоятельной обще-славянской культуры. Говоря строго, славянская идея по настоящее время продолжаетъ жить все еще въ мечтахъ, въ возможности, а не въ дѣйствительности. Правда, наши взаимныя отношенія оживились, сознаніе родства и того долга, который возлагается этимъ сознаніемъ на каждую славянскую единицу,

---

*) Самый славянскій вопросъ, плодъ увлеченій романтическихъ проповѣдниковъ общеславянской идеей (беллетристовъ, публицистовъ, романтиковъ-филологовъ, историковъ и особенно поэтовъ, въ родѣ словака Штура и нашего Тютчева),—можетъ быть опять подвинутъ впередъ лишь такими людьми, которые, руководясь силою вдохновенья и преданности традиціямъ свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, освѣтятъ дальнѣйшую дорогу, по которой должно вновь двинуться это великое дѣло въ согласіи съ этими традиціями. Но къ безкорыстному воодушевленію всякой великой идеей, къ пропагандѣ ея среди «черни» (по выраженію Пушкина), т. е. среди людей, руководствующихся въ жизни однимъ матеріальнымъ расчетомъ, никто такъ не способенъ, какъ именно тѣ люди, которыхъ называютъ «великими» поэтами. Они, и почти только они,—люди, руководимые и вдохновляемые лишь величіемъ идеи, а не расчетомъ корысти,—могутъ расчистить и облагородить атмосферу, которая такъ опошлилась и наполнилась нынѣ такими міазмами чрезъ прискорбныя событія, случившіяся въ Болгаріи и Сербіи послѣ 1877 года. Но такіе поэты могутъ произойти лишь изъ среды самихъ славянскихъ народностей; они будутъ ближе знакомы съ бѣдствіями прошлой жизни и современной жизни и современными надеждами этихъ народностей. Эти люди навѣрное будутъ, появятся, потому что славянская идея проявила уже необычайную силу жизненности. И если они не появляются до сихъ поръ, то главнымъ образомъ оттого, что у южныхъ и западныхъ славянъ нѣтъ языка, на которомъ можно бы

все болѣе и болѣе растетъ, но все это куда-какъ далеко до реальныхъ, осязательныхъ основъ всеславянской культуры! Нѣмцы не только имѣютъ общій литературный языкъ и міровую литературу на этомъ языкѣ, но успѣли уже объединиться политически: вотъ тутъ можно говорить о самобытности нѣмецкой. Мнѣ кажется, со стороны людей, искренно преданныхъ идеѣ славянской и вѣрящихъ въ эту идею, готовыхъ исповѣдовать ее и дѣломъ, и словомъ слѣдуетъ лишь благословлять Бога и судьбу за то, что между славянскими языками есть такой, который уже проявилъ всѣ признаки сдѣлаться языкомъ міровой литературы. Вѣдь онъ представляетъ единственный выходъ освободиться отъ духовнаго ига нѣмецкой культуры и нѣмецкой мысли. А имѣя въ виду, что этотъ языкъ достигъ высокой степени развитія, что имъ писали поэты, снискавшіе себѣ громкую международную извѣстность и славу*), каждый такой славянинъ, если онъ дѣйствительно искренно преданъ идеѣ самостоятель-

---

было обращаться ко всему славянскому міру. Нѣмецкій языкъ, очевидно, для такого дѣла неудобенъ; неудобенъ также и языкъ родины, гдѣ волей-неволей приходится руководиться тѣмъ теченіемъ мыслей, которое господствуетъ въ данный моментъ въ непросвѣщенной толпѣ или въ административныхъ сферахъ. Что касается насъ русскихъ, то между нами трудно ожидать появленія такого «великаго» общеславянскаго поэта: мы, хотя всегда сочувствовали горю славянскихъ народностей и помогали имъ настойчиво, тѣмъ не менѣе неспособны выразить всей глубины славянской души и славянскихъ тайныхъ и явныхъ надеждъ такъ, какъ это могъ бы сдѣлать геній, вышедшій изъ среды самихъ славянскихъ народностей. Наши геніальнѣйшіе поэты и мыслители черезчуръ увлечены вопросами общечеловѣческаго свойства, но рѣдко отзывались на тему о славянахъ.

*) Чтобы дать понятіе неспеціалистамъ въ области русской литературы, особенно новѣйшей, какъ велика цѣна нашихъ новыхъ поэтовъ въ глазахъ всѣхъ образованныхъ націй, выписываемъ изъ «Исторіи новѣйшей русской литературы», А. М. Скабичевскаго (Спб., 1891 г.), слѣдующую характеристику школы русскихъ поэтовъ «сороковыхъ» го-

ной общеславянской культуры,—можетъ лишь гордится русскимъ языкомъ и его геніальнымъ организаторомъ, архангельскимъ мужикомъ, какъ гордимся и мы русскіе.

3. Общеніе, обмѣнъ мыслей между славянской интеллигенціей не только удесятирится, но, вообще, возрастетъ до тѣхъ размѣровъ, когда самые темные и самые существенные вопросы, касающіеся славянскаго міра, перестанутъ быть темными, потому что будутъ доступны обсужденію не однихъ спеціалистовъ, но и всѣхъ людей образованныхъ. Это поведетъ къ воспитанію чувства справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ націй, къ сознанію и уясненію національныхъ правъ, къ уясненію солидарности интересовъ и ко взаимному уваженію. Всего этого теперь нѣтъ: каждый баронъ у насъ имѣетъ свою фантазію на-счетъ славянскаго вопроса, да и едва ли когда-либо можетъ быть,

---

довъ; «Школа эта», говоритъ упомянутый авторъ,—«представляющая цѣлую плеяду могучихъ талантовъ, обогатившихъ русскую литературу несмѣтнымъ количествомъ первостепенныхъ произведеній, безспорно является замѣчательнѣйшимъ явленіемъ не только въ русской жизни, но и въ обще европейской. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Европа, въ настоящее время взапуски переводитъ на всѣ свои языки произведенія этой школы, и чѣмъ болѣе ихъ переводитъ, тѣмъ болѣе удивляется ихъ совершенству, восхищается ихъ художественностію, проникается ихъ идейнымъ содержаніемъ, подражаетъ имъ,—и вообще ставитъ ихъ въ ряду высшихъ проявленій европейскаго искусства. Въ произведеніяхъ этихъ Европа увидѣла... нѣчто зрѣлое, самостоятельно пережитое, органически проросшее на своей собственной почвѣ и къ тому-же глубоко проникнутое высокими и гуманными идеями, которыя представляются замѣтною святынею всего человѣчества». (Стран. 121). Къ этимъ словамъ почтеннаго автора «Исторіи» мы можемъ присоединить, что едва-ли Шиллеръ и Гете, эти столпы нѣмецкой поэзіи, въ свое время производили столь потрясающее и глубокое впечатлѣніе на европейскую читающую публику и вообще пользовались такою широкою популярностью, какою пользуются въ настоящее время произведенія Ѳ. Достоевскаго и Л. Толстаго среди всѣхъ образованныхъ націй міра.

при настоящемъ status quo славянскаго дѣла. Единый языкъ высшей науки и отчасти изящной литературы, въ дѣлѣ общенія между интеллигентными людьми,—это желѣзнодорожный поѣздъ экстренной скорости и даже телеграфная проволока; раньше языки—это сообщеніе колесное; а если другимъ языкомъ высшей науки одна часть славянъ избрала совершенно чуждый, не изъ славянскаго лагеря,—тяжелый языкъ, нѣмецкій, то выйдетъ сообщеніе по плохой грунтовой дорогѣ, гдѣ на каждомъ шагу большинство читателей будетъ встрѣчать безчисленныя кочки, еле проходимыя обширныя лужи и гдѣ они рискуютъ совсѣмъ завязнуть въ однихъ лишь чудовищныхъ періодахъ нѣмецкой „классической“ рѣчи.

4) Наконецъ, принявъ во вниманіе, что для всякаго славянина, кто-бы онъ ни былъ—сербъ или болгаринъ, чехъ или хорутянинъ, хорватъ или словакъ и полякъ,—въ 10—15 разъ легче усвоить языкъ русскій, какъ родственный, нежели нѣмецкій, слѣдуетъ придти естественно къ выводу, что высшее научное просвѣщеніе и ознакомленіе съ міровою литературой, при посредствѣ языка русскаго, въ 10 или 15 разъ стало бы быстрѣе дѣлать успѣхи во всемъ славянскомъ мірѣ. Точно также, безспорно, самое число образованныхъ людей увеличилось бы въ славянскихъ земляхъ также въ нѣсколько разъ, вслѣдствіе болѣе легкой доступности русскаго языка.

Говоря короче, съ изгнаніемъ нѣмецкаго языка изъ области славянской культуры и съ момента предоставленія его роли языку русскому будетъ заложенъ впервые фундаментъ для общеславянской культуры и полной независимости славянъ духовной, въ области знаній. Съ этого времени наступитъ конецъ игу славянской мысли; съ этого времени славянскія силы перестанутъ идти на удобреніе чужой почвы, во вредъ своей собственной; съ этого времени завяжется дѣятельная славянская взаимность, и ростъ славянской культуры пойдетъ ускореннымъ шагомъ. Тогда можно будетъ надѣяться и на то, что славянскіе народы, детально ознакомившись другъ съ

другомъ, установятъ разумныя и справедливыя взаимныя отношенія, выяснятъ каждый свои историческія задачи и ту роль, которая болѣе подходяща для него. Словомъ, лишь при этомъ условіи общеславянская идея можетъ принять извѣстныя реальныя очертанія и можетъ быть признаваема, какъ фактъ, на ряду съ національной идеей нѣмецкой, французской, англійской. Говоря другими словами, съ этого времени славянство начнетъ новый періодъ своей исторической жизни, періодъ едва-ли не самый важный по тѣмъ великимъ результатамъ, къ которымъ онъ можетъ привести.

Славяне жалуются, что нѣмецъ, французъ, англичанинъ, поселившись среди нихъ, всегда претендуютъ на руководящую роль, начиная отъ образованныхъ людей и кончая простымъ поселяниномъ. Славяне еще болѣе жалуются и обижаются, когда видятъ, къ своему удивленію, что эти претензіи иноземцевъ-насельниковъ обыкновенно увѣнчиваются успѣхомъ, часто не смотря даже на внѣшнія затрудненія и ограниченія, которыми обставляются „закономъ" эти самые чужеземцы-насельники. Въ Россіи эти жалобы раздаются отъ Петра Великаго и до нашихъ дней, въ Австріи тоже давно, а въ Болгаріи, Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ они только начались и начались страшно болѣзненнымъ тономъ... Но исторіи нѣтъ дѣла до жалобъ, потому что національная и общественная жизнь подчиняется, какъ и все на свѣтѣ, неумолимымъ законамъ: не жаловаться слѣдуетъ, а угадывать тѣ самые законы, которые управляютъ жизнью, угадывать и слѣдовать ихъ неумолимымъ требованіямъ, глухимъ ко всякимъ жалобамъ. Надобно же наконецъ понять, что нѣмецъ, англичанинъ, французъ, отъ мала до велика, чувствуютъ свою культурную независимость и свое національное превосходство, обезпечиваемое главнымъ образомъ ихъ родною наукой и литературой міроваго значенія, изъ-подъ зависимости отъ которой славяне никакъ не могутъ избавиться. Ясно, какъ нельзя болѣе: славяне всемѣрно должны заботиться о томъ, чтобы обезпечить себя отъ умственнаго

и нравственнаго вліянія нѣмцевъ и завести у себя дома то самое, что завели у себя ненавистные для нихъ нѣмцы. Тогда снимется съ славянской интеллигенціи и толпы печать приниженности, и они съ гордостью и чувствомъ своего національнаго достоинства отразятъ претензіи иностранцевъ на господство и руководящую роль въ своей собственной землѣ въ какой бы то ни было жизненной сферѣ.

Но мнѣ возразятъ, быть можетъ, что русскій языкъ въ дѣлѣ общеславянской науки и литературы, хотя бы въ той самой, роли которую нынѣ у славянъ играетъ нѣмецкій, будетъ первымъ шагомъ въ руссификаціи славянъ. Поистинѣ несчастное подозрѣніе! Оно можетъ свить себѣ гнѣздо лишь въ той незрѣлой головѣ, которая не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о стремленіяхъ и историческихъ задачахъ русскаго государства и народа. Намъ-ли зариться на славянское скудное добро, владѣя столь необъятнымъ пространствомъ земли? Намъ надобно нѣсколько вѣковъ самой кипучей дѣятельности, чтобы ключомъ забилась русская жизнь и культура въ необозримыхъ степяхъ сѣверной и средней Азіи въ первобытныхъ, дѣвственныхъ лѣсныхъ пространствахъ Сибири, въ дикихъ, но богатыхъ всѣми сокровищами горахъ и долинахъ Азіи—закипѣла такъ, какъ эта жизнь закипѣла теперь въ нѣкогда пустынныхъ степяхъ Новороссіи. Въ этой самой русской Азіи весь заграничный славянскій міръ можно цѣликомъ помѣстить 30—40 разъ. Намъ надобно также нѣсколько вѣковъ и на то, чтобы привести въ согласіе несогласные культурные и національные элементы, находящіеся въ предѣлахъ самой Европейской Россіи... Это съ одной стороны. А съ другой: да гдѣ же это видано, чтобы литературный языкъ представлялъ опасность для народнаго, живаго языка населенія, живущаго за предѣлами того государства и народа, которому принадлежитъ этотъ языкъ,—живущаго самостоятельно, независимо, подъ покровительствомъ своихъ собственныхъ законовъ? Нѣкогда въ высшихъ классахъ древне-римскаго государства господствовалъ греческій языкъ, и ничего: римляне остались римлянами. Нѣкогда русское общество говорило не иначе, какъ по французски, и опять ничего: русскій языкъ остался не-

прикосновеннымъ и чистымъ... Такъ равно и здѣсь. Образованные славяне, ученые и пожалуй, общество, могутъ знать русскій языкъ и говорить при извѣстныхъ случаяхъ даже на немъ, какъ говорили наши баре и „бомондные" люди по-французски во время Пушкинскаго Евгенія Онѣгина: но тутъ ровно нѣтъ ничего угрожающаго для національной стихіи и жизни сербскаго, болгарскаго, чешскаго народа и т. д. Ужъ если опасность есть и опасность дѣйствительная, такъ это именно отъ нѣмецкаго литературнаго языка, который можетъ лишь содѣйствовать онѣмеченію населенія, происходящему вслѣдствіе постояннаго живаго общенія культуртрегеровъ съ низшими славянскими классами и средними, а также вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, которыя намѣренно пускаетъ въ ходъ нѣмецкое правительство Австріи, явно покровительствующее нѣмцамъ *).

Нѣтъ, не въ славянскомъ добрѣ мы нуждаемся, а нуждаемся въ тѣхъ братскихъ чувствахъ, которыя какъ доказала исторія, способны оказывать такое сильное, могущественное вліяніе на каждаго славянина. Мы высоко умѣемъ цѣнить эти чувства и такіе голоса, которые недавно намъ пришлось выслушать отъ посѣтившаго Россію хорватскаго серба. Мы заботимся объ укрѣпленіи и увѣковѣченіи этихъ чувствъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя ведутъ къ этой цѣли. а подозрѣнія, подобныя предъидущему, лишь оскорбляютъ насъ и наше русское общество *).

---

*) Изъ всего сказаннаго мною ясно, что съ принятіемъ русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго (въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нынѣ славяне обращаются къ языку нѣмецкому), частныя литературы различныхъ славянскихъ народностей не только не будутъ стѣснены въ своемъ развитіи, но навѣрное можно сказать, скорѣе поощрены; дѣятелей на поприщѣ ихъ явится больше, потому что удобнѣе будетъ для всѣхъ славянъ популяризовать добро изъ источника родственнаго, нежели инославянскаго.

*) Н. Я. Данилевскій въ своей книгѣ «Россія и Европа» посвятилъ въ высшей степени симпатичную главу на

тему о будущихъ взаимныхъ отношеніяхъ славянъ. Это—славянская и православная федерація, съ естественнымъ главенствомъ Россіи.

Мнѣ не разъ приходилось слышать представленіе о будущемъ устройствѣ славянъ на подобіе древнихъ грековъ: сравненіе прекрасное, но только очень анахронистическое. Прекрасно оно потому, что въ одномъ отношеніи можетъ служить идеальнымъ примѣромъ для славянъ. Греки имѣли одинъ господствующій языкъ письменности; греки между собою имѣли гегемонствующее государство—сначала Спарту, потомъ Аѳины, потомъ Македонію. Наконецъ, греки выработали столь высокую культуру, которая не имѣла соперничества ни съ какою другою въ древнемъ мірѣ. Что-же славяне? Они не только не могутъ мечтать о первенствѣ въ мірѣ современномъ, но никакъ не могутъ вырвать своей головы изъ подъ крѣпкихъ мышцъ нѣмецкой руки. Греки жили, какъ хотѣли. Славяне поставлены въ совсѣмъ другія условія: у грековъ не было подъ бокомъ высоко-культурныхъ націй, не было причинъ опасаться за свое поглощеніе чуждымъ народомъ, мирнымъ-ли путемъ или насильственнымъ. Но славяне въ иномъ положеніи. Весь смыслъ славянскаго вопроса заключается въ томъ, что подъ бокомъ ихъ существуетъ такая высоко-культурная нація, какъ нѣмецкая и даже итальянская. Я не говорю объ англичанахъ и французахъ, которые живутъ не подъ бокомъ. Славянамъ не о культурномъ первенствѣ надо мечтать, а пока лишь о культурномъ равенствѣ, т. е. такой же степени духовной независимости и духовной сплоченности, какой достигли нѣмцы и др. народы. И съ этой точки зрѣнія содѣйствіе со стороны славянскихъ писателей росту и могуществу нѣмецкой культуры является дѣломъ, по крайней мѣрѣ, крайне неразумнымъ.

Окончательное желаніе, которое мы хотѣли выразить въ нашей рѣчи, было то, чтобы славяне, во имя общеславянской идеи, во имя свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, позаботились бы о томъ, чтобы эта великая идея и эти великія имена свв. братьевъ—не употреблялись всуе. Нынѣ, послѣ 1871 г., въ славянскомъ мірѣ все идетъ врозь. Каждый думаетъ о себѣ, и только о себѣ. О себѣ конечно, слѣдуетъ думать, но не меньше и о другихъ, если мы братья по про-

исхожденію, по родству. Далеко то время, когда у насъ установится общій modus vivendi культурный, не говоря уже о политическомъ. Но разъ готовность къ такой идеальной жизни выразилась не только въ литературѣ, но и въ фактахъ, созданныхъ главнымъ образомъ, славянскою толпою (изъ толпы избирались добровольцы и толпа въ войскахъ проливала свою кровь),—интеллигенція будетъ дѣлать огромную ошибку, игнорируя это великое стремленіе. И нѣтъ другаго болѣе вѣрнаго пути, чтобы идти на встрѣчу этому инстинктивному влеченію славянскихъ народныхъ ручьевъ, какъ тотъ, который мы рекомендуемъ: пока общій языкъ славянскаго корня вмѣсто нѣмецкаго: общій органъ «домашняго» происхожденія, чтобы мы сознавали свое культурное единство. И больше пока—ровно ничего. Нѣмцы должны играть въ нашемъ славянскомъ мірѣ всюду второстепенную или третьестепенную роль—незамѣтную и невліятельную (ту самую напр., какую мы, славяне, имѣли и имѣемъ въ нѣмецкомъ мірѣ самостоятельныхъ государствъ, въ смыслѣ экономическомъ и соціальномъ, т. е. почти равную нулю). А всего опаснѣе предоставлять имъ или ихъ языку первенствующую роль въ интеллектуальной жизни славянъ.

О ПРЕПОДАВАНІИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И УЧИЛИЩАХЪ *).

Третій курсъ или третью ступень должны составить три старшихъ класса семинаріи—IV, V и VI. [75]).

Этотъ курсъ долженъ служить итогомъ всѣхъ семинарскихъ занятій по латинскому языку. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ повторительнымъ курсомъ. Нѣтъ, онъ долженъ представлять изъ себя новую, высшую ступень въ занятіяхъ латинскимъ языкомъ. Какъ на предшествующихъ ступеняхъ или курсахъ мы ставили болѣе тѣсныя и спеціальныя цѣли и задачи, такъ наоборотъ здѣсь, на высшей конечной ступени мы ставимъ задачи болѣе широкія и общія. Здѣсь должно преслѣдовать не столько формальныя, сколько реальныя цѣли,—знакомство съ содержаніемъ классическихъ со-

*) См. Ф. З. в. II. с.г.

[75]) Въ этихъ классахъ читаются только христіанскіе латинскіе писатели. Программа эта по нашему мнѣнію слишкомъ тѣсна. И мы въ своей практикѣ держимся нѣсколько иного порядка.

Въ началѣ учебнаго года въ V и VI классѣ, мы обыкновенно говоримъ своимъ ученикамъ: г.г., въ вашихъ занятіяхъ по латинскому языку вы не должны ограничиваться одними христіанскими писателями, но должны продолжать по прежнему заниматься авторами собственно классическаго періода. Отцовъ церкви мы будемъ читать въ классѣ на урокахъ, а дома вы продолжайте заниматься Цицерономъ, штудируйте его рѣчи или, если хотите, занимайтесь историками, всего лучше Т. Ливіемъ. Во всѣхъ недоразумѣніяхъ и затрудненіяхъ обращайтесь ко мнѣ, отчасти это можно сдѣлать и на урокахъ, но главнымъ образомъ конечно во внѣклассное время. Я съ своей стороны также время отъ времени буду обращаться къ вамъ по поводу этихъ занятій и буду требовать въ нихъ отчета. Это будетъ самое практич-

чиненій, извѣстнаго рода начитанность въ авторахъ. Этой цѣли нужно достигать какъ посредствомъ чтенія новыхъ авторовъ, такъ и посредствомъ болѣе широкаго знакомства съ авторами предшествующаго курса. И что касается новыхъ авторовъ, то это отнюдь не должны быть одни христіанскіе писатели, какъ назначено семинарской программой; нѣтъ, на ряду съ христіанскими писателями здѣсь должно продолжать читать и коренныхъ классиковъ, авторовъ золотой и серебряной латыни. Переходъ къ христіанскимъ авторамъ и вообще къ позднѣйшимъ писателямъ долженъ быть постепенный. Святоотеческія творенія рѣзко отличаются отъ истинныхъ классиковъ и, по нашему мнѣнію, однимъ отцамъ церкви этотъ курсъ никоимъ образомъ не долженъ быть посвящаемъ. Подвигаясь къ авторамъ позднѣйшей латыни, слѣдуетъ ученикамъ раскрыть страницы Тита Ливія, Тацита и съ поэтами христіанскими, хоть отчасти сопоставить Горація. Это нужно и для широты знаній и для разнообразія и для постепенности перехода. Итакъ въ этотъ курсъ должны входить двѣ группы новыхъ авторовъ—языческіе и христіанскіе писатели. Но такъ какъ по нашему плану ученики на этой ступени должны стремиться къ начитанности, къ знакомству съ содержаніемъ латинскихъ произведеній, къ усвоенію идей латинскихъ авторовъ,

---

ное дѣло; одними же занятіями въ классѣ при одномъ урокѣ ограничиться никоимъ образомъ нельзя. Равнымъ образомъ нельзя на два, на три года прерывать занятія авторами золотой латыни; оставить этихъ авторовъ и цѣлую половину семинарскаго курса заниматься одной позднѣйшей латынью—непрактично. Поэтому было бы хорошо и полезно даже если бы вы иногда принимали участіе въ занятіяхъ учениковъ I-го и II-го классовъ. Въ этомъ случаѣ вы не только помогали бы имъ, но и расширяли бы свои собственныя знанія.

Такіе практическіе совѣты мы даемъ нашимъ ученикамъ въ старшихъ классахъ; эти же занятія мы полагаемъ и въ основу третьяго курса.

то для этого они должны не только читать новыхъ авторовъ, но и ближе, полнѣе знакомиться съ старыми авторами, такъ сказать, должны вчитываться въ старыхъ авторовъ, съ которыми они уже элементарно ознакомились на урокахъ предшествующаго курса. Пусть никто не думаетъ что это будетъ повтореніе стараго. Чтеніе рѣчей Цицерона въ этомъ возрастѣ (т. е. напр. въ V и VI классахъ) и чтеніе этихъ рѣчей во II классѣ двѣ вещи разныя. Для взрослыхъ учениковъ здѣсь откроется много сторонъ, какихъ они прежде въ младшихъ классахъ не могли замѣтить и изучить въ читанныхъ ими авторахъ. Итакъ чтеніе авторовъ предшествующаго курса и главнымъ образомъ Цицерона можетъ быть очень полезно на этой ступени. Чтеніе это должно быть бѣглымъ, курсорнымъ въ собственномъ смыслѣ, и должно сопровождаться очень немногими и краткими замѣчаніями со стороны преподавателя. Съ чтеніемъ авторовъ предшествующаго курса можетъ быть соединенъ и нѣкотораго рода повторительный курсъ подобно тому, какъ это дѣлается въ старшихъ классахъ гимназій.

Но какъ выполнить такую широкую программу? Дѣйствительно не легко, но должно и... и можно съ учениками хорошо подготовленными на предшествующихъ ступеняхъ. Разумѣется, никоимъ образомъ всего этого нельзя возложить на одно классное время. Здѣсь должны быть широко поставлены внѣклассныя занятія учениковъ. Въ виду крайне ограниченнаго количества уроковъ латинскаго языка въ старшихъ классахъ семинаріи необходимо ученикамъ этихъ классовъ дома много работать надъ авторами. Работы эти должны быть и устныя и письменныя. Сюда относятся: самостоятельное чтеніе и изученіе отдѣльныхъ небольшихъ сочиненій (таковы рѣчи Цицерона, таковы небольшіе трактаты отцовъ церкви), сравненіе переводовъ съ подлинниками, составленіе небольшихъ работъ на нѣкоторыя несложныя темы по извѣстному латинскому сочиненію, наконецъ писаніе самостоятельныхъ краткихъ сочиненій на латинскомъ языкѣ, такъ называе-

мыхъ композицій (compositio) и т. под. работы. Начинать нужно въ IV классѣ съ легкихъ композицій и переходить въ V и VI классахъ къ болѣе сложнымъ работамъ литературнаго характера надъ извѣстными произведеніями или по поводу извѣстныхъ произведеній. Такія работы всего лучше ведутъ къ изученію и языка и идей извѣстнаго автора. Назначать подобныя работы преподаватель долженъ однако съ большой разборчивостью. Пусть на первыхъ порахъ онъ даетъ работы очень легкія, вполнѣ посильныя ученикамъ, чтобы приохотить учениковъ, поднять въ нихъ энергію, расположить ихъ къ подобнаго рода занятіямъ. Но переходъ къ самостоятельнымъ работамъ необходимъ для учениковъ на этой ступени. Долженъ же ученикъ семинаріи когда нибудь оторваться отъ указки, освободиться отъ опеки и руководства, и испытать свои силы въ совершенно самостоятельныхъ занятіяхъ, въ самостоятельной работѣ. Это онъ и долженъ сдѣлать здѣсь въ старшихъ классахъ. Предметомъ этихъ внѣклассныхъ занятій могутъ служить, какъ сказано, и небольшія святоотеческія творенія, но преимущественно однако для этой цѣли должно брать произведенія классическихъ писателей. Пусть ученикъ старшихъ классовъ семинаріи знакомится съ христіанскими латинскими писателями, но пусть въ то же время шире и шире, глубже и глубже знакомится съ писателями золотого вѣка. И пусть надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ учится работать самостоятельно; такимъ самостоятельнымъ работамъ мы придаемъ большое значеніе и желаемъ, чтобы имъ въ старшихъ классахъ побольше отводилось мѣста. Ничто такъ не укрѣпляетъ юношей въ знаніи языка какъ эта самостоятельная многосторонняя работа надъ отдѣльными цѣлыми сочиненіями. Работа эта плодотворна во всѣхъ отношеніяхъ, но особенно важна она тѣмъ, что преслѣдуетъ не только формальныя цѣли, но и реальныя. Долженъ же воспитанникъ семинаріи, при выходѣ изъ нея, быть знакомымъ съ нѣкоторымъ цикломъ латинскихъ писателей, долженъ же онъ имѣть возможность сказать, что

въ семинаріи читалъ разныхъ латинскихъ авторовъ не для того только, чтобы изучать грамматику и провѣрять на чтеніи авторовъ свои грамматическія познанія, но что читалъ ихъ и съ цѣлью ознакомиться съ самымъ содержаніемъ великихъ твореній. Итакъ отчасти здѣсь задача литературная. Въ нѣкоторой малой степени это необходимо допустить. Это важно и въ педагогическомъ отношеніи: нельзя же ученику V и VI класса все продолжать считать себя неофитомъ, все продолжать стремиться къ цѣли, достиженіе которой все еще находится гдѣ-то въ перспективѣ; напротивъ — должно же когда-нибудь быть присуще ученику сознаніе, что онъ достигъ цѣли, что онъ обладаетъ уже результатами, къ которымъ стремился въ теченіе многихъ лѣтъ. Не все же водятъ ученика на помочахъ; это вожденіе на помочахъ переходитъ иногда границы, чего не должно быть при правильной постановкѣ учебнаго дѣла. Выше мы говорили о необходимости внѣклассныхъ самостоятельныхъ работъ по латинскому языку для студентовъ академіи [76]). Нѣчто подобное же мы имѣемъ въ виду и здѣсь. Къ такимъ же самостоятельнымъ работамъ, хотя, разумѣется, и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, нужно пріучать и учениковъ старшихъ классовъ семинаріи. Результаты изученія латыни на первой и второй ступени должны сказаться именно въ способности ученика къ самостоятельнымъ работамъ надъ произведеніями латинскихъ авторовъ при болѣе или менѣе свободномъ чтеніи этихъ авторовъ, но авторовъ именно, какъ намъ желательно, преимущественно золотого вѣка, а не христіанской латинской литературы, которая носитъ въ себѣ совершенно особыя черты и для чтенія которой нужна до нѣкоторой степени особая подготовка. Напрасно думаютъ сблизить въ семинарской программѣ латынь золотого вѣка съ позднѣйшею латынью временъ упадка языка. Между ними пропасть велика. Латынь временъ упадка это до нѣкоторой степени дру-

---

[76]) Стр. 47.

гой языкъ. Это не наше только мнѣніе, но и мнѣніе многихъ какъ нашихъ, такъ и Западныхъ ученыхъ. О достоинствахъ и недостаткахъ христіанской латинской литературы было не мало споровъ въ Западной Европѣ, особенно во Франціи. Высказываемыя мнѣнія нерѣдко отличались крайностями. Но несомнѣнно, что всѣ сознавали громадную разницу между языкомъ собственно классическихъ авторовъ и языкомъ латинскихъ отцовъ церкви и «въ этомъ отношеніи т. е. въ отношеніи чистоты и изящества языка отдавали преимущество авторамъ языческимъ» [77]). Имѣя въ виду эту разницу въ языкѣ, мы не можемъ и не должны въ теченіе трехъ лѣтъ т. е. цѣлой половины всего семинарскаго учебнаго курса изучать одну позднѣйшую латынь съ ея сравнительно худшимъ стилемъ [78]) и оставлять безъ вниманія въ теченіе столь долгаго времени латынь классическую, на изученіи которой и должны собственно сосредоточивать все свое вниманіе ученики семинарія. Поэтому мы и считаемъ необходимыми для учениковъ IV, V и VI классовъ занятія не только христіанскими писателями, но и собственно классическими авторами.

Что касается выбора христіанскихъ писателей, то въ этомъ отношеніи мы мало расходимся съ семинарской программой. Программой рекомендуются Лактанцій, Амвросій и Августинъ, Іеронимъ и Григорій Двоесловъ предпочтительно предъ другими христіанскими писателями. Лактанція дѣйствительно можно назвать христіанскимъ Цицерономъ и читать его съ пользой и съ

---

[77]) См. Влад. Плотникова. Вопросъ о классикахъ. Стр. 19, 57, 85-ую и мног. др. Срав. также Экштейна—Преподаваніе лат. яз. стр. 196—98.

[78]) Могутъ ли, восклицаетъ одинъ изъ германскихъ ученыхъ, отцы церкви равняться съ древними писателями въ отношеніи строгости и правильности формы, въ отношеніи естественности вкуса и чистоты стиля? Въ сравненіи съ классиками не тоже ли они, что зимнія растенія въ теплицѣ? Вопр. о классик. стр. 94.

удовольствіемъ. Но мы желали бы чтобы рядомъ съ нимъ знакомили учениковъ и съ Минуціемъ Феликсомъ, какъ первымъ христіанскимъ апологетомъ и искуснымъ въ стилистическомъ отношеніи писателемъ, близкимъ еще къ классической эпохѣ. Напротивъ Амвросія, по нашему мнѣнію, нельзя признать образцовымъ писателемъ. Недостатки его языка весьма ярки, рѣчь необработанная, по мѣстамъ прямо неправильная, нерѣдко темная вслѣдствіе бѣглости субъекта, т. е. недостаточно ясной связи между подлежащимъ и сказуемымъ, вслѣдствіе неожиданныхъ переходовъ отъ одного предмета къ другому и другихъ стилистическихъ недочетовъ. Если его привыкли считать въ числѣ крупнѣйшихъ христіанскихъ писателей, то такое мнѣніе сложилось не вслѣдствіе достоинствъ его сочиненій, а вслѣдствіе его высокаго нравственнаго характера, вслѣдствіе того, что личность Амвросія представляетъ изъ себя несомнѣнно выдающуюся центральную фигуру въ ряду латинскихъ отцовъ и учителей церкви. Въ стилистическомъ же отношеніи мы предпочитаемъ ему Кипріана, языкъ котораго такъ простъ, правиленъ и ясенъ, что немногимъ чѣмъ отличается отъ языка собственно классическихъ писателей. Притомъ его небольшіе трактаты весьма удобны для чтенія и обозрѣнія въ цѣломъ объемѣ. Содержаніе же богато чувствомъ и отличается глубиною анализа [79]). Августинъ безъ сомнѣнія самый крупный изъ всѣхъ латинскихъ христіанскихъ писателей. Онъ отличается и достоинствомъ языка и необыкновенной глубиной философскаго содержанія. Но по изложенію онъ не легокъ и не очень доступенъ для учениковъ, его нескончаемые длинные періоды трудны для перевода на русскій языкъ.

---

[79]) Его высоко цѣнили еще древніе, напр. Лактанцій: Unus igitur praecipuus et clarus exstitit Cyprianus... Erat enim ingenio facili, copioso, suavi et, quae sermonis maxima est virtus, aperto, ut discernere non queas, utrumne ornatior in eloquendo, an facilior in explicando, an potentior in persuadendo fuerit. Jnst. div. V, I.

Если о его языкѣ и говорится, что онъ «простъ и ясенъ», то этотъ отзывъ имѣетъ тотъ смыслъ, что построеніе періодовъ у Августина правильно и расчлененіе ихъ довольно ясно; но эти періоды очень тяжеловѣсны, громоздки и трудно обозримы. Даже послѣ полнаго уразумѣнія мысли ихъ не легко бываетъ выразить русской рѣчью, если придавать ей тоже періодическое строеніе. Всѣ эти замѣчанія относятся главнымъ образомъ къ «De civitate Dei», другія сочиненія легче по изложенію, но вѣдь это преимущественно сочиненіе и читается въ семинаріяхъ. Строго говоря этотъ авторъ вовсе не доступенъ для учениковъ и они его переводятъ т. е. приготовляютъ къ уроку обыкновенно при пособіи общеизвѣстныхъ всюду распространенныхъ кіевскихъ академическихъ переводовъ. Тѣмъ не мѣнѣе желательно чтобы ученики испытывали свои силы въ переводѣ и этого автора. Кто можетъ читать Августина, тотъ несомнѣнно пріобрѣлъ достаточный навыкъ въ чтеніи христіанской латыни. Іеронимъ хорошій латинистъ; это уже признано; его разумѣется нужно читать, тѣмъ болѣе что его сочиненія интересны по содержанію: одни по своему историческому элементу, другія какъ драгоцѣнныя пособія экзегетическія, третьи какъ напр. письма, по богатству нравственнаго педагочическаго матеріала. Іеронимъ хотя провелъ значительную часть своей жизни въ уединеніи, въ пустынѣ, хотя и отрекся отъ Рима и отъ міра, но всегда во всю жизнь страстно слѣдилъ за жизнью Рима и этого презираемаго имъ міра. А потому его письма необыкновенно богаты и разнообразны по содержанію. О Григоріи Двоесловѣ мнѣнія различны. Одни слишкомъ умаляютъ его достоинства, другіе напротивъ слишкомъ преувеличиваютъ ихъ [80]). По нашему мнѣнію Григорій Двоесловъ, несмотря на нѣкоторое излишество риторики, является для своего вѣка хорошимъ стилистомъ; будучи истымъ римляниномъ уроженцемъ и всегдашнимъ жите-

[80]) Вопросъ о классик. стр. 38—39 Срав. Филаретъ. Историч. ученіе объ отцахъ церкви 1859 г. т. III стр. 183.

лемъ столицы, онъ такимъ оказывается и въ отношеніи языка. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно содержанія его сочиненій. Діалоги его слишкомъ наивны и предполагаютъ дѣтскую вѣру въ чудесное. Regula pastoralis, несмотря на свое обширное распространеніе и общепризнанное значеніе, отличается излишнимъ мистицизмомъ, темнымъ аллегоризмомъ и недостаточной ясностью и опредѣленностью идей. Тѣмъ неменѣе въ его сочиненіяхъ особенно въ его многочисленныхъ письмахъ содержится немало, хотя не глубокихъ, но практически полезныхъ для пастыря мыслей. Если ему не достаетъ учености, за то онъ привлекаетъ читателя теплотою чувства и глубиною религіознаго одушевленія. Вообще же говоря знакомство съ этимъ авторомъ полезно какъ съ типичнымъ представителемъ христіанской латыни очень поздняго періода. Изъ христіанскихъ поэтовъ слѣдуетъ знакомить учениковъ съ папою Дамасомъ и съ Пруденціемъ а также съ Амвросіемъ т. е. съ его гимнами. Этого и довольно для ознакомленія учениковъ семинаріи съ христіанской латынью. Если же кто либо пожелалъ бы пополнить нашъ списокъ, то въ хрестоматіи Помяловскаго изъ 14 представленныхъ тамъ авторовъ онъ найдетъ для своей цѣли весьма обильный матеріалъ.

Этимъ мы и закончимъ свои замѣчанія относительно занятій по латинскому языку съ учениками трехъ старшихъ классовъ семинаріи.

Но, говоря о методѣ и о многихъ измѣненіяхъ въ постановкѣ и въ преподаваніи латинскаго языка, мы не можемъ пройти молчаніемъ и вопросъ объ экзаменахъ, потому что экзамены, суммируя такъ или иначе результаты годовыхъ занятій, играютъ важную роль въ школьной практикѣ и придаютъ ту или другую окраску всѣмъ годовымъ занятіямъ. Мы разсмотримъ экзамены и со стороны формы т. е. по вопросу о томъ, какъ должно ихъ производить по латинскому языку и со стороны содержанія, по существу т. е. по вопросу о значеніи экзаменовъ вообще. Сообразно съ той постановкой преподаванія латинскаго языка, какую рекомендуемъ мы

для семинаріи [81]) и самые экзамены должны производиться иначе, нежели какъ они производятся по языкамъ въ настоящее время.

Такъ какъ мы предлагаемъ прочитывать въ I классѣ не менѣе 2—3-хъ книгъ изъ Bellum Gallicum, а во II не менѣе 2—3 рѣчей Цицерона и въ III классѣ подобное же количество матеріала изъ философскихъ сочиненій Цицерона; то къ экзаменамъ, разумѣется, нѣтъ никакой надобности назначать весь этотъ обширный матеріалъ. Это было бы только упражненіемъ памяти, что не составляетъ задачи при изученіи языка. Вмѣсто того, чтобы заучивать текстъ перевода, какъ это дѣлается нынѣ, ученикъ долженъ къ экзамену дать себѣ отчетъ въ томъ, какія новыя свѣдѣнія пріобрѣлъ онъ въ теченіе года при занятіяхъ латинскимъ языкомъ, чѣмъ расширилъ и пополнилъ въ этомъ году свои знанія, какія стороны языка изучилъ—во всемъ этомъ ученикъ долженъ дать себѣ отчетъ и все это долженъ приготовить къ экзамену, чтобъ экзаменующій могъ видѣть, что ученикъ съ каждымъ годомъ дѣйствительно наращаетъ, увеличиваетъ свои знанія. Изученіе языка многосторонне и обильно фактами и потому ученикъ въ каждомъ классѣ долженъ пройти свой новый курсъ, съ каждымъ годомъ долженъ изучать новыя стороны языка. Изученіе Цезаря обогатитъ ученика одними фактами, изученіе Цицерона уже другими. Сообразно съ этимъ

---

[81]) Здѣсь мы говоримъ только объ экзаменахъ въ семинаріи. Отдѣльно объ экзаменахъ въ училищѣ нѣтъ надобности говорить потому съ одной стороны, что сказанное нами объ экзаменахъ вообще относится къ экзаменамъ и въ семинаріяхъ и въ училищахъ, а съ другой стороны, потому что въ училищахъ экзамены съ удобствомъ могутъ быть замѣнены репетиціями. Систематически поставленныя въ учебное время и особенно въ концѣ года репетиціи, на которыхъ, если найдутъ нужнымъ, могутъ присутствовать смотритель училища или его помощникъ, дадутъ возможность и повторить пройденный курсъ и провѣрить знанія учениковъ и отчасти даже прослѣдить методы преподаванія.

должно вести и экзаменъ. Напримѣръ гдѣ ученикъ можетъ съ такой полнотой изучить и прослѣдить последовательность временъ, какъ не въ сочиненіяхъ Цезаря, написанныхъ такою образцовою рѣчью, лучше которой трудно представить? Гдѣ онъ встрѣтитъ такое обиліе примѣровъ косвенной рѣчи, какъ опять не въ тѣхъ же сочиненіяхъ Цезаря, примѣрами изъ которыхъ переполнены всѣ учебники? Гдѣ онъ съ такой полнотой и точностью прослѣдитъ наприм. употребленіе мѣстоименій въ косвенной рѣчи, какъ не у Цезаря? Пусть не думаютъ читатели, что это такая мелочь, которая нестоитъ вниманія. Нѣтъ, здѣсь есть факты очень поучительные, при рѣшеніи которыхъ впадаютъ иногда въ ошибку сами составители учебниковъ, проѣвшіе, какъ говорится, зубы на подобныхъ вопросахъ.[82]).

А напр. знакомство съ періодами цицероновскими, умѣнье разчленять, анализировать и переводить ихъ развѣ не составитъ богатый и обильный матеріалъ для провѣрки ученическихъ знаній на экзаменѣ? Всего этого можно касаться на экзаменѣ и во всемъ этомъ должно требовать отчета у учениковъ. И ученикъ долженъ при этомъ указать цѣлый рядъ фактовъ взятыхъ изъ различныхъ сочиненій этихъ авторовъ и показать экзаменаторамъ, насколько онъ знаетъ эти факты и насколько свободно располагаетъ ими для подтвержденія и уясненія той или другой теоріи.

Вотъ въ чемъ по нашему мнѣнію долженъ состоять экзаменъ съ одной стороны. Но это только одна сторо-

---

[82]) Наприм. въ образцѣ косвенной рѣчи, взятомъ изъ I кн. B. G. Цезаря: «Caesar centuriones incusavit, dicens, si Ariovistus amentia impulsus, bellum intulisset, quid tandem vererentur, aut cur de sua virtute, aut diligentia ipsius desperarent», слова de sua virtute у Смирнова понимаются въ смыслѣ 1-го лица и относятся къ Цезарю, а у Кесслера эти слова понимаются въ смыслѣ 2 л. и при обращеніи косвенной рѣчи въ прямую относятся къ центуріонамъ. Ср. Простр. руков. Смирнова стр. 402 и синтакс. Кесслера 1885 г. стр. 181.

на экзамена; ею одной конечно нельзя ограничиться. Гораздо болѣе важную и существенную часть экзамена должно составлять испытаніе учениковъ въ чтеніи новыхъ отрывковъ, новыхъ сочиненій.

Пусть ученики при такомъ испытаніи покажутъ, насколько имъ послужили въ пользу занятія извѣстными авторами и въ какой степени они пріобрѣли навыкъ читать ихъ сочиненія. Это испытаніе необходимо и должно происходить именно въ такой формѣ. Нѣтъ никакой надобности слушать на экзаменѣ переводъ тѣхъ статей, которыя ученики переводили въ теченіе года. Приготовляясь къ такому экзамену, ученики, какъ мы уже сказали, работаютъ только памятью, стараясь твердо заучить переводъ сплошь рядомъ по готовому русскому подстрочнику. Въ этомъ случаѣ отвѣтъ ученика еще не будетъ свидѣтельствовать о его познаніяхъ. И бываетъ, что иной ученикъ очень слабо знающій языкъ приготовляетъ къ экзамену твердо переводъ назначенныхъ статей, а другой съ лучшими знаніями и болѣе умѣлый въ переводѣ латинскаго текста приготовляетъ переводъ и отвѣчаетъ на экзаменѣ съ этой условной точки зрѣнія хуже того перваго. Отсюда происходитъ неправильность въ оцѣнкѣ ученическихъ отвѣтовъ и знаній. Латинскій языкъ, какъ и вообще языки, не имѣетъ аналогіи съ другими предметами, изучаемыми въ видѣ опредѣленной системы на память, каковы напр. словесность, исторія, богословскія науки и пр., но совершенно аналогиченъ съ математикой. И въ языкахъ и въ математикѣ сначала изучаются основныя, прочно и разъ навсегда установленныя данныя или факты формальнаго характера, (своего рода азбука науки), которыя и прилагаются потомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ рѣшенію задачи или въ языкахъ—къ переводу т. е. къ чтенію текста. Знаніе ученика должно состоять въ навыкѣ и въ разсудочномъ умѣньи прилагать извѣстные законы и правила къ каждому новому случаю. Поэтому на экзаменѣ по математикѣ обыкновенно предлагаются на извѣстное правило не старыя, уже извѣстныя задачи, а

новыя, въ рѣшенiи которыхъ со всею ясностью обнаруживается знанiе ученика. Точно такъ и въ языкахъ: ученикъ вооруженный уже извѣстными основными знанiями, необходимыми для чтенiя того или другого автора, долженъ на экзаменѣ показать свое умѣнье прилагать эти знанiя къ переводу новыхъ отрывковъ изъ того-же или однороднаго писателя. Поэтому испытанiе учениковъ въ переводѣ новыхъ статей экспромптомъ должно составлять непремѣнную часть экзамена по латинскому языку, а равно и вообще по языкамъ. Такое только испытанiе дастъ правильное понятiе о результатахъ годовыхъ занятiй извѣстнымъ авторомъ или авторами.

Изъ этого сходства или общаго свойства древнихъ языковъ и математики вытекаетъ и ихъ общее значенiе для развитiя и образованiя юношества. И математика и древнiе языки имѣютъ своей задачей развивать формальную способность мышленiя въ ученикахъ, создать въ нихъ умственный навыкъ и способность самостоятельно работать въ извѣстной научной или вообще умственной сферѣ.

Таковы должны быть экзамены по своей формѣ.

Что касается экзаменовъ вообще, по существу, то на этотъ счетъ въ педагогической литературѣ высказываются обыкновенно два противоположныя мнѣнiя: одни кричатъ, что экзамены вредны, излишни, ненужны и потому должны быть отмѣнены, другiе напротивъ очень горячо защищаютъ экзамены и считаютъ ихъ необходимыми въ томъ видѣ, какъ они сейчасъ существуютъ. То и другое по нашему мнѣнiю крайности, хотя мы думаемъ, что больше основательности, больше справедливости, больше педагогическаго смысла заключается въ стремленiи освободить учениковъ отъ экзаменовъ, нежели въ упорномъ желанiи во что бы то ни стало сохранить экзамены. Однако ни къ той, ни къ другой крайности мы не склоняемся.

Мы просматривали многiя журнальныя статьи объ экзаменахъ. Всѣ они, написанныя и pro и contra, отли-

чаются односторонностью. Противники экзаменовъ постоянно твердятъ только объ утомленіи и переутомленіи учениковъ, какъ будто какое-нибудь серьезное дѣло, каково дѣло учебное, можно дѣлать на боку лежа. Сторонники экзаменовъ тоже всѣ свои доводы сосредоточиваютъ на одной мысли о необходимости контроля, провѣрки начальствомъ ученическихъ знаній и годовыхъ занятій учителя съ учениками, какъ будто мало времени для этого въ теченіе года. И притомъ развѣ на всѣхъ экзаменахъ бываетъ начальство, напротивъ большинство экзаменовъ производится преподавателемъ предмета и его коллегой и производится прямо только для формы. Что касается мысли о повтореніи учениками учебнаго курса къ экзаменамъ, то это повтореніе отнюдь не относится къ существу экзаменовъ и можетъ (и должно) выполняться независимо отъ экзаменовъ, такъ что повтореніе курса не составляетъ довода въ пользу экзаменовъ. Изъ всѣхъ печатно высказанныхъ мыслей по вопросу объ экзаменахъ наиболѣе правильная та, что вопросъ объ отмѣнѣ экзаменовъ есть только вопросъ времени. Но эта мысль слишкомъ общая. Исторія экзаменовъ правда показываетъ, что они постепенно идутъ на убыль, прежде ихъ было больше, а теперь меньше, а современемъ ихъ будетъ еще и еще меньше; наконецъ найдутъ возможнымъ обходиться въ школьной практикѣ и совсѣмъ безъ экзаменовъ. Такъ несомнѣнно современемъ и будетъ. Но мы пока не высказываемся за совершенную отмѣну экзаменовъ и думаемъ, что къ этому нужно переходить постепенно, а не спѣшить отмѣнять всѣ экзамены, чтобы не обнаружились какіе—нибудь рѣзкіе недостатки и неудобства безъ—экзаменной системы обученія и чтобы не пришлось потомъ возвращаться къ старому порядку. Въ настоящемъ своемъ видѣ экзамены безполезны и даже вредны; но имъ можетъ быть придана другая постановка и другой характеръ и тогда экзамены могутъ пріобрѣсти значеніе и для учебнаго дѣла и для нѣкоторыхъ и даже многихъ учениковъ, мы говоримъ для нѣкоторыхъ,

потому что всѣхъ учениковъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ подвергать экзамену.

Экзамены могутъ сохранить за собой значеніе въ школьномъ механизмѣ, если они будутъ имѣть характеръ ревизіи съ одной стороны и акта собесѣдованія преподавателей, начальства и учениковъ, характеръ школьнаго праздника съ другой стороны. Нынѣшній формальный, безплодный и вмѣстѣ съ тѣмъ жесткій характеръ экзаменовъ необходимо устранить. Бесѣда педагогической семьи съ своими питомцами—вотъ какой характеръ должны имѣть экзамены. Гуманно и широко въ такой формѣ поставленные экзамены могутъ производиться и въ цѣляхъ контроля, массовой провѣрки и сравненія ученическихъ знаній, для подведенія итоговъ и для полученія, такъ сказать, эмпирическихъ данныхъ для сужденія объ успѣхахъ и познаніяхъ учениковъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такія эмпирическія данныя для сужденія объ ученикахъ могутъ имѣть если не всегда, то во многихъ случаяхъ немаловажное значеніе. Итоги, представляемые одними цифрами въ видѣ годовыхъ балловъ, слишкомъ блѣдны, мертвы, имѣютъ канцелярскій характеръ и подчасъ отличаются односторонностью. Экзамены дополняютъ картину и уравновѣшиваютъ окончательные годовые итоги. Въ этомъ смыслѣ экзамены имѣютъ значеніе и для учениковъ и для учебнаго механизма вообще. Но экзамены не должны имѣть механическаго характера, какой они имѣютъ нынѣ. Экзаменъ—бесѣда въ родѣ прежнихъ нашихъ публичныхъ экзаменовъ, только конечно безъ той помпезной обстановки, экзаменъ, на которомъ дано будетъ широкое мѣсто живому слову и учениковъ и преподавателей и прочихъ экзаменаторовъ—дѣло и интересное и полезное. Формализмъ и страхъ, мертвая цифра и канцелярскій духъ, фатализмъ и случайность—все это должно быть навсегда устранено съ экзамена.

Но если даже и не имѣть въ виду такія коренныя и глубокія измѣненія въ постановкѣ экзаменовъ, то и тогда все-таки необходимо по крайней мѣрѣ сильно со-

кратить число экзаменовъ—т. е. во 1-хъ не во всѣхъ классахъ и не по всѣмъ предметамъ производить экзамены и во 2-хъ не всѣхъ учениковъ подвергать экзамену.

По отношенію къ семинаріи нужно сказать, что въ ней экзаменовъ въ настоящее время слишкомъ много. Очень многіе изъ нихъ излишни и совсѣмъ не нужны. Въ частности по латинскому языку нѣтъ никакой надобности подвергать учениковъ экзамену каждый годъ т. е. въ каждомъ классѣ. Было бы вполнѣ достаточно экзаменовать учениковъ по латыни въ теченіе семинарскаго курса только два раза: за первые три года т. е. при переходѣ изъ III класса въ IV и за послѣдніе три года т. е. при окончаніи курса. Экзамены при окончаніи курса довольно понятны. При выпускѣ изъ учебнаго заведенія и при выдачѣ аттестата учениковъ естественно подвергнуть экзамену для полученія цѣльнаго общаго впечатлѣнія отъ общихъ результатовъ и итоговъ всего семинарскаго курса по латинскому языку. Разумѣется эти наблюденія можно дѣлать и въ теченіе года, но здѣсь, на экзаменѣ, какъ лучи въ фокусѣ, сосредоточиваются и видны бываютъ всѣ результаты. Экзамены въ III классѣ могутъ имѣть то основаніе, что здѣсь по нынѣшней программѣ кончается чтеніе собственно классическихъ писателей, съ IV класса ученики переходятъ уже къ занятіямъ христіанскими писателями. Такимъ образомъ занятія латинскимъ языкомъ въ первыхъ трехъ классахъ представляютъ собою нѣкоторый особенный цѣльный курсъ, который мы при изложеніи метода преподаванія назвали второю ступенью или вторымъ курсомъ въ изученіи латинскаго языка. Естественно поэтому потребовать отчета въ знаніи этого курса при переходѣ учениковъ къ другому курсу, къ занятію христіанскою латынью. Но для чего нужны напр. экзамены во II классѣ, въ IV, въ V классѣ? совершенно не понятно; даже и въ I кл.? Хотя въ I классѣ есть одно маленькое основаніе для экзамена: желаніе послѣ перваго же года провѣрить, насколько успѣшно могутъ ученики поступившіе изъ училищъ про-

ходить курсъ латинскаго языка въ семинаріи, въ виду того, что нынѣ ученики изъ училищъ въ семинаріи поступаютъ безъ экзамена и подготовка ихъ къ продолженію семинарскаго курса бываетъ очень мало извѣстна. Лучше конечно съ перваго же года построже разобрать учениковъ и точнѣе опредѣлить, кто изъ нихъ подготовленъ къ прохожденію семинарскаго курса и кто оказывается неподготовленнымъ къ этому. Разумѣется и преподаватель предмета въ теченіе года можетъ опредѣлить это, но можетъ быть желательнѣе сдѣлать это общими силами преподавателей, начальства и другихъ экзаменаторовъ. Итакъ противъ экзамена въ I классѣ мы сильно не возражаемъ, хотя и не видимъ въ немъ особенной, настоятельной надобности. Такимъ образомъ въ крайнемъ случаѣ допускаемъ три экзамена по латинскому языку въ теченіе 6-лѣтняго семинарскаго курса, хотя предпочитаемъ—два. Слѣдовательно экзамены по латинскому языку въ семинаріяхъ не только безъ ущерба, но даже съ пользою для дѣла могутъ быть сокращены на половину или даже на двѣ трети противъ нынѣшняго.

Точно также въ такой же именно степени экзамены могутъ быть сокращены и въ смыслѣ количества учениковъ, подвергаемыхъ экзамену. Какая надобность подвергать экзамену хорошихъ учениковъ, имѣющихъ высшіе баллы 4 и 5. Для нихъ онъ лишній. Чтобы не произошло ошибочной, слишкомъ снисходительной оцѣнки со стороны какого нибудь учителя, для этого достаточно сличить баллы извѣстнаго ученика по всѣмъ предметамъ; и только такихъ именно учениковъ освобождать отъ экзаменовъ, которые оказываются очень хорошо или отлично успѣвающими по всѣмъ предметамъ т. е. учениками перворазрядными. Другое дѣло слабоуспѣвающіе ученики. Ихъ нужно подвергать экзамену, какъ, потому что относительно такихъ учениковъ не рѣдко бываютъ разногласія между учителями, такъ и потому чтобы дать таковымъ ученикамъ возможность чрезъ

экзаменъ достигнуть того, чего другіе достигаютъ посредствомъ регулярныхъ годовыхъ занятій. Это требованіе простой справедливости. Для ученика, имѣющаго двойку весьма важно попробовать свои силы на экзаменѣ и попытаться чрезъ экзаменъ поправить неудачный результатъ годовыхъ занятій. Намъ кажется слишкомъ ригористичнымъ правило, по которому въ гимназіяхъ учитель можетъ совсѣмъ не допустить до экзамена малоуспѣшнаго ученика на основаніи неудовлетворительнаго годоваго балла. Гораздо гуманнѣе и справедливѣе допускать къ экзамену и слабоуспѣвающихъ въ теченіе года учениковъ. И во всякомъ случаѣ недопущеніе малоуспѣшныхъ учениковъ къ экзамену должно быть вопросомъ, который вправѣ рѣшить только педагогическій совѣтъ. Это отнюдь не подрываетъ авторитета учителя, а только устраняетъ недоразумѣнія, напрасныя сѣтованія и жалобы а подъ часъ и нареканія на учителей и вообще слагаетъ отвѣтственность за приговоръ съ одного учителя на всю корпорацію или какъ у насъ въ семинаріи на общее педагогическое собраніе.

Итакъ слабоуспѣвающіе ученики должны безспорно подвергаться экзаменамъ [83]). Въ этомъ состоитъ второе спеціальное и очень важное практическое значеніе экзаменовъ. Напротивъ отлично и очень хорошо успѣвавшіе въ теченіе года должны быть освобождены отъ экзаменовъ. Предварительно предъ экзаменами педагогическое собраніе должно рѣшить, какихъ учениковъ подвергать экзамену и какихъ освободить отъ экзамена. Но этотъ послѣдній вопросъ т. е. вопросъ объ удостоеніи учениковъ перевода безъ экзамена на основаніи

---

[83]) За руководство при сужденія о томъ, кого изъ имѣющихъ двойки допускать къ экзаменамъ и кого не допускать, могутъ быть приняты тѣ же основанія и тѣ же правила, по которымъ нынѣ рѣшается вопросъ о допущеніи и недопущеніи учениковъ къ переэкзаменовкамъ.

однихъ годовыхъ балловъ долженъ рѣшаться единогласно всѣми учителями; при разногласіи ученикъ долженъ подвергаться экзамену, но не по всѣмъ предметамъ, а только по предметамъ тѣхъ преподавателей, которыми дѣлается возраженіе противъ перевода даннаго ученика въ слѣдующій классъ по однимъ годовымъ балламъ. Такимъ образомъ нѣкоторые изъ учениковъ, имѣющихъ не только удовлетворительные, но и очень хорошіе баллы, по нѣкоторымъ соображеніямъ педагогическаго собранія могутъ быть подвергнуты экзамену. Такую практику необходимо допустить, какъ потому что нѣтъ правилъ безъ исключенья и что по исключенію требуется иногда и учениковъ очень хорошо успѣвающихъ подвергать экзамену, такъ главнымъ образомъ и потому чтобы ученики эти т. е. успѣвающіе не считали себя безусловно застрахованными отъ экзаменовъ и чтобы не смотрѣли на свое положеніе, какъ успѣвающихъ, преувеличенно и ложно, но чтобы знали, что и они во всякое время могутъ подвергнуться экзамену. Итакъ вопросъ о лучшихъ ученикахъ т. е. объ удостоиваемыхъ перевода безъ экзамена и о малоуспѣшныхъ т. е. о тѣхъ которые должны подвергаться экзамену, можетъ быть рѣшенъ легко. Но есть еще средняя группа учениковъ, имѣющихъ 3 или нѣсколько меньше, напр. $2^1/_2$ въ годовыхъ баллахъ. Какъ поступать съ ними? Подвергать ли ихъ экзамену или нѣтъ? Вопросъ этотъ долженъ быть разсмотрѣнъ въ связи съ вопросомъ о баллахъ и о значеніи балловъ.

Успѣхи учениковъ въ настоящее время опредѣляются пятью баллами съ такимъ значеніемъ: 5 означаетъ отлично, 4—очень хорошо, 3—хорошо или удовлетворительно, 2—посредственно, и 1—слабо. Объ этой пятибальной системѣ нужно сказать вообще, что она нѣсколько узка, стѣснительна: всѣ преподаватели согласятся съ тѣмъ, что при этой системѣ однимъ и тѣмъ же балломъ, особенно напр. балломъ 3 мы отмѣчаемъ учениковъ съ весьма различными знаніями; но гораздо бо-

лѣе важный и гораздо болѣе серьезный недостатокъ представляетъ собою тотъ формализмъ, который связанъ съ оцѣнкою ученическихъ знаній этими пятью баллами. Въ самомъ дѣлѣ: баллы эти строго подраздѣляются на удовлетворительные и неудовлетворительные: три высшіе балла (5, 4 и 3) считаются удовлетворительными, два низшіе (2 и 1) неудовлетворительными. При первыхъ ученикъ переводится въ слѣдующій классъ, при вторыхъ ученикъ оставляется на повторительный курсъ или исключается изъ заведенія; даже ученикъ послѣдняго класса т. е. VI у насъ въ семинаріи и IV-го въ училищѣ при неудовлетворительныхъ баллахъ не признается окончившимъ курсъ. Намъ кажется, что такое раздѣленіе балловъ на удовлетворительные и неудовлетворительные слишкомъ рѣзко и ведетъ къ нѣкоторымъ практическимъ неудобствамъ. При такомъ значеніи балловъ всѣ ученики дѣлятся на знающихъ и незнающихъ, промежуточныхъ ступеней нѣтъ, а это уже слишкомъ абсолютно и не совсѣмъ согласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Въ дѣйствительности знающими въ истинномъ смыслѣ слова могутъ быть признаны только тѣ, которыхъ мы отмѣчаемъ баллами 5 и 4, получающіе же тройку представляютъ собою не вполнѣ опредѣленную величину. Большинство изъ нихъ получаютъ въ теченіе года очень много двоекъ и только небольшая группа изъ этихъ учениковъ заявляетъ себя въ теченіе года болѣе или менѣе опредѣленными знаніями. А между тѣмъ оффиціально отмѣтка 3 относитъ всѣхъ этихъ учениковъ къ числу знающихъ, да и сами ученики эти преисполнены бываютъ весьма неудобнаго въ педагогическомъ отношеніи представленія о себѣ, какъ о знающихъ и вполнѣ исправныхъ. Эта тройка убаюкиваетъ учениковъ и создаетъ въ нихъ ложное самодовольство: довольно того, что онъ получилъ удовлетворительный баллъ и будетъ переведенъ въ слѣдующій классъ; чего же еще? такъ думаетъ въ большинствѣ случаевъ троечникъ и уже не считаетъ нужнымъ заботиться объ увеличеніи своихъ знаній. На основаніи многолѣтняго учительскаго

опыта мы можемъ сказать, что благодаря этому дѣленію балловъ на удовлетворительные и неудовлетворительные въ классѣ всегда бываетъ довольно большая группа такихъ учениковъ, которые всѣ свои занятія сводятъ къ тому, чтобы получить тройку хоть съ минусомъ или даже въ окончательномъ выводѣ хоть и $2^1/_2$, которые, какъ извѣстно, считаются за удовлетворительный баллъ, а не къ тому, чтобы расширять и умножать свои знанія. О знаніяхъ эта группа учениковъ очень мало заботится и наоборотъ съ дѣтства привыкаетъ къ очень дурному и вредному въ нравственномъ смыслѣ формальному отношенію къ дѣлу собственнаго образованія. Лишь бы была тройка или хоть $2^1/_2$, открывающіе путь въ слѣдующій классъ, больше ничего не нужно такимъ ученикамъ. Это явленіе еще болѣе осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ виду роковаго значенія для ученика балла удовлетворительнаго и неудовлетворительнаго или переводнаго и непереводнаго баллъ 3 и $2^1/_2$ нерѣдко ставится ученику по снисходительности, когда учитель, штурмуемый ученикомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, сдается наконецъ и уступаетъ ему мало заслуженную или совсѣмъ незаслуженную тройку. Такихъ случаевъ бываетъ не мало. И они вовсе не свидѣтельствуютъ о какой—нибудь слабости и тѣмъ болѣе не говорятъ о какомъ-нибудь злоупотребленіи, а просто являются слѣдствіемъ слишкомъ строгаго абсолютизма въ значеніи балловъ 3 и 2, какъ переводнаго и непереводнаго. Въ подобныхъ случаяхъ вопросъ о знаніяхъ учениковъ отступаетъ на второй планъ и заслоняется не менѣе жизненнымъ и болѣе жгучимъ вопросомъ о томъ, будетъ ли ученикъ переведенъ въ слѣдующій классъ или нѣтъ. И вотъ предъ экзаменами тройки выростаютъ, какъ грибы въ дождливую погоду. И винить въ этихъ случаяхъ учителей въ особой снисходительности нѣтъ основанія, потому что, какъ мы сказали, вопросъ о переходѣ ученика изъ одного класса въ другой есть вопросъ не менѣе жизненный для ученика, чѣмъ самый вопросъ о знаніяхъ. Противъ этого,

мы полагамъ, никто не будетъ спорить. Припомнимъ при этомъ еще и родителей ученика. Для родителей безъ всякаго сомнѣнія не менѣе важно то, чтобы ихъ дѣти переходили изъ класса въ классъ т. е. пріобрѣтали извѣстныя права, какъ и то, чтобы они пріобрѣтали знанія. И потому естественна погоня учениковъ за баллами всѣми способами и всякими путями. А не будь связанъ переводъ ученика въ слѣдующій классъ съ полученіемъ извѣстнаго балла, тогда этого весьма ненормальнаго и противнаго педагогикѣ захаживанія и упрашиванія о тройкѣ не было бы. Но мало того, что сами ученики всѣми правдами и неправдами вызываютъ къ бытію эфемерныя тройки, само начальство учебныхъ заведеній весьма заинтересовано и всѣ силы употребляетъ къ тому, чтобы такъ или иначе, независимо даже отъ ученическихъ знаній, на учебной нивѣ выхаживать и выращивать какъ можно больше удовлетворительныхъ балловъ, и принимаетъ также съ своей стороны множество мѣръ прямыхъ и косвенныхъ къ достиженію именно такихъ результатовъ [84]). Все это ведетъ къ тому, что тройки умножаются, число удовлетворительныхъ балловъ увеличивается; хотя знаній отъ этого не прибавляется ни на іоту. Такимъ образомъ все направляется «на выгонку» наибольшаго числа удовлетворительныхъ балловъ, а что скрывается за этими баллами—о томъ не думаютъ, да и некогда подумать. Преслѣдуются главнымъ образомъ цѣли статистическія, а не педагогическія. Начальство такъ же ретиво гоняется за тройками, какъ и ученики. Особенно грѣшатъ въ этомъ смотрителя училищъ; двойки, какъ страшные призраки, смущаютъ ихъ и они требуютъ (именно требуютъ) отъ учителей одного: ставить меньше, какъ можно меньше неудовлетворительныхъ балловъ. Понятно къ чему это ведетъ! И намъ не рѣдко приходилось слышать жало-

---

[84]) Пусть не думаютъ читатели, что это дѣлается только въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, нѣтъ, это дѣлается вездѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ.

бы учителей училищъ на это обстоятельство. Небезъизвѣстно, что въ училищахъ у смотрителей съ учителями при выводѣ мѣсячныхъ балловъ происходитъ цѣлая война изъ-за того, сколько каждый учитель поставилъ по своему предмету неудовлетворительныхъ балловъ.

Явленіе это конечно не нормально и для устраненія его необходимы измѣненія въ оцѣнкѣ ученическихъ знаній и ученической правоспособности на переходъ изъ одного класса въ другой. Для этого нужна другая система, другой порядокъ. По нашему мнѣнію права ученика на переводъ въ слѣдующій классъ должны опредѣляться его общимъ развитіемъ, его умственной подготовкой, а не полученіемъ тѣхъ или другихъ балловъ по изучаемымъ предметамъ. Задача средняго и низшаго образованія, какое дается ученикамъ въ нашихъ семинаріяхъ и училищахъ, состоитъ главнымъ образомъ въ достиженіи извѣстнаго умственнаго формальнаго развитія, а не въ усвоеніи только тѣхъ или другихъ знаній, не въ изученіи тѣхъ или другихъ наукъ, или лучше сказать учебныхъ предметовъ. Разумѣется умственное развитіе достигается главнымъ образомъ чрезъ изученіе учебныхъ предметовъ и слишкомъ рѣзко отдѣлено отъ него быть не можетъ, потому что и самое умственное развитіе въ той или другой степени возможно только по накопленіи и при наличности извѣстной суммы извѣстныхъ понятій, пріобрѣтаемыхъ чрезъ знанія. Но это только въ теоріи умственное развитіе и знанія учебныхъ предметовъ оказываются очень близкими, чуть не тождественными; на практикѣ же мы отлично знаемъ разницу между развитымъ и умственно зрѣлымъ юношей, сильно хромающимъ въ знаніи учебныхъ предметовъ, и тупымъ зубрилой формально удовлетворительно изучающимъ уроки и не обнаруживающимъ соотвѣтственной умственной зрѣлости. Вотъ эту-то разницу, которая на практикѣ рѣзко обнаруживается, и слѣдуетъ по преимуществу имѣть въ виду при пере-

водѣ ученика изъ одного класса въ другой. Не получившихъ тѣ или другіе условные баллы учениковъ нужно переводить въ слѣдующій классъ, а только соотвѣтствующихъ по своему умственному развитію этому слѣдующему классу. Здѣсь намъ пожалуй возразятъ и скажутъ, что для опредѣленія степени умственной подготовки ученика нужна также какая-нибудь формальная мѣрка и этой мѣркой всего лучше могутъ служить баллы. На это мы отвѣтимъ, что балловъ какъ элементовъ статистики мы не отрицаемъ, но значеніе ихъ сильно ограничиваемъ. Мы полагаемъ, что центръ тяжести при оцѣнкѣ успѣшности или неуспѣшности ученика долженъ заключаться не въ баллахъ. Умственное развитіе, какъ извѣстно, достигается кромѣ изученія учебныхъ предметовъ еще внѣкласснымъ чтеніемъ и вообще самодѣятельностью ученика. А потому и слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду эти факторы умственнаго развитія и при переводѣ ученика изъ класса въ классъ должно цѣнить его по степени умственнаго развитія, а успѣхамъ по каждому предмету въ отдѣльности давать другую оцѣнку, пользуясь въ этомъ случаѣ баллами въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными знаніями учениковъ, при чемъ не понадобится подгонять балы подъ рубрики удовлетворительныхъ и неудовлетворительныхъ. Пусть учитель какъ можно точнѣе опредѣляетъ балломъ степень знанія ученика и не соображается съ тѣмъ будетъ ли этотъ баллъ переводный, или непереводный; тогда баллы будутъ дѣйствительной мѣркой ученическихъ знаній. Тогда не будетъ искусственности и условности въ оцѣнкѣ ученическихъ знаній: успѣвающій на 2, два и получилъ бы и этимъ не смущались бы ни ученикъ, ни учитель. Для перевода ученика изъ класса въ классъ потребовались бы тогда другія данныя кромѣ балловъ. Намъ именно желательно устранить механическое рѣшеніе вопроса о переводѣ ученика изъ класса въ классъ и на мѣсто этого механическаго рѣшенія поставить раціональное. При механическомъ подведеніи балловыхъ итоговъ добрая половина данныхъ для сужденія объ

ученикѣ упускается изъ вида. Мы же желаемъ чтобы тѣ и другія данныя въ равной мѣрѣ принимались во вниманіе. Ученики должны быть переводимы изъ класса въ классъ по особому сужденію педагогическаго собранія правленія семинаріи, въ которомъ конечно должны участвовать всѣ преподаватели дающіе уроки въ извѣстномъ классѣ. Педагогическое собраніе должно опредѣлить умственную зрѣлость ученика и соотвѣтствіе его умственнаго развитія съ требованіями слѣдующаго класса. Тогда баллы утратятъ свой формальный характеръ, уничтожится абсолютное дѣленіе ихъ на переводные и непереводные и они будутъ выраженіемъ дѣйствительной степени ученическихъ знаній. Въ этомъ отношеніи было бы хорошо возвратиться къ старой школьной практикѣ, когда съ двойками не только переходили изъ класса въ классъ, но и кончали курсъ и притомъ не только въ училищахъ и семинаріяхъ, но и въ академіяхъ. Въ прежнихъ аттестатахъ семинарскихъ и академическихъ воспитанниковъ нерѣдко встрѣчались отмѣтки «порядочно», равное нынѣшнему посредственно и «нехудо»—однозначущее съ нынѣшнимъ слабо. И это никого не шокировало, а указывало только на дѣйствительно минимальныя знанія воспитанниковъ, каковыми знаніями по нѣкоторымъ предметамъ обладаютъ сплошь рядомъ и нынѣ воспитанники, оканчивающіе курсъ семинаріи и получающіе въ аттестатахъ и свидѣтельствахъ тройки.

Повышенные баллы отнюдь не улучшаютъ и не возвышаютъ людей, а между тѣмъ знанія этихъ воспитанниковъ совсѣмъ не соотвѣтствуютъ абсолютно понимаемымъ выраженіямъ «хорошо» и «удовлетворительно».

Предлагаемое нами измѣненіе въ оцѣнкѣ ученическихъ знаній баллами или вѣрнѣе въ формальномъ значеніи балловыхъ отмѣтокъ можетъ имѣть существенное значеніе для экзаменовъ. Экзамены не были бы такъ страшны, а слѣдовательно не были бы и такъ тягостны и мучительны, если бы балловые отмѣтки потеряли хоть

отчасти свое нынѣшнее формальное значеніе; ученикъ зналъ бы, что ему нуженъ не одинъ только отвѣтъ на экзаменѣ для того чтобы получить искомое и что напротивъ въ извѣстной степени неудачный отвѣтъ на экзаменѣ не лишитъ его этого искомаго, если онъ кромѣ экзамена имѣетъ за собой многія другія болѣе существенныя данныя. Здѣсь самъ собою разрѣшается вопросъ о томъ подвергать ли экзамену учениковъ имѣющихъ въ годовыхъ отмѣткахъ тройки. Въ виду того, что мы придаемъ большее значеніе общей оцѣнкѣ ученика и его умственной подготовки къ продолженію дальнѣйшаго курса педагогическимъ совѣтомъ,—экзамены должно назначать только тѣмъ изъ получившихъ годовыя тройки, умственная зрѣлость которыхъ не будетъ на собраніи педагоговъ достаточно твердо установлена и признана.

Итакъ экзамены нужны собственно только для учениковъ, имѣющихъ въ годовыхъ баллахъ двойки, но не признаваемыхъ педагогическимъ совѣтомъ безусловно неуспѣвающими. Для такихъ учениковъ экзамены будутъ, какъ сказано актомъ справедливости, актомъ, гдѣ эти ученики, сдѣлавъ надлежащія усилія, будутъ стремиться достигнуть результата, котораго они не успѣли достигнуть въ теченіе года. Для хорошихъ учениковъ экзаменъ имѣетъ характеръ совершенно ненужнаго риска, а для такихъ учениковъ, о которыхъ у насъ здѣсь идетъ рѣчь, экзаменъ ничего рискованнаго не будетъ въ себѣ заключать: въ худшемъ случаѣ онъ только подтвердитъ то, что уже извѣстно объ ученикѣ, въ случаѣ же успѣха экзаменъ дастъ такому ученику право на переходъ въ слѣдующій классъ. Относительно балловъ намъ могутъ еще сказать, что если-де у балловъ отнять ихъ нынѣшнее рѣшающее значеніе, то ученики потеряютъ одно изъ сильнѣйшихъ побужденій къ тому чтобы заниматься усердно. На это мы отвѣтимъ прежде всего общимъ положеніемъ, что внѣшнія побужденія мало имѣютъ значенія для внутреннихъ движеній человѣческой ду-

ши, такъ что успѣхи учениковъ, если и допустить измѣненіе въ значеніи балловъ, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, останутся одни и тѣже. А затѣмъ скажемъ, что на мѣсто однихъ мотивовъ у учениковъ явятся другіе не менѣе и даже болѣе сильные. Побужденіе это будетъ состоять въ томъ, что ученики тогда должны будутъ стремиться къ тому, чтобы принадлежать къ числу дѣйствительно хорошихъ, развитыхъ, по признанію всего педагогическаго совѣта, а не къ числу только троечниковъ, всѣми неправдами перелѣзающихъ изъ класса въ классъ.

Наконецъ должно помнить, что мы совершенно не уничтожаемъ значеніе балловъ, но желаемъ только, чтобы при опредѣленіи достоинствъ ученика, живое слово педагоговъ имѣло во всякомъ случаѣ не меньшее значеніе чѣмъ мертвая цифра. Но главное наше возраженіе противъ балловъ вытекаетъ изъ желанія устранить многія несообразности и достигнуть наиболѣе справедливыхъ для каждаго ученика результатовъ въ окончательномъ выводѣ (изъ годового и экзаменнаго балловъ). А то въ томъ и бѣда, что въ окончательныхъ выводахъ нерѣдко оказываются нелѣпые и совершенно противорѣчивые результаты. Напримѣръ лучшій и по познаніямъ и по развитію ученикъ оказывается въ разрядномъ спискѣ ниже, а худшій выше номеровъ на 5 или даже на 10-ть къ удивленію и товарищей и учителей. Такіе факты извѣстны всѣмъ преподавателямъ. Бываетъ даже, что сравнительно лучшій ученикъ оставляется на повторительный курсъ, а худшій переходитъ въ слѣдующій классъ.

Чтобы читатель могъ убѣдиться въ этомъ, мы приводимъ здѣсь баллы двухъ учениковъ въ двухъ таблицахъ. Окончательные выводы въ этихъ таблицахъ оказываются неожиданными, поразительными и прямо противорѣчущими тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ частныхъ баллахъ.

Вотъ эти баллы.

Таблица первая [85]).

Баллы ученика А. по латинскому языку.

Названіе мѣсяцевъ.	Частные баллы по отвѣтамъ.	Мѣсячные баллы.	Годовой баллъ.	Экзаменный баллъ.	Окончательный выводъ.	Постановленіе правленія семинаріи.
Сентябрь .	1, 1, 2, 1	1	Два (2), полученный собственно изъ $1\frac{5}{7}$.	Три съ минусомъ 3—.	$2+3=5$; $\frac{5}{2}=2\frac{1}{2}$ т. е. баллъ переводный.	Переводится въ слѣдующій классъ.
Октябрь .	2, 1, 1, 2	2				
Ноябрь . .	2, 3, 2, 3	3				
Декабрь .	2, 1, 2	2				
Январь и Февраль .	1, 1, 1, 1	1				
Мартъ . .	1, 2, 1	1				
Апрѣль и Май . . .	2, 2,—1, 2	2				

Таблица вторая.

Баллы ученика В. по латинскому языку.

Названіе мѣсяцевъ	Частные баллы по отдѣльнымъ отвѣтамъ.	Мѣсячные баллы.	Годовой баллъ.	Экзаменный баллъ.	Окончательный выводъ.	Постановленіе правленія семинаріи.
Сентябрь .	3, 2, 2, 2	2	Два (2), полученный собственно изъ $2\frac{2}{7}$.	Два (2).	$2+2=4$: $2=2$ т. е. баллъ непереводный.	Назначается переэкзаменовка.
Октябрь .	2, 3, 2	2				
Ноябрь . .	3, 3, 4, 3	3				
Декабрь .	2, 2, 2	2				
Январь и Февраль. .	2, 3, 3, 3, 2	3				
Мартъ .	2, 2, 2	2				
Апрѣль и Май . .	2, 2, 3, 2	2				

[85]) Мы беремъ мѣсячные выводы, а не четвертные, по-

Итакъ мы видимъ, что въ первой таблицѣ при 26-ти отвѣтахъ ученика въ теченiе года, сумма которыхъ равняется 41 и при семи мѣсячныхъ баллахъ, сумма которыхъ равна 12-ти, получается годовой баллъ 2, а въ окончательномъ выводѣ при экзаменной тройкѣ (даже несовсѣмъ полной) полученъ баллъ переводный, именно $2^1/_2$. А во второй таблицѣ при 26-ти также отвѣтахъ ученика, сумма которыхъ равна 59 и при семи мѣсячныхъ, сумма которыхъ равняется 16-ти, получается годовой баллъ также 2, а въ окончательномъ выводѣ при экзаменной двойкѣ оказывается баллъ неудовлетворительный, непереводный т. е. чистая двойка. Результаты очевидно совершенно неожиданные и, какъ мы сказали, прямо противорѣчущiе даннымъ, заключающимся въ частныхъ баллахъ, а потому явно несправедливые. [86]).

тому что такова была намъ извѣстная многолѣтняя практика въ семинарiяхъ; а что касается училищъ, то тамъ и до сихъ поръ дѣлаются выводы помѣсячно.

[86]) Такiя же точно несообразности и нелѣпости въ выводахъ балловъ указаны въ статьѣ К. Смирнова подъ заглавiемъ: «Постановка сочиненiй въ духовныхъ семинарiяхъ». (Ф. З. 1894 г.) У него рѣчь идетъ только о баллахъ по сочиненiямъ. Но указанiя его очень интересны и одинаково характерны для теперешней балловой системы вообще. Вотъ что онъ говоритъ: «Окончательная оцѣнка знанiй учениковъ сочиненiями при существующемъ порядкѣ, можетъ быть самая неожиданная, неожиданная и для преподавателей и для учениковъ. Вотъ примѣръ. Въ продолженiе года въ классѣ было 10 сочиненiй у 5 преподавателей, у каждаго по 2; ученикъ у каждаго преподавателя получаетъ за одно сочиненiе 1, за другое 2; 1 и $2=1^1/_2$; половина прибавляется въ пользу ученика (по общему правилу), и каждый преподаватель за годъ выводитъ ученику 2; общiй годовой баллъ по сочиненiю у ученика слѣдовательно 2. Экзаменное сочиненiе ученикъ пишетъ на $2^1/_2$ (экспромпты оцѣниваются слабѣе); такъ какъ дробей не допускается, то $^1/_2$—преподаватель прибавляетъ въ пользу ученика; то же дѣлаетъ и другой членъ коммисiи,—и экзаменный баллъ

Такова нынѣшняя балловая система и таково ея примѣненіе на практикѣ.

Изъ всего сказаннаго объ экзаменахъ и о баллахъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) педагогическій совѣтъ долженъ всесторонне знать ученика и судить о немъ не по-однимъ только балламъ. 2) экзаменъ долженъ служить только средствомъ дополнительной провѣрки имѣющихся уже въ распоряженіи педагогическаго совѣта свѣдѣній о той или иной степени подготовки учени-

---

получается 3; складывается онъ съ годовымъ,—получается $2^1/_2$—баллъ переводный. Итакъ изъ пяти единицъ, пяти двоекъ и одной $2^1/_2$ (превращенной въ тройку)—получается переводный баллъ! Стоитъ ли послѣ этого особенно заботиться о годовыхъ сочиненіяхъ, если ихъ такъ легко затушевать на экзаменѣ,—особенно если экзаменное сочиненіе назначено у преподавателя «добраго» (по выраженію учениковъ), который рѣдко ставитъ меньше 3? Будешь стараться—выйдетъ 3, и не будешь вовсе писать—тоже 3. И большинство учениковъ (особенно въ старшихъ классахъ), которые имѣютъ цѣлью—только заполучить переводный баллъ,—положительно не занимаются сочиненіями во время года.—Съ другой стороны могутъ быть и противоположныя неожиданности. Въ томъ же классѣ у другого ученика годовые баллы по сочиненіямъ были такіе: $3^1/_2$ и 3+,—выводъ—3; $3^1/_2$ и 3+,—выводъ—3; $2^1/_2$ и 2+,—выводъ—2. Общій годовой баллъ—нѣсколько менѣе 3-хъ ($2^4/_6$). Экзаменное сочиненіе слѣдовало бы оцѣнить балломъ 2+т. е. $2^1/_4$; плюсовъ и дробей не допускается, ставится ровно два, и окончательный выводъ—менѣе $2^1/_2$ т. е. ученику назначается переэкзаменовка, а если почему-либо и переэкзаменовка у него будетъ неудачна, онъ оставляется на повторительный курсъ или исключается... Итакъ одинъ ученикъ, имѣющій баллы: 1, 2, 1, 2, 1, 2, 1, 2, 1, 2, $2^1/_2$,—переводится; другой,—имѣющій $3^1/_2$, 3+, $3^1/_2$, 3+, $3^1/_2$, 3+, $3^1/_2$, 3+, $2^1/_2$, 2+, 2+,—оставляется или исключается. Какъ понять это? И стоитъ ли послѣ этого много заниматься сочиненіями? «Я занимался—и остался, а я не занимался и перешелъ»,—съ изумленіемъ вѣроятно, говорятъ сами ученики. И изумляться есть чему!..

ка къ переходу въ слѣдующій классъ. Вопросъ о назначеніи экзамена однимъ ученикамъ и о переводѣ безъ экзамена другихъ долженъ рѣшаться на засѣданіи общаго педагогическаго собранія. 3) система балловъ или точнѣе говоря, порядокъ пользованія баллами долженъ быть кореннымъ образомъ измѣненъ, чтобы такія несообразности и несправедливости, какія указаны нами въ приведенныхъ таблицахъ, были не возможны. Для этого нужно въ окончательномъ выводѣ пользоваться или суммою всѣхъ получаемыхъ ученикомъ въ теченіе года балловъ, при чемъ и въ мѣсячныхъ (или въ двухъмѣсячныхъ, какъ нынѣ), выводахъ должны выставляться суммы, а не частное, тогда результатъ будетъ согласный съ истиной; или для полученія частнаго нужно установить другую систему, при которой бы годовому баллу придавалось гораздо больше значенія, нежели экаменному; а для этого нужно годовой баллъ сначала увеличить вдвое или втрое, а потомъ складывать его съ экзаменнымъ и полученную такимъ образомъ сумму дѣлить на 3 въ первомъ случаѣ и на 4 во второмъ случаѣ. Тогда сила и значеніе годового балла удвояется или утроиется въ сравненіи съ значеніемъ экзаменнаго, что и будетъ вполнѣ справедливо.

Попробуемъ примѣнить эту систему къ нѣкоторымъ балламъ. Объ ученикахъ имѣющихъ въ годовыхъ отмѣткахъ высшіе баллы 5 и 4 не будемъ говорить, такъ какъ они, какъ сказано выше, должны переходить изъ класса въ классъ безъ экзамена, а примѣнимъ эту систему къ двойкамъ и тройкамъ.

Если ученикъ, имѣющій годовой баллъ 3, получаетъ на экзаменѣ 2, то выводъ по нашей системѣ будетъ $3 \times 2 = 6 + 2 = 8 : 3 = {}^8/_3$ или $2^2/_3$

Если наоборотъ ученикъ, имѣющій годовой баллъ 2, получаетъ на экзаменѣ 3, то выводъ получится $2 \times 2 = 4 + 3 = 7 : 3 = {}^7/_3$ или $2^1/_3$. Окончательный результатъ такимъ образомъ получается наиболѣе справедливый: тотъ и другой ученикъ имѣетъ въ годовомъ и экзаменномъ баллахъ одни и тѣже цифры, но въ об-

ратномъ порядкѣ, тотъ и другой переводится въ слѣдующій классъ, но преимущество на одну треть балла при окончательныхъ выводахъ остается за тѣмъ, который имѣетъ лучшій годовой баллъ. Такъ и должно быть.

Если въ видѣ исключенія допустимъ между годовымъ и экзаменнымъ балломъ разницу на 2 единицы, то преимущество окажется и по нашей системѣ на сторонѣ того, который получилъ лучшій баллъ на экзаменѣ, напр. изъ годовой тройки и экзаменной единицы получится $^7/_3$, а изъ годовой двойки и экзаменной четверки получится $^8/_3$. Но такіе случаи чрезвычайно рѣдки и въ видѣ исключенія въ подобныхъ случаяхъ преимущество должно принадлежать ученику отличившемуся на экзаменѣ. Это также естественно и справедливо.

Однако могутъ быть и другіе случаи, гдѣ окончательные результаты будутъ уже не таковы; если напримѣръ ученикъ, имѣющій годовую четверку, получаетъ на экзаменѣ двойку, а другой имѣющій годовую двойку получаетъ на экзаменѣ четверку. Тогда у перваго будетъ $4\times2=8+2=10$: $3=^{10}/_3$ или $3^1/_3$, а у второго $2\times2=4+4=8$: $3=^8/_3$ или $2^2/_3$. Результатъ далеко не одинаковый съ тѣмъ, какой получается въ предыдущемъ примѣрѣ, хотя и здѣсь и тамъ разница у обоихъ учениковъ въ годовомъ и экзаменномъ баллѣ на двѣ единицы. Тамъ экзаменскій баллъ далъ перевѣсъ ученику, а здѣсь преимущество осталось за годовымъ. Это явленіе однако нельзя считать ненормальнымъ; напротивъ оно какъ нельзя болѣе выражаетъ существо нашей системы, клонящейся къ тому, чтобы придать годовому баллу возможно большее значеніе. Понятно, отчего произошла не одинаковость результата въ первомъ и во второмъ примѣрѣ. Въ первомъ примѣрѣ разница въ годовыхъ баллахъ того и другого ученика на одну единицу, а во второмъ примѣрѣ на двѣ единицы. Слѣдовательно сблизить окончательные результаты въ первомъ примѣрѣ дѣло не слишкомъ трудное и признать преимущество за вторымъ изъ двухъ сравниваемыхъ учениковъ въ томъ случаѣ весьма естественно, а при разницѣ на двѣ единицы въ

годовыхъ баллахъ—это сближенiе оказывается невозможнымъ. Можетъ быть кто-нибудь скажетъ, что и разность-то ужъ очень велика на $^2/_3$. На это педагоги взглянутъ, какъ намъ кажется, различно: одни отнесутъ это къ недостаткамъ нашей системы, а другiе напротивъ признаютъ такой результатъ вполнѣ естественнымъ и правильнымъ для такихъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ по годовому баллу принадлежитъ къ 1-му разряду, а другой по тому же баллу къ 3-му разряду.

Взглядъ на экзаменный баллъ вообще неопредѣленъ. Несомнѣнно, что ему нельзя придавать равное значенiе съ годовымъ, но и ставить его наравнѣ съ простымъ частнымъ балломъ, какой получаютъ ученики въ теченiе года за каждый отдѣльный отвѣтъ, тоже невозможно, среднее же значенiе опредѣлить не легко, а несомнѣнно, что экзаменный баллъ долженъ имѣть среднее значенiе, приближаясь по своей силѣ къ четвертному баллу или—что будетъ справедливѣе—къ двумъ четвертнымъ то есть къ половинѣ годового балла, каковое значенiе мы ему и желаемъ придать. Взаимное отношенiе годоваго и экзаменнаго балловъ должно быть какъ 2:1. По такой системѣ и нужно дѣлать окончательный среднiй выводъ изъ годового и экзаменнаго балловъ. Вообще же необходимо ослабить значенiе и экзаменовъ и балловъ, внося въ дѣло побольше рацiональнаго элемента вмѣсто механическаго и случайнаго.

(Продолженiе будетъ).

Г. Можаровъ.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА.

Введеніе въ курсъ русской словесности V-го класса гимназій и прогимназій.

(Вмѣсто предисловія).

Съ V класса гимназій, по новымъ учебнымъ планамъ (1890 г.), начинается изученіе образцовыхъ произведеній русскихъ авторовъ, въ отрывкахъ и въ цѣломъ видѣ, начиная съ XI вѣка. При чтеніи многихъ изъ нихъ встрѣчается надобность въ объясненіи нѣкоторыхъ стилистическихъ терминовъ и опредѣленій. Напримѣръ, при чтеніи „Словъ“ митрополита Иларіона и Кирилла Туровскаго, нужно предварительно дать понятіе о параллелизмѣ, символахъ, аллегоріи, сравненіяхъ или уподобленіяхъ; „Поученіе Владиміра Мономаха“, „Слово о полку Игоревѣ“, „Моленіе Даніила Заточника“—нельзя читать, не познакомивши учениковъ съ тѣмъ, что такое эллипсисъ, олицетвореніе, обращеніе, эпитеты, юморъ и проч.; въ народныхъ произведеніяхъ, изучаемыхъ въ V классѣ, почти на каждомъ шагу встрѣчаются плеоназмы, параллелизмы, тавтологіи и проч. Въ VI классѣ, при чтеніи сочиненій—Грознаго, Ломоносова, Державина и др., понадобятся опредѣленія ироніи, метафоры, метонимiи, синекдохи, гиперболы и проч. Опредѣленія приведенныхъ и подобныхъ имъ терминовъ непремѣнно должны предшествовать чтенію тѣхъ произведеній, въ которыхъ они встрѣчаются; опредѣленія эти должны быть данными, вполнѣ извѣстными ученикамъ, чтобы они скорѣе и легче могли приступить къ разбору произведеній, изученіе которыхъ, при такомъ условіи, не будетъ прерываться мимоходными объясненіями, и потому пойдетъ быстрѣе.—Покойный Михаилъ Никифоровичъ Катковъ говорилъ, что „изученіе стилистики должно слѣдовать непосредственно за изученіемъ грамматики“ (Истор. Вѣс. 1888 г., Янв. стр. 101—102).

Между тѣмъ, новыми учебными планами (1890 г.) оно отнесено къ VIII классу гимназій. Впрочемъ, тѣ же планы рекомендуютъ и въ предъидущихъ классахъ давать мимоходомъ нѣкоторыя стилистическія опредѣленія. Но все это, разбросанное по разнымъ классамъ, скоро, такъ сказать, улетучивается, и въ головѣ ученика остаются развѣ отрывочныя, смутныя понятія о часто встрѣчающихся ему стилистическихъ терминахъ. Учитель, конечно, долженъ освѣжать эти смутныя понятія (и это дѣлается); но, во первыхъ, эти мимоходныя объясненія невольно прерываютъ систематическій ходъ классной работы *); во вторыхъ, эти объясненія, какъ мимоходныя, ускользаютъ отъ вниманія учениковъ, и учащіеся ихъ скоро забываютъ: приходится повторять нѣсколько разъ одно и тоже, на что тратится скудно отведенное время, особенно для VI класса, программа котораго довольно обширна. Чтобы сберечь дорогое время и избавить преподавателя отъ необходимости давать мимоходныя, такъ сказать, летучія опредѣленія, нужныя для яснаго представленія логической послѣдовательности изучаемыхъ образцовъ, мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ, въ видѣ вступленія въ курсъ V класса, познакомить учениковъ съ необходимыми, часто встрѣчающимися стилистическими терминами, чтобы впослѣдствіи мимоходное сообщеніе ихъ не тормозило естественный ходъ классныхъ объяснительныхъ чтеній.—Введеніе въ курсъ V класса стилистическихъ опредѣленій не лишнимъ будетъ для учениковъ и при внѣклассномъ чтеніи, для справокъ о тѣхъ или другихъ стилистическихъ терминахъ. Чтеніе же въ V классѣ былинъ и исторических пѣсенъ вызываетъ необходимость дать краткое понятіе о размѣрѣ народныхъ стиховъ.—Вотъ цѣль настоящихъ замѣтокъ изъ стилистики, которыя я составилъ на основаніи болѣе употребительныхъ теорій—Бѣлявскаго, Бѣлоруссова, Минина, Смирновскаго и др.

*) Иногда преподаватель, увлеченный извѣстными цѣлями объяснительнаго чтенія, забываетъ дать ученикамъ эти мимоходныя стилистическія объясненія. Повторять же чтеніе нѣтъ времени.

Стиль значитъ слогъ, способъ выраженія мыслей, складъ, характеръ рѣчи.

Примѣчаніе. **Слогъ** ненадобно смѣшивать съ **языкомъ**. Языкъ есть совокупность словъ, а слогъ есть способъ расположенія ихъ въ рѣчи; языкъ—матеріалъ для слога; языкъ составляетъ достояніе цѣлаго народа, а слогъ есть особенность писателя.

Отношеніе стилистики къ грамматикѣ. Изученіе стилистики должно слѣдовать непосредственно за изученіемъ грамматики. Грамматика сообщаетъ знаніе словъ въ ихъ отдѣльности или въ связи, отвлеченно отъ ихъ значенія. Но, получивъ слово, какъ матеріалъ, ученикъ долженъ потомъ учиться отпечатлѣвать на этомъ матеріалѣ форму мысли (рѣчь). Дѣло стилистики показать правила рѣчи. Правильною рѣчью называется не только такая, въ которой соблюдены правила грамматики, но и такая, которая ясна, полна и даетъ сквозь себя видѣть заключающееся въ ней содержаніе. То выраженіе, которое соотвѣтствуетъ своему содержанію, равномѣрно ему, вполнѣ обнаруживаетъ его, называется **изящнымъ**. **Правила этого изящнаго выраженія** и составляютъ предметъ стилистики, которая, поэтому, есть не что иное, какъ ученіе о стилѣ, или слогѣ, заключающее въ себѣ правила, равно обязательныя какъ для прозаика, такъ и для поэта. Но

Что такое слогъ?

И до сихъ поръ путаются въ его опредѣленіи, потому что не различаютъ двухъ его сторонъ: субъективной и объективной. Субъективная сторона была давно опредѣлена Бюффономъ, въ его знаменитой рѣчи („Discours sur le style") словами: слогъ—это самъ человѣкъ („le style c'est l'omme"), т. е. въ слогѣ отражаются духовныя способности автора: его умъ, воображеніе, чувство. Это—слогъ личный, индивидуальный, зависящій отъ природы пишущаго (отсюда—слогъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и др.). Учиться ему нельзя, даже подражать ему опасно, потому, что подражатель легко можетъ разъиграть роль „вороны въ павли-

ныхъ перьяхъ".—Объективная сторона слога—это внѣшняя форма внутренняго, мысленнаго матеріала, долженствующая ему вполнѣ соотвѣтствовать, быть ему равномѣрной, ярко обнаруживать его значеніе. Если, по счастливому выраженію Бюффона, субъективный слогъ есть самъ человѣкъ, то о слогѣ объективномъ нѣмецкіе ученые справедливо говорятъ, что онъ есть само содержаніе. Въ такомъ только случаѣ онъ и будетъ имѣть право называться „изящнымъ выраженіемъ". („Истор. Вѣс.". 1888 г., Янв. стр. 101—102. О стилистикѣ—слова М. Н. Каткова, а о слогѣ—слова А. Д. Галахова.).

I. Логическія условія слога.

Слогъ долженъ быть 1) правиленъ, 2) ясенъ и 3) точенъ.

I) Правильность состоитъ въ строгомъ соблюденіи этимологическихъ и синтактическихъ правилъ.

II) Ясность требуетъ отъ писателя такого выраженія мыслей, чтобы можно было читающему понять ихъ легко и свободно, безъ особеннаго умственнаго напряженія.

III) Точность должна состоять въ томъ, чтобы слова и выраженія автора вполнѣ соотвѣтствовали его мыслямъ, чтобы читатель разумѣлъ въ читаемомъ именно то, что хотѣлъ сказать писатель.

Точность нарушается 1) плеоназмами, 2) тавтологіями (тождесловіями), 3) неправильнымъ употребленіемъ синонимовъ и 4) параллелизмами.

1) Плеоназмъ (πλέον—болѣе, πλεονάζω—излишествую) есть переполненіе фразы словами, безъ которыхъ она могла бы обойтись, оставшись ясною, напр.: молодой юноша, храбрый герой, пошелъ обратно назадъ; вещи были слѣдующія, а именно..., но однако, а онъ же и проч. Впрочемъ, иногда допускаютъ и плеоназмы, съ цѣлію усиленно подтвердить подлинность чего-либо, напр.: я видѣлъ это собственными моими глазами; „Самъ молвилъ, прочь уходя въ досадѣ"—Крыловъ.

Плеоназму противоположенъ эллипсисъ (ἔλλειψις—опущеніе)—пропускъ словъ и предложеній, легко подразумѣва-

емыхъ,—пропускъ, усиливающій сжатость, а слѣдовательно и выразительность фразы: „Лѣсъ ли начнется—сосна да осина!“ (Некрасовъ); здѣсь пропущено „виднѣются“ или „попадаются“ только. „Мы села—въ пепелъ, грады въ прахъ; въ мечи—серпы и плуги“ (пропущено „превратимъ“).

2) Тавтологія (ταὐτό, то же самое, λόγος—слово) есть повтореніе одного и того же понятія чрезъ повтореніе одного и того же корня, напр.: старый старикъ, громъ гремитъ; онъ имѣетъ обычай обыкновенно это дѣлать. Особенно въ языкѣ народной поэзіи употребляются тавтологическія выраженія: „ѣсти ѣствушекъ, думу думать, мосты мостить, свѣтлая свѣтлица“ и проч.

Примѣчаніе. Тавтологія отличается отъ плеоназма тѣмъ, что въ нее входятъ слова одного и того же корня, а въ плеоназмъ—слова, сходныя по смыслу, но несходныя въ звуковомъ отношеніи: старый старикъ (тавтологія), молодой юноша (плеоназмъ), итти далѣе впередъ, пошелъ обратно назадъ (плеоназмы). Съ плеоназмами можно сопоставить описательныя народныя выраженія, употребляемыя для болѣе нагляднаго изображенія предмета: „поклонъ ведетъ (кланяется), крестъ кладетъ (крестится), путь дороженька“ и проч.

3) Синонимами (σύν—съ, вмѣстѣ, ὄνομα—имя) называются слова, выражающія близкія между собою понятія: старый—древній—давній—старинный—ветхій, путь—дорога, трудъ—работа, положеніе—состояніе, способность—дарованіе, счастіе—благополучіе, признательность—благодарность, средство—способъ, свойство—качество, обвинять—уличать, учебникъ—руководство—пособіе, надобно—должно *). Безразличное употребленіе синонимовъ ведетъ къ неопредѣленности смысла нашей рѣчи, или къ неточности, напр. нельзя сказать: „морская дорога“ вмѣсто „морской путь,“ „желѣз-

*) О синонимахъ см. «Теор. слов.» Смирновскаго (стр 34). «Стилистич. Задачи.» Гаврилова (стр. 123—159, изд. 5), «Логика» Владиславлева (стр. 20), «О синонимахъ» Буслаева, «Сборникъ для город. училищъ» Невзорова (I прилож., стр. XVII).

ный путь" вмѣсто "желѣзная дорога", „трудъ кипѣлъ" вм. „работа кипѣла", „Богъ труды любитъ" (но не работы) и пр. Вотъ образчикъ объясненія синонимовъ Фонъ-Визинымъ: „Старо то, что давно было ново; давне то, чему много времени прошло; ветхимъ называется то, что отъ старости истлѣло, обвалилось; древне то, что происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ". Отъ искуснаго выбора синонимовъ зависитъ точность нашей рѣчи.

4) Параллелизмомъ (παρά—при, возлѣ, ἀλλήλων—другъ друга) называется повтореніе одной и той же мысли въ различныхъ выраженіяхъ; тавтологія относится къ отдѣльнымъ понятіямъ, а параллелизмъ—къ цѣлымъ мыслямъ, напр. онъ не хотѣлъ простить меня, не хотѣлъ оказать своей милости, не хотѣлъ помиловать; или: полуостровъ есть материкъ, окруженный съ трехъ сторонъ водою; съ одной стороны примыкаетъ онъ къ сушѣ, а съ другихъ окруженъ водою.—Параллелизмомъ же называется близкое соотвѣтствіе нѣсколькихъ предложеній по способу выраженія, что нерѣдко бываетъ въ народной поэзіи, напр.:

„Въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды".
(Изъ былины о Садкѣ).

Или:

„Говоритъ Илья таковы слова:
Да неладно у св. отцовъ написано,
Не ладно у апостоловъ удумано;
Написано было у св. отцовъ,
Удумано было у апостоловъ"...

Или:

„Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ—съ переулками".
(Изъ былины объ Ильѣ Мур.)

Въ народной поэзіи, а иногда и въ искусственной, повторяются часто буквально нѣсколько стиховъ, и притомъ не

одинъ разъ. Такое повтореніе называется эпическимъ. Такъ, въ былинѣ о Садкѣ нѣсколько разъ повторяется:

„Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ“.

У Пушкина, въ поэмѣ „Полтава“, нѣсколько разъ повторяется:

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Серебристыхъ тополей листы“.

II. Художественныя условія слога.

1) Эпитетъ—это такое прилагательное или существительное, или, наконецъ, прилагательное съ существительнымъ, которыя, прибавляясь къ другому существительному, содѣйствуютъ болѣе живому представленію предмета: „нависли хладные штыки“, Зевсъ—громовержецъ, мать-сыра земля. Въ народной поэзіи нѣкоторыя существительныя сопровождаются постоянно одними и тѣми же эпитетами; такіе эпитеты называются постоянными, напр.: темный лѣсъ, ясное солнце, лѣса дремучіе, свѣча воску яраго и проч. Эпитеты тѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ опредѣлительныхъ словъ, что опредѣленіе, какъ показываетъ самое слово, ставитъ понятіе, къ которому оно относится, въ границы, въ предѣлы, напр. черный столъ: здѣсь слово „черный“ ставитъ понятіе о столѣ въ границы, въ предѣлы, потому что при этомъ мы представляемъ именно черный столъ, а не всякій вообще. Напротивъ, эпитетъ понятія не ограничиваетъ, а служитъ только для болѣе живого, яснаго, именно поэтическаго представленія предмета, напр. ясное солнце: ясность—это постоянная принадлежность солнца, слѣдовательно не ограничиваетъ понятія о солнцѣ.

Кромѣ постоянныхъ эпитетовъ, есть такъ называемые эпитеты украшающіе, которые прибавляются къ извѣстному предмету не постоянно, а только для украшенія, напр.: Владиміръ—Красное солнышко, старый казакъ—Илья Муромецъ, буй туръ—Всеволодъ и проч.

2) Тропами (τρόπος—оборотъ, τρέπω—оборачиваю, измѣняю) называются слова, употребляемыя не въ собственномъ значеніи, а въ переносномъ, напр.: глаголъ „спитъ", приданный живымъ существамъ, будетъ употребленъ въ значеніи прямомъ, собственномъ; но въ выраженіи: „спитъ природа"—въ переносномъ. Смотря по тому, что служитъ основаніемъ перенесенія слова къ несобственному значенію, тропы бываютъ слѣдующіе:

Метафора (μεταφέρω—переношу), которая переноситъ слово отъ собственнаго значенія къ несобственному на основаніи какого-либо сходства предметовъ по ихъ признакамъ или дѣйствіямъ, напр.: каменное сердце (безчувственное), темная мысль (неудобопонятная), золотая нива, хороводы звѣздъ сплетались, туманы сползали по морщинамъ горъ, туманы пугались приближенія востока.

Распространенная метафора, въ которой переносный смыслъ имѣетъ не отдѣльное слово, а цѣлый разсказъ, называется аллегоріей (ἄλλος—иной, ἀγορεύω говорю: ἀλληγορία—иносказаніе). Аллегорія почти всегда имѣетъ нравоучительную цѣль. Таковы всѣ басни, напр.: въ баснѣ Крылова: „Мартышка и очки" (Рус. Хр. Галах. II, 141 стр.) представленъ невѣжественный человѣкъ, не умѣющій цѣнить достоинства извѣстныхъ вещей.

Олицетвореніемъ называется такой оборотъ рѣчи, въ которомъ неодушевленный или отвлеченный предметъ представляется одушевленнымъ, или неразумное животное изображается въ видѣ разумнаго существа, напр. у Державина слѣдующимъ образомъ изображается зима:

„Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мракъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды".

Или:

„Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ“. Лермонтовъ.

Олицетвореніе сходно съ аллегоріей въ томъ отношеніи, что въ немъ также отвлеченныя понятія и неодушевленные предметы превращаются большею частію въ живыя существа,—но въ олицетвореніи дѣлается это для яснаго и живописнаго изображенія предмета, а въ аллегоріи, кромѣ того, подъ изображаемыми живыми существами и ихъ дѣйствіями всегда скрывается какой-нибудь иносказательный смыслъ.

Метонимія (μετωνυμία—перемѣна имени) — когда слово переносится къ несобственному значенію не на основаніи сходства предметовъ, какъ въ метафорахъ, а на основаніи какого-нибудь взаимнаго отношенія между ними, напр., а) содержащее вмѣсто содержимаго и наоборотъ: мѣшокъ (вм. деньги) за пазухой звенитъ, сосѣдъ (вм. домъ его) горитъ, онъ запилъ горькую чашу, я три тарелки съѣлъ; б) признакъ вмѣсто предмета: обнажить мечъ (вм. начать войну); в) матеріалъ вмѣсто вещи: булатъ, т. е. сталь (вм. мечъ, сабля)—потѣха молодца; онъ ѣстъ на золотѣ; серебро вм. серебряныя вещи; г) слѣдствіе вм. причины: онъ носитъ смерть въ груди, т. е. пулю или болѣзнь, слѣдствіемъ которой будетъ смерть; д) имя автора вмѣсто его произведеній: читать Пушкина, Гоголя и проч.; е) конкретное вмѣсто абстрактнаго (символъ),*) т. е. изображеніе отвлеченнаго понятія нагляднымъ предметомъ, напр. Ветхій Завѣтъ—Агарь и Измаилъ, Новый Завѣтъ—Сарра и Исаакъ; грѣховные помыслы—бурные вѣтры (изъ „Слова“ митр. Иларіона и Кирил. Туров.). Если отношеніе между предметами основывается на количествѣ, то метонимія называется синекдохой, напр.: а) родъ вмѣсто вида: не мнитъ лишь смертный умирать, т. е. человѣкъ; б) цѣлое вмѣсто части и наоборотъ: сколько головъ,

*) Этотъ тропъ называется символомъ.

столько и умовъ; в) един. ч. вмѣсто множ.: шведъ, русскій колетъ, рубитъ, рѣжетъ; или у Ломоносова:

„Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать!“

Въ количественномъ отношеніи синекдоха имѣетъ тѣсную связь съ гиперболой (ὑπερβάλλω—перебрасываю, превосхожу ὑπερβολή—преувеличеніе),—когда предметъ или дѣйствіе слишкомъ увеличиваются или слишкомъ уменьшаются, напр.: потоки слезъ, безбрежное море, „тише воды—ниже травы“ (пословица), онъ безсильнѣе мухи (или комара), напр.:

„Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго“.
(Изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ).

Или: у Державина, въ одѣ „На взятіе Варшавы“, такъ изображается могущество Суворова:

„Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ бросаетъ“.

Или: у Пушкина, скупой рыцарь говоритъ:

„Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я бъ захлебнулся,
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ“.

Сравненіе состоитъ въ томъ, что одинъ предметъ сопоставляется съ другимъ, съ нимъ сходнымъ, напр.: въ описаніи Днѣпра Гоголя серебристая струя рѣки сравнивает-

ся съ дамасской саблей: „она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли“. Или: „и, погнувшись, изба, какъ старушка, стоитъ“. (Кольц.).

Въ народной поэзіи употребляется такъ называемое отрицательное сравненіе, въ которомъ отрицается то, съ чѣмъ сравнивается предметъ:

„Не бѣлы то снѣги забѣлѣлись,
Забѣлѣлись у мово любезного каменны палаты“—

вмѣсто обыкновеннаго оборота сравненія: какъ бѣлый снѣгъ бѣлѣетъ, такъ бѣлѣютъ палаты моего любезнаго.

Перенесеніе собственнаго значенія къ несобственному на основаніи противоположности носитъ разныя названія: контрастъ, иронія, юморъ, сарказмъ, парадоксъ.

Сравненіе, для болѣе живого, нагляднаго представленія о предметѣ, приводитъ сходное,—контрастъ—противоположное: „Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ; гдѣ пиршествъ раздавались лики, надгробные тамъ воютъ клики“—Державинъ (въ одѣ: „На смерть кн. Мещерскаго“).

Иронія (εἰρωνεία—насмѣшливый вопросъ, притворное незнаніе чего-либо) состоитъ въ томъ, что мы важно, торжественно говоримъ о томъ, что заслуживаетъ презрѣнія или осмѣянія. Сила ироніи состоитъ въ этой противоположности между предметомъ и способомъ его изображенія:

„Отколѣ умная бредешь ты голова“?
(„Лисица и Оселъ“—Крылова).

„Какой-то поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ,—онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ“.
Крыловъ.

Или:

Ты все пѣла—это дѣло!
Такъ поди же, попляши!“
Крыловъ.

Или:

„Къ чести героя нашего (Чичикова) должно сказать, что сердце у него было сострадательное, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша“.

Гоголь.

Юморъ есть насмѣшливое, шутливое изображеніе важныхъ серьёзныхъ предметовъ—пріемъ, обратный ироніи. Въ нашей литературѣ особенно отличаются юморомъ произведенія Гоголя. Въ большей части своихъ сочиненій онъ, повидимому, смѣется надъ описываемыми имъ лицами, говоритъ о нихъ легкимъ, часто ироническимъ тономъ, но въ сущности онъ скорбитъ о томъ, что человѣкъ въ ихъ лицѣ такъ далеко уклонился отъ своего идеала. Одна изъ самыхъ смѣшныхъ, повидимому, его повѣстей „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, оканчивается словами: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Въ этомъ особенность юмора Гоголя, который изображалъ русскую жизнь, по его словамъ, „сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“.

Иронія, соединенная съ злобною ѣдкостью, называется сарказмомъ (σάρξ—тѣло, σαρκάζω—терзаю тѣло);

„Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ—
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха!“

Пушкинъ.

Таково, напр., саркастическое выраженіе іудеевъ, когда они, надѣвши на главу Спасителя терновый вѣнецъ, вмѣсто царской короны, говорили Ему: „радуйся, царь іудейскій!“

Парадоксъ есть неожиданное, недоказанное противорѣчіе тому, что вообще принято за вѣрное: „Ахъ, какъ скучно веселиться“!—„Люди не такъ дурны, какъ это обыкновенно думаютъ—они гораздо хуже“! (Стилистика Классовскаго, 70 стр.).

III. Фигуры.

Обращенія, вопросы и восклицанія выражаютъ сомнѣніе, просьбу, негодованіе, жалобу и проч., съ которыми писатель обращается или къ самому себѣ, или къ другимъ людямъ, или къ природѣ, или, наконецъ, къ Богу:

Къ самому себѣ.

„Въ небесахъ торжественно и чудно;
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ;
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ“?

Лермонтовъ.

Къ людямъ:

„О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ?“

Пушкинъ.

Къ природѣ:

„Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ, что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки“?

Къ Богу:

„О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ сохраняетъ,
Кого мы называемъ Богъ!“

Державинъ.

Обращеніями богаты и народныя русскія пѣсни:
„Ахъ ты, поле мое, поле чистое!“—
„Не шуми, мати, зеленая дубровушка!“—
„Лучина, лучинушка, березовая!“ и проч.

Повтореніе показываетъ, что душа занята однимъ какимъ-нибудь предметомъ, поражена одною какою-нибудь мыслію, и потому писатель невольно повторяетъ одно и то же слово: „Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!“ (слова Курбскаго, въ „Борисѣ Годуновѣ“—Пушкина). Или:

„Глаголъ временъ, металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ“.
Державинъ.

„Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца“.
Пушкинъ.

„Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай,
И плескомъ волнъ родного Дона
Мнѣ шумъ напоминай!“.
(„Плѣнный“—Батюшкова).

Поправленіе есть такой оборотъ рѣчи, въ которомъ писатель, какъ бы спохватясь въ невѣрности своей мысли или фразы, выражается иначе, замѣняя сказанную имъ мысль другою, сильнѣйшею, напр.:

„Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое,—
Иль нѣтъ: тяжелый нѣкій шаръ,
На тонкомъ волоскѣ висящій.
Держ.

Умолчаніемъ называется такой оборотъ рѣчи, въ которомъ человѣкъ отъ сильнаго волненія чувствъ не договариваетъ фразъ; напр., въ „Борисѣ Годуновѣ“—Пушкина. Басмановъ, раздумывая—перейти ли ему на сторону самозванца или остаться вѣрнымъ сыну Бориса, говоритъ:

„Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ;
Но мнѣ ли, мнѣ-ль, любимцу государя?
Но смерть ..но власть.., но бѣдствія народны!“.

„Что ты задумалась? Давай-ка день хвалить;
Смотри, какъ солнышко... Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось“.

Дмитріевъ.
(Въ баснѣ: „Чижъ и Зяблица“)

„Враги, завистники... но я ихъ презираю“.
(Слова „Мароы Посадницы Новгородской“—Карамзина).

Восхожденіе, или градація (gradatio), когда поэтъ выражая извѣстную мысль или чувство, переходитъ постепенно отъ словъ менѣе сильныхъ къ болѣе выразительнымъ и наоборотъ:

„И звѣзды ею (т. е. смертью) сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ“.

Державинъ.
(Ода „На смерть кн. Мещерскаго“).

Или:

„Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ“.

Державинъ. (ibid).

Градація можетъ быть и нисходящая:
„Другіе образы ея (Душеньки) красятъ и славы...
„Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы иль изъ стали".
(Изъ „Душеньки"—Богдановича).

Или:

„Всяки воды протекаютъ,
„Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ". (Оттуда-же).

О размѣрѣ народныхъ стиховъ.

Размѣръ народныхъ стиховъ тоническій, т. е. основывающійся на тонахъ, или удареніяхъ (повышеніи и пониженіи голоса). Удареніе бываетъ двухъ родовъ: логическое и грамматическое (просодическое). Логическимъ называется такое удареніе, которое ставится не на извѣстномъ слогѣ въ отдѣльномъ словѣ, а на извѣстныхъ словахъ въ цѣломъ предложеніи, именно на тѣхъ словахъ, въ которыхъ заключается главная мысль предложенія, напр. рѣчь: „ты́ былъ здѣсь" можетъ имѣть три различныя, ударенія и вмѣстѣ съ тѣмъ три различные смысла,: „1) ты́ (или кто-нибудь другой) былъ здѣсь? 2) ты бы́лъ (или не былъ) здѣсь? 3) ты былъ здѣсь (или въ другомъ мѣстѣ)?
Или въ стихѣ:

„Ужъ ты, свѣтъ, мое чадо ‖ порождённое!
Потеряешь ты ‖ свою буйну го́лову
Вмѣсто мѣдныя пуговки ‖ ,ни за де́нежку".

„Еще то́й дорогой ‖ никто́ не бывалъ,
Никто́ не ѣзжалъ ‖ ровно тридцать лѣтъ" и т. д.
(Слова подчеркнутыя имѣютъ логическія ударенія).

Слова съ логическимъ удареніемъ произносятся особенно явственно, а остальныя какъ бы не имѣютъ на себѣ никакого ударенія.

Грамматическимъ, или просодическимъ удареніемъ называется повышеніе голоса на одномъ изъ слоговъ въ каждомъ словѣ, напр.: рѣка́, не́бо, доли́на, человѣ́къ и проч. Или въ предъидущемъ стихѣ:

„Никто́ не́ ѣзжа́лъ ро́вно три́дцать лѣ́тъ".

Чтеніе народныхъ стиховъ основывается на логическомъ удареніи. Въ народномъ тоническомъ стихѣ бываетъ одно—два—три логическихъ ударенія:

„Ты воспо́й, воспо́й,
Одно удар. Младъ жавро́ночекъ,
Сидючи весно́й
На прота́линкѣ".
Два удар. „Не сиди́, мой другъ, поздно ве́черомъ;
Ты не жги́ свѣчи воску я́рого;
Ты не жди́ меня до полу́ночи".
Три удар. „Во́ полѣ березонька стоя́ла,
Во́ полѣ кудря́вая стоя́ла
Не́ кому бере́зу залома́ти".

Посрединѣ стиха, между первымъ и вторымъ логическимъ удареніемъ, бываетъ остановка голоса, называемая цезурой (caedo—рублю, разсѣкаю), или пресѣченіемъ:

„Ужъ, свѣтъ, мое чадо ‖ порожде́нное!
Потеря́ешь ты ‖ свою буйну го́лову" и пр.

(Цезура обозначена двумя вертикальными чертами).

Оканчивается стихъ большею частію просодическимъ удареніемъ на третьемъ отъ конца слогѣ; такое удареніе называется дактилическимъ:

„Никто не ѣзжалъ ровно три́дцать лѣтъ".

По причинѣ двоякаго ударенія (логическаго и грамматическаго), тоническое стихосложеніе бываетъ двоякое: народное, которое основано на логическихъ удареніяхъ, и существуетъ въ народныхъ пѣсняхъ, и литературное, которое основано на грамматическихъ удареніяхъ, и принято въ письменной литературѣ. Впрочемъ нѣкоторые поэты наши удачно подражали народному размѣру, напр. Пушкинъ въ сказкѣ „О рыбакѣ и рыбкѣ":

„Жилъ стари́къ со своею стару́хой
У са́маго синяго мо́ря:
Они жи́ли въ ветхой земля́нкѣ
Ровно три́дцать лѣтъ и три го́да" и пр.

И. Поликарповъ.

Ржевъ. 1898 г.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ СЛАВЯНСКОЙ МИѲОЛОГІИ [1])

Профессора Луи Леже.

Современное состояніе изслѣдованій по славянской миѳологіи и ихъ трудность.—I. Верховное божество и мнимый славянскій дуализмъ.—II. Второстепенныя божества.—III. Божества балтійскихъ славянъ.—IV. Низшія божества.—V. Культъ и вѣрованія.—VI. Библіографія.

Славянскіе народы, нынѣ существующіе, слѣдующіе: русскіе, включая въ нихъ и бѣлоруссовъ и малоруссовъ, поляки, чехи, венды (сербы) лужицкіе, послѣдній обломокъ славянъ бассейна Эльбы или полабовъ, которые исчезли, чтобы уступить мѣсто нѣмцамъ-пруссакамъ, сербо-хорваты, словенцы и болгары. Литовцы, повидимому, весьма близкіе къ славянамъ, имѣютъ однако рѣзко выраженную индивидуальность и вообще не входятъ въ труды, посвящаемые славянскому племени.

---

[1]) Этотъ трудъ въ своей первоначальной формѣ предназначался для Encyclopédie des sciences religieuses. Авторъ, дополняя и пересматривая его для Revue de l'Histoire des Religions, постарался въ ясномъ и сжатомъ очеркѣ изложить все признанное неоспоримымъ въ области славянской миѳологіи. Онъ тщательно устранялъ гипотезы и основывался на подлинныхъ текстахъ. *Прим. авт.*

Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ брошюры, изданной авторомъ въ Парижѣ въ 1882 году (Louis Leger. Esquisse sommaire de la mythologie slave). Трудъ Леже не удовлетворитъ, конечно, русскаго читателя, знакомаго съ предметомъ изслѣдованія, но онъ все-таки имѣетъ, какъ намъ кажется, нѣкоторое значеніе: принадлежа перу весьма виднаго французскаго слависта, онъ можетъ служить показателемъ состоянія, въ какомъ находилось славяновѣдѣніе во Франціи въ недавнее прошлое время. *Примѣч. переводчика.*

Славянъ нѣкогда дѣлили на двѣ главныхъ вѣтви: на славянъ западныхъ (чехи, словаки, поляки, венды) и на славянъ восточныхъ (русскіе, сербо-хорваты, словенцы, болгары); но это дѣленіе, придуманное въ началѣ нашего столѣтія Добровскимъ [2]), совершенно искусственное: оно не соотвѣтствуетъ органическимъ особенностямъ и не можетъ быть примѣнено къ миѳологіи. Оно констатируетъ позднѣйшій фактъ эпохи христіанства—разномысліе, возникшее между народами католическими, или западными, и православными, или восточными. Это различіе выработалось съ IX по XI вѣкъ. Точно ли дѣленіе Добровскаго, нѣтъ ли,—здѣсь оно не можетъ быть принято во вниманіе.

Съ другой стороны, слишкомъ смѣла была попытка свести къ полному единству всѣ народности, разсѣянныя на огромномъ пространствѣ, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ Дуная до Волги. Вѣрованія и обряды славянъ лужицкихъ или сербовъ не могутъ быть, безъ нѣкоторой опрометчивости, по недостатку положительныхъ документовъ, отождествлены съ вѣрованіями и обрядами славянъ новгородскихъ или кіевскихъ. Что справедливо относительно Россіи, то не можетъ быть ipso facto таковымъ для Богеміи или Кроаціи. Большая часть славянскихъ миѳографовъ, вслѣдствіе недостатка критики или ложнаго патріотизма, слишкомъ склонны дѣлать сближенія и заключенія, ничѣмъ не оправдываемыя [3]). Гораздо лучше медленно подвигаться

---

[2]) Аббатъ Добровскій родился въ 1753 г. въ Венгріи, умеръ въ 1829 г. въ Бруннѣ; замѣчателенъ, какъ одинъ изъ главныхъ реноваторовъ славянской филологіи. Его славянская грамматика Institutiones linguae slavicae dialecti veteris долгое время оставалась классическою.

[3]) Вотъ взятый на-удачу примѣръ подобныхъ неосновательныхъ обобщеній. Въ русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Березина читаемъ: «Стрибогъ—богъ вѣтровъ у славянъ-язычниковъ». Но Стрибогъ упоминается лишь въ русскихъ текстахъ и нигдѣ болѣе.

впередъ путемъ анализа, довольствоваться установленіемъ наиболѣе достовѣрныхъ миѳическихъ элементовъ, указывая точно народы или страны, гдѣ они встрѣчаются, не стремясь вывести общее заключеніе для народовъ или странъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга, не пытаясь подводить божества, обряды или народныя суевѣрія подъ ту или другую миѳологическую теорію.

Какъ ни скромна эта задача, но и она все-таки довольно трудна. Весьма замѣчательный миѳографъ Эрбенъ [1]) въ 1870 году для чешской энциклопедіи, издававшейся въ Прагѣ, подъ редакціей Ригера, написалъ статью «Славянская миѳологія». Здѣсь онъ выразился такъ: «Славянская миѳологія—одна изъ самыхъ трудныхъ отраслей науки о славянствѣ. Много писали о ней, но, несмотря на нѣсколько прекрасныхъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ, трудъ цѣльный, вполнѣ законченный, все еще ожидается». Нѣсколько лѣтъ спустя, авторъ весьма важнаго изслѣдованія о происхожденіи славянъ Крекъ, профессоръ университета въ Грацѣ, писалъ: «Что касается славянской миѳологіи, то положительные результаты, доселѣ достигнутые, вовсе не соотвѣтствуютъ затраченному труду.» Никто лучше не дастъ себѣ отчета въ настоящемъ положеніи дѣла, чѣмъ тотъ, кто рѣшится бросить за бортъ все, что не покажется ему вполнѣ согласнымъ съ первоисточниками, все, что принадлежитъ хаосу противорѣчивыхъ гипотезъ, поставленныхъ часто произвольно или апріор-

[1]) Naučný Slovník т. VIII ст. Slovane. Эрбенъ (Карлъ-Яромиръ), родившійся въ 1811 г. въ Милетинѣ въ Богеміи и умершій въ 1870 г., редактировалъ весь миѳологическій отдѣлъ чешской энциклопедіи. Онъ замышлялъ большой трудъ по славянской миѳологіи, но преждевременная смерть помѣшала его окончанію. Части этого труда, то въ вышеназванной энциклопедіи, то въ Časopis Musea, královstvá českého, вообще весьма хороши и полезны для справокъ.

но [5]». Эти слова, къ сожалѣнію, справедливы и до настоящаго времени [6]).

I.

Какъ всѣ религіи арійскія, славянская миѳологія основана на почитаніи силъ и явленій природы, лѣта и зимы, дня и ночи, жизни и смерти. Высшіе боги довольно многочисленны; нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть опредѣлены точно, другіе еще сомнительны; существуетъ разногласіе даже относительно чтенія именъ нѣкоторыхъ боговъ, не говоря уже объ ихъ свойствахъ. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы можемъ заняться только первыми. Славяне-язычники не оставили намъ письменныхъ памятниковъ; у нихъ нѣтъ ни Цезаря, какъ у

---

[5]) Archiv für Slavische Philologie 1876 г. стр. 134.

[6]) То же мнѣніе находимъ выраженнымъ и въ концѣ статьи Миѳологія, въ большой русской энциклопедіи, изданной въ Петербургѣ въ 16 т. in—8°. Березинымъ (Русскій энциклопедическій словарь 1873—1879). Эта статья, посвященная миѳологіи вообще, оканчивается такою нѣсколько сухою замѣткою: «Славянская миѳологія ожидаетъ еще научной разработки». При этомъ любопытно обратить вниманіе на интересъ, возбуждаемый къ себѣ славянской миѳологіей въ народахъ, владѣющихъ энциклопедіями. Русская энциклопедія Березина посвящаетъ ей (въ статьѣ Славяне) всего одну лишь страницу! Это очень мало, если принять во вниманіе, что самый обширный источникъ по этому вопросу, книга Аѳанасьева объ огнѣ (см. ниже Библіографію), содержитъ не менѣе 2000 страницъ in—8. Польская энциклопедія Оргельбранда, изданная въ Варшавѣ (6 т. in—8° 1877 г. и слѣд.), удѣляетъ статьѣ Славяне двѣ страницы, лишенныя всякой критики, гдѣ труды Эрбена даже не упомянуты. Наконецъ въ чешской энциклопедіи статья Эрбена, лучшій изъ всѣхъ очерковъ, содержитъ 3 страницы (большихъ in—8° въ два столбца); но она также не свободна отъ ошибокъ: авторъ даетъ вѣру документамъ апокрифическимъ и недостаточно остерегается мало основательныхъ обобщеній.

Галліи, ни Тацита, какъ у Германіи. Всѣми свѣдѣніями по славянской миѳологіи мы обязаны туземнымъ или иностраннымъ христіанамъ, которые, естественно, должны были подчиняться извѣстнымъ предубѣжденіямъ. Да и они оставили намъ лишь отрывочныя указанія. Обряды же и народныя пѣсни, естественно, болѣе или менѣе измѣнились подъ вліяніемъ христіанства.

Два иностранныхъ историка,—византіецъ Прокопій—VII вѣка и нѣмецъ Гельмольдъ—XII-го, опредѣленно говорятъ, что славяне почитали верховное небесное божество: «Они допускаютъ существованіе единаго бога-громовержца, управляющаго всѣмъ», говоритъ Прокопій [7]). Тотъ же историкъ отмѣчаетъ, что славяне не признаютъ существованіе судьбы (Ἑιμαρμένη). Эта черта подтверждается всѣми нашими свѣдѣніями по славянской миѳологіи. Свидѣтельство Прокопія относится, повидимому, къ славянамъ нынѣшней Россіи. Гельмольдъ о славянахъ басоейна Эльбы (полабахъ) говоритъ: «Кромѣ многочисленныхъ божествъ, которымъ они посвящаютъ поля, лѣса, горести, и удовольствія, они не задумываясь признаютъ (non diffitentur) и единаго бога, который обитаетъ на небѣ и распоряжается другими. Этотъ всемогущій богъ занимается только небесными дѣлами. Другіе боги отъ него получили свои спеціальныя назначенія; они произошли отъ его крови; каждый между ними тѣмъ выше, чѣмъ ближе онъ къ этому богу боговъ [8])».

Не легко опредѣлить размѣры того вліянія, какое имѣли на обоихъ историковъ, греческаго и нѣмецкаго, христіанскія или языческія идеи, на которыхъ они были воспитаны. Славянскіе боги, какими знаемъ ихъ мы, совершенно чужды греческаго антропоморфизма. За весьма немногими исключеніями, которыя будутъ указа-

[7]) De bello goth. III, 14.
[8]) Chronic. Slavor. I, 84.

ны ниже [9]), они не имѣютъ ни семейства, ни генеалогіи.

Какое имя было у высшаго божества? Во всѣхъ славянскихъ языкахъ имя божества—Богъ (первоначально Bogŭ). Миклошичъ объясняетъ это слово такъ: «Bogŭ, говоритъ онъ, тождественно съ санскритскимъ bhaga—хозяинъ, точнѣе—распредѣляющій. Это эпитетъ бога и собственное имя бога ведаическаго; древне-персидское baga, древне-бактрійское—bhaga—богъ; древне-индійское bhaga означаетъ также зажиточность, счастье. Не легко опредѣлить, первое или второе значеніе послужили исходною точкою для славянскаго слова: слова bogatŭ (богатъ) и ubogŭ (убогъ) могутъ вытекать изъ второго значенія. Сравните словинское выраженіе zlega boga vživa (слово въ слово—онъ пользуется злымъ богомъ). Въ то время какъ нѣмецкое gott и литовское devas имѣютъ значеніе только теологическое, славянское богъ въ производныхъ имѣетъ также значеніе имущества, что поясняетъ намъ слѣдующія слова: богатъ—обладающій большимъ имуществомъ, убогъ—не обладающій имуществомъ, бѣдный. Къ этому значенію примыкаютъ малорусское zbozje (?) (frumentum) и у вендовъ лужицкихъ zbozo (fortuna, pecus)» [10]). Эрбенъ въ статьѣ, которую мы уже цитировали, указываетъ, какъ на возможное славянское имя верховнаго божества, на чешское слово Svebog или Svojbog, означающее—богъ самъ-по-себѣ. Но необходимо изслѣдовать, не означаетъ ли это слово, какъ малоупотребительное [11]), прямо-таки христіанскую идею. Указывали также на словацкое слово praboh-богъ-предокъ. Но ни одинъ доку-

---

[9]) Сварогъ, Дажбогъ, Сварожичъ.

[10]) Miklošich, Die Christliche terminologie der slavischen Sprachen, стр. 35. Прим. авт. Срав. чешское zboží въ старинномъ языкѣ хлѣбъ, въ современномъ товаръ.

Прим. перевод.

[11]) Я по крайней мѣрѣ никогда его не встрѣчалъ.

ментъ, ни одно преданіе, чисто славянскіе, не подтверждаютъ, насколько мнѣ извѣстно, положительнымъ образомъ этого вѣрованія въ существованіе высшаго божества, отъ котораго происходили бы всѣ остальныя.

Рядомъ съ этимъ верховнымъ божествомъ, весьма сомнительнымъ, долгое время думали найти родъ дуализма. Въ этомъ случаѣ опирались на свидѣтельство Гельмольда, относящееся къ балтійскимъ славянамъ (XII в.): «Славяне, говоритъ онъ, имѣютъ странный обычай. На своихъ празднествахъ они пьютъ круговую чашу, надъ которой произносятъ слова, не скажу—посвященія, но заклинанія во имя своихъ божествъ, добраго и злого; они вѣрятъ, что всякое счастье исходитъ отъ добраго божества, все же дурное—отъ злого; на своемъ языкѣ они называютъ злого бога Zcerneboh [12]) (т. е. черный богъ)». Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что это указаніе, предполагая его совершенно достовѣрнымъ, относится единственно къ славянамъ балтійскимъ, и что нѣтъ никакихъ основаній относить его къ славянамъ русскимъ или придунайскимъ.

Изъ существованія чернаго божества индуктивно заключили о существованіи божества бѣлаго. Эта гипотеза подтверждалась, повидимому, одною чешскою глоссою древняго средневѣковаго латинскаго словаря Mater Verborum: «Belboh [13]) ydolum Baal». Къ несчастію, недавно доказано, что миѳологическія глоссы Mater Verborum—подложны [14]). Славян-

---

[12]) Chronic. Slavor. I, 52.

[13]) Т. е. Бѣлбогъ.

[14]) Чешскія глоссы Mater Verborum цитировались до недавняго времени всѣми лицами, занимавшимися славянской миѳологіей, какъ документъ подлинный и неоспоримый. Крекъ въ своемъ Критическомъ введеніи допускаетъ еще пользованіе ими и поясняетъ, что онъ не можетъ рѣшиться разсматривать ихъ, какъ подложныя (Einleitung стр. 100, прим. 1). Должно однако съ этими

скій дуализмъ боговъ бѣлаго и чернаго должно разсматривать, какъ новѣйшее измышленіе, отвергнутое критикою.

Тотъ дуализмъ, который можно признать въ обще-

согласиться. Замѣчательный ученый Патера напечаталъ въ 1877 году въ Časopis Musea královstvi českého три статьи на чешскомъ языкѣ, которыя не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Въ началѣ настоящаго столѣтія, во время возрожденія чешской литературы и національности, въ Богеміи появилось нѣсколько подложныхъ изданій, вытекшихъ изъ довольно страннаго патріотизма. Поддѣлыватель или поддѣлыватели желали увеличить число древностей своей націи или показать ихъ болѣе древними; старались внушить мысль, что народъ сохранилъ отъ языческой эпохи преданія, изъ которыхъ въ дѣйствительности одни совершенно изгладились, другія же, быть можетъ, никогда и не существовали.

Вибліотека Пражскаго Музея владѣетъ одною рукописью Mater Verborum. Это родъ латинскаго словаря, переписанный Соломономъ III, епископомъ констанцкимъ, и относящійся, повидимому, къ XIII вѣку. Слова сопровождаются толкованіями нѣмецкими и чешскими. Часть этихъ толкованій—подлинна, другія же поддѣльны или составлены изъ разныхъ отрывковъ въ началѣ XIX вѣка. Патера даетъ критическій перечень глоссъ подлинныхъ и подложныхъ. Между первыми встрѣчается лишь одно миѳологическое слово: Poludnice—„driades, deae sylvarum“. Дѣйствительно, полудница (божество полудня) до сихъ поръ еще живетъ въ народныхъ преданіяхъ; слѣдовательно, она была извѣстна и въ средніе вѣка. Всѣ же остальныя миѳологическія глоссы подложны. Я перечислю ихъ здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ для того, чтобы разъ навсегда предостеречь читателя противъ какихъ бы то ни было цитатъ, извлеченныхъ изъ Mater Verborum, играющихъ видную роль во всѣхъ трудахъ, касающихся славянской миѳологіи.

Belboh, beel, baal, ydolum.

Besy—demonibus.

Das—genius.

Devana letnicina i Perunova dci—(Дѣвана, дочь Летны и Перуна), Diana Latonis et Jovis filia.

славянской миѳологіи, представляетъ лишь борьбу мрака со свѣтомъ, встрѣчающуюся у всѣхъ индоевропей-

---

Эта глосса одна изъ самыхъ смѣлыхъ. Она стремится ввести въ славянскій миѳъ божество, аналогичное съ Діаной—дочь богини Летны, отождествляемой съ Латоною, и Перуна, который оказывается также отождествленнымъ съ Юпитеромъ. Но въ славянской миѳологіи доселѣ не оказывается никакого слѣда антропоморфизма, не существуетъ вопроса о любви между богами и тѣмъ менѣе о ихъ супружествѣ. Вся грубость подлога очевидна.

Lada—Venus, dea libidinis, cytherea.

Liutice—furia, dea infernalis.

Perun—Jupiter.

Perunova—Jovis soror. (Славянскіе боги не имѣютъ сестеръ, равно какъ и женъ).

Prije—Aphrodis graece, latine Venus.

Radihost, vnuc Krtov—Mercurius, a mercibus est dictus. Эта глосса имѣла двоякую цѣль: во-первыхъ, заставить признать культъ Радигоста въ Богеміи и, во-вторыхъ, доставить этому мнимому божеству, доселѣ неизвѣстную аналогію съ латинскимъ божествомъ.

Svatovit Ares, bellum. Въ рукописи первоначально стояло: Ares bellum nuncupatur. Съ этимъ-то nuncupatur поддѣлыватель и создалъ Святовита. Въ двухъ другихъ мѣстахъ онъ перевелъ слова Mars и Mavors словомъ Святовитъ.

Sytivrat—Saturnus. Слово Sytivrat поддѣлано такъ, чтобы дать матеріалъ для разнообразныхъ толкованій. Яковъ Гриммъ дозволилъ себѣ воспользоваться имъ въ своей нѣмецкой миѳологіи.

Stracec Sytivratov Syn—Picus, Saturni filius. Straka по-чешски значитъ сорока.

Trihlav—triceps, qui habet capita tria caprae. Миѳографы не упустили возможности воспользоваться этими тремя головами и вывели изъ этого тьму заключеній.

Veles—Pan, imago hircina.

Ziva (жизнь) Dea frumenti, Ceres, Siva imperatrix. Это слово сфабриковано однажды, съ латинскимъ словомъ ajunt, въ другой разъ со словомъ sive.

Въ этомъ перечнѣ я далъ только имена божествъ, оставя въ сторонѣ довольно многочисленныя слова, относя-

скихъ народовъ, и нѣтъ никакого основанія отождествлять его съ дуализмомъ Зороастра [15]).

Эрбенъ, особенно старавшійся защитить эту систему, въ подтвержденіе своего положенія ссылается на космогоническія легенды, гдѣ изображаются Богъ и діаволъ; но онъ упустилъ изъ виду опредѣлить, до какой степени эти легенды могли сложиться или измѣниться подъ вліяніемъ христіанства, іудейства или манихеизма [16]).

Въ виду авторитетности имени Эрбена небезъинтересно разобрать здѣсь одну изъ любимыхъ его идей.

Въ сочиненіи, опубликованномъ въ 1866 году въ Časopis Českého Musea Эрбенъ усиливается доказать, что «въ теченіе языческаго періода во всѣхъ славянскихъ земляхъ, отъ Урала до Адріатическаго моря, всюду господствуетъ мнѣніе о сотвореніи міра изъ морского песку вслѣдствіе столкновенія Бога съ діаволомъ, бога бѣлаго съ богомъ чернымъ». Въ подтвержденіе этого положенія Эрбенъ приводитъ нѣсколько народныхъ преданій и въ томъ числѣ одно особенно оригинальное галиційское. Предъ сотвореніемъ міра Богъ плаваетъ по морю и встрѣчается съ діаволомъ, который ныряетъ до дна и приноситъ оттуда немного песку; песокъ этотъ становится землею. Эрбенъ приводитъ также извлеченія изъ славянскихъ русскихъ рукописей, гдѣ діаволъ Сатаніилъ изображается ныряющимъ въ море въ видѣ птицы; онъ достаетъ песку и творитъ

щіяся къ культу. Всѣ трактаты по славянской миѳологіи заражены цитатами изъ Mater Verborum, поэтому было необходимо предупредить читателя разъ навсегда. Должно рѣшительно отказаться отъ розыска въ Богеміи божествъ, о которыхъ мы не имѣемъ другихъ свидѣтельствъ, кромѣ апокрифическихъ.

[15]) См. Krek, Einleitung in die Slawische literaturgeschichte, Graz, 1874 кн. I, глав. 3-я.

[16]) Подъ этимъ заглавіемъ славянская легенда о сотвореніи міра, Časopis etc., годъ 1866 стр. 35—45.

міръ вмѣстѣ съ Богомъ, который соглашается раздѣлить съ нимъ власть надъ міромъ. Для Эрбена эти разсказы, несомнѣнно, славянскія народныя преданія временъ язычества. Но когда Эрбенъ писалъ это, не былъ еще въ достаточной степени изученъ одинъ изъ отдѣловъ славянской литературы, такъ называемые апокрифы, которые воспроизводятъ всегда съ греческихъ оригиналовъ—легенды, которыми съ давнихъ поръ была изукрашена или скорѣе обезображена Библія. Произведенія эти болгарскія и, по всей вѣроятности, переведены съ греческаго, который въ свою очередь позаимствовалъ ихъ съ еврейскаго или персидскаго.

Ученый оріенталистъ Жозефъ Деренбургъ увѣрялъ меня, что большую часть этихъ разсказовъ должно искать въ Midraschim, т. е. въ легендарныхъ глоссахъ, которыми народное воображеніе снабдило текстъ священнаго писанія. Къ несчастію, текстъ Midraschim еще и доселѣ доступенъ лишь профессіональнымъ гебраистамъ. Легенды, на которыхъ основывается Эрбенъ, могутъ имѣть, слѣдовательно, происхожденіе семитическое, христіанское, манихейское, но ничуть не славянское.

II.

Что касается несомнѣнныхъ божествъ славянскаго пантеона, то мы находимъ положительныя свидѣтельства о нихъ лишь въ хроникахъ нѣмецкихъ относительно славянъ балтійскихъ и въ русскихъ лѣтописяхъ относительно славянъ новгородскихъ и кіевскихъ. Касательно же Польши, Богеміи, Сербіи, Кроаціи и Болгаріи серьезныхъ документальныхъ данныхъ не имѣется, и нѣтъ основаній отождествлять, какъ это слишкомъ часто дѣлается, религію русскихъ съ религіей ихъ отдаленныхъ соплеменниковъ, славянъ полабскихъ или придунайскихъ.

Въ русскихъ лѣтописяхъ Сварогъ—богъ неба; у него есть сынъ Дажбогъ, богъ—податель или бла-

годѣтель [17]). Дажбогъ, очевидно, солнце, сынъ неба, какъ Аполлонъ былъ сыномъ Зевса. Намъ извѣстно, что въ Кіевѣ была его статуя. Въ одной старинной русской поэмѣ, (Слово о полку Игоревѣ), русскіе названы внуками Дажбога, но текстъ этой поэмы установленъ настолько неточно, что имъ нельзя пользоваться, какъ авторитетомъ, въ вопросахъ миѳологическихъ [18]).

Огонь (Ignis, Agni) также сынъ неба. «Уже бо, говоритъ христіанскій проповѣдникъ XII вѣка Кириллъ Туровскій, не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огнь [19])»; солнечное божество Сварожичъ (т. е. сынъ Сварога) является еще въ толкованіяхъ русскихъ лѣтописей, въ текстахъ Титмара, Бруно, въ скандинавской Knytlingasaga, быть можетъ [20]).

Рядомъ съ этими небесными или солнечными божествами, о которыхъ мы имѣемъ лишь весьма общія свѣдѣнія, слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ Перуна, бога грома. Онъ соотвѣтствуетъ, какъ кажется, творцу молніи, о которомъ говоритъ Прокопій. Имя его значитъ стучащій (frappeur); оно, очевидно, родственно литовскому Перкуну, также богу грома. Извѣстно, что Перунъ имѣлъ своихъ идоловъ въ Новгородѣ на озерѣ Ильменѣ и въ Кіевѣ. Послѣдній былъ деревянный, голову имѣлъ серебряную, а бороду золотую; въ рукѣ онъ держалъ кремень; предъ нимъ непрерывно горѣлъ огонь, поддерживаемый дубовыми дровами. Ему

---

[17]) Ягичъ, Archiv für Slavische Philologie, т. V, книга I.

[18]) Единственная рукопись памятника погибла во время пожара Москвы въ 1812 г.

[19]) Свидѣтельство святителя Кирилла (уже бо не нарекутъся») имѣетъ лишь относительную достовѣрность, такъ какъ болѣе поздній (XIII вѣка) неизвѣстный авторъ «Слова нѣкоего Христолюбца» все-таки утверждаетъ: «и огневи моляться, зовуще его сварожичемъ».

[20]) Ягичъ, Archiv für Slavische Philologie, т. IV, стр. 424.

приносили въ жертву животныхъ, а иногда даже и людей. Въ нѣкоторыхъ документахъ Перунъ является первымъ и почти единственнымъ русскимъ богомъ. Такъ въ договорахъ, заключенныхъ въ X вѣкѣ между русскими и византійски греками, греки и крещеные русскіе клянутся Богомъ христіанскимъ, а русскіе—язычники—Перуномъ и Велесомъ, богомъ стадъ. «Если кто-либо изъ русскаго народа нарушитъ этотъ договоръ, пусть погибнетъ онъ отъ собственнаго оружія, пусть будетъ проклятъ Богомъ или Перуномъ», говоритъ текстъ договора, передаваемый Лѣтописью Нестора [21]).

Идолъ Перуна былъ уничтоженъ въ Кіевѣ въ 988 году по приказу князя Владимира, принявшаго христіанство; но низверженный богъ продолжалъ жить въ народной миѳологіи подъ именемъ пророка Иліи, который сталъ святымъ грома [22]), а также, быть можетъ, и въ легендарной личности Ильи Муромца [23]). Пророкъ

[21]) Chronica Nestoris, textum russico-slavenicum, edit. Miklosich, Вѣна 1866, гл. XXVII. Вотъ обстоятельство, пригодное, быть можетъ, для объясненія важности Перуна въ религіозной жизни русскихъ: большая часть русскихъ предводителей была въ то время изъ варяговъ, т. е. скандинавовъ; слѣдовательно, Перунъ вполнѣ соотвѣтствовалъ скандинавскому Тору. *Авт.*

Точнѣе: «По русскому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ» (о договорѣ 6414 г.); «аще ли кто отъ князь или отъ людій русскихъ, ли хрестеянъ, ли нехрестеянъ, преступитъ се, еже писано на каратьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружіемъ умрѣти, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву». (Договоръ 6453 г.). *Справка переводчика.*

[22]) См. объ этомъ лицѣ у Rambaud La Russie épique, Paris, Maisonneuve, 1876, стр. 46 и слѣд.

[23]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ вышеупомянутыхъ договорахъ въ то время, какъ русскіе-язычники клянутся Перуномъ, русскіе—христіане клянутся святымъ Иліей. *Авт.*

Илія производитъ громъ и молнію, катаясь по небу на огненной колесницѣ.

Значительное число славянскихъ миѳографовъ, опираясь то на законы языка, то на мѣстныя названія, пыталось доказать, что культъ Перуна былъ распространенъ у всѣхъ славянъ (поляковъ, чеховъ, славянъ балтійскихъ, славянъ южныхъ). Но не слѣдуетъ довѣрять этимъ поспѣшнымъ обобщеніямъ, основаннымъ не на положительныхъ свидѣтельствахъ текстовъ, а на простыхъ, случайныхъ совпаденіяхъ той или другой группы гласныхъ или согласныхъ [24]).

Изъ русскихъ божествъ, имена которыхъ дошли до насъ, назовемъ еще Хорса, свойства котораго опредѣлить трудно, Волоса или Велеса, котораго мы видѣли рядомъ съ Перуномъ въ текстахъ договоровъ, заключенныхъ съ греками. Іосифъ Иречекъ пытался доказать существованіе бога Велеса и въ Богеміи [25]). Въ цитируемыхъ имъ текстахъ слово Велесъ означаетъ діавола, и нѣтъ основаній отождествлять его съ русскимъ божествомъ. Велесъ въ Россіи пережилъ введеніе христіанства и обратился въ св. Власія, покровителя стадъ [26]). Купало олицетворялъ лѣтнее солнцестояніе; онъ былъ

«Мы же, елико насъ хресталися есмы, кляхомся церковью святаго Ильѣ, въ сборнѣй церкви и предлежащемъ честнымъ крестомъ» (договоръ 6453 г.). *Справка перевод.*

[24]) Я самъ имѣлъ неосторожность принять ихъ въ своей книгѣ Cyrille et Méthode, étude historique sur la conversation des Slaves au chrisrianiste, стр. 26, 27.

[25]) Casopis Ceského Musea, 1875 г.

[26]) Krek, Archiv für Slav. Philol., т. I стр. 134 и слѣд. *Авт.*

Проф. Соболевскій въ замѣткѣ своей «Волосъ и Власій» (Рус. Филол. Вѣст. т. XVI стр. 85—87) говоритъ: «Вопросъ объ отношеніи скотьяго бога Волоса къ св. Власію и о перенесеніи на послѣдняго функціи перваго—покровительства скоту—вопросъ очень сложный и еще далекій отъ рѣшенія. Извѣстно, что у византійскихъ грековъ св. Власій считался покровителемъ скота... Такимъ обра-

богомъ произведеній земли; ему приносили въ жертву плоды, бросали въ честь его вѣнки въ воду, зажигали костры и плясали вокругъ нихъ. Празднества эти продолжались и во времена христіанства, но стали совершаться во имя Іоанна Предтечи. Ярило (пылающій, кипучій) былъ богомъ дѣторожденія, божествомъ фаллическимъ по преимуществу.

Назовемъ еще Стрибога, имя котораго сохранилось въ лѣтописи Нестора и въ поэмѣ «Слово о полку Игоревѣ», которая называетъ его дѣдомъ вѣтровъ. Ярилу соотвѣтствуетъ Лада, славянская Венера, о культѣ которой свидѣтельствуютъ лишь пѣсни или припѣвы, встрѣчающіеся съ различными варіантами у всѣхъ почти славянскихъ народовъ: это богиня весны и любви *).

III.

Славянскою группою, у которой языческая религія достигла, повидимому, наивысшаго своего развитія, были славяне полабскіе или балтійскіе. Она оказывается единственною, имѣющею храмы и жреческое сословіе. Германскіе писатели, Гельмольдъ, Адамъ Бременскій,

---

зомъ Русскіе могли получить понятіе о Власіи—какъ покровителѣ скота вполнѣ готовымъ изъ Византіи. Въ виду этого позволительно думать, что св. Власій былъ у насъ только преемникомъ бога Велеса въ покровительствѣ скоту и что смѣшеніе его съ Велесомъ никогда не имѣло у насъ мѣста». *Примѣч. переводч.*

*) Покойный проф. А. А. Потебня въ своихъ «Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ» (Рус. Филол. Вѣст. т. VII стр. 241), пересматривая вопросъ о пѣсенныхъ припѣвахъ: «лелю—полелю» и «дида(ъ)—ладо», заключаетъ свою статью такъ: «Для миѳологіи положительныхъ результатовъ здѣсь никакихъ... Все бы это ничего, если бы только добраться, что дѣйствительно была богиня Лада». *Примѣч. переводчика.*

біографы Оттона Бамбергскаго *), скандинавскія саги, даютъ намъ относительно этого довольно богатые матеріалы. Главнымъ богомъ былъ, повидимому, Свато-витъ или лучше Свантовитъ. Согласно со свидѣтельствомъ Гельмольда, его долгое время принимали за божество священнаго свѣта. Крекъ [27]) переводитъ его имя—сильное дуновеніе и признаетъ его богомъ воздуха. Онъ указываетъ, что жрецы должны были задерживать свое дыханіе въ храмѣ Свантовита, чтобы человѣческимъ дыханіемъ не осквернить святилища. Главный храмъ Свантовита возвышался въ городѣ Арконѣ на принадлежавшемъ тогда славянамъ островѣ Рюгенѣ. Идолъ его былъ изъ дерева; въ правой рукѣ его былъ рогъ, какой сѣверными народами употреблялся для питья; возлѣ идола находились сѣдло и узда необыкновенныхъ размѣровъ. По народному повѣрью, богъ каждую ночь ѣздилъ верхомъ на бѣломъ конѣ. Каждое утро конь оказывался, какъ говорили, въ поту и въ пыли; за нимъ ухаживали жрецы, изъ которыхъ лишь старѣйшій имѣлъ право на него садиться. Въ концѣ жатвы въ честь Свантовита справлялся большой праздникъ. Предъ храмомъ приносили въ жертву барановъ; затѣмъ главный жрецъ приближался къ подножію идола, бралъ его рогъ и смотрѣлъ, осталось ли въ немъ хотя нѣсколько капель вина, собственно перебродившей жидкости, которую налили туда въ прошломъ году. Если оставалось—главный жрецъ предсказывалъ народу обильный урожай, въ противномъ случаѣ—голодъ [28]). Арконскій храмъ былъ очень богатъ. Въ его пользу отходила значительная часть до-

*) Оттонъ Святой, епископъ бамбергскій, просвѣтитель Помераніи (около 1062—1139). Біографія его написана тремя монахами: Эбо, Гербордомъ и третьимъ неизвѣстнымъ. *Прим. переводч.*

[27]) Opus citat. стр 105.

[28]) Saxo Grammaticus y L. Leger, Cyrille es Méthode, стр. 23.

бычи, отнятой у враговъ. Триста всадниковъ были обязаны охранять его.

Предполагали, что Свантовитъ былъ почитаемъ даже у богемскихъ и моравскихъ чеховъ; утверждали, напр., что пражскій каѳедральный соборъ потому лишь посвященъ св. Виту, что онъ построенъ на мѣстѣ языческаго храма въ честь Свантовита. Гипотеза геніальная, но все же лишь гипотеза.

Рядомъ со Свантовитомъ занимаетъ мѣсто **Триглавъ**, почитавшійся у славянъ поморскихъ; главныя его святилища находились въ Штетинѣ и Волинѣ [29]) (теперь Wollin на островѣ того же имени). Его тройная голова была покрыта тройною короною, съ которой свѣшивалось покрывало доходившее до губъ. Три лица его указывали на то, что онъ владычествуетъ надъ небомъ, землею и подземнымъ міромъ. Глаза закрывали ему, по толкованію жрецовъ, для того, чтобы онъ не видѣлъ грѣховъ людей. Ему былъ посвященъ черный конь, по движеніямъ котораго дѣлали различныя предсказанія. Къ его же культу относятъ трехголовыхъ идоловъ, открытыхъ въ Мейссенѣ. Это божество пытались найти даже у карніольскихъ славянъ гдѣ существуетъ гора Триглавъ (Терглу—современныхъ географовъ). Гора эта, дѣйствительно, имѣетъ три вершины.—Существованіе бога **Радигоста** засвидѣтельствовано Гельмольдомъ, Титмаромъ, Адамомъ Бременскимъ. Онъ имѣлъ свой главный храмъ въ городѣ, носившемъ его имя, которое нѣмцы передѣлали въ Ретру или Ратару. Этотъ храмъ, роскошно украшенный, вмѣщалъ въ себѣ статуи славянскихъ божествъ. Радигоста изображали въ видѣ воина; ему былъ посвященъ конь. Гора въ Моравіи, два три города въ Богеміи носятъ имена, созвучныя съ именемъ Радигоста. Изъ этого сходства заключили, что культъ Радигоста проникалъ и въ эти

---

[29]) См. Біографія Оттона Бамбергскаго въ изданіи Пертца т. XIV.

страны. Доказательство, которое нельзя назвать неопровержимымъ.

Отмѣтимъ еще Ругевита или Рановита, бога войны, на островѣ Рюгенѣ; его представляли съ семью мечами въ рукѣ; Яровита, имя котораго напоминаетъ русскаго Ярилу; онъ также былъ богомъ войны. Балтійскіе славяне вслѣдствіе безпрерывной борьбы съ своими сосѣдями, нѣмцами и скандинавами, придали своимъ главнымъ божествамъ характеръ по преимуществу воинственный.

Сверхъ того, они покланялись безчисленному множеству неизвѣстныхъ идоловъ: «Penates et idola, quibus singula oppida redundabant», говоритъ Гельмольдъ. Развитие общественнаго культа и образованіе жреческаго сословія, у балтійскихъ славянъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, объяснить соприкосновеніемъ ихъ съ германцами и скандинавами. Эта особенность не встрѣчается ни у какого другого славянскаго народа.

IV.

Перейдемъ теперь къ божествамъ низшимъ, которыя весьма многочисленны. Существованіе ихъ отмѣчено уже Прокопіемъ; многія изъ нихъ пережили введеніе христіанства и доселѣ еще живутъ въ народномъ воображеніи. Наибольшею извѣстностью изъ нихъ пользовались славянскія нимфы или дріады, называвшіяся у сербовъ вилами, у русскихъ русалками, у болгаръ дивами или самодивами. При свѣтѣ луны онѣ водятъ фантастическіе хороводы, живутъ въ лѣсахъ, среди скалъ, въ водахъ, и вмѣшиваются въ жизнь людей. Роженицы или сужденицы вѣдаютъ рожденіе и жизнь людей; это славянскія парки. Морена у западныхъ славянъ богиня зимы и смерти. Въ Моравіи, съ приближеніемъ весны, молодые люди съ пѣснями бросаютъ въ воду куклу, представляющую Морену. Въ Россіи зимній холодъ представляется въ странныхъ образахъ Кощея безсмертнаго и Бабы-яги, ста-

рушонки, которая ѣздитъ въ ступѣ, заметая метлой слѣды своего пути [30]).

Домашній очагъ (dom) имѣетъ своимъ покровителемъ духа, называемаго домовымъ; лѣса обитаемые лѣшими, а поля—полудницами [31]), которыя соотвѣтствуютъ бѣсу полуденному Священнаго Писанія [32]). У русскихъ нѣтъ ни одного момента жизни, ни одного явленія природы, которые не имѣли бы своего особаго божества и не были бы предметомъ извѣстнаго культа, весьма часто соединяемаго съ обрядами культа христіанскаго, напр., съ праздниками Рождества Христова, Пасхи и днемъ Іоанна Крестителя *).

Между народными вѣрованіями одно изъ самыхъ распространенныхъ (встрѣчается почти у всѣхъ славянъ)—вѣрованіе въ вампировъ. Слово «вампиръ», хотя и трудно для объясненія, но несомнѣнно славянскаго происхожденія [33]). Другое славянское слово, означающее то же миѳологическое существо, vlukodlak (á poil de loup, loup—garou), проникло къ туркамъ, грекамъ, албанцамъ и румынамъ. Вампиръ—мертвецъ, который выходитъ по ночамъ изъ могилы, чтобы сосать кровь у спящихъ живыхъ людей. Чтобы сдѣлать его безвреднымъ, слѣдуетъ проткнуть коломъ или изрубить его трупъ.

---

30) См. Ralston, Russian Folktales и у L. Leger, Le Monde Slave стр. 294 и Etudes Slaves стр. 173—193.

31) Имена лѣшій, домовой употребляются лишь въ Россіи, но обозначаемыя ими существа встрѣчаются въ различныхъ славянскихъ земляхъ, хотя и подъ другими названіями.

32) См. выше Ш. Примѣч. автора.

Авторъ здѣсь подразумѣваетъ, вѣроятно, слѣдующее мѣсто 90 псалма царя Давида: «Не убоишися отъ страха нощнаго... отъ сряща и бѣса полуденнаго.

Справка переводчика.

*) Собственно съ кануномъ (23 іюня) дня рожденія Іоанна Крестителя. *Прим. переводч.*

33) Польское upior, русское упырь.

V

Чтобы снискать себѣ милость боговъ, славяне прибѣгали къ молитвѣ и жертвоприношенію. Жертва обозначалась словомъ обѣтъ. Въ жертву сожигали быковъ, барановъ, [34]) преимущественно на холмахъ или въ лѣсахъ, гдѣ обыкновенно ставились и идолы боговъ; приносили также полевые плоды; человѣческія жертвы, повидимому, были очень рѣдки, хотя все же встрѣчаются у славянъ балтійскихъ и у русскихъ. За вышеуказаннымъ исключеніемъ, совершеніе религіозныхъ обрядовъ не было въ рукахъ особаго класса жрецовъ. Обряды совершались обыкновенно главами семействъ, племенъ или князьями. Храмы балтійскихъ славянъ отличались великолѣпіемъ, поражавшимъ лѣтописцевъ и путешественниковъ [35]). У другихъ славянъ единственными произведеніями религіознаго искусства оказываются деревянные и каменные идолы. Главные праздники года, естественно, изображали борьбу свѣта съ тьмою, весны съ зимою, оба солноворота. Зимній солноворотъ чествовался подъ именемъ коляды; это слово, происходящее отъ латинскаго calendae, чрезъ посредство греческаго καλάνδας, проникло къ южнымъ славянамъ, а отъ нихъ во всѣ славянскія нарѣчія. Оно употребительно и доселѣ [36]). Солноворотъ лѣтній въ Россіи назывался купалы (отъ имени бога Купала). Замѣчательный миѳографъ покойный Ганушъ расположилъ въ своемъ миѳологическомъ календарѣ всѣ эти празднества въ хронологическомъ порядкѣ.

Допускали ли славяне загробную жизнь? Вѣра въ вампировъ, о которой говорили мы выше, достаточно ясно указываетъ на то, что они не думали, чтобы со смертью оканчивалось все. Душа (отъ корня дж) по

---

[34]) Прокопій, Гельмольдъ.

[35]) См. тексты, цитируемые мною въ Cyrille et Méhode стр. 17.

[36]) Miklosich, Die Christle. Terminologie sub voce.

ихъ понятіямъ, дыханіе жизни. Она обладала способностью покидать тѣло во время сна [37]. Оставивъ тѣло окончательно, она охотно возвращается туда, гдѣ она обитала при жизни. Вѣра въ продолженіи жизни по смерти подтверждается, повидимому, находимою въ могилахъ домашнею утварью. Мѣсто, куда навсегда удаляются души послѣ смерти, называлось навь (nav) или рай. Послѣднее слово позже стало обозначать рай христіанскій. Это мѣсто, залитое солнцемъ, съ богатой растительностью, представляющее большую аналогію съ Елисейскими полями. Для обозначенія ада существуетъ славянское слово пекло (гдѣ варятъ въ кипящей смолѣ) [38]; но идея, выражаемая имъ, чисто христіанская.

Покойника чаще всего хоронили подъ порогомъ его собственнаго жилища. Огромные курганы до настоящаго времени указываютъ мѣста коллективныхъ погребеній. По свидѣтельствамъ греческихъ, латинскихъ и арабскихъ писателей, каковы императоръ Маврикій, св. Бонифацій, Ибнъ-Даста и др., жена иногда сопровождала мужа въ могилу. У значительнаго числа племенъ было въ обыкновеніи. сожженіе; у другихъ оба способа погребенія практиковались одновременно. Въ честь умершаго справляли празднество, называвшееся тризна; оно состояло изъ военныхъ игръ, которыя заканчивались пиршествомъ.

Вообще, религіозныя вѣрованія славянъ-язычниковъ располагали ихъ болѣе чѣмъ какой-либо иной народъ, къ легкому принятію христіанства. За исключеніемъ славянъ балтійскихъ, о чемъ было сказано выше, они вовсе не имѣли жреческаго сословія, заинтересованнаго въ поддержаніи того культа, который доставлялъ ему почетъ и вліяніе. Религія ихъ имѣла характеръ чисто домашній, а не государственный. Славяне отличались

---

[37]) Krek, op. cit, стр. 117. *Прим. авт.*

Этимъ-то повѣрьемъ воспользовался Гоголь въ своей «Страшной мести». *Прим. перевод.*

[38]) Объ этомъ словѣ см. у Miklosich, op. cit.

большою вѣротерпимостью, какъ это видно изъ цитированныхъ выше договоровъ русскихъ съ греками: здѣсь языческіе боги призываются рядомъ съ Богомъ христіанскимъ, а храмъ св. Иліи возвышается недалеко отъ идола Перуна. Инстинктъ подражанія, присущій славянской расѣ, предрасполагалъ ихъ къ принятію безъ борьбы высшей религіи, которая, удовлетворяя ихъ воображеніе, въ то же время давала имъ рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые пытались разрѣшить ихъ наивные миѳы. Чтобы быть хорошо принятымъ, христіанству достаточно было предстать безкорыстнымъ, безъ задней мысли о побѣдѣ или ассимиляціи. По этому оно проникло легко, безъ гоненій и кровавой борьбы, къ чехамъ, моравамъ, полякамъ, русскимъ, сербамъ, болгарамъ. Къ славянамъ полабскимъ христіанство было грубо внесено нѣмцами, хищными завоевателями, почему и не могло привиться здѣсь съ успѣхомъ; язычники предпочли умереть, но не отказались отъ своихъ боговъ и ихъ храмовъ. Другіе славяне покорно приняли апостоловъ, посланныхъ къ нимъ Римомъ или Византіей.

VI.

Мнѣ кажется весьма умѣстнымъ закончить этотъ бѣглый очеркъ библіографическими указаніями. Я не стану называть здѣсь трудовъ самыхъ старинныхъ, не имѣющихъ рѣшительно никакой цѣнности [39]), а ограничусь лишь главнѣйшими и легко доступными. Но, съ другой стороны, я долженъ предупредить читателя, что ни одинъ изъ указанныхъ ниже трудовъ нельзя назвать вполнѣ совершеннымъ. По моему мнѣнію, единственнымъ средствомъ для прочнаго обоснованія науки славянской миѳологіи является изданіе алфавитнаго перечня, заключающаго вмѣстѣ съ указаніемъ подлин-

---

[39]) Напр., трудъ Кайсарова Versuch einer Slawischen Mythologie, изданный въ Геттингенѣ въ 1804 году и разобранный Добровскимъ въ Slavin (Прага 1808 г.).

ныхъ текстовъ, точное описаніе каждаго божества, изложеніе всѣхъ вѣрованій со тщательнымъ устраненіемъ всякихъ сближеній, гипотезъ и обобщеній. Слѣдующіе труды при осторожномъ пользованіи, могутъ послужить исходною точкою для подобной кропотливой работы:

1. Hanusch, Die Wissenschaft des Slawischen Mythus, Lemberg, 1842 (трудъ устарѣлый, слишкомъ смѣлыя гипотезы котораго позднѣе были опровергнуты отчасти даже самимъ авторомъ);

2. Schwenk, Die Mythologie der Slawen, Frankfurt a/M., 1853 (компиляція, страдающая недостаткомъ критики, а потому не безопасная для пользованія, но цѣнная по обилію матеріаловъ);—

3. Miklošich, Die Christlische Terminologie der Slawischen Sprachen, Wien, 1875 (трудъ весьма интересный съ лексикографической точки зрѣнія);

4. Krek, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, Graz, 1874 (прекрасный трудъ, заключающій 30 весьма солидныхъ страницъ); [40])

5. Archiv für Slavische Philologie, годы 1876 и слѣдующіе (здѣсь статьи Ягича, Крека и друг.);

6. Ralston, The songs of the russian people, London, 1872;

7. Того же автора The tales of the russian people, London, 1873 (многочисленные матеріалы о русскихъ народныхъ вѣрованіяхъ) [41]);

Rambaud, La Russie épique, Paris, 1876 (то же замѣчаніе) [42]);

8. Leger, Cyrille et Méthode, Etude hi-

---

[40]) Слѣдуетъ лишь принять къ свѣдѣнію замѣчаніе относительно глоссъ Mater Verborum.

[41]) Объ этихъ обоихъ трудахъ см. мнѣніе мое, высказанное въ двухъ моихъ выше названныхъ сочиненіяхъ.

[42]) Объ этой книгѣ см. мою статью въ Revue critique, 1876 г. № 17 и отвѣтъ автора въ № 24.

storique sur la conversation des Slaves au christianisme, Paris, 1868;

9. Аѳанасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», 3 т. Москва, 1865—1869. (Самое обширное сочиненіе по славянской миѳологіи изъ существующихъ въ настоящее время; можно пользоваться фактами, не придавая значенія теоріямъ автора и его стремленію къ обобщеніямъ; требуетъ провѣрки цитатъ и подлинности документовъ);

10. Котляревскій, «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», Москва, 1868 (Прекрасное сочиненіе замѣчательнаго слависта, преждевременную смерть котораго наука будетъ долго оплакивать);

11. По—чешски: Hanuš, Bajeslovny kalendař slovansky, Praha, 1860 (полезный указатель);

12. Эрбенъ, статья Славянская миѳологія и статьи о главныхъ славянскихъ божествахъ въ Naučný slovnik, Praha, 1863—1873;

13. Его же статьи въ Časopis Musea královstvi českého (см. общее оглавленіе, изданное въ 1877 г.);

14. Іосифъ Иречекъ, Этюды по чешской миѳологіи, Časopis 1863);

15. Wocel, Pravě země ceske, Praha, 1848 [43]).

Manuel d'histoire des religions de Tiele не располагаетъ достаточными свѣдѣніями въ области славянской миѳологіи. Авторъ не знаетъ ни нѣмецкаго труда Крека, ни статей въ Archiv für slavische Philologie, которые дали бы ему болѣе солидные матеріалы, чѣмъ тѣ, какими пользовался онъ.

Сочиненіе Veda slave par Verkovitch, изданное въ 1874 году, пока должно быть разсматриваемо,

[43]) Я оставляю, конечно, въ сторонѣ безчисленные сборники пѣсенъ, игръ, народныхъ вѣрованій, библіографія которыхъ заняла бы нѣсколько страницъ.

какъ мистификація [44]). Общія исторіи славянскихъ странъ, Палацкаго для Богеміи, Дудика для Моравіи, Шуйскаго для Польши, Соловьева, Бестужева-Рюмина для Россіи,—каждая заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе полную главу о миѳологіи. Я умышленно не касаюсь въ этомъ очеркѣ литовскаго миѳа, повидимому, сроднаго миѳу славянскому, такъ какъ онъ не служилъ еще доселѣ предметомъ истинно-критическаго труда. Эта область настолько мало изслѣдована, что было бы дерзко пускаться въ нее.

Съ французъ. перевелъ П. К. Горницкій.

---

[44]) См. мои Nouvelles études slaves, стр. 51—57.

«ТУЧКИ» Лермонтова.

Разборъ этого стихотворенія.

Стихотвореніе «Тучки» Лермонтова состоитъ изъ трехъ строфъ и по содержанію своему распадается на три части.

Въ первой части изображена картина плывущихъ по лазурному небу свѣтло-бѣлыхъ тучекъ.

Во второй части поэтъ обращается къ тучкамъ съ рядомъ вопросовъ: что ихъ гонитъ «съ милаго сѣвера въ сторону южную».

Въ третьей части поэтъ даетъ отвѣтъ на поставленные вопросы.

Поэты нерѣдко выражаютъ свои душевныя волненія, свои мысли и свои чувства не непосредственно, а посредствомъ изображенія внѣшнихъ предметовъ и явленій. Къ такому изображенію они прибѣгаютъ для болѣе образнаго, живого выраженія своихъ чувствованій и своихъ мыслей. Примѣромъ можетъ служить разбираемое стихотвореніе.

Предметомъ этого стихотворенія служитъ чувствованіе, душевное настроеніе поэта. Съ этой стороны и слѣдуетъ смотрѣть на него.

Какое же чувство, какое душевное настроеніе изображено въ немъ?

Ключомъ къ пониманію чувствованія, душевнаго настроенія, выраженнаго въ стихотвореніи «Тучки», можетъ послужить указаніе на нѣкоторые факты изъ жизни поэта.

Въ 1840 году поэтъ долженъ былъ, въ наказаніе за дуэль, оставить родину, дорогую ему сѣверную столицу, родныхъ, друзей, и ѣхать въ ссылку на Кавказъ. Грустныя думы и тяжелыя чувства преслѣдовали его

въ пути. Утомительная ѣзда на почтовыхъ еще болѣе усиливала его грусть, его тоску. Мысль объ изгнаніи не оставляла его. Въ такомъ настроеніи поэтъ невольно обратилъ вниманіе на тучки, гонимыя вѣтромъ съ сѣвера на югъ. Чувство подсказало ему сходство между нимъ и ими: «Мчитесь вы, будто какъ и я же, изгнанники, съ милаго сѣвера въ сторону южную».

Тучки движутся по физическому закону, по движенію вѣтра; но поэтъ называетъ ихъ такими-же, какъ и онъ, «изгнанниками», мчащимися «съ милаго сѣвера» въ сторону южную.

Назвавши тучки «изгнанниками», поэтъ естественно переходитъ къ вопросу: кто же ихъ гонитъ? При этомъ онъ перечисляетъ и тѣ обстоятельства, которыя въ быту людей бываютъ иногда причиной несчастія лица, напр., его ссылка или другое тяжкое положеніе. Поэтъ спрашиваетъ: «Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе? зависть ли тайная? злоба-ль открытая? или на васъ тяготитъ преступленіе? или друзей клевета ядовитая»? Въ самомъ подборѣ обстоятельствъ, могущихъ служить причиной изгнанія, нельзя не видѣть мрачнаго, пессимистическаго настроенія поэта. Такіе, напр., вопросы: не гонитъ ли васъ зависть тайная? или злоба открытая? или друзей клевета ядовитая?—показываютъ, въ какомъ мрачномъ, желчномъ настроеніи духа поэтъ находился. Подъ вліяніемъ этого настроенія и возникаютъ въ немъ приведенные вопросы. Внутреннее чувство, настроеніе человѣка, какъ извѣстно, является цвѣтными очками, сквозь которыя онъ смотритъ на дѣйствительность; отъ цвѣта этихъ очковъ зависитъ окраска людей, предметовъ и явленій...

Предложивши тучкамъ рядъ вопросовъ о томъ, кто ихъ гонитъ «съ милаго сѣвера» въ сторону южную, поэтъ ждетъ отъ нихъ отвѣта. Но отвѣта отъ нихъ нѣтъ. Сознаніе же поэта подсказываетъ, что не смотря на то, что и онъ, и онѣ (тучки) мчатся въ одномъ направленіи—съ сѣвера на югъ, между нимъ и ими лежитъ непроходимая разница. Онѣ—бездушны, движутся

по физическимъ законамъ и не знаютъ ни любви, ни привязанности; имъ чужды человѣческія страсти и страданія: нѣтъ предметовъ, лишеніе которыхъ вызывало бы въ нихъ муку: «вѣчно холодныя, вѣчно свободныя, нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія». Онъ же, какъ человѣкъ, благодаря своей духовной природѣ, живетъ не только физической, но и духовной жизнью, живетъ чувствомъ, и эта жизнь приноситъ ему какъ счастіе, такъ и страданіе; онъ привязанъ къ родинѣ, лицамъ и лишеніе ихъ причиняетъ ему душевную муку.

И такъ, въ разсмотрѣнномъ стихотвореніи выражено грустное чувство поэта, его тяжелое, мрачное душевное настроеніе, вызванное высылкой его изъ родины. Для выраженія этого чувства, настроенія, поэтъ и воспользовался неодушевленнымъ предметомъ—тучками.

Произведеніе, изображающее чувствованіе поэта, его душевное настроеніе, относится къ лирическимъ произведеніямъ. Значитъ, стихотвореніе «Тучки»—лирическое произведеніе. Оно отличается образностью и выразительностью.

При стилистическомъ разборѣ взятаго произведенія могутъ быть указаны тропы (метафоры, сравненія, олицетворенія и т. п.) и фигуральные обороты (обращеніе, вопросы и др.), придающіе ему живость, образность и выразительность.

Кромѣ указанныхъ качествъ, стихотвореніе отличается высокою гармоничностью. (Построеніе стиха: четырехстопный дактиль и богатая женская риѳма, причемъ первая строка каждой строфы риѳмуется съ третьей и вторая—съ четвертой).

Послѣ разбора, стихотвореніе заучивается учениками наизусть.

Для письменной работы можетъ быть предложена (въ старшемъ классѣ) хотя такая тема: «Душевное настроеніе поэта и выраженіе его въ стихотвореніи «Тучки».

К. Ельницкій.

Г. Омскъ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СЛОВАРЬ РУССКАГО ЯЗЫКА, СОСТАВЛЕННЫЙ ВТОРЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Выпускъ третій.

Третій выпускъ Академическаго словаря, которымъ закончился первый томъ, значительно лучше предъидущихъ; въ немъ нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ, какія встрѣчаются въ первыхъ двухъ выпускахъ.

Улучшеніе словаря, начавшееся съ этого выпуска, произошло, безъ сомнѣнія, отъ перемѣны редакціи, которая, очевидно, съ особеннымъ вниманіемъ отнеслась къ своей трудной задачѣ.

Первые два выпуска словаря, какъ извѣстно, печатались подъ редакціею покойнаго вицепрезидента Академіи Я. К. Грота. При всѣхъ своихъ рѣдкихъ достоинствахъ, онъ, къ сожалѣнію, отличался нетерпимостью къ мнѣнію другихъ по вопросамъ русскаго правописанія. Особенно рѣзко стала проявляться въ немъ эта нетерпимость съ тѣхъ поръ, какъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія введено было составленное имъ руководство по правописанію русскаго языка.

Въ нашемъ языкѣ, какъ и во всякомъ другомъ, многое еще не объяснено, какъ слѣдуетъ, наукою. Вслѣдствіе этого у насъ не мало спорныхъ вопросовъ по правописанію: нѣкоторыя слова одними пишутся такъ, другими иначе.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; пока наука не доказала вполнѣ, какъ должны писаться такія слова, всякій имѣетъ право придерживаться того или другаго правописанія, смотря потому, какое изъ нихъ ему кажется вѣрнѣе. Эти невыясненные наукою вопросы, безъ сомнѣнія, будутъ разъяснены, и тогда правописаніе наше, въ нѣкоторыхъ случаяхъ неустойчивое, будетъ отличаться однообразіемъ, пока же этого нѣтъ, съ неуста-

новившимся правописаніемъ слѣдуетъ мириться, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія со всѣми спорными вопросами нашего правописанія рѣшилось покончить разомъ, не дожидаясь, когда разъяснитъ ихъ наука, оно сдѣлало обязательнымъ для всѣхъ учебныхъ заведеній руководство по русскому правописанію, составленное, по порученію Втораго Отдѣленія Академіи наукъ, покойнымъ Гротомъ.

Въ этомъ трудѣ составитель провелъ личные свои взгляды на объясненіе происхожденія и основанное на немъ правописаніе многихъ словъ, съ тою лишь разницею, что высказываемое имъ въ предъидущихъ трудахъ въ формѣ догадокъ и предположеній въ руководствѣ явилось непреложною истиною, недопускающею другихъ толкованій и объясненій.

Введеніе Министерствомъ такъ называемаго правописанія по Гроту привело только къ однообразію письма въ школѣ. Въ то время, какъ этого правописанія держались учебники русскаго языка, приспособленные къ преподаванію въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, литература наша, не исключая ученыхъ изслѣдованій по языку, держалась и держится прежняго правописанія. Явились, такимъ образомъ, два рода правописанія: правописаніе вообще и правописаніе школьное, по академическому руководству.

Покойный Гротъ, поощренный удачею перваго своего опыта, рѣшился провести свои взгляды на спорные вопросы нашего правописанія и за предѣлы школы. Какъ главный редакторъ Академическаго словаря, онъ вполнѣ успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ. Оттого въ первыхъ двухъ выпускахъ словаря, составленныхъ имъ и вышедшихъ въ свѣтъ при его жизни, встрѣчается то же объясненіе происхожденія словъ и то же правописаніе ихъ, какія помѣщены въ означенномъ руководствѣ.

Смерть помѣшала академику Гроту довести до конца начатое имъ дѣло. Новая редакція взялась за продолженіе словаря съ особеннымъ стараніемъ и безъ той

нетерпимости къ чужымъ мнѣніямъ, какая замѣчалась раньше. Этимъ и можно объяснить отсутствіе въ третьемъ выпускѣ словаря грубыхъ упущеній и, что особенно важно, довольно обширное приложеніе дополненій и поправокъ къ первымъ двумъ выпускамъ.

Не смотря на это и въ третьемъ выпускѣ встрѣчаются нѣкоторыя недостатки, на которыхъ нельзя не остановиться. Такъ, въ немъ помѣщены отдѣльными словами такія формы глаголовъ, безъ которыхъ легко можно было бы обойтись. Таковы, напр., слова: дамъ, доплачу, допла́чу, допрошу, долью, дорою, добреду, досижу, доскачу, даетъ, дашь, дремлется, дышу, выѣзжая и много др. Помѣщеніе этихъ глагольныхъ формъ нарушаетъ систему изложенія словаря. Если словарь принялъ за правило помѣщать глаголы лишь въ неопредѣленномъ наклоненіи, а имена существительныя и прилагательныя въ именительномъ падежѣ, то этого правила и слѣдовало бы держаться. Такія формы глаголовъ, которыя чѣмъ-либо выдѣляются въ настоящемъ, будущемъ и прошедшемъ временахъ, а также въ дѣепричастіи или повелительномъ наклоненіи, вродѣ приведенныхъ выше, конечно, необходимо помѣщать, но не отдѣльными словами и вслѣдъ за неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Такимъ образомъ, по строго выдержанной системѣ, формы дамъ, дашь, даетъ, дадимъ и пр. должны стоять послѣ гл. дать, формы допущу, до́пускай послѣ гл. допустить и т. д.

Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ словарь держится этой системы, такъ вслѣдъ за гл. добыть помѣщены формы добуду, добудутъ, добылъ, добыла добыли (стр. 1058), послѣ слова доѣхать—доѣду, доѣдешь, доѣдутъ (стр. 1068), за словомъ добудиться—добужусь, добудятся (стр. 1050), но такихъ мѣстъ не много.

Несоблюденіе этого правила въ разбираемомъ выпускѣ словаря, вѣроятно, не было вызвано какими-либо особыми соображеніями. Это видно, между прочимъ, изъ того, что нѣкоторыя формы глаголовъ помѣщены от-

дѣльно, другія вовсе не помѣщены нигдѣ, а третьи помѣщены и отдѣльными словами, и послѣ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ формы дамъ, дашь, дастъ, дадимъ, дадите, дадутъ, далъ, дала, дали стоятъ послѣ сл. дать, а на стр. 956, 961, 967 и 968 отдѣльно.

Такой порядокъ, или, лучше сказать, невыдержанность, ведетъ къ тому, что пользованіе словаремъ становится въ иныхъ случаяхъ нѣсколько затруднительнымъ; желающій справиться, какъ будетъ какая-либо глагольная форма, принужденъ сначала искать эту форму, какъ отдѣльное слово, и, если ея тамъ не окажется, смотрѣть въ другомъ мѣстѣ, послѣ неопредѣленнаго наклоненія, или же наоборотъ. Этого неудобства легко можно было избѣжать.

Въ третьемъ выпускѣ встрѣчается не мало словъ малоупотребительныхъ, старинныхъ и церковнославянскихъ, какъ, напр., дымячій, дѣтята, дѣтскость, далекозвонкій, доблественный, и проч., и въ то же время пропущены такія общеупотребительныя слова, какъ дощечка, деньжищи, дѣвчинище.

Приступая къ разбору частностей, я, какъ и прежде, буду приводить слова, съ объясненіемъ которыхъ почему-либо нельзя согласиться, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ словарѣ.

Давануть малоупотр. тоже что давнуть. Подошелъ, не спѣша, къ обоимъ посѣтителямъ, даванулъ, молча, руку каждаго изъ нихъ своей. (Тург. Новь (стр. 950). Форма давануть не только малоупотребительна, но и вовсе неупотребительна. Въ производныхъ отъ гл. давить словахъ нигдѣ не встрѣчается звука а: давка, задавленный, удавленикъ. Правда, изъ приведеннаго примѣра видно, что эта форма принадлежитъ образцовому нашему писателю, но, насколько мнѣ извѣстно, кромѣ этого раза она у него нигдѣ не встрѣчается; поэтому

съ нѣкоторою вѣроятностью можно предположить, что у Тургенева въ данномъ случаѣ была описка.

Дай ставится иногда въ смыслѣ позволь или въ виду обращенія къ самому себѣ. Дай, пѣсню я тебѣ спою (стр. 952). Частица дай кромѣ этой формы не имѣетъ ничего общаго съ гл. дашь, къ которому она причислена словаремъ. Дай образовалось изъ союза да, съ помощію котораго выражалась описательная форма повелительнаго наклоненія: да съкажѫ, да съкажемъ.

Даровать что кому (рѣдко кого чѣмъ) (стр. 964). Даровать, какъ и дарить, подарить всегда что кому, тогда какъ одарить, задарить—кого чѣмъ. Обратнаго согласованія нѣтъ.

Дательство малоупотр. тоже что даяніе. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь доброхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Мертв. д. (стр. 966). Примѣръ, взятый изъ Гоголя, нельзя считать удачнымъ. Какъ я уже не разъ указывалъ; съ этимъ писателемъ слѣдуетъ обращаться осторожнѣе, такъ какъ въ языкѣ его произведеній встрѣчается масса неправильностей. У насъ есть слова датель, дательный, даточный, но дательства, хотя и составленнаго правильно, языкъ не знаетъ.

Двойнишки простонар. тоже что двойнички. Двойняжка—двуствольное дерево, дерево съ раздвоеннымъ стволомъ. Тоже что двойчатки: орѣхъ двойняжка, орѣхъ съ двумя ядрами въ одной скорлупѣ (стр. 977). Двойнишки едва-ли гдѣ можно слышать; вмѣсто этой формы всегда говорится двойняшки. Орѣхъ съ двумя ядрами называется также двояшка.

Дебетовать—зачесть на комъ-либо въ долгу, записать себѣ въ приходъ (стр. 992). Выраженіе «зачесть на кого-либо въ долгу» неправильно: всегда говорится «зачесть кому-либо въ долгъ», «поставить кому-либо въ долгъ».

Девяносто. Для объясненія этого загадоч-

наго слова нужно бы войти въ нѣкоторыя этимологическія подробности, которыя здѣсь были бы неумѣстны; замѣтимъ только, что оно образовалось, какъ видно изъ сравненія съ санскр. и греч. языками, посредствомъ замѣны однихъ звуковъ другими сродными. Сборн. II отд. т. XVIII, стр. XIII—XV, (стр. 993). Этимологическія подробности вообще, въ особенности же словъ загадочныхъ, никогда нельзя считать лишними. У меня нѣтъ подъ рукою указаннаго сборника II отдѣленія Академіи наукъ, но, если не ошибаясь, въ статьѣ о происхожденіи сл. девяносто сравниваются лат. nonaginta вм. novana-ginta и гр. ἐνενη-κοντα; обѣ эти формы восходятъ до ф. novanâ-kontâ, изъ которой, по выпаденіи во второй части звука n, могла образоваться ф. novanâ-katâ. Отсюда могли произойти *невена-съто, а съ переходомъ *н* въ *д* (novem-девять) *девена-съто, девено-съто, девяносто. Такое объясненіе, какъ ни остроумно, если предположить, что его имѣли въ виду составители, слишкомъ натянуто. Противъ него говоритъ уже одно то обстоятельство, что ни въ одномъ славянскомъ языкѣ, кромѣ русскаго, нѣтъ такой формы, какъ девяносто: ц.-слав. девѧть, десѧть, болг. девендесет, серб. деведесêт, чеш. devadesât, пол. dziewięćdziesiat, слов. devet'deset. Болгарская форма девендесат, образовавшаяся изъ ц.-слав. девѧть-десѧть, даетъ основаніе думать, что такая же ф. съ звукомъ *н* (остаткомъ ѧ), безъ *т*, могла быть и у насъ въ разговорномъ языкѣ, и дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ встрѣчается еи девяндесять. Если принять во вниманіе, что *д* часто выпадаетъ или переходитъ въ *н*, напр., каждый—кажный, поздно—позно, гнѣздо—гнѣзно (на это, между прочимъ, указалъ Ржига), и что вслѣдъ за девяносто въ счетѣ идетъ сто, которое могло имѣть вліяніе на предшествующее ему слово, то изъ формы девяндесять легко могла образоваться ф. *девяне-

сять, а отсюда девяносто. Такимъ образомъ, для объясненія разбираемаго слова нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи санскритскаго, греческаго и латинскаго языковъ.

Девясилъ перев. нѣм. Neunkraftvurzel (стр. 993). Во всѣхъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ русскомъ, это слово произносится одинаково, съ звукомъ *е*: русск. девесилъ, болг. девесил, серб. девесил, ст. чеш. dewiesil, чеш. devěsil польск. dźiewiesil. Трудно допустить, чтобы всѣ эти языки заимствовали названіе изъ нѣмецкаго яз. и при переводѣ придали слову такую странную форму; нашъ языкъ могъ бы вмѣсто девесилъ взять хотя бы ф. девятисилъ. Не имѣя данныхъ указать, какъ давно въ нѣмецкомъ яз. сл. Neunkraftvurzel, я не могу утверждать, что нѣмецкое слово взято изъ одного изъ славянскихъ яз. съ соотвѣтствующимъ переводомъ, но на основаніи приведенныхъ формъ этого слова, думается, что это было именно такъ и что происхожденіе разбираемаго слова совсѣмъ другое.

Дежа—квашня. Вдругъ ровно одурь на нихъ напала: заквасили новую дежу на старыхъ дрождяхъ. На горахъ (стр. 995). Слово дежа, дежка постоянно встрѣчается въ говорѣ южныхъ губ., изъ сѣверныхъ же только въ Тверской и Нижегородской. Поэтому разбираемое слово слѣдуетъ причислить къ областнымъ словамъ.

Деньжонки—небольшое количество денегъ. Рѣдко въ единств. деньжонка. Гдѣ покурилъ лестью, гдѣ всунулъ деньжонку. Мертв. д. (стр. 1007). Деньжонки употребляются только во множественномъ числѣ, точно также, какъ деньжищи. Примѣръ взятый изъ Гоголя, неубѣдителенъ. Формы деньжищи въ словарѣ нѣтъ, хотя рѣже встрѣчающаяся ф. деньжурá помѣщена.

Дервишъ (перс. дервеш.—бѣдный) мусульманскій странствующій монахъ. (стр. 1008).

На перс. яз. dăr значитъ дверь и производное отсюда dărvech—просящій или лежащій у дверей.

Деревнюшка: онъ деревнюшку на взятки (купилъ) (стр. 1010). **Деревнишка**: живу коекакъ въ своей деревнишкѣ (ib). Эти формы мало употребительны; вмѣсто нихъ говорится деревушка, деревенька.

Дерюга—толстая и грубая ткань. Это сукно дерюга дерюгой (стр. 1018). Пермяцк. дăрá—холстъ вообще. Разбираемое слово, вѣроятно, заимствовано отсюда, причемъ, по созвучію съ гл. драть, передѣлано въ дерюгу съ соотвѣтствующимъ формѣ значеніемъ: холстъ или вообще матерія грубая, способная при ноской драть тѣло.

Десть (отъ перс. дестэ—того же значенія) количество писчей бумаги въ числѣ 24 листовъ (стр. 1019). Перс. дестэ (destä), айсур. деста, тат. тăстă—пачка вообще безъ опредѣленія числа листовъ бумаги или чего-либо другаго. Въ болг. яз. тесте имѣетъ значеніе дюжины, а у сербовъ есть гл. дјести—класть въ стогъ.

Десятина—подать, взимаемая въ видѣ десятой доли съ произведеній земледѣльческихъ или промышленныхъ въ пользу духовенства или церкви (стр. 1025). У насъ десятина означала не десятую часть земледѣльческихъ или промышленныхъ произведеній, а лишь десятую часть тѣхъ доходовъ, которые, шли въ пользу князя, какъ принадлежность его званія: «а съ суда давати девять частей князю, а десятую святѣй Софеи за княжу душу».

Диванъ (перс.) мѣсто для сидѣнія, устроенное вдоль комнатной стѣны; большая софа, канапе (стр. 1026). Разбирчемое слово взято съ ар. divan пріемная зала, откуда перешло въ перс. и тат. яз. въ значеніе ауденціи.

Догодя́ простон. заранѣе, прежде, благовременно (стр. 1069). Говорится не догодя́, а до́годя. По-

мѣщено ли удареніе на послѣднемъ слогѣ сознательно, или же случайно, по ошибкѣ, неизвѣстно.

Дожидать, дождать—проводить время въ ожиданіи чего либо. Я дожидалъ тебя цѣлый часъ (стр. 1076). Дожидать, дождать—неправильныя формы; вмѣсто нихъ всегда говорится дожидаться, дождаться. Такъ писали лучшіе знатоки нашего языка Пушкинъ, Крыловъ и др. «пріѣзжій вотъ ужъ пять часовъ какъ дожидается лошадей да свищетъ» (Пушк.). «Онѣгинъ вновь часы считаетъ, вновь не дождаться дню конца» (ib). А ты, красавица, божусь, лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь, чтобъ начала ты снова» (Крыл.) (примѣры эти помѣщены въ словарѣ). Вводить въ словарь новыя неправильныя формы словъ только потому, что онѣ стали встрѣчаться въ разговорномъ языкѣ и изъ него мало по малу проникаютъ въ литературу, едвали позволительно. Отъ искаженія слѣдуетъ оберегать языкъ, а не помогать, какъ-бы узаконяя эти искаженія помѣщеніемъ ихъ въ словарѣ, безъ всякой оговорки насчетъ ихъ неправильности.

Дока простонарод. человѣкъ, особенно свѣдущій въ чемъ-либо, особенно способный къ чему-нибудь; знатокъ, дошлый (стр. 1080). **Дошлый**: 1) простонарод. смышленый, способный, опытный; 2) дошедшій до извѣстной степени возраста или зрѣлости (стр. 1164). Слово дока, а оттуда дошлый (въ 1-мъ значеніи) взяты черезъ малорос. яз. изъ лат. doctus *). Съ гл. дойти разбираемое слово кромѣ внѣшней формы не имѣетъ ничего общаго. Проще, человѣкъ самъ доходящій до всего кто до него доходитъ и что дошло.

Доламанъ—турецкій мундиръ, надѣваемый въ рукава. Мадьяры заимствовали его у турокъ и дали ему видъ шубы (стр. 1100). Турецкій даламанъ (произносится даламá) носили янычары. Существуетъ мнѣніе, что не мадьяры заимствовали эту одежду у турокъ, а наоборотъ, турки у мадьяръ.

Долгій, долгъ, долго. Сравнит. и превосх. степ. должайшій. Другой формы сравнительной

от. нѣтъ (стр. 1091). Есть и другая форма сравнит. степени: дольше. Лѣтомъ дни дольше, чѣмъ зимою.

Дослушаться см. дослушиваться. **Дослушивать-ся**, дослушаться. Уроки дослушиваются со вниманіемъ (стр. 1139). Не показано другое значеніе того же глагола: дослушаться до какихъ-либо послѣдствій, дойти до чего-либо, слушая. Онъ дослушался до того, что сталъ вѣрить всему, что говорятъ. Невѣрны также формы гл. добѣгать, дострадать, догуливать съ тѣми значеніями, которыя приведены въ словарѣ.

Добѣгать: бѣгая много или скоро ходя, подвергнуться чему-либо, какой-либо непріятности. Онъ до того добѣгалъ, что свалился съ ногъ отъ усталости (стр. 1058). Вмѣсто добѣгалъ всегда говорится добѣгался.

Дострадать—страдать, терпѣть до какихъ-либо послѣдствій; выносить страданіе до конца (стр. 1148). Форма дострадать имѣетъ лишь второе значеніе (вынести страданія до конца), съ значеніемъ же страдать, терпѣть до какихъ-либо послѣдствій всегда говорится дострадаться.

Догуливать, догулять, отъ неумѣренной гульбы и развратной жизни доходить до чего-либо непріятнаго. Догулять тебѣ до бѣды (стр. 1071). И здѣсь взята неправильная форма глагола: говорится «догуляться тебѣ до бѣды», а не догулять.

Досталь тоже что въ досталь или лучше вдосталь, въ конецъ, совершенно, безъ остатка (стр. 1143). Досталь и вдосталь различныя части рѣчи; первое форма—имя существительное, а вторая—нарѣчіе. Досталь значитъ остатокъ, послѣдки: зима на досталяхъ; у насъ хлѣбъ на досталяхъ; станемъ-ка говорить про́ старь, какъ доживать до́сталь (винит. пад.). Нельзя утверждать, что досталь и вдосталь одно и тоже.

До́сточка и досто́чка уменьш. отъ доска́ (стр. 1147). Вмѣсто досто́чки употребляется дощечка. Эта форма пропущена въ словарѣ.

Дотла—въ конецъ, до истлѣнія, вовсе, совсѣмъ. Догораетъ вся дотла грозой зажженная ветла (Никит.). Правильнѣе слѣдовать раздѣльному правописанію до тла (стр. 1155). Выраженіе «до истлѣнія» показываетъ, что словарь сл. дотла связываетъ съ гл. тлѣть. Какъ бы въ подтвержденіе такого сближенія приведенъ примѣръ (догорать до тла). Такое производство ошибочно; дотла значитъ не до истлѣнія, а до самаго основанія, до дна. Вслѣдствіе этого нарѣчіе дотла употребляется не только при гл. горѣть, но и при другихъ: мука вышла до тла, т. е. вся вышла, уже видно дно посуды, гдѣ она хранится; пчелы съѣдали запасъ до тла, т. е. полный улей, до самаго его дна. Такъ какъ прямое, первоначальное значеніе слова тло забыто и выраженіе дотла употребляется и при такихъ глаголахъ, съ которыми вовсе не связывается понятіе о днѣ (напр., разориться дотла), то нѣтъ основанія утверждать, что разбираемое слово правильнѣе писать раздѣльно, тѣмъ болѣе, что мы придерживаемся слитнаго правописанія такихъ словъ, какъ вверху, внизъ, совсѣмъ, почему и мн. др.

Доучиться см. доучиться и доучиваться. Доучиваться тоже что доучиться: доучиваться мастерству. Доучаться, доучиться тоже что доучать. Доучить, доучать—оканчивать изученіе чего-либо, оканчивать обученіе другого чему-нибудь (стр. 1158). Значеніе гл. доучать и доучить правильно, но въ толкованіи гл. доучиться, которому отведено то же самое значеніе, не хватаетъ другаго значенія: «доучиться до какихъ-либо послѣдствій». Онъ доучился до того, что умъ за разумъ зашелъ. Вообще на глаголы съ этимъ послѣднимъ значеніемъ (добѣгаться, догуляться, дослушаться и пр.) не обращено словаремъ должнаго вниманія.

Даха́ въ Сибири и на Уралѣ родъ просторной шубы изъ оленьяго или другаго мѣха, шерстью вверхъ. См. даха (стр. 1158). **Даха** (монг.) сиб. шуба, сшитая изъ шкуръ дикихъ козъ или

оленей, шерстью вверхъ (стр. 967). Обѣ эти формы заимствованы: первая изъ алт. яз. а вторая изъ манчжурскаго: алт. доха́—шуба изъ шкуры дикихъ козъ, надѣваемая вверхъ шерстью, манчж. даху (даху—курумэ)—шуба, надѣваемая шерстью вверхъ, монг. дзоха́ съ тѣмъ же значеніемъ, откуда тат. чоха́—верхнее платье. Впрочемъ въ монг. яз. наравнѣ съ дзоха́ встрѣчается и даху́.

Дремить малоупотр: дремля склоняться, нагибаться. Выше пояса рожь зернистая дремитъ колосомъ почти до земли. Кольц. (стр. 1178). Какъ академическій словарь, такъ и многіе другіе толкователи выводятъ значеніе этого слова изъ смысла стихотворенія, забывая, что вмѣсто дремить всегда говорится дремать въ смыслѣ клониться ко сну, вмѣсто дремитъ—дремлетъ. Языкъ стихотвореній Кольцова, несмотря на то, что прежде, чѣмъ попасть въ печать, они были исправлены Серебрянскимъ и другими, страдаетъ большими неправильностями. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ: за дубовые столы, за набраные; иль не хочутъ дать мнѣ помочи; въ полѣ вѣтеръ вѣетъ, травку колыхаетъ; и они, мои товарищи, соколья, орлы могучіе; заливная пѣснь; о могилѣ взгадывать; очи стухнули. Поэтому помѣщать въ словарѣ неупотребительную форму глагола дремать только потому, что она встрѣчается у Кольцова, не слѣдовало. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ стихотвореній этого поэта сл. дремитъ замѣнено обычною формою «дремлетъ» и смыслѣ отъ этого нисколько не измѣнился.

Дьякъ стар. письмоводитель, секретарь, тоже что діакъ. Думный дьякъ письмоводитель при государственной думѣ. Дьякъ дворцовый при великокняжескомъ или царскомъ дворѣ, также при дворцовомъ приказѣ... Дьякъ приказный при одномъ изъ московскихъ приказовъ. Дьякъ земскій—волостной или сельскій писарь (стр. 1222, 1223). Такое объясненіе не точно. Дьяки въ продолженіи долгаго времени до уничтоженія приказовъ были не

простыми письмоводителями, а очень важными чиновниками, имѣвшими громадное значеніе и въ судѣ, и въ приказахъ, и при государѣ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ о дьякахъ проф. Ключевскій въ извѣстномъ своемъ трудѣ «боярская дума»: «со второй половины XV в. въ положеніи дьяковъ произошла перемѣна: изъ письмоводителей они обратились въ судей и чиновниковъ и, какъ полноправные члены, стали входить въ составъ боярской судной коллегіи. Особенно возвысилось положеніе дьяковъ въ разгаръ полнаго развитія приказной системы. Они непремѣнные члены приказовъ. Были приказы, въ которыхъ засѣдали одни дьяки, и при томъ настолько важные, какъ приказъ тайныхъ дѣлъ, счетный, посольскій. Подъ-конецъ дьяки вездѣ: на судѣ, въ посольствахъ, при сборѣ и расходованіи царской казны, въ войскахъ. Дьяки непремѣнно находятся и при государяхъ; они докладываютъ царю дѣла, сопровождаютъ его въ поѣздкахъ, объявляютъ царскіе указы. Мы видимъ дьяковъ въ думѣ, какъ членовъ ея».

Дѣтвора́ собир. дѣти. Пожалуй, можешь поѣхать въ бричкѣ, только проклятая дѣтвора повыдергали сзади всѣ гвозди. Гоголь. (стр. 1234). Во-первыхъ, сл. дѣтвора встрѣчается въ языкѣ только южныхъ губерній, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что этотъ писатель часто его употребляетъ; во вторыхъ, дѣтвора существительное единствен. числа, а не множественнаго, почему согласованіе съ нимъ сказуемаго «повыдергали» вмѣсто повыдергала неправильно.

Заканчивая разборъ третьяго выпуска словаря, считаю необходимымъ сдѣлать поправку къ объясненію слова вурдалакъ (словарь стр. 582). На толкованіе этого слова академическимъ словаремъ въ томъ смыслѣ, что вурдалакъ есть искаженіе волкодлакъ и что послѣдняя форма находится въ связи съ сл. волкъ и длака (серб.)—конскій или коровій волосъ, я возразилъ, что не вурдалакъ произошло путемъ искаженія изъ «волкодлакъ, а, наоборотъ, изъ вурдалакъ, какъ непонятной для говорящаго формы, образовались вовкулакъ и вол-

колдакъ. При этомъ я, въ видѣ предположенія, сближилъ сл. вурдалакъ съ пол. ugardlik, wugardlic—задушить, wugardlac—душитель. Оставаясь и теперь при томъ же мнѣніи, т. е. что волкодлакъ произошло изъ вурдалакъ, я хочу указать на другое предположеніе насчетъ происхожденія разбираемаго слова. На турецкомъ яз. есть сл. хортлах или хортлак—блуждающій по ночамъ покойникъ въ видѣ собаки, откуда произошелъ гл. хортламак—вставать изъ гроба и блуждать. Затѣмъ, въ новогреческомъ яз. βρυκόλακας и βουρκόλακας значитъ оборотень, являющійся людямъ въ видѣ собаки, волка или гіены. Между тур. хартлак и новогреч. βουρκόλακας, по видимому, есть органическая связь. Можетъ быть, греки передѣлали турецкое слово по созвучію съ гл. βρύχω кусать, грызть съ скрежетомъ зубовъ, оставивши безъ измѣненія окончаніе лак. Если такое предложеніе вѣрно, то дальнѣйшая судьба этого слова будетъ такая: новогреч. βουρκόλακας или βρυκόλακας перешло въ болгарскій яз. въ формѣ връколак; послѣдняя ф. въ томъ же болгарскомъ яз. современемъ приняло другую форму влъколлак, по созвучію съ сл. волкъ... Изъ болгарскаго яз., обѣ эти формы перешли въ русскій яз., причемъ връколак измѣнилось въ вурдалакъ, а влъколлак—въ волкодлакъ. Не смотря на нѣкоторое различіе съ внѣшней стороны, приведенныя слова какъ на турецкомъ, такъ на болгарскомъ и русскомъ яз. имѣютъ одинаковое значеніе. Въ пользу предположенія о заимствованіи разбираемаго слова нашимъ языкомъ изъ болгарскаго говоритъ, между прочимъ, то обстоятельство, что какъ бурдалаки, такъ и волкодлакъ встрѣчаются въ языкѣ лишь южныхъ губерній, въ сѣверныхъ же и даже въ среднихъ губерніяхъ, если не ошибаюсь, народный языкъ совсѣмъ не знаетъ этихъ словъ.

Д. Никольскій.

г. Новороссійскъ.

НАРОДНЫЕ СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПѢСНИ ВЪ ДЕРЕВНЯХЪ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНІИ, ТАРУССКАГО УѢЗДА.

Вступленіе въ бракъ въ крестьянскомъ населеніи этого уголка до сихъ поръ рѣдко совершается по инииціативѣ и взаимному соглашенію парня и дѣвицы. Судьба жениха и невѣсты обыкновенно зависитъ здѣсь отъ воли ихъ родителей, при сильномъ содѣйствіи посредствующихъ лицъ— свахъ. Бывали случаи, что для своего сынка-ребенка родители заранѣе намѣчали въ невѣсты дочку-ребенка изъ симпатичной имъ семьи *).

Прежде чѣмъ сватать для своего сына намѣченную ему дѣвушку, родители его (если дѣвушка изъ одной съ ними деревни) незамѣтно, но весьма внимательно высматриваютъ ее вездѣ: въ церкви, на гуляньи и въ работѣ—при домѣ, на лугу, въ полѣ. Если, послѣ такихъ высматриваній, невѣста окажется вполнѣ соотвѣтствующею идеалу родителей жениха, то тогда уже они рѣшаются начать формальное сватовство. Для этой цѣли чаще всего избираются двѣ опытныя бабы, родственницы жениха. Въ урочный день свахи подпоясываются веревочными путами (которыми спутываютъ лошадей) и, помолясь Богу въ домѣ жениха, отправляются къ невѣстѣ. Идутъ они не прямою уличною дорогою, а такъ называемыми задами, около сараевъ и овиновъ. Подойдя къ дому невѣсты, онѣ осматриваются кругомъ, не видитъ ли ихъ кто. Если окажется, что ихъ кто либо видитъ, или если кто случайно встрѣтится съ ними, то это, на ихъ взглядъ, предвѣщаетъ неудачу, и онѣ возвращаются назадъ. Только въ случаѣ отсутствія этихъ не-

*) На существованіе подобнаго предъизбранія у другихъ славянъ указываютъ, между прочимъ, слѣдующія слова чешской пѣсни:

...Якъ еще тя колебали (качали въ колыбели),
А ужъ мнѣ тя слюбовали.

благопріятныхъ примѣтъ, свахи рѣшаются войти въ домъ невѣсты, и то съ заднихъ воротъ, а не съ передняго, выходящаго на улицу, крыльца. Войдя въ домъ невѣсты, онѣ садятся непремѣнно подъ матицу и объявляютъ, для чего пришли. Родные невѣсты угощаютъ ихъ чаемъ, водкой и закуской; между тѣмъ невѣста уходитъ въ другую избу или къ сосѣдямъ и остается тамъ, пока не уйдутъ свахи. Во время угощенія идетъ сватовство. Если родители или родственники дѣвушки согласны отдать ее за рекомендуемаго парня, то свахи приглашаютъ ихъ въ домъ жениха.

Вскорѣ послѣ этого, обыкновенно на другой же день послѣ визита свахъ, родители или родственники невѣсты отправляются въ домъ жениха мѣсто глядѣть. Тутъ ихъ сперва угощаютъ, а потомъ ведутъ по дому, по двору, по гумнамъ и сараямъ и показываютъ имъ все хозяйство. Если все это понравится роднымъ невѣсты, то между ними и родными жениха начинается договоръ относительно того, сколько будетъ отъ жениха денегъ невѣстѣ, сколько одёжи, платковъ, шубокъ и сколько водки на свадьбу,—однимъ словомъ, сколько будетъ такъ называемой „кладки". При этомъ договариваются еще, сколько разъ родные невѣсты должны дарить родныхъ жениха. Если съ обѣихъ сто̀ронъ послѣдуетъ соглашеніе, то молятся Богу и назначаютъ день ладовъ (сговора). Послѣ этого въ домѣ невѣсты начинаются суетливыя приготовленія. Къ невѣстѣ собираются ея подруги, готовятъ дары, строчатъ полотенца, подшиваютъ („подрубаютъ") платки.

Въ самый день ладовъ въ домѣ жениха и невѣсты идетъ стряпня, а вечеромъ женихъ съ родителями и родственниками идутъ къ невѣстѣ, взявъ съ собою водки, пироговъ и мяса. Здѣсь ихъ угощаютъ обѣдомъ, за которымъ и дарятъ по уговору. При этомъ подруги невѣсты поютъ:

— Соколы ли мои, соколы,
Соколы залетные!
Вы куда, куда летали?
— А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.

— Ужь и чтожь вы тамъ видѣли?
— А мы видѣли, видѣли
Сѣрую утицу на морѣ.
— Ужь и чтожь вы ее не поймали?
— А хоть мы ее и не по́ймали,—
Крылья перья повыщипали,
На сине море бросили.
— Вы купцы—молодцы,
Вы куда, куда ѣздили?
— А мы ѣздили, ѣздили
Съ города на̀ городъ ѣздили.
— Ужь и чтожь вы тамъ видѣли?
— А мы видѣли, видѣли
Красную дѣвицу въ теремѣ.
— А чтожь вы ее не взяли?
— А хоть мы ее не взяли,—
Рукобитьице сдѣлали,
Поручителей приставили.
Поручился по ней батюшка,
Поручилась по ней матушка.

Бѣлый заинька, горностаинька,
Што тебя въ зеленыхъ лужкахъ нѣтъ?
Или у тебя привадушка есть?
Што привадушка—бѣлая ластушка,
Што прива́дила бѣлаго заиньку,
Што заставила къ себѣ ходить,
Капустку носить.
Марьюшка, что тебя въ хороводахъ нѣтъ?
А заставила ты добраго молодца
Къ себѣ ходить,
Сладки прянички носить.

У стола, стола дубоваго,
Што у веркала хрустальнаго
Иванъ кудерки причосывалъ.

Онъ причосывалъ, приговаривалъ:
Прилегайте вы, мои кудерки
Къ моему ли тѣлу бѣлому,
Къ моему лицу румяному.
Привыкай-ка ты, Марьюшка,
Къ моему ли уму-разуму
И ко нраву молодецкому.

Въ чистомъ полѣ, на синемъ морѣ
Дѣвка воду носитъ.
Ай-ли, ай-ли, ай лёшуньки,—
Дѣвка воду носитъ.
Она носитъ,—не наноситъ,
Корамысла гнутся.
Ай-ли, ай-ли, ай-лёшуньки,
Корамысла гнутся.
А што же ты, корамысло,
Гнешься, не ломишься?
Ай-ли, ай-ли, ай-лёшуньки,
Гнешься, не ломишься?
А што же ты, Иванъ-сударь,
Долго не женишься?
Ай-ли, ай-ли, ай-лёшуньки,
Долго не женишься?
Я тебя, мой другъ,
Тебя дожидался.
Ай-ли, ай-ли, ай-лёшуньки,
Тебя дожидался.
А ты, мой другъ,
А ты подрастала.
Ай ли, ай ли, ай-лёшуньки,
А ты подрастала.
А ты подрастала.
Дары вышивала.
Ай-ли, ай-ли, ай-лёшуньки,
Дары вышивала.

По окончаніи обѣда, невѣста даритъ жениха лучшимъ полотенцемъ. Женихъ, принявъ отъ невѣсты этотъ даръ, цѣлуетъ ее за него. Затѣмъ къ ней подходятъ сваты и благодарятъ ее за хлѣбъ-за соль и за подарки; наконецъ женихъ и сваты прощаются и уходятъ. Невѣста провожаетъ жениха на крыльцо. Возвратясь съ подругами въ избу, она садится по конецъ стола и, склонивъ голову на руки, съ плачемъ причитаетъ:

Што пропили мою
Буйную головушку
За винную чарочку,
За хлѣбную скорочку.
Открасовалася моя головушка
Што во красныхъ во дѣвушкахъ
У кормильца у батюшки,
У родимой у матушки,
У желанныхъ братцевъ батюшекъ,
У невѣстушекъ-матушекъ.
Не нажить-то мнѣ такой волюшки,
Что у родимаго батюшки.

Подруги ее унимаютъ, но она ихъ не слушаетъ. Тогда подходятъ къ ней невѣстки и начинаютъ причитать:

Ужь ты, милая наша золовушка,
Ты повой, не разгадывай!
Што не знаешь ты,
Какъ въ чужихъ людяхъ жить.
Жить надо умѣючи,—
По старому и малому
Угодить надо.

Послѣ этого подруги тащатъ невѣсту отъ стола, а она, обращаясь къ нимъ, причитаетъ:

Ужь вы, милыя мои подруженьки,
Покрасуйтесь вы въ красныхъ дѣвушкахъ!
А моя-то краса миновалася,
Гульба дѣвичья рѣшилася.

Не нажить—то мнѣ такой волюшки,
Што во красныхъ во дѣвушкахъ.

На другой день невѣста встаетъ рано и опять начинаетъ причитать:

Ужь кормилецъ ты мой, желанный батюшка,
А за што ты на меня такъ прогнѣвался?
Ты родимая моя, желанная матушка,
За што ты на меня такъ обидѣлась?
Што закабалили вы мою буйную головушку,
Молоду вы меня въ чужи люди отдаете!
Или я у тебя, батюшка, закромъ хлѣба съѣла?
А у тебя, желанная матушка, много наряду износила?

Если братья невѣсты живутъ гдѣ-нибудь на сторонѣ на заработкахъ, то ихъ обыкновенно приглашаютъ къ ожидаемой свадьбѣ. Встрѣчая братьевъ, невѣста къ каждому изъ нихъ обращается съ слѣдующимъ причитаньемъ:

Ты поди, поди, желанный мой братецъ батюшка,
Къ моему-то горюшку великому!
Разговори ты своего батюшку,
Уговори ты свою матушку.
Ужь и чтожь они задумали?
Какую думу крѣпкую?
Што пропили мою буйную головушку
За винную чарочку.

Долго невѣста обвиваетъ руками шею то того, то другого брата, повторяя одни и тѣже причитанья, причемъ сами братья плачутъ.

Чрезъ нѣсколько времени въ домѣ невѣсты являются посланные отъ жениха и назначаютъ день свадьбы. Это называется притти съ отвѣстью. Съ этого времени невѣста каждый день утромъ и вечеромъ плачетъ, повторяя вышеприведенныя причитанья, заключающія въ себѣ обращеніе къ разнымъ близкимъ ей лицамъ.

Наканунѣ свадьбы, въ день дѣвичника, еще съ утра собираются къ невѣстѣ подруги и дѣлаютъ кýрникъ,—большой, круглый пирогъ. Пирогъ этотъ начиниваютъ гречневой кашей; кладутъ въ него цѣлую курицу, а сверху на-

крываютъ тонко раскатаннымъ тѣстомъ. На крышкѣ пирога налѣпливаютъ изъ прѣснаго тѣста кружки, кустики, фигуру человѣка, яйца и надъ ними, въ срединѣ пирога, курицу.

Изготовивъ все это, подруги съ гармоникой и веселыми пѣснями отправляются топить для нея баню. Въ банѣ онѣ, между прочимъ, поютъ:

Растопися банюшка,
Разгорися каменка!
Ужь ты, родимая матушка,
На што пиво варишь?
Ты зачѣмъ пирогъ печешь?
— А твоихъ гостей кормить,
Да тебя боярыню.

Истопивъ баню, дѣвушки идутъ домой принарядиться и затѣмъ отправляются къ жениху за мыломъ. Женихъ принимаетъ ихъ ласково и угощаетъ. Вмѣстѣ съ дѣвушками въ этомъ случаѣ являются двѣ-три молодыя женщины; имъ то собственно женихъ и вручаетъ фунтъ мыла и полотенце. Съ этими банными принадлежностями дѣвушки являются въ домъ невѣсты и тотчасъ же ведутъ ее въ баню. Впереди идутъ дѣвушки, распѣвая пѣсни; позади идетъ невѣста съ двумя замужними женщинами, которыя несутъ невѣстино бѣлье и водку съ закуской.

Въ банѣ подруги невѣсты пьютъ и закусываютъ, потомъ умываются полученнымъ отъ жениха мыломъ. Одна только невѣста моется какъ слѣдуетъ. *). Прійдя изъ бани домой съ тѣми же подругами, невѣста молится Богу, садится къ столу и начинаетъ плакать, причитая:

Ахъ спасибо тебѣ, мой кормилецъ батюшка,
Што на теплой на банюшкѣ,
А тебѣ, родимая матушка,
Што на шелковомъ вѣничкѣ.

---

*) Обрядъ мытья невѣсты въ банѣ соблюдается даже и въ томъ случаѣ, если дѣвичникъ прійдется въ праздникъ.

Подруги стараются при этомъ заглушать голосъ невѣсты своими пѣснями. Наконецъ невѣста встаетъ и, обращаясь къ подругамъ, говоритъ: „просимъ милости, красныя дѣвушки, ко мнѣ на послѣдній вечеръ“. Выслушавъ это приглашеніе, дѣвушки расходятся по домамъ. Здѣсь онѣ наряжаются и убираются самымъ тщательнымъ образомъ: надѣваютъ тонкія, бѣлыя рубашки, шерстяныя юбки, бѣлые передники; широко (въ нѣсколько пасмъ) заплетаютъ косы, вплетая въ нихъ алыя ленты; повязываютъ головы узко сложенными алыми платками; въ уши вкладываютъ лучшія серьги; на шею вѣшаютъ бусы; на руки надѣваютъ кольца и перстни. Нарядившись такимъ образомъ, онѣ приходятъ къ невѣстѣ и приносятъ съ собой ёлку, убранную разными лентами и цвѣтами. Елку эту онѣ втыкаютъ въ бутылку и ставятъ на столѣ, за который и сами садятся. Къ нимъ присаживается невѣста, одѣтая въ темное („печальное“) платье, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Она сидитъ, пригорюнившись, поникнувъ головой, а подруги поютъ:

Вы, цвѣты ли мои, цвѣтики,
Вы, цвѣты мои лазоревы!
Што и много васъ было посѣяно,
Што не много уродилося.
Много дѣвушекъ было во теремѣ,
Немного васъ осталося.
Што и не было у насъ измѣнницы—
Измѣнница Палагеюшка
Говорила: „въ монастырь пойду,
Въ монастырь пойду, въ монашенки,
А васъ, дѣвушки, съ собой возьму“...

Летѣли голуби черезъ домъ,
Ударили крыльями о терёмъ:
Дома ли, дома ли Марьюшка?
Мы сказали бы ей добрую вѣсть,—
Што Иванъ сударь собирается въ дорогу,
Проситъ у батюшки помогу,

Да сорокъ коней вороныхъ,
Да сорокъ каретъ золотыхъ,
Да сорокъ прислугъ молодыхъ.
Ходитъ Марья по двору; собрала подругъ,
Посадила ихъ за дубовый столъ,
А сама садилася выше всѣхъ;
Склонила головушку ниже всѣхъ,
Задумала думушку крѣпче всѣхъ.
Ну и какъ же въ чужихъ людяхъ жить?
Спѣси—гордости убавлю,
Ума ли разума прибавлю:
Назову я свекра батюшкой,
А свекровью—матушкой.

Пойду, пойду къ батюшкѣ—
Спрошуся;
Пойду, пойду къ матушкѣ—
Доложуся.
Пусти меня, матушка,
Погулять,
Зеленую рощицу
Посмотрѣть,
Поди, поди, дитятко,
Да не долго.
Пойду, пойду, матушка,
Да назадъ не буду,
Всѣ твои приказы
Позабуду.
Тамъ есть полечко
Дремливое,
Тамъ есть рощица
Сонливая.
Брала, брала ягоды,
Пріустала,
Пріуставши она
Пріуснула.
Случилося ѣхати Ивану.

Онъ коня свернулъ,
Плеточкой махнулъ:
Спи, моя умница, Акулина.
Ты не къ батюшкѣ
Идешь,—къ свекору,
Ты не къ матушкѣ
Идешь,—къ свекровьѣ;
Не къ братьямъ
Идешь,—къ деверьямъ;
Не къ сестрицамъ
Идешь,—къ золовкамъ.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Настасьиномъ дѣвишникѣ,
Прилеталъ тутъ ясенъ соколъ.
У окошечка садился онъ
На серебряну причалинку.
Причалинка обломилася,
Ясный соколъ встрепенулся,—
Никто не догадывался.
Догадалась одна матушка:
„Ты, дитё—ли мое, дитятко,
Ты, дитё—ли мое милое,
Приголубь ты ясна сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго".
Я—бы рада приголубила его, —
Мое сердце испугалося.

На горѣ-то стоитъ ёлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,
Во свѣтлицѣ красна дѣвица душа.
Она бѣлится, румянится,
Въ цвѣтно платье снаряжается.
Приходилъ къ ней братецъ ее.
— Ты пойдемъ, пойдемъ, Марья, домой.

— Я нейду, нейду, не слушаюсь тебя:
Рѣчки быстры, перевозу—нѣтъ,
Лѣса тёмны—караулу нѣтъ.
На горѣ-то стоитъ ёлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,
Во свѣтлицѣ красна дѣвица—душа,
Красна дѣвица, свѣтъ Марьюшка.
Она бѣлится, румянится,
Въ цвѣтно платье снаряжается.
Приходилъ къ ней Тимоѳей сударь,
Онъ звалъ Марьюшку домой.
— Ты пойдемъ, пойдемъ, Марья со мной.
— Я пойду, пойду, послушаюсь тебя:
Рѣки быстры—перевозы есть,
Лѣса темны—караулы есть.

Всѣ сидятъ за столомъ до тѣхъ поръ, пока придутъ родные жениха. Женихъ въ это время къ невѣстѣ не приходитъ, а остается дома и, созвавши къ себѣ парней, пожилыхъ мужиковъ и даже стариковъ, устраиваетъ для нихъ пирушку, которая называется молодешникомъ.—Когда родственники жениха приходятъ въ домъ невѣсты, она прячется отъ нихъ въ другую избу, а подруги остаются за столомъ съ своей ёлкой. Гости—сваты просятъ ихъ уступить имъ мѣсто, но онѣ требуютъ выкупа за столъ и за ёлку. Сваты шумятъ, торгуются и наконецъ, давъ выкупъ, берутъ ёлку и привѣшиваютъ ее къ матицѣ. Затѣмъ отецъ жениха возглашаетъ:

„Благослови Богъ
Рабамъ, рабынямъ
И намъ разинямъ“!

Послѣ этого всѣ гости садятся за столъ, и начинается шумная бесѣда и обильное угощеніе. Когда дойдетъ очередь до каши, то сваты требуютъ, чтобы имъ представили невѣсту. Невѣста выходитъ изъ засады, въ сопровожденіи какой либо родственницы, которая при этомъ несетъ „вторые выговоренные дары“. Подойдя къ столу, онѣ трижды

кланяются сватамъ и становятся по конецъ стола. Отецъ жениха наливаетъ стаканъ водки и подаетъ его невѣстѣ. Она съ поклономъ принимаетъ стаканъ и подноситъ ближе сидящему, болѣе почетному гостю. Затѣмъ ей наливаютъ второй стаканъ, который она подноситъ слѣдующему и т. д. Въ тоже время родственница невѣсты раздаетъ дары по предварительному распоряженію. Этотъ актъ называется пропóемъ невѣсты, или приводомъ невѣсты подъ стаканъ. Послѣ этой церемоніи невѣста подходитъ къ подругамъ (которыя обыкновенно не участвуютъ въ общей трапезѣ) и плачетъ:

Што пропили-то мою буйную головушку
За винную чарочку и проч. (см. выше).

Когда сваты уйдутъ, то собираютъ столъ дѣвушкамъ. Невѣста, наклонившись къ ковригѣ, положенной по срединѣ стола, причитаетъ:

Кормилецъ ты мой, родный батюшка,
Родимая ты моя, желанная матушка!
Соберите-ка вы бесѣдушку краснымъ дѣвушкамъ,
Всѣмъ моимъ подруженькамъ,
Чтобы люди не смѣялися.

Послѣ этого она съ поклономъ приглашаетъ подругъ застолъ: „Просимъ милости, красныя дѣвушки, хлѣба—соли кушать". Усадивъ ихъ за столъ, сама она не садится, а стоитъ и потчуетъ. Въ концѣ обѣда подается на столъ курникъ, а самая близкая родственница невѣсты или задушевная подруга раскрываетъ этотъ курникъ и даетъ по частямъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ, а бывшую въ немъ курицу разрѣзываетъ и даетъ близкимъ роднымъ невѣсты. Послѣ этого всѣ дѣвушки выходятъ на улицу, становятся въ рядъ противъ крыльца невѣсты и поютъ пѣсню:

Расхорошее житье,
Житье дѣвичье!
Што не на вѣкъ ты, житье,

Доставалося,
Во единый часъ, житье
Миновалося,—
Што проклятое житье бабье
Вѣковать осталося.

Въ это время невѣста стоитъ на крыльцѣ и плачетъ. Дѣвушки долго веселятся и водятъ хороводы. Наконецъ невѣста подходитъ къ нимъ и говоритъ: „прошу милости, милыя подруженьки, на теплый ночлегъ“. Подруги идутъ всѣ къ невѣстѣ и ночуютъ съ нею. Утромъ прежде всѣхъ встаетъ невѣста и начинаетъ будить своихъ родныхъ:

Встань-ка ты, вставай, мой кормилецъ батюшка!
Проснись, пробудись, моя родимая матушка!
Ужь на дворѣ-то заря, заря занимается.
Умывайтесь вы ключевой-то водой!
Утирайтесь вы тонкимъ бѣлымъ полотномъ!
Я-то, горькая, встала ранешенько,
Умылась я горючими слезами,
Утерлась я своимъ бѣлымъ рукавомъ.

Разбудивъ родныхъ, она подходитъ къ подругамъ:

Вы вставайте, мои милыя подруженьки,
На дворѣ-то заря, заря занимается!
Умывайтесь вы ключевой-то водой!
Утирайтесь вы тонкимъ бѣлымъ полотномъ!
Я-то, горькая, встала ранешенько,
Умылась я горючими слезами,
Утерлась я своимъ бѣлымъ рукавомъ.
Ахъ вы, милыя мои, милыя подруженьки,
Што, мягка ли вамъ была
Моя постелюшка?
Што, спалась ли вамъ
Темная ноченька?
А я-то, горькая,
Нонѣ мало спала,

Да нехорошъ сонъ видѣла:
Будто расплелась-то моя
Коса русая,
Выпадала-то изъ ней
Моя лента алая.

Когда подруги встанутъ, она имъ подаетъ мыло и полотенце. Онѣ умываются и садятся съ нею за столъ. Между тѣмъ мать, помолясь Богу, укладываетъ ей въ сундукъ нарядъ, при чемъ по угламъ сундука кладетъ деньги. Послѣ этого начинаютъ собирать невѣсту къ вѣнцу. Надѣваютъ на нее все новое и бѣлое. Потомъ одна изъ близкихъ ея подругъ подсаживается къ ней близко и начинаетъ развязывать и расплетать ей косу, а невѣста въ это время жалобно плачетъ, причитая:

Ахъ ты, милая, милая моя подруженька,
Не расплетай ты мою косу русую,
Не снимай красу дѣвичью,
Не вывязывай изъ ней мою ленту алую.
Какъ моя-то коса, коса русая,—недорóщеная,
Моя-то лента алая—недоношеная.

Волосы разбираютъ пасьмами, перевязываютъ ленточками, а вверху прикрѣпляютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ лентъ. При этомъ подруги поютъ пѣсню:

Не трубушка трубитъ рано на зарѣ,
Палагеюшка плачетъ по русóй косѣ.
А свѣтъ-моя косынька, коса русая!
Вечоръ тебя, косыньку, дѣвушки плели,
Вечоръ тебя, русую золотцемъ вили.
Пріѣхала свашенька немилостива,
Начала мою косыньку рвать и щипать,
Начала мою русую на двѣ раздѣлять.

Расплетши невѣстѣ косу, сажаютъ ее по конецъ стола. Мать выноситъ изъ другой каморки бѣлое миткалевое

покрывало, обшитое по краямъ бѣлымъ кружевомъ и шолковой ленточкой, кладетъ его невѣстѣ на голову и, со слезами на глазахъ, скрывается опять за перегородку. Близкая подруга или родственница—дѣвушка, беретъ покрывало, развертываетъ его и велитъ невѣстѣ перекреститься. Невѣста крестится и, вставъ съ лавки, жалобно голоситъ:

Ахъ ты, милая моя,
Любезная подруженька!
Не накрывай ты мою
Буйную головушку
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ,
Не снимай ты съ меня
Красы дѣвичьей.

Между тѣмъ мать невѣсты приготовляетъ ей одёжу—шубу или поддевку. Въ предотвращеніе колдовства, она затыкаетъ вдоль подола этой одежи двѣ новыхъ иголки, конецъ съ концомъ, а на концы иголокъ надѣваетъ бездонный напёрстокъ. Затѣмъ, для той же цѣли, невѣсту опоясываютъ по рубашкѣ клокомъ рыболовной сѣти. Когда невѣсту совсѣмъ соберутъ, тогда начинаютъ благословлять ее. Прежде всѣхъ благословляетъ ее отецъ, при чемъ невѣста голоситъ:

Я прошу-то у Бога Спаса милости,
А у тебя, кормилецъ батюшка,
Великаго благословеньица.
Благослови ты меня къ суду Божьему,
Златъ вѣнецъ принять.

Вслѣдъ за отцомъ благословляетъ невѣсту мать, а потомъ и всѣ прочіе родственники. Невѣста въ это время причитаетъ тоже самое, измѣняя только слова обращенія.

Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, то во время церемоніи благословенія она причитаетъ слѣдующее:

Ахъ, зайдите вы,
Тучи грозныя,

Вы пролейтеся
Дожди сильные,
А размойте вы
Пески жолтые.
Расколися, матушка
Гробовая ты доска,
Распахнися ты,
Тонко бѣло полотно.
Встань, проснись,
Мой кормилецъ батюшка (или кор—ца матушка).
Къ моему ли горю великому:
Собрать-то меня собрали,—
Благословить некому.

Послѣ благословенія невѣсты, кладутъ на лавку, за столомъ, овчинную шубу, шерстью вверхъ (одинъ изъ символовъ богатства). Тутъ невѣста опять причитаетъ:

Кормилецъ ты мой,
Родной батюшка,
Кормилица ты моя,
Родная матушка!
Не становите вы
Столы дубовые,
Не стелите на нихъ
Скатерти браныя:
Не княжна-то сядетъ, не боярыня,
А сяду-то я, горькая.

Потомъ невѣста садится за столъ на шубу; съ нею садятся ея подруги; высшее мѣсто за столомъ занимаетъ ея братъ, со скалою въ рукахъ. Начинается прощанье. Къ невѣстѣ подходитъ отецъ, цѣлуетъ ее и кладетъ въ поставленное передъ ней блюдо деньги. Послѣ него подходятъ къ невѣстѣ родные и знакомые, точно также цѣлуютъ ее и кладутъ въ блюдо деньги. Деньги эти выбираетъ изъ блюда сваха—погонючка и вручаетъ ихъ невѣстѣ. (Эти деньги невѣста беретъ съ собою, когда идетъ или ѣдетъ вѣнчаться). Затѣмъ всѣ въ молчаніи ждутъ жениха.

Между тѣмъ въ домѣ жениха тоже идутъ сборы и совершается благословеніе. Отецъ жениха, взявъ въ одну руку икону, а въ другую хлѣбъ, обращается къ роднымъ и зрителямъ: „Благословите, гостюшки званые и незваные и всѣ, Богомъ создáнные, молодого князя по суженную ѣхать, суженую взять, златъ вѣнецъ принять“. Всѣ ему отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ! Часъ добрый“! Дружкó кладетъ на лавку снопъ немолоченнаго овса и сажаетъ на него жениха, причемъ поется величальная пѣсня:

Боже мой, Боже,
Скуй намъ свадьбу,—
Боже моё!
Отъ сватова двора и до сватова
Лежатъ три путика:
По первому идетъ
Кузьма съ Демьяною;
По второму идутъ
Михайло съ Архангеломъ,
По третьему женихъ съ невѣстою—
Ко суду божьему,
Къ вѣнцу ко златому.

Пѣвицъ угощаютъ, и онѣ уходятъ изъ избы смотрѣть, какъ убираютъ лошадей. Приготовленіемъ лошадей для свадебнаго поѣзда занимаются родные и знакомые жениха. Лошадей для этого выбираютъ самыхъ лучшихъ и красивыхъ, и украшаютъ имъ гривы и холки лентами. Распредѣливъ, кому съ кѣмъ и гдѣ сидѣть во время поѣзда, велятъ подавать лошадей къ крыльцу. Затѣмъ всѣ собираются въ избу и садятся вокругъ стола. Рядомъ съ женихомъ, по правою сторону, садится дружкó, а по лѣвую—сваха. Сваха держитъ въ рукахъ деревянное блюдо. Въ это блюдо кладутъ гребешокъ, зеркальце, двѣ маковыхъ головки и сыплютъ хмѣль.

Посидѣвъ немного, всѣ встаютъ, молятся Богу, выходятъ изъ-за стола и становятся возлѣ него группой. Женихъ читаетъ вслухъ Сонъ Богородицы. Если же онъ не

знаетъ этого „стиха“, то за него читаетъ кто-нибудь изъ родныхъ. Отецъ и мать жениха, съ иконой и хлѣбомъ, выходятъ изъ избы и трижды обходятъ вокругъ лошадей. Возвратясь въ избу, они выводятъ жениха съ поѣзжанами—садиться на коней. Мать жениха, подойдя къ тройкѣ, на которой долженъ помѣститься женихъ, кланяется коренной три раза въ ноги и говоритъ: „Конь-лошадь добрая, сбереги моихъ дѣтушекъ!“ Проговоривъ это, она посыпаетъ лошадей хмѣлемъ и вспрыскиваетъ пивомъ. Затѣмъ дружко кладетъ въ телѣгу (или сани) снопъ овса и сажаетъ на него жениха. Вмѣстѣ съ женихомъ садятся дружко и сваха. Когда всѣ усядутся, поѣздъ трогается въ путь.

Когда поѣздъ подъѣдетъ къ деревнѣ, гдѣ находится невѣста, его встрѣчаетъ толпа народа и загораживаетъ ему дорогу жердью или длинною веревкою. (Это называется сдѣлать околичную. Если женихъ и невѣста изъ одной и той же деревни, то околичную устраиваютъ среди улицы). Поѣздъ останавливается. Околичники громко требуютъ съ поѣзжанъ водки, угрожая, въ противномъ случаѣ, не пропустить поѣздъ. Нужно замѣтить, что на задней подводѣ, запряженной въ одиночку, ставятъ обыкновенно сундукъ съ водкой и пирогами. Дружко указываетъ околичникамъ на заднюю подводу; тѣ бросаются къ ней, и тамъ ихъ угощаютъ. Послѣ этого жердь или веревка принимаются съ дороги, раздается громкое благожеланіе околичниковъ: „часъ добрый молодому князю!“—и задержанный поѣздъ двигается впередъ. Вмѣсто того, чтобы прямо подъѣхать къ крыльцу невѣсты, поѣздъ быстро пролетаетъ по дорогѣ мимо него. Это значитъ,—женихъ катается. Заслышавъ звукъ колокольчиковъ, невѣста начинаетъ голосить, причитая:

Не радуйся, родимая матушка,
Звонкимъ колокольчикамъ:
Не сына ты женишь, не сноху ведешь,—
Отдаешь ты своего посла вѣрнаго,
Посла вѣрнаго, непритворнаго.

Когда поѣздъ наконецъ подъѣзжаетъ къ крыльцу невѣсты, отецъ и мать ея встрѣчаютъ поѣзжанъ съ иконою и

хлѣбомъ и торжественно вводятъ всѣхъ въ домъ. Дружко съ женихомъ и свахой подходитъ къ столу и, обращаясь къ подругамъ невѣсты, говоритъ: „красныя дѣвушки, уступите намъ мѣсто! Вамъ честь вчера была“. Затѣмъ онъ обращается къ брату невѣсты.—„А ты, молодчикъ, зачѣмъ здѣсь со скалкой сидишь?—„Меня посадили сестрину косу продавать“.—„А свой дорого просить будешь? Надо еще посмотрѣть, хороша-ли коса-то,—было бы за что деньги отдать“... Взглянувъ на косу невѣсты, украшенную лентами, онъ продолжаетъ: „Коса-то неприглядная, растрепанная, только ленты и хороши; ужь такъ и быть, нужно купить“. Онъ достаетъ копѣекъ 50 и предлагаетъ ихъ брату невѣсты. Тотъ, сильно ударивъ скалкою по столу, кричитъ: „Мало! мы гребешковъ болѣ того перекупили“. Невѣста при этомъ причитаетъ:

Ахъ ты, желанный мой
Братецъ батюшка,
Не продавай ты мою
Косу русую:
Какъ моя-то коса—
Недорощеная,
Моя лента алая—
Недоношеная.

Братъ нѣсколько разъ требуетъ прибавки за косу сестры и наконецъ, удовлетворившись данною ему суммою, оставляетъ свое мѣсто и уходитъ. Послѣ этого дѣвушки начинаютъ требовать себѣ денегъ за то, что шили на невѣсту. Дружко расплачивается и съ ними. Когда дѣвушки, простившись съ невѣстой, выйдутъ изъ-за стола, тогда дружко кладетъ на лавку, позади невѣсты, немолоченный снопъ овса. Затѣмъ онъ беретъ жениха за руку, становится съ нимъ на лавку и, усадивъ жениха и невѣсту на снопъ, садится и самъ рядомъ съ женихомъ. Садятся и всѣ поѣзжане. Дружко требуетъ себѣ пирогъ, полотенце и поясъ. Ему все это подаютъ. Онъ беретъ ножикъ и говоритъ: „благослови, Господи, молодому князю каравай кроить“. Срѣзавъ

съ пирога четыре краюшки, онъ беретъ у свахи блюдо и кладетъ въ нее эти краюшки. Изъ того же блюда онъ вынимаетъ маковыя головки и пускаетъ ихъ въ особую чашку съ водой. Поставивъ чашку на столъ противъ жениха и невѣсты, онъ говоритъ: „какъ эти головки сплылись рядомъ, такъ и вы живите ладомъ". Затѣмъ дружко нагинаетъ головы жениха и невѣсты одну къ другой, беретъ блюдо съ краюшками, хмѣлемъ и проч. и, стукнувъ имъ по макушкамъ жениха и невѣсты, произноситъ: „люби, какъ душу, а тряси, какъ грушу". Послѣ этого онъ накрываетъ блюдо платкомъ и отдаетъ свахѣ, а пирогъ обертываетъ полотенцемъ и свиваетъ поясомъ, какъ младенца, причемъ приговариваетъ: „дай Богъ вамъ сынка да дочку". Сказавъ это, дружко кладетъ пирогъ на полку. Потомъ подается закуска или обѣдъ. Одна изъ стряпухъ вымазываетъ себѣ лицо и руки сажей и подаетъ кушанье. Дружко̀, взглянувъ на нее, говоритъ: „свашенька-матушка, ты, знать, нынче трубу обметала". На это свашенька отвѣчаетъ: „сватушка, около горшковъ вся я вымаралась, а умыться некогда и нечѣмъ". Дружко даетъ ей кусокъ мыла и полотенце: „на, свашенька, умойся поди"! Та беретъ и благодаритъ. Потомъ мать невѣсты даетъ дочери и жениху ея по новой ложкѣ и говоритъ: „вотъ вамъ, дѣтушки, по лошади: было-бъ на чемъ къ намъ въ гости ѣздить". Сваха беретъ эти ложки и кладетъ въ свое блюдо. Послѣ этого мать невѣсты даритъ жениха деньгами, приговаривая: „дарю тебя даромъ не большимъ, а малымъ. Малое принимай, а большаго ожидай. Вотъ тебѣ, затюшка-батюшка, золотую гривну: купи коня, соху, борону, паши землю, корми мою дочь". Кромѣ того, она даритъ его холстомъ. Потомъ отецъ невѣсты беретъ правую руку дочери и вручаетъ ее жениху. Тогда невѣста горько голоситъ:

Ахъ, кормилецъ ты мой,
Родной батюшка,
Не вручай ты мою
Руку правую
Чужому-то дитю,

Не отдавай ты меня
Къ чужому отцу съ матерью.

Наконецъ дружко, помолясь Богу, произноситъ: „ну, сватушка, благодаримъ за хлѣбъ-за-соль! Вамъ счастливо оставаться, а намъ нужно отправляться“. Послѣ этого онъ выводитъ изъ-за стола жениха и невѣсту. Невѣста въ это время причитаетъ:

Спасибо тебѣ, мой кормилецъ батюшка,
За хлѣбъ-за соль,
А тебѣ, родная матушка,
На цвѣтномъ платьицѣ.
Не прошу то я у васъ
Ни злата, ни серебра,
А прошу-то я у васъ
Великаго благословеньица.
Благословите вы меня
Къ суду Божьему,
Златъ вѣнецъ принять.

Отецъ и мать невѣсты плачутъ и, съ иконой и хлѣбомъ-солью, выходятъ изъ избы впереди всѣхъ. Невѣста, предъ выходомъ изъ дома, бросаетъ подъ столъ свой носовой платокъ. Это значитъ—о с т а в и т ь г о р е у о т ц а в ъ д о м ѣ, ч т о б ы з а м у ж е м ъ ж и т ь в е с е л о. Затѣмъ всѣ, крестясь, выходятъ изъ избы. Въ сѣняхъ толпа зрителей разступается, чтобы дать дорогу процессіи. Невѣста при этомъ голоситъ и причитаетъ:

Не сторонитесь вы,
Люди добрые:
Не княжна то идетъ,
Не боярыня,
А иду-то я, горькая.
Благословите вы меня,
Всѣ люди добрые,
Сосѣдушки ближніе,
Къ суду Божьему,
Златъ вѣнецъ принять.

Всѣ ей кланяются и желаютъ счастья. Передъ тѣмъ какъ садиться въ экипажъ, невѣста причитаетъ:

Кормилецъ ты мой, батюшка,
Желанная моя, родная матушка,
Не попомните моей грубости,
Простите меня за глупость дѣвичью.

Влѣзши на телѣгу или на сани, она, стоя, молится на всѣ четыре стороны и, отвѣсивъ всѣмъ низкій поклонъ, опять голоситъ и причитаетъ:

Благословите вы меня,
Люди добрые,
Къ суду Божьему
Златъ вѣнецъ принять.

Поѣздъ катитъ къ церкви, причитанья невѣсты смолкаютъ. Родители невѣсты вмѣстѣ съ нѣсколькими родственниками ея смотрятъ вслѣдъ поѣзда и плачутъ. Затѣмъ они приглашаютъ сосѣдей, угощаютъ ихъ и начинаютъ собираться на пиръ къ свату (отцу жениха). Въ это время приготовляютъ невѣстѣ постель. Постель эта состоитъ изъ снопа ржаной соломы, подушки и двухъ хлопяныхъ дерюгъ: одна изъ нихъ—вмѣсто перины, другая—вмѣсто одѣяла *). Лица, назначенныя везти эти постельныя принадлежности въ домъ жениха вмѣстѣ съ сундукомъ, въ которомъ уложено остальное приданое невѣсты,—называются **дерюжниками**.

Когда свадебный поѣздъ подъѣдетъ къ церкви, дружко вмѣстѣ съ мужиками—поѣзжанами отправляется къ священнику, а женихъ съ невѣстой и свахой остаются сидѣть на своей тройкѣ. Дружко хлопочетъ о подпискѣ **обыска** и даетъ причту,—кромѣ условленной платы за вѣнчанье,—водки, мяса и пироговъ. Покончивъ все это, онъ подходитъ къ жениху и беретъ его за руку; женихъ въ свою очередь беретъ за руку невѣсту, и всѣ трое направляются впереди всѣхъ въ церковь. За ними идетъ сваха, а за свахой всѣ остальные поѣзжане.

Совершается обрядъ вѣнчанія.

---

*) Этимъ, вѣроятно, объясняется слѣдующее обстоятельство. Когда окажется, что мужъ не по характеру женѣ, то она говоритъ ему: **отдай мою дерюжку и подушку,— я къ матушкѣ пойду**».

Послѣ вѣнчанія, если женихъ изъ села, священникъ провожаетъ молодыхъ до дома жениха въ вѣнцахъ; если же изъ деревни, то молодыхъ ставятъ въ церкви къ сторонкѣ и начинаютъ убирать молодую. Съ нея снимаютъ покрывало, и она закрываетъ себѣ лицо платкомъ. Сваха вынимаетъ изъ своего блюда гребешокъ и чешетъ голову сперва молодому, потомъ молодой. Расчесавъ ей волосы, сваха подзываетъ къ себѣ дружко и говоритъ: „Ну ка, дружко, пройми рядокъ-то, осеребри молодой головушку". Дружко вынимаетъ серебряную монету, ею пронимаетъ на головѣ молодой рядъ и затѣмъ отдаетъ ей эту монету. Послѣ этого свахи (одна со стороны жениха, другая со стороны невѣсты) заплетаютъ молодой двѣ косы, обвертываютъ ихъ кругомъ головы, надѣваютъ ей на голову бархатный или парчевый сборникъ и обвязываютъ голову узко сложеннымъ, алымъ шелковымъ платкомъ. Затѣмъ молодой подаютъ зеркальце, чтобъ она посмотрѣла въ него на свой новый головной уборъ. Наконецъ, покрывъ молодую покрываломъ, везутъ ее въ домъ молодого.

Отецъ и мать молодыхъ встрѣчаютъ ихъ на крыльцѣ съ иконой и хлѣбомъ и вводятъ въ домъ, гдѣ уже накрытъ столъ. Дружко усаживаетъ молодыхъ за столъ и возглашаетъ: „Сватушка, у нашихъ молодыхъ есть свои лошади и свой хлѣбъ". При этомъ онъ достаетъ у свахи изъ блюда ложки, подаренныя матерью невѣсты, и краюшки отъ того самаго пирога, который онъ, предъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, рѣзалъ въ ея домѣ. Эти ложки и краюшки онъ подкладываетъ молодымъ Впрочемъ, молодые недолго сидятъ за этимъ столомъ; ихъ тотчасъ же отдѣляютъ отъ гостей и выводятъ въ другую избу. Тамъ уже, въ обществѣ дружка и свахи, имъ предлагается полный обѣдъ. Во время обѣда сюда приходятъ отецъ и мать молодого. Молодые выходятъ изъ-за стола и падаютъ имъ въ ноги. Старики, взявъ по стакану водки, долго не пьютъ ея, а стоятъ—мнутся, приговариваютъ: „горько, мутно, стаканы не полно налиты" и т. п. Это называется: старики калйнятся. Во все это время молодые продолжаютъ лежать у ихъ ногъ. Наконецъ старики говорятъ: „Ну-те-ка, дѣтушки, встаньте,

да подсластите намъ". Молодые встають и цѣлуются. Тогда старики выпивають свои стаканы и уходять.

Во время свадебнаго пира поются различныя пѣсни, содержаніе которыхъ примѣняется то къ новобрачнымъ, то къ свекору и свекрови, то къ дружко и свахѣ, то къ наиболѣе виднымъ гостямъ.

Пѣсни „молодымъ" (новобрачнымъ).

Шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Алексѣй-сударь къ сердцу жметъ.
— Скажи, скажи, Марьюшка,
Кто тебѣ сердцу милъ?
— Милымъ-то милешенька
Матушка моя.
— Не правду ты молвишь,
Не рѣчь говоришь.
Шелковая ниточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Алексѣй-сударь къ сердцу жметъ.
— Скажи, скажи, Марьюшка,
Кто тебѣ сердцу милъ?
— Милымъ то милешенекъ
Алексѣй-сударь.
— Правду, правду молвишь,
Ты рѣчь говоришь.

У голубя у сизова
Золотая голова;
У голубки, у голубки
Позолоченая.
Черными шелкомъ
Перестроченая,
Алой лентой
Перевязанная.
У Сергѣя, у Сергѣя,
Расхорошая жена.
Ему братья и сусѣди
Позавидовали.

Кабы эта, кабы эта
Да моя жена была,
Я купилъ бы, я купилъ бы
Пару вороныхъ коней,
Все ямскихъ лошадей;
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкѣ возилъ,
А зимою, а зимою
На расписанныхъ саняхъ.
Сани писанныя,
Съ Москвы присланныя.
Извощики молодые,
Погоняйте поскорѣе
Чтобы кони бѣгли,
Молоду жену везли,
Молоду жену—
Марьюшку—душу.

Не буёнъ вѣтеръ
Рябинушку дуетъ,
И ой лёли, и ой-лёли,
Рябинушку дуетъ
Краснымъ солнцемъ
Рябинушку сушитъ.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Рябинушку сушитъ.
Частымъ дождемъ
Рябинушку мочитъ.
И ой лёли, и ой-лёли,
Рябинушку мочитъ.
Семенъ—сударь, Семенъ—сударь
Въ Москву отъѣзжаетъ.
И ой-лёли и ой-лёли,
Въ Москву отъѣзжаетъ.
Со дороженьки, со дороженьки
Онъ письмецо пишетъ.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Онъ письмецо пишетъ.

Живи, моя Настя,
Живи, не печалься.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Живи, не печалься.
Живи, моя любезная,
Въ тоску не вдавайся.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Въ тоску не вдавайся.
Я самъ къ тебѣ, я самъ къ тебѣ
Скорёшенько буду.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Скорешенько буду.
Пойду—выйду за ворота—
Все луга, болота.
И ой-лёли, и ой лёли,
Все луга, болота.
Пойду выйду за новыя—
Луга зеленые.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Луга зеленые.
Пойду-выйду въ чисто поле,
Семенъ-сударь ѣдетъ.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Семенъ-сударь ѣдетъ.
На немъ шапка, на немъ шапка,
Что золото сьяетъ.
И ой-лёли, и ой-лёли,
Что золото сьяетъ.
Подъ нимъ конекъ, подъ нимъ конекъ,
Что соколъ, летаетъ.
И ой-лёли, и ой лёли,
Что соколъ летаетъ.

Какъ по сѣнямъ сѣнюшкамъ,
По новымъ переходочкамъ.
Ахъ алѝ, ахъ алѝ-алѝ,
По новымъ переходочкамъ,—

Тутъ ходила-погуливала
Молодая боярыня.
Ахъ-алй, ахъ...и проч.
Молодая боярыня.
Молодая боярыня,
Что Аксинья-свѣтъ Ивановна.
Ахъ-алй... и проч.
Что Аксинья-свѣтъ Ивановна.
Она будила, пробуживала
Своего ли друга милаго.
Ахъ алй... и проч.
Своего ли друга милаго,
Что Ивана-свѣтъ Борисыча.
Ахъ-алй... и проч.
Что Ивана-свѣтъ Борисыча.
— Встань, проснися,
Мой милый другъ,
Пробудися, моя ластушка
Ахъ-алй... и проч.
Пробудися, моя ластушка,
Оторвался твой воронъ конь
Отъ столба, столба дубоваго.
Ахъ-алй... и проч.
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колечка полужонаго.
Ахъ алй... и проч.
Отъ колечка полужонаго.
Пересигнулъ черезъ тынъ на огородъ,
Повалилъ и золотой тынъ.
Ахъ-алй... и проч.
Повалилъ и золотой тынъ.
Потопталъ и зеленый садъ,
Со калиною, съ малиною,
— „Не тужи ты, моя умница,
Ахъ-алй... и проч.
Не тужи ты, моя умница,
Не тужи, моя разумница.
Я поѣду въ каменнў Москву,

Ахъ алй..., и проч.
Я поѣду въ каменну Москву.
Я куплю тебѣ золотой тынъ.
Я куплю тебѣ зеленый садъ.
Ахъ-алй... и проч.
Со калиною, малиною,
Съ черной ягодой-смородиной.
Ахъ-алй... и проч.
Съ черной ягодой-смородиной".

Поднялися вѣтры буйные,
Разметали въ саду яблоньку.
Ай-люли, ай-люли—
Разметали въ саду яблоньку.
Отломилися два сучка,
Откатилися два яблочка.
Ай-люли, ай-люли—
Откатилися два яблочка.
Какъ первое яблочко—
Королю-ли королевичу,
Ай-люли, ай люли,
Королю-ли королевичу,
Что Ивану Пантелѣичу.
А другое яблочко
Королихѣ королеевнѣ.
Ай-люли, ай люли,
Что Аринѣ Тимофеевнѣ.
По блюдечку катаются,
Ровно сахаръ разсыпаются.

Да и кто у насъ
Большой—нáбольшій,
Да и кто у насъ
Управителемъ?
У насъ Петръ-сударь,
Большой—нáбольшій,

Что Кондратьичъ управителемъ.
Собирается въ путь дороженьку.
Онъ приказывалъ своего коня
Своей Марьюшкѣ.
— „Ты напой коня
Изъ ведерочки“.
Его Марьюшка
Не послушалась,
Повела коня
Въ чисто поле,
На синё море.
Сине морюшко
Всколыхнулося,
Бѣлая рыбица
Встрепенулася,
А свѣтъ Марьюшка
Испугалася.
„Ну и какъ мнѣ быть,
Какъ домой притить?
У меня ль младой
Свекоръ батюшка,
Свекровь матушка“.

А ктожь у насъ
Въ гости ѣзжалъ,
Да ктожь у насъ
На ворономъ конѣ?
Семенъ—сударь въ гости ѣзжалъ,
Степановичъ на ворономъ конѣ.
Прасковьюшка стояла у воротъ,
А Ивановна у правой вереи.
— „Прасковьюшка, перейми моего
Коня воронаго“.
— „Хочу перейму, хочу—нѣтъ;
За вчерашнюю нагрубу за твою,
Что не ходишь на постель мою.
Безъ тебя, мой другъ,

Постелька холодна,
Одѣяльце заиндивѣло,
Подушечка потонула во слезахъ.
Тебя, мой другъ, дожидаючи,
Свое сердце проклинаючи".

Что на морѣ утёнушка
Плавала.
Напередъ ее селезенушка
Заплывалъ,
Онъ въ глазушки утенушкѣ
Зазиралъ.
— Да куда жь ты, моя утенушка,
Хороша!
Да куда жь, сѣренькая,
Пригожа!
— Я тобою, селезенюшка,
Хороша,
Я тобою, мой сизенькій,
Пригожа.
Что не подвору по широкому
Авдотьюшка ходила.
Напередъ ее Алексѣй заходилъ;
Онъ въ глазушки Авдотьюшкѣ
Зазиралъ.
— Да кудажь ты, моя Авдотьюшка,
Хороша!
Да кудажь ты, моя Ивановна,
Убрана!
— Я тобою, Алексѣй,
Хороша,
Я тобою, Ивановичъ,
Убрана.

У рюмочки, у серебряной,
Золотой у ней вѣнёчикъ.
У Ивана дорогой разумъ-обычай:

Гдѣ ни пьетъ, ни гуляетъ,
Ночевать домой ходитъ.
— Настасьюшка, встрѣнь милаго друга.
— Нѣтъ время, сударь, встрѣтить:
А я сына качаю,
Перемѣны чаю,
А я дочь качаю,
Перепутья чаю.
Куда, ни поѣду,
А къ дочкѣ заѣду.

Свекору съ свекровьей.

Плавала чара во сладкомъ меду.
Никто за эту чару не примется.
Принимался Николай сударь,
Подносилъ онъ Дунюшкѣ своей.
— Выкушай, другъ мой, Дунюшка.
— Право, сударь, не хочется,
Вѣрное слово,—не можется.
Я нынѣ въ ночи мало спала,
Да сонъ видѣла:
Будто у насъ на широкомъ дворѣ
Выросла трава шелковая,
Расцвѣли цвѣтики алые,
Ходитъ сизый павлинъ съ павою.
— Выкушай, другъ мой, Дунюшка,
Я твой сонъ разсужу,
Разсужу, рѣчью разскажу.
Шелкова трава,—
Что люди при насъ;
Аленькіе цвѣтики,—
Что дѣтки у насъ;
Сизый павлинъ,—
Что я у тебя,
Сизая пава,—
Что ты у меня.

Свахѣ.

Какъ на нашей сватьѣ
Дорогое платье.
Ахъ-лёшуньки-лёли,
Дорогое платье.
Только бъ нашей сватьѣ
При городѣ жити,
Ай-лёшуньки-лёли,
При городѣ жити,
Въ торгу торговати.
Ай-лёшуньки-лёли,
Въ торгу торговати —
Шелкомъ и бумагой,
Кумачемъ китайкой.

Дружко.

Аленькій мой цвѣтикъ,
Лазоревый, дорогой,
Люли, люли,
Лазоревый, дорогой.
Гдѣжь тебя посадить,
Да чѣмъ тебя поливать?
Люли, люли,
Да чѣмъ тебя поливать?
Посажу я цвѣтикъ
Въ огородѣ, во саду,
Люли, люли,
Въ огородѣ, во саду.
Я полью, я полью
Ключевою водой,
Люли, люли,
Ключевою водой.
Дорогой мой гостёкъ,
Гдѣжь тебя посадить?
Люли, люли,

Да гдѣ жь тебя посадить?
Да чѣмъ тебя угостить?
Посажу, посажу во горенку во нову,
Люли, люли,
Во горенку во нову.
Накормлю, накормлю
Крупитчатымъ пирогомъ,
Люли, люли,
Крупитчатымъ пирогомъ.
Напою, напою
Французскою водкой,
Люли, люли,
Французскою водкой.

Холостымъ.

А ктожь у насъ не женатъ?
А ктожь у насъ холостой,
И ой-лёли, холостой?
У насъ Сидоръ не женатъ,
Васильевичъ холостой,
И ой-лёли холостой.
И ой-лёли, холостой.
На немъ сюртукъ голубой,
И ой-лёли, голубой.
Въ рукахъ платокъ шелковой,
И ой-лёли шелковой.
Въ платочкѣ три узла.
И ой-лёли, три узла.
Въ одномъ узлѣ бѣлилы,
И ой-лёли бѣлилы.
Въ другомъ узлѣ румяны,
И ой-лёли румяны.
Въ третьемъ узлѣ любъ-трава,
И ой-лёли любъ-трава.
— На чтожь тебѣ бѣлилы,
И ой-лёли бѣлилы?

— Чтобъ я, молодецъ, бѣлѣе былъ,
И ой-лёли, бѣлѣе былъ.
— На чтожь тебѣ румяны,
И ой-лёли румяны?
— Чтобъ я, молодецъ, румянъ былъ,
И ой-лёли, румянъ былъ.
— На чтожь тебѣ любъ-трава,
И ой-лёли, любъ-трава?
— Чтобы дѣвки, любили,
И ой-лёли, любили,—
Молодушки хвалили,
И ой-лёли, хвалили.

Вдовцамъ.

Звонкое деревцо
Кипарисное.
Звончѣй его
Въ лѣсу не было.
Умная головушка—
Что Степанъ-сударь,
Умнѣй его
Въ роду не было.
Только бы ему
Да суды судить,
Только бы ему
Старшиною быть.

Наконецъ пріѣзжаютъ изъ дома молодой „пировые“ дерюжники съ постелью и сундукомъ. Положивъ снопъ, подушку и дерюги на сундукъ, они тщательно оберегаютъ все это у крыльца, въ ожиданіи дружка и свахи. Выходятъ къ нимъ дружко и сваха съ водкой и закуской, угощаютъ ихъ и начинаютъ выкупать товаръ. „Ну-ка, свашенька,— говоритъ дружко,—давай-ка посмотримъ, каковъ товаръ намъ привезли. Твое дѣло бабье,—ты смотри дерюги: хороши ли, часты ли онѣ, было бы за что деньги давать; а я посмотрю

сундукъ, что въ немъ есть: было бы намъ чѣмъ руки утереть и есть ли тамъ рубаха—перемываха; онѣ вѣдь завтра нужны будутъ“. Поднявъ сундукъ, дружко говоритъ: Ого, тяжелъ! видно не пустой; можно купить“. Онъ даетъ “дерюшникамъ“ денегъ и тащитъ сундукъ въ избу; сваха несетъ за нимъ снопъ, дерюги и подушку. Въ избѣ дружко и сваха продѣваютъ шестъ сквозь снопъ, сверху перекидываютъ дерюги, на нихъ кладутъ подушку и, взявшись за концы шеста, несутъ все это въ клѣть, гдѣ и устраиваютъ молодымъ постель. Затѣмъ, окончивъ пиръ и уложивъ молодыхъ, всѣ разъѣзжаются по домамъ.

Утромъ слѣдующаго дня, въ ожиданіи, пока молодые встанутъ, въ домѣ свекра совершаются разныя проказы: въ избѣ насорятъ соломы, набросаютъ черепковъ и всякаго хламу, воду въ домѣ выльютъ всю до капли, такъ что нечѣмъ умыться. Лишь только молодые встанутъ и успѣютъ нарядиться, имъ даютъ ушатъ и посылаютъ ихъ за водой. За ними идетъ сваха и дружко; послѣдній несетъ съ собой водку, веревку и ложку. Толпа народа сопровождаетъ эту процессію. Когда молодые подойдутъ къ колодезю, дружко навязываетъ на веревку ложку и начинаетъ доставать ею воду. Чтобъ отмѣнить этотъ мучительный способъ наливанья воды, молодая покрываетъ ушатъ двумя полотенцами крестообразно. Это—даръ дружку. Снявъ съ ушата полотенца, дружко наливаетъ въ него воду уже ведромъ. Когда ушатъ наполнится водой, молодые берутъ его и несутъ домой. Но вотъ кто-либо изъ толпы подбѣгаетъ къ нимъ, опрокидываетъ у нихъ ушатъ,—и молодые снова идутъ къ колодезю за водой. Чтобъ эта исторія менѣе повторялась, дружко спѣшитъ умилостивить познодѣевъ водкой. Когда молодые наконецъ принесутъ воду въ домъ, гости обливаютъ этой водой свекра и свекровь съ ногъ до головы и вымазываютъ ихъ сажей. Молодая подноситъ своимъ новымъ родителямъ въ даръ бѣлье. Послѣ этого свекровь кладетъ подъ столъ пирогъ и заставляетъ молодую мести избу. Когда молодая станетъ выметать изъ подъ стола и увидитъ тамъ пирогъ, то скажетъ: „Вотъ, говорили, что у батюшки—свекра хлѣба нѣтъ, а онъ у него ажъ по полу валяется“.

После этой церемоніи молодой одинъ отправляется къ тестю приглашать его съ тещей въ гости. Это называется: молодой въ позыватые идетъ. Теща даритъ ему холстъ. Онъ благодаритъ ее и кланяется ей въ ноги. Проводивъ зятя, тесть съ тещей начинаютъ собираться къ нему въ гости. При этомъ они наряжаютъ курицу въ красные лоскутья и берутъ ее съ собой. Это такъ называемая придáнка. Молодые выходятъ встрѣчать этихъ гостей на крыльцо, съ гостинцами, и ведутъ ихъ въ избу на пиръ. Пиръ этотъ обыкновенно называется раннее. Пируютъ размашисто и долго. По окончаніи пира, тесть съ тещей приглашаютъ молодыхъ и сватовъ съ себѣ. Затѣмъ всѣ гости съ пѣснею: „Во пиру была, во бесѣдушкѣ"... отправляются по домамъ. Черезъ нѣсколько времени, въ тотъ же день, молодые вмѣстѣ съ отцемъ (свекромъ), родными, сосѣдями и знакомыми ѣдутъ пировать къ родителямъ молодой. Здѣсь молодые остаются на ночь. На утро (на третій день послѣ свадьбы) за ними пріѣзжаютъ и везутъ ихъ къ отцу молодого, пригласивъ вмѣстѣ съ ними и родителей молодой. Тутъ снова устраивается пиръ, который называется отводнымъ. На этомъ пиру присутствуютъ уже только близкіе родственники молодой и молодого. Этимъ пиромъ и заканчивается свадебное торжество.

Г. Недѣтовскій.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПРИМѢРЫ НЕОБЫКНОВЕННО РАННЯГО УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ У ДѢТЕЙ.

„Правительственный Вѣстникъ“ со словъ иностранныхъ газетъ, именно по итальянской литературѣ—передаетъ объ извѣстномъ знаменитомъ представителѣ XIX вѣка графѣ Джіакомо Леопарди весьма интересное біографическое извѣстіе. Родился онъ въ небольшомъ романскомъ городкѣ Реканати, расположенномъ у подножья Аппенинъ, неподалеку отъ Адріатическаго моря. Отецъ его, Мональдо Леопарди, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, къ этому времени обѣднѣвшаго. Онъ былъ, человѣкъ литературно-образованный и самъ пользовался въ итальянской литературѣ нѣкоторою извѣстностью, какъ публицистъ-клерикалъ. Мать поэта, графиня Аделаида, принадлежала по рожденію къ семейству маркизовъ Античи.

Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ воспитаніе Джіакомо было поручено родителями аббату Джузепе Торресу. Девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ переданъ на попеченіе другому воспитателю—мексиканскому іезуиту Себастіану Санкини. По словамъ одного изъ своихъ біографовъ, Леопарди въ томъ возрастѣ, когда обыкновенныя дѣти едва начинаютъ читать, занимался уже съ самостоятельностью взрослаго человѣка. Пытливый умъ мальчика поражалъ всѣхъ окружающихъ. Да и было чему изумляться: восьми лѣтъ, Джіакомо „нашелъ неудовлетворительнымъ руководство, по которому учился латинскому языку, и отбросивъ грамматику, принялся изучать латинскихъ писателей съ помощью лексикона, а скоро даже и безъ этой помощи“. Къ четырнадцатилѣтнему возрасту ученикъ успѣлъ не только постигнуть всю схоластическую премудрость, знакомую его учителямъ, но и переросъ ихъ знаніями настолько, что Санкини долженъ былъ прекратить свои занятія съ нимъ. И тогда феноменальный по степени своего умственнаго развитія юноша, окруживъ себя грамматиками и словарями, самостоятельно изучилъ въ два года шесть языковъ: греческій, французскій, испанскій,

англійскій нѣмецкій и еврейскій,—послѣ чего отдался изученію классической филологіи. Богатая библіотека отца была единственнымъ его руководителемъ въ данномъ случаѣ. Въ 1814 году шестнадцатилѣтній Джіакомо Леопарди возстановилъ подлинный греческій текстъ и перевелъ на латинскій языкъ „Жизнь Плотина“ Порфирія. Собственныя комментаріи юнаго переводчика оказались настолько серьезными, что впослѣдствіи ими воспользовался для третьяго тома своего труда о Плотинѣ извѣстный нѣмецкій филологъ Георгъ Крейцеръ, авторъ „Symbolik und Mythologie der alten Völker“.

Въ теченіе трехъ лѣтъ Леопарди продолжалъ съ блестящимъ успѣхомъ начатое изученіе классической филологіи. Переводы, переложеніе, комментированіе риторовъ II вѣка и первыхъ отцовъ Церкви до Евсевія, побудили Джіакомо къ составленію самостоятельнаго „Изслѣдованія о народныхъ легендахъ древнихъ“. Выступивъ съ этимъ трудомъ въ печати, онъ возбудилъ общій интересъ въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ. Бартольдъ Нибусъ, знаменитый нѣмецкій историкъ, авторъ четырехъ томовъ „Римской исторіи“, пожелавшій впослѣдствіи познакомиться съ авторомъ „Saggio sopra egli errori dagli antichi“, былъ пораженъ когда—вмѣсто убѣленнаго сѣдинами изслѣдователя—увидѣлъ предъ собою юношу, почти мальчика.

Отъ изученія классическихъ авторовъ юный Леопарди скоро перешелъ къ самостоятельному поэтическому творчеству. Первыми опытами его въ этомъ родѣ были подражанія идилліямъ Мосха и одамъ Анакреона и переложенія отрывковъ изъ „Энеиды“ и „Одиссеи“.

До этого времени вся жизнь Леопарди проходила въ полномъ одиночествѣ. У него не было друзей дѣтства; ихъ замѣняли книги, которымъ онъ и отдавался съ какою-то неудержимою страстностью. Онъ росъ лишенный ласковаго вниманія окружающихъ: отецъ былъ слишкомъ углубленъ въ собственные интересы; мать, передавъ мальчика чуть не прямо изъ колыбели заботамъ отцовъ іезуитовъ, словно считала поконченными всѣ свои обязанности по отношенію къ нему. Братъ и сестра сторонились отъ Джіакомо, совершенно не

подходившаго къ нимъ по своей необыкновенной натурѣ. Одиночество, преждевременное умственное развитіе, неудовлетворенность окружающимъ, жалкое политическое положеніе родины, все соединенными усиліями выработало изъ Джіакомо пессимиста.

Въ 1818 году появилась въ печати знаменитая ода „Къ Италіи", переведенная на всѣ европейскіе языки. Послѣдовавшія за этой одою стихотворенія „Къ памятнику Данте" (постановка котораго тогда готовилась во Флоренціи) и „Къ Анджело Маи" (открывшему сочиненіе Цицерона „О республикѣ") явились какъ бы дополненіемъ къ прославившему поэта произведенію.

Въ 1822 году Джіакомо Леопарди былъ отправленъ отцомъ въ Римъ. Здѣсь поэтъ нашелъ поддержку въ пользовавшемся большимъ вѣсомъ среди римскаго общества Нибурѣ. Отецъ мечталъ о блестящей духовной карьерѣ сына,— къ чему послѣдній не питалъ ни малѣйшей склонности. Престарѣлый нѣмецкій историкъ, отнесшійся къ учено-литературнымъ опытамъ юноши съ восторженнымъ изумленіемъ предлагалъ ему переселиться въ Берлинъ и занять каѳедру итальянской литературы; но поэтъ не согласился уѣхать изъ Италіи. Въ это время онъ былъ занятъ подготовленіемъ перваго изданія своихъ стихотвореній. Ни служба при папскомъ дворѣ, ни профессорская дѣятельность не плѣняли его опредѣленностью своего положенія. Въ 1824-мъ году появился первый сборникъ поэтическихъ произведеній Леопарди, завоевавшій автору славу и за предѣлами Италіи.

Положеніе поэта становилось почти невыносимымъ, при его необычайно пылкомъ воображеніи. Онъ сталъ мечтать о самоубійствѣ, какъ о единственномъ способѣ найти исходъ изъ окружающаго мрака жизни. Вѣроятно, въ это время и вылилось изъ-подъ его пера стихотвореніе „Къ самому себѣ", въ которомъ онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что единственный даръ судьбы человѣчеству, это—смерть. „Воспоминаніе", „Воскресеніе", „Любовь и Смерть" были написаны здѣсь же. Послѣдніе ученые труды поэта („Мученичество свв. отцовъ и „Рѣчи Гемиста Плетона") появились въ это же время.

Весною 1830 года поэтъ рано пережилъ всѣ мечты своей молодости. Состояніе здоровья его было таково, что онъ не могъ уже ни читать, ни писать, ни даже диктовать. Дружба съ Антоніо Раніери, молодымъ писателемъ, располагавшимъ значительными средствами, дала возможность провести великому поэту послѣдніе годы жизни безъ матеріальныхъ лишеній. Четыре года совмѣстнаго скитанія по Италіи поддержали медленно умиравшаго Джіакомо Леопарди.

14-го іюня 1837 года Леопарди скончался на рукахъ Раніери и его сестры. Чахотка, съ водянкою, подкосили надорванныя силы страдальца: онъ умеръ внезапно посреди обѣда въ обществѣ вѣрныхъ друзей. „Дневникъ его болѣзни“, замѣнившій съ 1832 года лѣтопись его жизни, оборвался. Послѣднія слова Леопарди напоминаютъ предсмертное восклицаніе Гёте. Онъ произнесъ умирая: „Я плохо вижу! Откройте окно! Я жажду свѣта!..“

ОТВѢТЪ РЕЦЕНЗЕНТУ.

Въ концѣ 1896 года я издалъ брошюру подъ заглавіемъ „къ ученію о періодахъ съ приложеніемъ сборника періодовъ". Мнѣ желательно было выслушать мнѣніе компетентныхъ людей объ интересующемъ меня вопросѣ, но время проходило, а въ педагогическихъ журналахъ замѣтокъ по поводу моей брошюры не появлялось. Наконецъ, спустя лишь полтора года, въ мартовской книжкѣ журнала „Русская Школа" за 1898 годъ напечатана коротенькая замѣтка по поводу моего „ученія о періодахъ". Замѣтка составлена наскоро, бѣгло, поверхностно, не отличается основательностью сужденій и вовсе не выясняетъ сущности дѣла. Считаю себя вынужденнымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ.

Занимаясь преподаваніемъ русскаго языка, я неизбѣжно встрѣтился съ той сбивчивостью и неопредѣленностью, какая существуетъ въ нашей учебной литературѣ въ ученіи о періодахъ. Въ своей брошюрѣ я указалъ на то обстоятельство, подтверждающи свои указанія цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ. Рецензентъ „Русской Школы", г. Налимовъ, соглашаясь въ этомъ со мною, говоритъ, что „лучше всего было бы отказаться отъ статьи о періодахъ".

Можетъ быть, это и дѣйствительно такъ,—но если учебными программами эта статья требуется; если составители учебниковъ, всѣ безъ исключенія, помѣщаютъ ее въ своихъ курсахъ, если наконецъ статья о періодахъ составляетъ предметъ обученія въ школѣ,—то оспаривать ее нельзя. Г. Налимовъ справедливо замѣчаетъ, что подробное изученіе періодовъ „мучаетъ ученика непосильною отвлеченною работою и затрудняетъ преподавателя". Этотъ упрекъ относится къ существующему порядку. Вслѣдствіе этого тѣмъ болѣе необходимо подвергнуть разсмотрѣнію ученіе о періодахъ.

Мнѣ казалось, что неопредѣленность въ существующемъ ученіи о періодахъ въ значительной степени разсѣется, если

это ученіе сблизить съ ученіемъ о предложеніи. Это основная мысль моей брошюры. Какъ же г. Налимовъ отзывается объ этой моей мысли?—Сначала онъ говоритъ, что я со своимъ „мудрствованіемъ“ остаюсь при той же путаницѣ, а черезъ нѣсколько строкъ ниже говоритъ: „можетъ быть, тутъ дѣйствительно сближеніе періодовъ съ предложеніями выигрывало“. Но въ этомъ именно заключается весь вопросъ. Если „выигрывало“, значитъ мой пріемъ основателенъ, или по крайней мѣрѣ заслуживаетъ вниманія и повѣрки, если же я остаюсь при той же путаницѣ, то при чемъ тутъ это „выигрывало“? Одно другому противорѣчитъ. Во всякомъ случаѣ на это мое мудрствованіе слѣдовало обратить вниманіе. Если же это не сдѣлано, значитъ г. Налимовъ не коснулся сущности дѣла. Въ коротенькой журнальной замѣткѣ можно было не касаться второстепенныхъ сторонъ, можно было не высказывать различныхъ и совершенно ненужныхъ предположеній о моихъ вкусахъ, можно было удержаться отъ остротъ, совершенно неумѣстныхъ при серьёзномъ отношеніи къ дѣлу,—но главной стороны предмета слѣдовало коснуться непремѣнно.

Я предлагалъ сблизить опредѣленіе періодовъ съ опредѣленіемъ предложеній. Рецензентъ „Русской Школы“ говоритъ, что опредѣленіе предложеній тоже не основано на строгой точной логической почвѣ, на всесторонне полныхъ психологическихъ положеніяхъ. Традиціонными грамматическими рубриками нельзя охватить живое человѣческое мышленіе.

На это я ничего возражать не буду; замѣчу только,—если на этомъ основаніи рецензентъ находитъ, что лучше отказаться отъ статьи о періодахъ, тогда—надо быть послѣдовательнымъ—надо отказаться и отъ статьи о предложеніяхъ, тѣмъ болѣе что статья эта еще въ большей степени отличается „страннымъ крохоборствомъ“, какъ не кстати выражается г. Налимовъ. Но зачѣмъ останавливаться на полдорогѣ? Г. Налимовъ вѣроятно читалъ рецензію г. Южакова на учебники по русскому языку (въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго богатства“ за 1897 годъ). Тамъ фактически указано, какая путаница существуетъ въ нашихъ грамматикахъ

въ опредѣленіяхъ склоненій, спряженій, видовъ, залоговъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Конечно, надо отказаться отъ этимологіи. Это уже слишкомъ простой способъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Рецензентъ говоритъ, что изучать періоды—вообще дѣло схоластическое, безполезное, но изучать періоды Карамзина или даже Лермонтова полезно.

До сихъ поръ еще никто не высказывалъ этой мысли. Въ школахъ изучали произведенія Карамзина, его языкъ и стиль, но спеціально карамзинскихъ періодовъ никто не изучалъ. Я воображаю, какая это была бы однообразная и скучная работа, особливо при подавляющей массѣ матеріала, представляемаго сочиненіями Карамзина! Но пусть такъ. Какую же пользу извлекутъ учащіеся, изучивъ, положимъ, потомки періодовъ писателя, который жилъ сто лѣтъ назадъ? Если имѣется въ виду дать понятіе учащимся объ изящномъ слогѣ, который они приняли бы за образецъ, то для этого надо изучать не Карамзина и тѣмъ болѣе не его періоды: прозою Карамзина уже давно никто не пишетъ; но для этого надо изучать произведенія Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Тургенева, Гончарова и другихъ болѣе позднихъ писателей. И не періоды только выбирать для изученія, но изучать вообще стиль произведеній этихъ писателей. Если же стать на историческую почву, то почему ограничиться однимъ Карамзинымъ? Почему не изучать періодовъ Гоголя, церковныхъ писателей нынѣшняго и прошлаго столѣтія? Почему не изучать періодовъ Ломоносова? Съ другой стороны, какъ изучать періоды того или другого писателя, отказавшись отъ изученія періодовъ вообще, отказавшись отъ „традиціонныхъ грамматическихъ рубрикъ, которыми нельзя охватить живое человѣческое мышленіе“? Наконецъ когда ихъ изучать, если средняя школа, по словамъ рецензента, не имѣетъ для этого досуга?

Рецензентъ говоритъ, что составленный мною „сборникъ періодовъ“ не выдерживаетъ эстетической критики.

Повѣримъ рецензенту на слово, но это всетаки еще ничего не доказываетъ. Если не годится примѣръ, это не значитъ, что не годится правило. Примѣръ можетъ быть

неудаченъ, но онъ всегда можетъ быть замѣненъ другимъ, болѣе удачнымъ. Г. Налимову слѣдовало доказать, что правило не годится, что предложенный мною пріемъ не разсѣиваетъ хаоса. Назвать же мою мысль „мудрствованіемъ" и тѣмъ ограничиться, привлести не кстати Цицерона и Гоголя, которыхъ я въ своей брошюрѣ вовсе не касался, приплести какіе-то „клочки изъ старой догматической логики"—по меньшей мѣрѣ опрометчиво. Мнѣ кажется, что съ большимъ правомъ можно было бы назвать мудрствованіемъ мысль г. Налимова объ изученіи періодовъ Карамзина.

Нельзя ставить на видъ того, что я выискивалъ примѣры „повсюду и вездѣ", или что я заимствовалъ матеріалъ у писателей „невыдающихся стилистовъ". Во-первыхъ, я заимствовалъ примѣры періодовъ тамъ, гдѣ находилъ ихъ, если считалъ этотъ матеріалъ пригоднымъ для намѣченной цѣли. Во вторыхъ, у „выдающихся стилистовъ" тоже попадаются промахи въ стилистическомъ отношеніи, равно какъ у писателей „не стилистовъ" можно находить прекрасно составленные образцы періодовъ. За примѣрами ходить недалеко. Загоскинъ вообще не считается выдающимся стилистомъ, между тѣмъ его періодъ вошелъ чуть не во всѣ учебники по теоріи сочиненія. Заимствованный мною отрывокъ изъ „Кіевлянина" представляетъ примѣръ именно такого удачно составленнаго періода! Если я привелъ одинъ примѣръ изъ „Семейныхъ вечеровъ", то это примѣръ не періода, а неискусно составленнаго длиннаго предложенія для сравненія съ періодомъ, о чемъ я и упомянулъ въ заключительныхъ строкахъ моей брошюры, но рецензентъ, при поверхностномъ знакомствѣ съ нею, не обратилъ на это вниманія и по странному недоразумѣнію говоритъ не то, что хотѣлъ сказать. (По словамъ г. Налимова выходитъ, что у неискусно составленные примѣры тоже надо заимствовать „выдающихся стилистовъ").

Впрочемъ рецензентъ не только поверхностно отнесся къ моей брошюрѣ, но онъ не постарался вникнуть въ смыслъ и собственной рецензіи. Какъ, напримѣръ, понять эту его фразу: „Созидая ученіе о періодахъ,... въ концѣ

концовъ и учителя, и школьники просто—на-просто разгадываютъ загадки, въ какую форму одѣта та или другая мысль"? Элементарная грамматика учитъ, что сокращеніе придаточнаго обстоятельственнаго предложенія, означающаго время дѣйствія, возможно въ томъ случаѣ, если подлежащее въ главномъ и придаточномъ предложеніи одно и то же. Вникнувъ въ смыслъ указаннаго предложенія, легко убѣдиться, что упрекъ, высказанный рецензентомъ, относится не ко мнѣ, но къ учителямъ и школьникамъ (вѣроятно, рецензентъ хотѣлъ сказать: учащимся?). Очевидно, г. Налимовъ говоритъ не то, что хотѣлъ сказать. А какимъ наставительнымъ тономъ страницей раньше онъ заявляетъ: „въ грамматическихъ опредѣленіяхъ каждое слово должно быть на счету".

Г. Налимовъ замѣчаетъ, что составленный мною „сборникъ періодовъ" не отличается „идейной содержательностью".

Я смотрю на дѣло такимъ образомъ.—Въ своей брошюрѣ я проводилъ извѣстную идею: сблизить ученіе о періодахъ съ ученіемъ о предложеніяхъ. Если предложенные мною примѣры служатъ для подтвержденія этой идеи, или этого „мудрствованія", какъ выражается г. Налимовъ, то она идейной содержательностью отличается. Но г. Налимовъ на это не обратилъ вниманія; онъ только мимоходомъ замѣтилъ: „можетъ быть, тутъ дѣйствительно сближеніе періодовъ съ предложеніями выигрывало". Про какую-либо идейную содержательность второстепенную мнѣ не было основанія хлопотать въ равной степени. Свои примѣры я заимствовалъ изъ исторіи русской литературы и изъ описаній русской жизни; но если мнѣ попадался интересный примѣръ внѣ этой сферы, или же если въ этой сферѣ я не находилъ того, что мнѣ было нужно, то я, не стѣсняясь преслѣдованіемъ второстепенной идеи, заимствовалъ матеріалъ изъ иной сферы. Бо́льшее количество примѣровъ взято мною у Тургенева, г. Острогорскаго (изъ его прекрасной книги: „Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ) и у проф. Пыпина; на ряду съ этимъ я заимствовалъ примѣры у Бѣлин-

скаго, Милюкова, Аксакова, Гончарова, Майкова, Некрасова, Грота (изъ его книги: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи“...) и др. въ томъ числѣ изъ журналовъ „Кіевлянина“, „Трудовъ“—(приложеніе къ журналу: „Всемірная Иллюстрація“), географической хрестоматіи Малинина.

Заимствуя примѣры „повсюду и вездѣ“, я, пожалуй, имѣлъ въ виду второстепенную идею. Если въ учебникахъ по теоріи сочиненія заимствуются періоды изъ Карамзина исключительно или преимущественно, то этимъ самымъ какъ бы дается понять, что эта форма словеснаго выраженія мыслей свойственна только Карамзину; тогда какъ въ дѣйствительности это не вѣрно.—Къ такому способу изложенія мыслей, незамѣтно, помимо своей воли обращается всякій образованный человѣкъ, при самыхъ разнообразныхъ душевныхъ настроеніяхъ. Встрѣчаются періоды у бытописателя, который „спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ“, и у критика, который съ душевнымъ жаромъ говоритъ о достоинствахъ или недостаткахъ того или иного литературнаго произведенія, того или иного явленія жизни. Встрѣчаются періоды у писателей, беллетристовъ, произведеніями которыхъ зачитывается всякій любознательный человѣкъ, встрѣчаются у людей ученыхъ, встрѣчаются и въ журнальныхъ статьяхъ. Ясно отсюда, что періодъ является формою словеснаго выраженія мыслей, не чуждой русскому языку вообще. И „упомянуть лишь о смыслѣ такого термина“, какъ говоритъ г. Налимовъ, будетъ слишкомъ недостаточно.

З. О—въ.

Гекуба.

А цѣло-ль золото, что онъ привезъ съ собой?

Полиместоръ.

Да, цѣло. Стерегутъ его въ моемъ дворцѣ.

Гекуба.

Такъ стереги-жъ и не желай чужихъ сокровищъ!

Полиместоръ.

Къ чему? Пусть въ прокъ мнѣ будетъ то, что самъ имѣю.

Гекуба.

Такъ знаешь, что хочу сказать тебѣ и дѣтямъ?

Полиместоръ.

Не знаю я. Слова твои покажутъ это.

Гекуба.

Ты правъ. Ты прежде былъ мнѣ дорогъ, какъ теперь.

Полиместоръ.

И что же за секретъ съ дѣтьми узнать я долженъ?

Гекуба.

Есть древнее хранилище богатствъ Пріама.

Полиместоръ.

Такъ ты объ этомъ хочешь сыну сообщить?

Гекуба.

Да, чрезъ тебя: вѣдь ты благочестивый мужъ.

Полиместоръ.

Къ чему-жъ присутствіе моихъ дѣтей тутъ надо?

Гекуба.

Полезнѣй знать и имъ: вѣдь можешь ты скончаться.

Полиместоръ.

Прекрасно сказано и очень мудро!

Гекуба.

Ты знаешь ли, гдѣ храмъ Аѳины въ Троѣ?

Полиместоръ.

Такъ тамъ то золото? какая же примѣта?

Гекуба.

Тамъ черная скала высоко надъ землей.

Полиместоръ.

И что еще объ этомъ мнѣ сказать ты хочешь?

Гекуба.

Изъ Трои деньги я взяла. Прошу сберечь ихъ.

Полиместоръ.

Но гдѣ-жъ онѣ? Ты, можетъ, спрятала ихъ въ платьѣ?

Гекуба.

Нѣтъ, здѣсь въ палаткахъ, въ грудѣ той добычи.

Полиместоръ.

Но гдѣ-жъ? Кругомъ меня морской ахейскій лагерь.

Гекуба.

Нѣтъ, тамъ особо есть палатки плѣнницъ.

Полиместоръ.

Внутри тамъ безопасно-ль? Есть-ли тамъ мужчины?

Гекуба.

Внутри тамъ нѣтъ ахейцевъ. Мы однѣ лишь тамъ.
Иди-жъ въ палатку. Вѣдь аргивяне ужъ жаждутъ
Снять якорь и поплыть на родину свою.
Ты сдѣлаешь, что нужно, и уйдешь съ дѣтьми
Туда, гдѣ сына моего оставилъ ты [1]).

(Уходятъ).

Хоръ.

Еще ты не наказанъ, скоро пострадаешь.
Падаютъ въ море безбрежное, внизъ наклонившись:
Такъ упадешь ты въ пропасть, жизни лишившись.
Кто освященный богомъ завѣтъ нарушаетъ,
Гибель, ужасная гибель того ожидаетъ.
Обманчива надежда! этотъ путь тебя
На смерть лишь поведетъ, гдѣ мрачная страна
Аида. Дряхлая тебя сразитъ рука.

---

[1]) Злая иронія, понятная только зрителямъ, а не Полиместору.

П о л и м е с т о р ъ.

(Кричитъ изъ палатки).

Ай, ай! лишаютъ глазъ меня, сіянья дня.

П о л у х о р ъ.

Подруги, слышали вы крикъ ѳракійца?

П о л и м е с т о р ъ.

(Снова кричитъ изъ палатки).

Еще дѣтей губить? ахъ, гнусное убійство!

П о л у х о р ъ.

Подруги, тамъ опять бѣда въ палаткѣ.

П о л и м е с т о р ъ.

(Продолжаетъ кричать изъ палатки).

Нѣтъ, бѣгство никакое не спасетъ васъ:
Ударю, развалю всю внутренность палатки.

П о л у х о р ъ.

Смотри; вотъ страшною рукой онъ бросилъ камень:
Такъ побѣжимъ скорѣй. Уже пора:
Гекуба и троянки насъ зовутъ на помощь.

Г е к у б а.

(Выходитъ изъ палатки).

Ломай безжалостно и вырви двери.
Не засверкнутъ уже зрачки въ твоихъ глазахъ.
Дѣтей ужъ не увидишь: ихъ убила я.

Хоръ.

Ты справилась съ ѳракійцемъ? верхъ надъ нимъ взяла?
Ты все ли сдѣлала, что только что сказала?

Гекуба.

Сейчасъ его увидишь предъ палаткой.
Онъ слѣпъ и неувѣренно шагаетъ.
Увидишь двухъ его дѣтей, что я убила
Съ храбрѣйшими троянками. Ужъ онъ наказанъ.

(Полиместоръ выходитъ).

Ты видишь! Вотъ идетъ онъ изъ палатки.
Но я уйду, я стану дальше отъ ѳракійца.
Кипитъ онъ гнѣвомъ: трудно справиться мнѣ съ нимъ:

Полиместоръ.

Увы, увы! о, гдѣ мнѣ стать?
Куда итти, куда пристать?
Я долженъ ужъ ползти теперь,
Какъ на горѣ вскормленный звѣрь,
И на рукахъ
И на ногахъ.
По этому-ль итти пути
Иль направлять туда стопы?
Троянокъ тѣхъ схватить хочу,
Что причинили мнѣ бѣду,
Троянки, горе! горе вамъ!
Проклятыя! скрылись по угламъ,
Дрожатъ онѣ отъ страха тамъ.
Солнце, кровавыя вѣки мои,
Солнце, слѣпые глаза излечи.
Снова мнѣ свѣтъ, дневной свѣтъ, возврати.
Тише, тише! осторожные шаги
Услыхалъ я; то тѣ женщины пришли.
Такъ куда жъ мнѣ устремиться,

Чтобъ ихъ крови мнѣ напиться?
Пиръ такой себѣ устрою,
Словно звѣрь; позоръ свой смою
Лишь ихъ гибелью одною.
Но куда я ухожу?
Дѣти тамъ лежатъ одни:
Ихъ тѣ адскія вакханки [2])
Растерзаютъ на куски,
Изъ кусковъ ихъ мяса
Будетъ пиръ кровавый псамъ,
Лишь безжалостно дѣтей
Разбросаютъ по горамъ.
Куда итти и гдѣ мнѣ спать?
Куда пристать?
Какъ, быстро входятъ въ гавань корабли,
Когда ужъ съ нихъ снимаютъ паруса:
Такъ къ милымъ дѣтямъ скоро брошусь я
Кровавыя тѣла ихъ стеречь.

Хоръ.

Несчастный ты! твои страданія несносны,
За гнусный свой поступокъ горько ты наказанъ.
Гнѣвъ Божій надъ тобою тяготитъ.

Полиместоръ.

У васъ, ѳракійцы вы мои,
Есть копья, кони есть свои;
Вы всѣ въ войнѣ закалены.
Ахейцы и Атрида два!
Я громко васъ зову сюда.
Ахъ, ради Бога, прибѣгите!
Слыхать? не стойте, помогите!
Ударъ троянки нанесли,
Которыхъ въ плѣнъ вы увели.

---

[2]) Такъ Полиместоръ въ гнѣвѣ называетъ троянокъ.

О муки страшныя мои!
Позорная моя судьба!
Куда уйду, направлюсь я?
Я-бъ хотѣлъ высоко, высоко, улетѣть,
Гдѣ обитель боговъ, гдѣ небесная твердь.
Гдѣ создѣздья Оріонъ и Сирій пылаютъ,
Гдѣ, какъ яркое пламя, лучи ихъ сверкаютъ,
Или, можетъ, къ Аиду низринуся я,
Въ ту, страну, гдѣ не свѣтятъ лучи никогда.

Х о р ъ.

Когда чьи муки выше силы человѣка,
Простительно тому разстаться съ жизнью горькой.

Агамемнонъ.

Я услыхалъ твой крикъ и прибѣжалъ на помощь.
Поднялось эхо, шумное дитя скалы.
По стану нашему то эхо прогремѣло.
Не знай мы, что твердыни Трои намъ сдались,
Тотъ шумъ на насъ навелъ бы панику большую.

Полиместоръ.

Мой Агамемнонъ! я по голосу узналъ
Тебя. Смотри-жъ въ какомъ я жалкомъ положеньи.

Агамемнонъ.

Кто погубилъ тебя, несчастный Полиместоръ?
Кто ослѣпилъ? Кто вѣки окровавилъ
И кто дѣтей твоихъ убилъ? Кто-бъ ни былъ то,
Онъ, видно, на тебя и на дѣтей былъ въ гнѣвѣ.

Полиместоръ.

Гекуба съ помощью троянокъ погубила
Меня. Не только погубила, даже больше.

Агамемнонъ.

(Обращаясь къ Гекубѣ).

Какъ? ты виновница такого преступленья,
Гекуба? ты рѣшилась на такой проступокъ?

Полиместоръ.

А что на это скажешь мнѣ? Она вблизи?
Скажи-же, гдѣ она. Схвачу ее руками,
Я разорву ее и тѣло окровавлю.

Агамемнонъ.

Нѣтъ, погоди ты! что съ тобой?

Полиместоръ.

Молю тебя я, ради Бога, Агамемнонъ,
Позволь мнѣ съ яростью рукой ее ударить.

Агамемнонъ.

Нѣтъ, стой. Изъ головы ты выбрось эту дикость.
Ты объяснись. Я выслушаю васъ обоихъ
И съ правдой разсмотрю причины мукъ твоихъ.

Полиместоръ.

Начну. Среди дѣтей Пріама и Гекубы
Былъ младшій Полидоръ: отецъ его, предвидя
Паденье Трои, мнѣ отдалъ его въ опеку.
Его то я убилъ. Въ поступкѣ томъ увидишь
Предусмотрительность мою и разумъ.
Боялся, я, что выростетъ въ немъ врагъ тебѣ,
Кто на развалинахъ воздвигнетъ Иліонъ,
Боялся, что ахейцы вновь пойдутъ подъ Трою,
Узнавъ, что есть наслѣдникъ у Пріама.

Потопчутъ снова намъ ѳракійскія поля,
Угонятъ скотъ, и всѣ сосѣди Трои
Вновь пострадаютъ такъ, какъ мы теперь страдаемъ.
Гекуба, услыхавъ объ убіеньѣ сына,
Меня въ палатку заманила подъ предлогомъ
Раскрыть, гдѣ у Пріама золотые клады.
Меня съ дѣтьми однихъ она ввела къ себѣ,
Дабы никто не зналъ того секрета.
И лишь нагнулся я, чтобъ на кровати сѣсть,
Усѣлась подлѣ тутъ толпа троянокъ,
Какъ возлѣ друга, справа отъ меня и слѣва.
Однѣ мой плащъ схватили и хвалили ткань
Эдонскую [3]), разсматривали плащъ на солнцѣ;
Другія же мечу ѳракійскому дивились,
И вскорѣ этихъ двухъ защитъ лишился я.
Замужнія троянки съ умиленіемъ
Дѣтей моихъ качали на рукахъ, бросая
Ихъ съ руки на руку, чтобъ отъ меня унесть ихъ.
Но вдругъ затихли умилительныя ласки,
И что-жъ? онѣ кинжалы вынули изъ платьевъ,
Дѣтей моихъ пронзили, а меня другія
Схватили съ яростью за руки и за ноги,
Я порывался броситься на помощь дѣтямъ,
Но только поднималъ я голову свою,
Онѣ тотчасъ меня за волосы хватали.
Рукой я двину,—тщетно все въ такой толпѣ.
Но вотъ въ концѣ вѣнецъ ужасныхъ мукъ моихъ.
Великое то было преступленье
Онѣ безжалостно крючками прокололи
Въ глазахъ моихъ зрачки, ихъ окровавили
И разбѣжались по палаткѣ. Я-жъ вскочилъ,
Какъ левъ; я бросился на тѣхъ собакъ преступныхъ;
По всѣмъ угламъ я рылся, какъ охотникъ,
Стучалъ, ломалъ, за преданность къ тебѣ страдаю:
Вѣдь твоего врага убилъ я, Агамемнонъ.
Я не желаю долго говорить теперь,

[3]) Т. е. ѳракійскую.

Все зло, что женщинамъ приписывали мы,
Что можно намъ о нихъ сказать теперь иль впредь,
Все это зло я такъ изображу тутъ вкратцѣ:
Ни море, ни земля не носитъ большей язвы,
Лишь тотъ ихъ знаетъ, кто дѣла заводитъ съ ними.

Хоръ.

Не слишкомъ увлекайся. За свои несчастья
Всѣхъ женщинъ ты не поноси такъ сильно
Хотя средь насъ найдешь ты множество порочныхъ,
Но много есть средь насъ, что возбуждаютъ зависть.

Гекуба.

О еслибъ, Агамемнонъ, никогда
Среди людей не брало верхъ надъ дѣломъ слово!
О доблести своей пусть скажетъ честный мужъ,
Преступный пусть себя своею рѣчью выдастъ.
Пусть зла не представляютъ намъ въ хорошемъ свѣтѣ.
Софисты ложное искусство изучили,
Но тѣмъ искусникамъ недолго продержаться:
Готова гибель имъ, никто пока не спасся.
Тебѣ сказала я свой приступъ, Агамемнонъ.
Теперь я начинаю возражать ему.
Такъ ради Агамемнона убилъ ты сына,
Чтобъ не усугублять трудовъ ахеянъ?
Безстыдникъ ты! во-первыхъ никогда
Друзьями эллинамъ не станутъ варвары:
Вѣдь то немыслимо. Такъ въ чьихъ же интересахъ
Ты горячился такъ? въ виду ли брака съ кѣмъ?
Въ угоду ли родному? гдѣ-жъ мотивъ къ тому?
Не тотъ ли, что могли-бъ ахейцы вновь поплыть
И срѣзать вновь хлѣба на вашихъ нивахъ?
Не думай, что тому повѣритъ кто нибудь.
Нѣтъ, золото, сознайся лучше, и корысть
Твоя сгубили сына моего,
Скажи ка вотъ что мнѣ: зачѣмъ когда еще

Въ цвѣтущей Троѣ башни поднимались грозно,
Былъ живъ Пріамъ и Гекторъ въ битвахъ отличался,
Зачѣмъ не услужилъ ты Агамемнону
Тогда? Вѣдь сынъ мой былъ въ твоемъ же домѣ.
Зачѣмъ живьемъ его ты не привезъ ахейцамъ?
И лишь, когда ужъ свѣтъ мнѣ пересталъ свѣтить,
Когда уже враги исцепелили городъ,
Ты погубилъ того, кому ты далъ пріютъ.
Но то не все: услышь про гнусности свои.
Ужъ если только былъ ты другомъ всѣхъ ахеянъ,
То золото, оно вѣдь не твое, но сына,—
Ты долженъ былъ отдать союзникамъ усталымъ,
Что долго ужъ живутъ внѣ родины своей.
Ты даже и теперь его не выпустишь
Изъ рукъ своихъ, но держишь все упорно въ домѣ.
Воспитывай ты сына такъ, какъ слѣдуетъ,
Ты за спасеніе его покрылся бъ славой.
Хорошій другъ въ несчастьѣ выкажетъ себя,
При счастьѣ мы всегда друзей пріобрѣтемъ.
Къ тому жъ, нуждайся въ деньгахъ ты и будь онъ живъ,
Ты въ сынѣ бы нашелъ сокровище себѣ.
Теперь ужъ въ немъ себѣ ты друга не имѣешь,
Отъ золота нѣтъ проку: ты дѣтей лишился,
Страдаешь тяжко самъ. А ты, о Агамемнонъ,
Поможешь ты ему, то также будешь гнуснымъ:
Ты другу услужишь, въ комъ нѣтъ ни вѣрности,
Ни честности, ни святости, ни благородства.
И скажемъ мы, что и тебѣ во злѣ веселье.
Но не хочу я поносить своихъ господъ.

Х о р ъ.

Да, благородные всегда имѣютъ случай
Вложить и въ рѣчь свою возвышенное чувство.

Агамемнонъ.

Мнѣ трудно быть судьей чужого горя.
Однако надо; стыдно отказаться

От дѣла, за которое я взялся разъ.
Такъ знай же ты: ни мнѣ въ услугу, ни ахейцамъ
Убилъ, по моему, ты гостя своего,
Но съ цѣлью овладѣть лишь золотомъ его.
Въ несчастьѣ ты желалъ спасти себя той рѣчью.
У васъ убійство гостя ничего не значитъ,
Но мы ахейцы то большимъ грѣхомъ считаемъ:
Невиннымъ счесть тебя? Нѣтъ, мнѣ не избѣжать
Тогда упрековъ. Ты вѣдь на позоръ рѣшился.
Умѣй теперь терпѣть, хоть это непріятно.

Полиместоръ.

Увы! такъ, значитъ, я рабыней побѣжденъ?!
Такъ пострадаю я отъ слабыхъ тѣхъ созданій?!

Агамемнонъ.

Несправедливо развѣ то? Вѣдь ты преступникъ.

Полиместоръ.

Ахъ, дѣти! ахъ, глава мои! несчастный я.

Гекуба.

А, плачешь? думаешь, не плачу я по сынѣ?

Полиместоръ.

Ты рада издѣваться надо мной, злодѣйка.

Гекуба.

Могу я веселиться; я тебѣ отмстила.

Полиместоръ.

(Чувствуетъ въ себѣ пророческое вдохновеніе).

Пройдетъ та радость: вотъ тебя волна морская...

Гекуба.

Да, унесетъ, конечно, къ берегамъ Эллады.

Полиносторъ.

Нѣтъ, проглотитъ тебя: ты съ мачты упадешь.

Гекуба.

А кто жъ прикажетъ мнѣ оттуда спрыгнуть?

Полиносторъ.

Сама на мачту корабля ты взлѣзешь.

Гекуба.

При помощи ли крыльевъ иль чего другого?

Полиместоръ.

Ты превратишься въ пса съ горящими глазами!

Гекуба.

Откуда ты узналъ объ этомъ превращеньѣ?

Полиместоръ.

Ѳракійскій предсказатель Діонисъ сказалъ мнѣ.

Гекуба.

Тебѣ не предсказалъ онъ горя, что ты терпишь?

Полиместоръ.

Ты въ сѣть свою меня тогда-бъ не заманила.

Гекуба.

Умру-ль тогда иль буду жить въ томъ новомъ видѣ?

Полиместоръ.

Умрешь. Твоей могилы имя будетъ...

Гекуба.

Не будетъ ли гласить оно о превращеньѣ?

Полиместоръ.

Да, „Пса несчастнаго курганъ", сигналъ пловцамъ.

Гекуба.

Не важно это мнѣ: тебѣ ужъ я отмстила.

Полиместоръ.

Но то не все: умретъ и дочь твоя Кассандра.

Гекуба.

Подальше отъ меня! тебѣ того желаю.

Полиместоръ.

Ее убьетъ жестокая жена его.

(Указываетъ на Агамемнона).

Гекуба.

Пусть не свирѣпствуетъ такъ дочь Тиндара [4]).

---

[4]) Т. е. жена Агамемнона Клитемнестра.

Полиместоръ.

(Указываетъ на Агамемнона).

Затѣмъ тебя убьетъ ударомъ топора [5]).

Агамемнонъ.

Безумный ты! ты хочешь поплатиться?

Полиместоръ.

Убей! Въ Аргосѣ будешь плавать ты въ крови.

Агамемнонъ.

Эй, стражи! уведите прочь его.

Полиместоръ.

А, непріятно слышать.

Агамемнонъ.

Ротъ ему закройте.

Полиместоръ.

Закройте: я ужъ кончилъ.

Агамемнонъ.

Поскорѣе.
Пусть на безлюдный островъ выбросятъ его.
Ужъ слишкомъ много дерзостей наговорилъ мнѣ.

---

5) Все это потомъ сбылось. Это описано въ трагедіи «Агамемнонъ» Эсхила.

А ты, несчастная Гекуба, ты иди
Предать землѣ два трупа. Вы-жъ, троянки,
Ступайте къ господамъ въ палатки. Вѣдь я вижу,
Попутные теперь поднялись вѣтры,
Пусть счастливо плывемъ домой и тамъ увидимъ
Все въ полномъ цвѣтѣ послѣ этихъ всѣхъ печалей.

Хоръ.

Такъ ступайте-жъ въ палатки и въ гавань, друзья,
И терпите, что сдѣлать велятъ господа:
Такова уже горькая ваша судьба.

(Раздается сигналъ къ отплытію).

ГЕКУБА.

Трагедія Эврипида въ пяти дѣйствіяхъ.

Переводъ съ греческаго М. Б. Гуревича.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

(Приходитъ служанка, затѣмъ Гекуба, вносятъ прикрытый трупъ).

Служанка.

(обращаясь къ хору).

Троянки, гдѣ несчастная Гекуба?
Ея удары выше силы человѣка,
Вѣнецъ страданія ея неоспоримъ.

Хоръ.

Къ чему, несчастная, столь горькія слова?
Оставь ты, наконецъ, зловѣщій возгласъ свой.

Служанка.

Гекубѣ принесла я скорбное извѣстье.
Въ несчастьѣ нелегко намъ счастье предвѣщать.

Хоръ.

Вотъ, вотъ она сама выходитъ изъ палатки,
Придетъ—и кстати вѣсть твою услышитъ.

Служанка.

(обращаясь къ Гекубѣ)

Несчастья твоего не выразить словами,
Все кончено. Ты не живешь, хоть видишь свѣтъ.
Лишилась ты дѣтей и мужа и отчизны,

Гекуба.

Не новость это мнѣ. Позоръ мой мнѣ извѣстенъ.
Но это что? Ты принесла трупъ Поликсены?
А мнѣ сказали, вѣдь, что всѣ ахейцы жаждутъ
Устроить ей съ почетомъ погребенье.

Служанка.

(въ сторону)

Она не знаетъ ничего. По Поликсенѣ
Льетъ слезы все, а горя новаго не чуетъ.

Гекуба.

О, горе мнѣ! не трупъ ли это дочери,
Моей Кассандры, Богомъ вдохновленной?

Служанка.

Нѣтъ, та́ живетъ. Ты плачь по этомъ мертвецѣ.
Всмотрись ты въ этотъ трупъ: покровъ съ него ужъ снятъ:
Удивишься-ли ты? Ждала ли ты того?

Гекуба.

Увы! вѣдь это сынъ мой Полидоръ!
Такъ онъ ужъ мертвъ? Онъ былъ вѣдь во дворцѣ Ѳракій-
скомъ!

Погибла я несчастная, я умерла.
Дитя, дитя! плачевную я пѣсню затяну.
То геній-мститель мнѣ послалъ бѣду.

Служанка.

Ну что? узнала-ль ты, что сталось съ сыномъ?

Гекуба.

Нѣтъ, я не вѣрю: вѣчно новыя мнѣ муки—
За мукою одной другая наступаетъ.
Что день, то новыя мнѣ слезы и стенанья.

Хоръ.

Какъ жестоко оно, то горе, что мы терпимъ!

Гекуба.

Несчастной матери дитя!
Какою смертью умеръ ты?
Кто погубилъ тебя?

Служанка.

Не знаю. Онъ лежалъ на берегу морскомъ.

Гекуба.

Онъ палъ ли отъ копья жестокаго убійцы
Иль на песчаный берегъ выброшенъ онъ былъ
Морской волною изъ воды? Ахъ, ахъ! увы!
Понятенъ ужъ мнѣ сонъ и ясно мнѣ видѣнье.
Еще теперь я вижу чернокрылый призракъ,
Въ томъ призракѣ я узнаю тебя, мой синъ.
Ужъ свѣта Божьяго не видишь ты.

Хоръ.

Такъ кто-жъ его убилъ? Скажи, что значитъ сонъ твой.

Гекуба.

Убилъ ѳракіецъ Полиместоръ, хлѣбоѣдъ нашъ:
Ему Пріамъ тайкомъ далъ сына воспитать.

Хоръ.

Увы! Такъ онъ убилъ, чтобъ золото отнять?

Гекуба.

Великое, безбожное злодѣйство!
Ни мыслію его, ни словомъ не представить.
Взаимныя права друзей уже забыты.
Проклятый! Сердце у тебя не дрогнуло,
Когда вонзалъ ты мечъ въ дитя мое,
Когда ты раздиралъ на части тѣло?

Хоръ.

Гнѣвъ Божій надъ тобою, видно, тяготитъ.
Ты стала самою несчастною на свѣтѣ.
Но, вижу, вотъ идетъ властитель Агамемнонъ,
Подруги милыя, ни слова больше.

Агамемнонъ.

Гекуба, чтожъ ты медлишь дочь похоронить?
Вѣдь ты Талѳибія просила мнѣ сказать,
Чтобъ къ дочери твоей никто не прикасался.
И мы, дѣйствительно, не трогаемъ ея.
Твое-жъ бездѣйствіе мнѣ страннымъ показалось.
И вотъ пришелъ я за тобой. Тамъ обстоитъ
Благополучно все, насколько то возможно.

Но чей же трупъ я вижу здѣсь въ палаткѣ?
Троянецъ, вѣрно, онъ. Одежда, что на немъ,
Достаточно даетъ мнѣ знать, что то не грекъ.

Гекуба.

Несчастный ты! ахъ, нѣтъ, не ты, а я несчастна.
(про себя)
Что дѣлать мнѣ теперь? упасть ли на колѣна
Предъ Агамемнономъ иль горе въ сердцѣ скрыть?

Агамемномъ.

Зачѣмъ спиной ко мнѣ стоишь и все рыдаешь?
Скажи мнѣ, что случилось, чей же это трупъ?

Гекуба
(про себя).

Но если отъ себя, какъ плѣнницу свою,
Онъ оттолкнетъ меня, страдать я больше буду.

Агамемнонъ.

Я не пророкъ. Не слыша словъ твоихъ,
Въ тайникъ души твоей проникнуть не могу.

Гекуба
(про себя).

Но помыслы его, быть можетъ, чисты?
Сочла его врагомъ; но, можетъ, онъ не врагъ?

Агамемнонъ.

Ты хочешь отъ меня секретъ свой скрыть?
Согласенъ. Да, и самъ я слушать не желаю.

Г е к у б а
(про себя).

Но за дѣтей своихъ отмстить я не смогу
Безъ помощи его. Къ чему-жъ мнѣ колебаться?
Быть иль не быть, но я должна рѣшиться.

(Громко)

Молю тебя я, Агамемнонъ, прикасаясь
Къ твоимъ колѣнамъ, къ бородѣ, къ твоей десницѣ.
(падаетъ на колѣна).

Агамемнонъ.

Чего ты хочешь? можетъ быть, желаешь
Свободной жизни? Просьба та вполнѣ понятна.

Г е к у б а.

Нѣтъ, нѣтъ! злодѣямъ я отмстить хочу
И весь свой вѣкъ рабыней быть согласна.

Агамемнонъ.

Такъ въ чемъ помочь тебѣ,—меня ты просишь?

Г е к у б а

Ахъ вовсе, царь, не въ томъ, о чемъ ты думать можешь.
Ты видишь этотъ трупъ, по комъ я слезы лью?

Агамемнонъ.

Видать-то вижу я, но что ты дальше скажешь?

Г е к у б а.

Я мать его. То я его носила въ чревѣ.

Агамемнонъ.

Какой же то изъ сыновей твоихъ?

Гекуба.

То не изъ тѣхъ, что пали подъ стѣнами Трои.

Агамемнонъ.

Такъ ты другихъ еще имѣла сыновей?

Гекуба.

Но сына этого напрасно я имѣла.

Агамемнонъ.

Такъ гдѣ-жъ онъ былъ, когда вашъ городъ гибъ?

Гекуба.

Чтобъ жизнь ему спасти, отецъ его услалъ.

Агамемномъ.

Куда жъ услалъ единственнаго средь дѣтей?

Гекуба.

Въ ту самую страну, гдѣ найденъ этотъ трупъ.

Агамемнонъ.

Къ властителю страны сей,—къ Полиместору?

Гекуба.

Къ нему, и золото съ нимъ было роковое.

Агамемнонъ.

И кто жъ его убилъ и какъ его убили?

Гекуба.

Кому жъ другому? то ѳракіецъ—другъ убилъ.

Агамемнонъ.

Несчастная! онъ золото хотѣлъ похитить?

Гекуба.

Такъ сдѣлалъ онъ, когда узналъ, что Троя пала.

Агамемнонъ.

Но гдѣ нашли его? Кто трупъ принесъ сюда?

Гекуба.

На берегу морскомъ его нашла рабыня.

Агамемнонъ.

Искала-ль та иль чѣмъ другимъ тамъ занималась?

Гекуба.

Чтобъ Поликсену мыть, брала морскую воду.

Агамемнонъ.

Такъ, видно, другъ убилъ и выбросилъ его.

Гекуба.

На произволъ волны, съ увѣчьями на тѣлѣ.

Агамемнонъ.

Несчастная! страданія твои безмѣрны.

Гекуба.

Все кончено. Паденіе мое ужъ полно.

Агамемнонъ.

Была ли женщина несчастная, какъ ты?

Гекуба.

Несчастнѣе меня лишь самое несчастье.
Услышь, зачѣмъ я бросилась къ твоимъ колѣнамъ.
Когда судьбу мою заслуженной найдешь ты,
Я покорюсь. Не то, отмсти ты за меня
Безбожнику, бывавшему у насъ въ гостяхъ,
Кто, предъ богами всѣми страхъ забывъ,
Ужасное злодѣйство совершилъ.
А вѣдь со мною онъ за общимъ ѣлъ столомъ
И чаще всѣхъ гостей онъ гостемъ былъ моимъ.
Но послѣ всѣхъ услугъ, когда онъ сына взялъ
Въ свою опеку, этотъ опекунъ
Убилъ его. Но гдѣ жъ убитому могила?
Ее онъ лишней счелъ и бросилъ въ море трупъ.
Ахъ, если я безсильная рабыня,
То боги вѣдь сильны, еще сильнѣй законы:
Законы признавать самихъ боговъ велятъ намъ,
Даютъ намъ въ жизни отличать добро отъ зла.
Хранитель ты закона. Если онъ нарушенъ,
И не наказаны губители гостей
Иль нарушители священнѣйшихъ завѣтовъ,
То нѣтъ, межъ нами нѣтъ ужъ правды на землѣ,
Убойся ты стыда, уважь мою мольбу
И сжалься надо мной. И какъ художникъ
Отходитъ вдаль, чтобъ лучше разсмотрѣть картину,

Взгляни ты издали, пойми мои страданья.
Царицей я была, теперь ужъ я рабыня;
Тогда я счастлива была дѣтьми,
Теперь ужъ я бездѣтная старуха.
Забытая и жалкая изгнанница.

(Агемемнонъ немного отходитъ).

О горе мнѣ! Куда ты отъ меня уходишь?
Успѣха, видно, не добьюсь. О горе мнѣ!
Зачѣмъ мы смертные трудимся надъ наукой,
Стараемся ее постичь во всемъ объемѣ?
Нѣтъ, краснорѣчію учиться надо раньше
За деньги. Вѣдь среди людей оно лишь царь.
Имъ можемъ мы склонять и достигать желаній.
Отнынѣ прочь мечты, мечты о счастьѣ!
И были дѣти у меня, теперь ихъ нѣтъ.
Сама же въ плѣнъ взята и на позоръ иду,
Я на развалинахъ отчизны вижу дымъ.
Быть можетъ, о любви твоей не кстати я
Заговорю, мой царь, однако выскажусь.
Бокъ-о бокъ возлежитъ съ тобою дочь моя,
Пророчица, что прозвана Кассандрой.
Такъ докажи, что ночи тѣ тебя чаруютъ.
Какая-жъ благодарность дочери моей
За сладкія объятья тѣ? Какая мнѣ?
Мистеріи любви во мракѣ ночи
Раждаютъ у людей большую благодарность,
Такъ слушай же меня. Ты видишь этотъ трупъ?
Онъ братъ возлюбленной твоей: такъ заступись!
И вотъ еще, что я должна тебѣ сказать.
О, если бы Дедалъ [17]) иль милосердный богъ
Устроилъ такъ, чтобъ вдругъ заговорить могли
Ладони, руки, волосы, ступни мои!
Тогда бы съ плачемъ я къ ногамъ твоимъ прильнула,
Все вмѣстѣ бы тогда къ тебѣ съ мольбой взывало.
О царь, великое свѣтило ты Эллады,

---

[17]) Знаменитый миѳическій художникъ.

Услышь, дай руку помощи старухѣ.
Пусть я ничтожество, но все же заступись.
Вѣдь благородный мужъ служить обязанъ правдѣ,
Наказывать дурныхъ всегда и повсемѣстно.
(Встаетъ).

Хоръ.

Какъ странно у людей слагаются дѣла!
Какъ странно все на свѣтѣ рокъ мѣняетъ!
Заклятые враги теперь друзьями стали,
А прежніе друзья заклятыми врагами.

Агамемнонъ.

Гекуба, тронутъ я судьбой твоей и сына,
Я тронутъ жалобной твоей мольбой.
Во имя всѣхъ боговъ, во имя истины
Тому безбожнику отмстить желаю я;
Пусть только явится сюда тебѣ на радость.
Да не покажется, что изъ любви къ Кассандрѣ
Задумалъ я убить царя ѳракійцевъ.
И лишь одно меня волнуетъ сильно:
Ѳракійцы всѣ меня себѣ считаютъ другомъ,
Убитаго-жъ врагомъ. И если заступлюсь
Я за него, то рать сочувствовать не будетъ.
И такъ, ты знай себѣ, что я тебѣ готовъ
Помочь, что за тебя отмстить я радъ.
Но пылъ мой охладятъ упреки всѣхъ ахейцевъ.

Гекуба.

Увы! такъ, значитъ, средь людей свободы нѣтъ?!
Одинъ рабъ денегъ, а другой рабъ счастья;
Вотъ здѣсь капризъ толпы, а тамъ закона буква
Мѣшаетъ дѣйствовать, какъ хочетъ сердце наше.
Но разъ боишься ты, разъ поблажать толпѣ
Ты хочешь, я тебя освобожу отъ страха.
Недоброе замыслю я убійцѣ сына.

Ты можешь это знать, но помогать не надо.
И лишь, когда ахейцы шумъ поднимутъ
Иль помѣшаютъ мнѣ казнить ѳракійца,
Порывъ ихъ удержи, какъ будто для себя.
Все прочее, повѣрь, я хорошо устрою.

Агамемнонъ.

Но какъ ты это сдѣлаешь? Возьмешь ли мечъ
И дряхлою рукой ты варвара убьешь—
Иль ядомъ отравишь? Къ чему прибѣгнешь ты?
Кто явится на помощь? гдѣ найдешь друзей?

Гекуба.

Троянокъ много здѣсь въ палаткахъ этихъ.

Агамемнонъ.

Тѣ плѣнницы, что стали эллинской добычей?

Гекуба.

Да, съ ними я отмщу убійцѣ сына.

Агамемнонъ.

Но какъ-же женщины съ мужчиной справятся?

Гекуба.

Толпа страшна, а съ хитростью непобѣдима.

Агамемнонъ.

Страшна. Но женщинъ я отсюда исключаю.

Гекуба.

Не женщины убили сыновей Египта,
А на Лемносѣ не убили всѣхъ мужчинъ?
Послушайся, отъ словъ своихъ ты откажись.
(Указывая на служанку).

Дай этой женщинѣ пройти чрезъ рать безъ страха.
Служанка! ты пойдешь сказать ѳракійцу:
Тебя зоветъ плѣненная царица Трои.
Гекуба дѣло общей важности имѣетъ.
Возьми дѣтей своихъ. И тѣ должны услышать
Ея слова! А свѣжій Поликсенинъ трупъ
Мы послѣ похоронимъ, Агамемнонъ,
Чтобъ сжечь однимъ огнемъ и брата и сестру [17]),
Ихъ вмѣстѣ скрыть въ землѣ. Они мнѣ оба милы.

Агамемнонъ.

Согласенъ. Если-бъ флотъ отсюда могъ отплыть,
Позволить то тебѣ не могъ бы я.
Но богъ теперь не шлетъ попутныхъ вѣтровъ,
Намъ надо все равно спокойно ждать погоды.
Ну, въ добрый часъ! Вѣдь важно людямъ всѣмъ
И частнымъ и правителямъ, чтобъ зло каралось,
А добродѣтели надъ зломъ торжествовали.

(Агамемнонъ и Гекуба уходятъ; уносятъ трупъ Полидора).

Хоръ.

I. Иліонъ, Иліонъ, о отчизна моя!
Непреклоннымъ теперь не сочтутъ ужъ тебя.
То не тучи тебя отовсюду закрыли,
То копьемъ своимъ эллины градъ разорили
И копьемъ съ твоихъ башенъ вѣнки они сбили.
Дымъ позорнымъ пятномъ покрываетъ тебя.
Ахъ, въ тотъ городъ опять не вступлю уже я.
II. Напали на меня врасплохъ средь мрачной ночи,
Лишь послѣ пира сладкій сонъ смежилъ мнѣ очи.

---

[17]) У древнихъ трупы сожигали на кострѣ.

От҃ пѣнія, закланья жертвъ мой мужъ усталъ
И безмятежный сонъ на ложѣ онъ вкушалъ,
А дротикъ невдали тамъ на гвоздѣ торчалъ.
Не видѣлъ онъ, какъ съ кораблей толпа
Стремительно въ нашъ Иліонъ вошла.
III. Я·жъ прелестно убирала
Чудны локоны свои;
Лентой ихъ я завязала,
Чтобы вверхъ вились они.
Тысячу лучей зеркало бросало.
Въ зеркало златое взоръ я устремляла.
Я въ свою постель лечь ужъ собиралась.
Вдругъ смятеніе въ городѣ поднялось.
И бранные крики тамъ были слышны.
Когда уже, греки, когда уже вы
Мечемъ Иліона твердыню возьмете?
Когда ужъ на родину вы отплывете?
IV. Съ дорогого ложа я тотчасъ же встала.
Лишь накидку я, какъ дорянка, одѣла.
Передъ Артемидой я со страхомъ пала.
Ахъ! меня богиня слушать не хотѣла.
На глазахъ моихъ мужъ мой умиралъ,
А меня въ полонъ лютый врагъ забралъ.
Тутъ въ обратный путь двинулось судно,
Изъ дому меня быстро увезло.
Я-жъ бросала взоръ свой издали назадъ,
На морскую воду и на милый градъ.
V. Ахъ несчастная я! какъ я тяжко страдала!
Я сестру Діоскуровъ—Елену прокляла
И Париса, что пасъ тамъ на Идѣ стада.
То не бракъ у нихъ былъ, но отъ бога бѣда.
И отчизны теперь ужъ лишилася я:
У меня теперь нѣтъ своего очага.
Ну такъ пусть же Елены волна не везетъ,
Пусть домой и она никогда не придетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(На сценѣ Гекуба; затѣмъ входитъ Полиместоръ).

Полиместоръ.

Любезнѣйшій Пріамъ, любезная Гекуба!
Гляжу я со слезами на тебя, на Трою,
На дочь твою, что только что погибла.
Нельзя ужъ намъ теперъ за счастіе ручаться:
Кто раньше счастливъ былъ, несчастнымъ можетъ стать.
Нашъ рокъ мѣняютъ боги безпрестанно
И разрушаютъ все, чтобъ люди чтили ихъ,
Не зная будущаго рока. Но зачѣмъ
Намъ плакать? слезы горю не пособятъ.
Не гнѣвайся, что не являлся я къ тебѣ,
Пріѣздъ твой совпадалъ съ моимъ отъѣздомъ.
Я ѣздилъ въ глубь страны. По возвращеньи думалъ
Къ тебѣ поѣхать. Только я ступилъ ногой,
Какъ тутъ же встрѣтилъ я твою служанку.
Ее я выслушалъ и вотъ къ тебѣ явился.

Гекуба.

Въ лицо тебѣ смотрѣть теперь мнѣ стыдно.
Въ великомъ горѣ нахожусь я, Полиместоръ.
Ты нѣкогда меня во счастіи видалъ,
Теперь краснѣю отъ такого униженья,
И на тебя глаза я не могу поднять.
Но только ты того не принимай за гнѣвъ
Къ тебѣ, мой Полиместоръ. Есть къ тому-жъ обычай,
Чтобъ женщины въ лицо мужчинамъ не смотрѣли.

Полиместоръ.

Ничуть не странно. Но зачѣмъ тебѣ я нуженъ?
Зачѣмъ же изъ дому ты вызвала меня?

Гекуба.

Хочу съ тобой поговорить о личномъ дѣлѣ
Въ присутствіи дѣтей твоихъ. Но свитѣ
Своей вели уйти изъ сей палатки.

Полиместоръ.

Уйдите. Нѣтъ опасности мнѣ быть безъ васъ:
И ты мнѣ предана и предана мнѣ также
Вся рать ахеянъ. Ну, скажи же мнѣ,
Въ чемъ долженъ помогать счастливый человѣкъ
Несчастному. Вѣдь я готовъ помочь.

Гекуба.

Скажи, во первыхъ, живъ ли сынъ мой Полидоръ,
Кого ты отъ отца и матери принялъ
Въ свой домъ. А прочее спрошу я послѣ.

Полиместоръ.

Да, живъ. На счетъ него ты счастлива вполнѣ.

Гекуба.

Мой милый, славно и достойно говоришь ты!

Полиместоръ.

И что еще ты хочешь у меня узнать?

Гекуба.

Онъ помнитъ обо мнѣ, о матери своей?

Полиместоръ.

Да, тайно онъ хотѣлъ къ тебѣ сюда притти.

ЗАМѢТКА О СРЕДСТВАХЪ КЪ ПОДДЕРЖАНІЮ КЛАССНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская вторымъ изданіемъ настоящую замѣтку, я призналъ необходимымъ пополнить ее нѣкоторыми новыми фактами и соображеніями, по сравненію съ первымъ изданіемъ: 14 лѣтъ педагогической практики, протекшихъ послѣ перваго изданія, не могли пройти безслѣдно для расширенія моего личнаго опыта. Пополненія эти сдѣланы мною въ самомъ началѣ замѣтки и въ концѣ, остальное остается совершенно безъ перемѣны; при этомъ я счелъ небезполезнымъ свои соображенія подтверждать выписками изъ протоколовъ разныхъ педагогическихъ коллегій, собиравшихся въ 60-хъ годахъ при введеніи въ дѣйствіе устава гимназій 1864 года и разсуждавшихъ по поводу классной дисциплины; авторитетность и серьезность ссылокъ на подобные источники едва ли можно оспаривать, хотя послѣ того и прошло почти 30 лѣтъ, ибо, право, небезполезно намъ теперешнимъ педагогамъ подчасъ поучиться и у нашихъ отцовъ и у нашихъ бывшихъ педагоговъ стариковъ. Много хорошаго и сдѣлано ими, а, можетъ быть, еще больше хорошаго сказано и намѣчено для проведенія въ педагогическую практику.

Лицо отвѣтственное за дисциплину въ классѣ.

Въ проектѣ Инструкціи Педагогическимъ Совѣтамъ гимназій С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, относительно способа исполненія § 64 гимназическаго Устава 19 ноября 1864 года, сказано между прочимъ слѣдующее:

«Безпристрастное разсмотрѣніе возникающихъ въ училищной жизни замѣшательствъ и проступковъ уче-

никовъ несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что большая часть этихъ замѣшательствъ и проступковъ первоначальный источникъ и корень свой имѣютъ въ самомъ образѣ дѣйствій нѣкоторыхъ директоровъ, инспекторовъ, преподавателей и надзирателей,—не по недостатку въ этихъ лицахъ благонамѣренности, а вслѣдствіе ихъ педагогической безтактности и необращенія должнаго вниманія на то, что прежде заботы о взысканіяхъ, надо стараться укрѣпить и развить въ дѣтяхъ тѣ сѣмена добра, которыя вложены въ нихъ самою природою, что достигается нестолько внушеніями,—необходимыми впрочемъ при удобномъ случаѣ, конечно безъ многословія,—сколько собственнымъ примѣромъ наставниковъ, который въ юныхъ сердцахъ запечатлѣвается всего неизгладимѣе. Еще много между учителями такихъ, которые исключительною своею обязанностію считаютъ преподаваніе, и которые всю отвѣтственность за нравственность учащихся и всю заботу о ихъ поведеніи относятъ только къ директорамъ, инспекторамъ и надзирателямъ; а опоры для охраненія порядка въ классѣ и огражденія себя отъ непріятныхъ столкновеній съ учениками, ищутъ не въ своемъ нравственномъ на нихъ вліяніи, а во внѣшней поддержкѣ гимназическаго начальства, авторитетъ котораго однако же многіе изъ такихъ педагоговъ тогда только и признаютъ, когда надо имъ воспользоваться. Есть и между начальниками заведеній и особенно между надзирателями гимназій такіе, которые въ наблюденіи за нравственностію учащихся дѣйствуютъ недовольно твердо и послѣдовательно... А какъ не трудно, при умѣніи, охранить ненарушимость внѣшняго порядка, это видно изъ того, что безпорядковъ никогда не бываетъ на урокахъ тѣхъ учителей, которые обладаютъ тактомъ;—строги прежде всего къ самимъ себѣ, къ собственнымъ поступкамъ, къ самой внѣшности своей и къ манерѣ держать себя въ классѣ, умѣютъ обращаться съ учениками и различать проявленія живости дѣтской природы отъ проявленія

дурной воли. Опытъ убѣждаетъ, что тотъ преподаватель, въ классѣ котораго оказываются постоянно безпокойными ученики, послушные и внимательные у другихъ,—весьма часто самъ бездаренъ и не способенъ къ педагогическому дѣлу... А потому въ основу своей воспитательной дѣятельности долженъ положить общее всѣхъ и каждаго изъ членовъ педагогической корпораціи, притомъ согласованное на совѣщаніяхъ стремленіе къ укорененію и развитію въ учащихся уваженія закона и порядка, чистой нравственности и правильныхъ понятій, какъ внушеніями, такъ и собственнымъ примѣромъ, и постоянное противодѣйствіе всякому проявленію противоположныхъ свойствъ. Проступки, проистекающіе изъ живости дѣтской природы, должны быть строго различаемы отъ проступковъ, обнаруживающихъ дурныя наклонности и злонамѣренность: въ отношеніи къ первымъ,—и послѣ многократныхъ ихъ повтореній, нельзя недовольствоваться простымъ напоминаніемъ о порядкѣ, коль скоро для его возстановленія достаточно этого напоминанія въ каждомъ отдѣльно взятомъ случаѣ, напротивъ, въ отношеніи къ послѣднимъ, если первое разъясненіе ученику дурнаго свойства поступка не образумило его, слѣдуетъ обратиться къ исправленію мѣрами взысканій»...

Но вмѣстѣ съ симъ таже инструкція констатируетъ глубоко вѣрный въ психологическомъ отношеніи слѣдующій фактъ: «При преобладаніи дисциплинарныхъ мѣръ надъ нравственными нельзя ожидать успѣха, потому что всякая вещественная мѣра взысканія сама по себѣ можетъ подавать поводъ къ новымъ и нерѣдко гораздо худшимъ проступкамъ, даже порокамъ, а всего чаще ведетъ къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, какія были въ виду при ея назначеніи».

Нельзя не замѣтить, что, по введеніи въ дѣйствіе института классныхъ наставниковъ по уставу 1871 года, всё сказанное о директорахъ, инспекторахъ и надзирателяхъ относится и къ классымъ наставникамъ, совмѣ-

ствившимъ въ одномъ лицѣ и воспитательскія и учительскія обязанности. Такимъ образомъ уже изъ сказаннаго выше ясно слѣдуетъ, что отвѣтственнымъ лицомъ за классную дисциплину во время уроковъ является преподаватель; дальнѣйшее же изложеніе еще болѣе выяснитъ этотъ выводъ.

Для кого небезполезны педагогическія инструкціи и указанія на пріемы къ поддержанію классной дисциплины?

Педагогъ даровитый и талантливый, конечно, ничего не можетъ возразить противъ очевидной правды и практичности высказанныхъ положеній въ вышеприведенной выпискѣ изъ инструкціи: опытъ показываетъ, что даровитые и талантливые педагоги нисколько и не заботятся о дисциплинѣ, ибо эта послѣдняя за ними слѣдуетъ всюду сама собой, какъ тѣнь за тѣломъ, для такихъ педагоговъ нѣтъ надобности излагать внѣшніе пріемы и другія какія либо правила, выполненіе коихъ поддерживаетъ дисциплину въ классѣ. Талантливое, сообразное съ возрастомъ учениковъ изложеніе предмета, увлекательное краснорѣчіе и ясность мыслей, изящная манера въ обращеніи съ учениками, всюду сквозящая любовь къ дѣтямъ и искреннее желаніе быть полезнымъ учащимся и всѣми видимый добросовѣстный трудъ учителя—вотъ единственный волшебный жезлъ, приковывающій вниманіе учениковъ къ тому, что преподается и возбуждающій любовь ихъ къ любимому учителю. А гдѣ вниманіе къ словамъ и дѣламъ учителя и любовь къ нему, тамъ царитъ полная дисциплина, понимаемая не только въ смыслѣ внѣшняго порядка въ классѣ, но и въ смыслѣ образованія и сформированія внутреннихъ добрыхъ чувствъ и стремленій, опредѣляющихъ гуманность и благовоспитанность юношей; эта внутренняя дисциплина, характеризуемая гармоническимъ настроеніемъ дѣтскихъ чувствъ, жизнерадостнымъ направлені

емъ дѣтей и добрымъ расположеніемъ ихъ къ учителямъ, начальникамъ и заведенію, есть высшая дисциплина и въ тоже время есть вѣрный залогъ того, что обученіе дѣтей при такихъ условіяхъ послужитъ на пользу отечества и церкви и на утѣшеніе родителямъ. Пишущій эти строки съ удовольствіемъ вспоминаетъ образцовые уроки И. В. Гаврилова, составителя «стилистическихъ задачъ и темъ для учениковъ гимназій». Составляютъ-ли ученики приготовительнаго класса распространенное предложеніе по вопросамъ (топикамъ) и записываютъ эти предложенія въ тетради; изобрѣтаютъ-ли примѣры во 2-мъ классѣ на правила орѳографическія; составляютъ-ли ученики 3-го класса описаніе классной комнаты по плану; развиваютъ-ли ученики 4-го класса данную тему въ сложный періодъ; извлекаютъ-ли ученики среднихъ классовъ планъ изъ какого-либо разсужденія Карамзина; дѣлается-ли логическій и историко-литературный разборъ художественнаго произведенія въ старшихъ классахъ; И. В. Гавриловъ всегда настолько овладѣвалъ вниманіемъ класса, что сами ученики не замѣчали, какъ проходилъ урокъ, и слышался звонокъ *). Такимъ образомъ весь секретъ педагогической системы его заключался въ томъ, что дѣти заинтересовывались новизной дѣла, ясностію и живостію изложенія, доходящаго нерѣдко до художественной картинности, свидѣтельствующей о томъ, что и самъ преподаватель интересуется своимъ дѣломъ и воодушевляется имъ во время работы; а дѣтская и юношеская натура такова, что она не можетъ не интересоваться художественностію и полнотою жизни; самый тонъ рѣчи, его игра физіономіи и подвижность манеръ ясно выдавали

---

*) О подобныхъ классныхъ такихъ же увлекательныхъ разсказахъ мы въ свое время передавали о преподавателѣ С. Н. Брайловскомъ. Желательно, чтобы въ Гимназіяхъ у насъ побольше было такихъ выдающихся преподавателей,— тогда и сумма успѣховъ у учащихся будетъ возрастать постепенно на пользу образованія. *Ред.*

его душевное настроеніе: то веселый, то строгій, то совершенно спокойный, то взволнованный и воодушевленный и весьма рѣдко мрачный, но всегда одинаково внимательный ко всему окружающему и всегда привѣтливый и деликатный въ отношеніяхъ къ дѣтямъ, И. В. Гавриловъ никогда не раздражался на урокахъ встрѣтившимся иногда невниманіемъ болѣзненно-подвижныхъ дѣтскихъ натуръ и ихъ шалостями въ родѣ дѣланія корабликовъ подъ партой, а всегда терпѣливо оговаривалъ ихъ, чаще обращался къ нимъ съ вопросомъ во время занятій и проч. Не теряя времени на длинныя разсужденія о морали и не желая нарушать гармонію классныхъ занятій отвлеченіемъ вниманія учениковъ въ иную сторону отъ предмета занятій, онъ только въ крайнихъ случаяхъ возвышалъ голосъ, желая показать, что шалость ученика ему крайне непріятна. Занимаясь повидимому такимъ скучнымъ дѣломъ, какъ репетиціей, т. е. выслушиваніемъ урока, Иванъ Васильевичъ и въ эти моменты умѣлъ оживлять классъ, и самъ оживлялся: никогда не вызывалъ ученика на средину, а стоя предъ классомъ и задавая вопросы то одному, то другому, то третьему ученику, онъ легко узнавалъ, кто занимается и понимаетъ дѣло, кто—нѣтъ; постановка же балловъ для него мало имѣла значенія, да и ученики какъ-то мало интересовались баллами, а больше интересовались только словесной похвалой и расположеніемъ учителя. Даже во время исполненія общей письменной работы, въ классѣ, даровитый учитель не оставляетъ учениковъ однихъ, а онъ всегда среди ихъ и постоянно занятъ: читаетъ ученическую работу, не отбирая ее отъ ученика, и замѣченныя ошибки указываетъ пальцемъ, вызывая на самостоятельное исправленіе оныхъ, или останавливаетъ ученика, уклонившагося въ своей работѣ въ сторону и направляетъ его мысль на правильный логическій путь; объясняетъ иному ученику встрѣтившіяся недоразумѣнія и трудности, или же, наконецъ, обращаетъ вниманіе всего класса на замѣченные общіе недостатки и предупреждаетъ всѣхъ, чего не

слѣдуетъ упускать изъ виду при выполненіи данной работы и чѣмъ слѣдуетъ руководствоваться изъ прежде сообщеннаго на урокахъ. Именно такой способъ веденія письменныхъ работъ въ классѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ объяснительной записки къ программамъ 1891 года, гдѣ сказано, что «письменные работы должны имѣть значеніе дидактическаго пріема». Такимъ образомъ и при выполненіи письменныхъ работъ даровитый учитель не выпускаетъ изъ своихъ рукъ нити, руководящей размышленіемъ цѣлаго класса, онъ и тутъ является первымъ другомъ и помощникомъ учениковъ въ общей ихъ работѣ. Не считаю сколько нибудь основательнымъ возраженіе, что приводимый примѣръ касается учителя русскаго языка, у котораго больше интереснаго для учениковъ матеріала; знаю учителей исторіи и географіи, которые также ведутъ дѣло, знаю учителей древнихъ языковъ, на урокахъ которыхъ и вниманіе учениковъ къ учителю и любовь къ дѣлу можно назвать примѣрными. Однимъ словомъ—все дѣло въ умѣньи учителя: у одного учителя цѣлый классъ, какъ одна голова, занимается только однимъ дѣломъ, на которое учитель направилъ вниманіе этой головы; у другого учителя классъ—стадо, каждый индивидъ котораго занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ и уносится умомъ своимъ и воображеніемъ туда, куда его влекутъ личныя фантазіи.

Между тѣмъ безтактность напыщенно сидитъ на каѳедрѣ предъ раскрытыми книгами, классными журналами и разными записными карманными и не карманными книжками, изображая изъ себя спящаго на тронѣ юпитера; вызванный на середину ученикъ для отвѣта стоитъ въ возбужденіи и замѣшательствѣ, ибо онъ, забывъ слово, или почему-либо потерявши звено, связующее ходъ его мыслей, припоминаетъ забытое или ловитъ искомое слово на устахъ товарищей, обращая безпомощные взоры то въ ту, то въ другую сторону класса; замѣтивъ подсказъ, безтактный учитель начинаетъ высказывать длинныя, сухо-педантичныя замѣчанія о

мошенничествѣ, о морали вообще, или же по поводу замѣченнаго безпорядка разражается рѣзкими и язвительными остротами и подчасъ оскорбительными для самолюбія ученика уколами. Тоже утомительное разсужденіе о морали начинается и тогда, когда педагогъ замѣтитъ, что ученикъ начнетъ заниматься на урокѣ постороннимъ дѣломъ—чтеніемъ романа, рисованіемъ коньковъ и рожицъ... а всякія рожицы такими преподавателями, обыкновенно, принимаются за каррикатуры... и тогда прервавъ занятія, учитель начинаетъ записывать проступокъ ученика въ журналъ, сгущая краски для обрисовки проступка, съ присоединеніемъ своихъ личныхъ впечатлѣній о тонѣ голоса, о манерѣ ученика объясняться, о возбужденныхъ чертахъ его лица; конечно, въ классѣ возстановляется мертвая тишина, но, увы, вниманія къ преподаваемому въ классѣ мало, ибо каждый ученикъ, сообразно своему личному настроенію и характеру долго находится подъ вліяніемъ господствующаго впечатлѣнія: одни жалѣютъ записаннаго ученика, которому грозитъ карцеръ, другіе находятся въ страхѣ за себя, опасаясь, чтобы и ихъ не постигъ такой же гнѣвъ учителя; въ душу иныхъ западаетъ сѣмя протеста, и оппозиціи противъ учителя и заведенія, а найдутся и такіе, которые радуются, что учитель «ловко оборвалъ» ученика, на коего они имѣютъ зубъ или съ кѣмъ имѣютъ счеты изъ-за балла, мѣста, или изъ за какой-либо другой ничтожной мелочи; иной ученикъ думаетъ, какъ онъ дома будетъ разсказывать о случившемся и т. д. Однимъ словомъ, остается въ классѣ только одна тишина, но вниманія къ предмету занятій мало, а объ томъ, что классъ есть одна голова, логическій порядокъ мыслей въ которой направляется руководящей нитью учителя, не можетъ быть и рѣчи: голова каждаго ученика занята своимъ особымъ дѣломъ. Во время исполненія учениками письменныхъ работъ такіе педагоги, сидя на каѳедрѣ, читаютъ или газету или поправляютъ ученическія тетрадки изъ другихъ классовъ, или, наконецъ, подготовляются къ уроку въ

слѣдующемъ классѣ и только время отъ времени искоса поглядываютъ на классъ и записываютъ или у себя въ книжкѣ, а чаще всего въ журналѣ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «ученикъ А—разговаривалъ съ сосѣдомъ; Б—заглядывалъ въ тетрадь къ сосѣду; В—пользовался грамматикой при исполненіи работы; Г—отпросившись изъ класса, не возвращался 10 мин.; Д—на сдѣланное учителемъ замѣчаніе: «не заглядывать къ сосѣду» нагло и нахально сталъ запираться, что онъ не списываетъ..; Е—не отпущенный изъ класса, ибо оставалось 5 м. до конца урока, дерзко заявилъ, что онъ не можетъ ждать». Подобному способу веденія классныхъ письменныхъ работъ можно-ли придать значеніе «дидактическаго пріема»?—судите, господа педагоги, сами! Изъ сопоставленія разныхъ пріемовъ, практикуемыхъ съ одной стороны учителями даровитыми, съ другой стороны учителями безтактными, ясно видно, что классная дисциплина обусловливается личностію преподавателя, и что, какъ сказано въ выше приведенной инструкціи, «опора для охраненія порядка въ классѣ и огражденія учителя отъ непріятныхъ столкновеній съ учениками должна находиться въ нравственномъ вліяніи самого учителя на учениковъ, а не во внѣшней поддержкѣ гимназическаго начальства». На урокахъ одного преподавателя царитъ въ классѣ полная дисциплина и внѣшняя и внутренняя; на урокахъ другого—царитъ только подозрительная тишина, готовая разрѣшиться безпорядкомъ при первомъ какомъ-либо неожиданномъ случаѣ, и это послѣднее, обыкновенно, бываетъ «на урокахъ тѣхъ учителей, которые, по словамъ инструкціи, необладаютъ тактомъ, строгостію къ самому себѣ, къ собственнымъ поступкамъ, къ самой внѣшности своей и къ манерѣ держать себя въ классѣ, не умѣютъ обращаться съ учениками и различать проявленія живости дѣтской природы отъ проявленій дурной воли». Составленіе инструкцій и изложеніе пріемовъ, направленныхъ къ поддержанію классной дисциплины, я считаю безполезнымъ дѣломъ какъ для учителей перваго типа, т. е. да-

ровитыхъ, такъ и для учителей втораго рода, ибо первые, какъ уже сказано раньше, сами въ себѣ и въ своихъ дѣйствіяхъ въ силу своего таланта, заключаютъ всѣ данныя для созданія высшей дисциплины въ классѣ; а вторые или въ силу своей мыслительной ограниченности, или чаще всего въ силу самообольщенія и ослѣпленія своимъ самолюбіемъ не примутъ этихъ инструкцій и правилъ къ руководству: бездактные учители не могутъ понять, что классъ есть мыслящая единая голова и что учитель долженъ умѣть пригвоздить, по своему желанію, вниманіе и мысль этой головы къ тому или другому предмету и крѣпко держать въ своихъ рукахъ нить, руководящую порядкомъ ея мыслей. Для кого же, спрашивается, пишутся педагогическія инструкціи? Подобнаго рода инструкціи небезполезны для обычныхъ смертныхъ, одаренныхъ обыкновенными способностями и добросовѣстно изыскивающихъ всѣ способы быть полезными великому и трудному дѣлу педагогіи, за которую заставила ихъ взяться неумолимая житейская нужда; а такихъ скромныхъ тружениковъ находится, конечно, большинство среди педагогическихъ корпорацій; таланты же, какъ и бездарности— явленія рѣдкія. При этомъ считаю нужнымъ оговориться, что я незадаюсь обширною темою о средствахъ къ поддержанію дисциплины вообще въ цѣломъ заведеніи, а ограничусь только указаніемъ на важнѣйшіе пріемы, направленные къ возбужденію вниманія учениковъ въ классѣ, а слѣдовательно къ поддержанію классной дисциплины; но нельзя отрицать, что единодушно всею педагогическою корпораціею созданная и неослабно поддерживаемая классная дисциплина служитъ самою плодородною почвою для развитія вообще дисциплины и въ цѣломъ заведеніи, ибо сложившіяся въ классѣ привычки добропорядочности и благовоспитанности продолжаютъ проявлять себя и внѣ класса, во время перемѣнъ и внѣ стѣнъ заведенія.

Важнѣйшіе пріемы, направленные къ возбужденію вниманія въ классѣ и къ поддержанію классной дисциплины.

Во 1-хъ, преподаватель пусть постоянно помнитъ, что способность вниманія, способность спокойнаго сидѣнья въ классѣ въ теченіе четырехъ-пяти часовъ, способность трудиться и аккуратно исполнять приказанія, какъ и всякая иная подобная способность, напримѣръ: рисованія, пѣнія, есть результатъ продолжительнаго навыка и упражненія, такъ что однимъ приказаніемъ, однимъ запрещеніемъ, одной угрозой нельзя создать такихъ благодѣтельныхъ привычекъ или способностей, и потому со стороны преподавателя прежде всего требуется терпѣніе и содѣйствіе къ развитію въ дѣтяхъ вышесказанныхъ привычекъ. Учителю, вступившему въ первый классъ къ дѣтямъ—новичкамъ въ школѣ, слѣдуетъ терпѣливо выжидать, пока принятыя имъ мѣры принесутъ желанный плодъ, но никогда не слѣдуетъ отчаяваться въ успѣхѣ или разражаться негодованіемъ, что дѣти лѣнивы, тупы и распущены. Съ момента вступленія учителя въ классъ лишь только начинается его работа, которая между прочимъ и состоитъ въ томъ, чтобы развить въ дѣтяхъ и вниманіе, и прилежаніе, и способность мыслительную, и благовидную выдержанность, ибо въ большинствѣ случаевъ семья готовитъ дѣтей только къ пріемнымъ экзаменамъ, мало заботясь о дисциплинированіи.

Во 2-хъ, учителю необходимо помнить, что предъ нимъ въ классѣ сидятъ, съ одной стороны, не звѣрки какіе-нибудь, которыхъ можно дрессировать только плеткой и подачками, а существа разумно-свободныя, которыя сами желаютъ учиться; съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что природные таланты весьма рѣдки, которые налету ловятъ каждое слово учителя и сами неудержимо рвутся къ свѣту знанія, въ тоже время еще рѣже встрѣчаются и при-

родныя тупицы, не поддающіяся культурѣ. Чаще всего ошибаются педагоги въ томъ, что дѣтскую неразвитость, зависящую отъ недостатковъ домашняго воспитанія и образованія, принимаютъ за природную тупость. Намѣтивъ выдающихся талантами учениковъ, если они есть въ классѣ, и отбросивъ попеченіе о тупицахъ, учитель долженъ сосредоточить все свое вниманіе на среднемъ уровнѣ класса, и съ этимъ среднимъ уровнемъ сообразовать всѣ свои занятія; если же учитель погонится за исправленіемъ тупицъ и бездарностей, то большинству въ классѣ занятія покажутся скучными, утомительными; если преподаватель увлечется лучшими учениками въ классѣ, то занятія будутъ тяжелы для всѣхъ прочихъ, такимъ образомъ въ результатѣ обоихъ случаевъ окажется одно и тоже, а именно: разсѣянность и невниманіе. Министерскія программы, регулирующія занятія по классамъ, слишкомъ легки для выдающихся талантами учениковъ, и дѣйствительно слишкомъ тяжелы для бездарностей.

Въ 3-хъ, разсортировавши учениковъ по способностямъ, слѣдуетъ потомъ разсортировать ихъ и по классному поведенію, отмѣтивъ шалуновъ и разсѣянныхъ мальчиковъ, что легче дается, чѣмъ сортировка по способностямъ, и затѣмъ уже разсадить учениковъ такъ, чтобы дѣти, обнаружившія слишкомъ подвижной темпераментъ и склонность къ шалостямъ, были посажены на переднихъ мѣстахъ и по возможности ближе къ учителю, что впрочемъ вовсе не исключаетъ правила, по которому близорукіе и крѣпкіе на ухо сажаются ближе къ доскѣ. Этихъ шаловливыхъ учениковъ учитель ни на одну минуту не долженъ выпускать изъ виду, чаще спрашивать ихъ, говаривать и проч.

Въ 4-хъ, а для того, чтобы ни на минуту не отрывать вниманія отъ класса, учитель никоимъ образомъ не долженъ ходить по классу во время занятій, а долженъ находиться постоянно лицомъ къ классу, и лучше всего было бы, если бы учитель

стоялъ около скамеекъ съ неспокойными учениками, ибо при хожденіи учитель находится бокомъ къ классу или спиной, а такія положенія учителя представляютъ дѣтямъ съ живымъ темпераментомъ большой соблазнъ сшалить, посмѣяться надъ чѣмъ-либо и вообще разсѣяться въ надеждѣ, что учитель не замѣтитъ. Spes impunitatis est maxima illecebra pecandi. Между тѣмъ когда учитель стоитъ лицомъ къ классу, и смотритъ на всѣхъ и каждаго, тогда и самыя игривыя дѣти, чувствуя на себѣ постоянный взоръ учителя, смиряются. Правда, учителю математики и географіи часто предстоитъ необходимость обращаться лицомъ къ доскѣ, но въ такомъ случаѣ доску надо поставить такъ, чтобъ учитель все таки могъ видѣть шаловливую часть класса.

Въ 5-хъ, во время занятій учитель долженъ задавать вопросы не одному какому-либо ученику, а цѣлому классу, и потомъ уже называть фамилію ученика, отъ котораго хочетъ слышать отвѣтъ. Положимъ, напримѣръ, при разборѣ предложенія: «дѣти гуляли въ саду», учитель задаетъ вопросъ такъ: «въ лѣсу—какой падежъ?» и потомъ называетъ фамилію:—«Степановъ! скажите»... «Гуляли—какой залогъ?—Петровъ!» ученикъ, слыша свою фамилію уже самъ долженъ отвѣчать. Или другой примѣръ при объяснительномъ чтеніи: «какое зло чижу сдѣлала западня?—Смирновъ!»... При чтеніи статьи, или при произнесеніи ученикомъ стихотворенія всѣ должны слушать; въ послѣднемъ случаѣ книжки учениками закрываются; для поддержанія вниманія, учитель, не прерывая читающаго, говоритъ: «продолжайте—Ивановъ!» Вотъ еще примѣръ:—«составьте два примѣра, изъ коихъ въ одномъ слово «тепло» будетъ прилагательнымъ, а въ другомъ—нарѣчіемъ». Давъ минуту подумать, учитель называетъ фамилію: «Степановъ! скажите». Подобнаго рода способъ задаванія вопросовъ оживляетъ классъ, невольно возбуждаетъ всѣхъ ко вниманію, ибо ни одинъ ученикъ изъ класса не знаетъ, кого учитель вызоветъ къ отвѣту. Въ противномъ же слу-

чаѣ, когда учитель назоветъ сперва фамилію: «Петровъ»! а потомъ уже предложитъ вопросъ: «скажите—какой падежъ: въ лѣсу? половина учениковъ, и ужъ непремѣнно всѣ дѣти съ подвижнымъ темпераментомъ и живымъ воображеніемъ не слушаютъ самаго вопроса и объясненій, ибо знаютъ, что ихъ уже не спросятъ, когда вызванъ къ отвѣту Петровъ. При этомъ учитель обязанъ по возможности больше учениковъ спрашивать въ классѣ во время каждаго часа, такъ чтобы нѣкоторые ученики были вызваны и спрошены по нѣскольку разъ во время одного урока; ибо если этого послѣдняго не дѣлать, то спрошенные уже не будутъ слѣдить за каждымъ вопросомъ. Отмѣтки же за отвѣты учитель можетъ ставить въ классномъ журналѣ тогда, когда перемѣняется родъ занятій съ классомъ, или когда ученики записываютъ въ журнальчикъ заданные имъ къ слѣдующему классу уроки, или когда они готовятъ тетради для письменныхъ упражненій. Подобнаго рода занятія весьма удобны нетолько на урокахъ русскаго и латинскаго языковъ, но и на урокахъ прочихъ предметовъ, хотя на урокахъ по закону Божію и по географіи и не можетъ быть такой частой переборки учениковъ вопросами, какъ на урокахъ по языкамъ.

Правда, такой способъ занятій и при объясненіи урока впередъ и при репетированіи для учителя во много разъ тяжелѣе и требуетъ отъ него большаго напряженія силъ, чѣмъ всякій другой способъ; напримѣръ, сидѣть за столомъ или за каѳедрой и возиться съ вызваннымъ на средину класса ученикомъ, а отъ прочихъ дѣтей требовать вниманія—гораздо легче. Но я говорю не о легкости, а о пользѣ; впрочемъ, привычка и тутъ облегчитъ дѣло учителю.

Въ 6-хъ, вопросъ долженъ быть задаваемъ учителемъ громко, ясно и по возможности кратко. Если поднятый для отвѣта ученикъ не даетъ отвѣта, или даетъ неправильный, то не слѣдуетъ тратить много времени на то, чтобы добиться отъ вызваннаго ученика правильнаго отвѣта при помощи многихъ наво

дящихъ на отвѣтъ вопросовъ или разъясненій, а слѣдуетъ поднимать другаго лучшаго ученика, такъ чтобы разъясненіе даннаго вопроса и уже извѣстнаго ученикамъ послѣдовало со стороны самихъ же учениковъ; это кромѣ возбужденія вниманія вызываетъ и соревнованіе между учениками. Никакъ не слѣдуетъ допускать отвѣтовъ огуломъ, разомъ отъ многихъ учениковъ, ибо отъ этого происходитъ шумъ, такъ что учителю трудно разобраться съ отвѣтами; кромѣ того подобный пріемъ даетъ возможность извѣстной группѣ разсѣянныхъ дѣтей вовсе не думать о данномъ вопросѣ, когда призываются къ отвѣту только, такъ сказать, добровольцы. Ученики должны давать отвѣты громко, чтобы весь классъ могъ ясно слышать, чтобъ товарищи могли исправить неправильный отвѣтъ; громкихъ отвѣтовъ учитель долженъ настоятельно требовать, хотя и не безъ труда можно достигнуть этого. Качественной стороны вопросовъ учителя и отвѣтовъ ученика я не касаюсь, ибо пишу не дидактику, а лишь касаюсь нѣкоторыхъ сторонъ, вліяющихъ на усиленіе вниманія, или на ослабленіе его и вообще касающихся только дисциплины въ классѣ.

Въ 7-хъ, каждый вопросъ, задаваемый преподавателемъ, долженъ имѣть опредѣленную разумную цѣль: или вызвать воспроизведеніе пройденнаго съ цѣлію закрѣпленія въ памяти, или вызвать ученика на самостоятельное размышленіе, или же наконецъ съ цѣлію репетиціонною—узнать усвоено ли ученикомъ то, что было объяснено въ классѣ, или что дано было ученикамъ выучить на домъ. Безцѣльные же вопросы, касающіеся всего и ничего не разъясняющіе, какими наполнены образцовые уроки слывущаго за педагога барона Корфа, не только безполезны, но и положительно вредны въ томъ отношеніи, что ведутъ къ скукѣ, утомленію, разсѣянности, являющейся въ данномъ случаѣ результатомъ пустословія. Избави Богъ нашу школу отъ такихъ образцовыхъ уроковъ! Учителемъ все дѣло преподаванія должно быть ведено такъ, чтобы учитель яв-

лялся руководителемъ общаго движенія мысли во всѣхъ ученикахъ класса, и потому онъ долженъ цѣнить каждое слово на вѣсъ золота, какъ выражается одинъ нѣмецкій педагогъ, т. е. говорить по возможности меньше, а только при помощи вопросовъ искусно вызывать учениковъ на тѣ или другіе отвѣты и такимъ образомъ пособлять логическому ходу ихъ мыслей и направлять его на правильный путь; пустословіемъ же развивается и совершенствуется ассоціація представленій, но не логическіе законы ума.

Въ 8-хъ, нельзя долго заниматься съ дѣтьми исключительно однимъ какимъ-либо родомъ занятій, а въ теченіе каждаго урока необходимо разнообразить занятія, наприм. по русскому языку: объяснить урокъ къ слѣдующему классу, заставить записать въ журнальчики, прорепетировать заданное, упражняться устно въ составленіи примѣровъ, упражнять учениковъ въ диктантѣ, или въ иномъ родѣ письменныхъ занятій или на бѣловыхъ, или на черновыхъ тетрадяхъ; заниматься же цѣлый часъ, напримѣръ, или однимъ диктантомъ, или однимъ грамматическимъ разборомъ утомительно и ведетъ къ ослабленію вниманія. На урокѣ лат. языка: объяснить и записать въ журнальчики то, что задается къ слѣдующему классу, прослушать заданное, устно упражняться нѣсколько минутъ въ составленіи и переводѣ примѣровъ съ цѣлію закрѣпленія пройденнаго и наконецъ письменно переводить примѣры. По ариѳметикѣ занятія могутъ быть весьма разнообразны: объясненіе впередъ, репетиція, устное рѣшеніе задачъ, рѣшеніе задачъ на доскѣ, и рѣшеніе задачъ цѣлымъ классомъ на черновыхъ тетрадяхъ. Но при всемъ разнообразіи занятій въ теченіи часа учитель долженъ все-таки соблюдать основное педагогическое правило: каждый урокъ напередъ строго обдумывается преподавателемъ, такъ чтобы мышленіе цѣлаго класса было сосредоточено около одного опредѣленнаго пункта того или другаго отдѣла науки, который учитель имѣетъ въ виду закрѣпить въ дѣтяхъ; раз-

сѣяніе же вниманія въ теченіе урока на обильномъ матеріалѣ и притомъ разнообразномъ, сообщеніе разомъ слишкомъ многихъ свѣдѣній и фактовъ какой-либо науки нетолько, утомляя вниманіе, ведетъ къ разсѣянности, но и вообще разслабляетъ умственныя силы дѣтей, еще не привыкшихъ къ усиленному умственному труду. При занятіяхъ вообще необходимо чаще повторять прежде пройденное, помня, что свойство дѣтской памяти таково, что ребенокъ скоро усвоиваетъ, но и также скоро забываетъ усвоенное, если не будетъ случаевъ къ воспроизведенію. Въ видахъ оживленія вниманія совѣтуется даже на три или на пять минутъ совсѣмъ прерывать занятія и въ срединѣ урока заставить учениковъ сдѣлать нѣсколько гимнастическихъ упражненій подъ команду учителя, не производя, разумѣется, шума.

Въ 9-хъ, педагогъ долженъ помнить, что на первыхъ порахъ школьной жизни нельзя дѣтей сразу заставлять точно выполнять все, какъ написано въ идеальныхъ правилахъ; ибо учителю приходится нетолько предъявлять новичку массу новыхъ требованій, разъяснять ихъ, вразумлять дѣтей, не только создавать новыя привычки, но и уничтожать старыя, прежде сложившіяся, а это послѣднее гораздо труднѣе перваго и требуетъ нерѣдко значительнаго времени и большаго умѣнья. Укажемъ примѣръ: родители въ теченіи 10 лѣтъ первоначальнаго домашняго воспитанія всегда были довольны и радовались, что ихъ мальчикъ рѣзовъ, игривъ, прыгаетъ и смѣется, напротивъ угрюмость, молчаливость считали признакомъ физическаго разстройства, а тутъ въ школѣ вдругъ требуютъ, чтобы этотъ же самый мальчикъ сидѣлъ неподвижно 4—5 часовъ съ постной физіономіей и чтобы во время перемѣны не прыгнулъ, не закричалъ, никого не толкнулъ, да возможно ли это? Второй примѣръ: нерѣдко попадаются въ школу дѣти съ уличными привычками и замашками, а потому крикъ, бѣганье, толчки и даже драки вовсе не считаются чѣмъ-либо худымъ; есть даже

родители, которые съ большимъ удовольствіемъ забавляются зрѣлищемъ, какъ ихъ дѣти отличаются на уличныхъ кулачныхъ бояхъ, выходя храбро стѣнка на стѣнку; можно ли эти, долголѣтнія привычки уничтожить вдругъ? можно ли заразъ облагородить уличныхъ бойцовъ и крикуновъ? Но есть молодые педагоги, которые возмущаются дѣтской улыбкой въ классѣ и его непосидчивостію, жестоко караютъ его за то самое, чѣмъ прежде родители въ теченіе 10 лѣтъ были довольны, и если ребенокъ не слушаетъ угрозъ педагога, то вопіютъ о распущенности, объ испорченности мальчиковъ и призываютъ на нихъ строгія кары начальства. Но, г.г. педагоги, вооружитесь терпѣніемъ на нѣсколько времени, наблюдайте и увидите, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта же самая смѣющаяся, веселая, подвижная физіономія сама собой подъ вліяніемъ новой среды будетъ принимать серьезное выраженіе и, если ужъ вамъ нравится, то и постный видъ. Смотрите не столько на быструю, крутую перемѣну, сколько на то, чтобъ общее направленіе въ характерѣ ребенка клонилось къ добру; т. е. чтобы развивались охота заниматься, привычка выполнять задаваемые уроки и требованія школьной дисциплины, любовь къ труду; а привычка растетъ медленно, особенно если укорененію ея противодѣйствуетъ другая какая-либо дурная привычка; большой успѣхъ на первыхъ порахъ уже состоитъ въ томъ, что эта послѣдняя начинаетъ ослабѣвать. Отговаривать ребенка, воздерживать, предупреждать и иногда грозить слѣдуетъ при удобномъ случаѣ, но желаніе сразу затянуть ребенка въ мундирную жизнь по часамъ и минутамъ съ извѣстной физіономіей и школьной выправкой — не возможное желаніе, а тѣмъ болѣе не разумно волноваться тѣмъ, чего сразу сдѣлать нельзя. На первыхъ порахъ надо довольствоваться незначительными успѣхами въ этомъ отношеніи, а потомъ постепенно натягивать вожжи и формулировать дѣтскій характеръ по всѣмъ правиламъ школьной дисциплины. Крутой оборотъ,

явившійся результатомъ строгихъ карательныхъ мѣръ, можетъ испортить дѣло, поселивъ въ душѣ ученика нелюбовь и даже отвращеніе къ школѣ и ея педагогамъ; вслѣдствіе чего ребенокъ замыкается въ себѣ самомъ, дѣлается угрюмымъ, скрытнымъ, а въ тишинѣ растущее ожесточеніе глубоко растлеваетъ дѣтскую натуру, слѣды чего остаются нерѣдко на всю жизнь въ видѣ желчности, раздражительности.

Въ 10-хъ, заботясь о пріобрѣтеніи расположенія со стороны учениковъ къ школѣ и преподавателямъ, я вовсе не гонюсь за популярностію между учениками, да этого и не слѣдуетъ изъ сказаннаго мною; но утверждаю, что учителю лучше не учительствовать, если нравственная связь между нимъ и учениками порвана. Каждый изъ читателей, вѣроятно, по собственному опыту помнитъ какія чувства возбуждали въ школѣ въ нашей душѣ тѣ учителя, которые свой авторитетъ основывали только на ферулѣ, въ какомъ бы видѣ эта послѣдняя ни проявлялась — въ видѣ ли пучка прутьевъ, въ видѣ ли лишенія праздничной прогулки, въ видѣ ли темнаго карцера, или въ видѣ обильныхъ единицъ за невниманіе въ классѣ, за что ребенка журятъ и домашніе и проч. Напротивъ, не о популярности я забочусь, а о томъ, чтобы ученикъ съ перваго же вступленія въ школу могъ ясно понять, что ученіе есть трудъ, а трудъ и забава — вещи различныя, и что учитель есть первый и лучшій помощникъ ученику въ его трудѣ; такой взглядъ учениковъ на учителя есть вѣрное и лучшее ручательство тому, что ученики сами охотно постараются внимать въ классѣ и не нарушать общей классной работы. Никакъ нельзя одобрить мнимой гуманности тѣхъ преподавателей, которые хотятъ поставить дѣло такъ, чтобъ самыя занятія превращались въ удовольствіе, въ забаву, ибо ученикъ, привыкнувъ только забавляться и наслаждаться удовольствіями, можетъ на всю жизнь остаться верхоглядомъ и ловкимъ болтуномъ, но неспособнымъ къ труду, къ работѣ, въ которую надо втянуть

ся съизмала. Работа умственная если не тяжелѣе, то ужъ во всякомъ случаѣ не легче работы физической.

Въ 11-хъ, а чтобы пріобрѣсти между дѣтьми уваженіе къ себѣ и авторитетъ, учитель долженъ быть прежде всего справедливымъ, ибо безъ справедливости невозможно нравственно вліять на учениковъ, а потомъ учителю небезполезно для той же цѣли запастись нѣкотораго рода благодушіемъ, благодаря которому ученики не стѣсняются въ свободное время отъ занятій высказывать предъ учителемъ свои желанія, сомнѣнія и недоумѣнія. Въ данномъ случаѣ благодушіе не исключаетъ строгости, понимаемой въ смыслѣ твердости и постоянства въ преслѣдованіи однажды принятой цѣли и усвоенной системы, а противополагается лишь желчной раздражительности и холодной угрюмости, соединенной съ сухимъ безсердечнымъ формализмомъ, подобныя качества не должны имѣть мѣста въ характерѣ педагога.

Справедливость учителя проявляется въ двухъ случаяхъ: а) наказывать можно ученика только тогда, когда ученикъ несомнѣнно уличенъ въ томъ или другомъ проступкѣ; по предположеніямъ, по догадкамъ и на основаніи сомнительныхъ данныхъ отнюдь не слѣдуетъ наказывать, а оставить лишь въ подозрѣніи, которое слѣдуетъ впрочемъ снять при первомъ удобномъ случаѣ; б) за отвѣты ставить баллъ слѣдуетъ весьма осмотрительно, безъ всякаго лицепріятія, предъявляя всѣмъ ученикамъ одинаковыя требованія, и оказывать въ нѣкоторыхъ случаяхъ снисхожденіе лишь за особенное трудолюбіе и прилежаніе, что впрочемъ и объявляется передъ классомъ; обратное же явленіе невозможно, т. е. несправедливо уменьшать отмѣтки за успѣхи въ виду отсутствія должнаго вниманія и прилежанія: за недостатокъ вниманія или прилежанія можно уменьшить баллъ въ поведеніи; но оцѣнка за успѣхи и познанія должна производиться учителемъ сообразно съ успѣхами средняго уровня въ классѣ и сообразно съ программами. При этомъ нельзя

умолчать, что у нѣкоторыхъ педагоговъ есть замашка поймать разсѣяннаго ученика, подрѣзать его, и такимъ образомъ, пользуясь временною разсѣянностію ребенка, эти некстати строгіе педагоги вносятъ въ журналъ и сообщаютъ родителямъ неправильный баллъ за успѣхи.

Это явленіе надо отнести по своимъ послѣдствіямъ къ самымъ печальнымъ въ школьной жизни, ибо въ ученикѣ тотчасъ слагается представленіе, что учитель преслѣдуетъ его, а родители укрѣпляютъ ребенка въ этомъ мнѣніи, называя учителя придирчивымъ. Или вотъ еще подобный, крайне неумѣстный въ педагогической практикѣ случай: ученикъ приготовилъ урокъ, сидѣлъ въ классѣ внимательно, но позабылъ принести въ классъ черновую тетрадь или слова, и учитель, не спрашивая урока, прямо ставитъ ученику единицу за неисправность; подобнымъ образомъ поставленная единица глубоко оскорбляетъ въ ребенкѣ чувство справедливости: ребенокъ уже не только на этомъ урокѣ сидитъ разсѣянно, но и на слѣдующемъ урокѣ эта несправедливо поставленная единица не дозволяетъ ему сосредоточить свое вниманіе на занятіяхъ, ибо ребенокъ еще не привыкъ сдерживать и подавлять свои чувства; да и родители не могутъ согласиться съ мнѣніемъ учителя, что онъ поставилъ баллъ справедливо; за непринесеніе тетради, или за подобную неисправность нужно сдѣлать выговоръ, или наказать ученика, и ученикъ легче перенесетъ часовое заключеніе въ карцеръ *) за

*) Слово карцеръ въ педагогическомъ мірѣ понимается различно: въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ подъ заключеніемъ въ карцеръ разумѣется вообще одиночное оставленіе ученика въ классѣ послѣ уроковъ; въ другихъ же заведеніяхъ, впрочемъ весьма немногихъ, подъ словомъ карцеръ разумѣется маленькое темное помѣщеніе, куда запираютъ шалуна. Я употребляю слово карцеръ въ общемъ смыслѣ, и думаю, что заключать ученика въ т е м н ы й карцеръ слѣдуетъ только по постановленію совѣта и за проступки грубые и дерзкіе, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ отступленій отъ школьной дисциплины.

непринесеніе тетради, чѣмъ незаслуженно поставленную единицу въ успѣхахъ. Учитель долженъ не ловить учениковъ, не подрѣзывать ихъ, а помогать дѣтямъ, выручать ихъ въ затрудненіяхъ, при такомъ отношеніи и сами дѣти будутъ уже обращаться къ учителю за помощію въ нужныхъ случаяхъ, а учитель, преданный своему дѣлу, будетъ дорожить такимъ довѣрчивымъ къ нему отношеніемъ дѣтей; при системѣ же подлавливаній и подрѣзываній ученики не питаютъ къ учителю довѣрчивости, не окружатъ его въ корридорѣ и не забросаютъ вопросами.

Для пріобрѣтенія уваженія кромѣ справедливости и благодушія со стороны учителя требуется, само собой, и то, чтобы учитель вполнѣ владѣлъ своимъ предметомъ и должнымъ образомъ подготовлялся къ урокамъ особенно въ старшихъ классахъ.

Вотъ тѣ пріемы и основанія, придерживаясь которыхъ учитель можетъ водворить дисциплину и порядокъ въ классѣ самомъ неспокойномъ. Нерѣдко упорные шалуны и почти уличные мальчики поддаются благотворному вліянію вышесказанныхъ мѣръ. При этомъ не могу не отмѣтить того факта, что дѣти, одаренныя особенно подвижнымъ темпераментомъ, живою фантазіею и такъ называемою необузданностію нрава, со среднихъ классовъ заведенія начинаютъ обгонять своихъ кроткихъ товарищей и въ концѣ концовъ оказываются отличными учениками: требуется только со стороны педагоговъ терпѣніе и умѣнье. Конечно, не одна какая либо изъ вышесказанныхъ мѣръ имѣетъ сама по себѣ столь благотворное вліяніе, а вообще всѣ вмѣстѣ взятыя, такъ сказать, вся постановка класснаго дѣла вышесказаннымъ образомъ; напротивъ несоблюденіе какой-либо изъ вышесказанныхъ мѣръ необходимо должно отразиться неблагопріятно или на отдѣльномъ индивидуумѣ, или на цѣломъ классѣ.

Все выше сказанное можно обобщить въ двухъ положеніяхъ: а) учитель кромѣ толковаго изложенія, развивающаго въ ученикахъ интересъ къ наукѣ, дол-

женъ самой постановкой классныго дѣла возбуждать и привлекать ихъ вниманіе къ преподаваемому помимо активнаго напряженія этой слабо развитой въ дѣтяхъ способности и такимъ образомъ предупреждать проступки учениковъ (1—8 пункты); б) учитель долженъ пріобрѣсти расположеніе къ себѣ учениковъ и даже любовь (9—11 пункты).

Къ наказаніямъ же и взысканіямъ нужно прибѣгать только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда являются ученики слишкомъ упорные въ шалостяхъ, съ крѣпко укоренившимися дурными привычками; но для такихъ учениковъ результаты самыхъ строгихъ наказаній проблематичны и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оказываютъ доброе дѣйствіе. Чтобы исправить такихъ шалуновъ, школа одна не имѣетъ средствъ безъ энергическаго содѣйствія семьи или безъ помощи опытныхъ гувернеровъ, которые бы руководили ребенкомъ на каждомъ шагу въ его внѣшкольной жизни.

Въ 12-хъ, при назначеніи наказаній учитель долженъ строго соблюдать слѣдующія правила: во-первыхъ, не расточать щедро ту сумму карательныхъ мѣръ, которыми онъ располагаетъ, а, начиная со слабѣйшихъ наказаній, всегда слѣдуетъ имѣть въ запасѣ болѣе сильныя карательныя мѣры на случай болѣе выдающійся изъ ряда: такъ за нетвердое знаніе урока слѣдуетъ оставить ученика въ классѣ доучить урокъ, за неспокойное сидѣнье отдѣлить шалуна отъ товарищей, сдѣлать ему строгое замѣчаніе, внушеніе, сажать на одиночную скамью, сажать на стулъ около каѳедры или за доску, ставить въ уголъ и проч. и лишь въ крайнемъ случаѣ прибѣгать къ карцеру. Во-вторыхъ, при наложеніи наказанія всегда необходимо сообразоваться съ личными особенностями ученика, такъ что за одинъ и тотъ же проступокъ достаточно одному ученику сдѣлать замѣчаніе, другаго поставить или посадить за доску, а третьяго оставить въ карцерѣ. Изъ всѣхъ проступковъ школьной жизни ложь и обманъ, ясно доказанные, должны вызывать со

стороны учителя самыя энергическія и самыя строгія карательныя мѣры, начиная съ недовѣрія лгуну и непринятія его свидѣтельскихъ показаній при разборѣ какихъ-либо классныхъ проступковъ, начиная осмѣяніемъ лгуна предъ классомъ и кончая высшимъ заключеніемъ въ карцерѣ. Ложь сама по себѣ гнусна, но сверхъ сего привычка ко лжи, какъ противоположность правдѣ, есть источникъ большей части золъ въ практической жизни, какъ въ отношеніи къ самому лгуну, такъ и по отношенію къ обманутымъ; вотъ почему ложь и обманъ должны быть наистрожайше преслѣдуемы, начиная съ школьной скамьи. Въ-третьихъ, чѣмъ старше ученикъ, чѣмъ долѣе онъ учился въ заведеніи, тѣмъ строже слѣдуетъ относиться къ нему за нарушеніе классной дисциплины; такъ за драку, за смѣхъ на урокѣ, за крикъ ученику перваго или приготовит. класса можно сдѣлать замѣчаніе съ предупрежденіемъ наказанія, тогда какъ ученику старшаго класса такіе проступки не должны сходить безнаказанно, ибо живость дѣтской натуры и отсутствіе привычекъ къ школьной жизни смягчаютъ вину этихъ проступковъ дѣтямъ, тогда какъ смѣхъ, драка, крикъ въ старшихъ классахъ не имѣютъ за собой этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, а напротивъ степень ихъ виновности увеличивается или преднамѣренностію, или азартомъ и проч. Къ сожалѣнію, на практикѣ часто встрѣчается явленіе обратное: щедро разсыпаютъ наказанія дѣтямъ младшихъ классовъ, и снисходительно за тѣже самые проступки относятся къ ученикамъ старшихъ классовъ. Въ-четвертыхъ, при опредѣленіи степени виновности ученика, а слѣдовательно и при наложеніи наказанія, необходимо сообразить всѣ обстоятельства, вызвавшія тотъ или другой проступокъ противъ школьной дисциплины; такъ наприм. опаздываніе на урокъ, несоблюденіе формы въ одеждѣ, неисправное приготовленіе урока, предъявленіе классному наставнику журнала безъ подписки родителей и т. под. могутъ быть вызваны домашними обстоятель-

ствами ученика, такъ какъ родители не позаботились о правильности часовъ, или задержали ребенка, чтобы напоить его запоздавшимъ чаемъ, болѣзнь или иная домашняя неурядица помѣшали приготовить урокъ, по небрежности родителей журналъ остался безъ ихъ подписи и проч. Учитель, желающій оставаться справедливымъ, прежде наложенія наказанія въ подобныхъ случаяхъ долженъ имѣть сношеніе съ родителями и имъ внушить о необходимости ихъ содѣйствія къ поддержанію классной дисциплины; въ противномъ случаѣ лучше, по моему убѣжденію, совсѣмъ уволить ученика изъ заведенія, чѣмъ наказывать его за грѣхи родителей. Въ-пятыхъ, при исполненіи своихъ обязанностей каждый учитель пусть помнитъ, что онъ есть нетолько насадитель тѣхъ или другихъ научныхъ фактовъ въ дѣтскую голову, тѣхъ или другихъ математическихъ формулъ и грамматическихъ терминовъ, но и воспитатель будущихъ граждапъ въ духѣ правды, чести, трудолюбія и въ духѣ преданности тѣмъ началамъ, которыя создали и укрѣпили наше отечество; при водвореніи же школьной и въ частности классной дисциплины крутыми карательными мѣрами развивается рабскій страхъ, а рабскій страхъ въ палкѣ культуртрегера-плантатора не можетъ вести къ вышесказаннымъ нравственно-благотворнымъ цѣлямъ, и лишь только сыновній страхъ— не обидѣть любимаго отца можетъ быть лучшимъ и самымъ благотворнымъ стимуломъ, побуждающимъ дѣтей идти по тому пути, который указывается школой и ея служителями. Ложь и отецъ лжи—рабскій страхъ—не должны имѣть мѣста въ школѣ.

Въ заключеніе своей замѣтки не могу не упомянуть о томъ, что учителю встрѣчается много преградъ въ его практикѣ не только со стороны воспитываемыхъ имъ учениковъ, но и со стороны лицъ внѣ школы находящихся. Положеніе учителя, какъ чиновника, существенно различно отъ положенія прочихъ чиновниковъ; наприм. казначей, исправникъ, почтмейстеръ могутъ въ душѣ ненавидѣть свою профессію и даже на словахъ

отрицательно относиться къ ней, но все это ничуть не мѣшаетъ имъ быть исправными чиновниками съ формальной стороны и даже еще придаетъ имъ нѣкоторый пріятный для многихъ букетъ модной интеллигентности съ оттѣнкомъ глубокомысленнаго критицизма. Учитель же не формально только долженъ относиться къ исполненію своихъ обязанностей, а съ любовію и съ полнымъ самоотверженіемъ сѣять сѣмена добра въ дѣтскія головы; онъ долженъ любить свое дѣло и чужихъ дѣтей, какъ своихъ; онъ долженъ воодушевленіемъ оживотворить свое дѣло, ибо только при этомъ условіи его трудъ будетъ истинно полезнымъ. Лучшіе педагоги такъ дѣйствительно и смотрятъ на свою профессію, такого возвышеннаго труда требуетъ отъ учителя и все общество, не исключая и вышесказанныхъ глубокомысленныхъ критиковъ. Но требуя отъ учителя такого возвышеннаго труда и признавая тотъ фактъ, что такіе труженики есть въ школахъ, всегда ли общество по достоинству цѣнитъ современную школу? Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы видимъ, что и канцелярскій писецъ, готовящійся къ экзамену на первый классный чинъ, и поручикъ, выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, и золотомъ набитый мѣшокъ, и засаленный базарный шибай, и облекшійся въ мантію космополитизма іезуитъ, и заносчивый воспитанникъ отрицательной журналистики 60-хъ годовъ, и напудренный, съ брелоками салонный хлыщъ и прочая тому подобная, модная и старая интеллигенція на воспитательное значеніе школы смотрятъ съ узкой эгоистической точки зрѣнія, заботясь лишь о в ы г о д а х ъ, сопряженныхъ съ образованіемъ: въ Италіи несутъ клокъ сѣна передъ мордой осла и чрезъ то самое заставляютъ его тянуть тяжесть на гору; такимъ же клочкомъ сѣна для массы служатъ привилегіи и разныя права, соединенныя съ аттестатами и дипломами. Масса никакъ еще не можетъ понять, что современная классическая школа есть въ тоже время и школа г у м а н и з м а, которая образовываетъ ч е л о в ѣ к а, а хорошо воспитанный и образованный человѣкъ

будетъ полезнымъ на всякомъ поприщѣ; спеціальныя же знанія послѣ общаго образованія уже легко пріобрѣтаются въ спеціальныхъ заведеніяхъ и притомъ съ большею основательностію. Однимъ словомъ, идеалъ современной средней школы и идеалъ большей части общества нетолько существенно расходятся, но даже и противорѣчатъ одинъ другому. Между тѣмъ въ видахъ педагогической пользы необходимо со стороны семьи содѣйствіе школѣ, ибо въ противномъ случаѣ нравственное уродство дѣтей, подпавшихъ разнороднымъ вліяніямъ семьи и школы, неизбѣжно: если ребенокъ послѣдуетъ внушеніямъ наставниковъ, тогда онъ долженъ отвергнуть внушенія старшихъ въ семьѣ; если ребенокъ послѣдуетъ авторитету семьи, тогда онъ долженъ отрицательно отнестись къ школѣ, но то и другое для него одинаково гибельно въ нравственномъ отношеніи. Тутъ положеніе учителя поистинѣ весьма трудное. Спорить о томъ, что болѣе развиваетъ память—изученіе ли количества лошадиныхъ и овечьихъ зубовъ, съ точнымъ подраздѣленіемъ ихъ на рѣзцы и коренные, или же изученіе формъ латинскихъ спряженій и склоненій? что болѣе развиваетъ ребенка и юношу—описаніе ли анатомическаго строенія и нервной системы таракана, или же упражненіе въ переводахъ съ одного языка на другой, изученіе рѣчей Цицерона и чтеніе діалоговъ Сократа?—Споры объ этомъ со всѣми вмѣстѣ и съ каждымъ порознь ни къ чему не приведутъ, а между тѣмъ если не согласіе полное, то по крайней мѣрѣ компромиссъ между школой и семьей необходимъ; а этого послѣдняго, не касаясь принципіальныхъ взглядовъ, учитель можетъ достигнуть нравственнымъ вліяніемъ, а именно: образъ жизни, соотвѣтствующій высотѣ его призванія, и пріобрѣтенный имъ авторитетъ и уваженіе среди дѣтей расположатъ оппозиціонную часть общества въ пользу школы; ибо родители, видя дѣтскую любовь къ учителю видя преданность его къ учебно-воспитательному дѣлу, благотворно вліяющую на ихъ собственныхъ дѣтей, помимо, такъ сказать, своихъ теоретическихъ взглядовъ,

склонятся въ пользу школы и уважатъ практическія предложенія учителя. Непреклонными останутся клыщи и іезуиты, но съ ними какая бы-то ни была борьба— напрасный трудъ.

Отрицательныя стороны въ дѣятельности нѣкоторыхъ педагоговъ.

Пунктъ 11 предъидущей статьи я рѣшился пополнить краткимъ указаніемъ на нѣкоторыя отрицательныя стороны въ дѣятельности педагоговъ, нарушающія гармоническія задушевныя отношенія между ученикомъ и учителемъ, дабы чрезъ это противоположеніе по возможности опредѣленнѣе выяснить положительную основную мысль, высказанную въ приведенномъ выше 11 пунктѣ. Эти отрицательныя стороны, или, какъ сказано въ вышеприведенной инструкціи, «педагогическія безтактности», вызывающія неудовольствіе со стороны родителей и учениковъ и нарушающія взаимную нравственную связь между учителемъ и ученикомъ могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько группъ сообразно личнымъ особенностямъ безтактнаго педагога.

Популярничанье.

«Гдѣ между лицами, достойно носящими педагогическое званіе, есть такія, которые позволяютъ себѣ уклоненія отъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, и тѣмъ самымъ оказываютъ пренебреженіе къ авторитету закона—къ главному условію нравственности; гдѣ есть преподаватели, которые иначе занимаются дѣломъ въ присутствіи посѣтителей и иначе—оставаясь одни съ учениками, иногда даже вступаютъ съ ними въ несвойственныя ихъ отношеніямъ разсужденія и въ оцѣнку личныхъ достоинствъ и поступковъ начальниковъ или товарищей, сквозь пальцы смотрятъ на проступки, не направленные непосредственно противъ собственной ихъ личности, ищутъ расположенія учениковъ не достоинствомъ своего преподаванія и характера, а потвор-

ствомъ и пагубнымъ популярничаньемъ: тамъ и въ учащихся нельзя ожидать ни добросовѣстности, ни правдивости, ни сознанія долга, ни чувства чести, ни довѣрія и уваженія къ наставникамъ и вообще къ старшимъ». (Инструкція Педагогическимъ Совѣтамъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа). Къ этой характеристикѣ излишне что-либо прибавлять, кромѣ того, что этотъ типъ (по терминологіи гимназистокъ «милашка, душончикъ») чаще всего встрѣчается среди новичковъ, и что, убѣдившись горькимъ опытомъ въ печальныхъ послѣдствіяхъ популярничанья какъ лично для себя, такъ и для учениковъ относительно ихъ успѣховъ въ наукахъ, популярничающій учитель весьма часто чрезъ нѣсколько лѣтъ службы ударяется въ противоположную крайность, чрезмѣрную безпощадную суровость.

Суровость и сердечная черствость.

Коренная ошибка учителей этого послѣдняго типа состоитъ въ непризнаніи ими того, что всѣ педагогическія мѣры, а въ особенности наказанія, должны сообразоваться съ индивидуальными наклонностями каждаго ученика, и въ настойчивомъ утвержденіи имъ кѣмъ-то брошенной фразы, что среднее учебное заведеніе не есть больница для нравственныхъ калѣкъ; а потому учителя этого направленія, не желая брать во вниманіе семейное положеніе ребенка и его домашнее воспитаніе, желаютъ знать «только ученика», почему и наказаніе, какъ педагогическая мѣра, должно быть всегда за одинъ и тотъ же проступокъ одинаково для всѣхъ; что же касается дѣтей, обнаружившихъ дурныя наклонности и подчасъ злую волю, то такимъ не мѣсто въ гимназія, а слѣдуетъ ихъ отправлять въ исправительныя дѣтскія колоніи или въ особыя исправительныя заведенія для больныхъ дѣтей. Утвержденіе, что гимназія не исправительное заведеніе, есть прямое слѣдствіе отрицанія перваго положенія, т. е. индивидуализаціи педагогическихъ мѣръ, ибо, отрицая индивидуализацію нака-

заній, они чрезъ это самое выдвигають на сцену старинное прокрустово ложе: кто малъ, того слѣдуетъ растянуть по длинѣ кровати, кто великъ, тому ноги прочь; впрочемъ современные защитники прокрустова ложа оказываются нѣсколько гуманнѣе говоря: «всѣхъ подъ одну ферулу, а для кого она тяжела, или легка, того за бортъ школы—въ исправительную колонію!» Внѣшняя дисциплина у такихъ учителей, повидимому, образцовая и ученики ихъ чаще всего достигаютъ достаточныхъ успѣховъ въ наукахъ; но вопросъ здѣсь въ другомъ: во первыхъ, дисциплина-то достигается только внѣшняя и слѣдовательно въ воспитательномъ отношеніи малоцѣнная, какъ основанная на преобладаніи карательныхъ мѣръ надъ нравственными и во вторыхъ, слишкомъ ужъ много страданій и горя терпятъ родители, часто вынужденные брать дѣтей изъ-подъ ферулы этихъ «черезъ-чуръ строгихъ», по ихъ выраженію, учителей, ибо родители, чаще всего неимущіе, рѣшительно не знаютъ, куда имъ опредѣлить своихъ дѣтей, изгнанныхъ изъ мѣстной школы; люди же болѣе состоятельные въ матеріальномъ отношеніи, конечно, съумѣютъ пристроить своихъ изгнанныхъ дѣтей или въ военно-учебное заведеніе, или въ частное учебное заведеніе съ правами казенныхъ заведеній, или въ какой-либо частный приготовительный пансіонъ въ столицахъ. Кѣмъ и чѣмъ питаются эти частныя учебныя заведенія и приготовительные пансіоны?... И я, какъ отецъ и какъ педагогъ, не могу не признать, что сужденія этихъ черезъ-чуръ строгихъ учителей и ихъ дѣйствія далеко не соотвѣтствуютъ ни положительнымъ узаконеніямъ современной школы, ни теоретическимъ требованіямъ раціональной педагогіи, хотя въ то же время вполнѣ признаю тотъ фактъ, что въ условіяхъ современной школы есть очень много поводовъ, раздражающихъ нервную систему педагога, и нарушающихъ равновѣсіе его душевныхъ силъ. Индивидуализація наказаній и разныхъ исправительныхъ педагогическихъ мѣръ узаконена нынѣ дѣйствующими министерскими распоряженіями, а

равно признана необходимою и со стороны многихъ педагогическихъ коллегій: такъ § 5 нынѣ дѣйствующихъ правилъ о взысканіяхъ начинается такъ: «при назначеніи взысканій строго принимаются во вниманіе также—возрастъ ученика, степень его развитія, и прочія индивидуальныя свойства, а также прежнее его поведеніе и успѣхи въ наукахъ».

Въ проектѣ Инструкціи для педагогическихъ Совѣтовъ Московскаго Учебнаго Округа сказано: «школьныя наказанія должны во всякомъ случаѣ сообразоваться съ возрастомъ учащихся, съ индивидуальными свойствами ученика, должны быть строги, но справедливы».

Въ общихъ и главныхъ началахъ правилъ о взысканіяхъ Казанскаго Учебнаго Округа въ пунктѣ 3-мъ сказано: «взысканія должны быть сообразны съ проступкомъ, со степенью развитія и возрастомъ подвергаемаго взысканію и съ его индивидуальностію». Лѣтъ 40 назадъ, правда, нѣкоторое время въ одномъ изъ Округовъ въ гимназіяхъ на видныхъ мѣстахъ были развѣшены таблицы, подробно регламентирующія ученическіе проступки и за нихъ взысканія, но такая регламентація скоро была признана не практичною. Да иначе и не могло быть, ибо въ гимназіяхъ въ составѣ учащихся встрѣчаются замѣчательно рѣзкія противоположности въ направленіяхъ дѣтскихъ характеровъ. Есть дѣти, привыкшіе въ домашнемъ быту къ непригляднымъ сценамъ, къ грубымъ манерамъ, даже къ ругательствамъ и побоямъ; для такихъ уличныхъ дѣтей вещественное наказаніе за проступокъ должно быть сильно чувствительнымъ, чтобы произвести на нихъ должное впечатлѣніе, а что касается моральныхъ взысканій, то къ нимъ такія дѣти мало чувствительны, даже сказанныя по ихъ адресу слова: «болванъ и балбесъ» вызовутъ лишь только улыбку на ихъ лицѣ, какъ легкая игривая шутка со стороны учителя; но есть дѣти настолько деликатные, нѣжные и чувствительные, благодаря или семейной средѣ, или своей воспріимчивой

натурѣ, что строгій взглядъ, возвышенный тонъ, одна угроза учителя производятъ на нихъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ 3-хъ часовой карцеръ на уличнаго мальчика. Будетъ ли послѣ этого справедливымъ и цѣлесообразнымъ и уличнаго мальчика и болѣзненно-впечатлительнаго и нѣжнаго ребенка наказывать одинаково за одинъ и тотъ же проступокъ; положимъ, напримѣръ, за двукратный непринесъ въ классъ пера или тетради? Для послѣдняго одна угроза и сообщеніе родителямъ будетъ болѣе цѣлесообразною и болѣе полезною мѣрою, чѣмъ двухчасовой арестъ для перваго. Есть дѣти и юноши настолько болѣзненно-самолюбивые, что направленный по ихъ адресу со стороны учителя эпитетъ: «болванъ» приводитъ ихъ въ слезы и въ возмущеніе, ищущее удовлетворенія или въ жалобѣ родителямъ, или въ протестѣ учителю тономъ, манерою, а иногда и болѣе рѣзкимъ образомъ, напр., хлопаньемъ дверью при выходѣ изъ класса. Вотъ тутъ то и начинается уже настоящая коллизія учителя съ ученикомъ и съ его родителями: учитель не жалѣетъ красокъ для обрисовки характера дерзкаго, непокорнаго мальчишки, и находитъ единственный выходъ—уволить дерзкаго мальчика изъ школы, какъ производящаго своимъ поведеніемъ деморализующее вліяніе на товарищей. При этомъ нечего грѣха таить, учителя вышеуказаннаго типа далеко не сдержанны на рѣзкія слова и отзывы въ родѣ слѣдующихъ: «бездарность, нравственный калѣка, тупица, шалопай, идіотъ, язва для класса, давно выгнать слѣдуетъ такого... Гимназія—не исправительное заведеніе для нравственныхъ уродовъ»... и т. п.

Весьма не правы эти педагоги и въ послѣднемъ случаѣ, когда утверждаютъ, что гимназія не исправительное заведеніе. Въ семьѣ рѣдко ведется воспитаніе правильно, а чаще всего въ школу поступаютъ дѣти съ разными дурными привычками и наклонностями, а что присутствіе въ школѣ дѣтей съ такими наклонностями—явленіе обыденное, этотъ фактъ я могу констатировать ссылкой на весьма авторитетные источники:

дѣйствующія правила о взысканіяхъ 1874 г. начинаются такъ: «взысканія имѣютъ цѣлію главнѣйше нравственное исправленіе учениковъ» (§ 1-й); § 4-й Инструкціи для классныхъ наставниковъ читается такъ: «Отъ классныхъ наставниковъ преимущественно предъ другими преподавателями должно ожидать, что они своимъ примѣромъ, строго расчитаннымъ и цѣлесообразнымъ примѣненіемъ воспитательныхъ и дисциплинарныхъ мѣръ, будутъ содѣйствовать къ искорененію во ввѣренныхъ имъ ученикахъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, такъ и проч.». § 5-й той же Инструкціи оканчивается такъ: «въ случаѣ же пропуска уроковъ безъ уважительной причины, классный наставникъ принимаетъ надлежащія мѣры къ вразумленію и исправленію лѣнивыхъ и нерадивыхъ учениковъ». Слѣдовательно ясно, что присутствіе въ школѣ дѣтей съ дурными наклонностями и привычками, предполагается гимназическими правилами какъ неизбѣжный фактъ, и что съ этимъ печальнымъ явленіемъ прежде всего и слѣдуетъ бороться педагогическимъ корпораціямъ, послѣдняго требуетъ и циркуляръ Министерства Народн. Просвѣщ. отъ 14 августа 1880 г. за № 4562.

Инструкція воспитателямъ Кіевскаго Учебнаго Округа пытается болѣе подробно перечислить эти привычки; пунктъ 3-й читается такъ: «нравственные недостатки учащихся проистекаютъ частію изъ самой природы ихъ,—а частію они прививаются тою средою, въ которой они получили первоначальное воспитаніе и въ которой обращаются; таковы напр. тщеславіе, эгоизмъ, самонадѣянность, лѣнь, упрямство и многія другія». Г. Ивановъ въ статьѣ своей: «школьная толпа и массовые безпорядки» (Педаг. Сбор. 1897 г.) указываетъ на особый не упоминаемый выше разрядъ дѣтей, къ несчастію, слишкомъ часто въ послѣднее время встрѣчающихся въ школѣ: «Привыкнувъ жить одними только ощущеніями, эти дѣти вносятъ въ школу ненасытную потребность развлеченій, неистощимую изобрѣтатель-

ность въ способахъ ея удовлетворенія и крайне ограниченное умственное содержаніе, которое представляетъ полный доступъ и просторъ самымъ противорѣчивымъ внушеніямъ». Нельзя не указать еще на особый разрядъ среди обучающихся дѣтей, о которомъ не упоминается ни въ Инструкціяхъ ни въ разныхъ правилахъ; между тѣмъ этотъ разрядъ дѣтей—самый многочисленный и достигаетъ до 70% всего числа обучающихся. Это именно дѣти тѣхъ родителей, которые опредѣляютъ ихъ въ гимназію не съ тою цѣлью, чтобы они, окончивъ курсъ, продолжали образованіе далѣе, ибо средства родителей не позволяютъ мечтать о высшемъ заведеніи, а съ тою цѣлью чтобы «сколько-нибудь поучились чему либо полезному» и такимъ образомъ подготовлялись или въ военную службу, или въ другое какое-либо техническое и профессіональное училище, находящееся внѣ осѣдлости родителей, или просто, для того, чтобы по окончаніи четырехъ классовъ засѣли въ канцелярію какую-либо, а подчасъ и за торговый прилавокъ. Понятно, что всѣ дѣти этого разряда, такъ называемые временные обыватели гимназіи, слыша отъ старшихъ въ семьѣ сужденія о непригодности древнихъ языковъ, да и сами, сознавая безцѣльность изученія древнихъ языковъ для канцеляріи и прилавка, учатся этимъ предметамъ крайне неохотно и нисколько не интересуются знаніемъ, а потому прибѣгаютъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ и уловкамъ, чтобы хотя обманомъ заработать порядочную четвертную отмѣтку, нужную для перехода въ слѣдующій классъ, и потому списываютъ работы, готовятъ переводы по подстрочникамъ и учатъ уроки по расчету только для того, чтобы сегодня получить сносную отмѣтку, а чрезъ недѣлю забываютъ пройденное. Присутствіе такихъ учениковъ въ учебномъ заведеніи, подготовительномъ къ университету, есть, конечно, аномалія, а вѣдь этихъ дѣтей насчитывается въ заведеніи до 25%. Но эта аномалія, къ несчастью, не только не кончается четвертымъ классомъ, а, напротивъ, въ среднихъ классахъ достигаетъ громадныхъ раз-

мѣровъ, ибо, какъ мы увидимъ ниже, почти половина учениковъ въ среднихъ классахъ начинаетъ бродить и помимо воли родителей, задумываетъ выходъ изъ заведенія до окончанія курса, и потому начинаетъ такъ-же относиться къ древнимъ языкамъ и практиковать тѣже пріемы ухищреній, какъ и указанные выше 25% временныхъ обывателей гимназіи. Эти ученики, переживающіе переходный возрастъ, благодаря иногда колебаніямъ, иногда своеобразнымъ сужденіямъ родителей—дать дѣтямъ годичный отдыхъ, ведутъ жизнь несовсѣмъ согласную съ строгими требованіями ученическихъ правилъ: чаще, чѣмъ слѣдовало бы ученикамъ, посѣщаютъ театры, концерты, общественныя гулянья, увлекаются подчасъ танцами, музыкой, чтеніемъ интересныхъ книжекъ, дѣлаются нѣсколько развязными въ манерахъ, въ тонѣ, щеголеваты въ одеждѣ и т. п. и вообще ведутъ жизнь болѣе разсѣянную, чѣмъ прилежные и трудолюбивые ученики, которые нерѣдко работаютъ въ ущербъ физическому здоровью; но при всемъ томъ эти бродящіе Робинзоны среднихъ классовъ гимназіи въ существѣ дѣла не допускаютъ какихъ-либо отступленій отъ дисциплины, влекущихъ за собою примѣненіе строгихъ взысканій, а тѣмъ болѣе не подаютъ поводовъ къ увольненію ихъ изъ гимназіи.

Рисуя картину на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, мы видимъ, что въ школѣ есть дѣти буйныя, драчливыя и какъ противоположность имъ плаксивыя (нюни, маменькины сынки); болѣзненно самолюбивыя, капризныя, тщеславныя, хвастуны, эгоисты, самонадѣянныя, лѣнивыя, нерадивыя, уклоняющіяся отъ посѣщенія уроковъ, увлекающіяся свѣтскими удовольствіями, щегольствомъ, музыкою, чтеніемъ; страдающія разными болѣзнями: подслѣповатыя, глуховатыя, золотушныя, малокровныя, чаще всего нервно-непосидчивыя, вертлявыя, слабовольныя, поддающіяся всевозможнымъ внушеніямъ, жаждущія развлеченій; склонныя къ обманамъ: списыванью работъ, подсказамъ, подготовкѣ уроковъ по подстрочникамъ и т. д. Имѣя дѣло съ такимъ

составомъ учащихся, черствый и суровый учитель, отличающійся, обыкновенно, нѣкоторою прямолинейностію выводовъ, и чаще всего значительною долею нервности, не считаетъ себя обязаннымъ усиленно потрудиться надъ исправленіемъ нравственныхъ недостатковъ учениковъ, а дѣлается рѣзкимъ въ обращеніи съ такими учениками, невоздержнымъ въ выраженіяхъ, граничащихъ съ оскорбительными и даже изощряется въ изобрѣтеніи острословія, благодаря которому вмѣсто дѣтей и учениковъ гимназіи являются: «студенты-вольнослушатели, шлифователи паркетныхъ гостиныхъ, постоянные завсегдатаи театровъ и концертовъ, бульварные бродяги, мошенники, нахальные лгуны...» даже родителямъ достается отъ такихъ педагоговъ, ибо родителямъ нѣтъ вѣры ни въ чемъ, какъ и самимъ ученикамъ: родители только прикрываютъ пороки и лѣность дѣтей указаніемъ на болѣзнь и на необходимость отдыха и т. п. Но подобнаго рода дѣйствіями педагогъ вноситъ лишь новую смуту въ отношенія учениковъ къ учителю, ибо на такихъ педагоговъ вооружается семья и такимъ образомъ дѣтскіе выводы о чрезмѣрной требовательности и несправедливости учителя санкціонируются приговорами старшихъ въ семьѣ. Педагоги подобнаго типа забываютъ, что не только среди дѣтей съ указанными выше нравственными недостатками и среди указанныхъ мною 70% временныхъ учениковъ гимназіи есть много натуръ, одаренныхъ хорошими умственными способностями, но «даже и среди уличныхъ мальчиковъ», какъ говоритъ Ивановъ въ вышеприведенной статьѣ: «о школьной толпѣ», есть не мало мальчиковъ самолюбивыхъ, настойчивыхъ и съ задатками желательной оригинальности въ складѣ натуры. Они съ трудомъ подчиняются новымъ внушеніямъ (т. е. школьной дисциплинѣ), но за то все усвоенное подвергаютъ самостоятельной переработкѣ и превращаютъ въ дѣйствительное достояніе своей натуры. Ихъ неподатливость заразѣ подражанія (дисциплинированія) есть результатъ самобытности, которая удерживаетъ отъ проявленій стадности».

Я не безъ цѣли говорю о суровыхъ педагогахъ, что они «забываютъ», ибо если возьмутъ трудъ безпристрастно воспроизвести въ памяти прошлый 12-ти лѣтній періодъ, то увидятъ, что многіе изъ тѣхъ учениковъ, которыхъ они называли «бездарностію, шалопаями, нравственными калѣками... «хорошо оканчивали курсъ или въ томъ же заведеніи или въ другомъ, начиная усердно заниматься съ 6-го или 7-го класса, и состоятъ въ числѣ самыхъ надежныхъ студентовъ: кончилось броженіе, пережитъ переходный возрастъ—кончились и школьныя шалости; а если взять для наблюденія періодъ вдвое большій, то окажется, что изъ числа учениковъ «перебродившихъ» въ гимназіи, многіе, по окончаніи курса въ университетѣ, своею общественною дѣятельностію приносятъ только честь учебному заведенію, «выходившему» ихъ. А если г. Ивановъ правъ въ своихъ выводахъ и наблюденіяхъ надъ дѣтьми указанныхъ типовъ, что не оспоримо вѣрно, то несомнѣнно преподаватель не вправѣ выбрасывать такихъ дѣтей за бортъ школы, ибо съ одной стороны и положительныя школьныя узаконенія, какъ мы уже видѣли, требуютъ отъ педагоговъ, чтобы они главнымъ образомъ заботились объ исправленіи нравственныхъ недостатковъ въ дѣтяхъ, съ другой стороны, нравственный долгъ передъ родителями и обществомъ обязываетъ педагога придти на помощь бѣдной семьѣ не могшей, или по недостатку матеріальныхъ средствъ или по недостатку умѣнья, внушить своимъ дѣтямъ правила благовоспитанности и дать должную нравственную выдержанность. Многіе изъ педагоговъ сами состоятъ отцами семействъ и, по состоянію своему, конечно, не имѣютъ возможности содержать опытныхъ гувернеровъ, и потому знаютъ по опыту, что послѣ служебныхъ занятій у нихъ самихъ не хватаетъ уже ни энергіи, ни силъ на занятія и работы съ своими дѣтьми; но вѣдь въ такомъ же положеніи, а, можетъ быть, и въ худшемъ находится не мало отцовъ и по другимъ вѣдомствамъ. Къ несчастію, есть педагоги, которые не желаютъ возиться

со строптивыми и слишкомъ чувствительными, или слишкомъ подвижными дѣтьми, а заботятся лишь поскорѣе изгнать ихъ изъ школы. Нѣтъ спору, возиться надъ исправленіемъ нравственныхъ недостатковъ дѣтей утомительно, тяжело, но трудность дѣла не оправдываетъ полнаго и при томъ почти безпорядочнаго отступленія предъ благороднымъ трудомъ на пользу нравственно невыдержанныхъ дѣтей и на помощь бѣднымъ отцамъ и матерямъ. Весь вопросъ сводится къ степени нравственной испорченности, но опытъ свидѣтельствуетъ, что безнадежно порочныхъ дѣтей въ гимназіяхъ, слава Богу, нѣтъ, а если и являются иногда такіе, то они пролетаютъ едва замѣтнымъ метеоромъ, а бездарныхъ очень мало, да и эти послѣдніе дальше 2-го или 3-го класса не заходятъ, и потому на основаніи всего вышеизложеннаго, я не нахожу никакихъ нравственныхъ и раціональныхъ основаній, которыя бы оправдывали переходъ популярничающихъ учителей—въ лагерь учителей суровыхъ и черствыхъ; развѣ тѣмъ только можно объяснить этотъ переходъ, что нервнымъ натурамъ всегда свойственны рѣзкіе переходы отъ одной крайности къ другой: если начнутъ смѣяться—то до упаду, если начнутъ плакать—то до истерики. Но нельзя же забывать этимъ педагогамъ и того, что нервностію страдаютъ и большая часть дѣтей и большая часть матерей. Нѣкоторые иными причинами объясняютъ жизненность типа школьнаго учителя съ унтеръ-офицерскимъ пошибомъ: отъискиваютъ причину или въ прирожденной сердечной черствости, или въ сердечномъ ожесточеніи, развившемся вслѣдствіе жизненныхъ неудачъ, склонившихъ «человѣка» къ «мизантропіи»; иные склонны видѣть въ этомъ типѣ изсохшіе остатки «послѣднихъ язычниковъ», вскормленныхъ на кровавыхъ жертвоприношеніяхъ въ старое время, когда нерѣдко появлялись въ школахъ, особенно духовныхъ, такіе учителя, которые лишались за обѣдомъ аппетита въ тотъ день, въ который имъ не удавалось выдрать ученика, какъ «сидорову козу». Наконецъ есть лица, пытающія объяснить

пріемы этихъ суровыхъ и черствыхъ учителей сознательно преслѣдуемой ими какой-либо тенденціей, чуждой педагогическихъ цѣлей, напр. стремленіемъ воздать должное «маменькамъ», кои не жалѣютъ красокъ и остроумія, чтобы «процѣдить» неугодившихъ имъ учителей... Но я отказываюсь возражать противъ послѣднихъ доводовъ, сводящихъ дѣло на личную или какую-либо иную тенденціозную почву, ибо всякіе доводы и соображенія педагога безцѣльны и неумѣстны тамъ, гдѣ споръ сводится къ вопросу о добросовѣстности педагога; такой вопросъ совсѣмъ не педагогическій, а юридическій, пусть же юристы и разрѣшаютъ споръ.

Инквизиторство.

Въ современной школѣ продолжаетъ существовать другой старинный типъ учителя-инквизитора (авдитора, репетитора), типъ этотъ въ существѣ дѣла распадается на нѣсколько разновидностей, изъ которыхъ самымъ зловреднымъ является инквизиторъ-карьеристъ. Я позволяю себѣ сперва высказать общія характерныя черты этого типа, а потомъ коснусь условій, поддерживающихъ существованіе этого типа учителей инквизиторовъ или репетиторовъ. Профессоръ Ю. Кулаковскій характеризуетъ ихъ такъ: «если судить по преобладающему общему типу, то въ настоящее время русское слово учитель слѣдовало бы передавать на латинскомъ языкѣ никакъ не чрезъ praeceptor, а пожалуй inquisitor, отъ inquirere, что значитъ: выспрашивать, развѣдывать. Учитель у насъ есть вѣчный экзаменаторъ. Его обязанность—задать урокъ и поставить отмѣтку. Чѣмъ больше отмѣтокъ заноситъ онъ въ классный журналъ, тѣмъ онъ, значитъ, рачительнѣе ведетъ свое дѣло. Такъ какъ не учитъ учениковъ, а только обязанъ стараться заставить ихъ учиться, то вполнѣ естественно, что свою дѣятельность въ классѣ онъ обращаетъ въ уловленіе ученическаго незнанія, которое немедленно протоколируется выставкой балла въ журналѣ, соотвѣтствую-

щей данной фамиліи. Улавливаніемъ незнанія исчерпывается у большинства учителей ихъ отношеніе къ дѣлу ученія... конечно быть учителемъ гораздо труднѣе, нежели оставаться въ роли инквизитора. Заставлять дѣтей и юношей учиться въ классѣ,—дѣло, требующее великаго напряженія, постояннаго вниманія, приспособленія и опытности, тогда какъ халатъ инквизитора освобождаетъ педагога отъ всякой работы...» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1890 года, февраль).—Признавая все сказанное въ этой выдержкѣ вполнѣ справедливымъ позволяю внести поправку къ послѣдней высказанной г. Кулаковскимъ мысли: не одно желаніе облегчить преподавательскій трудъ вызвало на свѣтъ Божій инквизиторскіе пріемы, а тому есть еще двѣ причины и, пожалуй, болѣе существенныя, чѣмъ освобожденіе отъ излишней работы: я знаю учителей—инквизиторовъ великихъ мучениковъ своего труда; такъ что замѣчаніе г. Кулаковскаго о желаніи освободиться отъ излишняго труда справедливо лишь по отношенію къ нѣкоторымъ разновидностямъ учителей-инквизиторовъ, положимъ, лѣнивыхъ или малоспособныхъ. Инквизиторскіе пріемы въ преподаваніи вызываются, съ одной стороны, весьма практическимъ и, пожалуй, гуманнымъ стремленіемъ этихъ учителей подготовить учениковъ къ благополучной сдачѣ экзаменовъ, съ другой стороны, установившимся на практикѣ формальнымъ способомъ ревизій учебныхъ заведеній. Такъ какъ чаще всего инквизиторскіе пріемы встрѣчаются среди учителей древнихъ языковъ, то и рѣчь наша будетъ касаться преимущественно учителей этихъ предметовъ. Въ виду двоякаго значенія гимназій, существующаго конечно фактически, но не по уставу, и въ виду краткости времени, назначаемаго на выполненіе гимназическихъ программъ, учителя считаютъ невыполнимыми на практикѣ тѣ высокія и идеальныя задачи, какихъ слѣдовало бы достигать преподаваніемъ древнихъ языковъ, и которыя изложены въ пунк. 2-мъ объяснительной записки къ правиламъ для учени-

новъ гимназій слѣдующимъ образомъ: «преподаваніе должно не только сообщать познанія и умѣнія, но и воспитывать умъ, развивать эстетическій вкусъ, облагораживать чувства, направлять волю къ добру и правдѣ, наполнять душу высокими стремленіями... Такое всестороннее воспитательное значеніе можетъ имѣть... въ особенности чтеніе древнихъ авторовъ». Но взглянемъ дѣйствительности къ глаза,—какъ она есть и какія она представляетъ данныя къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей. Двоякое назначеніе гимназій проглядываетъ въ самомъ первомъ § нынѣ дѣйствующаго Устава: «гимназіи имѣютъ цѣлію доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ приготовительными заведеніями для поступленія въ университеты и другія высшія спеціальныя училища». На самомъ же дѣлѣ громадное большинство учащихся не поступаетъ и не желаетъ поступать въ высшія учебныя заведенія: изъ таблицы, приложенной къ Историческому очерку Пензенской гимназіи, видно, что за періодъ времени отъ 1871 г. по 1889 г. поступило по именному списку во всѣ классы гимназіи 1522 мальчика, а окончило курсъ за тотъ же періодъ съ аттестатомъ зрѣлости только 341 ученикъ, а остальные выбыли изъ гимназіи до окончанія курса, слѣдовательно: окончило курсъ всего 22, 4%. Просматривая подобные отчеты другихъ заведеній, приходишь къ заключенію, что процентное отношеніе оканчивающихъ курсъ ко всему числу поступающихъ въ счастливыхъ гимназіяхъ опредѣляется цифрой 25; а какъ исключеніе въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ въ самые счастливые годы оканчивало 30% всѣхъ поступившихъ; но едвали этотъ процентъ удержится за этими счастливѣйшими гимназіями, если взять не одинъ годъ, а періодъ не менѣе 12 лѣтъ? а остальные 70% изъ числа обучающихся въ гимназіяхъ не поступаютъ въ высшія заведенія по разнымъ причинамъ: одни болѣе 25%, какъ мы выше видѣли, при самомъ поступленіи въ гимназію, задаются болѣе ограниченной зада-

чей «чему-нибудь полезному поучиться» и подготовиться къ одной изъ вышеуказанныхъ профессій или къ канцелярскимъ занятіямъ, другіе, почти половина всѣхъ поступившихъ учениковъ (до 45°/₀), перейдя въ 4-й или 5-й классъ, помимо воли и сверхъ ожиданія родителей, начинаютъ мыслями бродить по разнымъ дебрямъ житейской суеты, задаваясь задачами, отъискать хлѣбъ насущный, и изъискиваютъ къ тому самые кратчайшіе, болѣе надежные, болѣе пріятные и во всякомъ случаѣ менѣе тернистые пути чѣмъ путь науки; а такихъ путей находятъ очень много: торговля, служба въ канцеляріяхъ, женитьба, образованіе въ специальныхъ техническихъ заведеніяхъ, земство, сельское хозяйство, военная служба вольноопредѣляющимся, которой подчасъ не избѣгнешь и которую необходимо отбывать «рядовымъ»; такъ уже лучше въ это же время заработать и 1-й офицерскій чинъ; а для многихъ первый офицерскій чинъ слишкомъ много значитъ, такъ какъ онъ переводитъ лицо изъ податнаго состоянія въ привиллегированное и при томъ гораздо скорѣе, чѣмъ высшее образованіе, и сразу открываетъ шлахбаумы на многихъ хлѣбныхъ путяхъ: офицеръ въ отставкѣ можетъ быть становымъ, земскимъ начальникомъ, членомъ управы, чиновникомъ особыхъ порученій и т. д. и т. д. и всѣ подобныя должности оплачиваются тысячнымъ и болѣе содержаніемъ. А у кого бабушка ворожитъ, тому и вовсе не трудно получить «тепленькое» мѣстечко. Если маленкіе робинзоны, ученики 1-го 2-го классовъ, отправляются искать счастья съ украденными тремя грошами въ лѣса Америки и Африки, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что робинзоны среднихъ классовъ гимназіи далеко благоразумнѣе своихъ младшихъ братьевъ и ищутъ счастья около своихъ «бабушекъ» и вотъ, пробѣгая мысленно по кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путямъ, на коихъ «бабушка ворожитъ» ученики 4 и 5 классовъ наталкиваются на многія картины, нетолько соблазнительныя, но просто очаровывающія ихъ живое воображеніе: «Иванъ Ивановичъ окончилъ курсъ только въ уѣздномъ училищѣ,

а состоитъ директоромъ Банка, Петръ Ивановичъ изъ 5-го класса, а чрезъ 5 лѣтъ сталъ судебнымъ приставомъ, обзавелся домкомъ и семействомъ; Иванъ Степановичъ изъ 6-го класса вышелъ, окончилъ въ юнкерскомъ и такимъ образомъ чрезъ 8 лѣтъ по выходѣ изъ 6-го класса сталъ земскимъ начальникомъ; Степанъ Ивановичъ вышелъ изъ 7 го класса, поступилъ писцомъ къ прокурору и теперь чрезъ 7 лѣтъ,—занявшись частной адвокатурой, сталъ зарабатывать въ годъ болѣе 3-хъ тысячъ, имѣетъ хорошій домъ и пятерыхъ сыновей; Кондратьевъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ выхода изъ 6-го класса сталъ контролеромъ на желѣзной дорогѣ, получаетъ болѣе 4-хъ тысячъ и живетъ чисто по пански и т. д. однимъ словомъ, Кондратьевъ, Степанъ Ивановичъ и Иванъ Степановичъ живутъ гораздо лучше, чѣмъ земскіе врачи, скучающіе въ деревнѣ, и гораздо комфортабельнѣе и богаче учителей гимназіи; а вотъ Митя Клубничкинъ старше ихъ всѣхъ, а только состоитъ еще кандидатомъ на судебныя должности.; да и стоитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, идти въ юристы: надо еще въ гимназіи учиться года 4, (5, 6, 7, 8-й). въ университетѣ пять лѣтъ, да кандидатомъ будетъ состоять лѣтъ пять!.. А посмотрите, сколько исправниковъ, становыхъ, совѣтниковъ и начальниковъ отдѣленій въ Палатахъ, которые дальше 5-го класса незаходили, а живутъ себѣ припѣваючи... А вотъ Андрюшка Кобылкинъ, выгнанный изъ 6-го класса, давно женился, полторы тысячи десятинъ въ приданое получилъ, теперь избранъ членомъ губернской земской управы на 3000 жалованья; въ столицѣ Андрюшку называютъ представителемъ мѣстной интеллигенціи и причисляютъ къ «излюбленнымъ выборнымъ людямъ земли русской; а ужъ и озорникъ же и лѣнтяй былъ... а Петя Костиныхъ, однокурсникъ Андрюшкинъ, еще въ университетѣ учится...» Семейный совѣтъ, внявъ резонерству юношей и обсудивъ всѣ приведенныя ими данныя, въ соучастіи знакомыхъ, рѣшаетъ, что «нашему пятикласснику Шуркѣ нужно только 6 классовъ окончить: онъ вѣдь долженъ отбывать воинскую повинность;

второклассникъ Кока пусть изъ 4-го класса поступитъ въ сельско хозяйственную школу, чтобы хуторомъ завѣдывать, а въ случаѣ будетъ служить въ земствѣ, а вашему Мишѣ достаточно 4-хъ классовъ для поступленія къ дядѣ на дорогу и т. д. и т. д.; и вотъ всѣ эти Шурки, Коки, Миши и Андрюшки лѣнтяи и озорники заставляютъ своихъ отцовъ забыть свои мечты о высшемъ учебномъ заведеніи и по принципу бросаютъ заниматься древними языками, какъ вещью ненужною, прибѣгая къ пріемамъ обмана, практикуемымъ мимоводьными учениками гимназіи, о коихъ выше упомянуто было; такимъ образомъ разныхъ лѣнтяевъ и озорниковъ Андрюшекъ и вообще ищущихъ счастья и карьеры внѣ высшей школы оказывается болѣе 70% всего количества обучающихся въ гимназіи прежде, чѣмъ ученики доходятъ до 6-го класса; а между тѣмъ родители, испытывая какое-то инстинктивное уваженіе къ наукѣ, всетаки не рѣшаются сейчасъ же уважить просьбѣ дѣтей и сразу покончить съ учебнымъ заведеніемъ, а продолжаютъ еще нѣкоторое время держать дѣтей въ школѣ, чтобы они еще «чему-нибудь научились» и даже приглашаютъ иногда репетиторовъ къ такимъ юношамъ, такъ что эти юноши весьма часто порядочно учатся по всѣмъ предметамъ, кромѣ древнихъ языковъ, и только благодаря инквизиторскому кнуту достигаютъ едва сносныхъ знаній, кои могутъ быть оцѣнены тройкой съ минусомъ, и такимъ образомъ только при помощи инквизиторскаго кнута учитель можетъ подготовить такихъ лѣнтяевъ и озорниковъ къ благополучной сдачѣ экзамена по древнимъ языкамъ изъ курса 4-хъ или 6-ти классовъ гимназіи. Благодаря инквизиторскимъ пріемамъ преодолѣвается еще и другое важное препятствіе, встрѣчаемое на пути къ достиженію цѣли благополучной сдачи экзаменовъ: въ году насчитывается учебныхъ дней 200, если включить сюда и время, посвящаемое учениками на переводные экзамены; но нерѣдко учебныя заведенія поражаются эпидеміями: корью, свинкой, инфлуенцой, вѣтряной оспой и т. п., перебирающими чет-

варть а иногда половину учениковъ, такъ что въ среднемъ выводѣ на каждаго ученика въ эти неблагополучные годы учебное время сокращается еще на 20 дней по болѣзни, и вотъ въ теченіе этихъ 180 дней ученики должны, согласно программамъ, усвоить слѣдующіе матеріалы: въ 1-мъ классѣ, по одному предмету географіи необходимо усвоить болѣе 2000 понятій, по латинскому языку, согласно программамъ, усвоивается не менѣе 1000 словъ, (на самомъ же дѣлѣ всегда болѣе) и болѣе 2000 новыхъ грамматическихъ формъ и терминовъ; по ариѳметикѣ, Закону Божію, русскому языку и рисованію—тоже необходимо усвоить массу новыхъ понятій по совокупности по этимъ 4 предметамъ не менѣе 4000; такимъ образомъ выходитъ, что ученикъ 1-го класса въ теченіе 180 дней долженъ основательно усвоить болѣе 9000 названій, понятій, терминовъ, грамматическихъ формъ, особенностей, исключеній, хронологическихъ, историческихъ (священная исторія) и географическихъ данныхъ, событій, лицъ, именъ, разныхъ правилъ по всѣмъ наукамъ, формулъ и проч. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ приходится усвоивать еще болѣе, приблизительно отъ 11 до 12 тысячъ понятій, ибо къ прежнимъ наукамъ прибавляются новые предметы: новые языки (со II класса), греческій языкъ, алгебра, исторія (съ 3-го класса), геометрія, славянскій языкъ (съ 4-го класса). Этотъ приблизительный расчетъ сдѣланъ по учебникамъ, но и сверхъ учебниковъ не мало сообщается учителями свѣдѣній. Какъ мышечная сила неодинакова и во всякомъ случаѣ имѣетъ опредѣленный предѣлъ, такъ и сила памяти у дѣтей должна подлежать дѣйствію тѣхъ же законовъ: если одинъ человѣкъ можетъ поднять 6 пудовъ и продержать эту тяжесть въ теченіе 2-хъ часовъ, а другой поднять ту же тяжесть может и продержать эту тяжесть только въ теченіе 2 минутъ; если иной человѣкъ можетъ поднять только 2 пуда и продержать ихъ 5 минутъ, то, конечно, и сила памяти неодинакая у всѣхъ и ограничена у каждаго субъекта особыми предѣлами, и потому нельзя несчетное число понятій

всыпать въ голову каждаго ребенка и въ то же время требовать, чтобы эти понятія были ясны, опредѣленны всесторонне полны и притомъ чтобы по первому неожиданному требованію преподавателя выкладывались таковыми экзаменатору. Къ счастію дѣтская натура такова, что, вслѣдствіе отсутствія твердости воли и вслѣдствіе недостаточности активнаго вниманія, могущихъ въ старшемъ возрастѣ до nec plus ultra напрягать умственныя силы для усиленной дѣятельности и даже въ ущербъ физическому организму, излишне сообщаемыя новыя свѣдѣнія рѣдко переутомляютъ дѣтей и рѣдко ослабляютъ ихъ память, а усвоиваются чаще всего на счетъ забвенія прежде усвоенныхъ понятій: если ученики 4-го класса забываютъ $^3/_4$ знаній изъ курса географіи 2-го класса и если ученики 7-го класса забываютъ столько же знаній изъ курса географіи 4-го клосса, (а это общеизвѣстные и провѣренные факты), то очевидно въ такомъ же количествѣ забывались-бы чрезъ два года и курсы пройденные въ предъидущихъ классахъ на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ; но тутъ-то и является на помощь золотое изреченіе глубокой старины: repetitio mater studiorum, а репетиторство и инквизиторство въ существѣ дѣла—одинъ и тотъ же пріемъ въ отношеніи достигаемыхъ ими цѣлей, а что репетиторскіе и инквизиторскіе пріемы вызываются именно забвеніемъ прежде пройденнаго, это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что инквизиторскіе и репетиторскіе пріемы являются преобладающими на практикѣ у учителей, преподающихъ въ среднихъ классахъ: въ 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ. Однимъ словомъ—благодаря присутствію въ заведеніи 70% не желающихъ кончить курсъ, и благодаря обилію учебнаго матеріала, подлежащаго усвоенію въ короткое время, учителя оставляютъ заботы о достиженіи высокихъ эстетическихъ и иныхъ воспитательныхъ цѣлей при изученіи языковъ, а всё вниманіе сосредоточиваютъ на достиженіи ближайшихъ самыхъ практическихъ цѣлей—подготовить учениковъ къ экзаменамъ. Стремиться же къ этому весьма естественно еще и потому, что коман-

дируемыя на ревизію заведеній лица при ревизіяхъ внимание свое сосредоточиваютъ преимущественно на экзаменахъ: т. е. ревизуютъ результаты преподаванія, а не самые методы преподаванія среди учебнаго времени, и подсчетомъ лексическихъ, этимологическихъ, синтаксическихъ и стилистическихъ ошибокъ, отмѣченныхъ въ письменныхъ работахъ учениковъ 6-го класса при переводахъ съ русскаго языка на древніе опредѣляютъ доброкачественность преподавателя и его труда. Удивительно ли послѣ этого подавляющее преобладаніе репетиторскихъ и инквизиторскихъ методовъ, которые по выраженію г. Кулаковскаго «замѣщаютъ живую душу класса, лицо учителя». Слѣдуя раціональнымъ методамъ, требующимъ гораздо бóльшаго времени для выполненія программъ и въ тоже время для подготовки учениковъ къ сдачѣ установившихся экзаменовъ, учитель оказался-бы въ числѣ негодныхъ учителей, какъ не подготовившій учениковъ къ экзамену и къ благополучной ревизіи. Можно ли сильно обвинять учителя за то, что онъ для достиженія цѣлей, полезныхъ и пріятныхъ ученикамъ и родителямъ, а равно выгодныхъ и ему самому, т. е. для подготовки учениковъ къ благополучной сдачѣ экзаменовъ, избираетъ болѣе надежные пріемы, какими при указанныхъ выше условіяхъ нельзя не признать пріемы репетиторскіе и инквизиторскіе? Если сравнимъ суроваго и черстваго учителя съ учителемъ—инквизиторомъ, то увидимъ, что послѣдній заботится своими пріемами дотянуть ученика хотя до окончанія курса въ 4-мъ или 6-мъ классѣ гимназіи; между тѣмъ суровый учитель не желаетъ доставить и этого маленькаго удовольствія родителямъ и ученикамъ; кромѣ того, черствые учителя, вырывая плевелы, сплошь и рядомъ вырываютъ и пшеницу. Въ Виленской гимназіи я засталъ Ю. А. Кулаковскаго и его покойнаго брата и, по отзывамъ моихъ сослуживцевъ, помню ихъ какъ очень даровитыхъ учениковъ, но мнѣ не приходилось давать уроковъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ обучался Ю. А. Кулаковскій; и потому многоуважаемый Юліанъ Але-

ксандровичъ не подумаетъ, я вполнѣ увѣренъ въ этомъ, что моя поправка къ его односторонне высказанной мысли объ учителяхъ—инквизиторахъ вызвана оскорбленнымъ самолюбіемъ, а допуститъ возможность мысли, что и я, взявъ перо въ руки, руководствовался тѣмъ же мотивомъ, который заключается въ эпиграфѣ къ его статьѣ: Amicus plato, sed magis amica veritas. Нѣтъ спору, что инквизиторство—зло, но зло еще терпимое и до нѣкоторой степени оправдываемое указанными обстоятельствами, и потому я не дерзаю избивать каменьями учителей—инквизиторовъ и рѣшился бы на это избіеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы количество уроковъ на выполненіе программъ по древнимъ языкамъ было весьма значительно прибавлено, если бы цѣли ревизій направлялись не на экзамены, но на пріемы преподаванія среди учебнаго года; и наконецъ если бы какимъ либо образомъ классическая гимназія освободилась отъ 70% вышеозначенныхъ мимовольныхъ и временныхъ учениковъ отвлеченіемъ ихъ или въ иныя какія либо общеобразовательныя, или въ иныя подготовительныя, но только не къ университету, школы; такъ что только при осуществленіи этихъ трехъ условій, преобладаніе инквизиторскихъ и репетиторскихъ методовъ преподаванія въ гимназіи я призналъ бы безусловнымъ зломъ. Репетиторскіе и инквизиторскіе пріемы оказываются безусловнымъ зломъ и въ томъ случаѣ, если они осложняются посторонними педагогическому дѣлу тенденціями, напр. карьеризмомъ. Ибо въ послѣднемъ случаѣ личные интересы инквизиторовъ-карьеристовъ сталкиваются съ интересами другихъ преподавателей и въ тоже время ложатся тяжкимъ бременемъ на учениковъ, вызывая двойное недоразумѣніе: съ одной стороны, между карьеристомъ и его товарищами по службѣ, съ другой стороны, между карьеристомъ и учениками. Товарищи, относящіеся болѣе сердечно къ дѣтскимъ силамъ и болѣе скромно къ своему труду, чѣмъ карьеристъ справедливо претендуютъ на то, что карьеристъ своимъ нещаднымъ инквизиторствомъ и обиліемъ еди-

вицъ захватываетъ всѣ силы и все время у учениковъ, такъ что болѣе скромнымъ преподавателямъ приходится отвоевывать у него время ученикамъ для домашнихъ занятій другими предметами; ученики и ихъ родители удручены гнетомъ такого учителя, который нестѣсняясь открыто высказываетъ, что ему нѣтъ дѣла до другихъ преподавателей и что онъ не входитъ въ разсужденія о томъ, много-ли изъ учениковъ его класса получитъ аттестатъ зрѣлости, а для него прежде всего важно, чтобъ всѣ ученики, допущенные имъ къ испытаніямъ зрѣлости или къ испытаніямъ въ 6-мъ классѣ, написали сочиненіе по его предмету хорошо и чтобы такимъ образомъ всѣ 100% выдержали экзаменъ, хотя бы изъ 100 учениковъ, поступившихъ въ 1-й классъ, и дошли до 6-го класса всего только 5 учениковъ. Такой счетъ %, конечно, крайне не симпатиченъ ученикамъ и родителямъ.

Резюмируя все сказанное объ отрицательныхъ сторонахъ въ дѣятельности педагоговъ, необходимо придти къ тому выводу, что съ одной стороны какъ популярничанье, такъ и безсердечная черствая суровость въ отношеніяхъ къ воспитанникамъ, съ другой стороны, какъ преобладающій инквизиторскій методъ преподаванія, такъ въ особенности педагогическій карьеризмъ не только не ведутъ къ достиженію высокихъ цѣлей, ожидаемыхъ отъ гимназій по уставу, но положительно вредны, какъ элементы, нарушающіе нравственную связь между ученикомъ и учителемъ и вселяющіе въ нѣжныя воспріимчивыя дѣтскія и юношескія души оппозицію и гибельный критицизмъ въ отношеніи къ старшимъ. Относительно же критицизма и вообще резонерства въ дѣтяхъ В. Г. Бѣлинскій выражается такъ: «Если несносенъ, пошлъ и гадокъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ, знаніи разсуждаетъ какъ о посѣвѣ хлѣба, то еще отвратительнѣе ребенокъ резонеръ, который вовсе не въ силахъ мыслить.—Нужно душить въ дѣтяхъ эту несчастную спо-

собность (резонерства, критицизма), иссушающую источникъ жизни, любви, благодати и дѣлающую дѣтей маленькими старичками».

Заключеніе.

Намъ педагогамъ необходимо обратить вниманіе наше на два мѣста въ вышеуказанной статьѣ г. Иванова, касающіяся способовъ *нравственнаго вліянія на учениковъ*, какое прежде всего необходимо не только въ частности для поддержанія порядка въ классѣ, но вообще для дисциплинированія ума, воли и сердца. «Суровыми наказаніями и черствой строгостію, конечно, можно достигнуть поразительно эффектныхъ проявленій безпрекословной покорности учащихся. Но если бы даже строгій педагогъ не только заставилъ учащихся и «плясать подъ свою дудку», но, до поры до времени могъ дѣйствительно изъ каждаго «и веревки вить и дрова рубить», тѣмъ не менѣе питомцы его не обнаружили бы послушанія только изъ боязни брани неизбѣжнаго наказанія,—они боялись бы его не меньше, чѣмъ укушенія злой собаки, отъ которой изъ благоразумія всякій прячется. Не такой, конечно, страхъ желателенъ съ педагогической точки зрѣнія, не такое подчиненіе воспитываетъ свободную волю, и не такіе результаты прельстятъ педагога, стремящагося вести дѣло безъ трескучихъ эффектовъ». Въ другомъ мѣстѣ той же статьи сказано: «Сила убѣжденій, дѣйствующихъ на складъ мыслей массы, лежитъ не въ логическихъ достоинствахъ убѣжденій, а *въ престижѣ и обаяніи*, которымъ пользуется тотъ, кто ихъ высказываетъ».

Это свойство массъ должно заставить педагога признать, что вліяніе на учащихся пріобрѣтается главнымъ образомъ путемъ цѣлесообразныхъ воздѣйствій на *ихъ чувства, а не на умъ*. Воспитатель, напримѣръ, стремящійся подчинить воспитанниковъ своему нравственному вліянію, легче всего достигнетъ цѣли, если

постарается прежде всего отвѣтить ихъ практическимъ стремленіямъ и фактически докажетъ свою авторитетность въ сферѣ ихъ учебныхъ занятій. Если воспитанники почувствуютъ, что ихъ трудъ, при содѣйствіи воспитателя, дѣлается легче и производительнѣе, то, по всей вѣроятности, признаютъ его полезность и обнаружатъ въ отношеніяхъ къ нему ту симпатію, при которой дѣлается возможнымъ и его нравственное вліяніе». Я съ своей стороны, на основаніи многолѣтняго наблюденія надъ воспитателями и учителями, по совѣсти долженъ сказать, что г. Ивановъ слишкомъ ослабилъ смыслъ своихъ заключительныхъ словъ вставкою выраженія: «по всей вѣроятности»; а слѣдовало бы сказать: «несомнѣнно».

А. Е. Соловьевъ.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ВАКУЛОВСКІЙ.

Въ 1897 году 17-го февраля исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Николая Николаевича Вакуловскаго. Самъ Н. Н. Вакуловскій событіе это скрылъ, но оно мало-по-малу стало извѣстнымъ въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ. Благодаря товарищамъ Николая Николаевича по службѣ, наукѣ и перу, Редакція «Научнаго Обозрѣнія» собрала данныя о его жизни и трудахъ, и помѣстила біографію его въ майской книжкѣ прошлаго года. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ уже имѣлись у Богданова (матерьялы т. III съ портретомъ), Змѣева (Врачи писатели) и Венгерова (Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. IV). Мы отъ всей души рады дать о Н. Н. Вакуловскомъ слѣдующія свѣдѣнія.

Сынъ извѣстнаго покойнаго доктора медицины, Николая Андреевича Вакуловскаго, Н. Н. родился въ 1853 году въ г. Красномъ Селѣ, С.-Петербургской губерніи. Ребенкомъ получилъ прекрасное домашнее образованіе. Отецъ и мать его были всѣмъ интересовавшіеся, дѣятельные, прекрасно образованные люди. Отецъ окончилъ курсъ первымъ медико-хирургическую академію. Домашняя обстановка, разъѣзды съ родителями, умная родня, все это явилось причиною необыкновеннаго развитія мальчика, съ дѣтскихъ лѣтъ на досугѣ уже совершавшаго доступные для его возраста наблюденія и опыты, постоянно чѣмъ либо занятаго, и что удивительнѣе всего поражавшаго окружающихъ необычайною памятью, быстрою находчивостью, а также прямотою и смѣлостью характера. Мальчикъ много читалъ и писалъ, велъ дневникъ, составлялъ разные сборники, дѣлалъ множество выписокъ. Страстью его были экскурсіи и въ это время онъ составлялъ всевозможныя коллекціи, все это не только не исчезало въ немъ съ годами, а наоборотъ развивалось и приходило въ большій порядокъ по мѣрѣ

увеличенія знаній. Родители отдали его въ первую С.-Петербургскую гимназію. При переходѣ изъ третьяго класса въ четвертый Н. Н. лѣтомъ плавалъ на фрегатѣ «Громобой» волонтеромъ морского училища. Желаніе изучить естественныя науки побудило его поступить на естественный разрядъ физико-математическаго факультета Петербургскаго университета. Въ 1875 году онъ удостоенъ былъ медали за представленное сочиненіе на предложенную факультетомъ тему «О жизни и половыхъ отношеніяхъ рѣчного угря». Въ числѣ учителей Н. Н., когда онъ былъ въ гимназіи, были: Е. И. Золотаревъ, ставшій позже знаменитымъ математикомъ и академикомъ, П. М. Колябинъ, позже занявшій постъ окружнаго инспектора. Не забыты были музыка, рисованіе, танцы. Мальчуганъ свободно владѣлъ иностранными языками. Интересно, что умственное развитіе шло рядомъ съ физическимъ. Родители разрѣшали подраставшему мальчику ѣздить верхомъ, править лошадьми, кататься въ шлюпкахъ, стрѣлять, лазить, бѣгать, ходить пѣшкомъ на далекое разстояніе. Все это укрѣпило слабое здоровье мальчика, выроставшаго въ средѣ сестеръ, съ твердою вѣрою въ Бога и во все хорошее и доброе. По дѣду Н. Н. происходилъ изъ духовнаго званія; родители матери его, урожденной Лебедевой, были религіозные люди, и мальчикъ росъ мечтая только объ одномъ, какъ бы приносить позже пользу людямъ и прославить Бога. Въ 1872 году онъ начинаетъ литературную дѣятельность, а съ 1873 года попадаетъ уже въ число членовъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Работа въ печати дала ему возможность собрать нѣкоторыя средства и Н. Н. поступаетъ въ Императорскую медико-хирургическую Академію, которую и оканчиваетъ въ составѣ послѣдняго выпуска Академіи, славившейся своими профессорами, и въ его бытность преобразовавшейся. Въ гимназіи, университетѣ, академіи Н. Н. любили и товарищи, и учителя, и профессора. Многіе изъ бывшихъ товарищей его по ученію съ радостью не только встрѣчаются съ нимъ, но принимаютъ

каждую о немъ вѣсточку. Защитить въ чемъ товарища, или помочь ему чѣмъ можно, было радостью для этого свѣтлаго, вѣчно занятаго съ ранняго утра и до поздней ночи юноши.

Н. Н. Вакуловскій обязанъ былъ отслужить за академическую стипендію одинъ годъ шесть мѣсяцевъ, а за невзносъ платы за слушаніе лекцій въ академіи два года, и службу началъ младшимъ ординаторомъ въ динабургскомъ военномъ госпиталѣ. Въ военномъ вѣдомствѣ его ожидала блестящая карьера; но желаніе быть поближе къ роднымъ и Петербургу было причиною того, что вскорѣ онъ переведенъ былъ въ морское вѣдомство младшимъ судовымъ врачомъ въ седьмой флотскій экипажъ, стоявшій въ г. Кронштадтѣ. Здѣсь Н. Н. совершилъ кампаніи: въ 1883 г. на фрегатѣ «Князь Пожарскій», въ 1884 г. на двухъ-башенной броненосной лодкѣ «Чародѣйка», въ 1885 году на клиперѣ «Жемчугъ», въ 1886 году на транспортѣ «Красная Горка», и несъ остальное время службу въ мѣстномъ госпиталѣ. Лишь въ 1889 году удалось ему перейти въ С.-Петербургъ младшимъ ординаторомъ морского госпиталя; но уже въ 1890 году онъ назначенъ былъ младшимъ врачомъ 8-го флотскаго экипажа, съ прикомандированіемъ для занятій къ госпиталю. Лѣтомъ этого года завѣдывалъ лѣтнимъ отдѣленіемъ госпиталя на Охтѣ. Въ 1891 году плавалъ на мореходной канонерской лодкѣ «Гремящій», и зачисленъ въ составъ вновь сформированнаго 18-го флотскаго экипажа. Въ 1892 году плавалъ вновь на лодкѣ «Гремящій», въ 1893 году переведенъ въ 9-й флотскій экипажъ, въ 1894 году 1-го января 7-й, а 3-го апрѣля во второй, вновь въ Кронштадтъ. Здѣсь несъ онъ обязанности ординатора въ госпиталѣ, дежурилъ, наблюдалъ за санитарнымъ состояніемъ госпитальной команды, а съ іюля пользовалъ семейства нижнихъ чиновъ въ одномъ изъ домовъ, арендуемыхъ для нихъ, и завѣдывалъ третьимъ санитарнымъ отрядомъ, которые организованы были по случаю холеры. Кромѣ того, по воскресеньямъ принималъ при-

ходящихъ больныхъ въ госпиталѣ. Въ октябрѣ Н. Н. назначенъ былъ старшимъ врачомъ 4-го экипажа, а въ ноябрѣ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Но службу Н. Н. несъ въ 12-мъ флотскомъ ея величества королевы эллиновъ экипажѣ. Лѣтомъ 1895 года завѣдывалъ санитарною частью и въ 17-мъ экипажѣ; но съ осени освобожденъ былъ отъ обязанности пользовать семьи нижнихъ чиновъ. Съ осени 1895 года завѣдывалъ санитарною частью и въ 18-мъ экипажѣ. Въ іюнѣ 1896 года Н. Н. поручено было завѣдываніе лазаретомъ 11-го экипажа и санитарною частью при 10-мъ, а въ октябрѣ того же года онъ освобожденъ былъ отъ этой службы и ему вновь поручено было пользованіе семействъ нижнихъ чиновъ. Лѣтомъ же 1898 года къ этой обязанности добавлено было завѣдываніе соединенными лазаретами, сперва 1-го и 5-го, а затѣмъ также 7-го и 13-го экипажей и санитарною въ нихъ частью. Обстоятельства не допускали его совершить новыя морскія кампаніи. Н. Н. участвовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ. Онъ ознакомился со всѣми судами Балтійскаго флота, которыми крайне заинтересовался, и съ текущаго года сталъ принимать участіе въ «Морскомъ сборникѣ». Такова приблизительно служебная дѣятельность Н. Н. Вакуловскаго, имѣющаго серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III-го.

На литературное поприще Н. Н. Вакуловскій выступилъ еще студентомъ перваго курса университета; но до этого онъ уже принялъ участіе сообщеніемъ матеріаловъ другимъ или же участвуя въ разработкѣ таковыхъ. Разнообразная дѣятельность доставила Н. Н. Вакуловскому самую широкую извѣстность и въ ученой и въ литературной средѣ, и всѣ наиболѣе выдающіяся ученыя общества сопричислили его къ своему составу. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ рядѣ съѣздовъ естествоиспытателей и врачей общества русскихъ врачей въ память Н. Н. Пирогова, археологическихъ, пчеловодовъ, птицеводовъ, печатнаго дѣла, международныхъ геологическомъ, медицинскомъ, ботаническомъ и другихъ:

талистовъ. Множество докладовъ его и замѣтокъ находится въ изданіяхъ обществъ. Особенно живое участіе Н. Н. принимаетъ также въ обществѣ для распространенія священнаго писанія въ Россіи. Многіе годы онъ былъ членомъ-попечителемъ совѣта общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ церкви св. Троицы л.-гв. измайловскаго полка, и теперь числится въ ряду его старѣйшихъ сотрудниковъ. Н. Н. былъ въ числѣ учредителей отдѣла воздухоплаванія техническаго общества, а недавно въ числѣ учредителей С.-Петербургскаго отдѣла россійскаго общества сельско-хозяйственнаго птицеводства, гдѣ его избрали членомъ правленія; но онъ отказался по неимѣнію времени. Неоднократно въ разныхъ обществахъ Н. Н. избираемъ былъ членомъ разныхъ комиссій, особенно ревизіонныхъ. Н. Н. былъ секретаремъ комиссіи, выработавшей нынѣшній уставъ Императорскаго россійскаго общества садоводства. Его приглашали въ комиссію по выработкѣ устава лѣчебницы для алкоголиковъ, работавшей подъ предсѣдательствомъ д-ра Данилло. Онъ собралъ большую коллекцію разныхъ птицъ и яицъ ихъ, прекрасный гербарій русской флоры, богатую коллекцію насѣкомыхъ, горныхъ породъ, техническихъ образцовъ и др. Множество заводовъ и фабрикъ осмотрѣлъ Н. Н. и онъ въ тоже время считался прекраснымъ знатокомъ фабричнаго вопроса вообще. Коллекціи его, собраніе рукописей и писемъ ученыхъ, писателей, собранія фотографій и рисунковъ, прекрасная огромная библіотека, служатъ предметомъ вниманія и удивленія ученой среды, потому что все это собрано понемногу, на личные заработки. Первые уроки Н. Н. давалъ на тридцатомъ году жизни. Съ юныхъ лѣтъ ему посчастливилось попасть въ литературный и ученый міръ. Трудно перечислить множество посѣщенныхъ Н. Н. музеевъ, выставокъ, чтеній, торжествъ. Едва-ли не одинъ изъ лучшихъ теперь онъ біографовъ, знатоковъ исторіи науки вообще, а естествознанія и медицины въ особенности, а также блестящихъ ораторовъ. Человѣкъ этотъ обыкновенно съ шести или пяти

часовъ утра въ работѣ. Крайне слабое здоровье заставляетъ Н. Н. съ молодости придерживаться точнаго и строгаго образа жизни. Н. Н. не куритъ, а въ карты не умѣетъ играть совершенно. Это крайне подвижной, но замѣчательно хладнокровный человѣкъ, испытавшій много невзгодъ въ жизни, имѣвшій случай не разъ выдвинуться, особенно въ послѣдніе годы, вслѣдствіе своихъ громадныхъ связей, но остающійся все тѣмъ же скромнымъ, никогда не роптавшимъ на судьбу человѣкомъ. Н. Н. типъ настоящаго скромнаго дѣятеля, слава котораго медленно, но широко распространяется въ Россіи, весь досугъ свой отдающій заботѣ о дѣтяхъ: двухъ сыновьяхъ и дочери, которые воспитываются въ С.-Петербургѣ. Громадная начитанность пригодилась Н. Н. для работъ въ печати, и появившееся въ 1896—1897 гг. объемистое сочиненіе его, подъ заглавіемъ «Другъ семьи», является только первымъ изъ цѣлаго ряда большихъ сочиненій, матеріалы для разработки которыхъ уже имъ собраны. Дѣятельность свою въ періодической печати Н. Н. сократилъ, отдавшись подготовленію къ изданію въ свѣтъ громадныхъ по замыслу и объему трудовъ, имѣющихъ цѣли—прославленіе Творца Вселенной и пользу людямъ. Статьи и замѣтки Н. Н. Вакуловскаго трудно перечислить, и перепечатать. Для этого потребовались бы десятка два огромныхъ томовъ, а слѣдовательно большія средства. Довольно сказать, что онѣ находятся въ настоящее время въ восьми сборникахъ, въ шестьдесятъ одномъ журналѣ, въ ста двѣнадцати газетахъ!

Множество статей и замѣтокъ Н. Н. Вакуловскаго указаны въ библіографическихъ указателяхъ, появлявшихся въ свѣтъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе; особенно много приведено въ составленныхъ В. И. Межовымъ и въ издававшемся въ Кіевѣ указателѣ литературы по естествознанію; но крайне желательно, чтобы Н. Н. напечаталъ самъ указатель хотя важнѣйшихъ статей, потому что многое напечатано имъ и подъ другими фамиліями. Имъ сдѣлано такъ много для распро-

страненія просвѣщенія. Вся его дѣятельность въ печати имѣетъ въ виду только одно полезное, доброе, хорошее, и онъ не напечаталъ ничего, могущаго служить противъ общественной нравственности. Рѣшительно нѣтъ важнаго вопроса, который бы Н. Н. не затронулъ въ печати. Трудно даже представить себѣ, сколько напечатанѣ имъ научныхъ извѣстій и библіографическихъ замѣтокъ, историческихъ и біографическихъ свѣдѣній, данныхъ о дѣятельности разныхъ учрежденій, особенно ученыхъ обществъ.

Говорятъ, Н. Н. просматриваетъ все, появляющееся въ русской печати. Переписка, которую онъ ведетъ, громадна; къ нему обращаются со всѣхъ сторонъ нашего обширнаго отечества. Между тѣмъ, онъ поспѣваетъ на всѣ выдающіяся ученыя собранія. Гдѣ онъ не можетъ быть, или же во внутренней Россіи, всегда пошлетъ привѣтъ, и его сердечныя строки, нерѣдко лучшія между всѣми другими. Въ первый же годъ работы своей въ русской печати Н. Н. затронулъ самые разнообразные вопросы. Онъ писалъ и въ «Слово», издававшееся въ Австро-Венгріи. Крайне желательно, чтобы Н. Н. Вакуловскій былъ поставленъ въ лучшее для занятій положеніе, потому что это дало бы ему возможность разработать громадный разнообразный матеріалъ, собранный имъ съ разными цѣлями. Постоянно болѣвшій, хилый мальчикъ, онъ еще въ гимназіи дивилъ и наставниковъ и товарищей бодростью духа. Слабаго здоровья всегда былъ онъ и юношею; много ударовъ судьбы перенесъ въ жизни, а между тѣмъ столько сдѣлалъ, любя горячо знаніе. Очень хорошо зная, что единственная мечта Н. Н. достичь возможности осуществить намѣченные большіе труды, можно только отъ всего сердца пожелать ему всего лучшаго.

А. П.

Заимствовано изъ 95, 96 №№ («Витеб. Губерн. Вѣдом.»).

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ Ф. Ѳ. ФОРТУНАТОВА.

По предложенію ординарныхъ академиковъ А. Бычкова и Л. Майкова и экстраординарнаго академика А. Шахматова на вакансію сверхштатнаго ординарнаго академика во II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ избранъ членъ-корреспондентъ академіи, профессоръ Московскаго университета Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ. Любопытна характеристика трудовъ его сдѣланная названными выше академиками.

Труды Фортунатова имѣютъ ближайшее и непосредственное вліяніе на разработку отечественнаго языка. Съ одной стороны проходившіе его школу или изучавшіе его печатныя сочиненія находятъ у него тѣ строго научные пріемы, которые должны быть примѣнены къ историческому изученію всякаго языка. Съ другой стороны, Фортунатовъ своими работами по старославянскому и литовскому языку проливаетъ все болѣе и болѣе яркій свѣтъ на то отдаленное прошлое нашего языка, о которомъ не могутъ свидѣтельствовать ни памятники, ни даже сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ преподавателемъ въ нашихъ русскихъ университетахъ языка литовскаго; его замѣчательные лекціи и печатные труды по балтійскимъ языкамъ снискали ему извѣстность, какъ лучшаго знатока этихъ языковъ. Отличное знакомство съ славянскими нарѣчіями и спеціальное изученіе литовско-латышской группы языковъ даютъ Фортунатову возможность подходить шагъ за шагомъ къ возстановленію языка литовско-славянскаго съ одной стороны, общеславянскаго языка съ другой. Для изслѣдователя русскаго языка возстановленіе общеславянскихъ звуковъ и формъ имѣетъ особенное значеніе: всѣ наши ученые начинали изученіе исторіи русскаго языка именно съ эпохи славянскаго единства. Нигдѣ однако не приведено столь значительнаго количества данныхъ, необхо-

данныхъ для успѣшной работы въ этомъ направленіи, нигдѣ эти данныя не получали лучшаго освѣщенія, какъ именно въ трудахъ Фортунатова: это зависитъ именно оттого, что онъ одинъ умѣлъ проявить ту обширную и всестороннюю подготовку, которая давала ему возможность двигатся по направленію къ общеславянской эпохѣ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны онъ исходитъ отъ языка болѣе древней эпохи литовско-славянской возстановляемой сравнительными изученіями славянскихъ, литовско-латинскихъ и прочихъ индо-европейскихъ языковъ, съ другой—онъ отдекается отъ языка болѣе позднихъ эпохъ, отъ языка отдѣльныхъ славянскихъ народностей, и между прочимъ русской, въ ихъ исторіи. Благодаря открытіямъ Фортунатова въ указанной области, изслѣдователи русскаго языка имѣютъ теперь возможность исходить отъ вполнѣ достовѣрнаго прошлаго; задача ихъ сводится къ тому, чтобы, на основаніи свидѣтельствъ памятниковъ и современныхъ русскихъ говоровъ, связать это прошлое съ настоящимъ и описать тѣ разнообразные пути, по которымъ происходило измѣненіе общеславянскихъ звуковъ и формъ въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ.

Такимъ образомъ труды Фортунатова принадлежатъ всецѣло области славяновѣдѣнія, такъ какъ интересъ его сосредоточивается преимущественно на изученіи славянскихъ и наиболѣе имъ родственныхъ языковъ—литовскаго и латинскаго; они принадлежатъ отчасти наукѣ о русскомъ языкѣ, такъ какъ готовятъ тотъ матеріалъ, который долженъ лечь въ ея основу и выясняютъ тѣ пріемы, которыми долженъ руководствоваться изслѣдователь русскаго языка. Но въ нѣкоторыхъ своихъ работахъ Фортунатовъ касается русскаго языка непосредственно. Научная разработка синтактическихъ вопросовъ, столь блестяще начатая Потебнею, давно занимала почтеннаго профессора: современный русскій языкъ, его синтаксическій строй былъ предметомъ многихъ глубокихъ и остроумныхъ наблюденій Фортунатова. Кромѣ того онъ посвятилъ рядъ университетскихъ лекцій и нѣкоторые печатные труды изслѣдованію значеній различныхъ грамматическихъ категорій: благодаря его работамъ, въ на-

стоящее время значительно разъяснились нѣкоторыя темныя области русской грамматики, каковы, напримѣръ, вопросы о значеніи формъ залоговъ и видовъ въ нашемъ языкѣ.

Научная дѣятельность Ф. Θ. Фортунатова началась съ 1872 года, когда онъ, совмѣстно съ В. Θ. Миллеромъ, совершилъ поѣздку въ Восточную Литву и издалъ 100 пѣсенъ съ переводомъ на русскій языкъ, составивъ при этомъ очеркъ фонетики и морфологіи изслѣдованнаго говора. Вскорѣ послѣ этого, защитивъ диссертацію по древне-индійскому языку, при чемъ въ приложеніи къ ней были помѣщены нѣсколько страницъ изъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, Ф. Θ. Фортунатовъ, занялъ каѳедру сравнительнаго языковѣдѣнія при Московскомъ университетѣ. Онъ отдался цѣликомъ университетскому преподаванію, и въ скоромъ времени его аудиторія стала знакомиться съ систематическими курсами по сравнительному языковѣдѣнію, при чемъ творческая мысль молодаго ученаго въ цѣломъ рядѣ вопросовъ по сравнительной грамматикѣ значительно опередила труды современныхъ западныхъ лингвистовъ.

Рядомъ съ общими курсами по фонетикѣ, склоненію и спряженію, Ф. Θ. Фортунатовъ сталъ предлагать спеціальные курсы по литовскому и готскому языку. Каждый курсъ тщательно имъ составленный подвергался затѣмъ ежегодно пересмотру и даже полной переработкѣ: осторожный и вмѣстѣ съ тѣмъ пытливый умъ его отражалъ поступательное движеніе науки и слѣдуя за ея успѣхами, сообщалъ слушателямъ рядъ собственныхъ открытій и остроумныхъ обобщеній въ изслѣдуемой области. Такое отношеніе къ лекціямъ заставляло Фортунатова мало печатать; въ семидесятыхъ годахъ статьи свои по литовскому языку онъ помѣстилъ въ Beiträge zur hergbichenden Sprarhforschung, herausg. non Kuhn und Schleicher, въ «Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen», herausg. non A. Bezzenberger и въ русскомъ журналѣ „Критическое Обозрѣніе". Въ 1880 году въ Archiv für slav. Philologie (т. IV, стр. 575—579) появилась въ высшей степени важ-

ная статья Фортунатова объ удареніи въ литовско-славянскихъ языкахъ. Сравненіе русскихъ полногласныхъ формъ съ сербскими и западно-славянскими и сопоставленіе ихъ съ соотвѣтствующими словами литовскаго и латинскаго языковъ привело къ открытію цѣлаго ряда законовъ въ области ударенія и количественныхъ отношеній не только въ литовско славянскомъ, но также и въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Съ восьмидесятаго года Ф. Θ. Фортунатовъ не оставлялъ спеціальныхъ занятій славянскими языками; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ читалъ курсы по старославянскому языку; въ настоящее время въ „Ученыхъ Запискахъ" Московскаго университета и оканчиваются печатаніемъ эти лекціи, переведенные уже на нѣмецкій языкъ въ Лейпцигѣ. Нѣкоторые изъ своихъ лекцій онъ обнародовалъ въ Archiv'ѣ Ягича (т. XI, стр. 561 и XII, стр. 95). Въ 1895 г. въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" появилась статья его „Объ удареніи и долготѣ въ балтійскихъ языкахъ", уже переведенная на нѣмецкій языкъ извѣстнымъ лингвистомъ Solmsen'омъ въ «Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprache». Въ 1897 г. въ «Сборникѣ» вышла обширная его статья подъ заглавіемъ „Индоевропейскія главныя и согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ", нынѣ также переведенная Solmsen'омъ. Въ настоящемъ году вышелъ подъ редакціей Ф. Θ. Фортунатова первый выпускъ Литовскаго словаря Юшкевича. Онъ печатаетъ и лекціи по литовскому языку въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ". Имя его широко извѣстно заграницей, несмотря на то, что печатныхъ трудовъ онъ имѣетъ мало.

Н. Н. Вакуловскій.

Присужденіе Ломоносовской преміи.

Въ 1897 году присужденіе Императорскою Академіею Наукъ Ломоносовскихъ премій предстояло Отдѣленію русскаго языка и словесности. Представлено было на соисканіе два труда: 1) профессора Императорскаго университета Св. Владиміра Т. Д. Флоринскаго подъ заглавіемъ: „Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I. (Кіевъ, 1895): I. Введеніе. II. Юго западные славянскіе языки“, и 2) профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Θ. Будде: „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Казань, 1896 г.)“.

По порученію Отдѣленія означенныя сочиненія были разсмотрѣны—первое профессоромъ Императорскаго Москов. универ. Р. Θ. Брандтомъ, второе академ. А. А. Шахматовымъ.

Оба рецензента дали лестные отзывы. Весьма важны соображенія г. Будде, что Касимовскіе говоры—говоры смѣшанные, причемъ въ основѣ ихъ лежатъ говоры сѣверно-русскіе, подвергшіеся вліянію южно великорусскихъ говоровъ. Очень любопытны наблюденія надъ долгими гласными и дифтонгами Касимовскихъ говоровъ, а также замѣчаніе относительно произношенія многихъ звуковъ въ сѣверныхъ и южныхъ Рязан. говорахъ. Г Брандтъ призналъ книгу г. Флорин. очень цѣннымъ руководствомъ для начинающихъ славистовъ.

Образованная согласно § 10 правилъ о Ломоносовской преміи, коммиссія состоявшая изъ академиковъ: А. Θ. Бычкова, М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова, нашла справедливымъ присудить обоимъ соискателямъ за представленные ими труды Ломоносовскую премію въ половинномъ размѣрѣ каждому. Это постановленіе коммиссіи, Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, по ознакомленіи съ поданными рецензіями единогласно утвердило. Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе постановило выразить профессору Р. Θ. Брандту искреннюю признательность за принятый имъ трудъ составленія обстоятельнаго критическаго разбора труда професссра Флоринскаго и присудило ему золотую медаль.

Н. Н. Вакуловскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды Я. К. Грота. Томъ первый. б. 8°.

Томъ этотъ изданный подъ редакціей профессора Я. К. Грота, озаглавленъ „Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра". Въ настоящемъ томѣ, которымъ начинается изданіе собственно „Трудовъ" академика Я. К. Грота, рядомъ съ начатымъ изданіемъ его Переписки, собрано почти все имъ написанное и изданное въ разное время въ области скандинавскаго финновѣдѣнія. Большая часть этихъ работъ относится къ первому финляндскому періоду его учено-литературной дѣятельности (1840—1852), годамъ профессорства въ Александровскомъ университетѣ и дѣятельнаго сотрудничества въ „Современникѣ" Плетнева, гдѣ и появилась первоначально значительная часть печатаемыхъ здѣсь очерковъ. Остальное печаталось частью въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, частью отдѣльно (какъ напр. „Переѣзды по Финляндіи" и „Фритіофъ". Изданіе это и содержаніемъ своимъ и временемъ происхожденія большинства статей тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ недавно изданной „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ", въ которой какъ Финляндія, такъ и вообще мотивы финскіе и скандинавскіе играютъ первенствующую роль. Оно, можно сказать, дополняетъ „Переписку" и можетъ служить ей существеннымъ коментаріемъ (какъ и обратно—„Переписка для этого изданія), такъ какъ его содержаніе вышло, главнымъ образомъ, изъ той учено-литературной лабораторіи автора, которая со всею ея жизнью и дѣятельностью такъ рельефно рисуется въ его перепискѣ съ другомъ. Вотъ почему редакторъ счелъ полезнымъ при заглавіяхъ статей той эпохи дѣлать ссылки на тѣ мѣста „Переписки", въ которыхъ упоминается или разсказывается исторія ихъ зарожденія, составленіе или появленіе въ свѣтъ. Все изданное Як. Карл. и въ послѣдующее время по тѣмъ же предметамъ собрано въ этомъ же томѣ. Не вошли сюда только его позднѣйшія ученыя статьи по исторіи шведско-русскихъ политическихъ отношеній, которыя найдутъ себѣ

болѣе соотвѣтственное мѣсто въ томѣ историческихъ его работъ. Точно также и то, что Я. К. писалъ для дѣтскаго возраста (въ прозѣ и въ стихахъ), черпая сюжеты изъ области шведской литературы, не могло, разумѣется, быть включено въ этотъ томъ, распадающійся на два отдѣла: 1) самостоятельные очерки и статьи и 2) переводные (стихи и проза). Порядокъ въ размѣщеніи статей обеихъ отдѣловъ принятъ хронологическій. Переводъ Тегнеровой „Фритіофсаги" напечатанъ по 2-му его изданію (Воронежъ, „Фил. Зап". 1874 г.). Въ книгѣ 1071 стр. Пользованіе ею много облегчаютъ указатели: предметный, личныхъ и мѣстныхъ именъ.

Н. Н. Вакуловскій.

Женскій трудъ.

Женскій вопросъ въ Америкѣ уже давно получилъ практическое разрѣшеніе. Число женщинъ, соперничающихъ съ мужчинами на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности и профессіональнаго труда, нигдѣ не представляетъ такихъ крупныхъ цифръ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1897 году тамъ насчитывалось: архитекторшъ—53, художницъ и ваятельницъ—15,340, писательницъ по научнымъ предметамъ и литераторшъ—3,164, дантистокъ—417, инженершъ—210, журналистокъ—1,436, юристокъ—475, музыкантшъ—47,309, служащихъ въ административныхъ мѣстахъ—6,712, женщинъ-врачей—6.882, директриссъ театровъ—943, бухгалтершъ—43,070, переписчицъ— 92,824, стенографистокъ и наборщицъ—50,633. Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ 1870 году, въ Соединенныхъ Штатахъ, число женщинъ, стоявшихъ за наборною кассою, не превышало 7. (Пр. Вѣст.).

ПРАВОПИСАНІЕ ПРИЧАСТНЫХЪ ФОРМЪ ВЪ РУССКОМЪ И СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ № 7872 отъ 26 января Новаго Времени и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ номерахъ встрѣчались замѣтки относительно правописанія нѣкоторыхъ словъ. Стремленіе выяснить формы языка и установить точное ихъ начертаніе очень похвально, и академикъ Гротъ въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ починъ и многое выполнилъ. Къ сожалѣнію, въ книгѣ академика Грота не вездѣ можно встрѣтить выясненіе законовъ, на которыхъ зиждется орѳогрфія извѣстныхъ словъ. Такой важнѣйшій пробѣлъ даетъ поводъ до сихъ поръ къ недоразумѣніямъ, какъ и почему слѣдуетъ писать то или другое слово. Этихъ «почему и какъ» не оберешься, и они слѣдуютъ почти на каждомъ шагу. Вотъ, напримѣръ, въ замѣткахъ стараго литератора встрѣчалось недоразумѣніе, какъ писать причастіе прошедшаго времени отъ словъ: пасть, пріобрѣсть, ѣсть, украсть, расцвѣсть. Разрѣшить этотъ вопросъ возможно не иначе, какъ разъяснить законъ, и тогда недоразумѣнія не будетъ.

Дѣло въ томъ, что русскій языкъ очень бѣденъ глагольными формами (въ прошедшемъ времени употребляется прилагательная форма лъ, ла, ло, въ будущемъ времени совсѣмъ нѣтъ своихъ окончаній) а потому, при производствѣ весьма часто прибѣгаютъ къ формамъ церковно-славянскимъ. Нѣкоторыя слова употребляются двояко и въ русской и церковно славянской формахъ. Такъ падшій и павшій. Первая форма происходитъ отъ слав. прошедш. аориста падохъ де, де, прич. падъ, ж. р. падши, а павшій происход. отъ рус. формы палъ въ прич. лъ перемѣняется на вшій. Пріобрѣсть прот. аор. пріобрѣтохъ, те, те—прич. пріобрѣтъ,

ши. Пріобрѣвшій—производство русскаго языка, но не употребляется, хотя форма эта правильная. Ѣдшій ни въ какомъ случаѣ написать нельзя, потому что это слово чисто русское, такого слова нѣтъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, а есть слово ясти. Слѣдовательно эту форму нужно производить отъ русской ѣлъ—ѣвшій, (а славян. ядъ—ядши), укравшій только отъ русской формы—укралъ, расцвѣтшій только отъ слав. формы расцвѣтохъ, те, те, прич. расцвѣтшій.—Что же касается до сомнѣнія, отъ какой формы производятся всѣ эти причастія отъ—падать, пріобрѣтать, или отъ пасть и пріобрѣсть, то безъ всякаго сомнѣнія отъ послѣдней формы, и вотъ почему. Отличительное окончаніе глагола ть приставляется или прямо къ корню слова, или посредствомъ суффиксовъ—соединительныхъ гласныхъ: а, о, и, ѣ. Въ первомъ случаѣ послѣдняя буква въ корню, или основа корня, (иначе тема, примѣта, характеръ корня) можетъ быть неизмѣняемая, (чистая) би-ть, пи-ть, да-ть, или подставная (нечистая) вед-ти, мет-ти, пек-ть, мог-ть, пад-ть греб-ти, пріобрѣт-ть основы б. д. т. перемѣняются на с, а г и к съ ть въ чь, пекть, печь жегть чь. Въ этихъ случаяхъ въ слав. яз. прош. 2-е (аористъ) имѣетъ окончаніе охъ, приставляемое къ основѣ,— падохъ, пріобрѣтохъ, пекохъ, могохъ прич. падъ, пріобрѣтъ, пекъ. Если предъ окончаніемъ ть находится суффиксъ—гласная, то она вездѣ остается—пад-а-ть— падохъ, пріобрѣтать—пріобрѣтахъ, расцвѣтахъ, прич. падавшій, пріобрѣтавшій, расцвѣтавшій. Очевидно, падшій и рус. павшій, пріобрѣтшій (слав.) и т. д. происходятъ отъ пасть, пріобрѣсть и т. д.

А. Херувимовъ

СЮЖЕТЫ ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ГОГОЛЯ.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ критика со всею тщательностію разбирала творенія Гоголя. Такія критическія статьи, какъ Шевырева, Н. Полевого, Масальскаго, Сорокина и др., печатавшіяся въ то время въ повременныхъ изданіяхъ *), разсматривали произведенія нашего поэта съ эстетической, нравственной и національной точки зрѣнія, при чемъ указывали въ нихъ оригинальныя особенности слога. Впослѣдствіи также много писалось о Гоголѣ, именно—опредѣлялся **) юморъ его произведеній и порознь оцѣнивались отдѣльныя его сочиненія. Въ настоящее время твердо установилось мнѣніе о Гоголѣ: онъ единодушно признанъ первокласснымъ русскимъ писателемъ, родоначальникомъ натуралистическаго направленія въ русской литературѣ, и чтеніе его произведеній считается наиболѣе полезнымъ для образованія и развитія учащагося юношества.

Съ 1831 года, когда вышли въ свѣтъ его первыя произведенія—„Вечера на хуторѣ близь Диканьки", до настоящаго времени не было въ печати ни одной такой статьи, которая бы предметомъ своимъ имѣла разсмотрѣніе сюжетовъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ произведеній Гоголя. На эту сторону поэзіи нашего писателя не было обращено вниманія, между тѣмъ какъ вопросъ этотъ едва-ли не самый существенный въ произведеніяхъ каждаго поэта.

Что такое сюжетъ поэтическаго произведенія? Сюжетъ есть просто разсказъ о какомъ-нибудь фактѣ, лежащемъ въ основаніи сочиненія; фактъ этотъ есть пружина, двигающая впередъ все дѣйствіе произведенія. Какъ бы, по объему, ни было сложно поэтическое произведеніе, сюжетъ его всегда простъ и несложенъ и можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ. Такія сочиненія, какъ: „Братья Карамазовы",

*) «Москвитянинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сынъ Отечества» и др.

**) Въ «Филологич. Запискахъ».

„Война и миръ“, „Анна Каренина“, „Обломовъ“, „Мертвыя души“ и проч., не смотря на то, что они содержатся въ двухъ, трехъ и даже болѣе томахъ, имѣютъ каждое въ своемъ основаніи несложный сюжетъ. Сюжетъ есть дума всего сочиненія. Если отнять сюжетъ, то какъ бы хороши ни были характеристики, описанія и лирическія изліянія чувствъ самого автора въ сочиненіи, оно лишается имени произведенія.

Если такъ важенъ въ произведеніи сюжетъ, то критика на него должна обращать преимущественное вниманіе. Если-же она оставляетъ безъ вниманія эту сторону сочиненія, то какую бы мѣрку для оцѣнки произведеній она ни ставила (художественную, соціологическую, моральную и проч.), слова ея не могутъ имѣть—авторитета и будутъ казаться плодомъ досужей фантазіи.

Разсмотримъ сюжеты главнѣйшихъ произведеній Гоголя. Главныя драматическія его сочиненія суть: „Ревизоръ“ и „Женитьба“, главное эпическое—„Мертвыя души“. Сюжетъ „Ревизора“ состоитъ въ слѣдующемъ.—Пустой и вѣтреный петербургскій чиновникъ Хлестаковъ направляется въ Саратовъ къ отцу. Проѣздомъ чрезъ одинъ уѣздный городъ онъ принимается властями этого города за ревизора, будто бы пріѣхавшаго инкогнито. Городничій бѣжитъ въ гостинницу, знакомится съ Хлестаковымъ, будучи убѣжденъ въ его инкогнито. Желая расположить къ себѣ Хлестакова, городничій всячески старается угодить ему, предлагаетъ ему перейти въ свой домъ, даетъ ему взятки, показываетъ богоугодныя заведенія, больницу и проч. Сообразивши, что его „принимаютъ за государственнаго человѣка“, Хлестаковъ обо всемъ случившемся пишетъ въ Петербургъ другу Тряпичкину, чтобы тотъ „общелкалъ“ въ статейкѣ всѣхъ чиновниковъ этого городка. Спустя нѣкоторое время, почтмейстеръ съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ объявляетъ, что чиновникъ, котораго приняли за ревизора, былъ вовсе не ревизоръ; онъ показываетъ и читаетъ письмо, написанное Хлестаковымъ въ Петербургъ. Чиновники приходятъ въ негодованіе, поддавшись обману. Въ письмѣ они были обозваны самыми неприличными именами. Наконецъ, жандармъ

объявляетъ, что „пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ сейчасъ къ себѣ“ представителей власти этого города. Это извѣстіе, какъ громомъ, поражаетъ всѣхъ, и вся группа лицъ принимаетъ на нѣкоторое время окаменѣлое состояніе.—Вотъ сюжетъ „Ревизора“.

Спрашивается: сколько времени пробылъ въ описанномъ городѣ Хлестаковъ?—Прямого отвѣта на этотъ вопросъ въ комедіи нѣтъ; но такъ какъ онъ проживалъ въ домѣ городничаго, осматривалъ разныя учрежденія, принималъ просителей и проч., то по всему этому можно заключить, что Хлестаковъ пробылъ въ этомъ городѣ не одинъ день, а значительный періодъ времени. Можетъ-ли быть, чтобы городничій, ожидавшій ревизора, былъ настолько близорукъ, что въ теченіе продолжительнаго времени не считалъ нужнымъ освѣдомиться о служебномъ значеніи „ревизора“ въ отношеніи къ властямъ этото городка? Другими словами: можетъ-ли быть, чтобы Хлестаковъ такъ долго остался не узнаннымъ администраціей этого городка?—На эти вопросы мы отвѣчаемъ: нѣтъ, этого не могло быть, и весь сюжетъ комедіи есть такой вымыселъ фантазіи, который отличается крайнимъ неправдоподобіемъ. Городничій былъ настолько опытенъ, настолько понималъ людей и ихъ служебный духъ, что не могъ находиться подъ обманомъ или, точнѣе, самообманомъ—столь долгое время. Съ другой стороны, Хлестаковъ велъ себя настолько безхитростно, что ни Сквозникъ-Дмухановскій, ни другіе служаки-чиновки городка не могли видѣть въ немъ по отношенію къ себѣ что-нибудь начальницкое. Въ сюжетѣ комедіи „Ревизоръ“ ясно видно превращеніе невозможнаго въ возможное: умнаго человѣка въ глупаго и глупаго въ умнаго. Умный городничій оказался совершенно глупъ, а пустой Хлестаковъ вышелъ чистымъ изъ грязи и умникомъ изъ всѣхъ умниковъ. Возможно-ли это?—Кромѣ того, изъ комедіи мы видимъ, что Сквозникъ-Дмухановскій поплатился сильно за свои грѣшки, и нравственное чувство зрителя является удовлетвореннымъ. Почему-же, въ такомъ случаѣ, остался безнаказаннымъ Хлестаковъ?—Обманы въ жизни бываютъ часто; но они—или раскрываются, на что требуется время и обстоятельства, или

остаются не обнаруженными, если два или нѣсколько лицъ участвуютъ въ извѣстномъ дѣйствіи слишкомъ недолгое время, и неправдѣ нельзя когда либо не открыться. Въ разсматриваемой-же комедіи все дѣйствіе слагалось такъ, что самообманъ городничаго и обманъ Хлестакова непремѣнно должны были обнаружиться, а не затмить зрѣніе всѣхъ, какъ показано въ комедіи. Правда, что образы Хлестакова и чиновниковъ уѣзднаго городка вышли цѣльными и художественными, характеры ихъ ясными для зрителя,—въ этомъ достоинство произведенія. Но сюжетъ комедіи вышелъ неестественнымъ, несообразнымъ съ дѣйствительностью. А такъ какъ сюжетъ есть дума поэтическаго произведенія, то изъ разбора дѣйствія комедіи мы вправѣ заключить, что „Ревизоръ“ изображаетъ невозможное или, проще, совершенно невѣроятное событіе.

Еще болѣе невѣроятнымъ кажется сюжетъ комедіи „Женитьба“. Содержаніе его слѣдующее.—Департаментскій чиновникъ Подколесинъ, ничего въ жизни не знающій, кромѣ чиновъ и службы, вдругъ озаряется мыслью о женитьбѣ. Сваха Фекла и другъ Подколесина Кочкаревъ содѣйствуютъ желанію послѣдняго. Подколесинъ знакомится съ купеческой дочкой Агафьей Тихоновной. Для послѣдней Фекла подыскала нѣсколькихъ жениховъ, на тотъ случай, что если не понравится одинъ, то она можетъ выбрать изъ остальныхъ. Въ извѣстный день женихи собираются всѣ вмѣстѣ въ домъ Агафьи Тихоновны. Пока невѣста одѣвалась, женихи разсматривали ее по очереди въ замочную скважину. Когда Агафья Тихоновна и ея тетка вышли къ собравшимся женихамъ, то послѣдніе (исключая Подколесина) стали дѣлать невѣстѣ, одинъ за другимъ, предложеніе. Агафья Тихоновна, смущенная, уходитъ отъ жениховъ и, не зная, кого изъ всѣхъ собравшихся предпочесть ей, рѣшила положиться на судьбу: нарѣзываетъ билетиковъ, скатываетъ и кладетъ ихъ въ ридикюль и собирается вынуть одинъ изъ нихъ. Но ей вынулись всѣ! Кочкаревъ, слѣдя въ это время за Агафьей Тихоновной, приводитъ ее въ испугъ слѣдующими своими словами: Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше“. Онъ убѣждаетъ ее отказать всѣмъ остальнымъ и даже выгнать

ихъ, когда они опять соберутся. Агафья Тихоновна такъ и поступаетъ и, предпочтя всѣмъ Подколесина, остается съ нимъ на-единѣ. Они бесѣдуютъ о пустякахъ. Кочкаревъ, узнавъ, что Подколесинъ еще не объяснился ей въ любви, и не сдѣлалъ ей предложенія, разругалъ его самыми бранными словами. Онъ вталкиваетъ Подколесина въ комнату Агафьи Тихоновны, разъясняетъ послѣдней чувства Подколесина и соединяетъ ихъ руки, въ знакъ заключенія брака. Подколесинъ нѣкоторое время предвкушаетъ счастіе и блаженство; но вспомнивъ какъ-то, что ему скоро идти подъ вѣнецъ, а тамъ—узы на всю жизнь, онъ безъ шляпы выпрыгиваетъ изъ окна невѣсты на улицу, беретъ извозчика и ѣдетъ къ себѣ.

Можетъ-ли быть въ жизни подобное тому, что изображается въ данной комедіи?—Нѣтъ, не можетъ быть. Здѣсь неестественно почти все, отъ начала до конца. Въ комедіи „Женитьба" особенное вниманіе обращаютъ на себя своимъ неправдоподобіемъ слѣдующіе три факта: 1) женихи въ одинъ и тотъ-же день и часъ собираются къ невѣстѣ и разсматриваютъ её въ замочную скважину, пока она одѣвается. 2) Они дѣлаютъ ей предложеніе—каждый въ присутствіи всѣхъ остальныхъ. Исключеніе представляетъ только Подколесинъ. 3) Женихи, всѣ вмѣстѣ, собираются вторично въ домѣ невѣсты и всѣ разомъ (исключая Подколесина) выгоняются ею. Соединеніе всѣхъ этихъ фактовъ показываетъ, какъ много работала фантазія у нашего писателя и какъ мало онъ взялъ изъ дѣйствительности. Въ данной комедіи гораздо болѣе, чѣмъ въ „Ревизорѣ", являются призрачными и фантастическими многіе монологи дѣйствующихъ лицъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Вотъ какъ знакомятся другъ съ другомъ Яичница и Жевакинъ, когда они, въ качествѣ жениховъ, сходятся въ домѣ невѣсты Агафьи Тихоновны:

Яичница (къ Жевакину). Кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя—Яичница.

Жевакинъ. Ахъ, извините, я немножко туговатъ на ухо! Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Яичница. Да, что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ назваться мнѣ Яичнипынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на „собачій сынъ".

Или вотъ какъ Кочкаревъ убѣж аетъ невѣсту не обращать вниманія на то, что женихи разсердятся и кто-нибудь изъ нихъ „плюнетъ въ глаза" ей, когда она вздумаетъ выгнать ихъ всѣхъ вмѣстѣ:

Какая-же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большое, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.—Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собою мущина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ, наконецъ, не вынесъ, плюнулъ въ самое лицо. „Вотъ тебѣ", говоритъ, „твоя прибавка, отвяжись сатана!" А жалованья однакоже все-таки прибавилъ. Такъ что-же изъ этого, что плюнетъ. Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ-же, въ карманѣ—взялъ да и вытеръ".

Выписанные нами образцы рѣчей говорятъ сами за себя: никогда и ничего подобнаго въ дѣйствительности не было и не будетъ. Въ интересахъ комедіи: „Женитьба", какъ поэтическаго произведенія, лучше всего подобные діалоги и монологи выпустить. Но если поступить такъ, то что тогда станется съ комедіей „Женитьба"?—Отъ нея останется одинъ трупъ, безжизненный, мертвый. Читая или глядя на сценѣ дѣйствіе данной комедіи, публика остается довольна: бойкость словъ и выраженій совершенно затмеваетъ духъ произведенія, и, испуская смѣхъ, повидимому, никто не подозрѣваетъ, что онъ (смѣхъ) возбуждается не характеромъ или поступками дѣйствующихъ лицъ, а только одними словами, словами и словами.

Разсмотримъ сюжетъ „Мертвыхъ душъ". Главный герой этой поэмы есть Чичиковъ. Онъ задался цѣлью скопить себѣ состояніе правыми и неправыми путями. Когда въ службѣ ему не повезло, онъ создалъ слѣдующій планъ, для того, чтобы быстрѣе разбогатѣть: рѣшилъ скупить крестьянъ,

умершихъ до подачи новыхъ ревизскихъ сказокъ, и потомъ заложить ихъ въ Опекунскій совѣтъ, который дастъ ему по 200 р. за душу; такимъ образомъ, у него составится капиталъ въ 200,000 рублей. А такъ какъ недавно была эпидемія, и народу вымерло много, то Чичикова и осѣнила мысль воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Для покупки мертвыхъ душъ Чичиковъ пріѣзжаетъ въ губернскій городъ N. Расположивши къ себѣ администрацію этого города (губернатора, предсѣдателя гражданской палаты и другихъ старшихъ чиновниковъ), Чичиковъ, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, направляется къ разнымъ помѣщикамъ. Прежде всего, онъ пріѣхалъ къ Манилову. Пріобрѣтши у него даромъ, всѣхъ умершихъ мужиковъ, онъ ѣдетъ далѣе и ведетъ сдѣлку съ слѣдующими лицами: помѣщицей Коробочкой, помѣщиками: Ноздревымъ, Собакевичемъ, Плюшкинымъ. Покончивъ дѣла съ ними, Чичиковъ явился въ гражданскую палату, для совершенія купчей. Купленныхъ мужиковъ онъ намѣревался перевести въ Херсонскую губернію. Чичиковъ сдѣлался популяренъ: за нимъ ухаживали, его всюду приглашали. Вскорѣ былъ балъ у губернатора. На этотъ балъ былъ приглашенъ и Чичиковъ. Ноздревъ, бывшій здѣсь среди гостей, впервые раскрываетъ обществу, что Чичиковъ—„подлецъ:“ скупаетъ мертвыхъ душъ и притомъ на выводъ. Репутація Чичикова стала падать. Увидѣвъ, что ему даже отказываютъ въ пріемѣ во многихъ домахъ, онъ уѣхалъ изъ города. Продолжая покупать мертвыя души, Чичиковъ знакомится съ слѣдующими лицами: Тѣнтѣтниковымъ, генераломъ Бетрищевымъ, Петромъ Петровичемъ Пѣтухомъ, Конст. Ѳедор. Скудронжогло *). Муразовымъ, Хлобуевымъ; у послѣдняго онъ купилъ имѣніе за 30,000 рублей. Муразовъ однажды высказалъ Хлобуеву, что Чичиковъ—личность загадочная. Его болѣе всего заподозрѣли въ составленіи подложнаго завѣщанія послѣ смерти одной богатой женщины. Въ одинъ прекрасный день, когда Чичиковъ примѣривалъ принесенный ему портнымъ

*) По редакціи Тихонравова читаемъ: «Скудронжогло», въ прежнихъ изданіяхъ: «Костанжогло».

фракъ („наваринскаго пламени съ дымомъ") и размышлялъ, къ кому бы ему надлежало теперь прежде всего явиться, вдругъ онъ видитъ предъ собою грозное лицо жандарма и на улицѣ экипажъ: Чичикова приглашали явиться къ генералъ-губернатору! Его засадили въ тюрьму впредь до рѣшенія его участи за всѣ его плутни и продѣлки. Старикъ Муразовъ своимъ ходатайствомъ спасаетъ Чичикова и послѣдній навсегда уѣзжаетъ изъ города N.

Вся сущность сюжета, какъ видно изъ изложеннаго, состоитъ въ покупкѣ Чичиковымъ мертвыхъ душъ у разныхъ помѣщиковъ. Естественъ-ли этотъ сюжетъ и могло-ли когда-нибудь случиться что-либо подобное на Руси? На эти вопросы рѣшительно отвѣчаемъ: нѣтъ, ничего подобнаго не могло быть. Въ самой поэмѣ есть неопровержимыя доказательства того, что Гоголь мало вѣрилъ въ естественность вымысла, лежащаго въ основаніи его произведенія. Когда Чичиковъ предлагалъ порознь каждому помѣщику продать ему мертвыя души, то положительно всѣ выражали ему изумленіе по поводу его словъ: до такой степени невѣроятнымъ и непонятнымъ казался каждому лицу замыселъ Чичикова Изъ поэмы также видно, что Чичиковъ покупалъ только умершихъ и бѣглыхъ мужиковъ. Для совершенія купчей можно-ли было рискнуть сказать правду? Если на документахъ и значилось, что купленные мужики—живые, то Чичиковъ долженъ былъ предполагать, что въ гражданской палатѣ могутъ всегда навести точныя справки о томъ,—дѣйствительно-ли живыхъ крестьянъ скупилъ онъ. А слухи, которые были пущены Коробочкой и разнесены Ноздревымъ, должны были въ первое-же время дѣятельности Чичикова убѣдить всѣхъ, что онъ занимается нечистымъ дѣломъ. Кромѣ того, можно-ли предположить, чтобы помѣщики соглашались представлять въ документахъ живыми и осѣдлыми всѣхъ купленныхъ Чичиковымъ мужиковъ? Если да, то остается сказать одно, что и помѣщики, были виноваты; однако такими авторъ ихъ не представляетъ, и никому, кромѣ Чичикова, имени „подлецъ" не присваиваетъ. Правда, во второй части поэмы, именно—въ концѣ ея, всѣ плутни Чичикова раскрываются, и онъ самъ жестоко наказывается.

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

I. **Вацлавъ Флайшгансъ**, Písemnictví české slovem i obrazem od nejdavnějších věkův až po naše časy dle původních pramenů. Прага 1898 г.

Съ настоящаго 1898 г. началъ выходить въ Прагѣ замѣчательный трудъ одного изъ лучшихъ знатоковъ чешской литературы гимназическаго профессора Вячеслава Флайшганса, извѣстнаго между прочимъ по своей довольно удачной полемикѣ съ г. Гебауэромъ по вопросу о подлинности пѣсенъ Краледворской рукописи. Пока вышло еще всего только семь выпусковъ этой книги доведенныхъ по содержанію до половины XV вѣка и съ каждымъ выпускомъ интересъ къ ней у читателя возрастаетъ. Авторъ прекрасно вводитъ читателя внѣшнимъ образомъ какъ бы только въ исторію чешской книги (понимая это слово въ самомъ широкомъ значеніи, т. е. захватывая и рукописную письменность), на самомъ же дѣлѣ предъ вами раскрывается широкая картина исторіи всего чешскаго просвѣщенія, культуры въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого понятія. Вотъ почему изъ этой иллюстрированной, можно сказать, исторіи чешской литературы читатель можетъ вынести самыя вѣрныя и дѣйствительно правильныя свѣдѣнія о ходѣ развитія чешской образованности, о той высотѣ, какой достигала она, о любви, какою пользовалась чешская книга въ народѣ, берегшемъ ее, какъ зѣницу ока, о вліяніи литературы на самый ходъ жизни народа и т. п.

Обильно украшающіе книгу превосходно сдѣланные снимки вполнѣ могутъ удовлетворить любознательность читателя, которому до сихъ поръ приходилось для этой цѣли посѣщать различные музеи и библіотеки. Особенно хорошо сдѣланы снимки глоссованаго Псалтыря (рукопись XIII ст. хранится въ Пражскомъ музеѣ Чешскаго королевства), Краледвор-

ской рукописи, которую авторъ, убѣжденный защитникъ, счелъ себя въ правѣ ввести въ свое изложеніе, пѣсни о Божьемъ Тѣлѣ (р-сь XIII ст. хранится въ Пражской университетской библіотекѣ) и нѣкот. друг., вполнѣ передающіе всю внѣшность снятыхъ листковъ отъ формата и величины до окраски буквъ... Обращаемъ особое вниманіе на Псалтырь Подѣбрадскій (хранится въ Дрезденѣ) съ прекраснымъ заставочнымъ цвѣтнымъ рисункомъ на золотомъ полѣ (приложеніе №: 13 при 9 выпускѣ) и на снимокъ съ Постиллы Петрахельчицкаго (прилож. № 16).

Если книга г. Флайшганса доведена будетъ благополучно до конца, чего желаемъ отъ всей души, чешскую науку и литературу можно будетъ поздравить съ превосходно исполненнымъ трудомъ, который будетъ однимъ изъ лучшихъ ея украшеній...

II. **Словарь русскаго языка**, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вып. 2 и 3 перваго тома и вып. 1-й втораго тома (Е—Желѣзный) Спб. 1897 г.

Въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обозрѣній (Ф. Записки, Славянск. извѣстія № 13) мы коснулись вскользь вышедшаго тогда 1-го выпуска Академическаго Словаря русскаго языка; ново-вышедшіе выпуски даютъ намъ поводъ возвратиться къ этому изданію и сказать о немъ нѣсколько, быть можетъ, небезполезныхъ словъ. Повидимому, количество ссылокъ на сочиненія писателей и примѣровъ изъ нихъ, безъ чего словарь всегда много теряетъ въ своемъ значеніи, въ значительной мѣрѣ увеличилось; однако желательны еще дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи, такъ какъ при многихъ словахъ все еще не имѣется такихъ ссылокъ, даже когда онѣ совершенно необходимы. Такъ при словѣ „Гречка“ отсутствовавшемъ въ прежнемъ академическомъ словарѣ, слѣдовало бы во 1-хъ уничтожить слово („Малор.“), такъ какъ оно встрѣчается и въ великорусскомъ языкѣ, а во 2-хъ

привести и примѣръ хотя бы изъ сочиненій гр. Л. Н. Толстаго, у котораго въ разсказѣ „Холстомѣръ“ встрѣчаются такія мѣста: Лошадь засыпанная гречкою... или: (кобылка)... не посиѣла забѣжать впередъ сѣрой, старой, осыпанной гречкою Жулдыбы.

Относительно полноты подбора словъ должно замѣтить что словарь, въ назначенныхъ ему предѣлахъ, повидимому не заслуживаетъ особенныхъ упрековъ; по крайней мѣрѣ, мы замѣтили немного пропусковъ (таковые, напримѣръ: двухсотлѣтній, восемьсотъ, дидъ), зато всѣ слова, опущенныя въ прежнемъ академическомъ словарѣ, теперь внесены; таковы, напримѣръ: втихомолку, галета, гомонъ, гребка (хотя при этомъ словѣ слѣдовало бы прибавить и второе извѣстное намъ значеніе: уключины въ лодкѣ), домовина, доскональный, дѣланность, еговый, ейный и др. Намъ кажется, что словарю не повредили бы нѣкоторыя необходимыя прибавки при объясненіи словъ, могущія удовлетворить естественной любознательности читателей. Почему бы, напримѣръ, не прибавить, что слова territ еговъ и ейный имѣютъ себѣ почти тождественные облики въ сербскомъ яз. (ньеговъ, а, о; ньен, а, о), что слову гончаръ (собств. горнчаръ, отъ слова: горнецъ польск. garniec—горшочекъ) соотвѣтствуетъ въ чешскомъ яз. hrnčíř и т. д.?

При нѣкоторыхъ словахъ, показавшихся намъ сомнительными, имѣются примѣры безыменные и потому неубѣдительные; такъ при словѣ добѣгать приведенъ примѣръ: онъ до того добѣгалъ, что свалился съ ногъ отъ усталости. Желательно знать, откуда взято это предложеніе. Съ безыменными примѣрами можно вѣдь много внести такихъ словъ, которыя для другихъ покажутся сомнительными. Намъ самимъ приходилось наприм., слышать въ Орловской губ. (отъ извощика) выраженіе придбать немало всякаго добра въ смыслѣ накопить; тѣмъ не менѣе ни у кого изъ сколько нибудь извѣстныхъ писателей мы этого слова не встрѣчали, а потому мы бы и не рѣшились ввести въ словарь какое нибудь подобное этому случайное слово, хотя бы и снабдивъ его слышаннымъ примѣромъ.

III. Д-ръ Любор ъ Нидерле пр. чешскаго университета въ Прагѣ: Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Перев. съ чешскаго Ѳ. Волкова, подъ ред. Д. Анучина. Спб. 1898 г. стр. XXVII+655 съ 459 рис. и картою (Европы въ ледниковый періодъ). Изд. Пантелѣева.

Это, собственно, не переводъ извѣстной чешской книги г. Нидерле „Lidstvo v době předhistorické" (1893 г.), а русская переработка ея, которая только и могла быть выполнена при участіи самого ея почтеннаго автора, доставлявшаго переводчику каждый печатный листъ подлинника въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Такимъ образомъ благодаря стараніямъ и усиліямъ автора, переводчика и редактора, получился прекрасно составленный сводъ всѣхъ данныхъ по археологіи Европы, добытыхъ современною наукою и провѣренной авторомъ книги, какой въ данное время, не имѣетъ ни одна литература. Устарѣлый, но въ свое время дѣльный трудъ Лёббока „Доисторическія времена, или первобытная эпоха человѣчества" (М. 1875 г.) теперь получилъ прекраснаго замѣстителя въ трудѣ Нидерле, котораго, конечно, не можетъ замѣнить и болѣе новая книга Гёрнеса Die Urgeschichte der Menschen, совершенно почти не касающаяся славянскаго и въ частности русскаго матеріала и не дающая читателю никакой библіографіи и ссылокъ на литературу... Переводъ въ общемъ удаченъ, хотя нѣкоторыя мѣста производятъ не совсѣмъ надежное впечатлѣніе. Таковы, наприм. Рзича вм. Ржича въ примѣчаніи на 482 стр. Лужація (321 стр., вм. Лужица) и нѣк. друг. Изъ противорѣчій, за которыя отвѣтственъ самъ авторъ, отмѣтимъ 418 и 522 стр.: на первой „Европейскимъ отечествомъ славянъ" признается Закарпатье, а на второй „нынѣшняя средняя Россія" признается мѣстностью, въ которой „скорѣе всего можно предполагать европейскую колыбель" славянъ. Гдѣ же, наконецъ истина?

IV. Сочиненія Николая Саввича Тихонравова. Москва, 1898 изд. Сабашниковыхъ.

Изданіе выходитъ не послѣдовательными томами, а по мѣрѣ ихъ изготовленія къ печати. Нельзя не быть чрезвычайно благодарными издателямъ, рѣшившимся предложить русскимъ читателямъ ту сокровищницу свѣдѣній по русской литературѣ, какая заключается въ статьяхъ покойнаго московскаго ученаго изслѣдователя. Не всѣ статьи, разумѣется, одинаковой важности, но всѣ въ томъ либо другомъ отношеніи любопытны и поучительны. Особенно хорошо исполнены, на нашъ взглядъ, такія работы, какъ статьи „Задачи исторіи литературы и методы ея изученія". „Къ исторіи Московскаго университета". (Четвертый отдѣлъ этой статьи относится къ дѣятельности извѣстнаго И. Г. Шварца, сотрудника Новикова), статья о Кіевскомъ митрополитѣ Евгеніи Болховитиновѣ, статья „Былины въ рукописяхъ XVIII вѣка", „Калѣки перехожіе" и многія др. Всѣ вообще работы г. Тихонравова поучительны по методу составленія, осторожности сужденій, дѣльности выводовъ.

Но особенно любопытны, разумѣется, тѣ изъ нихъ, которыя являются въ печати впервые; таковы въ первомъ томѣ неизданныя изслѣдованія „Отреченныя книги древней Россіи" съ примѣчаніями и дополненіями, „Девгеніево дѣяніе". Къ этому тому, относящемуся по содержанію вошедшихъ въ него статей къ древнему періоду русской литературы, приложенъ недурно исполненный портретъ приснопамятнаго ученаго и краткій, но прекрасно составленный очеркъ А. Н. Пыпина „Н. С. Тихонравовъ и его научная дѣятельность" чрезвычайно удачно и отчетливо характеризующій сущность и направленіе научной дѣятельности покойнаго ученаго изслѣдователя. Трудъ г.г. М. Сперанскаго и В. Якушкина, редакторовъ изданія, обнаруживаетъ особенную тщательность въ выполненіи поставленной ими задачи.

V. Тимоѳей Флоринскій: Лекціи по Славянскому языкознанію. Часть 2-я. Кіевъ. 1897 г.

Въ LVIII замѣткѣ (Фил. Записки, Славянск. Извѣстія) мы сказали нѣсколько словъ о вышедшей тогда первой части „Лекцій". Недавно вышедшая въ свѣтъ вторая часть отличается тѣми же достоинствами, т. е. обильной библіографіей, современностью и строгой научностью взглядовъ и т. п. Составитель лекцій хотя почти и не даетъ собственныхъ изслѣдованій, что и не имѣлось впрочемъ задачею его книги, настолько владѣетъ литературою предмета и умѣетъ выбрать изъ нея лучшее, наиболѣе близкое къ истинѣ, что на его изложеніе почти всегда можно вполнѣ положиться читателю: авторъ является надежнымъ руководителемъ даже въ тѣхъ частяхъ славянскаго языкознанія, которыя по своей неразработанности все еще представляются настоящими дебрями... [таковы, наприм., вопросы болгарской діалектологіи, кашубскаго языка и его разновидностей, отношенія къ польскому и пр. п., гдѣ авторъ принялъ въ разсчетъ и критически оцѣнилъ все болѣе важное, явившееся въ свѣтъ по данному вопросу]. Для общей характеристики взглядовъ автора на взаимныя отношенія славянскихъ нарѣчій считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующее мѣсто изъ стр. 553: „Степень близости между обоими языками (польскимъ и кашубскимъ) представляется мнѣ иначе, чѣмъ проф. Бодуэну-де-Куртенэ: точнѣе всего она можетъ быть приравнена къ степени близости, существующей между чешскимъ и словацкимъ языками; ссылки на параллели между великорусскимъ и малорусскимъ или между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіемъ едвали сюда подходятъ.

Разстояніе между чешскимъ и словацкимъ значительно дальше, чѣмъ между великорусскимъ и малорусскимъ или между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіями. Великорусскую и малорусскую рѣчь никакъ нельзя признать обособленными другъ-отъ-друга, вполнѣ самостоятельными языками въ противоположность, наприм., языкамъ чешскому, польскому, сербохорватскому; это только нарѣчія или разновидности одного русскаго языка или (по терминологіи проф.

Бодуэна де-Куртенэ). одной русской языковой области. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о верхнелужицкомъ и нижнелужицкомъ нарѣчіяхъ: и они представляютъ собою разновидности одной серболужицкой языковой области. Напротивъ словацкій и кашубскій языки должны быть признаны за отдѣльные, самостоятельные славянскіе языки, что однако не исключаетъ извѣстной близости перваго изъ нихъ къ чешскому, втораго къ польскому, какъ существуетъ подобная же близость, напр., между сербохорватскимъ и словинскимъ, чешскимъ и серболужицкимъ и т. д.".

VI. В. П. Горленко. Южнорусскіе очерки и портреты. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.

Книжка издана очень изящно и въ этомъ отношеніи производитъ наилучшее впечатлѣніе, которое остается у читателя и по ознакомленіи его съ самымъ содержаніемъ. Состоитъ она изъ II статеекъ самой разнообразной величины, объединенныхъ однакоже горячею любовію составителя книжки къ Южной Руси и ея благородному прошлому. Предъ умственнымъ окомъ читателя то развертывается искусно обрисованная картина южнорусскаго захолустья, то промелькнетъ живыми чертами сдѣланный образъ того или другаго книжнаго либо художественнаго дѣятеля, уроженца многострадальной Южной Руси, то возникнетъ возстановленное изъ старины изображеніе былой жизни древняго города матери городовъ русскихъ; но, что бы ни описывалъ тонко чувствующій авторъ, чего бы онъ ни касался въ своихъ разсказахъ и изображеніяхъ, вездѣ вы бываете пріятно поражены прекраснымъ языкомъ, живымъ сочувствіемъ автора ко всему, что такъ или иначе характеризуетъ отличительныя и симпатичныя черты народности, къ исчезновенію которыхъ онъ относится съ нѣкоторой тревогой и огорченіемъ... Полетика, Гоголь, Шевченко, Квитка, Костомаровъ мелькаютъ предъ читателемъ иногда въ бѣглыхъ, но отчетливо и искусно схваченныхъ чертахъ и какъ бы дополняютъ предшествовавшее книжное знакомство его съ этими достопамятными людьми.

Нѣкоторыя статьи имѣютъ особенный интересъ для исторической науки; такова, наприм., статья изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка, гдѣ приведена любопытная переписка такихъ замѣчательныхъ людей, какъ А. И. Чена, бумаги котораго находились въ распоряженіи Бантышъ-Каменскаго при составленіи имъ „Исторіи Малороссіи" и В. Г. Полетика (судя по всѣмъ даннымъ, авторъ извѣстной книги „Исторіи Руссовъ"). Во всякомъ случаѣ рекомендуемъ нашимъ читателямъ поближе познакомиться съ хорошей книжкой г. Горленка.

VII. Обзоръ учебной и научной литературы по Русскому языку. Изданіе Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній Спб. 1896 г.

Книга снабжена дѣльнымъ введеніемъ о преподаваніи русскаго языка въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ 1—49 стр. и состоитъ изъ 8 отдѣловъ: Грамматика, Теорія, Словесность, Логика, Исторія Словесности, Объяснительное чтеніе, Устныя упражненія, Письменныя упражненія, Общая методика преподаванія отечественнаго языка. Расположеніе отдѣловъ намъ кажется нѣсколько страннымъ, ничѣмъ не обоснованнымъ; но особенно важныхъ пропусковъ или промаховъ мы не замѣтили и думаемъ, что книга сослужитъ добрую службу нашимъ преподавателямъ-словесникамъ. Дѣло въ томъ, что указаны не только учебники, руководства и пособія, но и болѣе или менѣе серьезные труды даже изъ родственной области славяновѣдѣнія, и иностранныхъ литературъ, могущіе служить къ расширенію или углубленію ранѣе пріобрѣтенныхъ свѣдѣній. Таковъ, наприм., восьмой разрядъ четвертаго отдѣла (163—184 стр., 400—457 №№). Въ большинствѣ случаевъ приведены и краткія указанія значенія книгъ, извлеченія изъ отзывовъ о нихъ и т. п. Впрочемъ, значительное число книгъ оставлено безъ такихъ указаній, что должно быть поставлено въ упрекъ составителямъ книги.

VIII. С. А. Венгеровъ. Русская поэзія, собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Томъ I (вып. 1—6) съ 23 портретами. XVIII в. эпоха ложноклассицизма. Спб. 1897 г. Ц. 8 р.

Книга, изданная г. Венгеровымъ, имѣетъ для науки русской словесности и для лицъ, пользующихся ею гг. преподавателей и др., нарочитую важность.

Сочиненія всѣхъ русскихъ поэтовъ приведены частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ и снабжены критико-біографическими статьями, примѣчаніями и т. п.

Особенно важны, на нашъ взглядъ, „примѣчанія и дополненія къ 1 тому", отличающіяся значительной полнотой и новизною данныхъ. Для образца приведемъ, наприм., примѣчанія и дополненія къ Осипову Николаю Петровичу (322—326 стр. 3-го отдѣла, т. е. примѣчаній и дополненій), гдѣ приведена сущность полемики по поводу взаимнаго отношенія разныхъ Энеидъ, составленныхъ на общерусскомъ языкѣ и Энеиды Котляревскаго на малорусскомъ нарѣчіи (приведены новѣйшіе взгляды г.г. Дашкевича, Соболевскаго, прямо противоположные, дополняющіе все то, что сказано объ Осиповѣ на стр. 806—810).

IX. Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго Славянскаго Общества за 1897 годъ, составлен. Н. Э. Глоаке. Кіевъ. 1898 г.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отчеты Кіевскаго славянскаго общества выходятъ съ приложеніями статей о тѣхъ или другихъ вопросахъ славянской жизни, науки, литературы, почему и могутъ представлять извѣстный интересъ. Статьи эти—обыкновенно рѣчи и сообщенія, высказанныя въ открытыхъ засѣданіяхъ Славянскаго общества членами его; вотъ почему, если они не всегда отличаются богатствомъ содержанія или глубиною разработки данныхъ, зато всегда почти касаются самыхъ животрепещущихъ вопросовъ жизни современнаго славянства. Такъ въ отчетѣ за 1896 годъ на-

ходимъ статью „Откуда пошло спасеніе славянорусскаго міра“ г. Завитневича, за 1895 г.—статью: „Двѣ славянскія утраты“ (Петръ Славейковъ и Любомиръ Ненадовичъ), за 1893 г. статью „Нѣкоторыя черты новѣйшаго литературнаго общенія между русскими и сербами“,—за 1894 г. любопытные доклады г. И. А. Сикорскаго „Черты изъ психологіи славянъ“ и Т. Д. Флоринскаго „Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX столѣтія“.

Въ разсматриваемомъ нами отчетѣ помѣщены три статьи: „Памяти И. И. Малышевскаго“ Ѳ. И. Титова, „Большой праздникъ у самаго малаго славянскаго народа“ Т. Д. Флоринскаго и „Вукъ Стефановичъ Караджичъ“—сообщеніе Э. Н. Глокке (по поводу возвращенія въ Бѣлградъ изъ Вѣны бренныхъ останковъ великаго серба); первыя двѣ статьи представляютъ собою рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ Кирилло-Меѳодіевскомъ собраніи членовъ Славянскаго общества 11 мая 1897 г., а третья—докладъ, читанный въ общемъ собраніи членовъ общества 26 ноября 1897 г. Во второй статьѣ сообщается о любопытномъ празднованіи Лужицкими сербами пятидесятилѣтія существованія у этого народа своей „Матицы“, столь много послужившей дѣлу возрожденія маленькаго славянскаго народца; во время этого праздника произошло весьма значительное событіе закладки такъ назыв. „Народнаго дома“.

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, въ отчетахъ Кіевскаго славянскаго общества встрѣчаются иногда довольно любопытныя статьи и сообщенія, которыя необходимо отмѣтить, чтобы хотя нѣсколько сохранить ихъ отъ забвенія.

X. В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Москва. 4 тома.

Эти матеріалы для будущаго составителя полной критической біографіи великаго писателя представляютъ собою сущій кладъ особенно для выясненія послѣднихъ мучительныхъ лѣтъ его скорбной жизни. Въ этомъ отношеніи четвертый томъ книги полонъ особенно глубокаго интереса. Въ немъ

мы встрѣчаемъ, кромѣ общей сводки всяческаго, болѣе или менѣе идущаго къ дѣлу печатнаго матеріала, немало еще нигдѣ не напечатанныхъ матеріаловъ, напримѣръ, писемъ, такъ или иначе раскрывающихъ столь загадочныя особенности тогдашняго душевнаго настроенія великаго писателя...

Книга отмѣчаетъ необычайное трудолюбіе составителя и весьма симпатичное, любовное отношеніе его къ дѣлу: Приложенные къ ней азбучные указатели именъ и предметовъ очень облегчаютъ справки, особенно при отсутствіи общаго „содержанія“ книги.

XI Лекције из историје српске књижевности за своје ученике наштампао (напечаталъ) Живојин П. Симић професор. Издање са 35 слика (изображеніями) 266 стр. Бѣлградъ. 1897 г.

Эти „лекціи“, читанныя авторомъ, вѣроятно, въ одной изъ Бѣлградскихъ гимназій и изданныя имъ для своихъ учениковъ, представляютъ собою недурно изложенный среднеучебный курсъ исторіи сербской литературы, доведенный до послѣдняго времени. Книга, необходимая для сербовъ, можетъ быть небезполезной и для нашихъ студентовъ—словесниковъ, которымъ трудно бываетъ иногда указать болѣе или менѣе подходящій, согласный съ современнымъ состояніемъ науки, курсъ исторіи литературы того или другаго славянскаго народа, особенно изъ южныхъ.

Книга обильно снабжена выдержками изъ литературныхъ произведеній, но свѣдѣнія о литературной дѣятельности писателей иногда страдаютъ излишней краткостію и бываютъ лишены соотвѣтствующихъ объективныхъ оцѣнокъ, на основаніи установившихся въ критикѣ взглядовъ.

Съ другой стороны иногда встрѣчаемъ слишкомъ ужъ несоразмѣрно съ общимъ планомъ книги подробные очерки; такъ знаменитому Вуку Стефановичу Караджичу посвящено около 20 страницъ. Это было бы ничего, еслибы составитель позаботился предоставить хоть какое либо мѣсто въ книгѣ

такимъ пропущеннымъ имъ извѣстнымъ писателямъ, какъ Л. Лазаревичъ, С. Матавуль, Костичъ, Воиславъ и Драгутинъ Ильичи, Шабчанинъ, Качанскій и нѣк. друг., очень любимые сербскимъ читающимъ обществомъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ, съ Л. Лазаревичемъ, знакома и русская публика по переводамъ въ Русской Мысли, Русскомъ Вѣстникѣ и друг. и по изданіямъ Шарапова. Въ популярномъ же учебникѣ сербской литературы о нихъ не сказано ни слова! Странно, чтобы не сказать болѣе...

XII. К. Ѳ. Радченко: Досиѳей Обрадовичъ и его литературная дѣятельность. Кіевъ. 1897 г. 253 стр.

Книга эта представляетъ собою самый цѣльный и подробный трудъ изъ всѣхъ явившихся доселѣ о приснопамятномъ сербскомъ писателѣ. Въ ней находимъ мы и обстоятельное изложеніе біографическихъ данныхъ (глава I), и обозрѣніе его сочиненій (2-я глава), и разсмотрѣніе его литературной и просвѣтительной дѣятельности съ указаніемъ общаго значенія его въ сербской литературѣ (3—5 главы); равнымъ образомъ приведена и возможно полная библіографія литературы предмета.

Нельзя не порадоваться, что русская наука начинаетъ понемногу обогащаться подобными обстоятельными монографіями объ отдѣльныхъ выдающихся дѣятелахъ славянскихъ литературъ (см. напр. работу г. Арабажина о Казим. Бродзинскомъ или недавно вышедшую книгу г. Глокке о Я. Кохановскомъ, польскомъ писателѣ XVI в. Кіевъ 1898 г.); рядъ такихъ работъ способенъ въ значительной степени помочь русской наукѣ занять то выдающееся срединное междуславянское положеніе, какое по праву принадлежитъ ей среди ея собратій. Авторъ книги объ Обрадовичѣ (1739—1811 г.) вполнѣ, кажется намъ, справился со своей задачей и представилъ дѣйствительно дѣльную работу, послѣ которой личность и дѣятельность этого родоначальника новой сербской литературы являются вполнѣ выясненными. Жаль только, что замѣчанія о языкѣ его не выдѣлены въ особый, болѣе полный очеркъ

и, будучи только, такъ сказать, прикомандированы къ 4 главѣ (Обрадовичъ, какъ народный писатель), представляются нѣсколько бѣглыми, прибавленными какъ бы между прочимъ; а между тѣмъ элементы этого языка, думается намъ, заслуживали, по важности вопроса, болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи все наиболѣе существенное выдѣлено и приведено въ извѣстную систему. При обозрѣніи разныхъ изданій сочиненій Обрадовича можно было бы на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ остановиться подробнѣе; особенно этого заслуживало, намъ кажется, австрійское изданіе Дан. Медаковича: У Земуну 1850: Цѣлокупна дѣла Досиѳея Обрадовића; Собраніе разны нравоучителны вещій на ползу и увеселеніе Доситеемъ Обрадовићемъ. Препечатала и издала народна књигопечатня Дан. Медаковича.“.

XIII. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы Іоганна Шерра въ 2 томахъ, перев. подъ ред. П. И. Вейнберга. Москва. 1898 г.

Славянскій отдѣлъ настоящаго изданія занимаетъ 454—612 стр. второго тома, причемъ на долю русской литературы пришлось 100 стр. (512—612), изложеніе же прочихъ славянскихъ литературъ сдѣлано на 454—512 стр. Очеркъ русской литературы принадлежитъ самому редактору перевода, а очеркъ остальныхъ славянскихъ литературъ написанъ г. Арабажинымъ. Если ста страницъ для русской литературы, при общихъ задачахъ изданія, вообще говоря, было достаточно, то количество страницъ, отведенное для прочихъ славянскихъ литературъ, кажется намъ, напротивъ, слишкомъ незначительнымъ. Правда, что нѣкоторыя славянскія племена совсѣмъ не представлены въ очеркѣ, напр722., словаки, словенцы (хорутане), лужичане, даже болгаре (?!), но тѣмъ хуже для книги: читатель ея узнаетъ кое-что лишь о литературѣ поляковъ (464—491 стр.), чеховъ (491—500 стр.) и сербохорватовъ (500—510 стр.). Трудно повѣрить, что такая все таки значительная и въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ даже довольно богатая литература, какъ чешская, могла быть изложена всего на какихъ нибудь 9 страницахъ! Ужъ лучше было совсѣмъ выбросить ее, подобно болгарской, чѣмъ давать слишкомъ ужъ поверхностный и бѣглый очеркъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ состоящій изъ простаго перечисленія ничего не говорящихъ именъ (см. напр. 490 и 500 стр.). (О всемірной знаменитости Амосѣ Коменскомъ сказано всего, трудно повѣрить, 5 строкъ!).

Литературная дѣятельность Ивана Вазова, болгарскаго писателя, чьи романы извѣстны всей образованной Европѣ (наприм. романъ „Подъ игомъ", переведенный и на рус. яз.), въ столь значительной мѣрѣ подняла болгарскую словесность, что считать ее яко-бы не существующею, какъ это сдѣлано въ разсмотрѣнномъ нами изданіи, невозможно, особенно еще въ виду тѣхъ тѣсныхъ связей книжныхъ, торговыхъ и др., какими волею судебъ связана Болгарія съ ея освободительницею. Какихъ нибудь важныхъ и существенныхъ промаховъ и фактическихъ погрѣшностей въ славянскомъ отдѣлѣ, довольно бойко написанной компиляціи, мы не замѣтили, но, повторяемъ, считаемъ существеннымъ пробѣломъ его для русскаго читателя—отсутствіе изложенія болгарской и другихъ литературъ.

XIV. Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. I. Спб. 1896 г.

Основанныя въ 1852 г. и продолжавшіяся до 1863 г. академическія „Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности" съ 1896 г. возобновились къ искреннему удовольствію всѣхъ истинныхъ друзей науки Славяновѣдѣнія. Прежнія „Ученыя Записки" того же отдѣленія, основанныя въ 1854 г. съ цѣлію помѣщенія въ нихъ большихъ трудовъ подъ ред. И. И. Срезневскаго, прекратившіяся въ 1863 г., замѣнены въ 1867 г. „Сборникомъ" этого же отдѣленія, послужившимъ тому же назначенію и благополучно продолжающимся и въ настоящее время. Новыя „Извѣстія", подобно прежнимъ, также предназначены для статей хотя и неболь-

цаго объема, но по содержанію болѣе или менѣе цѣнныхъ для науки, служащихъ къ ея движенію. Первый томъ „Извѣстій“ составленъ чрезвычайно удачно и полонъ статей глубокаго интереса. На протяженіи 1000 слишкомъ страницъ помѣщено 25 статей различной величины, но въ большинствѣ весьма важныхъ, разнообразныхъ и любопытныхъ. Очень цѣнны наприм., начальныя статьи г. Θ. Корша „О русскомъ народн. стихосложеніи“, А. Шахматова „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ и др. Изъ статей, относящихся непосредственно къ области славяновѣдѣнія, особенно отмѣтимъ: И. Ягича „Размѣръ древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ въ Далмаціи (436—466 стр.)“, А. Яцимирскаго „Первый славянскій печатный служебникъ“, П. Драганова „Библіографическое обозрѣніе литературы южныхъ славянъ.“ 1895 г., Критическій очеркъ М. Дринова „Найденъ Геровъ: Рѣчникъ на блъгарскый языкъ съ тълкувание рѣчиты на блъгарскы и на русскы. Часть I, А—Д. Пловдивъ, 1895 г. друг.

Статья г. Ягича, какъ и все, выходящее изъ-подъ пера почтеннаго академика, образцова какъ по методу, такъ и по своему исполненію и, при всей осторожности автора въ отношеніи къ выводамъ, приводитъ къ весьма цѣнному и любопытному заключенію, что излюбленный размѣръ дубровницкихъ поэтовъ (12-слоговое двустишіе съ двойными риѳмами, напримѣръ:

О, душо, ка желиш къ Богу прити въ рај
Да се тѹј веселиш, оставив живот сај)

былъ употребляемъ на ославянившемся приморьи Далматіи еще задолго до первыхъ начинателей дубровницкой литературы (Марулича, Менчетича, Держича) и имѣетъ чисто-славянское народное происхожденіе, а вовсе не былъ заимствованъ изъ латинской средневѣковой поэзіи именно, церковныхъ гимновъ, какъ думали прежде. Подъ вліяніемъ итальянской поэзіи и вообще романской стихіи, въ первоначально не требовавшемъ обязательно риѳмы 12 слоговомъ славянскомъ стихѣ (или 6 слоговомъ полустихѣ) появилась риѳма

и не только въ концѣ стиха, но и въ срединѣ и сдѣлалась понемногу уже обязательною.

Мнѣніе свое г. Ягичъ основалъ на тщательномъ изученіи не только старой и новой сербской и хорватской народной поэзіи, но и народной поэзіи остальныхъ славянъ, въ изобиліи заключающей въ себѣ пѣсни съ указаннымъ размѣромъ, который такимъ образомъ вовсе не принадлежитъ однимъ итальянцамъ, а напротивъ любимъ и славянами. Между прочимъ изслѣдователь ссылается и на одну любопытную стихотворную приписку (кириллицею) 20-хъ или 30-хъ годовъ XV-го в. слѣдовательно еще до начала дѣятельности Марулича, Менчетича, Держича. Приписка эта сдѣлана на поляхъ старинной пергаменной рукописи „Liber Statutorum daane" и открыта г.睿чкомъ, помѣстившимъ ее въ своемъ изслѣдованіи Der ragusanische Dichter Šiško Mencětic", посланнымъ имъ въ 1896 г. въ „Archiw für slawische Philologie". Вотъ эта приписка, размѣръ которой совершенно тожественъ съ излюбленнымъ размѣромъ дубровницкихъ поэтовъ:

Сада (теперь) самь (есмь) оставлень сридь морске пучине
Валови мωкнω биень, дажь (=дождь) дωиде с висине
Кадь дωидωхь на кωпнω, мнихь да самь...

Приписка эта,—быть можетъ, выдержка изъ какой-нибудь пѣсни, составленной по случаю какого нибудь морского крушенія.

Справедливость взгляда г. Ягича подтверждается, по нашему мнѣнію, еще и тѣмъ, что намъ удалось провѣрить его и по сборникамъ русскихъ пѣсенъ, чего Ягичъ не сдѣлалъ. Вотъ примѣръ изъ одной малорусской пѣсни:

Ой чиї жъ то води
По горі ходили?

и т. д. (Рудченко № XXXVIII; изъ одного этого сборника мы выбрали до 20 образцовъ такого размѣра).

XV. Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. 63-й. Ц. 3 руб. Спб. 1897 г.

Въ недавно вышедшемъ 63-мъ томѣ Академическаго „Сборника“ находимъ продолженіе (именно I-ю часть II-го тома) крупнаго и важнаго труда извѣстнаго славяновѣда П. Ровинскаго „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“ (географія, исторія, этнографія, археологія, современное положеніе). Въ предъидущемъ томѣ помѣщена была географія и исторія Черногоріи, составляющія, по плану автора, „введеніе къ этнографіи и общій фонъ, на которомъ создавалась и развивалась жизнь черногорскаго народа“; изъ чего виденъ и общій взглядъ автора на смыслъ и значеніе этнографіи вообще, составляющей въ данномъ случаѣ какъ бы средоточіе всего труда его. Въ новововышедшей 1-й части III-го тома находимъ чрезвычайно обстоятельное этнографическое описаніе Черногоріи въ XIV главахъ (XXIV, 778 стр.). Археологія и современное положеніе страны и ея народа должны, повидимому, составить 2-ю часть II тома, еще долженствующую выйти въ свѣтъ. По окончаніи этого труда славянская наука получитъ одно изъ самыхъ важныхъ и крупныхъ явленій за послѣдніе годы, подобно напечатанному въ 62 т. „Сборника“ тому второму извѣстнаго труда г. Ягича, очень важнаго для исторіи славяновѣдѣнія „Источники для исторіи славянской филологіи.“ (Т. I — переписка Добровскаго съ Капитаромъ — напечатана, какъ извѣстно, еще въ 1885 г. тоже въ Академическомъ „Сборникѣ“). Въ указанномъ же 2 томѣ въ XX отдѣлахъ помѣщены письма Востокова къ Копитару (по-русски), Караджича къ нему же (по-сербски), его же къ Кеппену (по-русски), Копитара къ Ганкѣ, Стратимировичу и Л. Мушицкому, Кеппена къ Добровскому, Шафарика и Ганки къ Кеппену, переписка этого послѣдняго по поводу приглашенія славянскихъ ученыхъ въ Россію (XI отд.) и мн. др.

На стр. 604—709 „Сборника“ находимъ очень любопытную переписку (на русскомъ языкѣ) А. Кайсарова, А. И. Тургенева съ сербомъ Л. Мушицкимъ и русское же

письмо Кеппена къ тому же Мушицкому. Любопытно, что русскій языкъ Мушицкаго довольно хорошъ для серба и для времени вообще. Переписка носитъ въ общемъ научный характеръ. Такъ въ одномъ, наприм., письмѣ къ Тургеневу (№ 7 1806 г. написано изъ Карловцевъ) Мушицкій жалуется на пристрастіе „россіанъ" къ буквѣ ъ: они такъ любятъ это „дебелое писмя" въ ущербъ „малому, тонкому и нужному намъ славянамъ ь", что употребляютъ его безъ нужды даже въ серединѣ словъ, напримѣръ: объявленіе, отъѣздъ и пр.

Затѣмъ находимъ еще отчетъ о десятомъ присужденіи Пушкинскихъ премій, разборъ сочиненій А. Голенищева-Кутузова т. I—II Спб. 1894 г., составленный Н. Н. Страховымъ; разборъ романа К. Баранцевича „Двѣ жены", составленный А. С. Суворинымъ, и разборъ труда А. В. Лонгинова „Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославича на Половцевъ, 1185 г. Одесса. 1892 г. 261 стр."; разборъ сдѣланъ г. П. В. Владиміровымъ.

XVI. А. Суворовъ. Slovensko-ruski slovar—(Краино), словенско-русскій дифференціальный словарь. Trst (Тріестъ) 1898 г. вып. I-й А. В. С.

Въ одной изъ прежнихъ нашихъ замѣтокъ было уже сказано о словарѣ того же составителя „Краткій хорватско-русскій словарь", Загребъ 112 стр.": указаны были недостатки книжки и способъ ея составленія. Почти то же приходится сказать и о разсматриваемомъ теперь изданіи: оно очень небезполезно, какъ первый опытъ, столь необходимый въ нашей славяновѣдной литературѣ, такъ еще небогатой пособіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оставляетъ желать многаго какъ въ отношеніи полноты, такъ и, въ особенности, въ отношеніи расположенія словарнаго матеріала. Трудно, напримѣръ, согласиться съ необходимостью примѣненія въ словарѣ біографическихъ данныхъ о писателяхъ (вѣдь это же не энциклопедическій словарь!); такого, напримѣръ, со-

общеніе о Вѣкославѣ Бабукичѣ (9-я стр.), Богоричѣ и ин. другихъ; врядъ ли удобно и размѣщеніе словъ по корненымъ группамъ... Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ.

XVII. J. Amosa Komenského Didaktika, to jest umění umělého vyučování. Прага, изданіе книготорговли Кобра.

Научное и общественное движеніе въ славянствѣ, вызванное празднованіемъ въ 1892 г. трехсотлѣтія рожденія великаго педагога-мыслителя Амоса Коменскаго, особенно плодотворно обнаружилось, какъ извѣстно, въ появленіи множества самыхъ разнообразныхъ трудовъ, касающихся жизни и дѣятельности этого приснопамятнаго славянина и въ свое время отмѣчавшихся критикою (нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, извѣстному произведенію „Лабиринтъ свѣта и рай сердца" посвящено было нѣсколько и нашихъ замѣтокъ на страницахъ „Филологическихъ Записокъ"). Скажемъ нѣсколько словъ и о вышеприведенномъ изданіи. Извѣстно, что знаменитая Амосова „Дидактика" была первоначально написана по-чешски (въ 1627 г.) и лишь черезъ 11 лѣтъ явилась ея латинская переработка „Didactica magna", какъ слѣдствіе вполнѣ понятнаго желанія автора сдѣлать свои педагогическія открытія доступными всѣмъ образованнымъ народамъ, что только и могло быть достигнуто путемъ употребленія въ книгѣ тогдашняго международно-научнаго языка—латыни. Эта латинская переработка Дидактики появилась въ 1657 г. въ Амстердамскомъ собраніи педагогическихъ сочиненій Коменскаго (Opera Didactica in f. болѣе 2000 стр. въ 4 частяхъ); что же касается чешскаго подлинника, то онъ долгое время считался утраченнымъ навсегда; но въ 1841 г. чешскому ученому I. Пуркинѣ, проф. въ Вратиславѣ (Бреславѣ), посчастливилось найти въ архивѣ протестантской общины польскаго городка Лѣшна (гдѣ Коменскій долгое время жилъ, учительствовалъ и былъ ректоромъ гимназіи моравскихъ братьевъ) подлинную рукопись чешской

„Дидактики“, сдѣланную подъ очевиднымъ наблюденіемъ автора и съ его собственноручными поправками и дополненіями. Вотъ по этой-то рукописи, хранящейся теперь въ пражскомъ музеѣ чешскаго королевства и сдѣланы были печатныя изданія этого достопамятнаго творенія, начиная отъ Томкова изданія 1849 г. (въ книгѣ „Staročeská bibliothéka č. III въ Прагѣ; изданіе это очень неисправно), продолжая хорошимъ Беранковымъ изд. 1871 г. и оканчивая разсматриваемымъ нами наиболѣе исправнымъ изданіемъ д-ра Новака, гимназическаго профес. въ Прагѣ. Этотъ послѣдній трудъ тщательностью исполненія заслуживаетъ полной признательности автору и вполнѣ пригоденъ для пользованія не только въ школѣ, но даже и для ученаго. Книга снабжена недурною вступительною статьею (Obsah Didaktiky české), заключающее въ себѣ общее обозрѣніе содержанія этого творенія. Редакція текста, на нашъ взглядъ, почти не оставляетъ желать ничего лучшаго. Попадаются, впрочемъ, нежелательные промахи чисто корректурнаго свойства; такъ на 28 стр. находимъ l v e r u m вм. i v e r u m (15 строка снизу).

XVIII. Горски вијенац владике црногорскога Петра Петровића Његоша. Протумачио га Милан Решетар. Једанаесто, државно издање. У Биограду 1892 г. (Горный вѣнецъ. Истолковалъ М. Решетаръ. 2-е изданіе, правительственное).

Объ извѣстномъ авторѣ знаменитой черногорской эпопеи „Горный вѣнецъ“ Петрѣ Петровичѣ Негошѣ составилась уже довольно значительная литература; даже на русскомъ языкѣ есть нѣсколько дѣльныхъ трудовъ, довольно обстоятельно обрисовывающихъ эту своеобразную и даровитую личность. Таковы, наприм., книги П. А. Ровинскаго „Петръ Петровичъ Нѣгошъ (о ней см. нашъ отзывъ № II въ „Славянскихъ извѣстіяхъ“ „Филологическихъ Записокъ“), П. Лаврова (подъ тѣмъ же названіемъ). Сама поэма теперь уже нуждается въ толкованіяхъ, особенно историческихъ, а также бытовыхъ, безъ чего она во многихъ мѣстахъ уже мало по-

пятна современному читателю. Вотъ почему такія голыя, такъ сказать, изданія ея, каково, наприм., (вообще мало исправное) новосадское братьевъ Поповичей, весьма мало пригодны; но этой же именно причинѣ очень большое значеніе должно признать за дѣльнымъ изданіемъ, г. Рѣшетаря, снабдившимъ его значительнымъ количествомъ совершенно необходимыхъ, нерѣдко довольно обстоятельныхъ примѣчаній и толкованій, очень уясняющихъ иногда довольно темныя мѣста текста. (См. наприм., 47, 50, 57 и мног. друг. страницы).

Своеобразный языкъ поэмы Нѣгоша вынуждалъ и прежнихъ издателей къ приложенію небольшихъ объяснительныхъ словарчиковъ; не избѣжалъ этого и г. Рѣшетарь, составившій довольно полный и обстоятельный словарь. Для университетскаго преподаванія (при веденіи, наприм., практическихъ занятій со студентами), а равно для самообразованія, трудъ г. Рѣшетаря представляется намъ существенно важнымъ и даже почти необходимымъ тѣмъ болѣе, что къ нему приложено дѣльное введеніе, касающееся содержанія поэмы, языка, ея изданій и переводовъ на чужіе языки.

XIX. Я. А. Коменскій. Избранныя сочиненія. Часть II: Великая Дидактика. Изданіе журнала „Гимназія“. Ревель 1893 г. 342 стр. Перевелъ С. I. Р. (по тексту Линднера).

Это—переводъ латинской переработки чешскаго подлинника, сдѣланной самимъ приснопамятнымъ авторомъ его. Такой переводъ уже былъ сдѣланъ въ семидесятыхъ годахъ редакціею извѣстнаго педагогическаго повременнаго изданія „Семья и Школа“, но онъ теперь весь разошелся, и необходимо было или переиздать его или сдѣлать новый. Это послѣднее и исполнилъ журналъ „Гимназія“. Можно только пожелать, чтобы, кромѣ такого перевода латинской переработки „Дидактики“, былъ намъ нибудь сдѣланъ и переводъ чешскаго подлинника ея, столь необходимый для русской науки. Рассматриваемый нами переводъ сдѣланъ нѣсколько тяжеловатымъ языкомъ. (Напримѣръ, на стр. 109, § 8 находимъ такое предложеніе: Также и садовникъ замѣчаетъ,

что бы онъ ничего не дѣлалъ не во время?!), что врядъ-ли поставитъ въ особенную вину тотъ, кто знаетъ всю трудность подобнаго рода работъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить редакцію журнала „Гимназія“ за выпущенное ею полезное изданіе, которое будетъ нелишне даже и при существованіи другаго новѣйшаго перевода, тоже сдѣланнаго съ латинскаго яз. г.г. Андреевъ Адольфомъ и Серг. Любомудровымъ. См. ниже № XXVI.

XX. 91 изданье задужбине Илиje M. Коларца: Законик Стефана Душана цара србског 1349 и 1354 г. Наново издао и обjасниo Стojан Новаковић. Бѣлградъ. 1898 г. 312 стр. + CLIII.

Очень любопытна эта книга, предпринятая съ цѣлію окончательнаго пересмотра текста законовъ, изданныхъ сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ и сохранившихся въ 20 спискахъ и разночтеніяхъ, уже неразъ издававшихся въ отдѣльности и сравнительно съ другими изводами (Раичемъ въ его „Исторіи славянск. народа“. Магарашевичемъ въ „Серб. лѣтописи“, Кукарскихъ въ „Monum. jurs slov.“, Шафарикомъ въ „Pam. pisemn. Jihoslov.“, Миклошичемъ Lex St. Dusani, Мацѣевскимъ „Histor. prawdodawstw Slowiansk.“, Новаковичемъ по Призрѣнской рукописи (1870 г.), Зигелемъ „Законникъ Стеф. Душана“ 1872 г. по той-же рукописи, Флоринскимъ „Памятники законодат. дѣят. Душана“ 1888 г. и др.). Въ основаніе своего изданія текста Новаковичъ положилъ Призрѣнскую рукопись, признанную имъ для этого наиболѣе подходящею и сличенную съ 19 другими списками. Свой взглядъ на задачи изданія и на прежніе труды издатель выразилъ въ первой части книги (I—CLIII стр.), гдѣ нашли мѣсто: предговоръ и приступъ (предисловіе и введеніе), состоящій изъ 6 статей:

I. Постанак (происхожденіе) писаних закона у српском народу.

II. Установа сабора у староj српскоj држави.

III. Како је постао и како је склопљен (соединенъ) Законик Душанов?

IV. Оригинал и преписи Душанова Законика (Струшки препис, Атонски препис и т. д.; всѣхъ 20).

V. Сравненіе „преписовъ“ (т. е. изводовъ, редакцій рукописей) въ отношеніи старшинства. Део први (Отдѣлъ 1): Текст и поређенье (упорядоченіе, сравненіе) преписа. Део други: читанье текста; објашненья.

VI. О овом изданьу. Въ основаніе изданія положенъ, какъ сказано, Призрѣнскій списокъ „за основицу; поређенье је свих (всѣхъ) других преписа вършено према ньему (сдѣлано по немъ); где год ни је назначено, да је другојачије, оцено је, као у Призренскоме“, т. е. сравненіе всѣхъ изводовъ сдѣлано съ Призренскимъ, и гдѣ только не обозначено равночтеніе, тамъ списки сходны съ Призренскимъ.

Новаковичъ—большой знатокъ старой сербской письменности, и кажется, послѣ его указаннаго труда, вопросъ о текстѣ Душанова Законника и его изводахъ должно считать почти исчерпаннымъ и поконченнымъ.

XXI. Prof. M. Hostnik. Ручной русскословинскій словарь—Ročni ruskoslovenski slovar in kratka slovnica ruskoga jezika (и краткая грамматика русскаго языка). Горица. 1897 г. 359+85 стр.

Любопытно, что предисловіе къ этой полезной книжкѣ написано г. Хостникомъ по-русски и по-словински въ г. Рыльскѣ Курской губ. (что и обозначено на самой книжкѣ) и свидѣтельствуетъ объ удовлетворительномъ знаніи русскаго языка у этого словинскаго писателя. Не безъ важности приложенія къ словарю: списокъ словъ, одноавучныхъ, но не однозначащихъ въ русскомъ и словинскомъ яз.; списокъ собственныхъ именъ (krstnich imen); списокъ мѣръ, вѣсовъ и пр. Каковы бы ни были недостатки этого изданія (есть, наприм., много опечатокъ; такъ на 85 стр. находимъ: о Василій вм. о Василіи), нельзя не привѣтствовать отъ всей души подобнаго рода книгъ, облегчающихъ славянамъ взаимное ознакомленіе съ ихъ нарѣчіями.

XXII. Soupis památek historických a uměleckých v královstvi českém od pravěku do počátku XIX století. (Описаніе историческихъ и художественныхъ памятниковъ чешскаго королевства). Прага. 1898 г.

Это изданіе археологической коммиссіи при чешской академіи ведется подъ руководствомъ и при матеріальномъ участіи предсѣдателя, извѣстнаго чешскаго патріота Іосифа Главки. Нужно подивиться тому изяществу, съ какимъ выпускаются у чеховъ подобныя изданія, всегда снабженныя множествомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ. Описаны округи (политическіе): Колинскій—г. Карломъ Мадлемъ, 114 стр. Лунскій—г. Богумиломъ Матѣйкою, 94 стр.; Сеульчанскій—гг. Подлагою и Шиттлеромъ 140 стр. Нечего много распространяться о научной и общественной важности описанія важнѣйшихъ памятниковъ страны, любопытныхъ въ историческомъ либо художественномъ отношеніи, и мы только можемъ пожелать отъ всей души успѣха вышеуказанному прекрасному изданію, которое смѣло можно взять за образецъ подобнаго рода работъ.

XXIII. Věstník slovanských starožitností (Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Изд. Люборъ Нидерле. Прага 1898 г. Выпускъ I, 132 стр.

Это полезное справочное изданіе по славянскимъ древностямъ предпринято извѣстнымъ чешскимъ ученымъ Люборомъ Нидерле. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ многочисленный рядъ книжныхъ обзоровъ и отзывовъ, то краткихъ, то обстоятельныхъ, но всегда вѣскихъ; для облегченія справокъ прибавленъ азбучный указатель личныхъ именъ. Изъ русскихъ работъ упомянуты и разсмотрѣны между прочимъ труды гг. Толстаго и Кондакова (Русскія древности), Соболевскаго — „Названія населенныхъ мѣстъ въ историческомъ отношеніи“ и нѣкоторыя другія, Сизова, Самоква-

сова' и др.; изъ болгарскихъ работъ указаны и разобраны книги и статьи гг. Милетича, Шишманова „Славянски селища въ Критѣ и на други-те гръцки острови" и др.; изъ польскихъ, напримѣръ, извѣстная книга Л. Крживицкаго „Kurs systematyczny antropologie". Варшава. 1897 г. Пожелаемъ новому изданію всякаго успѣха и совершенствованія.

XXIV. Радченко Константинъ: Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху предъ турецкимъ завоеваніемъ. 344 стр. Кіевъ. 1898 г.

Книга состоитъ изъ 5 главъ, причемъ, четвертая, заключающая въ себѣ очеркъ болгарской литературы времени Шишмановичей, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ разсмотрѣна оригинальная литература этой эпохи, а во-второмъ—переводная; въ пятой главѣ предложены итоги тѣхъ заключеній, къ которымъ пришелъ авторъ изслѣдованія. Задача книги поставлена очень широкая, и авторъ очень добросовѣстно потрудился надъ нею. Обозрѣвши въ первой главѣ внѣшнія данныя болгарской исторіи при послѣднихъ царяхъ и внутреннее состояніе страны, онъ въ слѣдующей главѣ занялся изображеніемъ религіозно-нравственнаго состоянія Византіи въ XIV столѣтіи и разсмотрѣніемъ того вліянія, какое имѣли развившіяся въ ней къ этому времени философско богословскія ученія и идеи на умственную жизнь Болгаріи, этого духовнаго чада Византіи, всецѣло находившагося подъ ея духовной опекой... Послѣ этого, въ третьей главѣ, предложено изображеніе религіознаго движенія въ Болгаріи XIV вѣка, послѣ чего уже разсмотрѣна литература. Такимъ образомъ мы видимъ извѣстную стройность и выдержанность плана, сообщающаго работѣ значительную цѣлостность и округлость.

Съ задачею своею авторъ справился въ общемъ, на нашъ взглядъ, удачно. Нѣсколько непріятны, впрочемъ,

встрѣчаемыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги противорѣчія. Такъ, наприм., въ началѣ 5 главы говорится: „Въ Болгаріи пробуждалось болѣе или менѣе сознательное, даже критическое отношеніе къ явленіямъ окружающей дѣйствительности, попытка дать ей основанную на соображеніяхъ здраваго разума оцѣнку". Между тѣмъ нѣсколько раньше на стр. 245 авторъ утверждаетъ, что Византія сковывала духовную жизнь Болгаріи, тормозила ея развитіе, „и въ силу этого Болгарія не могла надлежащимъ образомъ воспользоваться и плодами византійской культуры. Думаемъ также, что утвержденіе изслѣдователя, будто „древне-русскія повѣсти возникли именно на почвѣ житій XV—XVI вѣковъ" (344 стр., въ концѣ книги), слишкомъ преувеличено и нуждается въ значительномъ ограниченіи: нѣкоторая часть древне-русскихъ повѣстей, можетъ быть, даже очень значительная,—да, но если вопросъ идетъ о всѣхъ, то должно отвѣтить рѣшительнымъ: нѣтъ!

Нѣсколько неблагопріятное впечатлѣніе производитъ книга иногда немного небрежнымъ и неяснымъ слогомъ; особенно это замѣтно въ первой главѣ, гдѣ нерѣдко встрѣчаются такіе, наприм., обороты: „Раксинъ и логоѳетъ Филиппъ изгнали Анну съ ея сыномъ и провозгласили царемъ племянника по матери покойнаго Михаила Іоанна Александра, происходившаго по отцу изъ знатнаго сербскаго рода Гребострековичей, а по матери внука Бдинскаго Шишмана". Трудно, по этому мѣсту, догадатся, какъ именно звали этого племянника Александромъ ли только или Іоанномъ—Александромъ... Это, впрочемъ, не умаляетъ общихъ достоинствъ этой дѣльной книги, составляющей во всякомъ случаѣ вкладъ въ науку славяновѣдѣнія хотя бы уже по тому одному, что въ ней затронута и по возможности обстоятельно выяснена такая довольно запутанная и мало разъясненная страница древней болгарской жизни, какъ вопросъ о богомилоствѣ и другихъ религіозныхъ сектахъ вліявшихъ на ходъ и развитіе самой литературы.

XXV. Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého. Vydávají a) Král. česká společnost nauk, б) I a III třida české akademie cis. Fr. Jos. pro vědy, slovesnost a umění в) Matice česká. V Praze. 1898 г. 726 стр.

Три учрежденія (Королевское чешское общество наукъ, Чешская Академія наукъ и Чешская матица) соединили свои силы, чтобы почтить достойнымъ образомъ память приснопамятнаго отца чешской исторіографіи и одного изъ наиболѣе могучихъ будителей народнаго самосознанія—Франца Палацкаго, чье столѣтіе рожденія недавно такъ торжественно отпраздновалъ чешскій народъ при замѣтномъ участіи представителей и другихъ славянскихъ племенъ. Книга издана прекрасно, и къ ней приложенъ хорошій портретъ Палацкаго. Чехи вообще отлично съумѣли обставить знаменательное торжество, и это выразилось не только въ чрезвычайно радушномъ пріемѣ славянскихъ гостей, но и въ замѣчательномъ обиліи всевозможныхъ предметовъ домашняго обихода, украшенныхъ сносными, а иногда и просто хорошими изображеніями юбиляра.

Въ разсматриваемой книгѣ большая часть статей написана на чешскомъ языкѣ, но есть и нѣмецкія (напр. Köpl: Palacky ünd Die Censur); всѣхъ статей 44, считая и привѣтственное вступительное стихотвореніе извѣстнаго поэта Ярослава Верхлицкаго: K sté ročnici narozenin Fr. Palackého (Къ сотой годовщинѣ рожденія Фр. Палацкаго). Изъ болѣе знаменитыхъ именъ, принявшихъ участіе въ составленіи юбилейнаго сборника, назовемъ извѣстнаго французскаго славяновѣда Луи Лежеръ (Vzpomínka) (Воспоминаніе) na Fr. Palackého), англичанина Морфиція вождя старочеховъ Ригра (Za jakych poměrů podnikl (предпринялъ) Palacký úkol svého života (работу всей своей жизни), ученые: Билый, Голль, Калусекъ (очень дѣльная работа о руководящихъ историческихъ взглядахъ П-го), Ад. Патера (Episoda z pouti do Ruska), В. Томекъ (Styky mé (мои сношенія) z Palackym do roku 1862) и мн. др.

Читатель видитъ, что интересъ, представляемый юби-

лейнымъ сборникомъ Палацкаго, незаурядный, и что чехи достойно почтили память своего великаго мужа объемистой, цѣнной и прекрасно изданной книгою.

XXVI. Избранныя педагогическія сочиненія Яна Амоса Коменскаго въ переводѣ Андрея Адольфа и Сергѣя Любомудрова. Часть I: Великая Дидактика, перев. съ латинскаго. Москва 1893 г.

Въ № XIX былъ разсмотрѣнъ нами переводъ „Великой Дидактики" изданный ежемѣсячникомъ „Гимназія" г. Янчевецкаго. Необходимо сказать нѣсколько словъ и о вышеуказанномъ переводѣ. Онъ снабженъ недурнымъ изображеніемъ великаго чеха съ подписью „Senex Comenius", очеркомъ жизни его и дѣятельности (I—XXVI стр.) и примѣчаніями (имѣющимися, впрочемъ, и въ изданіи „Гимназіи". При сравненіи обоихъ переводовъ въ отношеніи точности въ общемъ оказывается, что оба почти одинаковыхъ достоинствъ; можетъ быть, переводъ „Гимназіи" уступаетъ нѣсколько въ отношеніи легкости слога, хотя бываетъ иной разъ и такъ, что въ изданіи „Гимназіи" переводъ оказывается болѣе удовлетворительнымъ. Таково, наприм., начало 5 § VI главы, которое и приводимъ для сравненія по обоимъ переводамъ:

1) Переводъ „Гимназіи"	2) Переводъ гг. Адольфа и Любомудрова.
Ясно, что для человѣка уже въ раю было открыто училище, въ которомъ онъ постепенно долженъ былъ дѣлать успѣхи.	Ясно также, что для человѣка уже до грѣхопаденія открыта была въ раю школа, въ которой бы онъ мало по малу преуспѣвалъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться, что русская школа начинаетъ обогащаться столь необходимыми для нея переводами лучшихъ педагогическихъ твореній всѣхъ вѣковъ и народовъ, и дай Богъ, чтобы она все болѣе преуспѣвала въ такомъ обогащеніи; особенно это важно по отношенію къ лучшимъ произведеніямъ славянскаго генія.

А. Степовичъ.

Нѣкоторыя особенности живого говора города Ейска, Кубанской области.

Портовый городъ Ейскъ основанъ въ 1848 году. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ онъ имѣетъ около 39 тысячъ жителей. Въ заселеніи города участвовали переселенцы по преимуществу изъ внутреннихъ губерній Россіи: Полтавской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской, Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Самарской и др. Приливъ населенія особенно усилился въ семидесятыхъ годахъ; къ концу семидесятыхъ годовъ онъ ослабѣлъ, но не прекратился. Изъ года въ годъ тысячи рабочихъ съ женами и дѣтьми приходятъ изъ Россіи на заработки въ Кубанскую область и проходятъ черезъ Ейскъ. Одни изъ нихъ остаются въ городѣ на лѣто, другіе навсегда. Обыкновенно они нанимаются въ услуженіе къ богатымъ земледѣльцамъ или въ хлѣбныя конторы; *) скопивши себѣ нѣсколько десятковъ рублей, пріобрѣтаютъ на окраинахъ города мѣста, обзаводятся хозяйствомъ и приписавшись въ мѣщане, становятся полноправными гражданами.

При пестротѣ населенія въ Ейскѣ, за сравнительно небольшой періодъ его пятидесятилѣтняго существованія, благодаря постоянному притоку свѣжихъ элементовъ, еще не могло, конечно, выработаться одного общаго говора, каждый выходецъ изъ Россіи говоритъ такъ, какъ онъ привыкъ говорить на своей родинѣ. Дѣти и внуки этихъ выходцевъ, родившіеся и выросшіе въ городѣ Ейскѣ, въ своемъ разговорѣ въ значительной степени отражаютъ оттѣнки произношенія отцовъ. Но при всемъ томъ говорѣ мѣстныхъ уроженцевъ нельзя не замѣтить типическихъ особенностей, которыя касаются употребленія и измѣненія отдѣльныхъ звуковъ, склоненій и спряженій.

*) Большая часть жителей Ейска занимается хлѣбопашествомъ, и городъ ведетъ обширную торговлю хлѣбомъ.

Одною изъ распространенныхъ особенностей является прибавленіе гласныхъ и согласныхъ звуковъ въ началѣ словъ. Напримѣръ: алимонъ, аплаха, асилетка; гáрбя, гарнòвка (арнаутка—назв. пшеницы), гострый, гáрбузы; здаганять, наздагнать; спакидать, снарачита; шталкать, шкорка. Но самымъ широкимъ примѣненіемъ въ данномъ случаѣ пользуется звукъ «в», который появляется обыкновенно въ началѣ словъ, начинающихся съ гласныхъ: О, У, И, Ю. Напримѣръ: воко, вакно, вонъ, восимь, воспа; вухо, вухи, вугóльникъ (продающій уги), вумникъ, вулица, вутро, вуксусъ; вимя, викона; вьюноша.

Большое мѣсто въ ейскомъ говорѣ занимаетъ также вставка звуковъ. Вотъ примѣры подобнаго явленія:

1) вставка А: салахветка, канахветъ (сущ. муж. рода);
2) вставка Е: бабёръ, прынецъ;
3) вставка И: тириновай;
4) вставка В: павукъ, навука, протуваръ, тувалетъ, бархватъ, обвращацца, на вкалѣнки,
5) вставка З: наздавать;
6) вставка К: здаровкацца;
7) вставка М. шторма, кумпылъ;
8) вставка Н: энтыдъ, кандрель;
9) вставка Р: крандеробъ (гардиропъ), курнацца (окунаться).

Нѣкоторыя слова произносятся ейчанами такъ, что при этомъ пропадаетъ одинъ или цѣлая группа звуковъ. Постоянно говорятъ: рякулъ (оракулъ), мининникъ, настранный, граю, мисинеръ (миссіонеръ), Кулина, Арданъ (Іорданъ), Русалимъ, выграетъ (онъ выигрываетъ), Аляндра, ашарпыный, Катилиндаръ (Екатеринодаръ), уставѣрицца (удостовѣриться), курнацца, Марнапóль (Маріуполь), Майки (Майконъ), Бирьдянка (Бердянскъ), зависливый.

Звуки (гласные и согласные) въ случаѣ затруднительности произношенія подвергаются перестановкѣ. Напримѣръ: крылась (клиросъ), карвать, карахтиръ, Тангрохъ (Таганрогъ), алпатка (лампадка), туртуаръ, стири (сотри), пирилинка, глиной (гнилой), терь (теперь), калаурка, уваль, (вуаль), ниливый (лѣнивый).

Но самою главною фонетическою особенностью ейскаго говора является замѣна однихъ звуковъ другими.

1. Иногда приходится слышать примѣры замѣны „И" посредствомъ „Е" екра, леса, прешолъ, трахтеръ, мундеръ.

2. Иногда вмѣсто О, И, Е, слышится Ё: зарычётъ, Ёсусъ, выграётъ' жилётка, напюліёнъ, вышинёкъ.

3. Неударяемое „Ы", когда ему предшествуетъ, или когда его сопровождаетъ слогъ съ удареніемъ обыкновенно произносится, какъ „И" високай, пилать, угризеніе, сискать, Надежди (Надежды), аткриваюца, у бѣлихъ рукахъ.

4. Но есть случаи замѣны посредствомъ И даже ударяемаго Ы; подобныя явленія сообщаютъ ейскому говору нѣсколько непріятный оттѣнокъ: вишелъ, виступилъ, мила (мыла, напр., бѣлье), духавіи, залатіи, виразилси, пилкій, калмикъ, билъ (былъ), талпи (толпы), бризнуть.

5. Изрѣдка приходится слышать, какъ вмѣсто О, Э, Ь, говорятъ И: скольки, икзаминтъ, палито, васимой.

6. Также не особенно часто А замѣняется посредствомъ И: ширлатанъ, хитаенъ, ирьмининъ (армянинъ), сирьпинка.

7. Къ числу довольно распространенныхъ явленій принадлежитъ употребленіе У вмѣсто другихъ гласныхъ; это наблюдается въ томъ случаѣ, когда гласному У предшествуетъ слогъ безъ ударенія, или когда такой слогъ слѣдуетъ за нимъ.

1. У вмѣсто О: бурдовый (бордо), булгаринъ, рисувать, буá (боá), прислѣдувать, гусаруфъ, зузулька (сосулька), кустюмъ;
2)—вмѣсто Е: горусти, танцувать;
3)—вмѣсто А: до свѣту, бруслетъ;
4)—вмѣсто И: полусадникъ;
5)—вмѣсто Ы: перушки, кружовникъ;
6)—вмѣсто Ю: обыкновенно послѣ Н: сасѣдную, спальну, дальную, благодѣльну (богодѣльню).

8. Начальное „в" и предлогъ „въ" также замѣняются очень часто посредствомъ У: усе, устрѣтить, уходитъ (онъ входитъ), у нашей диревни, улюбились, устань (встань), удовушка, у бѣлихъ рукахъ, у виселый слабадѣ, у карманъ,

9. Въ словѣ „сурѣпый" „у" замѣняетъ даже сочетаніе „ви".

10. При замѣнѣ однихъ гласныхъ другими особенно непріятно рыжетъ ухо употребленіе „Ы" вмѣсто „И" и „Е": аны, мыръ, вынo, мамынька, ангылъ.

11. Звукъ Ю иногда замѣняетъ неударяемое Е: берюшку, денюшки, клювать; а иногда замѣняетъ У: блюза.

Въ глаголахъ 2-го спряженія звукъ Ю всегда является замѣной неударяемаго Я въ 3 л. мн. ч: гаворютъ, носютъ, просютъ.

12. Сочетаніе РА произносится обыкновенно, какъ РЯ: ряма, рякуль, фуряшка, рякъ пудря.

13. Предлогъ У и проставка У обыкновенно замѣняются посредствомъ В: въ мине, въ иво, въ аца, вкрасть, вдобна (удобно), вдарить, въѣхыть (уѣхать), вгаварятъ (уговаривать), вмиреть, вчицца, вдавацца, врода (уродъ).

14. Звукъ К обыкновенно служитъ замѣною звуковъ Ф и Т въ началѣ словъ: кранзоль (Франзоль такъ называютъ здѣсь французскій хлѣбъ), кургонъ, (фургонъ), курма (фурма—небольшія ягоды темнаго цвѣта); кѣсный, кѣсто, китрать, кіятръ, клѣть (плѣть).

15. Л вмѣсто Р: калидоръ, листоранъ, сиклитарь, паликмахтиръ, плигать, (прыгать).

16. Н вмѣсто М: анбаръ, бонба, ланпа, гунирабикъ, канплиментъ, Ивланпія (Евлампія), Линпіяда (Олимпіада),

17. Опущеніе эвфоническаго Н: падымать, къ иму въ иво, съ имъ.

18. Очень рѣдко употребляется П вмѣсто Н: пырнуть (нырнуръ, въ воду).

19. Предлогъ „ИЗЪ" и приставка „ИЗ" обыкновенно превращаются въ „С": съ насъ (изъ насъ), съ трехъ (изъ трехъ), спужалсы, съ—за.

20) Ф очень часто замѣняется сочетаніемъ ХВ: салахветка Хвеинъ (Феинъ), хвитиль, ахвицеръ, кохвій, хвитахенъ, хвикусъ (фикусъ), канахветъ, хвортка, хвабрика, марахветы, сканхвузить.

21) Въ другихъ случаяхъ Ф замѣняется однимъ Х: хунтъ, хаменка (Ѳоменко), Ахонинцъ (Аѳонинъ), хура (фура), хивраль, тухли, кохта.

22. Къ числу особенно крупныхъ фонетическихъ явленій ейскаго говора принадлежитъ переложеніе къ смягченію звуковъ: Д, Т, С, Х:

1) звукъ Д: твирдѣе, маладѣе, сидю, видю, глиду, хадю;
2) звукъ Т: густѣе, крутюсь, варатюсь, привинтю;
3) звукъ С: спрасю, падбросю;
4) звукъ Х: вухи, спрахиватъ, даслухивацца.

Таковы наиболѣе интересныя фонетическія явленія ейскаго говора.

Среди морфологическихъ особенностей видное мѣсто занимаютъ слѣдующія.

1. Ейчане при измѣненіи существительныхъ постоянно смѣшиваютъ родительный и дательный падежи ед. числа, ставя родит. вмѣсто дательнаго и наоборотъ: у Бацутѣ (у Бацуты), съ правидной путѣ (съ праведнаго пути), на берегу Невѣ (Невы), отказали Мазепы (Мазепѣ) уступишь серпы (серпѣ), благодаря тишины [тишинѣ], (четыре послѣднихъ примѣра взяты изъ тетрадей учениковъ).

2. Нѣкоторыя существа женскаго рода на А въ род. пад. множ. числа имѣютъ ЕИ вмѣсто Ъ: галавей, комнатей.

3. Родит. пад. множ. числа отъ существ. „звѣзда" употребляется „звѣздовъ", а отъ свидѣтель—свидѣтелевъ.

4. Вмѣсто меня, тебя, себя говорятъ: мине, тибе, сибе.

5. Окончаніе 3 л. ед. и множ. числа ТЪ всегда произносится, какъ ТЬ.

6. Интересны образованія повелительнаго наклоненія на АЙ: искай, скакай.

7. Во многихъ глаголахъ примѣты ОВ, АВ, ЕВ, вопреки общепринятому обычаю, въ настоящемъ времени не выбрасываются: икзаминаваю, даваю, танцуваю, прадаваю, завидоваю.

8) Въ нѣкоторыхъ же глалолахъ примѣты „ЫВ" и „ИВ" сверхъ ожиданія, выпадаютъ: выграетъ вгаварйить (онъ уговариваетъ).

9. Ейчане любятъ отбрасывать отъ глаголовъ частицу ся: нуждающій, выдающій (ся), валную (волнуюсь), папрастимъ (попростимся), пастричали (они повстрѣчались).

10. Нѣкоторые глаголы, нао боротъ, получаютъ ся: выступалась (выступалась черная хмара).

11. Глаголъ хотѣть во втор. лицѣ ед. числа наст. врем. имѣетъ форму хатишь, а въ 3-емъ хатить.

Ейскіе провинціализмы.

1) Существительныя.

Баньки—глаза.

Деркала—глидѣлка- зеркало.

Наратъ—нарадныя двери.
Излякъ—узелъ.
Шлычка—чепчикъ, шапочка.
Затыкка—пробка.
Пряшка—поясъ.
Кониманъ—большой чугунъ.
Каталка, качалка—скалка.
Салянка—солонка.
Шалька—большой платокъ.
Подшальникъ маленькій головной платокъ.
Канéвое одѣяло—пикейное одѣяло.
Грабки—кладбище.
Чувадо—мѣшокъ.
Бичова—веревка.
Цуръ—единица.
Рыбасъ—рыболовъ,
Рыбальство—рыболовство.
Гарончикъ—воробей.
Пачтыльёньщикъ—почталіонъ.
Чекъ, чечка—чехъ чешенка.
Франзоль (кранзоль)—французскій хлѣбъ.
Пачмейстиръ—полиціймейстеръ.
Альчики, Казанки, Слошки — кости изъ овечьихъ и телячьихъ ногъ, употребляемыя дѣтьми для игры.
Кутька—щенокъ
Валакуша—неводокъ небольшого размѣра.
Дра́галь—ломовой извочикъ.
Наперникъ—ручка для пера
Чирипашка—мелкія раковины, которыя употребляютъ вмѣсто песку для засыпанія двора и улицъ.

Хадэ́укъ, Бабу́къ, Сэмэ́новичъ—такъ въ Ейскѣ зовутъ армянъ

Пендо́съ—такъ называютъ грековъ (отъ слова πέντε).

Га́рбузы—арбузы.

Хвитаженъ—керосинъ.

Венцерада—плащъ изъ дешевой парусины. Будучи пропитанъ разными маслянистыми веществами, хорошо предохраняетъ отъ дождя.

Гарно́вка—пшеница арнаутка.

Живѣйникъ—извозчикъ.

Гарба—большая телѣга, употребляемая для перевозки сѣна.

Кургонъ—экипажъ для быстрой ѣзды.

Копка—башлыкъ.

Сырно—круглый низенькій столъ, за которымъ обѣдаютъ, сидя на полу или землѣ.

Куркуль (индюкъ), баклажанъ—такъ здѣсь называютъ казаковъ, потому что они носятъ шапки съ краснымъ донышкомъ.

Гамзелъ, хивраль—такъ казаки называютъ мѣщанъ.

Приставка—доставка.

Кубанчикъ—кувшинъ.

Саманъ—кирпичи изъ мѣстной глины, употребляемыя для постройки домовъ.

Гургуля—шишка.

Дзендзикъ—зонтикъ.

Гилка—палка, которою ударяютъ мячъ.

Прамакашка—промокательная бумага.

Черные орѣшки—такъ называютъ здѣсь фурмý (небольшія ягоды темнаго цвѣта).

Палистрúція—полиція.

Амалтэ́са—сигара.

Кислякъ лимонъ.

Трайчатка—кнутъ съ тремя концами. Такимъ кнутомъ выгоняютъ изъ дома кошекъ и собакъ.

Папаня—папаша.

Маманя—мамаша.

Стряпка—кухарка.

Мытница—прачка.

Галубникъ—голубятня.

Лютра—кофта.

Мистисопель — накидка (испорченное слово—Мефистофель).

Сазанъ икря́ный—такъ называютъ толстыхъ мужчинъ.

Гардалъ—горчица.

Каминю́ка—камень.

Буке́чикъ—крестикъ.

2) Прилегательныя.

Бурдовый—красный (цвѣтъ бордо).

Холостой—такъ говорятъ о рыбѣ, не имѣющей икры.

Спѣтый—спѣлый.
Ейсковскій—Ейскій.
Крутой—густой (о чаѣ).

3) Глаголы.

Вытирнна—вытерта.
Прислѣдувать „за кѣмъ" но ни „кого".
Плигать—прыгать.
Утюжить—гладить [бѣлье].
Абабить—женить.
Развилять—раскрывать (ротъ).
Выдумлять—выдумывать.
Расказывать—разговаривать.
Сватацца къ кому, а не за кого.
Банить—мыть [полы, столъ, посуду).
Закутать—закрыть (печь, самоваръ).
Запомнить—забыть.
Задавацца—хвастаться.
Кландать—упрашивать.
Занять—дать въ займы. Займи мнѣ—дай мнѣ въ займы.
Нанять—сдать въ наемъ. Нанять домъ—отдать въ наемъ.
Рабить—дѣлать.
Кладавилъ—клалъ.
Приклади—приложи.
Пакласть—положить.
Пацѣлить—попасть.
Загилить—отбросить палкою мячъ.
Чикать—бить мячомъ.
Здаганять—догонять.
Наздагнать—догнать.
Найти—родить (найти сына, дочь).

4) Нарѣчія и междометія.

Скрось—вездѣ.
Нанизу—внизу.
Павсигда—всегда.
Нанапаламъ—пополамъ.

Зря—какъ-нибудь.
Павутру- утромъ.
Впиретъ—раньше.
Ей право!—Ей Богу!

5) Отдѣльныя выраженія.

Чиво гавъ ловишь?—Что ты сидишь безъ дѣла?
Въ чиво будимъ гулять?—Во что будемъ играть?
А на што мнѣ здалось?—А зачѣмъ мнѣ это.
Ану брось! { Да оставь пожалуйства! для выраженія
Ану ненада! { недовѣрія.
Нема ни грица—нѣтъ ничего.
Гдѣ идешь?—куда идешь.
За кого—о комъ, говорятъ за кого (о комъ), за Ейскъ (о Ейскѣ. За кого спрашивать—о комъ спрашивать.
Безъ понятія—безъ вниманія (для выраженія равнодушнаго отношенія къ чему-либо).
Много объ сибѣ панимать—много о себѣ думать.
Грать на скрыпку, на гитару.
Иди да насъ—къ намъ.
Съ замѣняетъ „надъ"сміяцца съ каво.
Брось { твой характеръ- не зазнавайся.
Оставь {
Какой вы невѣроятный!—какъ вамъ трудно вѣрить!
Хитрый на голову—сообразительный.
Скрось парватый—везде порванный.
Мирси васъ—благодарю васъ.
Зиваицца да патигаицца, да кудыжъ вано диваицца.—Такъ говорятъ тому, кто скажетъ: „Что то мнѣ сегодня зѣвается".
Подъ шляпкой—въ шляпкѣ.
При калошахъ—въ галошахъ.
Гаварить—што-либо-нибудь.

6) Отступленія въ удареніяхъ.

Парахада́—пороходы.
Гасударя́—госуда́рь.
Абаи́мъ—обо́имъ.

Звѣно,—звѣнó.
Олень—олéнь.
Прéдметъ—(рѣдко).
Рéмень—ремéнь.
Княжна — княжнá.
Грáжданинъ—гражданúнъ.
Пáхажа—похожа.
Хвóрость-хворóстъ.
Вугольникъ—угольникъ.
Валгадонскій волгодонской.
Ни сóвсимъ—не совсѣмъ.
Климáтъ, (рѣдко).
Въ тухляхъ—въ туфляхъ.
Веселó—вéсело.
Гáрбузы—арбýзы.

М. Харламовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

А. А. Пыльневъ. Краткій русскій синтаксисъ. Петербургъ. 1897 г.

Синтаксисъ А. Пыльнева состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: теоретическаго и практическаго.

Выходя изъ вѣрной мысли, что грамматическіе законы и формы должны быть усваиваемы учениками практически—изъ разбора подходящихъ примѣровъ, г. Пыльневъ въ „практическомъ отдѣлѣ" своего синтаксиса даетъ методическій сборникъ примѣровъ, пригодныхъ для вывода или закрѣпленія того или другого грамматическаго свѣдѣнія. Выводимыя учениками грамматическіе законы и правила слѣдуетъ облекать въ опредѣленную словесную форму или обозначать соотвѣтственными грамматическими терминами, для чего и служитъ „теоретическій отдѣлъ" учебника.

„Теоретическій отдѣлъ" разсматриваемаго учебника занимаетъ всего 30 страницъ; но при всемъ томъ въ немъ изложено все, что слѣдуетъ знать ученику средней школы изъ синтаксиса русскаго языка. Въ немъ не нашли себѣ мѣста такія статьи синтаксиса, которыя значительно увеличиваютъ объемъ учебника, и усвоеніе которыхъ учениками обыкновенно не оказываетъ вліянія на знаніе ими строя отечественной рѣчи. Такъ, въ немъ не нашло себѣ мѣста разсмотрѣніе оборотовъ неупотребительныхъ или мало употребительныхъ въ современной русской рѣчи; не нашли себѣ мѣста также такія статьи, какъ „отношеніе членовъ предложенія къ частямъ рѣчи", „синтаксическое значеніе залоговъ, наклоненій, временъ, видовъ и лицъ" и т. п. Ученіе о знакахъ препинанія выдѣлено въ особую главу, что даетъ ученикамъ возможность въ системѣ повторить усвоенное практически объ употреб еніи этихъ знаковъ. Разсматриваемый отдѣлъ заканчивается „вопросникомъ", которому авторъ придаетъ большое значеніе. Онъ говоритъ, что съ помощью „вопросника" ученикъ, отсутствовавшій на урокѣ, можетъ

облегчить себѣ его усвоеніе, и провѣрить свое знаніе какъ отдѣльнаго урока, такъ и цѣлаго курса

„Практическій отдѣлъ" учебника обнимаетъ 95 страницъ; онъ содержитъ 1) 50 видовъ различныхъ задачъ и 2) собраніе примѣровъ для диктанта на знаки препинанія; и то и другое расположено соотвѣтственно §§ теоретическаго курса. Задачи служатъ однѣ для упражненія въ разборѣ, другія—для упражненій въ перефразировкѣ (обращеніе слитныхъ предложеній въ простыя, простыхъ въ слитныя, сокращенныхъ въ несокращенныя, несокращенныхъ въ сокращенныя, членовъ въ предложенія и предложеній въ члены, прямой рѣчи въ косвенную и косвенной въ прямую, вводныхъ въ главныя и главныхъ въ вводныя, соединеніе простыхъ предложеній въ сложное и т. п.). Какъ въ задачахъ, такъ и въ диктантѣ примѣры подобраны по большей части такъ, что къ каждому изъ нихъ примѣняется только одно правило—данное, или же—данное плюсъ извѣстныя; это даетъ ученикамъ возможность полнѣе сосредоточиться на изучаемомъ ими фактѣ. Для лучшаго различенія формъ, которыя легко могутъ быть смѣшиваемы учениками, онѣ, т. е. формы, сопоставляются одна съ другой. Такъ, напр., параллельно пояснительнымъ предложеніямъ приводятся сходныя съ ними придаточныя; предложенія типа „к т о н и" сопоставлены съ предложеніями типа „к т о н е".—Примѣры въ обоихъ отдѣлахъ синтаксиса приведены большею частью изъ Пушкина, Лермонтова и Крылова; притомъ стихотворные примѣры преобладаютъ надъ нестихотворными.

Все сказанное относится къ достоинствамъ книги г. Пыльнева; къ этимъ достоинствамъ нужно прибавить еще краткость изложенія и цѣлесообразность въ подборѣ матеріала. Но въ ней есть и недостатки. Укажемъ главнѣйшіе изъ нихъ.

Нѣкоторыя опредѣленія—неудачны. Возьмемъ хотя первый параграфъ учебника. Онъ начинается такимъ опредѣленіемъ предложенія: „Предложеніемъ называется сужденіе, выраженное в ъ п р а в и л ь н ы х ъ г р а м м а т и ч е с к и х ъ ф о р м а х ъ" (курсивъ нашъ). Такое опредѣленіе ровно ничего не говоритъ ученику.

Далѣе, сказавши, что предложеніе состоитъ изъ членовъ, которые раздѣляются на главные (подлежащее и сказуемое) и на второстепенные (опредѣленіе, дополненіе и обстоятельства), авторъ прибавляетъ: „послѣдніе называются второстепенными потому, что предложеніе можетъ обойтись и безъ нихъ". Если предложеніе можетъ обойтись и безъ пояснительныхъ словъ, значитъ, они лишни, напрасно только удлиняютъ рѣчь. На самомъ же дѣлѣ они играютъ опредѣленную роль въ рѣчи и „обойтись безъ нихъ" бываетъ невозможно...

Въ учебникѣ встрѣчаются также неточныя выраженія. Въ томъ же первомъ параграфѣ читаемъ такое выраженіе: „второстепенные члены могутъ зависѣть какъ отъ главныхъ, такъ и отъ второстепенныхъ-же". Слово могутъ тутъ употреблено неточно и даже неумѣстно. Точно также въ правилѣ: „Причастія, прилагательныя и дѣепричастія, не имѣющія при себѣ объяснительныхъ словъ, въ большинствѣ случаевъ считаются за члены предложенія",— выраженіе „въ большинствѣ случаевъ"—неточно и неумѣстно: оно не указываетъ ученику, когда же причастія, прилагательныя и дѣепричастія нужно считать членами предложенія.

Съ разборомъ нѣкоторыхъ примѣровъ въ учебникѣ трудно согласиться. Такъ, напр., трудно согласиться, что въ предложеніяхъ: „Въ аулѣ, на своихъ порогахъ, черкесы праздные сидятъ"; „въ среду, въ 10 часовъ вечера, пріѣхалъ я къ князю Вяземскому",—слова: „на своихъ порогахъ", „въ 10 часовъ вечера"—служатъ приложеніями къ словамъ: „въ аулѣ, „въ среду", а не обстоятельственными словами—мѣста и времени.

Трудно также согласиться съ сокращеніемъ опредѣлительнаго придаточнаго предложенія, сказуемое котораго поставлено въ будущемъ времени. Примѣръ: „Та награда, которую будетъ получать ученикъ, будетъ радовать его родителей", въ учебникѣ сокращенъ такъ: „Награда, получаемая ученикомъ, будетъ радовать его родителей" (стр. 18). Слѣдуетъ только обратить полученное сокращенное придаточное предложеніе въ полное (которую

получаетъ теперь ученикъ), чтобы увидѣть невѣрность сдѣланнаго сокращенія. Самъ г. Пыльневъ нѣсколько ниже говоритъ: „Если глаголъ опредѣлительнаго предложенія стоитъ въ будущемъ времени, а глаголъ поясняемаго предложенія въ какомъ-либо другомъ, то опредѣлительное предложеніе во избѣжаніе двусмыслія не сокращается".

Обращеніе отнесено къ неполному предложенію (стр. 9). Неужели въ предложеніи: „Снеси-ка, Иванъ, мое письмо на почту", имя „Иванъ", составитъ предложеніе, хотя бы и неполное?

Введены безъ нужды нѣкоторые новые термины. Такъ напр., введенъ новый терминъ „опредѣлительное причастіе и прилагательное": „Причастія и прилагательныя, представляющія собою сокращенное опредѣлительное предложеніе, въ отличіе отъ прочихъ (чего?), называются опредѣлительными (8 стр.).

Не смотря на эти и нѣкоторые другіе недостатки, „Синтаксисъ" г. Пыльнева, въ виду вышеуказанныхъ своихъ достоинствъ, можетъ быть съ пользою употребляемъ въ качествѣ учебника въ тѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ положено проходить синтаксисъ простого и сложнаго предложеній. Къ тому же можно полагать, что недостатки учебника будутъ исправлены въ слѣдующихъ изданіяхъ. Книга издана хорошо: шрифтъ крупный и отчетливый, бумага бѣлая и плотная; опечатки встрѣчаются, но рѣдко.

К. В.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Преподаватель французскаго языка въ Одесской 4 й гимназіи, г. А. Пашалери, предпринялъ весьма полезное и крупное изданіе, въ которомъ давно уже ощущается настоятельная необходимость. Самое заглавіе труда. Dictionnaire phraséologique de la langue française, указываетъ на его важность и заставляетъ каждаго, серьёзно занимающагося изученіемъ французскаго языка, относиться сочувственно къ попыткѣ пополнять встрѣтившіеся пробѣлы и тѣмъ облегчать чтеніе въ подлинникѣ французскихъ классическихъ авторовъ и пониманіе живой французской рѣчи. Ни одинъ словарь, даже самый полный, не можетъ дать того, что даетъ изданіе г. Пашалери, которое, судя по первому выпуску, вполнѣ заслужитъ названіе Thesaurus linguae Gallicae. Своеобразные обороты рѣчи, пословицы и поговорки, составляющія въ каждомъ языкѣ такъ называемыя „крылатыя слова", входятъ въ словарь г. Пашалери съ объясненіями, по обширности своей заставляющими удивляться громадной эрудиціи автора, его начитанности и массѣ труда, положеннаго имъ для достиженія намѣченной цѣли. Объясняя значеніе какой-либо фразы, указывая на ея источникъ, онъ не ограничивается сопоставленіемъ аналогичныхъ фразъ въ томъ-же французскомъ языкѣ, но приводитъ равнозначущія выраженія изъ языковъ русскаго, латинскаго и греческаго.

Подобнаго труда нѣтъ и у самихъ французовъ, и потому не удивительно, что среди отзывовъ, весьма сочувственныхъ, мы встрѣчаемъ и такіе, подъ которыми красуются блестящія имена академиковъ Jules Simon, Gaston Boissier, Gaston Paris, Melchior de Vogüé, члена франц. Института Michel Bréal, знаменитаго слависта Louis Leger, извѣстныхъ филологовъ Louis Havet, Léon Clédat, Victor Henry, Salomon Reynach и др.

Весьма лестны для составителя и отзывы русскихъ профессоровъ Θ. Корша, В. Модестова и А Кирпичникова.

Вотъ что говорятъ они, между прочимъ, въ своихъ письмахъ къ автору—

Θ. Коршъ: „Начало Вашего изданія даетъ мнѣ право надѣяться, что вамъ предстоитъ обогатить науку трудомъ достойнымъ вниманія не только всѣхъ любителей французскаго языка, число которыхъ въ Россіи велико, но и всѣхъ изучающихъ происхожденіе и источники изреченій вообще. Этимъ послѣднимъ дѣломъ Ваша книга, милостивый государь, можетъ служить образцомъ и, такъ сказать, подготовительной почвой для собственныхъ изысканій".

В. Модестовъ: „Вы принесете этимъ трудомъ большую пользу всѣмъ, кто въ нашей странѣ любитъ языкъ Вашей прелестной родины, а къ этимъ любителямъ можно смѣло причислить и все наше образованное общество".

Θ. Кирпичниковъ: „Всякій и научится отъ Васъ многому, и книга Ваша несомнѣнно будетъ одной изъ тѣхъ высокополезныхъ книгъ, къ которымъ примѣнимы слова Гете: „Wer Vieles bringt, wird Manchem Etwas bringen." (Faust).

Чтобы нагляднѣе объяснить характеръ словаря г. Нашалери, приведемъ на удачу одинъ примѣръ. Подъ словомъ amande находимъ объясненіе слѣдующей пословицы:

Il faut casser le noyau pour en avoir l'amande. Prov. fig. C'est-à-dire, prendre de la peine avant de retirer du profit de quelque chose, et travailler pour arriver à un résultat quelconque.—En russe: Не разгрызёшь орѣха, такъ и не съѣшь ядра.

Traduit presque littéralement de ce vers de Plaute (Curc. I, 1, 55): E nuce nucleum qui esse volt, frangit nucem (qui veut manger l'amande, casse la noix).—Hiéronyme cite lo même proverbe (Epist. 58 9): Qui edere vult nucleum, frangat nucem (casse la noix, qui veut en manger l'amande).—Au moyen âge, on disait: Frange nucis tegmen, si cupis esse nucem (cas-

se l'école de la noix, si tu veux en manger l'amande).

Rapprochez les proverbes: On ne peut manger la noix sans la casser.—Il n'y a pas d'omelette sans casser des oeufs.—Rabelais, dans son prologue du 1-er livre, recommande de rompre l'os pour en sucer la moelle.

Les Russes ont encore ces proverbes, qui expriment la même pensée. Любишь кататься, люби и саночки возить (qui aime à aller en traîneau, doit aimer aussi à le tirer).—Дерева не поранишь, сока не достанешь (si tu ne fends pas l'arbre, tu n'en tireras pas la sève).

Téreuce a dit dans le même seus (Heaut. V, 3): Multa ex quo fuerunt commoda, ejus incommoda aequum est ferre (quand on a tiré de grands avantages de quelque chose, il est juste qu'on en supporte aussi les inconvénients).—Uu autre dicton latin, qu'on voudra bien me dispenser de traduire, était ainsi conçu: Qui volt cubare, pandit saltum saviis.—Apostolius cite ce proverbe grec (Cent. XII, 97): Ὁ πηλὸς ἢν μὴ δαρῇ, κέραμος οὐ γίγνεται (si l'on ne bat pas l'argile, on ne peut en faire un pot).—Idem (Cent XIV, 77): Πρὶν ἢ πτίσαι τὰ ἄλευρα (s.-ent. χυχᾶς: tu pétris la farine, avant de piler le blé).—Idem (Cent. XIII, 78): Ὁ φεύγων μύλον, ἄλφιτα φεύγει—Qui fugit molam, fugit farinam (qui fuit la meule, c'est-à dire le moulin, fuit la tarine).

Еслибъ не недостатокъ мѣста, можно было бы привести еще болѣе разительные примѣры, такъ какъ у г. Пашалери объясненіе одной фразы занимаетъ цѣлыя страницы. Одинъ подобный примѣръ ясно показалъ бы, что составитель долженъ былъ вооружиться на цѣлые годы огромнымъ запасомъ терпѣнія и трудолюбія, не говоря уже о томъ, что и съ этимъ запасомъ онъ-бы далеко не ушелъ, еслибы не обладалъ глубокимъ знаніемъ не только французскаго языка, но и латинской и греческой литературы.

Въ началѣ своей книги г. Пашалери говоритъ, что онъ работалъ надъ нею болѣе 15 лѣтъ и успѣлъ подготовить

весь матеріалъ, который займетъ два большихъ тома in—4-o, первый выпускъ котораго уже вышелъ и занимаетъ около 200 страницъ, раздѣленныя на два столбца.

Пожелаемъ же отъ души того успѣха, какого заслуживаютъ результаты многолѣтняго, плодотворнаго и крайне-кропотливаго труда.

Первый выпускъ продается въ книжномъ магазинѣ Е. П. Распопова, въ Одессѣ.—Цѣна, безъ пересылки 2 руб.

N. N.

ЖИВОЕ СЛОВО И ЖИВЫЕ ФАКТЫ.

У кого что болитъ,
Тотъ о томъ и говоритъ.

Пословица.

Вопросъ, отчего могутъ зависѣть лучшіе успѣхи въ педагогическомъ дѣлѣ, Редакціей «Фил. Зап.» поднимался уже не разъ по поводу преподаванія русскаго языка. Въ настоящее время мы хотимъ представить еще нѣсколько соображеній о томъ же вопросѣ, интересующемъ насъ болѣе всего. Веденіе дѣла преподаванія родного языка, особенно выработка метода, болѣе разумнаго, болѣе цѣлесообразнаго и практичнаго, всегда возбуждало и возбуждаетъ вопросъ, на какомъ направленіи лучше остановиться.

Какъ же именно достигнуть болѣе благопріятныхъ и счастливыхъ результатовъ, какъ желанной цѣли?— По нашему крайнему убѣжденію, нужно, при началѣ курса, на первыхъ же урокахъ, познакомить учащихся съ тѣмъ, чѣмъ имъ предстоитъ заниматься, и разъяснить, насколько возможно, что имъ приходится заниматься изученіемъ своего родного языка, о чемъ учащаяся молодежь едва ли имѣетъ какое-либо опредѣленное понятіе.

Чтобы подготовить въ желательномъ направленіи, такъ сказать, методическую почву для развитія учащихся, необходимо предварительно обратить серьезное вниманіе ихъ на значеніе языка,—именно, раскрыть и разъяснить имъ, какъ много заключается интереснаго, занимательнаго, поучительнаго и пр., при разсмотрѣніи всѣхъ сторонъ языка, въ его строеніи этого чуднаго и драгоцѣннаго органа слова, какъ дара природы и посредника нашего съ внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ идей и представленій,—слова, которое служитъ передачей другъ другу нашихъ мыслей, желаній, выраженіемъ

разныхъ нашихъ чувствъ—радости, удовольствія, горя и печали—нашей повседневной жизни, а что сказать о томъ, какая громадная масса свѣдѣній передается посредствомъ литературныхъ произведеній—тутъ цѣлый необъятный міръ мыслей проявляется,—все живое отъ человѣка до букашки и былинки! Сколько раскрывается разныхъ свѣдѣній не только въ цѣлой рѣчи нашей, но и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ; сколько раскрывается тутъ разнообразныхъ значеній, напр., въ производныхъ словахъ, простыхъ и сложныхъ, сходныхъ и противоположныхъ и пр. и пр.; не говоримъ уже о томъ, сколько найдется прекрасныхъ, интересныхъ выводовъ изъ разборовъ поэтическихъ образцовъ языка (тутъ можно прочитать нѣсколько выдержекъ изъ лучшихъ авторовъ).

Кажется, теперь у насъ много, даже очень много разныхъ учебниковъ, пособій и руководствъ; казалось бы, и успѣхи въ преподаваніи должны быть большіе, но нельзя сказать, что все уже подготовлено для преподаванія,—многаго еще недостаетъ, именно болѣе раціональнаго направленія въ преподаваніи отечественнаго языка и литературы.

Жизнь и ростъ каждой науки, какъ извѣстно, не стоитъ на одной точкѣ, а идетъ и движется съ вѣкомъ или вообще со временемъ, хоть не вдругъ, незамѣтно, но все-таки впередъ и впередъ, разрабатывается и совершенствуется. По языкознанію вообще, благодаря современнымъ изслѣдованіямъ, учеными спеціалистами въ настоящее время сдѣланы громадные успѣхи. Такое движеніе естественно не могло не натолкнуть человѣка, интересующагося успѣхами языкознанія на иное, болѣе разумное и цѣлесообразное методическое направленіе, какое и предлагается въ нашемъ изданіи подъ именемъ «Живое слово»,—«Методика» и пр.

Все сказанное выше входитъ той или другой своей стороной въ «Методику» съ цѣлію развитія учащихся и обогащенія ихъ научными свѣдѣніями по языку и литературѣ. Что же касается примѣненія ея на опытѣ, мы

ниже сего приводимъ факты, да и лично слышали отзывы отъ компетентныхъ лицъ, примѣнявшихъ ее къ дѣлу,—«что она быстро развиваетъ мыслительность учащихся», а умственное развитіе вообще болѣе всего нужно въ учебномъ дѣлѣ,—это, такъ сказать, фундаментъ, на которомъ прочно только и зиждутся дальнѣйшія знанія учащагося юношества. Съ другой стороны, для полнаго образованія учащихся недостаточно одного умственнаго развитія,—тутъ необходимо и религіозно-нравственное воспитаніе, что въ особенности входитъ въ число задачъ «Методики».

Чтобы болѣе и болѣе заинтересовать учащихся,—необходимо должно быть все передаваемо живымъ и увлекательнымъ словомъ. Живое, увлекательное слово—это великая сила, овладѣвающая вниманіемъ слушателей; сила двигающая чувствами и сердцами;—это, можно сказать,—душа въ педагогическомъ дѣлѣ. Увлекательный и занимательный разсказъ въ каждомъ научномъ предметѣ можетъ играть важную роль. Мы слышали, что одинъ преподаватель математики, повидимому, такой сухой предметъ сумѣлъ оживить, сдѣлать занимательнымъ, такъ что учащіеся съ особеннымъ удовольствіемъ слушали разсказы его, какъ что-то новое, и удивлялись его искусству передавать съ такимъ умѣньемъ неосязаемыя величины, выкладки и теоремы, какъ будто осязаемыя. Правда, такой разсказанный случай относится къ одному высшему учебному заведенію, но онъ свидѣтельствуетъ, что подобнаго рода результаты возможны и въ средней школѣ. Нужно только возбудить въ учащихся интересъ къ предмету, чтобы они, какъ можно, внимательнѣй слушали передаваемое и полюбили предметъ; этого болѣе всего нужно добиваться, и тогда только, можно сказать, успѣхъ въ дѣлѣ преподаванія будетъ обезпеченъ. Пожалуй, намъ возразятъ, что все это—увлеченіе молодыхъ умовъ... Да, правда, увлеченіе, но только увлеченіе не модой, не мишурой или дѣтской погремушкой, нѣтъ,—это сознательная жажда знанія, умственная потребность озна-

комиться съ сущностью языка, съ его достоинствами и красотами и его литературою. это—проявленіе жажды образованія и просвѣщенія,—это новое вѣяніе, вызванное обстоятельствами времени въ движеніи наукъ и искусствъ, или, скорѣе,—это знаменательное вѣяніе можетъ возникать подъ вліяніемъ благодарныхъ чувствъ учащихся къ своему учителю за умственное и нравственное развитіе ихъ, за сообщеніе и обогащеніе массой научныхъ свѣдѣній,—это, наконецъ,—торжество науки! Для убѣжденія въ подлинности передаваемыхъ нами словъ приведемъ факты.

Извѣстно, что по настоящее время Редакціей представлены на страницахъ «Филолог. Записокъ» и вышли отдѣльными оттисками три курса «Методики» для преподаванія рус. языка съ особымъ заглавіемъ «Живое слово», выработанные А. В. Барсовымъ, нашимъ почтеннымъ сотрудникомъ; готовится и 4-й кур. Методики. По слѣдамъ этого новаго направленія въ преподаваніи родного языка выступилъ, какъ извѣстно, М. В. Куклинъ, тоже нашъ сотрудникъ, и представилъ цѣлую серію прекрасныхъ педагогическихъ статей, подъ заглавіемъ «Разборы избранныхъ образцовыхъ поэтическихъ произведеній рус. литературы», разборы, представляющіе живые картины, если такъ можно выразиться, умственныхъ и психологическихъ процессовъ. Третій изъ нашихъ сотрудниковъ, С. Н. Б., примѣнилъ эти образцы къ преподаванію въ высшихъ и среднихъ классахъ Н—ской женской гимназіи. Въ письмѣ своемъ къ намъ онъ, между прочимъ, сообщилъ, что переводится въ другую гимназію, и говоритъ, что онъ болѣе года практикуетъ разборы г. Куклина, и что воспитанницы «съ восторгомъ слушаютъ все сообщаемое имъ», и что онъ съ сожалѣніемъ разстается съ своими слушательницами, успѣхами и вниманіемъ которыхъ былъ очень доволенъ.

Когда онъ собирался выѣзжать изъ Н. неожиданно для себя встрѣтилъ со стороны воспитанницъ самое горячее сочувствіе и сожалѣніе, что онъ ихъ неожидан-

не покидаетъ. Но особенно говоритъ, было для него драгоцѣнно и отрадно присланное ему ученицами VI класса письмо, при которомъ доставлены были ему сочиненія Некрасова въ 2-хъ томахъ съ надписью: «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное—сѣйте». Заинтересованные такимъ сообщеніемъ, мы тотчасъ поспѣшили просить о доставленіи намъ копіи съ этого письма.

Вотъ это письмо, которое передаемъ съ буквальною точностію:

„Многоуважаемый С. Н.!

„Мы всѣ прекрасно понимаемъ, чего мы лишились. Такого учителя, какъ Вы, у насъ не было, да, „должно быть, и не будетъ. Вы имѣли такое большое „вліяніе на насъ и на нашъ умственный ростъ, какое „рѣдко кому удается имѣть. Вы будили нашу мысль, Вы „заставили насъ серьёзно относится къ дѣлу, серьёзно „и внимательно вглядываться въ окружающую жизнь, „Вы умѣли такъ заинтересовать насъ предметомъ, что „цѣлые часы пролетали незамѣтно, оставляя неизгладимый слѣдъ на нашемъ развитіи.

„Примите же нашу искреннюю, глубокую благо „дарность за все, что Вы сдѣлали для насъ, примите-„же отъ насъ пожеланіе всего, всего хорошаго. Очень „можетъ быть, мы больше не встрѣтимся въ жизни, но „знайте, С. Н., что никогда не забудемъ мы нашего „уважаемаго учителя, не забудемъ чѣмъ мы обязаны „ему. Пусть же и онъ, добрый нашъ учитель, вспоми-„наетъ о насъ, перечитывая чудныя строки любимаго „нашего поэта.

Глубокоуважающія и цѣнящія Вас ученицы 6-го класса»...-

Ученицы, какъ видно, по достоинству оцѣнили и почтили труды С. Н. Б.; да, едвали кому приходилось еще видѣть что-либо подобное въ наши дни. Кромѣ

того прислали ему букеты, а одна ученица прислала даже ноты своего сочиненія—«Прощаніе». Ученицы VIII класса провожали его на вокзалѣ и поднесли ему замѣчательно художественный букетъ, сдѣланный мѣстными монахинями изъ перьевъ. «Меня, говоритъ г. Б., буквально завалили ученицы письмами и просьбами прислать имъ мои фотографическія карточки, а одна ученица, пріѣзжая изъ другого учеб. заведенія, занимавшаяся не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, обратилась съ слѣдующимъ письмомъ»:

„Многоуважаемый С. Н.!

«Будьте такъ добры, не откажите мнѣ въ моей „просьбѣ—пришлите и мнѣ свою карточку. Хотя я и „не имѣю права просить оной, такъ какъ недавно по- „ступила въ гимназію, но за это короткое время я „сумѣла Васъ оцѣнить. Главная причина имѣть Вашу „карточку вотъ какая: Вы, можетъ-быть, нечаянно сдѣ- „лались виновникомъ моего нравственнаго возрожденія. „Видя въ Васъ олицетвореніе неусыпной дѣятельности „и благородства, я задалась цѣлью вести благородный „и дѣятельный образъ жизни, чѣмъ до того времени „не могла похвалиться. Такъ какъ Вы оказали на ме- „ня благодѣтельное вліяніе, то единственная моя благо- „дарность та, что никогда изъ моей памяти не изладит- „ся Вашъ благородный образъ. С. Н.! не откажите въ „моей просьбѣ, укрѣпите воспоминаніе о Васъ.

„Искренно уважающая Васъ
„Ваша ученица Юлія Р—ко“.

Такое безпримѣрное и необычайное отношеніе въ исторіи нашей школьной жизни учащихся къ своему преподавателю, сопровождаемое такими глубокими задушевными симпатіями, есть явленіе отрадное, много говорящее само за себя. Что же заставило ученицъ гимназіи такъ благодарно отнестись къ своему учителю?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: преподаватель сумѣлъ поселить въ сознаніи своихъ слушательницъ любовь къ наукѣ, любовь къ родному языку, сумѣлъ заинтересовать ихъ своимъ живымъ словомъ, занимательными объясненіями при разборѣ образцовъ языка, а живое слово это—обаятельная сила, имѣющая громадное вліяніе на умственное и нравственное развитіе. Вотъ что значитъ произвести на учащихся вліяніе живымъ словомъ, вотъ что значитъ двигать умами и сердцами слушателей въ сферѣ педагогической дѣятельности! Здѣсь смѣло можемъ сказать,—такой многознаменательный фактъ не можетъ и не долженъ быть пройденъ молчаніемъ въ лѣтописи нашей педагогіи, какъ фактъ выдающійся и свидѣтельствующій о томъ, чего должны ожидать учащіеся отъ своего учителя, который для нихъ становится не только учителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитателемъ. Онъ долженъ служить примѣромъ для другихъ педагоговъ, или, лучше сказать, толчкомъ и побужденіемъ для достиженія подобныхъ результатовъ въ преподаваніи. Дѣйствительно, эти факты указываютъ на то, какое можно имѣть громадное вліяніе на учащихся и какихъ успѣховъ въ преподаваніи можно достигнуть каждому преподавателю.

Да, если бы всѣ наши педагоги такъ энергично предались своему высокому призванію къ дѣлу образованія и просвѣщенія молодого поколѣнія, какъ бы у насъ наука о языкѣ шла впередъ и впередъ мѣрными и скорыми шагами, а съ ними шли также и успѣхи! А чтобы вести умѣло, честно, энергично святое дѣло преподаванія—стоитъ обратить на это дѣло серьёзное вниманіе, именно,—отдаться всецѣло ему, и тогда только можно увидѣть желаемые плоды и порадоваться вдоволь, сколько, вѣроятно, порадовался нашъ энергичный, вышеназванный скромный труженикъ. Мы и теперь вполнѣ радуемся и этому единичному примѣру педагогической дѣятельности, и отъ души желаемъ, что бы у насъ побольше было такихъ педагоговъ, а благодаря и такому единичному примѣру, можно вполнѣ

надѣяться, что найдутся подражатели, которые поведутъ это дѣло умѣло и успѣшно. При этомъ желательно только, чтобы преподавателямъ 1) предоставлено было болѣе простора въ выборѣ средствъ для развитія мыслительности въ учащихся и расширенія методическихъ пріемовъ и 2) удѣлено было больше времени на преподаваніе отечественнаго языка. Никакія программы, сами по себѣ, не подвинутъ науки впередъ, не помогутъ дѣлу преподаванія и не дадутъ такихъ же результатовъ, какіе можетъ дать новая метода; въ программѣ не важно то или другое указаніе, важно то, какъ объяснять извѣстное требованіе.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ высказать еще одно пожеланіе: если будетъ у насъ появляться больше и больше преподавателей энергичныхъ и вполнѣ владѣющихъ живымъ словомъ, увлекательнымъ разсказомъ по предмету русскаго языка и словесности, то въ поощреніе другимъ таковыхъ нужно привлекать и удерживать для болѣе продолжительной служебной дѣятельности на пользу науки и просвѣщенія и вознаграждать ихъ за труды усиленнымъ окладомъ, какой назначается для заслуженныхъ наставниковъ. Только подобной мѣрой, конечно, можно привлечь большій контингентъ лучшихъ преподавателей. Быть—можетъ, у насъ не много найдется преподавателей, владѣющихъ живымъ словомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что по требованію практики одни найдутся, другіе выработаются сами собой, какъ, со времени введенія у насъ новыхъ судебныхъ учрежденій, появились краснорѣчивые и сильные живымъ словомъ—адвокаты *).

А. Хованскій.

---

*) Одна изъ предсмертныхъ работъ, свидѣтельствующая о томъ, что покойный редакторъ-издатель «Фил. Зап.» до гроба остался вѣренъ своимъ взглядамъ на пріемы преподаванія родного языка.

Новые варіанты былинъ.

Въ наше время, когда очень рѣдко слышишь о сказателяхъ русской народной поэзіи, весьма пріятно бываетъ встрѣтить человѣка, изъ народа, умѣющаго не только «сказывать», но и пѣть былины.

Нижеслѣдующія былины и историческія пѣсни записаны со словъ крестьянина деревни Ярзовки, Архангельской волости, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, Аристарха Ефимовича Голчина, сторожа Бакинской классической гимназіи.

Аристархъ Голчинъ слышалъ былины эти отъ отца, который, въ свою очередь, перенялъ искусство «сказанія» отъ своего отца. Репертуаръ нашего сказателя не великъ: отецъ и дѣдъ, по словамъ Аристарха, знали больше. Тѣмъ драгоцѣннѣе, по моему крайнему разумѣнію, матеріалъ, представляющійся въ немногихъ сказаніяхъ Галчина; особенно же онъ обращаетъ на себя вниманіе своеобразнымъ языкомъ, отличающимся, если не ошибаюсь, отъ языка всѣхъ напечатанныхъ варіантовъ. Думаю, что иныя подробности содержанія представятъ также интересъ новизны.

I. Былины.

1) Быль объ Ильѣ Муромцѣ.

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, былъ единъ онъ у отца, у матери, и сдѣлался боленъ, лежалъ 33 года безъ рукъ, безъ ногъ, совершенно недвижимъ былъ. Ну, потомъ его родители ушли съ рабочими,—у родителей помочь была,—чищобу чистить (корчевать, корни копать—объясненіе Голчина), а чищоба была около рѣки Оки. Въ то время приходятъ къ Ильѣ два старика сѣденькіе, по названію странники, и попросили испить. Потомъ, Илья имъ отвѣчалъ: я не могу вамъ, старички,

принесь (вм. принести) испить: я лежу вотъ 33 года, безъ рукъ, безъ ногъ. Они ему повторяютъ: «возстань, Илья! возстань, Муромецъ! Повороти, — говорятъ, — Илья, могучими плечьми!» Поворотилъ Илья могучими плечьми, и возсталъ Илья, возсталъ Муромецъ, и спусшался (вм. спущался) онъ въ выходы глубокіе и наливалъ имъ пива пьянаго (приготовленнаго по случаю помочи — объясненіе Голчина) и принесъ имъ чару выпить. Онѣ Илюшѣ отворачивали (предлагали пить): «выпей самъ, Муромецъ!» Когда Илья выпивалъ чару, Ильѣ (вм. у Илья) они спрашивали: «Ну, что, говоритъ, ты теперь въ себѣ чуешь?» — Если бы былъ, говоритъ, утвержонъ столбъ въ землю, съ кольцомъ, съ земли до неба, поворотилъ бы я, говоритъ, всю землю. И потомъ, онѣ его вторично заставляли: Принесь Илья, вторую чару».

Пошелъ Илья, принесъ вторую чару. Они опять вторично его пить заставляли: «Выпей, Илья, вторую чару». Когда выпилъ вторую, Илью спрашивали: «Что чуешь теперь въ себѣ, Илья?» — Чую я: половины нѣтъ. Онѣ его послали за третьей: «принеси намъ третью чару». Принесъ Илья третью чару. Приказали Ильѣ третью чару пить. Потомъ, онѣ спрашивали: «Что, Илья, теперь чуешь?» Имъ отвѣчаетъ Илья: «третьей доли нѣтъ». — «Ну, довольно тебѣ», говоритъ, «и этого за твое страданіе». Ну, потомъ, Илья воставлялъ (т. е. открывалъ) вороты шанныя (по объясненію Голчина, «щанными воротами» называются «по-россійски» полотняныя ворота, въ противоположность «жердянымъ»). Ну, и накатывалъ Илья на полотно съ пивомъ бочку и поднималъ полотно съ бочкою на голову, и пошелъ къ своему родителю на чистобу. Когда подближался Илья къ своимъ родителямъ, нѣкоторые люди говорили, что Илюша идетъ; а родитель увѣрялъ: «какъ же это возможно?! Илюша лежитъ безъ рукъ, безъ ногъ». Ну, подходилъ къ нимъ: и, въ самомъ дѣлѣ, Илья! Ну, и расположились тутъ онѣ, сѣли и пообѣдали, и легли отдыхать, и уснули крѣпкимъ сномъ. Одинъ Илья

не спитъ; сталъ онъ работать: дергать дубьй, какъ коноплѣль брать, и кидать въ Оку—рѣку. И этими претолстыми дубьями запружалъ Илья рѣку Оку. Рѣка Ока пошла въ берегъ цѣлымъ мѣстомъ (по объясненію сказателя, направилась по другому руслу), и потомъ подошла подъ его родителевъ. (Какъ видно изъ послѣдующаго, выше надо разумѣть не «родителевъ», а одного родителя, т. е. отца; но такіе Capsus'ы linguae обычны въ былинахъ). Тогда они просыпалися, за своѐ (вм. за свои) топоры принималися (множественное число объясняется тѣмъ, что, кромѣ отца Ильи, на полѣ работали пришедшіе на помочь); а топоры были потыканы въ претолстый дубъ, и не могли онѣ ихъ вытащить. Ну, потомъ ужъ пошли домой. А тамъ пришла его матушка, хватилась—его нѣту. И тутъ мать, рехàлася и объ Ильѣ сумлѣвалася и слезно плакала. Ну, когда онѣ пришли, мать взрадовàлася на Илью бросалася. Потомъ, выходитъ за вороты, и идутъ два старика сѣденькіе, и несутъ узолочки маленькіе; имъ очень трудно, и клали ихъ на землю. И тутъ Илья говорилъ: «Каке́ (вм. какіе), вы, старички, несете узолочки! какѐ маленькіе! и очень трудно!»—«Поди, Илюша, говоритъ, ты эти узолочки не поднимешь! Подходилъ Илья и бралъ узолки и не могъ отдѣлить отъ земли, и тутъ сказали онѣ ему: «Вотъ, Илья, вся земля тутъ! Когда ты первую чару выпилъ, тогда ты эти узолки поднялъ! Тутъ Илья сповѣдалъ (вм. узналъ): называлъ ихъ «Господи и Микола Милосливый! Я благодарю васъ, говоритъ, и на этимъ.

Вотъ потомъ, сталъ ужъ онъ говорить своему родителю: «Родной мой батюшка, поди—купи, говоритъ, вотъ у этого священника мнѣ, говоритъ, жеребеночка». Ну, потомъ пошелъ онъ. Тотъ (священникъ) проситъ у него стò рублей. Показалось ему дорого. Приходитъ обратно. «Илюша!—говоритъ—проситъ дорого: 100 рублей».—«Вторично иди», говоритъ: «что запроситъ, то и дай». Двѣсти проситъ. Онъ взворочался, опять не купилъ; дорого ему показалось. «Онъ—говоритъ Илюшѣ — проситъ двѣсти».—«Иди — говоритъ — въ тре-

тій (т. е. разъ); что ни возьметъ—и дай». Ну, онъ въ третій пошелъ и купилъ: далъ триста рублей. И привелъ домой. И посадили его въ струбъ. Ну, и потомъ черезъ годъ Илья сходилъ къ своему жеребеночку, накладывалъ на него руку правую. У жеребеночка ноги дрыгаютъ. Онъ оставилъ его еще на одинъ годъ. Ну, тогда приходилъ, надѣвалъ на жеребеночка уздечку и называлъ его конемъ, не жеребеночкомъ: «Ну, будь-ка, говоритъ, ты мнѣ слуга вѣрная!»

Ну, тутъ-то онъ и поѣхалъ на тѣ лѣса бранскіе и глухими дорогами, и на того Соловья—разбойника. И гдѣ былъ онъ, ѣзду (вм. ѣзды) вокругъ него не было ближе на 40 верстъ; а потому не было—онъ оглушалъ свистомъ человѣка на 40 верстъ. Ну, Илюша того не страшался, (вм. «не страшился») подъѣзжалъ къ Соловью верстъ на 5; а у него было устроено гнѣздо на семи дубахъ. И потомъ, тутъ сталъ у Илюши конь спотыкаться. Потомъ его ударилъ Илья между ушей: «Что ты, говоритъ, конь, спотыкаешься?». Ну, снималъ съ плечъ тугой лукъ, накладывалъ кленову стрѣлу, вопусшалъ въ Соловья—разбойника и угождалъ ему въ правый глазъ. И Соловей полетѣлъ съ гнѣзда, какъ овсяный снопъ.

И закавывалъ его въ тараки (полосы желѣзныя, по объясненію сказателя), и привязывалъ его позади сѣдла. И тогда сталъ его спрашивать: «И куда мнѣ тебя дѣти?» (вм. дѣвать). Онъ ему отвѣчаетъ: «Вези, говоритъ, меня къ моимъ дочерямъ». Ну, привезъ его къ евомъ дочерямъ, и подъѣхалъ ближе къ ихнему дому. И дочери смотрили съ балкона. Большая дочь говоритъ: «Нашъ батюшка, говоритъ, везетъ какого то богатыря въ таракахъ». А меньшая говоритъ: «Нѣтъ, нашего батюшку, говоритъ, везетъ какой—то богатырь въ таракахъ». Ну, когда пріѣзжалъ къ дому, меньшой сестры выходило правда, что привезли ихняго батюшку и закованнаго въ таракахъ. Ну, потомъ, онѣ просили его оставить имъ: «Илюшенька, говоритъ, оставь намъ батюшку». Ну, онъ на ихъ слова не соглашался, и го-

ворить: «Повезу, куда знаю». И привозилъ къ князю Володимеру. И въ то время былъ у князя балъ. Ну, тогда князю Володимеру объяснялъ, что «я привезъ, говоритъ, Соловья-разбойника». Ну, и приказали ему его привесть въ комнату и выпускали изъ тараковъ на свободу. И въ то время приказали ему засвистѣть въ полсвиста. И въ то время князю Володимеру и княгини Илюша зажималъ голову подъ пазухи. И тутъ закричалъ Соловей во весь свистъ, и съ зыку (т. е. съ крику) его падали весь народъ, и лежали за—мертво. И тутъ Илья разсердился, взялъ Соловья за ноги и разорвалъ. Потомъ ужъ онъ тутъ князя выпускалъ и отправлялся къ своей матери и къ своему родителю, и находилъ человѣка—ковыряетъ землю—и себѣ сказалъ: «Что же за червякъ копается, говоритъ, въ землѣ?» И посадилъ въ карманъ и съ сохой, и съ бороной, и съ лошадью, и привозилъ своей матери, и вынималъ изъ кармана: «Маменька, говоритъ, я червяка нашелъ» Мать ему отвѣчала: «Нѣтъ, Илюша—говоритъ—это—не червякъ: это, говоритъ, будутъ люди такіе; а насъ, говоритъ, не будетъ». И будутъ, говоритъ, сѣять хлѣбъ. Это—говоритъ—вотъ онъ пахалъ и сѣялъ хлѣбъ. Отвези его, говоритъ, гдѣ онъ былъ, и отпусти его, говоритъ, на то мѣсто». Илья не угурялся (не перечилъ) отъ своей матери и отвезъ на то мѣсто. Ну, потомъ отъ него поѣхалъ горами, долами, темными лѣсами, и попадался ему встрѣчь (т. е. на встрѣчу) сильный богатырь, а по названію Егоръ Святогоръ.

Ну, онѣ тутъ съ нимъ побратались, назвались братьями и вмѣстѣ поѣхали. Ну, Егоръ Святогоръ его просилъ къ себѣ: «Поѣдемъ, говоритъ, Илюша къ моему батюшкѣ». А у него родитель былъ слѣпой. И онъ ему говорилъ: «Когда, говоритъ, ты пріѣдешь, батюшка попроситъ руку, ты ему не давай; а какъ въ комнату взойдешь, тогда, говоритъ ты палицу свою боевую бросай въ печку, и когда, говоритъ, палица разогрѣется, то и дай ему вмѣсто руки. «Когда палица разогрѣлась, тогда Илюша давалъ ему, вмѣсто руки, свою боевую палицу, двадцати-пяти-пудовую.

И тогда сжималъ онъ (отецъ Святогора) палицу очень сильно и крѣпко, и изъ палицы могъ текчи сокъ. Ну, тогда сказалъ родитель: «Ну, Илюша, говоритъ, горячà твоя кровь! И будь, говоритъ, моему сыну товарищъ!» Ну, и въ то время они распростились съ его родителемъ и вмѣстѣ поѣхали. И ѣхали горами и долами, и темными лѣсами, и послышался имъ стукъ, на этотъ стукъ они подъѣзжаютъ: стоитъ гробъ. Около гроба никого нѣтъ,—онѣ съ коней слѣзали и межъ собой говорили: «Кому же, говоритъ, этотъ гробъ сдѣлали? Давай, говоритъ, помѣримъ». Впередъ ложился Илюша. «Нѣтъ— говоритъ Егоръ Святогоръ—тебѣ и дологъ и широкъ. Ну, говоритъ, вставай,—я помѣряю» и легъ: какъ по немъ сдѣланый и говоритъ Ильѣ: «Ну, говоритъ, Илья,—какъ по мнѣ сдѣланый. Ну-ка, закрой.» Илья закрылъ. «Нѣтъ, говоритъ, ни дырочки, ни сшолочки (вм. «ни щелочки»). Ну, открывай, говоритъ: что-то ужъ и душно становится». Илья сталъ открывать,—не открывается. «Егорушка», говоритъ, «не откроешь!»—Открывай сильнѣе! Что же ты, говоритъ, шутишь, что ли?—«Какое, говоритъ, шутить! Не откроешь!» Святогоръ повторяетъ: «Бери боевую палицу, бей», говоритъ. Илюша бралъ палицу и ударилъ по гробу: на концахъ стало по обручу. Егоръ! говоритъ: «стало по обручу!»—«Возьми, говоритъ, мою 35—пудовую палицу; она, говоритъ, потежельше: можетъ быть, порѣзче, говоритъ, ударишь!» Онъ бралъ его палицу, 35—пудовую, и ударялъ вторично,—стало по два обруча. «Ну, бей», говоритъ, «въ третій разъ!» Въ третій разъ ударилъ—стало по три: «Егоръ!» говоритъ: «по три стало!» Егоръ ему отвѣчалъ: «Ну, Илюша, теперь прощай! вѣрно, говоритъ, смерть моя! Ты, говоритъ, меня свезти, не осилишь къ этой вотъ рѣчкѣ: когда, говоритъ, потечетъ пѣна мутная,—эту говоритъ, пропусти; потомъ, говоритъ, пойдетъ пѣна густая сквозь гробу,—тогда ее хлѣбни и моему коню дай: тогда въ васъ силы, говоритъ, прибавится вдвое. И потомъ, привяжи, говоритъ, къ моему, говоритъ, къ коню, къ хвосту, и свези меня къ этой рѣкѣ». Тогда

пропустилъ Илья пѣну жидкую, повторялась пѣна густая. Тогда Илья давалъ коню и привязывалъ его (гробъ) къ хвосту, и свозилъ къ этой рѣкѣ. И сдѣлался тутъ огромный оврагъ. Это было въ томъ и на такомъ же ровномъ мѣстѣ, на какомъ мы живемъ.

2) Бой Ильи Муромца съ Обжорищемъ.

Поѣхалъ Муромецъ къ царю ко Владимеру, потому поѣхалъ, что наслышанъ былъ: у него есть Обжорище. На встрѣчу ему попадался богатырь—Колѣчище. И потомъ, онъ просилъ Колѣчище одежду (интересный «двойной винительный падежъ»), и помѣнялись они одеждой. Приходитъ онъ къ царю; а Обжорище сидѣлъ за столомъ и быка въ разъ съѣдалъ, и бочку сороковушку выпивалъ. И сказалъ ему Илья: «У моего, говоритъ, батюшки была экая корова—обжора: и пила и ѣла, обожралась и околѣла».—«А что», говоритъ (Обжорище): ты, Колѣчище, можешь ты мнѣ это сказать? Сейчасъ, говоритъ, тебя раздавлю. Я слышалъ, говоритъ, не этакій есть Илья Муромецъ, и то бы я съ нимъ поспорилъ».

— А хочется говоритъ (Илья), тебѣ повидѣть его?

— Хочется, говоритъ: я бы съ нимъ, говоритъ, силами помѣрялся.

У Илюши была въ рукахъ боевая палица, 25-пудовая: ударилъ Обжорищу—онъ сидѣлъ противъ простѣнка—и вышибъ простѣнокъ и Обжорище на улицу совсѣмъ вылетѣлъ. Тутъ его князь дарилъ драгоцѣнными разными подарками. Ну, обрачался (вм. обращался) къ своимъ родителямъ, разсказалъ свое похожденіе.

Примѣчаніе. Приведенныя выше былиныГолчинъ только разсказываетъ, что, впрочемъ, ясно видно изъ ихъ склада, несвободнаго, съ частыми: «ну», «потомъ», «говоритъ»: видно, что разсказчику давно не доводилось разсказывать, и онъ съ трудомъ припоминаетъ содержаніе былинъ; но въ этой необработанности техники разсказа заключается, по моему, своеобразная

красота, почему я и позволилъ себѣ привести былины въ этомъ необработанномъ видѣ, но съ ручательствомъ за точную передачу не только каждаго слова сказателя, но и каждаго его звука.

Приводимая ниже (№ 3) былина поется сказателемъ, въ ней очень красиво разсказывается о борьбѣ христіанской Руси съ врагами русской вѣры и самобытности.

3) Бой Ильи Муромца съ татарченкомъ.

Снаряжался Илья на страженьице, (вм. сраженьеце) на лютыхъ звѣрей, на невѣрныихъ; осядловалъ Илюшенька добрá коня, а со полуночи соѣзжалъ со двора. Подъѣзжалъ Илья ко крутỳ бугрỳ, во крутỳ бугру—во дикỳю степь. Раскидывалъ Илья бѣлъ—тонкой шатеръ, во шатрикѣ варилъ кашицу; варилъ кашицу, поразваривалъ; поразваривалъ—сталъ расхлебывать; порасхебывамши, онъ ложился спать. Спалъ-то Илья всѣ двѣнадцать денъ богатырскимъ сномъ. Съ-за (вм. «Изъ-за») лѣсику, изъ-за темненькаго наѣзжалъ на Илью злой татáрченко; онъ давалъ Ильѣ всѣ двѣнадцать ранъ, тринадцату хотѣлъ смéртную: онъ хотѣлъ попасть въ ретиво сердцé, и попалъ ему въ золотъ-чуденъ крестъ. Тутъ сталъ Илья пробуждатися, бралъ татáрченку за больший уши, за больший уши, за татарскія, и бросалъ его выше деревца, выше деревца стоячаго, выше облака ходячаго, расшибалъ татарченку по макову зернышку.

Примѣчаніе: Помимо интереса содержанія и красоты формы, былина о борьбѣ Ильи Муромца съ татарченкомъ замѣчательна поразительно—любовнымъ отношеніемъ создавшаго ее народа къ «богатырю-Илюшенькѣ».

Н. Падаринъ.

ЗАМѢТКА КЪ «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ».

Комментирующимъ «Слово о Полку Игоревѣ» не мѣшаетъ обратить вниманіе на слѣдующія замѣчанія.

Въ «Словѣ» читаемъ: Тогда великый Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшано, и рече: «О моя сыновьца, Игорю и Всеволоде!»... Буслаевъ въ своей хрестоматіи «сыновьца» перадаетъ словами «два племянника», потому что считаетъ упомянутаго Святослава дядей Игоря и Всеволода (см. прим. 26 и 27; стр. 95 и 96). Не знаю, на основаніи какихъ данныхъ Буслаевъ называетъ Святослава дядей этихъ князей. Скорѣе данныхъ не было никакихъ, а просто знаменитый нашъ ученый допустилъ недосмотръ, который, повторяютъ и другіе комментаторы «Слова»: Смирновскій въ «Пособіи при изученіи исторіи русской словесности»; Чудиновъ въ отдѣльномъ изданіи «Слова»; даже Барсовъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ (см. т. I. Стр. 289).

Упоминаемый въ данномъ мѣстѣ «Слова» Святославъ, Великій Кіевскій Князь, не дядя Игорю и Всеволоду, а двоюродный братъ. У Олега, названнаго въ «Словѣ» Гориславичемъ были сыновья: старшій Всеволодъ, первый изъ Ольговичей, добившихся Кіевскаго стола, и младшій Святославъ. Старшій сынъ Всеволода Святославъ и былъ великимъ Кіевскимъ княземъ, когда сыновья его дяди Святослава Игорь и Всеволодъ предприняли неудачный походъ противъ Половцевъ, воспѣтый въ «Словѣ». Этотъ Святославъ Всеволодовичъ въ пору событій, описываемыхъ въ «Словѣ» былъ единственнымъ старѣйшимъ представителемъ рода Ольговичей какъ по лѣтамъ (ему было около 80 лѣтъ), такъ и по положенію (великій князь). Дяди его Святослава, отца Игоря и Всеволода, давно уже не было въ живыхъ: онъ умеръ за 20 лѣтъ до описываемаго похода, когда Игорь и Всеволодъ были еще совсѣмъ юные: старшему Игорю было всего около 15 лѣтъ. Мѣсто от-

ца заступилъ для нихъ старшій двоюродный братъ Святославъ Всеволодовичъ. Потому-то авторъ «Слова» и называетъ его отцомъ ихъ: «Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую ту бяше усыпилъ отецъ ихъ, Святъславъ грозный, великый кыевскый». Въ данномъ случаѣ слово «отецъ» поэтъ употребилъ не въ обычномъ его значеніи, а въ значеніи старѣйшаго, заступившаго мѣсто отца по рожденію. Къ сожалѣнію, комментаторы «Слова» оставляютъ это мѣсто безъ объясненія, и потому не только обыкновенный читатель впадаетъ въ ошибку, но даже профессоръ русской словести и авторъ одного изъ лучшихъ учебниковъ по исторіи русской словесности Незеленовъ, сказавшій на основаніи этого мѣста такъ: «Святославъ хотѣлъ бы помочь своимъ дѣтямъ, но его сокрушаетъ мысль, что другіе князья не помогутъ ему *). Изъ сказаннаго раньше видно, въ какомъ противорѣчіи находится приведенная фраза съ историческими данными.

Если Святославъ—двоюродный братъ Игоря и Всеволода, заступившій имъ мѣсто отца, то выраженіе: «О моя сыновьца, Игорю и Всеволоде!»—слѣдуетъ передать: «О дѣти мои», или «О дѣтки мои, Игорь и Всеволодъ!»

Такое обращеніе старшаго къ младшимъ было обычнымъ въ древней Руси. Да и до сихъ поръ русскій народъ помѣщика и начальника называетъ отцомъ, а себя—дѣтьми ихъ. Младшіе старшихъ зовутъ—дядями, дѣдами, тетками, бабками, а равные равныхъ братьями, сестрами. Въ женскихъ институтахъ начальницу называютъ «maman»; во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ классныя дамы, классныя надзирательницы, даже пепиньерки любятъ называть при обращеніи ученицъ—«дѣтьми». Въ Подольской губерніи, въ деревняхъ близкихъ къ Каменцу и въ самомъ Каменцѣ, какъ мнѣ пришлось слышать со словомъ «сынку» обращается всякій старшій къ младшему, когда хочетъ выразить особое

*) (Исторія Русской Словесности. Ч. I. Стр. 70).

ласковое отношеніе къ нему. Вѣроятно, по всей древней Руси слово «сыновьца» при обращеніи имѣло такое же значеніе, какъ «сынку» въ Подольской губерніи. Рядомъ съ этимъ ласкательнымъ значеніемъ, слово «сыновьцъ» значило «племянникъ со стороны брата».

Неудовлетворительно комментировано и слѣдующее чрезвычайно важное мѣсто «Слова»: «Были вѣци трояни, минула лѣта Ярославляя; были пълци Ольговы, Ольга Святославлича: тъй бо Олегъ мечомь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ: тоже звонъ слыша давьный великый Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владимиръ по вься утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Каялину зелену паполому постла за обиду Ольгову, храбра и млада князя. Съ тояже Каялы Святопълкъ повелѣ отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кыеву». Приведенный текстъ взятъ изъ второго тщательно исправленнаго изданія «Слова», сдѣланнаго подъ редакціей Чудинова. Читателю, пользующемуся этимъ изданіемъ «Слова», чрезвычайно трудно разобраться въ приведенномъ текстѣ при сопоставленіи его съ дословнымъ переводомъ на современный русскій и съ стихотворнымъ Майкова, помѣщеннымъ въ томъ же изданіи. Выраженіе «Слова»: «Съ тояже Каялы Святопълкъ повелѣ отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кыеву» —въ дословномъ переводѣ передано такъ: «Съ той же горестной (Каялы) лужайки и Ярополкъ велѣлъ взять отца своего (Изяслава), межъ угорскихъ коней, къ святой Софіи, въ Кіевъ», а у Майкова: «И съ того зеленаго же поля (т. е. съ поля у Канина), на своихъ угорскихъ иноходцахъ, Ярополкъ увезъ и отче тѣло ко святой Софіи въ Стольный Кіевъ». (Стр. 20 и 34). Чудиновъ нисколько не стѣсняется тѣмъ, что въ текстѣ тѣло убитаго Изяслава увозится Святополкомъ, а въ дословномъ переводѣ Ярополкомъ, что въ текстѣ оно увозится «съ тоя же Каялы», а у Майкова»: съ того зеле-

наго же поля» (т. е. поля у Канина). Мѣшанина эта вѣроятно, произошла оттого, что Чудиновъ, составляя переводъ «Слова», однимъ глазомъ смотрѣлъ въ текстъ, а другимъ въ переводъ Майкова, не позаботившись, по всей вѣроятности, просмотрѣть дѣльныхъ примѣчаній сдѣланныхъ Майковымъ къ «Слову». Въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ Майкова въ тексту «Слова о Полку Игоревѣ» находимъ: «Въ текстѣ ошибочно поставлено вмѣсто Канины, или Канини,—Каялы, и кромѣ того, вмѣсто Ярополка поставленъ Святополкъ. Эти очевидныя теперь ошибки переписчиковъ подали поводъ къ толкованію, которое нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олегѣ, а именно думали, что здѣсь говорится будто бы о Святополкѣ Изяславичѣ, который увезъ тѣло тестя своего Тугоркана съ битвы на Каялѣ, но эта битва была гораздо позже. Здѣсь рѣчь идетъ все о той же битвѣ при Канинѣ: Изяславъ былъ убитъ, и сынъ его Ярополкъ былъ при немъ въ сраженіи; другой же сынъ Святополкъ въ это время находился въ Новгородѣ». Можетъ быть, впрочемъ, Чудиновъ не согласенъ съ мнѣніемъ Майкова, но зачѣмъ тогда онъ въ переводѣ не слѣдуетъ тексту буквально, чтобы не спутывать читателя. Нѣтъ сомнѣнія, что объясненіе Майкова вполнѣ правдоподобно и проливаетъ свѣтъ на непонятное въ прежнемъ чтеніи выраженіе «Слова». Отстаивая чтеніе «Каяла», Чудиновъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ пояснить, что въ данномъ мѣстѣ подъ этимъ словомъ нужно разумѣть поле сраженія вблизи Чернигова, а не ту рѣку, на берегахъ которой Игорь и Всеволодъ были разбиты Половцами и которую поэтому авторъ «Слова» называетъ «Каялой», т. е. рѣкой горя и слезъ; слѣдовательно, словомъ «Каяла» поэтъ называетъ всякое мѣсто, гдѣ случилось несчастье.

И слѣдующее выраженіе приведеннаго выше текста «Слова»: Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше, ступаетъ въ златъ стремень въ градъ Тьмутороканѣ. «Тоже звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодъ; а Владимиръ по вся

утра уши закладаше въ Черниговѣ—представляетъ большія трудности для пониманія и вызываетъ разныя объясненія. Буслаевъ говоритъ: «Когда, въ 1077 г. Великій князь Изяславъ Ярославичь возвратился на Кіевскій престолъ, и братъ его Всеволодъ перешелъ изъ Кіева княжить въ Черниговъ, а Владиміръ Мономахъ въ Смоленскъ, тогда Олегъ Святославичъ, лишившись отчины своей Чернигова, бѣжалъ въ Тмуторокань и рѣшился вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастія оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго княженія и разбили Всеволода. Многіе знаменитые бояре лишились тутъ жизни. Побѣдители взяли Черниговъ, а несчастный Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностью и немедленно собралъ войско. Мужественный Владиміръ спѣшилъ также изъ Смоленска къ отцу своему, и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы Половцевъ». (16). Примѣчаніе Буслаева согласно съ исторіей, но зато находится въ противорѣчіи со «Словомъ, помѣщающимъ Владиміра Мономаха въ Черниговѣ, а не въ Смоленскѣ. А. Майковъ говоритъ: «Всеволодъ, сидѣвшій въ Переяславлѣ, ближе къ Тмуторокани, слышалъ звонъ, т. е. вѣсть о походѣ Олега, а Владиміръ, занимавшій Черниговъ, на который претендовалъ Олегъ, съ утра уши закладаше». Беру на себя смѣлость сказать, что примѣчаніе Майкова, не противорѣча «Слову» противорѣчитъ исторіи. Всеволодъ, дѣйствительно, княжилъ въ Переяславлѣ, но это было гораздо раньше того времени, какъ Олегъ бѣжалъ въ Тмуторокань и сталъ тамъ собирать Половцевъ противъ обидѣвшихъ его дядей Изяслава и Всеволода. До занятія Чернигова Всеволодомъ, Олегъ покойно сидѣлъ въ данномъ ему отцомъ Владимірѣ—Волынскомъ.

Чтобы легче было оріентироваться среди событій, упоминаемыхъ въ данномъ мѣстѣ «Слова», вкратцѣ припомню ихъ ходъ.

Послѣ вторичнаго бѣгства Великаго князя Изяслава I. Ярославича изъ Кіева въ Польшу, Кіевскій столъ

занялъ родной его братъ Святославъ Ярославичъ, княжившій до этого времени въ Черниговѣ. Святославъ вскорѣ умеръ, и въ Кіевъ перешелъ изъ Переяславля слѣдующій за нимъ Ярославичъ Всеволодъ. Между тѣмъ бѣжавшій Изяславъ успѣлъ выпросить войско у польскаго короля Болеслава храбраго и подойти къ Кіеву. Всеволодъ безъ битвы уступилъ Изяславу Кіевскій столъ, а самъ, съ согласія послѣдняго, занялъ Черниговъ, наслѣдственный удѣлъ умершаго ихъ брата Святослава. Въ это время сынъ послѣдняго Олегъ княжилъ во Владимирѣ—Волынскомъ, а братъ его Романъ въ Тмуторокани. Но дядья Олега, Изяславъ и Всеволодъ, вывели его изъ Владимира, предоставивъ ему во владѣніе однѣ только Муромскія земли. Обиженный Олегъ не поѣхалъ въ Муромъ, и отправился къ брату Роману въ Тмуторокань. Здѣсь онъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Борисомъ Вячеславичемъ, тоже обдѣленнымъ княземъ, нанимаетъ полчища Половцевъ, ведетъ ихъ къ Чернигову и разбиваетъ Всеволода при рѣкѣ Сожицѣ. Всеволодъ обращается за помощью къ Изяславу, который весьма сочувственно отнесся къ несчастью брата и, немедленно собравъ большое войско, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, Всеволодомъ и сыномъ послѣдняго Владимиромъ Мономахомъ, княжившимъ въ Смоленскѣ, двинулся противъ Олега и Бориса. Въ происшедшей вблизи Чернигова битвѣ на Нежатиной нивѣ были убиты Великій князь Изяславъ и Борисъ Вячеславичъ. Олегъ снова бѣжалъ въ Тмуторокань, а Всеволодъ во второй разъ занялъ Кіевскій столъ, передавъ Черниговъ сыну своему Владимиру. Олегъ однако не успокоился и, нанявъ Половцевъ, вмѣстѣ съ братомъ Романомъ выступилъ въ походъ, чтобы отнять свой наслѣдственный удѣлъ Черниговъ. Но и на этотъ разъ его предпріятіе окончилось неудачей: Романа убили нанятые же ими Половцы, а Олега схватили Тмутороканскіе хозары и выдали Грекамъ, которые и заточили его на островъ Родосъ.

Итакъ, если допустимъ, что авторъ «Слова» вспо-

минаетъ первый походъ Олега, въ которомъ погибли Изяславъ и Борисъ, тогда, какъ было сказано, Всеволодъ княжилъ въ Черниговѣ, а не въ Переяславлѣ; сынъ его Владиміръ въ Смоленскѣ, а не въ Черниговѣ. Если же допустить, что поэтъ говоритъ о второмъ походѣ Олега, тогда опять таки Всеволода мы находимъ не въ Переяславлѣ, а въ Кіевѣ Великимъ княземъ; Владиміра въ Черниговѣ Правдоподобнѣе всего, конечно, то, что авторъ «Слова» не имѣлъ въ виду исключительно одинъ какой нибудь походъ Олега; онъ рисуетъ общую картину того, какъ Олегъ, сидя въ Тмуторокани, собираетъ Половцевъ, чтобы отвоевать Черниговъ, и какъ къ его сборамъ прислушиваются и приготовляются заинтересованные Черниговомъ князья; его, какъ поэта, не особенно интересуетъ, гдѣ, въ какое время и какой князь сидитъ на столѣ. Говоря, что отъ сборовъ Олега въ походъ, Всеволодъ слышалъ «звонъ» а Владиміръ «уши» закладывалъ, врядъ ли поэтъ имѣлъ въ виду, какъ думаетъ Майковъ то, что первый былъ ближе къ Тмуторокани, а второй дальше. Впрочемъ, объясненіе Майкова можетъ остаться въ силѣ, если и не помѣщать Всеволода въ Переяславлѣ, а въ Кіевѣ, который ближе къ Тмуторокани чѣмъ Черниговъ, или въ Черниговѣ, который тоже ближе къ этому городу, чѣмъ Смоленскъ.

Не соглашаясь вполнѣ съ указаннымъ объясненіемъ Майкова, нахожу совершенно правдоподобнымъ его толкованіе выраженія «уши закладаше». Онъ говоритъ: «здѣсь уши» не означаютъ органъ слуха, а малыя калитки, какія дѣлались въ стѣнахъ, по бокамъ большихъ воротъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется извѣстный текстъ: «скорѣй верблюдъ пройдетъ въ иглиныя уши, чѣмъ богатый внидетъ въ царствіе небесное», т. е. скорѣй верблюдъ пройдетъ въ малыя калитки, которыя у евреевъ и назывались «игольныя уши» и эти ворота закладывались закладками, что дѣлалъ и Владиміръ, ежеминутно ожидая нападенія Олега». (примѣчаніе 14). Странно, что это дѣльное объясненіе не принято Буслаевымъ, полагающимъ что «уши заклада-

ше» означаетъ, что «Владимиръ Мономахъ, предпочитая миролюбіе и согласіе, оставался глухъ къ этому звону». (Хрестоматія стр. 92) еще болѣе странно, что Смирновскій въ своемъ «Пособіи» повторяетъ это толкованіе. (ч. I. стр. 182) Съ мнѣніемъ Буслаева трудно согласиться потому, что Владимиръ Мономахъ, какъ онъ ни былъ миролюбивъ, не могъ остаться глухимъ къ замысламъ (звону по «Слову») Олега, такъ какъ послѣдній замышлялъ на его отца, и на него самого. Кромѣ того, нѣсколькими строками выше предложеннаго толкованія Буслаевъ говоритъ, что «Владимиръ спѣшилъ изъ Смоленска къ отцу своему и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы Половцевъ».

Вотъ тѣ недостатки въ примѣчаніяхъ къ «Слову о Полку Игоревѣ» которые, какъ мнѣ кажется, я могъ исправить и этимъ способствовать лучшему пониманію его.

Рѣшаюсь сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній, касающихся поясненія этого чрезвычайно важнаго памятника нашей словесности, поддерживая себя надеждой, что кто нибудь прочтетъ ихъ не безъ пользы для себя.

Для меня лично «Слово о Полку Игоревѣ» оставалось туманнымъ и непонятнымъ до тѣхъ поръ, пока я не прочелъ его параллельно съ исторіею удѣльнаго періода. И въ самомъ дѣлѣ, «Слово» почти не имѣетъ никакой связи съ близкими къ нему по времени литературными произведеніями, кромѣ лѣтописи Нестора. То произведенія богобоязненныхъ авторовъ, проникнутыхъ возникшими на христіанской почвѣ аскетическими воззрѣніями; это—голосъ славянина, хотя и крещеннаго въ церкви, но въ воображеніи котораго живутъ еще языческіе боги, это—голосъ человѣка, говорящаго языкомъ самой жизни, а не языкомъ мертвой книги, не имѣвшей въ то время никакого отношенія къ жизни. То, о чемъ говорится въ «Словѣ», есть одно изъ самыхъ заурядныхъ и обыкновенныхъ событій удѣльнаго періода нашей исторіи. Но повѣствователь этого событія ставитъ его въ зависимости отъ всего современнаго ему (событію) положенія дѣлъ, цѣпляетъ его за

событія предшествовавшія, и такимъ путемъ старается убѣдить своихъ современниковъ, что несчастье, постигшее Игоря, есть только слѣдствіе общей неурядицы на Руси. Обо всемъ говоритъ онъ, какъ объ общеизвѣстныхъ фактахъ, а потому его златокованная рѣчь, вылетающая изъ возбужденной груди, ударяется только о самыя крупныя и разительныя явленія, перескакивая черезъ менѣе важныя, подобно тому, какъ надъ поверхностью воды пущенный сильной и ловкой рукой плоскій камушекъ, ударившись въ одномъ мѣстѣ, поднимается вверхъ, чтобы снова удариться въ другомъ, третьемъ и т. д.

Изъ сказаннаго, слѣдуетъ, что если не имѣть передъ собой картины русской жизни, предшествовавшей событію, описанному въ «Словѣ», то послѣднее совершенно будетъ непонятно, особенно такія мѣста какъ «Были вѣци Трояни; Минула лѣта Ярославля»...; «Тогда при Ользѣ Гориславичи сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Даждь божи внука»...; Усобица княземь на поганыя погыбе: рече бо братъ брату»... «На седьмомъ вѣцѣ Трояни, връже Вьсеславъ жребій о дѣвицѣ себѣ любу»... А потому вспомнимъ вкратцѣ то, что творилось на святой Руси со времени первыхъ Рюриковичей до неудачнаго похода Игоря на Половцевъ.

Не успѣлъ остыть трупъ Святослава I Игоревича, какъ старшій его сынъ Ярополкъ, занявшій Кіевскій столъ, поднимается противъ своихъ братьевъ, не желая дѣлить съ ними власти надъ Русской землей. Средній его братъ Олегъ гибнетъ въ борьбѣ, но младшій Владимиръ побѣждаетъ своего старшаго брата и становится единодержавнымъ владыкой на Руси. Этотъ Владимиръ, названный впослѣдствіи Великимъ и Святымъ, оставилъ послѣ себя многочисленную семью. Послѣ его смерти повторяется то же, что было по смерти его отца Святослава: старшій сынъ занимаетъ Кіевъ и тотчасъ же принимается за истребленіе братьевъ. Но и этому не повезло: младшій его братъ Ярославъ, названный Мудрымъ, остается побѣдителемъ и на продолжи-

тельное время снова водворяетъ единодержавіе въ Русской землѣ, а съ нимъ миръ и тишину. Но умираетъ Ярославъ Мудрый, и опять повторяется то же, что было по смерти Святослава Игоревича и Владимира Великаго съ той только разницей, что ссора начинается не между родными братьями, а затѣваютъ ее князья—изгои. и что князья, проникнутые, очевидно, духомъ христіанской религіи, не такъ безпощадно избиваютъ другъ друга, какъ прежде. Такъ Ярославичи (дѣти Ярослава Мудраго) вѣроломно захвативъ Всеслава Полоцкаго, не убиваютъ его, а сажаютъ въ темницу. Впрочемъ, впослѣдствіи они раскаивались въ своей мягкости къ Всеславу, потому что онъ, во время нападенія Половцевъ на Кіевъ, былъ освобожденъ возмутившимися Кіевлянами и посаженъ ими на великокняжескій столъ. Но Всеславъ не долго былъ княземъ у Кіевлянъ, убѣжавъ отъ нихъ ночью, когда Изяславъ Ярославичъ подошелъ къ городу съ войскомъ польскаго короля Болеслава храбраго. Всеславъ бѣжалъ къ финскому племени Води и съ его помощью напалъ на Новгородъ Великій, выгналъ оттуда Святополка, сына Изяслава Ярославича. Объ этомъ-то Всеславѣ и говоритъ авторъ «Слова»: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни, връже Вьсеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпрься о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кыевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ; утръже вонзи стрикусы, оттвори врата Ногуграду, разбиша славу Ярославу».

И между дѣтьми Ярослава Мудраго не долго продолжалось согласіе. Святославъ и Всеволодъ Ярославичи соединились вмѣстѣ и выгнали изъ Кіева старшаго брата Изяслава. На Кіевскій столъ садится Святославъ, который, впрочемъ, вскорѣ умираетъ, и въ Кіевъ переходитъ Всеволодъ. Изяславъ къ этому времени успѣлъ выпросить у Болеслава храбраго войско и подошелъ къ Кіеву. Всеволодъ безъ борьбы уступилъ старшему брату великокняженіе, а самъ, съ его согласія, занялъ

Черниговъ. Между братьями послѣ этого водворилось согласіе, но племянники ихъ, дѣти умершаго Святослава, считая себя обдѣленными дядями поднимаются противъ нихъ. Самый неугомонный изъ нихъ Олегъ Святославичъ, какъ уже было сказано раньше въ нашей статьѣ, пытался съ помощью нанятыхъ Половцевъ вернуть свою отчину, Черниговъ, но при жизни Всеволода его старанія не увѣнчались успѣхомъ, и только при преемникѣ Всеволода Святополкѣ Изяславичѣ, Олегу, отпущенному на свободу съ острова Родоса византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ, удалось, наконецъ, завладѣть Черниговомъ. Владиміръ Мономахъ, княжившій въ этомъ городѣ, помирился съ Олегомъ и сдалъ ему его отчину, а самъ перешелъ въ свою отчину—Переяславль. Но и теперь Олегу не долго пришлось княжить въ Черниговѣ, потому что Великій князь Святополкъ и Владиміръ Мономахъ на слѣдующей же годъ выгнали его изъ Чернигова за то, что онъ не хотѣлъ вмѣстѣ съ ними идти противъ Половцевъ. Олегъ удалился въ Муромо-Рязанскія земли и завелъ тамъ новые споры съ дѣтьми Мономаха.

Но вотъ въ 1097 году князья собираются въ Любечѣ, заключаютъ договоръ, цѣлуютъ крестъ и обязываются единодушно вооружиться противъ того изъ князей, который осмѣлится нарушить согласіе.

Къ сожалѣнію, миръ оставался слишкомъ непродолжительное время. Поцѣловавшіе крестъ и расчитывавшіе на покой князья вдругъ были изумлены страшнымъ извѣстіемъ, что Василько Ростиславичъ, князь Теребовльскій, ослѣпленъ Давидомъ Игоревичемъ и притомъ съ согласія Великаго князя Святополка. Владиміръ Мономахъ, раздраженный такимъ злодѣяніемъ, призываетъ Давида и Олега Святославичей и вмѣстѣ съ ними идетъ на Кіевъ, чтобы изгнать оттуда вѣроломнаго Святополка. А братъ ослѣпленнаго Василька Володарь выступилъ противъ Давида Игоревича, чтобы отомстить за брата. Наконецъ и эта борьба, возникшая

изъ-за Волынской земли, была прекращена на съѣздѣ князей подлѣ Витичева (1100).

Водворившійся миръ между рускими князьями далъ имъ возможность соединенными силами предпринять нѣсколько удачныхъ походовъ противъ Половцевъ, отъ нападеній которыхъ сильно страдала Русская земля. Но такое положеніе дѣлъ продолжалось только въ періодъ великокняженія Владимира Мономаха и старшаго сына его Мстислава, который, подобно отцу, держалъ «въ страхѣ сосѣднихъ враговъ и въ повиновеніи младшихъ князей, строптивыхъ родичей строго наказывалъ». При преемникѣ послѣдняго Ярополкѣ Мономаховичѣ снова поднимаются безконечные споры и войны за волости. «Распри, говоритъ Иловайскій (Исторія Россіи. Ч. I. Стр. 201) начались въ самой семьѣ Мономаховичей; а источникомъ для нихъ явился столъ Переяславскій, который былъ предметомъ многихъ желаній, потому что служилъ переходомъ уже къ великому княженію. Ярополкъ самъ подалъ поводъ къ смутамъ. Нарушивъ права своихъ братьевъ, онъ, по уговору съ Мстиславомъ, передалъ этотъ столъ старшему своему племяннику Всеволоду—Гавріилу, княжившему дотолѣ въ Новгородѣ. Но едва Всеволодъ вступилъ съ Переяславль, какъ въ тотъ же день явился дядя его Юрій Ростовскій и изгналъ его отсюда. Юрій конечно не хотѣлъ допустить чтобы племянникъ перебилъ у него старшинство. Но Ярополкъ въ свою очередь изгналъ Юрія изъ Переяславля, который передалъ другому племяннику, второму сыну Мстислава, Изяславу; потомъ однако перемѣнилъ рѣшеніе и отдалъ Переяславль брату своему Вячеславу, а его Туровскій удѣлъ перешелъ къ Изяславу Мстиславичу. Вячеславъ, вѣроятно, недовольный безпокойнымъ сосѣдствомъ съ Половцами, вскорѣ самъ покинулъ Переяславль и воротился въ свой Туровъ, откуда изгналъ Изяслава, а Переяславль снова достался Юрію. Тогда Изяславъ Мстиславичъ соединился съ братомъ своимъ Всеволодомъ Новгородскимъ; считая себя обдѣленными, они подняли оружіе противъ дядей.

Всеволодъ, сынъ упомянутаго раньше Олега Святославича, сидѣвшій дотолѣ смирно въ Черниговѣ, видя распри въ семьѣ Мономаха, поспѣшилъ воспользоваться ими, чтобы воротить нѣкоторыя утраченныя волости, напримѣръ Курскъ и другіе города по рѣкѣ Сейму. Онъ вступилъ въ союзъ съ племянниками противъ дядей и нанялъ Половцевъ. Въ южной Руси закипѣло междоусобіе. Нѣсколько разъ мирились князья, и снова начиналась брань: то Всеволодъ Ольговичъ съ Половцами опустошалъ лѣвый берегъ Днѣпра, осаждалъ Переяславль и подходилъ къ самому Кіеву; то Ярополкъ съ братьями и черными клобуками разорялъ землю Черниговскую. Это междоусобіе захватило не одну южную Россію: оно отозвалось и на сѣверѣ, гдѣ произошло тогда первое исторически извѣстное столкновеніе Новгородцевъ съ Суздальцами».

Этого мѣста исторіи вполнѣ достаточно, чтобы понять горестное выраженіе автора «Слова»: «Усобица князем на поганыя погыбе: рекоста бо братъ брату: «се мое, а то—мое же». И начаша князи про малое «се великое» мълвити, а сами на себе крамолу ковати а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую».

Съ теченіемъ времени политика русскихъ князей становилась не только узко-эгоистичной, но и вѣроломной. Такъ, Всеволодъ Ольговичь, о которомъ только что было сказано, изгоняетъ изъ Кіева Вячеслава Владимировича (Мономаха) и, чтобы самому удержаться на Кіевскомъ столѣ, поддерживаетъ несогласіе племянниковъ съ дядями въ семьѣ Мономаховичей. Когда же его братья выразили неудовольствіе за то, что онъ мирволитъ Мономаховичамъ, Всеволодъ пытается отобрать волости у послѣднихъ. Но понявъ, что съ Мономаховичами ему не справиться, онъ мирится съ ними. Тогда его родные и двоюродные братья, обманутые въ своей надеждѣ на богатыя волости, возстаютъ противъ него. За Всеволода вступились Мономаховичи. Благодаря такой политикѣ разъединенія и ссоры однихъ съ другими, онъ самъ удер-

жался на Кіевскомъ столѣ, но за то отдаленныя русскія области вышли изъ повиновенія Великому князю и зажили своею совершенно самостоятельною жизнью. Такъ, на сѣверо-востокѣ Суздальская земля на столько окрѣпла и усилилась, что князь ея Юрій Долгорукій, младшій сынъ Владимира Мономаха, имѣлъ уже возможность бороться съ преемникомъ Всеволода Изяславомъ II Мстиславичемъ. Почти всѣ князья приняли участіе въ этой борьбѣ: одни были на сторонѣ Изяслава, другіе на сторонѣ Юрія Долгорукаго. Даже «сосѣдніе народы (говоритъ Иловайскій) принимали въ ней дѣятельное участіе. Съ обѣихъ сторонъ совершено много подвиговъ, обнаружено много таланта, энергіи и ловкости. Два раза Изяславъ II былъ изгоняемъ своимъ дядею (Юріемъ) изъ Кіева и принужденъ уступить ему великое княженіе, и два раза возвращался въ Кіевъ». (Исторія Россіи ч. I. стр. 217).

Не стоитъ останавливаться на подробностяхъ этой борьбы; точно также излишне будетъ говорить о дальнѣйшихъ междоусобіяхъ, такъ какъ полагаю, и сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы понимать и чувствовать скорбь автора, красной нитью проходящую черезъ все его произведеніе. Чтобъ ясно представить ту крайне печальную картину, когда «сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Даждь бога внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ сократишася. Тогда по руской земли рѣдъко ратаеве кыкахуть, нъ часто врени граяхуть, трутіа себѣ дѣляче; а галицы свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе». Чтобы состояніе автора сдѣлать болѣе понятнымъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о Святославѣ Всеволодовичѣ, который былъ великимъ княземъ Кіевскимъ во время похода, описываемаго въ «Словѣ», и объ Игорѣ Святославичѣ, главномъ героѣ «Слова».

Святославъ Всеволодовичъ характеромъ вполнѣ напоминалъ своего безпокойнаго дѣда Олега Гориславича (по «Слову»). Не имѣя ровно никакихъ правъ на великокняженіе, онъ тѣмъ не менѣе съ помощью своихъ

родичей и Половцевъ нѣсколько разъ захватывалъ Кіевъ и нѣсколько разъ былъ изгоняемъ изъ него Ростиславичами—Мономаховичами. Только послѣ четвертаго захвата Святославъ утвердился въ Кіевѣ и оставался въ немъ до самой смерти (1194 г.). Святославъ примирялся въ концѣ концовъ съ Ростиславичами и вмѣстѣ съ ними предпринималъ цѣлый рядъ удачныхъ походовъ противъ Половцевъ, громилъ половецкія орды, освобождалъ изъ плѣна русскихъ, полонилъ половецкихъ хановъ. Въ 1184 г. онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Кобякомъ, о которомъ упоминаетъ «Слово». Въ слѣдующемъ 1185 г. напалъ на Русь «окаянный, безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ поганыхъ. Русскіе опять съ успѣхомъ прогнали Половцевъ. Въ походѣ на Кончака не пришлось участвовать двоюроднымъ братьямъ Святослава Игорю и Всеволоду. Удачные походы на Половцевъ не давали покоя этимъ князьямъ, и они рѣшились, во что бы то ни стало, добыть и себѣ такой же чести и славы, какой пользовался за это ихъ двоюродный братъ. Но, какъ извѣстно, предпріятіе ихъ закончилось весьма плачевно.

Приведенный бѣглый очеркъ политической исторіи удѣльнаго періода, думаю, ясно указываетъ, что между ней и «Словомъ» существуетъ самая тѣсная связь, что о послѣднемъ можно говорить только тогда, когда сказано о первой. Авторъ «Слова» отлично понимаетъ все это и, мнѣ кажется, между строками его произведенія скрываются слѣдующія мысли. Игорь разбитъ Половцами потому, что выступилъ противъ нихъ безъ содѣйствія сильныхъ князей, а сдѣлалъ онъ это потому, что на Руси нѣтъ уже единой прочной власти, которая сдерживала бы самовольные поступки князей; что между князьями нѣтъ единодушія; что они постоянными своими спорами изъ-за волостей ослабляютъ Русскую землю, и что это даетъ возможность сосѣднимъ народамъ безнаказанно опустошать и разорять ее. Но, повидимому, онъ особенно негодуетъ за то, что князья сами наводятъ на родную землю полчища поганыхъ, чтобы съ

ихъ помощью достигнуть своихъ личныхъ цѣлей. Желая убѣдить князей, что это преступно предъ родиной и опасно для нихъ же самихъ, онъ вслѣдъ за разсказомъ о пораженіи Игоря Половцами припоминаетъ имъ, какъ дѣдъ этого князя Олегъ первый привелъ Половцевъ въ Русскую землю. Какая жестокая кара для памяти послѣдняго! Впрочемъ, думаетъ про себя авторъ, поступокъ Олега не принесъ бы большихъ бѣдъ, если бы прочіе князья стояли выше его и любили миръ и согласіе. Напротивъ того, они изъ-за всякихъ пустяковъ ссорятся, дерутся, разоряютъ земли другъ друга: «Усобица княземъ на поганыя погыбе, еще разъ повторимъ замѣчательныя слова поэта, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то—мое же». И начаша князи про малое «се великое» мълвити, и сами на себе крамолу ковати; а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на замлю Русьскую».

Итакъ связавъ «Слово» съ исторіей удѣльнаго времени, мы видимъ, что тѣ мѣста его («Слова»), которыя на первый взглядъ кажутся вставочными и непонятными, имѣютъ самую тѣсную и неразрывную связь со всѣмъ содержаніемъ «Слова».

Чтобы еще лучше освѣтить это интересное произведеніе, необходимо сказать нѣсколько словъ о господствовавшихъ тогда воззрѣніяхъ, обрядахъ и обычаяхъ.

Хотя князья и ссорились постоянно между собой, однако родственная связь не разрывается и постоянно чувствуется и сознается ими, особенно это замѣтно среди болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ. Если же иногда родные и разрываютъ свои родственныя связи во внѣшнихъ отношеніяхъ, то внутренняя связь между ихъ душами, по воззрѣнію поэта, продолжаетъ все-таки сохраняться. Отголосокъ такого воззрѣнія, мнѣ думается, можно видѣть въ томъ, что Святославъ, великій кіевскій князь, прежде чѣмъ разнеслась вѣсть о несчастіи, случившемся съ его двоюродными братьями Игоремъ и Всеволодомъ, уже во снѣ своей родственной душой предчувствуетъ бѣду съ ними. На сонъ Святослава

можно смотрѣть не какъ на поэтическое извѣщеніе о бѣдѣ, а какъ на возможный или дѣйствительно бывшій фактъ. Подобныя явленія часто встрѣчаются въ жизни; наука не умѣетъ ихъ объяснить, но не отрицаетъ.

Въ древней Руси старшаго въ родѣ уважали и повиновались ему не потому, что онъ сильнѣй или умнѣй, а только потому, что онъ старшій. Такое отношеніе къ старшимъ отчасти и до сихъ поръ держится въ Великороссіи. Вспомнимъ разсказъ Тургенева: «Стучитъ»! Выросшему въ малороссіи кажется страннымъ и непонятнымъ почтительное и покорное отношеніе младшихъ братьевъ, «шустрыхъ» ребятъ, старшему Филоѳею, человѣку совершенно глупому. Къ тому времени, когда жилъ авторъ «Слова», отношенія младшихъ князей къ старшимъ измѣнились. Поэтъ, очевидно, не сочувствуетъ этому и, вѣроятно, съ умысломъ старшаго двоюроднаго брата (Святослава) называетъ отцомъ младшихъ (Игоря и Всеволода) и заставляетъ его обращаться къ нимъ со словами: «о мои дѣтки»!

Что касается религіозныхъ воззрѣній и обрядовъ, то христіанствомъ въ то время народная масса почти не была проникнута. И въ самомъ дѣлѣ, если еще и теперь многіе языческіе обряды и вѣрованія крѣпко держатся среди простого народа, то что должно было быть въ первые вѣка принятія христіанства? Отвѣтимъ на это словами одного инока, въ скорби восклицающаго: «О во тьмѣ блуждающіе! Кумиры повержены, но вы работвуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огнь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ вся благая; вы же его не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ, и раствореніе воздуховъ! Вмѣсто призыванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь во звѣриныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганаго Ярилу, съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по

селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдныя доски, брянча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогоняти, не вѣдая того, что вся отъ Господа. Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите; зачинаетесь въ грѣхѣ и скверпѣ: бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища и, дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станетъ увѣщевать васъ служитель Божій, въ продерзости отвѣщеваете: христіанскій-де обрядъ вѣнчанія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ! О горе горькое, о прелесть сатанинская! И паки скажу, какъ вы пастыря душъ встрѣчаете! Плюете, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй встрѣчи назадъ ворочаетесь; а волхвамъ, и скоморохамъ, и гудцамъ, и пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганыя требы и волхованія творятъ и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ гуденіемъ,—ихъ слушаете и ихъ ублажаете и чествуете, и на праздникахъ все ими указанное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія творите, и скаканіемъ и плясаніемъ мѣсто святое оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не можете, развѣ кто «Господи помилуй» со страхомъ скажетъ; заклятій знаете множество—и къ вѣтрамъ, нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ—яко къ нѣкой женѣ, сѣдящей на морѣ, на Окіянѣ». (Майковъ. Ч. III. Стр. 173—175).

Вотъ этимъ-то всѣмъ, на что съ соболѣзнованіемъ нападаетъ инокъ, и вѣетъ отъ «Слова». Оно отплескъ той широкой волны, которая, минуя монастыри, свободно и безпрепятственно катилась по всей Русской землѣ; оно—единственный сохранившій ея представитель пѣснопѣній, которыя подъ гуслярный звонъ распѣвались въ гридницахъ князей, «яко обычай есть». И авторъ «Слова», по всей вѣроятности, былъ однимъ

изъ такихъ пѣвцовъ. Въ самомъ «Словѣ» находятся намеки на такого именно пѣвца—гусляра.

Принимаясь пѣть о походѣ Игоря, онъ, по обыкновенію гуслярей, не сразу это дѣлаетъ, а сначала какъ будто прилаживается, точно струны настраиваетъ: то вспоминаетъ вѣщаго Бояна, то переносится воображеніемъ къ старому Владимиру. Начавъ пѣть объ Игорѣ, онъ чувствуетъ, что не совсѣмъ еще наладился, а потому снова переносится мыслью къ вѣщему Бояну, и откровенно сознается, что онъ не чета Бояну, что тотъ сразу бы приступилъ къ дѣлу, какъ слѣдуетъ. Но вотъ онъ, наконецъ, оправился, вдохновеніе всецѣло овладѣло имъ, и изъ его мощной груди, подобно грому, покатилась звучная рѣчь...

Прошу благосклоннаго читателя смотрѣть на предлагаемую статейку, какъ на отрывочныя замѣчанія: сначала я указываю ошибки, допущенныя комментаторами въ примѣчаніяхъ къ «Слову», а потомъ привожу такія вступительныя къ нему замѣтки, которыя предотвратили бы указанныя ошибки и безъ которыхъ, по-моему, оно не можетъ быть вполнѣ понятнымъ.

М. Тростниковъ.

Глуховъ.

КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ ВЫРАЖЕНІЯ ВЪ «СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ» «ДОРЫСКАШЕ ДО КУРЪ ТМУТОРОКАНЯ».

«Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорыскаше до куръ Тмутороканя; великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше».

Въ извѣстномъ капитальномъ изслѣдованіи «Слова»—Е. В. Барсова, оцѣненномъ въ свое время по достоинству такими авторитетами, какъ О. Ѳ. Миллеръ (покойный) и А. С. Будиловичъ, подробно и обстоятельно разсмотрѣны, въ послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ стороны древняго памятника. Вмѣстѣ съ тѣмъ приводятся существующія мнѣнія, объясненія и толкованія темныхъ мѣстъ, выраженій и малопонятныхъ словъ, съ выпискою сходныхъ аналогическихъ изъ другихъ древнихъ памятниковъ. Въ Ш томѣ (Лексикологія «Слова») на стр. 416—419 г. Барсовъ, между прочимъ, указываетъ рядъ попытокъ объяснить и цитированное нами, не совсѣмъ понятное мѣсто. Большинство толкователей, какъ можно видѣть склонны удержать смыслъ выраженія такой, при которомъ сл. «до куръ» передается «до пѣтуховъ»; именно: «Днемъ Всеславъ суды судилъ народу и ряды рядилъ между князьями, въ ночь же волкомъ побѣжитъ, бывало,—къ пѣтухамъ въ Тмутаракань поспѣетъ, Хорсу путь его перебѣгая».... (въ передачѣ А. Н. Майкова). Г. Барсовъ объясняетъ, что «выраженіе до курь въ древности было однимъ изъ суточныхъ терминовъ и соотвѣтствовало поздней ночи». А. Аѳанасьевъ (Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Т. I, стр. 518. Изд. 1865 г.) между прочимъ говоритъ: «Особенно знаменательны повѣрья о пѣтухѣ. Пѣтухъ—птица, привѣтствующая восходъ солнца; своимъ пѣніемъ онъ какъ бы призываетъ это животворящее свѣтило, прогоняетъ нечистую силу мрака и пробуждаетъ къ жизни усыпленную природу. Малоруссы

дають ему характеристичное прозваніе: будимірь. По крику пѣтуха простой народъ до сихъ поръ опредѣляетъ ночное время, т. е. какъ долго остается до утренняго разсвѣта. Выраженія: въ кочетá, въ перши пѣвни означаютъ—въ полночь; кýромъ, въ куры (куръ—пѣтухъ) въ лѣтописяхъ употребляются для означенія того ранняго времени, когда запѣваютъ пѣтухи».

Читая помянутое изслѣдованіе «Слова» вскорѣ послѣ его появленія (два первыхъ тома вышли въ 1887 г., а Лексикологія, отъ А до М, въ 1889 г.), я случайно остановился на мысли особаго объясненія термина «до куръ». Насколько мой домыслъ можетъ показаться вѣроятнымъ, судить не мнѣ; но я считаю нужнымъ, хотя теперь, подѣлиться имъ съ другими, на случай болѣе всесторонних экскурсовъ въ дѣлаемомъ направленіи.

Названіе пѣтуха извѣстно намъ троякое: 1) пѣвунъ, пѣтунъ, пѣунъ, пѣвень, пивень, цер. пѣтелъ, лат. gallus, гр. ἀλέκτωρ; 2) кочетъ, поль. Koqut, цер. кокошъ, кокотъ, фр. coq, англ. the cock; 3) куръ, коуръ, kurczę, kuře. Значеніе перваго синонима понятно само собой; во второмъ нужно видѣть звукоподражательный корень. Что касается третьяго синонима, на которомъ мы и остановимся, то имъ схваченъ, кажется, чисто внѣшній признакъ предмета, его фигура (впрочемъ, см. Поэтич. воззр. т. I, стр. 298 и Словарь Горяева). Признакъ этотъ обнаружится болѣе или менѣе ясно, если мы сопоставимъ рядъ нижеслѣдующихъ однокоренныхъ, сродныхъ словъ.

I. Кýрицы—деревья съ закрючинами, протягиваются отъ «князя» внизъ; на курицахъ поддерживается застрѣха, свѣсъ крыши (Домашній бытъ рус. царей. Т. I.). Общеупотребительно въ говорѣ выраженіе «корчевать лѣсъ», т. е. выворачивать корчи—лѣсъ съ корнемъ, употребляющійся при постройкѣ судовъ, на курицы. Кýрица и курúца—дерево съ закрючиною, поддерживающее крышу крестьянской избы; кýрицы—1) крюки, поддерживающіе застрѣхи, 2) стро-

пилы при постройкѣ (Опытъ областного великорусскаго словаря).

II. Курья ж. восточ.—заводь, рѣчной заливъ, особ. мелкій и длинный; сибир.—старица, старое русло, заметанное съ концовъ; сѣв.—глухой рукавъ, теряющійся въ болотахъ; разливной притокъ, которому нѣтъ названія...; вологод.—широкое, глубокое мѣсто въ рѣкѣ, съ уступами (Даль). Курья—завороты и рукава, обозначающіе прежнее направленіе рѣкъ (списокъ населенныхъ мѣстъ... Волог. губ.). Въ просторѣчіи (волог.) встрѣчается: курьи, курганы, курданы, кругаиы, какъ кругъ, кружка, кржгъ, пол. krąq, чеш. kruh, нѣм. Kruq, лат. circus, гр. κίρκος—γῦρος и γυρός (γυρ_ϝος, curvus) закругленный, кривой; также—круганъ, курганъ, кунганъ, кумганъ, кубганъ (металлическій кувшинъ съ носкомъ, ручкою и крышкою; Даль).

III. Корчева (корчь, керчь), гр. κέρχος—оконечность, носокъ, мысъ; съ другой стороны—κέρας—рогъ, рожокъ (cornu), рукавъ рѣки, заливъ моря, мысъ, носъ (ср. лат. sinus).

Рогъ, рожокъ берега—мысъ, коса, лука, изгибъ или колѣно рѣки (Даль).

Немало есть и другихъ словъ, имѣющихъ общій корень и смыслъ, напр. курокъ, куръ—часть стрѣльнаго замка, кочетокъ, хватка... шкворень, сердечникъ (Даль); бѣлокурый, куроносый, курчавый (дымъ кучерявый, дымиться—куриться, курной—дымный, куръ—дымъ, чадъ) и т. д.

Одинаковость и общность корня, съ его видоизмѣненіями, во всѣхъ приведенныхъ словахъ весьма правдоподобна и вѣроятна. Вѣроятіе усиливается близостью и синонимичностью значенія разныхъ, на первый взглядъ, названій. Во всѣхъ ихъ главный, первичный и существенный признакъ это—кривизна, излучина, закругленіе, изгибъ. И куръ (пѣтухъ), курица отличается отъ другихъ птицъ закругленностію туловища, формы и, слѣдовательно, самое названіе имѣетъ въ своей основѣ,

корнѣ, то же явленіе *). Какъ бы то ни было, звуковая близость корней имѣетъ послѣдствіемъ смѣшеніе разныхъ словъ. Для насъ важно, что ку́рья, курга́нъ, круганъ и рогъ, рожокъ (κέρας, керчь, cornu) означаютъ рукавъ рѣки, заливъ, мысъ, пазуху (sinus), т. е. именно то, что въ другихъ случаяхъ называется лука́, луко́морье, излучина. Перенесясь на югъ Россіи, мы найдемъ заливы и мысы—Никитинъ рогъ (Никополь), Таганъ рогъ (Таганрогъ) и др., или греч. κέρας, κέρχος (частію—χερρόνησος, χερσόνησος—Херсонъ, Кореунь). Какъ по образцу Ѳракійскаго Босфора былъ Киммерійскій, такъ въ подражаніе Золотому Рогу (Константин. бухта) были рога и заливы на югѣ Россіи, а затѣмъ и Керченскій проливъ и гор. Керчь (Корчева; κέρας, κέρχος). Мысы и заливы Азовскаго и Чернаго моря носили, какъ видно, аналогическое названіе со словами—куръ, курья и пр. Если въ этомъ смыслѣ будемъ разумѣть и терминъ «куръ» въ Словѣ о Полку Игоревѣ, то интересующее насъ мѣсто нужно читать—«Всеславъ дорыскаше до куре́й (отъ сл. курья́), т. е. заливовъ, моря Тмуторокоця; получается форма, употребляющаяся повсемѣстно въ Бѣлоруссіи—куры (домаш. птицы) род. куре́й (слѣд. до курей=до куръ). Замѣтимъ еще, что въ лѣтописяхъ Сѣверскіе князья называютъ Азовское море просто лукоморье...—а нонѣ пойдемъ на нихъ (Половцевъ) за Донъ и до конця избьемъ ихъ, оже ны будетъ ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря... У грековъ то же море извѣстно было подъ именемъ Меотиды или Меотидскаго озера—Μαιῶτις ἡ λίμνη (μαίομαι—опоясываю, повиваю), у рим. Palus (болото, курья) Maeotis и Скиѳскихъ или Сарматскихъ прудовъ; у скиѳовъ—карголукъ; позже—Сурожское

---

*) Куропа́тка, ку́ропать (кур-ропать)—лѣсная курица. Ро́пать, ро́пачь (Кокшеньга, Волог. губ.)—роща, опушка, заросль; отсюда, быть можетъ, древ. ропата, ропать (Лавр. лѣт. подъ 987 г.; Бытъ рус. нар. Т. I, стр. 153)—храмъ, кирка: капище, кумирня, идолище (Даль).

море, вѣр., отъ гор. Сурожъ (су-рогъ)—Сугдея, Суратъ, Судакъ.

...«А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорыскаше до куръ Тмутороканя»; здѣсь «въ ночь» относится и ко второму предложенію, слѣдов.—«Всеславъ поспѣвалъ въ ночь (сквозь ночь) къ лукоморью Тмутороканя». т. е. къ Азовскому морю или приблизительно въ тѣ мѣста, гдѣ разыгралась катастрофа съ Игоревымъ полкомъ. Предположеніе, что «до куръ» равно значуще «до пѣтуховъ», не совсѣмъ сообразно, да и гипербола пѣвца была бы мало естественна. Вѣщій князь, оборотень, рискалъ ночью, т. е. съ заката солнца, примѣрно съ 8—9 часовъ вечера (лѣтомъ), и до пѣтуховъ, которые своимъ пѣніемъ прогоняютъ нечистую силу,—до первыхъ пѣтуховъ («въ перши пѣвни»—въ полночь), разумѣется, или приблизительно до часу ночи. Много ли правдоподобія будетъ, если допустить, что оборотень громадное пространство, отъ Кіева до Тмутороканя, пролеталъ въ какіе-нибудь три-четыре часа; тогда какъ соединенная рать русскихъ князей въ 1224 году отъ пороговъ Днѣпра шла до роковой Калки 9 дней. Другія побочныя обстоятельства говорятъ тоже не въ пользу принятаго многими чтенія. 1) Извѣстно, что Тмуторокань и Босфоръ Киммерійскій принадлежали Руси со времени Владиміра Св., были удѣломъ его сына Мстислава Чермнаго+1036. Послѣ Ярослава Мудраго удѣлъ перешелъ въ родъ князей Черниговскихъ и занятъ Половцами около 1111 года. 2) Неугомонный, безпокойный и вмѣстѣ храбрый Всеславъ Брачиславичъ (+1101), князь Полоцкій, никакими, кажется, личными интересами, родовыми или интересами своего удѣла, не былъ связанъ съ Тмутор. княжествомъ, а въ лѣтописи не упоминается ни одного факта, къ которому можно было бы примѣнить миѳическое рисканье. Извѣстно только, что Всеславъ принималъ участіе (1060 г.) въ славномъ походѣ Ярославичей (Изяслава, Святослава, Всеволода) на югъ противъ Торковъ; остальное время велъ упорную борьбу съ Ярославичами

и вынужденъ былъ не разъ спасаться бѣгствомъ. 3) Сношеніе съ устьемъ Кубани и Керчью велось у насъ въ древности чрезъ Азовское море Всеславъ волкомъ не могъ пробраться на Кубань по этому пути чрезъ лукоморье. Нѣкоторая естественность въ подобныхъ случаяхъ соблюдалась и народными произведеніями, напр. «Похотѣлося Вольгѣ много мудрости: щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ, птицей соколомъ летать подъ оболока, сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ»... Самъ старый пѣвецъ Боянъ «носился мыслью.... сѣрымъ волкомъ по полямъ». Куряне скачутъ по полю, словно волки сѣрые и пр. 4) Весьма сильнымъ доказательствомъ въ пользу того или другого чтенія могло бы служить подробное выясненіе древнѣйшаго сочетанія глаг.—«дорискáти» съ своимъ дополненіемъ, т. е. непосредственно съ род. пад. или при посредствѣ предл. до. Въ Академ. словарѣ сказано: «дорискáти, каю, каеши, гл. ср. Стар. Добѣгать, достигать. Изъ Кіева (князь Всеславъ) дорискаше до . . . . . Тмутороканя». Такое толкованіе не даетъ намъ надлежащей опоры: во-первыхъ, приводится то же мѣсто Слова; во-вторыхъ, допускается, очевидно, посредственная сочетаемость глагола, что говоритъ скорѣе въ пользу предлагаемаго чтенія (дорискати до чего-нибудь).

Вотъ и все, что я имѣлъ намѣреніе высказать. Взглядъ свой не выдаю за безусловно вѣрный и не настаиваю на немъ. Это, какъ я сказалъ, случайный домыселъ, требующій вѣскихъ и болѣе основательныхъ доказательствъ.

М. Рамзевичъ.

Разъясненіе стихотвореній: „МОЛИТВА“ Лермонтова, „МОЛИТВА“ Пушкина и „МОЛИТВА ДИТЯТИ“ Никитина.

МОЛИТВА. (Лермонтова).

(Разъясненіе стихотворенія).

Въ тяжелыя минуты жизни, когда скорбь или тоска овладѣваетъ душой, человѣкъ, естественно, ищетъ средства успокоить свою скорбь, свою тоску. Въ подобныя минуты одни лица прибѣгаютъ къ такъ называемымъ развлеченіямъ и увеселеніямъ. Но это средство не достигаетъ цѣли, такъ какъ развлеченія и увеселенія лишь на время могутъ отвлечь вниманіе человѣка отъ грустныхъ, тяжелыхъ мыслей и чувствъ, послѣ чего эти мысли и чувства еще съ большей силой овладѣваютъ душой. Другія стараются „потопить свою грусть— тоску въ зеленѣ винѣ“. Но это средство неминуемо ведетъ къ физическому и нравственному паденію человѣка и дѣлаетъ его самымъ жалкимъ существомъ. Третьи стараются въ усиленномъ трудѣ забыться отъ гнетущихъ мыслей и чувствъ. Это средство, конечно, болѣе разумно, чѣмъ вышеуказанныя; но и оно не вполнѣ достигаетъ цѣли, такъ какъ никакой трудъ не можетъ продолжаться непрерывно. Въ минуты перерыва дѣятельности или въ минуты отдыха еще съ большею силой овладѣваютъ душой человѣка тяжелыя мысли и чувства. Къ тому же въ трудныя минуты жизни не всякій въ состояніи отдаться дѣятельности настолько, чтобы подавить ею гнетущія мысли и чувства. Въ такія минуты, какъ говорятъ, всякая работа валится изъ рукъ. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ облегчить душу отъ тяжелыхъ мыслей и чувствъ является теплая, сердечная молитва. „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ“, сказалъ Божественный Спаситель. Объ этомъ средствѣ облегчать душу отъ скорби и тоски и говоритъ Лермонтовъ въ своемъ стихотвореніи „Молитва“. Къ разъясненію этого стихотворенія и перейдемъ.

Стихотвореніе „Молитва" Лермонтова состоитъ изъ трехъ строфъ, сообразно тремъ частямъ, на которыя распадается его содержаніе.

Въ первой части (строфѣ) поэтъ говоритъ, что „въ трудную минуту жизни, когда тѣснится въ сердце грусть", онъ ищетъ успокоенія въ молитвѣ, т. е. возношеніи ума и сердца къ Тому, „Кто все собою наполняетъ, объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ".

Во второй строфѣ онъ характеризуетъ искреннюю, глубокую, живую молитву. „Есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ (молитвы), и дышитъ непонятная, святая прелесть въ нихъ".

Въ третьей строфѣ говоритъ о благодатномъ вліяніи, оказываемомъ теплой молитвой на человѣка: тяжелыя чувства, которыя давили душу,—проходятъ, сомнѣнія, колебавшія умъ, смѣняются благодатною, твердой вѣрой въ Промыселъ Творца, сердце наполняется тѣмъ счастливымъ чувствомъ вѣры и умиленія, которое приближаетъ человѣка къ небесному блаженству:

„Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко"...

Разсматривая это произведеніе со стороны логическаго построенія, нельзя не видѣть въ немъ силлогизма, при чемъ большею посылкой является вторая строфа, меньшей посылкой—первая строфа и заключеніемъ—третья строфа.

Излагая содержаніе стихотворенія прозаическою рѣчью и ставя большую посылку въ началѣ, мы получимъ слѣдующій силлогизмъ:

Теплая, живая молитва обладаетъ чудной, благодатной силой, успокаивающей душевныя муки. (Большая посылка).

Въ минуты душевныхъ мукъ поэтъ прибѣгаетъ къ молитвѣ. (Меньшая посылка).

И его душевныя муки утихаютъ, онъ чувствуетъ облегченіе, и душа его наполняется сладкимъ чувствомъ упованія въ Промыселъ Божій. (Заключеніе).

Выражая сжато мысль поэта, въ томъ же порядкѣ,

какъ она выражена въ произведеніи, получимъ слѣдующій сокращенный силлогизмъ.

Въ минуты тяжелой грусти поэтъ прибѣгаетъ къ молитвѣ, ибо въ ней есть благодатная сила, способная облегчать душевныя муки,—и онъ чувствуетъ облегченіе своей грусти и даже испытываетъ духовную радость.

Чѣмъ глубже вникаешь въ разсматриваемое стихотвореніе, тѣмъ больше открывается прелестей какъ въ содержаніи, такъ и формѣ его. Глубокая вѣрная мысль и возвышенное чувство вылились въ немъ въ поразительно изящную форму. Невольно выучиваешь это стихотвореніе наизусть.

Усваивая содержаніе произведенія, т. е. мысли и чувства его, ученики вмѣстѣ съ тѣмъ ознакамливаются и съ формой его. Имъ становится, напр., яснымъ значеніе и смыслъ переносныхъ или особенно мѣткихъ словъ и выраженій. Такъ, при усвоеніи содержанія первой строфы имъ становятся ясными слова и выраженія: „тѣснится въ сердце грусть“ (аналогичное выраженіе: сердце разрывается отъ тоски и грусти), „молитву чудную“ (по ея чудодѣйственному вліянію на человѣка), „твержу наизусть“ (неоднократно повторяю, какъ испытанное средство). При усвоеніи содержанія второй строфы имъ становятся ясными выраженія: „сила благодатная“, „въ созвучьи словъ живыхъ“, „дышитъ непонятная святая прелесть въ нихъ“. (Поэтъ чувствуетъ благодатную силу и святую прелесть живой, теплой молитвы). При усвоеніи третьей строфы имъ становится яснымъ цѣлесообразность употребленія безличныхъ предложеній.

При разъясненіи стихотворенія эвристическимъ путемъ, ученикамъ могутъ быть предложены слѣдующіе вопросы: когда поэтъ прибѣгаетъ къ молитвѣ? Что означаетъ слово „твержу“? какимъ словомъ можно замѣнить его? Какъ характеризуетъ поэтъ молитву? Объясните выраженія: „сила благодатная“, „въ созвучьи словъ живыхъ“. Какое вліяніе оказываетъ молитва на душу поэта? Что это какъ бремя скатится? Укажите въ стихотвореніи безличныя предложенія! Чѣмъ объясняется употребленіе безличныхъ формъ? На сколько частей распадается содержаніе стихотворенія? Какъ от-

носятся части стихотворенія одна къ другой? Изложите подробно содерженіе всего стихотворенія. Мысль стихотворенія передайте кратко.

МОЛИТВА. (Пушкина).

(Разъясненіе стихотворенія).

Стихотвореніе „Молитва"—Пушкина состоитъ изъ I—вступленія и II—самой молитвы.

Разсмотримъ сначала вступленіе, а затѣмъ—самую молитву.

Вступленіе состоитъ изъ двухъ частей.

Въ первой части поэтъ говоритъ: „Отцы—пустынники и жены непорочны сложили множество божественныхъ молитвъ". „Отцами—пустынниками" названы здѣсь лица, удалявшіяся въ пустыни, дабы вдали отъ міра и его соблазновъ подвизаться въ молитвѣ, постѣ и трудѣ и тѣмъ приближаться своимъ духомъ къ Богу. „Женами—непорочными" названы женщины, которыя тоже, посвятивъ себя служенію Богу, ведутъ жизнь христіански-чистую, непорочную. Эти-то „отцы—пустынники и жены непорочны", уносясь своими мыслями и чувствами къ Богу, сложили много молитвъ.

Что-же побуждало ихъ слагать молитвы? для какой цѣли они слагали ихъ?—При разъясненіи стихотворенія „Молитва" Лермонтова мы видѣли, что теплая, сердечная молитва облегчаетъ душу отъ тяжелыхъ чувствъ и мыслей. Но этимъ значеніе молитвы далеко не исчерпывается. Человѣческій духъ, будучи божественнаго происхожденія, стремится къ источнику своего бытія—Богу. И это стремленіе естественно выражается въ молитвѣ. Будучи плодомъ стремленій ума и сердца къ Богу, молитва, въ свою очередь, направляетъ умъ и сердце человѣка къ Богу и тѣмъ помогаетъ ему (человѣку) возноситься своей душой въ высшій, духовный міръ,—помогаетъ, говоря словами поэта, „возлетать во области заочны".

Духовное совершенствованіе не дается человѣку легко, само собою: ему приходится постоянно вести борьбу съ соблазнами и искушеніями. Нужно обладать значительною нравственною крѣпостію, чтобы уклоняться отъ грѣха. Молитва укрѣпляетъ нравственныя силы человѣка, что даетъ ему возможность противоборствовать грѣху. Она, какъ говоритъ поэтъ, „укрѣпляетъ сердце средь дольнихъ бурь и битвъ“.

Во второй части поэтъ говоритъ, что ни одна изъ молитвъ не умиляетъ его такъ, какъ та, которую священникъ повторяетъ въ дни печальные Великаго поста, т. е. какъ молитва Святаго Ефрема Сирина, знаменитаго отца церкви, жившаго въ IV-мъ вѣкѣ и извѣстнаго строгостью своей аскетической жизни. Слѣдуетъ только припомнить настроеніе, которое овладѣвало нами въ церкви въ великопостную службу, когда священникъ, въ черномъ облаченіи, произноситъ предъ алтаремъ молитву: „Господи и Владыко живота моего“, сопровождая ее троекратными земными поклонами; слѣдуетъ припомнить, съ какимъ умиленіемъ и сокрушеніемъ молящіеся въ церкви, вслѣдъ за священникомъ, падали ницъ передъ Творцомъ, повторяя про себя слова молитвы; слѣдуетъ, наконецъ, припомнить самыя слова этой чудной молитвы, которая „падшаго живитъ невѣдомою силой“,—чтобы понять настроеніе, чувство, которое выразилъ поэтъ въ этой части стихотворенія.

Разсматривая вступленіе со стороны построенія, нельзя не видѣть въ немъ противительно-ограничительнаго періода, при чемъ первыя четыре строки составляютъ повышеніе, а послѣдующія пять строкъ составляютъ пониженіе періода.

Собственно молитва представляетъ стихотворное переложеніе выше названной молитвы Св. Ефрема Сирина, при чемъ послѣднія двѣ части ея въ стихотвореніи переставлены.

Начинается молитва обращеніемъ къ Богу: „Владыко дней моихъ“, т. е. Владыко моей жизни. Послѣ обращенія слѣдуетъ прошеніе, которое распадается на двѣ части.

Въ первой части испрашивается объ освобожденіи ду.

ши отъ наиболѣе обычныхъ пороковъ и недопущеніи ея быть порабощенной ими. „Не дай мнѣ“:

1)—„праздности унылой“. Праздность есть мать пороковъ. Кто не занятъ полезнымъ и добрымъ дѣломъ, тотъ употребляетъ свои силы на зло себѣ или ближнимъ. Праздность порождаетъ также скуку, уныніе, недовольство,—душевное настроеніе, на почвѣ котораго обыкновенно вырабатываются въ душѣ дурныя мысли и чувства;

2)—„любоначалія, змѣи сокрытой сей“. Любоначаліе, желаніе господствовать, властвовать надъ другими, противорѣчитъ идеѣ христіанской любви къ ближнимъ. Любоначаліе обыкновенно порождаетъ гордость, кичливость по отношеніи къ однимъ и зависть по отношенію къ другимъ; оно-же порождаетъ тщеславіе и т. п. пороки. Потому-то оно и названо „змѣей сокрытой“, т. е. невидимымъ источникомъ грѣха;

3)—„празднословія“. Языкъ, какъ выраженіе душевныхъ явленій человѣка, служитъ высшимъ даромъ его. Но этимъ даромъ онъ нерѣдко злоупотребляетъ, пользуясь имъ не для молитвы и прославленія Творца и не для выраженія истины, добра и красоты, а для пустой болтовни или, что еще хуже, для злословія, клеветы, лжи и т. п. пороковъ, порождающихъ массу нравственнаго зла. Потому-то поэтъ и проситъ избавить его отъ этого источника зла: „И празднословія не дай душѣ моей“.

Во второй части молитвы испрашиваются наиболѣе существенныя для каждаго христіанина качества, а именно:

1) сознаніе своей грѣховности, какъ условіе, необходимое для нравственнаго самоусовершенствованія и справедливаго отношенія къ другимъ. („Дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья, да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья“);

2) смиреніе, какъ качество, противоположное гордости, любоначалію;

3) терпѣніе, необходимое для безропотнаго несенія „креста своего“, подчасъ тяжелаго, и преодолѣнія трудностей, встрѣчающихся каждому въ его жизни;

4) любовь, какъ самое необходимое качество для

всякаго христіанина. Всѣ нравственныя требованія основываются на христіанской любви: „Возлюби Господа Бога твоего и ближняго своего“—вотъ основная заповѣдь Спасителя;

наконецъ 5,—цѣломудріе, т. е. чистота помысловъ и чувствованій.

Слогъ и языкъ разсматриваемаго стихотворенія соотвѣтствуетъ серьезности и важности содержанія его. Нѣкоторыя славянскія слова и формы („во области заочны“, „на уста“, „зрѣть“ и др.) прекрасно гармонируютъ съ важностью содержанія стихотворенія. Тонъ молитвы Св. Ефрема Сирина вполнѣ выдержанъ въ стихотвореніи.

Планъ стихотворенія можетъ быть обозначенъ такъ:

- А. Вступленіе
  - I. Сложено много молитвъ,
  - II. Одна особенно умиляетъ.
- Б. Молитва
  - I. Не дай душѣ моей
    - 1) праздности,
    - 2) любоначалія,
    - 3) празднословія,
  - II. Дай мнѣ
    - 1) сознаніе своей грѣховности.
    - 2) смиреніе,
    - 3) терпѣніе,
    - 4) любовь,
    - 5) цѣломудріе.

Послѣ разъясненія, стихотвореніе заучивается учениками наизусть.

Для письменной работы учениковъ старшаго класса можетъ быть предложено: сравнить (показать сходство и различіе) стихотвореніе „Молитва“ Пушкина съ Великопостной молитвой Св. Ефрема Сирина.

Стихотвореніе „Молитва“ Пушкина, какъ и молитва Св. Ефрема Сирина можетъ возбудить соотвѣтственное чувство какъ въ одиннадцатилѣтнемъ мальчикѣ, такъ и зрѣломъ юношѣ и пожиломъ человѣкѣ. Сообразно съ этимъ, стихотвореніе это можетъ быть предметомъ изученія какъ

въ младшемъ, такъ и старшемъ классѣ среднеучебнаго заведенія; но при этомъ, конечно, характеръ разбора его долженъ быть различенъ: тѣ объясненія, которыя учитель найдетъ необходимымъ предложить ученикамъ 2-го класса, окажутся ненужными для учениковъ 5-го или 6-го класса, и обратно: тѣ разъясненія, которыя умѣстно предложить ученикамъ 5-го или 6-го класса, будутъ недоступны ученикамъ младшаго класса. Въ старшемъ классѣ учитель, напр., остановитъ вниманіе учениковъ преимущественно на психологической сторонѣ стихотворенія; въ среднемъ классѣ, гдѣ проходится ученіе о періодахъ, онъ обратитъ вниманіе учениковъ на построеніе стихотворенія, а въ младшемъ классѣ онъ въ доступной ученикамъ формѣ разъяснитъ содержаніе стихотворенія и непонятныя имъ слова.

МОЛИТВА ДИТЯТИ (Никитина).

(Разъясненіе стихотворенія).

Въ стихотвореніи „Молитва дитяти“ поэтъ высказываетъ мысли и чувства, возникшія въ немъ при видѣ молящагося ребенка.

Стихотвореніе состоитъ изъ шести четырехстрочныхъ строфъ. Предметомъ первой, третьей, четвертой и пятой строфъ служитъ изложеніе пожеланій поэта, вызванныхъ молитвой дитяти; предметомъ же второй и шестой строфъ служитъ изображеніе участія ангела—хранителя въ духовной жизни дитяти. Оба эти предмета въ стихотвореніи органически слиты и составляютъ одно цѣльное высоко—художественное произведеніе.

Сначала скажемъ о первомъ предметѣ стихотворенія, а затѣмъ—о второмъ.

Передъ иконой преклонивъ колѣни и скрестивъ руки, молится дитя. Его невинные, выражающіе чистоту вѣры, глаза приподняты къ иконѣ. На рѣсницахъ блестятъ слезинки—признакъ горя. (Вѣдь и дѣти имѣютъ свое горе!). Лицо его озарено внутренней чистотой и добротой... Эта кар-

тина способна тронуть всякаго, кто чутокъ ко всему прекрасному и высокому. Она тронула поэта и онъ восклицаетъ:

„Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ
И отвѣчать тебѣ готовъ".

Чистая молитва дитяти угодна Богу; каждое слово его молитвы и каждая его слезинка будутъ приняты „Творцомъ безчисленныхъ міровъ" и Онъ, Всемогущій, не оставитъ его своимъ Святымъ Промысломъ.

Въ третьей строфѣ поэтъ снова восклицаетъ: „Молись, дитя" и тутъ же прибавляетъ: „Мужай съ лѣтами", т. е. укрѣпляйся умомъ и волей, но сердцемъ оставайся такимъ же чистымъ, невиннымъ, незлобивымъ и кроткимъ, каким ты теперь:

„И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ".

Сохранить чистоту помысловъ, „глядѣть на Божій свѣтъ свѣтлыми очами"—лучшее, что только можно пожелать взрослому человѣку. Кто, укрѣпившись умомъ и волей, сохранилъ въ себѣ чистое, доброе, кроткое и любящее сердце, кто сохранилъ въ своемъ сердцѣ теплую вѣру, тотъ можетъ быть названъ и лучшимъ, и счастливѣйшимъ человѣкомъ. И ему обѣщано вѣчное блаженство. Спаситель на вопросъ учениковъ: кто большій въ Царствѣ небесномъ?—сказалъ: „Истинно говорю, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство небесное. И кто смирится, какъ отроча, тотъ большій въ Царствѣ небесномъ" (Матѳ. XVIII, 1—6).

Но жизнь посылаетъ человѣку такіе удары, такія искушенія, которыя въ состояніи очерствить сердце, погасить вѣру и любовь. Жизненныя невзгоды подчасъ становятся невыносимыми и невольно вызываютъ ожесточеніе и ропотъ. Въ людяхъ нерѣдко человѣкъ встрѣчаетъ вмѣсто любви, не-

ки, участія,—несправедливость, злобу и пошлость. Въ такихъ обстоятельствахъ поэтъ снова совѣтуетъ прибѣгать къ теплой молитвѣ и она одна въ состояніи успокоить человѣка, облегчить его „жизненное иго“ и примирить „съ небесами, самимъ собою и людьми“. Самъ Господь указываетъ всѣмъ страждущимъ этотъ путь: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ“.

Во второй и шестой строфахъ стихотворенія, какъ выше сказано, поэтъ говоритъ объ участіи ангела—хранителя въ душевной жизни человѣка. По ученію христіанской религіи каждому человѣку данъ одинъ ангелъ-хранитель, который слѣдитъ за духовною жизнью его. Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: „Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ видятъ лицо Отца моего небеснаго“. Своими добрыми дѣйствіями и мыслями человѣкъ приближаетъ къ себѣ ангела—хранителя, своими же дурными дѣйствіями и мыслями онъ отдаляетъ его. И вотъ во второй строфѣ стихотворенія говорится, что когда дитя молится, то ангелъ—хранитель собираетъ всѣ его слезы и слова и относитъ ихъ „въ надзвѣздную обитель“, „къ престолу Бога“. Въ шестой строфѣ сказано, что если человѣкъ, измученный жизнью, съ жаркою молитвой припадетъ къ подножію креста, то ангелъ—хранитель присоединится къ его молитвѣ:

„И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель—ангелъ твой сойдетъ,
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ“.

Все разсматриваемое стихотвореніе проникнуто глубокимъ религіознымъ чувствомъ поэта.

Идея стихотворенія можетъ быть выражена словами: молись и сохрани въ себѣ чистоту сердца; она-же (идея) можетъ быть выражена и слѣдующими словами, взятыми изъ самаго стихотворенія: „Молись дитя и дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ, такими-же свѣтлыми очами тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ“.

Какъ по идеѣ, такъ и по содержанію и формѣ (стиху и слогу) стихотвореніе „Молитва дитяти“ относится къ однимъ изъ лучшихъ произведеній въ русской литературѣ. Въ виду этихъ качествъ, оно заучивается учениками наизусть.

Планъ стихотворенія можетъ быть обозначенъ такъ:

1. Молись дитя
   - 1, Богъ внимаетъ молитвѣ.
   - 2, Ангелъ относитъ всѣ слезы и слова молитвы къ престолу Бога.
2. Молись и мужай съ лѣтами
   - а) Укрѣпляйся
     - умомъ,
     - волей.
   - б) Сохрани незлобіе и чистоту сердца.
3. Молись въ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни
   - а) Примиришься съ небесами, самимъ собою и людьми.
   - б) Ангелъ-хранитель за тебя вознесетъ молитву къ Богу.

При разъясненіи стихотворенія посредствомъ эвристической формы, могутъ быть предложены ученикамъ слѣдующіе вопросы: Чего желаетъ поэтъ дитяти? (Какія выражаетъ пожеланія?) Почему поэтъ совѣтуетъ молиться? Какое значеніе имѣетъ молитва? Какое участіе принимаетъ ангелъ—хранитель въ духовной жизни человѣка? Какая основная мысль всего стихотворенія? Какой планъ стихотворенія?

К. Ельницкій

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

26 мая, 1898 года, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины В. Г. Бѣлинскаго, этого Bessarione furioso—«неистоваго Виссаріона», какъ прозвали его въ шутку друзья. Да! Виссаріонъ Бѣлинскій былъ, дѣйствительно, «неистовымъ Виссаріономъ», ибо онъ, по словамъ его біографа А. Н. Пыпина, «былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ новыхъ идей и, безъ сомнѣнія, самый дѣятельный распространитель и защитникъ ихъ въ литературѣ». Это была удивительно стойкая и горячо преданная исканію истины натура. Онъ былъ готовъ забыть все для истины, а хотя и впадалъ въ ошибки, но кто же не ошибается? Кому истина дается съ разу? И всѣ заблужденія, всѣ ошибки, не могутъ быть поставлены ему на видъ: такимъ людямъ многое простится, потому что они возлюбили много.

Жизнь Бѣлинскаго есть глубоко поучительная для насъ повѣсть, но не эта внѣшняя жизнь, нѣтъ, она, можно сказать, бѣдна фактами, а его внутренняя жизнь, не жизнь тѣла, а жизнь его могучаго и высокаго духа, выраженіемъ которой служитъ 12 томовъ его сочиненій.

Что было особенно замѣчательнаго во внѣшней жизни Виссаріона Григорьевича? Она вся можетъ быть передана въ нѣсколькихъ словахъ Родился онъ въ маѣ 1810 г. въ городѣ Свеаборгѣ. Отцемъ его былъ лекарь флотскаго экипажа, а мать—дочь одного флотскаго офицера. Въ невеселой обстановкѣ протекло дѣтство, самая нѣжная пора жизни В. Г. Когда пришла мальчику пора учиться, его отдали въ Чембарское училище. Смотритель этого учебнаго заведенія былъ далеко не заурядным педагогомъ. Онъ понялъ весь вредъ такъ называемаго задалбливанія учениками уроковъ, но заботился о твердомъ и вполнѣ отчетливомъ усвоеніи учащимся юношествомъ преподаваемой науки. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе онъ произвелъ на тогдашняго директора училищъ нашего извѣстнаго пи-

сателя Лажечникова. Подъ руководствомъ такого опытнаго и умѣлаго педагога способности мальчика Бѣлинскаго развивались блестяще, и своимъ умѣніемъ набрасываться на предлагаемые вопросы и быстро разрѣшать всѣ заключавшіяся въ нихъ трудности онъ такъ поразилъ директора училищъ Лажечникова, что тотъ съ первой же встрѣчи прозвалъ его ястребкомъ. Вскорѣ послѣ этого мы видимъ Бѣлинскаго уже воспитанникомъ Пензенской гимназіи. Среди преподавателей не всѣ были приверженцами стариннаго пріема вбиванія, (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) науки въ своихъ учениковъ и требованія буквальнаго, хотя и неразумнаго, усвоенія учащимися учебныхъ книгъ. Мы можемъ указать среди преподавательскаго персонала даже такого глубоко и всесторонне образованнаго человѣка, какимъ былъ М. М. Поповъ,—преподаватель естественной исторіи, сгоравшій исключительною страстью къ русской литературѣ. Вліяніе этого преподавателя на бойкаго и развитого мальчика-Бѣлинскаго было огромно. Отъ его книгъ, чтенію которыхъ съ такою страстью отдавался В. Гр., отъ него были получены первыя свѣдѣнія о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время молодое сердце. Но такіе преподаватели были рѣдкостію, общій же уровень ихъ стоялъ гораздо ниже. Живой пытливый умъ Бѣлинскаго не находилъ достаточной пищи въ современной ему схоластической наукѣ. У юноши зараждается желаніе поступить въ университетъ, для чего прежде не требовалось полнаго окончанія гимназическаго курса, а лишь удовлетворительный отвѣтъ на пріемномъ экзаменѣ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ обстоятельствъ В. Гр. начинаетъ сильно манкировать, плохо занимается тѣмъ, что преподавалось на урокахъ, а все свободное время посвящаетъ изученію греческаго языка, который не преподавался въ гимназіи, но требовался для поступленія на словесный факультетъ. Такой образъ дѣйствій, конечно, скоро вызвалъ протестъ со стороны гимназическаго начальства,

и Бѣлинскій былъ удаленъ за нехожденіе въ классы. Послѣ всѣхъ горестей, ему наконецъ начинаетъ улыбаться счастье; скоро мы видимъ его уже въ числѣ казеннокоштныхъ студентомъ Москов. Университета.

Среди профессоровъ того времени было еще много сыновъ XVIII вѣка, приверженцевъ уже устарѣвшей науки XVIII вѣка, отставшаго отъ современнаго новому поколѣнію состоянія наукъ.

Лекціи такихъ профессоровъ проходили въ томъ, что они съ каѳедры ораторствовали о какой либо устарѣлой схоластической тонкости своей науки, а студенты школьничали, или ловили впущеннаго въ аудиторію воробья или напѣвали какіе либо веселые мотивы танцевъ. Бѣлинскаго, юношу уже въ гимназіи много читавшаго и потому по своему развитію, стоявшаго выше обыкновеннаго уровня студентовъ того времени, такія науки, конечно, удовлетворять не могли. Начинается цѣлый рядъ непріятностей съ начальствомъ. Къ этому присоединяется еще гоненіе за написанную имъ драму «Дмитрій Калининъ», въ которой былъ затронутъ вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ и въ которой цензура, нераздѣльная въ то время отъ университетскаго начальства, усмотрѣла непростительную вольность и крайнее свободо-мысліе,—и Бѣлинскій былъ исключенъ изъ университета. Наука закрыла двери передъ этимъ недоучкой, стоявшимъ однако по своему развитію и образованію выше многихъ своихъ товарищей, благополучно достигшихъ университетскаго диплома. Съ тѣхъ поръ начинается крайне бѣдственная жизнь В. Гр., жизнь, которая способна была, кажется, совершенно заглушить волю и стремленіе къ высокому идеалу и совершенно потопить болѣе слабого духомъ человѣка въ омутѣ житейскихъ дрязгъ и мелочей.

Однако Бѣлинскій былъ не изъ числа ихъ. Часто голодая, въ нетопленной каморкѣ онъ не упалъ духомъ, но продолжалъ служить истинѣ, искать ее и, можно смѣло утверждать, скорѣе бы согласился на голодную смерть, чѣмъ на малѣйшую сдѣлку съ совѣстью

или малѣйшее уклоненіе отъ пути влекущаго его, сіявшею ему путеводной звѣздой идеала. Мы видимъ его то учителемъ, то переводчикомъ для журналовъ, то наконецъ сотрудникомъ журналовъ «Мысли», «Телескопа», «Отечествен. Записокъ». Среди этой срочной журнальной работы Бѣлинскій и умеръ отъ чахотки, сломившей наконецъ его слабый и болѣзненный организмъ.

26 Мая 1848 г. В. Гр. скончался и погребенъ на Волковскомъ кладбищѣ. Могила его находится рядомъ съ могилами раннѣе его умершихъ критиковъ Добролюбова и Писарева. Такъ кончилась внѣшняя жизнь нашего высоко-талантливаго писателя, но онъ не умеръ совсѣмъ. Оставленное имъ литературное наслѣдіе никогда не позволитъ намъ забыть его. Его сочиненія— это полное отраженіе его внутренней жизни, со всею тоскою, со всѣми муками страстнаго, трепетнаго обожанія истины, со всѣми тревогами исканія ея. О богатствѣ его внутренней жизни, жизни его души и сердца, мы можетъ судить по этимъ 12 томамъ его сочиненій. Чего, чего нѣтъ въ нихъ?! Это цѣлая энциклопедія: тутъ и полное и увлекательное изложеніе ученія философовъ Шеллинга, учившаго, что міръ есть воплощеніе божественной идеи въ чувственныхъ образцахъ и что всякая отдѣльная личность въ мірѣ служитъ выраженіемъ общей идеи, и Гегеля, утверждавшаго, что все дѣйствительно разумно тутъ, и разборъ всѣхъ вопросовъ эстетики, тутъ, и эстетическая оцѣнка всѣхъ рѣчей, произведеній нашей русской словесности, начиная съ народныхъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ и кончая произведеніями современныхъ поэтовъ и писателей, тутъ и цѣлый рядъ психологическихъ наблюденій, тутъ, наконецъ, и полное выраженіе мнѣній и взглядъ писателя относительно воспитанія юношества. Разобраться во всѣхъ произведеніяхъ его, подробно разсмотрѣть все, высказанное въ нихъ Бѣлинскимъ, потребовало бы слишкомъ много времени, и потому мы должны нѣсколько сузить свою задачу и, по возможности подробно, познакомиться хоть съ одною какою-либо стороною вопроса.

Итакъ обратимся къ разсмотрѣнію мнѣній и взглядовъ В. Гр. Бѣлинскаго на воспитаніе, какъ на вопросъ слишкомъ близкій намъ, захватывающій насъ своимъ глубокимъ интересомъ. Прежде всего мы должны познакомиться съ вопросомъ, какъ смотрѣлъ В. Гр. на современное ему воспитаніе молодыхъ людей. Вотъ, что читаемъ мы поэтому поводу у него:

Ребенокъ ѣстъ что́ ни попало и сколько хочетъ,—что́ нужды! говорятъ нѣжные родители: вѣдь онъ еще дитя! Ребенокъ мучитъ собаку или колотитъ двороваго мальчишку,—что́ нужды! восклицаютъ заботливые родители: вѣдь онъ еще дитя! Дѣти ссорятся, кричатъ между собою, и если ихъ крикъ, брань и слезы не мѣшаютъ папенькѣ и маменькѣ соснуть послѣ обѣда или поговорить съ гостями,—что́ нужды! вѣдь они дѣти, пусть себѣ ссорятся и кричатъ: выростутъ большими, не будутъ ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись другъ съ другомъ, дѣти прибѣгаютъ къ отцу и матери съ жалобою другъ на друга,—и! помилуйте! сто́итъ ли разбирать дѣтскія ссоры! Если вы строги, дайте всѣмъ по щелчку или пересѣките всѣхъ розгами, чтобъ никому не было завидно; если вы добры къ дѣтямъ или воспитываете ихъ на благородную ногу, дайте имъ игрушекъ или сластей, да, перецѣловавъ ихъ, вышлите отъ себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенокъ не учится, не хочетъ и слышать, чтобъ взять въ руки книгу, что́ за нужда, вѣдь онъ еще дитя—подростетъ, будетъ поумнѣе, такъ станетъ и учиться! Ребенокъ хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомія съ картинками,—что́ за нужда: вѣдь онъ еще дитя! благо, что охота къ книгамъ есть—пусть лучше навыкаетъ читать, чѣмъ рѣзвиться! Учитель говоритъ отцу, что грамматика, которую онъ купилъ для сына, не годится, что она ужъ устарѣла, или безтолкова, безсмысленна, что ее не понимаетъ самъ авторъ, не знающій ни духа, ни характера языка,—это еще что́ за новости! восклицаетъ опытный и благоразумный родитель: вѣдь

онъ дитя—для него всякая книга годится, а за эту я заплатилъ деньги, стало быть, хороша!.... А между тѣмъ заговорите съ «дражайшими родителями» о дѣтяхъ и воспитаніи: сколько общихъ фразъ, сколько ходячихъ истинъ наговорятъ или нарезонёрствуютъ они вамъ! «Ахъ, дѣти! да! какъ тяжко имѣть дѣтей! сколько заботъ! надо выростить да и воспитать! Мы ничего не щадимъ для воспитанія своихъ дѣтей! Изъ послѣднихъ силъ бьемся! Я отдалъ своихъ въ училище, покупаю книги—тьма расходовъ! А мы для своихъ пріискали «мадамъ» или «мамзель», чтобъ дѣти и по-французски знали и на фортепьянахъ играли!» Въ добрый часъ, дражайшіе родители!...

Но это еще только одна сторона воспитанія, или того, чтó такъ ложно называютъ воспитаніемъ. Это еще только воспитаніе, какъ обыкновенно говорится, на волю Божію, а въ самомъ-то дѣлѣ на волю случаю,—воспитаніе природное, воспитаніе не въ переносномъ, а въ этимологическомъ значеніи этого слова, т. е. вскармливаніе,—воспитаніе простонародное мѣщанское. Есть еще воспитаніе попечительное, деликатное, строгое, благородное. Въ немъ на все обращено вниманіе, ни одна сторона не забыта. При этомъ воспитаніи, дитя ѣстъ и вó-время и въ мѣру, передъ обѣдомъ непремѣнно ходитъ гулять съ гувернёромъ или гувернанткой, умѣренно рѣзвится, занимается гимнастическими упражненіями на красивыхъ вѣшалкахъ, столбахъ, перекладинахъ; по часамъ учится, въ опредѣленную пору встаетъ и ложится. Физическое воспитаніе въ гармоніи съ нравственнымъ: развитію здоровья и крѣпости тѣла соотвѣтствуетъ развитіе умственныхъ способностей и пріобрѣтеніе познаній. А форма—о, это самое изящество! При опрятности царствуютъ простота и неизысканность, соединенныя съ благородствомъ, достоинствомъ, хорошимъ вкусомъ и хорошимъ тономъ. И это отражается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ манерахъ. Одно то чего стóитъ, что дитя умѣетъ уже скрывать свои чувства: не хвататься жадно за то, чего жадно желаетъ, не об-

наруживать удивленія и радости къ тому, что возбуждаетъ въ немъ удивленіе и радость, словомъ, научается приличію и тону жертвовать всѣми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человѣческими!... Короче: даже китайскіе мандарины, эти высокіе идеалы и образцы природы искаженной и умершей отъ искусственности,—даже китайскіе мандарины ничто предъ этими милыми, благовоспитанными дѣтьми... И если жизнь человѣческая есть театральная сцена или салонъ, и если «казаться» есть цѣль человѣческой жизни, то въ этомъ образѣ воспитанія мы нашли норму воспитанія.

Воспитаніемъ рѣшается участь человѣка. Конечно, есть такія богатыя и мощныя субстанціи, которыя спасаютъ людей отъ погибели, вслѣдствіе дурного воспитанія, но не менѣе того несомнѣнно и то, что люди съ этими же самыми субстанціями, при хорошемъ воспитаніи, получили бы еще лучшее опредѣленіе и прямѣе бы дошли до своей цѣли, съ силами свѣжими, не истощенными въ борьбѣ съ случайностями. Не говоримъ уже о томъ, что хорошее воспитаніе дурного дѣлаетъ менѣе дурнымъ, а порядочнаго дѣлаетъ положительно хорошимъ, способствуя ему пріобрѣсти опредѣленіе, равное его субстанціи,—что и составляетъ значеніе дѣйствительности человѣка, противополагая это слово призрачности. Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Каждое новое поколѣніе есть зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. На этомъ и основанъ ходъ и прогрессъ человѣчества. «Не вливаютъ вина молодого въ мѣхи старые», сказалъ нашъ божественный Спаситель, и Онъ же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ Нему для благословенія: «Таковыхъ есть царствіе небесное». Но новое, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно выйти изъ стараго —и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія, и имъ же условливается важность призванія тѣхъ людей, которые берутъ на себя

священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать, чтó угодно. Конечно, нельзя отвергать что воспитаніе, внѣшнія обстоятельства, опытъ жизни имѣютъ на человѣка великое и важное вліяніе; но все-таки возможность опредѣленія человѣка, и истиннаго и ложнаго, заключается въ его субстанціи, а субстанція—въ его организмѣ. Каждый человѣкъ есть индивидъ, и какъ хорошимъ, такъ и худымъ можетъ сдѣлаться только посвоему, индивидуально. Воспитаніе не дѣлаетъ человѣка, но помогаетъ ему дѣлаться (хорошимъ или худымъ), и поэтому, если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ свойства самой этой доски. А тутъ еще есть, такъ называемыя, нѣкоторыми врожденныя идеи, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что дважды два—пять, а не четыре. Но это аксіома конечнаго разсудка, а есть еще аксіомы разума, развитіе которыхъ и должно составлять цѣль и заботу воспитанія. Нѣтъ! не бѣлая доска есть душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности. Какъ ни скоро сравненіе воспитателя съ садовникомъ, но оно глубоко вѣрно, и мы не затруднимся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленый ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна; а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ росткомъ. Посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыкъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовые, вкусные, большіе; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню—жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается по большей части ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни.

Не надо развивать въ дѣтяхъ разсудка насчетъ

разума, и даже обратить все свое вниманіе только на развитіе послѣдняго, тѣмъ болѣе, что первый и безъ особенныхъ усилій возьметъ свое; ежели несносенъ, пошлъ и гадокъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ какъ о посѣвѣ хлѣба или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонёръ, который разсуждаетъ, потому что еще не въ силахъ мыслить. Да, не только развивать—надо душить, въ самомъ ея зародышѣ, эту несчастную способность резонёрства въ дѣтяхъ; она изсушаетъ въ нихъ источники жизни, любви, благодати; она дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, ставитъ на ходули. Не говорите дѣтямъ о томъ, что̀ такое Богъ: они не поймутъ вашихъ конечныхъ и отвлеченныхъ опредѣленій безконечнаго существа; но заставьте дѣтей полюбить Его, этого Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ грустномъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и во всемъ, что̀ есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей, и, наконецъ, во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ чистомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ, не показывайте имъ Бога, какъ грознаго, карающаго Судію, но учите ихъ смотрѣть на Него безъ трепета и страха, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ Онъ создалъ для блаженства, и которыхъ блаженство Онъ искупилъ мученіемъ на Крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости, но дѣлайте такъ, что бы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви же, и чтобы не боязнь наказанія, но боязнь оскорбить Отца, благого, любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила этотъ страхъ. Обращайте ваше вниманіе не на истребленіе недостатковъ

и пороковъ въ дѣтяхъ, но на наполненіе ихъ животворною любовію: будетъ любовь,—не будетъ пороковъ. Истребленіе дурного безъ наполненія хорошимъ—безплодно: оно производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется—пустотою же: выгоните одну, явится другая. «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ».

На однихъ родителяхъ лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками; обязанность же учебныхъ заведеній—сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ. Но кто не сдѣлался прежде всего человѣкомъ, тотъ плохой гражданинъ, плохой слуга государю. Изъ этого видно, какъ важенъ, великъ и священенъ санъ воспитателя: въ его рукахъ участь цѣлой жизни человѣка. Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу: все дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Всякій человѣкъ, еще не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ носитъ уже возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ,—словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ. никто не выше, ни ниже самого себя: Наполеономъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться; хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водевилистъ дурнымъ трагикомъ. Это уже судьба, передъ которою безсильна и человѣческая воля и самыя счастливыя обстоятельства. Назначеніе человѣка—развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою, но не въ его волѣ и не въ его силахъ пріобрѣсти трудомъ и усиліемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ, напримѣръ, художни-

комъ, когда онъ родился быть мыслителемъ, и т. д.

Воспитаніе, чтобы быть жизнію, а не смертію, должно быть помощникомъ природѣ—не больше.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью—человѣчность (die Humanität). Первоначальное воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человѣка, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ. Подъ человѣчностью мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился,—тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ—доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго. Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички, и бурное волненіе страстей въ вулканической груди юноши, и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упоеніе старца, и жгучее отчаяніе, и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть, и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутаго чувства, и нѣмую мольбу взоровъ, и высокость самоотверженія, и сладость молитвы, и все, что въ жизни и въ чемъ есть жизнь. Опытъ и опытность не суть необходимое условіе такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вмѣстѣ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ; ему не нужно даже быть въ томъ положеніи, которое интересуетъ его въ каждомъ изъ нихъ: лишь бы представилось ему явленіе, а ужъ его

чувство безсознательно откликнется на него и пойметъ его. На все будетъ у него и привѣтъ и отвѣтъ, и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго, и состраданіе въ его горѣ, и улыбка на полный блаженства взоръ, и слеза на горькія слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблужденій, но и самыхъ пороковъ, самыхъ преступленій: презирая слабости и заблужденія, онъ будетъ жалѣть о слабыхъ и заблуждающихся; проклиная пороки и преступленія, онъ будетъ сострадать порочнымъ и преступнымъ. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкаго признанія юнаго, страждущаго существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзаннаго страданіемъ сердца, и для рыдающаго раскаянія, и для самой ужасной повѣсти страстей и заблужденій. Онъ уважаетъ чувство и друга и недруга; для него святы и горе и радость знакомаго и незнакомаго человѣка. Съ нимъ такъ тепло и отрадно и своему и чужому; онъ во всѣхъ внушаетъ такую довѣрчивость, такую откровенность. Въ его душѣ столько теплоты и сочувствія, въ его словахъ такая кротость и задумчивость, въ его манерахъ столько мягкости и деликатности.

Кромѣ чувства человѣчности, необходимо развивать въ дѣтяхъ и чувство безконечнаго. Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее ощущеніе безконечнаго, которое, какъ чувство, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой электрическій проводникъ между человѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ, по глаголу Христа: «И далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, каждому по его силѣ»; но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни—къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выражено словомъ, переведеніемъ на понятія, опредѣленіемъ, словомъ—сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ

котораго, поэтому, всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго, духовнаго созерцанія истины, потому что непосредственное созерцаніе истины основывается, какъ на фундаментѣ, на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организаціи, и потому свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ, какъ зародышъ,—и развитіе, возращеніе этого зародыша и должно составлять главную заботу воспитанія.

Но чтò же можно читать дѣтямъ? Изъ сочиненій, писанныхъ для всѣхъ возрастовъ, давайте имъ «Басни» Крылова, въ которыхъ даже практическія, житейскія мысли облечены въ такіе плѣнительные поэтическіе òбразы и все такъ рѣзко запечатлѣно печатію русскаго ума и русскаго духа; давайте имъ «Юрія Милославскаго» г. Загоскина, въ которомъ столько душевной теплоты, столько патріотическаго чувства, который такъ простъ, такъ наивенъ, такъ чуждъ возмущающихъ душу картинъ, такъ доступенъ дѣтскому воображенію и чувству; давайте «Овсяный кисель», эту наивную, дышащую младенческою поэзіею піесу Гебеля, такъ превосходно переведенную Жуковскимъ; давайте имъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина, какъ, напримѣръ, «О рыбакѣ и рыбкѣ», которая, при высокой поэзіи, отличается по причинѣ своей безконечной народности, доступностію для всѣхъ возрастовъ и сословій, и заключаетъ въ себѣ нравственную идею. Не давая дѣтямъ въ руки самой книги, можно читать имъ отрывки изъ нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, какъ, напримѣръ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» изображеніе черкескихъ нравовъ, въ «Русланѣ и Людмилѣ» эпизоды битвъ, о полѣ покрытомъ мертвыми костями, о богатырской головѣ; въ «Полтавѣ» описаніе битвы, появленіе Петра Великаго; наконецъ, нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, каковы: «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», «Женихъ», «Пиръ Петра Великаго», «Зимній вечеръ»,

«Утопленникъ», «Бѣсы»; нѣкоторыя изъ пѣсенъ западныхъ славянъ, а для болѣе взрослыхъ—«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинскую годовщину». Не заботьтесь о томъ, что дѣти мало тутъ поймутъ, но именно и старайтесь, чтобы они какъ можно менѣе понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо ихъ пріучается къ гармоніи русскаго слова, сердца преисполняются чувствомъ изящнаго; пусть и поэзія дѣйствуетъ на нихъ, какъ и музыка,—прямо черезъ сердце, мимо головы, для которой еще настанетъ свое время, свой чередъ. Очень полезно и даже необходимо знакомить дѣтей съ русскими народными пѣснями, читать имъ, съ немногими пропусками, стихотворныя сказки Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у насъ изъ плана воспитанія; часто не только юноши, но и дѣти знаютъ наизустъ отрывки изъ трагедій Корнеля и Расина, и умѣютъ пересказать десятокъ анекдотовъ о Генрихѣ IV, о Людовикѣ XIV, а между тѣмъ не имѣютъ и понятія о сокровищахъ своей народной поэзіи, о русской литературѣ, и дѣти отъ дядекъ и мамокъ узнаютъ, что былъ на Руси великій царь—Петръ I. Давайте дѣтямъ больше и больше созерцанія общаго, человѣческаго, мірового; но преимущественно старайтесь знакомить ихъ съ этимъ чрезъ родныя и національныя явленія: пусть они сперва узнаютъ о Петрѣ Великомъ, и о Іоаннѣ III, чѣмъ о Генрихахъ, Карлахъ и Наполеонахъ: Общее является только въ частномъ: кто не принадлежитъ своему отечеству, тотъ не принадлежитъ и человѣчеству.

Книги, которыя пишутся собственно для дѣтей, должны входить въ планъ воспитанія, какъ одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ. Наша литература особенно бѣдна книгами для воспитанія, въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. какъ учебными, такъ и литературными дѣтскими книгами. Но эта бѣдность нашей литературы покуда еще не можетъ быть для нея важнымъ упрекомъ. Посмотрите на богатыя литературы французовъ, англичанъ, и даже самихъ нѣмцевъ: у всѣхъ у нихъ дѣтскихъ книгъ много, но читать дѣтямъ нечего,

или, по крайней мѣрѣ, очень мало. И это очень естественно: должно родиться, а не сдѣлаться дѣтскимъ писателемъ. Это своего рода призваніе. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній... Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: нужны—душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная, умъ возвышенный, образованный, взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій, а между тѣмъ воспитаніе, по мнѣнію Бѣлинскаго, великое дѣло.

Но осудивъ современное воспитаніе, указавъ всѣ отрицательныя стороны его, Бѣлинскій рисуетъ и тотъ идеалъ воспитанія, который представляется ему единственнымъ, истиннымъ: Первая забота воспитанія, по его словамъ, должна состоять въ томъ, что однимъ изъ главныхъ образовательныхъ факторовъ, является, безспорно, чтеніе. Потому Бѣлинскій не могъ умолчать о столь важномъ педагогическомъ вопросѣ.

Не думайте, что этимъ я исчерпалъ всю глубину взглядовъ В. Гр. Бѣлинскаго на вопросъ о воспитаніи. Еще много и много можно бы указать въ его сочиненіяхъ по поводу интересующаго насъ вопроса, но краткость времени не позволяетъ намъ сдѣлать этого.

Замѣтимъ въ заключеніе, что педагогическая дѣятельность не была, по словамъ Пыпина, призваніемъ Бѣлинскаго, и подивимся глубинѣ и основательности приведенныхъ выше мнѣній его.

Что-же заставило чуткую душу В. Гр. откликнуться на столь чуждый его природной склонности вопросъ? Горячая любовь къ юношеству и сожалѣніе о томъ, что неправильности воспитанія, часто роковымъ образомъ вліяютъ на него и нравственно уродуютъ его.

И мертвый—живъ онъ между нами
И—плачетъ горькими слезами
О поколѣньѣ молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...
Онъ грозно шелъ на грозный бой,
Съ самоотверженной душой.
Онъ подъ огнемъ враговъ опасныхъ,
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ лету груды самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

. . . .

Исполненъ прямоты и силы,
Безстрашно шелъ онъ до могилы
Стезою правды и добра.

. . . .

И, умирая, думалъ онъ,
Что путь его ужъ совершенъ,
Что молодыя поколѣнья
По имъ открытому пути
Пойдутъ безъ страха и сомнѣнья,
Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.
Но молодыя поколѣнья,—
Полны и страха и сомнѣнья—
Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ палъ,
Въ смущеньи робкомъ суетятся.
И имъ проложеннымъ путемъ
Умѣютъ только любоваться.

. . . .

Итакъ, не будемъ огорчать нашего покойнаго учителя. Пусть его неуклонное исканіе истины послужитъ намъ примѣромъ, пойдемъ по тому пути, по которому шелъ нашъ учитель, и покажемъ, что мы умѣемъ не только любоваться имъ, но и неуклонно стремиться къ нему, къ высокому идеалу истины, блага и красоты.

М. Быстровъ.

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

Исполнившееся не такъ еще давно столѣтіе со дня кончины Императрицы Екатерины II-й способствовало, какъ извѣстно въ нашей печати нѣкоторому оживленію памяти о славныхъ дѣлахъ Ея блестящаго царствованія. Къ сожалѣнію, въ замѣткахъ разнаго рода и статьяхъ, помѣщенныхъ по этому поводу на страницахъ газетъ и журналовъ мало было обращено вниманія на одну въ высшей степени для настоящаго времени интересную сторону жизни той отдаленной эпохи, мы разумѣемъ дѣла народнаго образованія, какъ оно было поставлено въ Россіи волею Екатерины II-й.

Немного еще поколѣній отдѣляетъ насъ отъ того времени, когда русскій народъ получилъ первую болѣе или менѣе правильно-организованную систему народныхъ школъ, иначе говоря, когда устроены были по губернскимъ городамъ главныя народныя училища, а по уѣзднымъ—малыя. Это было то доброе старое время, когда живы были типы учителей въ родѣ Кутейкина или Цыфиркина, какихъ рисуетъ намъ фонъ-Визинъ, или въ родѣ пономаря Брудастаго, про котораго разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Даниловъ. Подобныхъ учителей въ ту пору насчитывались массы, но были и въ иномъ родѣ: то были тѣ, которымъ пришлось занять должности преподавателей въ упомянутыхъ народныхъ училищахъ Екатерининскаго царствованія. Предлагаемый нами ниже очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ нихъ, съ одной стороны, надѣемся, нѣсколько восполнитъ обычныя общераспространенныя свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ царствованіе Екатерины II, такъ какъ онъ составленъ на основаніи малоизвѣстныхъ мѣстнаго характера

оффиціальныхъ матеріаловъ *); съ другой стороны, этотъ очеркъ типичностью чертъ выводимаго въ немъ лица, типичностью обстановки, при какой тогда приходилось работать народнымъ школьнымъ учителямъ, выходитъ ихъ рамокъ спеціальнаго мѣстнаго и односторонняго, какъ казалось бы, интереса. Лицо, о которомъ мы намѣрены говорить, принадлежитъ къ числу первыхъ скромныхъ тружениковъ по народному образованію вышеназваннаго царствованія и въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ того времени именовалось Гордіемъ Новиковымъ, учителемъ Вытегорскаго малаго народнаго училища Олонецкой губерніи.

Чтобы ярче и рельефнѣе охарактеризовать ту обстановку, среди которой долженъ былъ дѣйствовать Новиковъ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ открытіи народныхъ училищъ въ Олонецкой губерніи. Въ 1786 г. генералъ-губернаторъ Олонецкаго и Архангельскаго намѣстничествъ, генералъ поручикъ Тутолминъ, находясь въ Петербургѣ, получилъ именной указъ Императрицы: «Господинъ генералъ поручикъ Тутолминъ! Коммиссія объ учрежденіи училищъ, продолжая по волѣ Нашей труды ея къ снабженію Имперіи народными училищами, пріуготовляла уже къ открытію оныя въ 25-ти губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ намѣстничествѣ Олонецкомъ и Архангельскомъ. Утвержденные нами уставъ и штатъ училищъ, равно какъ и потребные для нихъ учителя съ книгами будутъ отъ коммиссіи присланы, вслѣдствіе чего возлагаемъ мы на попеченіе ваше, чтобы къ открытію оныхъ къ назначаемому отъ коммиссіи времени, т. е. 22-му сентября все нужное было пріуготовлено». Высочайшій указъ

*) Сост. на основаніи матеріаловъ изъ архива Олон. дирекціи училищъ, архива Олон. губ. правленія, а также по замѣткамъ въ Олон. губ. вѣдомостяхъ за разные годы и нѣкоторымъ другимъ источникамъ (столѣтіе со дня учрежденія г. Петрозаводска, сост. Ивановъ и Матеріалы для исторіи просвѣщенія Россіи въ XVIII в. А. Воронова).

данъ былъ 12 го августа, а 22-го сентября состоялось торжественное открытіе главнаго народнаго училища въ Петрозаводскѣ. Въ слѣдующемъ году были открыты малыя народныя училища въ Вытегрѣ, Каргополѣ и Олонцѣ.

Въ дѣлахъ Олонецкаго губернскаго правленія сохранился одинъ весьма любопытный документъ-рапортъ Петрозаводскаго коменданта подполковника Гирша, изъ котораго видно, что сильную конкурренцію вновь открытому въ Петрозаводскѣ главному народному училищу составляли существовавшія еще ранѣе его въ Петрозав. частныя школы, учителями въ которыхъ были грамотныя лица разнаго званія: купцы, мѣщане, чиновники, мастеровые, даже женщины. Дѣти, очевидно, неохотно шли въ новое училище и возвращались къ своимъ старымъ учителямъ, вслѣдствіе чего и явилась необходимость въ понудительныхъ мѣрахъ для пополненія главнаго училища учениками. Вотъ этотъ интересный рапортъ (съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника).

Въ Олонецкое намѣстническое правленіе отъ Петрозаводскаго коменданта подполковника и кавалера Гирша.

рапортъ.

Принесена ко мне словесная жалоба отъ учителей здешнего общенароднаго училища малолетныхъ дѣтей, что некоторые изъ препорученныхъ имъ въ обученіе подлежащихъ наукъ малолетные дети по глупости своей отлучаются отъ того училища и укрываются къ темъ самымъ людямъ, которые прежде ихъ у себя имѣли и обучали грамоте, и чрезъ то развращеніе не могутъ тѣ учители оныхъ малолетныхъ детей къ себѣ приласкать и утвердить, какъ должность ихъ къ тому влечетъ, почему я принужденъ былъ принять ту ихъ жалобу въ управленіе и по развѣданію моему собравъ здѣшняго города разнаго званія приватныхъ учителей, а именно: купцовъ Клима Романова, Емельяна Кайчалова, мѣ-

щанъ: Антипа Ефремова, Григорья Елисеева, отставнаго канцеляриста Матѳея Еркачева, копіиста Тихона Баландина, жену его Ирину, да александровскаго завода мастеровыхъ Ѳаддея Пиліева и Никона Михѣева, и объявить имъ съ подпискою, дабы они отныне впредь къ обученію грамоте малолетныхъ дѣтей не приступали более подъ опасеніемъ за неисполненіе повеленнаго по законамъ взысканія и сверхъ того отъ меня и всѣмъ здѣшнимъ градскимъ жителямъ черезъ барабанный бой было опубликовано, о чемъ наместническому правленію имѣю честь донесть. 1786 года декабря 2 дня.

Того же числа сдѣлано было распоряженіе намѣстническимъ правленіемъ: «Петрозаводскому Господину Коменданту предписать, чтобы онъ, буде кто за подтвержденіемъ его ослушный окажется, отослалъ его къ суду, куда кто по законамъ слѣдовать будетъ, о чемъ вторично объявить».

Вотъ при какихъ условіяхъ стояло дѣло народнаго образованія въ губернскомъ городѣ! Чего же было ожидать отъ мѣстнаго общества учителю малаго народнаго училища въ такомъ уѣздномъ захудаломъ городѣ, какъ Вытегра, куда волею судьбы съ 1787 г. былъ опредѣленъ упомянутый уже нами Гордій Новиковъ? Малое народное училище въ Вытегрѣ содержалось на счетъ общества и въ тоже время находилось подъ вѣдомствомъ приказа общественнаго призрѣнія. Городская дума давала помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и классныя принадлежности; деньгами жалованье учителю—150 р., и сторожу—35 р. въ годъ. Учебныя руководства для продажи и книги для библіотеки доставлялись чрезъ губернскаго директора училищъ отъ приказа общественнаго призрѣнія, который, впрочемъ, будучи занятъ другими дѣлами, мало обращалъ вниманія на училища. Неудивительно было, что вслѣдствіе такой двойной зависимости училище и учитель постоянно терпѣли недостатокъ въ книгахъ и деньгахъ. Учителю приходилось поэтому неоднократно обращаться въ думу съ рапортомъ такого рода: «того ради реченую городовую и

шестигласную думу покорнѣйше прошу о выдачѣ вышеозначеннаго количества денегъ учинить жалостное рѣшеніе».

Училище имѣло помѣщеніе въ общественномъ домѣ, на ремонтъ котораго ассигновались думою деньги. Легко видѣть, насколько пригодно было для учебныхъ цѣлей это зданіе, если представить себѣ низенькій домикъ съ четырьмя окнами; кромѣ кухни, тутъ была раздѣленная перегородкою комната, въ одной половинѣ которой учились дѣти, а въ другой помѣщался самъ учитель съ семьею.

Новиковъ, какъ сказано было выше, поступилъ учителемъ въ Вытегорское народное училище при самомъ его основаніи и въ этой должности пробылъ до 1808 г., когда онъ умеръ, будучи сорока съ небольшимъ лѣтъ отъ роду. Одною изъ причинъ, ускорившихъ его смерть, были непомѣрные труды, связанные въ то время, при ограниченныхъ къ тому же средствахъ къ жизни, съ званіемъ учителя. Учебный курсъ дѣлился на четыре парты (класса), т. е. ученики были распредѣлены на четыре разряда, изъ которыхъ каждый сидѣлъ за особымъ столомъ. Въ маленькой школьной комнатѣ въ два окна стояло у одной стѣны четыре стола со скамейками, и въ противоположной сторонѣ (перегородкѣ) находилась дверь въ комнату учителя. Вдоль двери, съ одной стороны, стояли скамейки, а съ другой доска. За доской лежали: мокрая тряпка для стиранія, розги, мѣшокъ съ горохомъ и собака учителя. Уроки начинались въ 7-мъ часу утра и продолжались до 10-ти; затѣмъ ученики шли домой обѣдать, къ часу возвращались въ классъ и занимались лѣтомъ до шести, а зимою до четырехъ часовъ. Являлись въ классъ ученики, въ чемъ попало—босые, въ тулупахъ и т. п. Предъ началомъ уроковъ читалась молитва: «Преблагій Господи»; затѣмъ учитель спрашивалъ заданные уроки, а потомъ задавалъ выучить вновь на слѣдующій урокъ. Во время уроковъ вниманіе учениковъ развлекалось иногда такою забавною сценою. Каждый изъ учениковъ при-

носилъ съ собою изъ дому въ классъ что-нибудь съѣстное и клалъ обыкновенно съ книгами въ ящикъ, устроенный въ столѣ. Учитель былъ весьма строгъ, такъ что отвѣчавшій не смѣлъ даже моргнуть глазомъ. Тогда то старый Барсукъ (кличка собаки), лежавшій около доски, вставалъ, направлялся къ мѣсту отвѣчавшаго и вытаскивалъ себѣ изъ ящика кусокъ пирога или чего-нибудь другого. Для лѣнтяевъ назначались разныя наказанія, смотря по винѣ: учитель или давалъ имъ нѣсколько ударовъ по рукѣ линейкой, или, приказавъ поднять брюки выше колѣнъ, ставилъ голыми колѣнями на мѣшокъ съ горохомъ, или же сѣкъ виноватаго, причемъ на спину и ноги его садились верхомъ товарищи. Особенно Новикову не нравился одинъ дерзкій и отчаянный шалунъ, который когда его ставили на горохъ, ухитрялся понемногу съѣдать его. Послѣ обѣда учитель чинилъ всѣмъ перья, потомъ ученики раскладывали свои прописи и занимались чистописаніемъ, а затѣмъ готовили уроки къ слѣдующему дню. Тѣмъ временемъ уставшій учитель отдыхалъ, лежа на скамейкѣ. Школьная дисциплина была до такой степени образцовая, что въ классѣ сохранялась тишина и порядокъ даже и тогда, когда учитель спокойно почивалъ; если онъ иногда выходилъ зачѣмъ нибудь въ другую комнату, то и тогда тишина не прерывалась. Всѣ ученики хорошо знали, что въ перегородкѣ проверчены двѣ дырочки, чрезъ которыя учитель могъ производить свои педагогическія наблюденія. Въ надлежащее время учитель просыпался и ученики послѣ прочтенія молитвы расходились по домамъ. Въ двунадесятые праздники ученики собирались утромъ въ училище и съ учителемъ отправлялись въ церковь.

Матеріальное положеніе учителя, обремененнаго огромною семьей, было весьма незавидно. Бѣдность принудила его также взять на себя обязанности сторожа. Онъ вставалъ рано утромъ, отправлялся на рынокъ за провизіей, зимою затѣмъ кололъ дрова и топилъ печи, лѣтомъ копалъ гряды въ своемъ огородѣ. Мели полъ

сами ученики: приходившій ранѣе другихъ бралъ метлу, которая стояла въ углу и выметалъ классъ. Подобнымъ образомъ ученики, по окончаніи уроковъ, брали ушатъ и приносили воду на кухню учителя. Зимою и лѣтомъ одежда учителя была одна и таже: байковый сюртукъ, а вмѣсто чулковъ ноги онъ обвертывалъ бумагой.

При всей тяжелой обстановкѣ, нельзя сказать, чтобы интересы духовные были ему совсѣмъ чужды. Городской протопопъ былъ его пріятелемъ и зачастую они любили за чашкою чаю бесѣдовать между собою полатыни. Нерѣдко онъ засиживался до глубокой ночи за чтеніемъ книгъ и о чемъ-то много писалъ. Въ праздничные дни ученики отправлялись къ городскому головѣ и привѣтствовали его стихами, которые для этого случая составлялись учителемъ.

Если въ училищѣ бывалъ какой-нибудь посѣтитель изъ губернскаго города, напр. директоръ училищъ или губернаторъ, то одинъ изъ учениковъ говорилъ приготовленные стихи, а самъ учитель произносилъ соотвѣтственную случаю рѣчь. Приводимъ для характеристики тѣхъ и другихъ одно стихотвореніе, сказанное ученикомъ Качаловымъ, и рѣчь самого Новикова.

Какъ ясный солнца лучъ въ немрачный утра часъ,
Такъ вашъ драгій приходъ отрадой свѣтитъ въ насъ.
Въ тебѣ съ щедротою сіяетъ намъ пріятство,
Благоволеніе и благости изрядство.
По сей причинѣ всѣхъ учащихся сердца,
Величественный зря зракъ вашего лица,
Отмѣнную къ трудамъ охоту ощущаютъ
И сладостью свой духъ безмѣрною питаютъ.
Всевожделеннѣйшій Патронъ нашъ и отецъ,
За то отъ нашихъ въ даръ всеискреннихъ сердецъ
Прими желаніе, чтобъ твари Обладатель,
Всея вселенныя правитель и создатель,
Съ изобиліемъ щедроты вамъ излилъ
И въ счастьѣ вашу жизнь дрожайшую продлилъ!

Всеблагородный Господинъ,
Отмѣннѣйшій наукъ покровитель и отецъ!

Восхищаясь вожделеннѣйшимъ вашимъ теперь здѣсь присутствіемъ, хотя извиняемся мы предъ свѣтомъ мудрости Твоея недостаткомъ плодовъ нашего ученія, но милостивое ваше на оный воззрѣніе, прогоняя сію унылость, исполняетъ и души и сердца учащаго и учащихся радостію и неизобразимо услаждаетъ умъ, зрѣніе и слухъ наши. Что убо въ сладостномъ восторгѣ семъ въ даръ благодаренія благодушію твоему посвятить мы можемъ? Посвятимъ съ благоговѣніемъ плѣненный умъ и мысли наши за руководствомъ просвѣщенія твоего и ревностное къ улучшенію успѣховъ въ ученіи нашемъ рвеніе, вѣдая, что сіе едино благоизволенію твоему угодно есть, и въ довершеніе сего имя твое къ поощренію нашему издавна въ сердцахъ нашихъ носить станемъ. Но при сей всеобщей нашей признательности пріимите, благотворный нашъ покровитель и сіе пламенѣющее въ насъ пожеланіе: да приникнетъ съ высоты святыя своея, съ небеси на землю, разумѣваяй вся дѣла ваши Господь и благословитъ васъ осѣненіемъ силы своея на всякомъ мѣстѣ, аможе аще входите, аможе аще исходите».

Два раза въ годъ зимою и лѣтомъ производились въ присутствіи смотрителя и особо приглашенныхъ почетныхъ лицъ изъ мѣстнаго общества публичныя испытанія учащимся изъ пройденныхъ отдѣловъ учебнаго курса. При этомъ также нерѣдко до начала испытанія какой либо изъ учениковъ предъ лицомъ собравшихся произносилъ рѣчь, составленную заранѣе учителемъ, а послѣ окончанія испытаній учитель самъ особою рѣчью выражалъ благодарность посѣтителямъ за вниманіе къ училищу. Вотъ еще два любопытные образца этого стариннаго школьнаго краснорѣчія.

«Въ присутствіи вашемъ, почтенное собраніе, труды малолѣтныхъ умовъ нашихъ, искушеніе способностей и упражненіе нашихъ мыслей, имѣютъ представляться, предлагаться и изображаться, хотя не въ такомъ видѣ, въ какомъ бы они требовались, но въ какомъ силы понятій нашихъ возмогли и краткость въ ученіи времени дозволили. Но какой плодъ ощущаемъ и какая мзда дѣтскимъ упражненіямъ нашимъ воздаемы быть должны, то сіе вамъ, почтеннѣйшіе мужи, единственно относимо быть должно. Изощренные ваши разсудки суть какъ бы оселки и высоту и низкость умовъ другихъ показующіе; посему не говоря о маловажности ученія нашего, просимъ на оные благосклоннаго вашего вниманія».

«Дражайшіе посѣтители! Радость, сердцами учащихся чувствуемая, никакъ теперь сокрыта быть не можетъ, но въ очахъ всѣхъ блещетъ, устами всѣхъ провозглашается и слухомъ всѣхъ объемлется. Дражайшее ваше сей школы посѣщеніе, милостивое ваше на недостаточные плоды нашего ученія воззрѣніе и благосклонное ваше маловажнѣйшихъ дѣйствій, малолѣтными умами произведенныхъ, выслушаніе подаютъ мыслямъ учащихся такія вперенія, что симъ зрѣлищемъ плѣнены будучи къ большему впредь трудовъ ревнію поощряются. И чтоже за сіе посвятить можемъ? Пріимите, почтеннѣйшіе мужи, сей сердечный залогъ искренняго нашего предъ вами исповѣданія: да умножатся дражайшіе дни жизни вашея во умноженіе поощренія трудящихся, да процвѣтаетъ въ оныхъ, яко кринъ, блаженство ваше, и благосклонность ваша, внемлющая толь маловажнымъ представленіямъ нашимъ и почтеннѣйшія имена ваши къ поощренію нашему да впечатлѣются въ умахъ нашихъ неизгладимо»!

По окончаніи испытаній о результатахъ ихъ составлялись особыя вѣдомости, посылаемыя потомъ къ начальству. Въ нихъ весьма интересны тѣ графы, гдѣ напр. отмѣчалось: «чему научились дѣти по окончаніи

школьнаго теченія»? Объ ученикахъ втораго класса *) писалось такъ: въ священной исторіи и въ пространномъ катихизисѣ ствердили все, какъ чтеніемъ, такъ и чрезъ вопросы; въ книгѣ о должностяхъ человѣка таковымъ же образомъ полагая, съ 3-й части докончили все, и во 2-й части ариѳметики прошли до обратнаго тройнаго правила. И притомъ изъ прописи писали по всѣмъ номерамъ и такъ же съ диктованія безъ графъ.

Про учениковъ 1-го класса: въ таблицахъ гражданскихъ церковной и настѣнной изучились всему, въ россійскомъ букварѣ тожъ всему изучились, и въ правилахъ для учащихся прошли до шестой, а въ сокращенномъ катихизисѣ до десятой страницы.

Поведеніе учениковъ характеризовалось слѣдующими отмѣтками: такой-то добронравенъ, смиренъ, хорошъ, рѣзвъ, не худъ, годится.

Способности къ ученію обозначались словами: понятенъ, небезпонятенъ, годится, тупъ, тупенекъ, средственъ.

Неутомимая дѣятельность Новикова обращала на себя неоднократно вниманіе учебнаго начальства, выражавшаго ему благодарность за успѣшное преподаваніе. Умеръ онъ въ 1808 году, оставивъ послѣ себя жену, пять человѣкъ дѣтей и наслѣдства пятакъ мѣдный.

В. Ивановскій.

---

*) Малыя народныя училища, собственно говоря, состояли изъ двухъ классовъ, такъ что вышеупомянутыя парты надо принимать въ смыслѣ нынѣшнихъ отдѣленій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ СЪѢЗДАХЪ.

Въ настоящее время различнаго рода Съѣзды составляютъ явленіе довольно обычное. Съѣзды врачей, естествоиспытателей, археологовъ и проч. настолько привились въ нашемъ обществѣ, что объ отмѣнѣ ихъ едва-ли кто станетъ говорить. Теперь очередь—за педагогическими Съѣздами, полезность которыхъ едва-ли кто станетъ отрицать.

Представимъ себѣ молодого педагога, волею судебъ попавшаго въ провинціальное захолустье, гдѣ, какъ говорится, дѣльнаго слова сказать не съ кѣмъ, особенно, если дѣло касается вопросовъ учебно-педагогическихъ. Провинція незамѣтно засасываетъ молодого человѣка съ самыми лучшими надеждами, съ прекрасными взглядами на свое святое дѣло. Процессъ засасыванія можетъ совершаться и не быстро, но все-таки совершается. Правда, и въ провинціи можно читать педагогическіе журналы, но при обремененіи служебными занятіями и при отсутствіи вообще умственныхъ интересовъ въ провинціальной жизни невольно является нѣкоторое охлажденіе къ своему дѣлу, и, наконецъ, молодой педагогъ нерѣдко погружается въ ту рутину, въ которой такъ часто укоряютъ педагогическій міръ какъ общество, такъ равно болѣе развитые ученики и ученицы.

Какъ же избѣжать застоя въ преподаваніи и воспитаніи и какъ внести живую искру въ отвѣтственное передъ грядущими поколѣніями педагогическое дѣло. Намъ кажется, что однимъ изъ важныхъ факторовъ въ дѣлѣ оживленія педагогическаго міра могутъ служить педагогическіе Съѣзды, устраиваемые въ Учебныхъ Округахъ черезъ каждые 3 года.

Организацію съѣзда и надзоръ за правильнымъ ходомъ занятій, конечно, возьметъ на себя Окружное Начальство (главнымъ образомъ, Окружные Инспекторы

и болѣе опытные педагоги Округа); изъ этихъ лицъ, съ участіемъ профессоровъ-спеціалистовъ, составляется Предварительный Комитетъ, въ который вносятся различные вопросы учебно-педагогическаго свойства, заблаговременно присылаемые въ Предварительный Комитетъ Окружнаго Педагогическаго Съѣзда различными преподавателями среднихъ учебныхъ заведеній. Работы педагоговъ (рефераты), присылаемыя къ Съѣзду, должны просматриваться предварительно въ Учебномъ Комитетѣ Съѣзда съ тою цѣлію, чтобы выдѣлить изъ нихъ рефераты, вполнѣ достойные, по своей обстоятельности, прочтенія въ засѣданіяхъ Съѣзда. Представленныя къ Съѣзду работы, по ихъ содержанію, можно подраздѣлить такъ: 1) Общіе педагогическіе, дидактическіе и методическіе вопросы; 2) Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и русская словесность; 3) Классическая филологія; 4) Математика; 5) Исторія; 6) Географія; 7) Чистописаніе, рисованіе и вообще искусства (пѣніе, музыка и пр.). Съѣзды слѣдуетъ пріурочить къ лѣтнему времени, приблизительно съ 15 го іюля по 1 е августа.

Педагогическіе Съѣзды принесутъ несомнѣнную пользу молодымъ педагогамъ, ободряя ихъ къ дѣятельности и обогащая ихъ новыми научными данными, необходимыми для такого живого дѣла, какъ дѣло учебно-педагогическое, и вызывая новую энергію у поработавшихъ уже педагоговъ. Ихъ единеніе будетъ поддерживать ту бодрость духа и оживленіе, которыя такъ необходимы при образованіи и воспитаніи молодого поколѣнія. Кромѣ того, Педагогическіе Съѣзды дадутъ полную возможность и Окружному Начальству выдѣлять изъ общаго уровня и намѣчать для отвѣтственныхъ административныхъ обязанностей тѣхъ лицъ изъ педагогическаго персонала, которыя заявятъ себя вполнѣ способными и энергичными. Но самая главная заслуга съѣздовъ, все-таки, будетъ заключаться въ томъ, что педагоги могутъ имѣть между собою общеніе; это общеніе (какъ выяснилось уже изъ другихъ Съѣздовъ) не прекратится и послѣ Педагогическихъ Съѣздовъ. Вый-

детъ-ли какая-нибудь новая книга, относящаяся къ курсу средне-учебныхъ заведеній, или статья педагогическаго содержанія, затрогивающая тотъ или другой вопросъ педагогики или методики, ознакомившіеся между собою на съѣздахъ педагоги вступаютъ въ дѣятельную переписку между собою, обсуждаютъ тотъ или другой педагогическій, дидактическій или методическій вопросъ и, посредствомъ такого дружнаго обмѣна мыслей, продолжаютъ развивать свои педагогическія способности, не оставаясь, такимъ образомъ, на одномъ уровнѣ педагогическихъ познаній.

При множествѣ вопросовъ можно подраздѣлить засѣданія на секціи, сообразно съ предметами, преподаваемыми въ средне-учебныхъ заведеніяхъ; сужденія же по вопросамъ обще-педагогическимъ должны происходить непремѣнно въ общихъ собраніяхъ Съѣзда. Всѣ работы Съѣзда, заслуживающія серьезнаго вниманія, должны быть напечатаны въ «Трудахъ» Педагогическаго Съѣзда и разосланы всѣмъ преподавателямъ Округа, съ одной стороны—какъ пріятное воспоминаніе о Съѣздѣ, такъ равно и для прочтенія «Трудовъ» въ свободное время, чтобы обновить въ памяти все то, что было сказано и прочитано на Съѣздѣ. Особенно это будетъ полезно для тѣхъ педагоговъ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не присутствовали на самомъ Съѣздѣ или же не могли посѣщать всѣ засѣданія Съѣзда. ⁂

КЪ ВОПРОСУ О ПРАВОПИСАНІИ.

Какъ должно писать: о Василі*и*, Аѳанасі*и*, Евгені*и*, Григорі*и*, гені*и*, или о Василі*ѣ*, Евгені*ѣ*, Григорі*ѣ*, гені*ѣ*?

Академикъ Я. Гротъ рѣшилъ, что надобно слѣдовать первому правописанію, на основаніи того, что „въ древнемъ языкѣ всегда употребляюсь въ такихъ словахъ *и*, даже при сокращеніи предшествующаго *і* въ ь“, а также „въ силу уподобленія конечнаго гласнаго предшествующему *і*“.

Конечно, съ точки зрѣнія послѣдовательности въ ороографіи, если имена женскаго рода на *ія* а средняго на *іе* пишутся въ предложномъ падежѣ на *и*, то почему бы не подчинить этому правилу и имена муж. рода на *ій*? Между тѣмъ невольно чувствуется какое-то насиліе надъ языкомъ, когда пишешь: о Евгеніи, о Василіи, о геніи, о Григоріи, чувствуется, что живое употребленіе языка приносится въ жертву грамматической теоріи. Да и вѣрна ли эта теорія? Академикъ Гротъ, какъ мы видимъ, ссылается на то, что „въ древнемъ языкѣ всегда употребляется въ такихъ словахъ въ предл. падежѣ *и*“. Но въ древнемъ языкѣ всѣ существительныя съ мягкимъ окончаніемъ имѣли въ предложномъ падежѣ *и*: кони, земли, мори. Современный русскій языкъ, главнымъ образомъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ великорусскаго нарѣчія, сталъ вездѣ употреблять *ѣ*: конѣ, землѣ, морѣ. Ороографія новая сохраняла всегда окончаніе *и* послѣ *і* только въ существительныхъ женскаго рода: библіи, арміи, Индіи, линіи, Наталіи, Софіи, безъ сомнѣнья по аналогіи съ существительными женскаго рода на *ь*, которыя оканчиваются въ нѣсколькихъ падежахъ на *и*. Существительныя средняго рода всегда уже колебались между *и* и *ѣ*: въ счастіи и несчастіи и въ счастіѣ и несчастіѣ. Но относительно существительныхъ средняго рода на *іе* и нѣкоторыхъ женскаго рода на *ія*, напр. Софія, Наталія, должно замѣтить, что формы съ этими окончаніями суть славянскія формы; поэтому и не противно слуху грамотнаго

русскаго человѣка окончанія *и* въ предложномъ, а также въ дательномъ женск. р. этихъ словъ. При переходѣ же въ русскую форму на *ье*, они уже принимаютъ окончаніе *ѣ*: Софьѣ, Натальѣ, счастьѣ, несчастьѣ. Что же касается до существительныхъ муж. р на *ій*, то надо замѣтить, что это окончаніе не славянское только, но и русское: Василій, Аѳанасій, Григорій, иначе и сказать нельзя и поэтому нѣтъ никакого основанія не подчинить эти слова общему правилу существительныхъ муж. р. въ русскомъ языкѣ, которыя всѣ оканчиваются въ предложномъ падежѣ на *ѣ*.

Академикъ Гротъ прибавляетъ, что *ѣ* послѣ *і* переходитъ въ *и* „въ силу уподобленія конечнаго гласнаго предшествующему". На это должно сказать, что если бы звукъ *е* не могъ стоять послѣ *і*, то, конечно, ничего нельзя было бы возразить противъ правописанія, о Василіи, о Евгеніи, и т. под. Но этотъ звукъ преспокойно стоитъ въ словахъ: желаніе, счастіе, пріемлю, пріемышъ, пріѣхать, пріѣлся *): почему же нельзя писать: о Василіѣ, о Евгеніѣ?

Мы не говоримъ о томъ, что въ формахъ: о Евгеніи, Анастасіи, Терентіи, Ѳеодосіи и т. под. безъ нужды смѣшиваются по окончаніямъ предложнаго падежа, смѣшиваются собственныя имена мужескаго и женскаго рода, что, безъ привычки къ этому, кажется довольно страннымъ.

Б.

---

*) Гротъ замѣчаетъ: и на основаніи закона уподобленія звуковъ *ѣ* послѣ *і* устоять не можетъ (!) а уступаетъ мѣсто этой же гласной.

Н. Н. Ланге, профессоръ Новороссійскаго университета.

Учебникъ логики. Удостоенъ малой преміи имени Императора Петра Великаго. Одесса. 1898. Стр. 237. Ц. 1 р.

Въ русской учебной литературѣ давно уже ощущается крайній недостатокъ въ руководствѣ по логикѣ для средней школы. Курсы логики Владиславлева, Троицкаго и изъ переводныхъ сочиненія Джевонса, Милля полезны преподавателю, но не по силамъ для учениковъ.

Въ 1895 г. московской коммиссіей для организаціи общеобразовательнаго домашняго чтенія переведена и издана „Дедуктивная и индуктивная логика“ англійскаго ученаго Минто. Книга эта отличается замѣчательной простотой изложенія и ясностью въ постановкѣ самыхъ запутанныхъ вопросовъ современной науки; вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ эбердинскаго университета обладаетъ рѣдкимъ умѣньемъ вызвать въ читателѣ интересъ къ совершенно отвлеченнымъ разсужденіямъ, чего онъ достигаетъ, тѣмъ, что вездѣ въ своей книгѣ преслѣдуетъ практическую цѣль—предупрежденіе ошибокъ въ выводахъ и изслѣдованіяхъ. Какъ книга, предназначенная для большой публики, она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли: заинтересовываетъ читателя и незамѣтно вводитъ его въ кругъ вопросовъ философскаго характера. Но къ потребностямъ средняго учебнаго заведенія логика Минто вовсе не приноровлена, несмотря на прекрасно составленный русскими учеными для русскаго перевода книги сборникъ примѣровъ для упражненій, столь необходимый въ школьномъ руководствѣ.

Года 2—3 тому назадъ появился учебникъ элементарной логики Козловскаго въ двухъ частяхъ, отличающійся общедоступностью изложенія и обиліемъ удачно подобранныхъ примѣровъ, изъ которыхъ авторъ выводитъ теорети-

ческія положенія. Недостатокъ этого руководства въ ненаучности его положеній и мѣстами въ сбивчивости изложенія. При всемъ томъ имъ удобно пользоваться въ школѣ; во всякомъ случаѣ онъ стоитъ выше единственно теперь принятаго въ гимназіяхъ руководства, которымъ остается старый учебникъ Струве, и во время своего перваго появленія не отличавшійся особенными достоинствами, теперь-же съ развитіемъ логики, какъ науки, потерявшій всякую цѣнность.

Въ виду отсутствія въ средней школѣ хорошаго руководства, министерство народнаго просвѣщенія, открывая конкурсъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго для руководствъ по русскому языку, логикѣ и педагогикѣ, не разъ уже объявляло, что предпочтительное право на премію предоставляется сочиненіямъ по логикѣ. Въ 1897 г. докторомъ философіи Н. Н. Ланге былъ представленъ на конкурсъ учебникъ логики въ рукописи, который особой коммиссіей, гдѣ принималъ участіе извѣстный русскій ученый, профессоръ Каринскій, былъ удостоенъ малой преміи. Извѣстіе это вызвало, естественно, живой интересъ къ новому руководству среди преподавателей логики въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Теперь этотъ учебникъ отпечатанъ и появился въ продажѣ. „Учебникъ логики" проф. Ланге не представляетъ труда вполнѣ самостоятельнаго: какъ заявляетъ онъ самъ въ предисловіи, это—переработка и сокращеніе „Логики" Зигварта. Бывшій профессоръ философіи въ Тюбингенѣ Христофоръ—Вильгельмъ Зигвартъ принадлежитъ къ новѣйшей школѣ логиковъ, оказавшей крупныя услуги наукѣ: главная заслуга этой школы въ томъ, что она выяснила истинный смыслъ силлогизма, который послѣ критики представителями „логики открытій", начиная съ Бекона и кончая извѣстнымъ мыслителемъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ (его главное сочиненіе по логикѣ „Система логики" выходитъ теперь выпусками въ новомъ переводѣ на русскій языкъ) потерялъ было свое значеніе, указанное уже Аристотелемъ, и тѣмъ

объединила на общей основѣ дедукцію и индукцію, до того взаимно враждовавшихъ.

Впрочемъ, проф. Ланге не во всемъ придерживается взглядовъ нѣмецкаго ученаго: мѣстами онъ принимаетъ во вниманіе труды другихъ изслѣдователей новѣйшей школы, особенно классическое сочиненіе профессора Каринскаго „Классификація выводовъ", вліяніе котораго замѣтно, напр. въ 3-й главѣ 2-й части учебника—въ изложеніи теоріи силлогизма. Другія отступленія отъ Зигварта, хотя и не всѣ, составитель самъ указалъ въ предисловіи.

Во взглядахъ на логику существуетъ въ настоящее время два направленія. Одни видятъ въ ней науку о формахъ и законахъ мышленія, отводя видное мѣсто ассоціаціямъ; этой точки зрѣнія придерживаются нѣкоторые англійскіе логики, а среди русскихъ Н. Я. Гротъ („Къ вопросу о реформѣ логики" 1880 г.). Другіе, къ числу которыхъ у нѣмцевъ относятся Зигвартъ и лучшіе современные изслѣдователи, а въ Россіи почти всѣ ученые, признаютъ въ логикѣ лишь науку о доказательствѣ.

Г. Ланге въ введеніи опредѣляетъ логику какъ науку, указывающую условія, при которыхъ достигается мышленіемъ сознаніе разумной обязательности нашихъ сужденій (ст. 21). Онъ вездѣ тщательно избѣгаетъ ошибки, свойственной представителямъ перваго взгляда,—смѣшенія логики съ психологіей: такъ, напр., имъ вполнѣ справедливо отвергается Кантовское дѣленіе сужденій по модальности [1]) на проблематическія, ассерторическія и аподиктическія (стр. 81—85).

---

[1]) Въ обстоятельной статьѣ о Кантѣ, помѣщенной въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона (т. 14) и принадлежащей перу извѣстнаго философа Владиміра Соловьева, это ученіе Канта смѣшано со взглядомъ Аристотеля («Органонъ»): Кантъ въ «трансцендентальной аналитикѣ» говоритъ о сужденіяхъ, выражающихъ возможность или необходимость самаго акта сужденія, а не о сужденіяхъ, устанавливающихъ между субъектомъ и предикатомъ связь возможную или необходимую.

Книга г. Ланге состоитъ помимо введенія, гдѣ онъ обстоятельно выясняетъ предметъ логики, ея задачу и пользу, изъ трехъ частей.

Въ первой части предлагается анализъ сущности и формъ сужденія.

Мнѣнія ученыхъ о природѣ сужденія различны. Кантъ понимаетъ сужденіе какъ актъ синтеза, объединенія, совпаденія субъекта съ предикатомъ. Другіе, напр. Шлейермахеръ и Лотце, въ логическомъ подлежащемъ видятъ субстанцію, а въ логическомъ сказуемомъ—ея аттрибуты другими словами, сужденіе у нихъ является раскрытіемъ содержанія субъекта. Наконецъ, многіе изъ приверженцевъ формальной логики усматривали въ сужденіи подведеніе субъекта подъ предикатъ, т. е. выраженіе отношенія между объемами понятій (Фр. Фишеръ, отчасти Гегель) [2].

Въ учебникѣ г. Ланге на сужденіе проводится взглядъ, близкій къ воззрѣнію родоначальника современной философіи.

Сущность сужденія, какъ синтеза подлежащаго съ сказуемымъ, выясняется авторомъ при разборѣ различныхъ видовъ описательныхъ (иначе—реальныхъ) сужденій. Оказывается, что въ сужденіяхъ о свойствахъ и дѣйствіяхъ предметовъ (напр. „эта болѣзнь опасна") г. Ланге усматриваетъ помимо синтеза подлежащаго съ сказуемымъ еще въ самомъ подлежащемъ («эта болѣзнь») синтезъ, составляющій вмѣстѣ съ упомянутымъ синтезомъ дѣло одного и того-же сужденія. Тѣ разъясненія, которыя даются по этому вопросу въ учебникѣ (ч. I. гл. 2, § 3), намъ кажутся совершенно неубѣдительными.

Въ подлежащемъ: „эта болѣзнь" г. Ланге видитъ „сокращенное сужденіе [3]) наименованія": „это есть болѣзнь".

---

[2]) Послѣднія психологическія изслѣдованія природы перцепціи примиряютъ это разногласіе (Von der Habelentz).

[3]) Соотвѣтствующій этому логическому термину грамматическій терминъ тоже неправиленъ: «Одно изъ двухъ: или извѣстный отрывокъ рѣчи есть предложеніе, и тогда онъ заключаетъ въ себѣ личный глаголъ, хотя бы и опущенный, или онъ не есть предложеніе, а только его часть». (Потебня. «Изъ записокъ по русской грамматикѣ». Изд. 2, стр. 118).

Между тѣмъ это вещи, совершенно различныя: въ сужденіи это есть болѣзнь дѣйствительно происходитъ синтетическій актъ сліянія субъекта съ предикатомъ; въ субъектѣ-же эта болѣзнь мы сознаемъ лишь единство представленія, какъ результатъ, добытый раньше, быть можетъ задолго, синтетическимъ актомъ.

Тоже самое мы должны сказать и по поводу сужденія объ отношеніяхъ между вещами (напр. „эта гиря вдвое тяжелѣе той гири"), въ которомъ г. Ланге видитъ три синтеза: два синтеза заключаются въ томъ, что „каждая изъ сопоставляемыхъ вещей мыслится нами какъ единство" (стр. 50). Но это именно и говоритъ о томъ, что мысля каждую изъ двухъ сравниваемыхъ въ актѣ сужденія вещей, мы имѣемъ дѣло съ представленіями (или понятіями), но никакъ не совершаемъ двухъ особыхъ синтетическихъ актовъ.

Чтобы еще яснѣе обнаружить отсутствіе побочныхъ синтезовъ въ упомянутыхъ сужденіяхъ, попытаемся замѣнить субъектъ эта болѣзнь однимъ словомъ тифъ, а выраженія эта гиря и та гиря собственными названіями ихъ геркулесъ и лиллипутъ: „тифъ опасенъ", „геркулесъ вдвое тяжелѣе лиллипута". Черезъ такую замѣну сужденіе эта болѣзнь опасна не перешло изъ разряда сужденій о свойствахъ вещи въ разрядъ сужденій наименованія предметовъ, и сужденіе эта гиря вдвое тяжелѣе той гири—изъ вида сужденій объ отношеніяхъ между вещами въ видъ сужденій наименованія, заключающихъ, по мнѣнію г. Ланге, одинъ только синтезъ--между субъектомъ и предикатомъ. А между тѣмъ теперь ужъ никакъ нельзя видѣть въ субъектѣ тифъ (сужденіе „тифъ опасенъ") особый синтезъ, и въ словахъ геркулесъ, лиллипутъ (сужденіе „геркулесъ вдвое тяжелѣе лиллипута")—два отдѣльные синтеза.

Далѣе, проф. Ланге, выясняя сужденія о существованіи вещей (напр. „солнце существуетъ"), видитъ въ нихъ „ничто иное, какъ сужденія отношенія, а именно сужденія объ отношеніи данной вещи (солнца) ко мнѣ, какъ познающему" (стр. 51). Почтенный ученый нигдѣ не говоритъ о томъ, сколько синтезовъ онъ видитъ въ сужденіи существо-

ванія; но изъ этого отожествленія сужденій существованія съ сужденіями отношенія мы имѣемъ полное право заключить, что и въ сужденіяхъ о существованіи авторъ видитъ три синтеза. Но тогда путемъ какого же анализа можно открыть эти три синтетическихъ акта мыслительной дѣятельности въ сужденіи „солнце существуетъ"?

Самъ составитель учебника въ дальнѣйшемъ ученіи вездѣ говоритъ лишь объ одномъ синтетическомъ актѣ въ сужденіи, но никакъ не о двухъ и не о трехъ синтезахъ. Мѣстами онъ противорѣчитъ своимъ словамъ о двойномъ и тройномъ синтезѣ, иной разъ съ рѣшительностью упраздняя первоначально высказанный взглядъ. Такъ говоря ниже о происхожденіи аналитическихъ сужденій (напр. „это вино кисло") онъ насчитываетъ три ступени въ процессѣ возникновенія сужденія: 1) сложное воспріятіе (видъ вина, его запахъ, вкусъ); 2) его разложеніе на два элемента; 3) наконецъ, сложеніе, синтезъ этихъ элементовъ въ сужденіе, въ которомъ одинъ элементъ составляетъ логическое подлежащее (это вино), а другой—логическое сказуемое (кисло) (стр. 60—61). Это описаніе процесса образованія сужденія какъ нельзя лучше указываетъ, что въ сужденіи о свойствахъ предметовъ: „это вино кисло" есть мѣсто лишь одному синтетическому акту, тому, которымъ объединяется въ мысли подлежащее со сказуемымъ [4]).

Вторая часть „Учебника логики" распадается на два отдѣла: ученіе о понятіяхъ и теорія выводовъ (умозаключеній).

Слѣдуя взглядамъ новѣйшей школы, проф. Ланге строго и съ рѣдкою наглядностью разграничиваетъ понятіе и общее представленіе, что среди русскихъ ученыхъ впервые было подмѣчено покойнымъ А. А. Петебней („Мысль и

---

[4]) Отвергая возможность многихъ синтезовъ при образованіи сужденія, я не отрицаю наличности синтезовъ въ представленіяхъ, составляющихъ сужденіе; но говорю лишь, что послѣдняго рода синтезы нельзя отожествлять съ синтезомъ, образующимъ сужденіе, такъ какъ это синтезы разнокачественные.

языкъ" въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1862 г.) [5]).

Въ основу изслѣдованія о выводахъ положено изученіе хода мысли, выводящей заключеніе, а не характеръ посылокъ, что дѣлаетъ Аристотель въ ученіи о фигурахъ и модусахъ, а вслѣдъ за нимъ и представители формальной логики.

Въ третьей части книги г. Ланге излагаются начатки методологіи, иными словами методы обработки понятій (анализъ и синтезъ, абстракція и детерминація, дефиниція, классификація), дедукція и индукція.

Логическая обязательность индуктивныхъ выводовъ обосновывается въ руководствѣ, согласно ученію Дж. Ст. Милля, на постулатѣ познаваемости, иначе говоря, на вѣрѣ въ единообразный порядокъ явленій въ природѣ.

Изъ четырехъ основныхъ методовъ Милля проф. Ланге излагаетъ лишь три: методъ остатковъ совсѣмъ не упоминается.

Изъ сдѣланныхъ нами указаній при краткомъ обзорѣ содержанія новаго труда по логикѣ, видно, что „Учебникъ Логики" проф. Ланге стоитъ на высотѣ современнаго состоянія науки. Въ изложеніи имъ строго выдержана опредѣленная точка зрѣнія на познаваемый нами міръ: онъ нигдѣ не измѣняетъ субъективному пониманію бытія, начало котораго т. е. пониманія положено „Критикой чистаго разума" Канта, провозгласившаго, что міръ познается умомъ лишь настолько, насколько онъ создается имъ-же. Поэтому обычное опредѣленіе ощущенія, какъ состоянія сознанія, вызваннаго раздраженіемъ конечныхъ органовъ чувствительныхъ нервовъ, устраняется въ руководствѣ.

Таковы достоинства лежащей передъ нами книги со стороны содержанія.

Посмотримъ на изложеніе и слогъ „Учебника Логики».

Изложеніе книги обладаетъ значительными достоинствами, что проявляется какъ въ распредѣленіи научнаго матеріала, такъ и въ словесной формѣ его выраженія.

---

[5]) Это замѣчательное изслѣдованіе перепечатано отдѣльной книгой въ 1892 г. въ Харьковѣ, (см. 139—177 стр.).

Планъ книги отличается рѣдкою наглядностью, такъ сказать, прозрачностью: внимательный читатель всякій моментъ можетъ отдать себѣ отчетъ, гдѣ находится его мысль какіе этапы пройдены уже ею и что за путь предстоитъ ей еще совершить, судя по заранѣе указаннымъ вѣхамъ. Съ этою цѣлью авторъ не скупится на краткое повтореніе хода мыслей въ прошломъ изложеніи (recapitulatio); возстановляетъ въ памяти читателя добытые раньше результаты разсужденій, когда на нихъ должны строиться дальнѣйшія части изслѣдованія, подводитъ итоги и намѣчаетъ задачи, причемъ каждый новый шагъ является строго обоснованнымъ и логически необходимымъ [6]). И эта связность не ограничивается одною формою изложенія, придавая книгѣ лишь внѣшнюю цѣльность: такою-же органичностью отличается и содержаніе учебника,—послѣдующее въ немъ вытекаетъ изъ предыдущаго, на предыдущее опирается послѣдующее.

Словомъ, и въ распредѣленіи мыслей это руководство настолько-же удовлетворяетъ требованіямъ научнаго компендіума, какъ и въ выборѣ матеріала.

По языку „Учебникъ логики" представляетъ въ нашей педагогической литературѣ явленіе незаурядное: при всей своей точности, ясности и правильности слогъ книги чуждъ безцвѣтности, скучнаго однообразія и бездушной неподвижности обычнаго типа школьныхъ руководствъ.

Вслѣдствіе полнаго соотвѣтствія между мыслью и языкомъ, гармоніи содержанія съ формой, читатель, привыкшій къ чтенію научныхъ работъ и разбирающійся въ вопросахъ философскаго характера, въ иныхъ мѣстахъ книги, тамъ, гдѣ излагается болѣе или менѣе длинная цѣпь мыслей, испытываетъ прямо-таки наслажденіе, слѣдя за ясной, живой, прочно обоснованной и прямо идущей къ намѣченному пункту мыслью.

Сказаннымъ однако задача наша далеко еще не исчерпана: въ виду цѣли, намѣченной авторомъ,—дать учебникъ для учениковъ VIII класса гимназіи, и присужденія ему

[6]) Въ меньшей мѣрѣ органической связью отдѣловъ отличается первая часть книги.

преміи, учрежденной для учебныхъ книгъ, мы обязаны выяснить, въ какой степени новое руководство, при всѣхъ своихъ научныхъ достоинствахъ, удовлетворяетъ потребностямъ среднеобразовательной школы.

На этотъ вопросъ мы рѣшительно отвѣчаемъ: при нынѣшней постановкѣ логики въ гимназіяхъ, книга проф. Ланге совершенно непригодна въ качествѣ гимназическаго учебника. Самая большая доля пользы, какую можетъ оказать эта книга учащемуся,—это въ качествѣ пособія въ рукахъ лучшихъ учениковъ.

Профессоръ хорошо знаетъ студента, и для университетской аудиторіи его „Учебникъ логики" представляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе; но съ гимназистомъ г. Ланге близко не знакомъ. Прежде всего въ словесномъ изложеніи книги авторъ нигдѣ не выказываетъ попытки спуститься до уровня пониманія ученика VIII класса, вѣроятно, будучи увѣренъ, что гимназистъ самъ поднимется до пониманія учебника. И мы не рѣшаемся сказать, чтобы слогъ и пріемы формулировки мысли въ книгѣ г. Ланге были совершенно недоступны ученику старшаго класса гимназіи. Но для того, чтобы 18-лѣтній гимназистъ былъ въ силахъ усвоить содержаніе учебника, нужно самому учителю переработать съ классомъ многое въ учебникѣ.

Для подтвержденія послѣдняго я приведу одно мѣсто, которое можетъ служить типическимъ образцомъ изложенія новой книги. Для условнаго вывода при помощи подведенія дается такая формула (стр. 122):

Если нѣчто есть A, оно есть и D.
X есть A.
слѣдовательно X есть D.

Къ этой формулѣ дано два примѣра, изъ которыхъ мы возьмемъ только первый, менѣе трудный.—„Если два любыхъ плоскихъ треугольника имѣютъ равныя стороны, то и углы равны; стороны треугольниковъ ABC и $A_1B_1C_1$ равны; слѣдовательно и углы A и A_1, B и B_1, C и C_1 равны" (стр. 123). Чтобы ученикъ понялъ, что данный при-

мѣръ подходитъ подъ выписанную выше формулу вывода,—необходимо, чтобы примѣръ въ классѣ былъ предварительно переработанъ въ такой видъ: „Если два любыхъ плоскихъ треугольника имѣютъ равныя стороны, то они имѣютъ и равные углы; треугольники ABC и $A_{\prime}B_{\prime}C_{\prime}$ имѣютъ равныя стороны; слѣдовательно треугольники ABC и $A_{\prime}B_{\prime}C_{\prime}$ имѣютъ и равные углы".—Кто знаетъ школу, тотъ пойметъ, сколько времени потребуется для того, чтобы классомъ была выполнена продѣланная выше задача подведенія частнаго примѣра подъ общую формулу. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ цитатъ, приводимыхъ въ различныхъ мѣстахъ нашей рецензіи, читатель можетъ видѣть, что учебникъ г. Ланге написанъ языкомъ въ большинствѣ случаевъ отвлеченнымъ, соотвѣтствующимъ кругу идей, въ сущности, совершенно незнакомыхъ ученику. А вотъ чего стоитъ изученіе такой книги въ школѣ: „Если дать прочесть страницу какого-нибудь философскаго сочиненія ученику или человѣку совершенно несвѣдущему въ этомъ предметѣ, они не поймутъ въ ней ничего. Единственный способъ для нихъ, чтобы уразумѣть ее, состоитъ въ томъ, чтобы перебрать одно за другимъ всѣ общіе или отвлеченные термины и перевести ихъ на конкретныя событія, на факты ежедневнаго опыта. Такая работа займетъ часъ или больше. По мѣрѣ того, какъ новичокъ дѣлаетъ успѣхи, переводъ совершается быстрѣе, для нѣкоторыхъ терминовъ онъ оказывается даже излишнимъ, и позднѣе, чтобы понять такую-же страницу, тому же лицу достаточно будетъ нѣсколькихъ минутъ" (Т. Рибо. „Эволюція общихъ идей». Пер. Спиридонова. М. 1898. Стр. 191).

Если-же принять въ расчетъ, что книга г. Ланге заключаетъ 230 страницъ, правда, малаго формата, то ясно станетъ, что прохожденіе курса логики по настоящему учебнику возможно было-бы лишь при двухъ недѣльныхъ урокахъ, между тѣмъ какъ въ мужскихъ гимназіяхъ отводится теперь лишь одинъ урокъ (25 часовъ въ годъ).

Профессоръ нерѣдко совершенно забываетъ, что онъ обращается не къ студентамъ, прослушавшимъ курсъ логики въ гимназіи, а къ ученикамъ, совершенно незнакомымъ съ его наукой.

Онъ употребляетъ такіе спеціально логическіе термины, какъ родъ и видъ (стр. 48), содержаніе и объемъ понятія, представленіе, сужденіе, силлогизмъ, долго не давая имъ объясненія, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже совсѣмъ не опредѣляя. Напр., содержаніе понятія объяснено только на 186 стр., (понятіямъ же посвящены стр. 104—112), силлогизмъ—на стр. 176, въ части III, между тѣмъ какъ теорія силлогизма подробно изложена имъ въ части II. Авторъ какъ будто даже старается вводить новые термины незамѣтно, не останавливая на нихъ вниманія читателя: такъ онъ вводитъ термины „сужденіе“ (ст. 23) и „представленіе“ (стр. 31), ссылаясь на раньше данныя опредѣленія мышленія, между тѣмъ какъ въ этихъ опредѣленіяхъ нѣтъ ни того, ни другого слова. Особенно неловко вышло съ употребленіемъ термина „представленіе“; на 31 стр. онъ видитъ дѣятельность мышленія въ установленіи „связей между представленіями“, при чемъ дѣлаетъ ссылку на 14 стр., гдѣ называетъ мышленіе сознаніемъ „связей между ощущеніями или воспоминаніями“). Ученикъ имѣетъ право думать, что представленія тождественны съ ощущеніями и воспоминаніями. Въ этомъ случаѣ г. Ланге отступаетъ отъ логическаго правила выдвигаемаго имъ самимъ на стр. 107: „для того, чтобы наши сужденія, какъ синтезъ представленій, получили необходимую основательность, представленія должны подвергнуться особой логической обработкѣ, дѣлающей ихъ опредѣленными и неизмѣнными, иначе говоря, общія представленія должны быть превращены въ понятія“.

Послѣ общей характеристики „Учебника логики“ мы позволимъ себѣ приступить къ разбору отдѣльныхъ частностей, не обратившихъ на себя вниманія коммиссіи, присудившей проф. Ланге премію.

А. Отдѣльныя мысли:

1) Стр. 9. „Отличіе сумасшедшаго отъ человѣка, въ здравомъ умѣ находящагося,—въ умѣ, а не въ ощущеніяхъ: и тотъ и другой видятъ, но первый вѣритъ всему, что онъ

видитъ, а второй, если-бы ему что нибудь и привидѣлось, этому не повѣритъ; иначе говоря, разница въ томъ, что одинъ мыслитъ неправильно, а другой мыслитъ правильно".— Отличіе здороваго умомъ человѣка отъ галлюцинирующаго сумасшедшаго заключается не въ одномъ умѣ, но еще больше въ ощущеніяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ художники слова, лучшіе знатоки человѣческаго духа. Вспомнимъ Поприщина: въ первой-же записи своего дневника, когда его сумасшествіе только зарождалось, онъ заноситъ: „признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда видѣть и слышать такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ" (разговоръ собачекъ, ихъ переписку) („Записки сумасшедшаго" Гоголя). Прочтите „Разсказъ отца Алексѣя" Тургенева или еще лучше послѣднюю повѣсть наиболѣе популярнаго изъ современныхъ беллетристовъ Потапенка „Свѣтлый лучъ", гдѣ изображается сходящій съ ума врачъ, который прекрасно различаетъ реальный міръ и свои галлюцинаціи и старается изучить природу послѣднихъ: „Суть именно въ томъ,—говоритъ онъ, что эти явленія (возникающіе предъ нимъ послѣдовательно (змѣйка и юнкеръ) ничѣмъ не связаны; они также не связаны съ обстановкой комнаты. Столъ самъ по себѣ, реальный столъ, и стулья, и буфетъ, они такъ и остаются реальными. И я отлично понимаю разницу между реальнымъ столомъ и нереальными юнкеромъ и змѣйкой... Я ни на минуту не заблуждаюсь". („Русское Богатство" 1898 г. № 3, стр. 43). Въ указанныхъ случаяхъ симптомомъ сумасшествія является упорный обманъ ощущеній, непобѣдимый никакими разсужденіями, такъ какъ послѣднія опираются въ концѣ концовъ на ощущенія, ими-же провѣряются. Но вотъ свидѣтельство человѣка науки: „Если при провѣркѣ ошибочныхъ ощущеній, не возникаетъ сомнѣнія и продолжается взаимодѣйствіе съ внѣшнимъ міромъ, то неизбѣжна гибель. Поэтому-то сумасшедшіе стоятъ внѣ борьбы за существованіе".—(Гефдингъ. „Очерки психологіи, основанной на опытѣ". Москва. 1892 г. Стр. 239).

2) Стр. 12. „Возстановленное ощущеніе имѣетъ уже иныя свойства, чѣмъ первоначальное: именно оно можетъ

быть нами произвольно вызвано" и т. д.—Прежде всего, возстановленное ощущеніе не приходится вызывать, такъ какъ оно уже возстановлено, вызвано. Далѣе, вызвать воспоминаніе, вспомнить что-нибудь не всегда бываетъ возможно. Наконецъ, возстановить можно бываетъ и первоначальное ощущеніе; иначе не было бы и воспоминаній.

3) Стр. 13. „Воспоминанія могутъ слѣдовать одно за другимъ въ силу сходства или смежности".—Многочисленные-же примѣры („испытывая горе", и „созерцая горный пейзажъ", „входя въ старый домъ", „видя яблоко"), выясняющіе законы ассоціацій воспоминаній, говорятъ лишь о томъ, какъ воспоминанія вызываются впечатлѣніями дѣйствительности, реальными представленіями, чего авторъ вовсе не упоминаетъ въ учебникѣ.

4) Стр. 13. „Евгеній Онѣгинъ" Пушкина принято называть не „поэмой", а романомъ, и обычное названіе этого произведенія можетъ быть оправдано не только правилами теоріи словесности, но и ссылками на самого поэта: напр., въ оставшемся ненапечатаннымъ при жизни Пушкина собственноручномъ предисловіи его къ VIII (уничтоженной потомъ) и IX главамъ „Онѣгинъ" названъ романомъ („Сочиненія Пушкина" въ изд. Поливанова, т. IV, стр. 177); да и въ самомъ произведеніи есть о немъ стихи:

...Даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще неясно различалъ.

5) Стр. 14. „Сознаніе отношеній и связей между ощущеніями или воспоминаніями мы называемъ мышленіемъ".—Здѣсь дано недостаточно полное опредѣленіе мышленія: слѣдовало бы указать также на связь между ощущеніями и воспоминаніями, что необходимо и для пониманія приведеннаго ниже примѣра.

6) Стр. 33. „Грамматическія представленія не всегда соотвѣтствуютъ логическимъ, ибо языкъ нерѣдко пользуется одинаковыми формами для выраженія разнаго рода представленій (напр. существительными для выраженія какъ ве-

щей, такъ и дѣйствій: отглагольныя [7]) существительныя)". Примѣръ неудаченъ: прекрасно говоритъ Гейзе: „Грамматическое различіе между существительными конкретными и абстрактными основано на томъ, признается-ли субстанціальность реальною, т. е. объективно существующею въ дѣйствительности, или только идеальною, т. е. формою, которая придана мыслью чему-то, что само по себѣ самостоятельно". (Heyse System der Sprachwissenschaft. Берлинъ. 1856. § 186. см. объ этомъ также въ „Запискахъ по русской грамматикѣ" Потебни въ главѣ „члены предложенія и части рѣчи").

7) Стр. 53. „Для сужденія о существованіи матеріальныхъ вещей нужно, чтобы я былъ убѣжденъ, что то, что вижу и вообще ощущаю, не суть мои галлюцинаціи. Это убѣжденіе заключается въ увѣренности, что мои глаза и вообще органы чувствъ нормальны или здоровы, т. е. дѣйствуютъ такъ же, какъ у другихъ людей, что и другіе люди увидятъ, при такихъ условіяхъ, то же, что я. Эта мысль есть мысль объ отношеніи, именно объ отношеніи совпаденія моей чувствительности съ чувствительностью прочихъ людей. Въ этомъ смыслѣ, сужденіе о существованіи есть сужденіе, основанное на сознаніи отношенія".—Но вѣдь то, что здѣсь г. Ланге приписываетъ сужденіямъ о существованіи, свойственно всѣмъ сужденіямъ, и всѣ другія описательныя сужденія (напр. сужденія наименованія) имѣютъ не меньшее право считаться сужденіями отношенія въ указанномъ смыслѣ. Это г. Ланге повторяетъ съ настойчивостью нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ книги; съ этой точки зрѣнія онъ основательно отвергаетъ Кантовское дѣленіе сужденій по модальности, заканчивая свое опроверженіе слѣдующимъ выводомъ: „Всякое фактическое сужденіе, разъ оно говоритъ объ объективной истинѣ, не есть простое личное ощущеніе или воспріятіе даннаго лица, но мысль разумная, т. е. обязательная для всякаго разумнаго существа, отрицаніе которой невозможно". (Стр. 84—85).

---

[7]) Въ книгѣ опечатка: «отлагательныя».

8) Стр. 62. „Если я уже имѣю сложное представленіе, состоящее изъ элементовъ A, B, C, D, находящихся между собою въ извѣстномъ отношеніи, то, явно, я могу выдѣлить изъ этого сложнато представленія одинъ элементъ напр. A, и сдѣлать его логическимъ подлежащимъ, которому прочіе элементы будутъ служить логическимъ сказуемымъ. Такъ напр., если я имѣю сложное представленіе о треугольникѣ (геометрическая плоская, замкнутая фигура, три угла, три стороны), то простымъ анализомъ этого представленія могу получить сужденія: треугольникъ имѣетъ три стороны, треугольникъ есть замкнутая геометрическая фигура, и т. д.“. Въ приведенныхъ примѣрахъ выдѣленный анализомъ элементъ служитъ логическимъ сказуемымъ, и логическимъ подлежащимъ является не выдѣленный элементъ и даже не прочіе элементы, а сложное представленіе (треугольникъ).

9) Стр. 75. „Сужденіе: мхи, водоросли и грибы есть тайнобрачныя растенія предполагаетъ, что я сознаю сходство мховъ, водорослей и грибовъ въ ихъ логическомъ сказуемомъ. Если-же далѣе, и сами логическія подлежащія обозначены однимъ именемъ, то такая формула предполагаетъ сознаніе уже двойнаго сходства: и подлежащихъ и сказуемыхъ“.

Изъ этихъ объясненій мы не видимъ, въ чемъ же логическое различіе сужденій первой формулы отъ сужденій второго вида: и въ первомъ сужденіи выражается, кромѣ сознанія отмѣченнаго г. Ланге сходства подлежащихъ въ ихъ логическомъ сказуемомъ, ужъ, конечно, и сознаніе сходства логическихъ сказуемыхъ, объединенныхъ однимъ представленіемъ.

10) Стр. 131. „Первый изъ этихъ выводовъ, очевидно, тождественъ съ категорическими выводами, разсмотрѣнными нами выше подъ №№ 1 а и 2 а, второй же съ выводами №№ 1 б и 2 б (измѣнены только символическія буквы)“. На самомъ дѣлѣ формулы, данныя подъ №№ 1 а и 2 а, 1 б и 2 б (стр. 126 и 127) отличаются не только символическими буквами, но и всѣмъ своимъ видомъ отъ формулъ, приведенныхъ на стр. 131: однѣ формулы—кате-

горическаго вывода, а другія—условнаго; вслѣдствіе этого и логическое тождество тѣхъ и другихъ формулъ не очевидно, хотя оно несомнѣнно. На стр. 126 и 127 необходимо было бы для ясности помѣстить формулы категорическаго силлогизма и потомъ уже превратить ихъ въ формулы условнаго вывода. Тогда не пришлось бы и въ дальнѣйшемъ изложеніи (напр. стр. 201, 202) дѣлать ссылокъ на формулы отвергнутаго г. Ланге ученія о фигурахъ.

В. Замѣчанія о частностяхъ изложенія.

Такъ какъ изложеніе учебника во всѣхъ отношеніяхъ, напр. по формулировкѣ правилъ, по выбору примѣровъ употребленіе терминовъ, должно отличаться особенной тщательностью и продуманностью, то и по поводу этой стороны книги мы считаемъ своей обязанностью въ качествѣ рецензента педагогическаго журнала, помимо общей оцѣнки изложенія, данной нами выше, представить свои частныя замѣчанія.

а) Непослѣдовательность:

1) Стр. 44—45. „Примѣрами сужденій наименованія могутъ служить слѣдующія: это—яблоко, этотъ цвѣтокъ—роза“.

Въ дальнѣйшемъ-же разъясненіи указаннаго рода сужденій примѣрами являются предложенія: это огонь, это роза. Примѣръ этотъ цвѣтокъ роза для г. Ланге вовсе неудобенъ, такъ-какъ въ немъ онъ долженъ бы признать не смотря на то, что это—сужденіе наименованія, два синтеза (одинъ синтезъ—въ сложномъ представленіи этотъ цвѣтокъ, подобномъ представленію эта болѣзнь).

2) Стр. 61. Напрасенъ подмѣнъ примѣра это вино кисло сужденіемъ эта жидкость кисла.

3) Стр. 67. „Въ сужденіяхъ утвердительныхъ мы имѣли три элемента: подлежащее, сказуемое и ихъ связь“. Это напоминаніе является неожиданностью: раньше въ учеб-

никѣ говорилось все о двухъ элементахъ—подлежащемъ и сказуемомъ.

4) Стр. 158. Приводится чисто логическій терминъ petitio principii, объясненный лишь на стр. 208.

б) Ненужныя повторенія:

5) На стр. 41 приведены годы рожденія и смерти Канта; на стр. 10 и 64 снова выставленъ годъ смерти кенигсбергскаго мыслителя.

6) Годъ смерти Джона Стюарта Милля дважды отмѣченъ: на стр. 28 и 157.

7) На стр. 99 изложено дѣленіе сужденій по количеству и качеству; на стр. 135 тоже самое снова разъясняется; на 42 стр. также говорится отчасти о томъ-же.

8) На стр. 221 есть излишнее повтореніе того, что выяснялось раньше въ особомъ параграфѣ о постулатѣ познаваемости. (Ч. III, гл. 1, § 2).

в) Примѣры:

9) Стр. 37. „Такъ напр. фактъ, выражаемый въ аксіомѣ, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе, есть основаніе цѣлаго ряда фактовъ, выражаемыхъ во множествѣ геометрическихъ теоремъ".— Примѣръ долженъ быть конкретенъ, а въ такомъ общемъ видѣ онъ заставляетъ вспомнить прекрасныя слова современнаго французскаго психолога, къ сожалѣнію часто оправдываемыя нашей средней школой, имѣющей дѣло со словами и словами: „Подобно тому какъ бумажка—символъ, если она въ концѣ концовъ не обратима въ предметы потребленія, необходимые или излишніе, является положительнымъ ничто, котораго можно сколько угодно набрать въ кассу, владѣя лишь видимостью,—точно такъ-же, если самые высокіе символы абстракціи несводимы къ даннымъ опыта, можно, какъ это часто случается, накоплять, нагромождать массы понятій и быть постоянно въ состояніи умственнаго банкротства". (Т. Рибо. „Эволюція общихъ идей". Стр. 161).

10) Въ силу тѣхъ-же соображеній неудобно отсутствіе примѣровъ, замѣчаемое напр., на стр. 35 (для видоизмѣненія дѣятельностей) и 36 (для представленій, какъ объ отношеніяхъ временныхъ, такъ и объ отношеніяхъ различія).

11) Нѣкоторые примѣры недоступны для учениковъ, напр., примѣры, взятые изъ формулъ высшей математики: см. стр. 180, 192—193.

В. Языкъ.

Языкъ учебника долженъ быть образцомъ точности, ясности и правильности. Безъ этого пониманіе книги, написанной непривычнымъ для школы слогомъ, оказалось бы еще затруднительнѣе. Съ другой стороны, для ученика этотъ языкъ является регуляторомъ при выработкѣ собственной рѣчи, которою ему приходится выражать свои мысли о предметахъ, изучаемой по руководству науки. Наконецъ, недостатки школьнаго руководства легко усваиваются учащимися. Этими мотивами вызваны наши послѣдующія замѣчанія о языкѣ новой книги, общій характеръ котораго уже опредѣленъ нами.

1) Стр. 7. „Дѣйствительныя вещи вовсе не похожи на наши субъективныя ощущенія". Выраженіе совсѣмъ неудобно въ виду того, что рѣчь идетъ о вещахъ, такъ сказать несоизмѣримыхъ.

2) Стр. 14. „Видя яблоко, я вспоминаю его вкусъ, потому что оба факта постоянно наблюдалъ вмѣстѣ".— Слово наблюдалъ неумѣстно, такъ какъ предполагаетъ произвольное, здѣсь до нѣкоторой степени даже систематическое, („постоянно") устремленіе вниманія.

3) Стр. 23. „Какъ въ логическомъ мышленіи, такъ и въ нравственномъ поведеніи передъ нами стоитъ выборъ, мы можемъ поступать и иначе, если-бы"...—Глаголъ „поступать" не выражаетъ проявленія мыслительной дѣятельности.

4) Стр. 36. Представленія раньше и позже должны быть отнесены къ временнымъ, а не пространственнымъ.

Наоборотъ, терминъ вмѣстѣ (стр. 50) долженъ быть замѣненъ словомъ одновременно, разъ нужно обозначить хронологическую совмѣстность явленій.

5) Стр. 36. „А, какъ цѣлое, больше чѣмъ Б, какъ своей части“.—Синтаксически неправильно: Б—именительный падежъ, а части, его приложеніе,—родительный.

6) Стр. 39. „Общее (представленіе) представляетъ“... Такое сочетаніе не только словъ, но и понятій неудобно и неправильно такъ-же, какъ „сужденіе судитъ“, „выводъ выводитъ“ и т. д.

7) Стр. 39. „Абстрактное представляетъ то, что свойственно какой-нибудь вещи, но отвлеченно (абстрактно) отъ самой вещи, отрѣшенно отъ предметовъ“.—По требованію смысла слова отвлеченно, отрѣшенно должны быть здѣсь принимаемы за причастія, а не прилагательныя и потому въ начертаніи ихъ должно быть одно Н; вмѣстѣ съ тѣмъ прилагательное абстрактно нужно-бы замѣнить причастіемъ абстрагировано.

8) На стр. 68 употребленъ терминъ „сужденія разъяснительныя“, между тѣмъ какъ раньше стоитъ все „сужденія объяснительныя“. Здѣсь авторъ противорѣчитъ собственнымъ же требованіямъ: „Для полученія истинныхъ сужденій представленія, входящія въ ихъ составъ, должны быть вполнѣ опредѣленны, постоянны, обозначаемы, всегда въ тѣхъ-же терминахъ“ (стр. 103).

9) Стр. 75—76. „Когда мы находимъ такой признакъ всѣхъ тѣхъ N, которыя суть P, тогда наши сужденія получаютъ наибольшее логическое совершенство и выражаются въ формулѣ всѣ N суть P“.—Въ формулѣ буква N стоитъ неправильно, потому что не всѣ N имѣютъ P, а лишь одинъ опредѣленный видъ понятія N, который (видъ) долженъ бы быть обозначенъ, какою-нибудь другою буквою, но не N.

10) Стр. 80. Названіе „множественныя сужденія о составѣ подлежащаго“ вслѣдствіе своей неясности лучше замѣнить терминомъ „множественныя сужденія о совокупности подлежащаго“.

11) Стр. 89. „Обусловливающій фактъ можетъ существовать въ той-же вещи, какъ фактъ обусловленный".— Союзъ какъ легко можетъ быть понятъ въ смыслѣ подобно.

12) Стр. 94. „Обѣ половины условнаго сужденія, то есть условіе и слѣдствіе, сами по себѣ, по отдѣльности взятыя, не суть сужденія, ибо ни одно изъ нихъ не выражаетъ дѣйствительности: суждeніе если A есть B, то C есть D вовсе не указываетъ, что A дѣйствительно есть B, или что C есть D. Напротивъ, вполнѣ возможны случаи, что въ дѣйствительности A вовсе не есть B, причемъ однако условіе сохраняетъ свое значеніе, напримѣръ, если бы двѣ прямыя параллельныя третьей не были параллельны между собою, то черезъ одну точку можно было бы провести двѣ линіи, параллельныя къ данной". Пониманіе мысли автора дается съ трудомъ, потому что подчеркнутое слово условіе нужно разумѣть въ смыслѣ выраженія условное сужденіе, на что указываетъ только примѣръ.

13) Стр. 115. „На вопросъ гдѣ? можно отвѣчать лишь указывая на разстояніе этого гдѣ отъ другихъ мѣстъ".—Нарѣчіе гдѣ въ силу своего вопросительнаго значенія, въ противоположность нарѣчіямъ указательнымъ (тамъ, туда, оттуда), не обозначаетъ какого либо опредѣленнаго для сознанія мѣста, а потому выраженіе разстояніе этого гдѣ отъ другихъ мѣстъ" неправильно.

14) Стр. 124. „Эти законы получаются изъ частныхъ наблюденій, помощью особаго логическаго пріема, называемаго индукціей, и о которомъ пойдетъ рѣчь ниже".

— Стр. 190. „Существуетъ два признака одинаково измѣнчивыхъ, и различіе въ которыхъ характеризуетъ каждую изъ классифицируемыхъ вещей".—Хотя у Достоевскаго подобнаго рода обороты (сокращеніе одного изъ двухъ однородныхъ придаточныхъ предложеній и отсутствіе сокращенія въ другомъ) имѣютъ мѣсто чуть не на каждой страницѣ, однако право гражданства они себѣ не пріобрѣли въ литературно-обработанной рѣчи.

15) Стр. 129—130. „Все то, что исключается изъ даннаго понятія, должно быть исключено и изъ всего того, въ чемъ данное понятіе мыслится".—Формула двухсмысленная: оба выраженія „исключается изъ понятія", „мыслится въ понятіи" могутъ быть легко относимы какъ къ объему, такъ и къ содержанію.

16) Стр. 181. „Абстракціей называется логическій пріемъ отдѣленія, отвлеченія отъ сложнаго представленія нѣкоторой его части, какъ особаго понятія".—Точнѣе и яснѣе было бы, если бы слово часть замѣнить словомъ признакъ.

17) Стр. 182. „Въ политической экономіи изучаются явленія распредѣленія богатствъ, обращая вниманіе лишь на эгоистическія желанія людей пріобрѣтать богатства, оставляя въ сторонѣ другія свойственныя имъ влеченія, напр. великодушіе".—Синтаксисъ народной рѣчи („У Илейки лежучи силы прибыло" изъ сочиненій Л. Толстаго, очень часто допускающаго такіе обороты, какъ „выходя оттуда, у нея плечи подергивались отъ всхлипываній" (Изд. X, ч. 1, стр. 265), не оправдываетъ ихъ употребленія въ учебникѣ. Въ силу требованій русскаго литературнаго языка, дѣйствующимъ лицомъ при дѣепричастіяхъ обращая и оставляя служитъ явленіе подлежащее главнаго глагола (изучаются), т. е. смыслъ такой: „явленія обращаютъ вниманіе и оставляютъ въ сторонѣ".

18) Стр. 186. „Дефиниція показываетъ, какъ признаки слагаются въ понятіе, т. е. какъ понятіе образуется".—Можно подумать, что здѣсь говорится о логическомъ процессѣ образованія понятій изъ общихъ представленій, между тѣмъ какъ г. Ланге хотѣлъ обозначить такія механическія явленія какъ образованіе круга движеніемъ точки, образованіе эллипсиса путемъ коническаго сѣченія.

19) На стр. 200 и 211. Г. Ланге употребляетъ терминъ опредѣленіе, заявивъ предварительно (на стр. 184), что онъ его избѣгаетъ вслѣдствіе двухсмысленности.

20) Стр. 227. „Въ настоящемъ § мы должны приступить къ изученію индуктивныхъ пріемовъ“...— Вѣрнѣе было бы сказать заняться изученіемъ, такъ какъ этотъ параграфъ—послѣдній въ книгѣ.

Вотъ всѣ частныя замѣчанія, которыя мы хотѣли сдѣлать: и на солнцѣ есть пятна, и глазъ имѣетъ „слѣпыя точки“. Надѣемся, что авторъ книги не посѣтуетъ на насъ за наши указанія: проф. Ланге, составляя свой рѣдкій учебникъ, я, берясь за тщательное разсмотрѣніе его,—мы оба преслѣдовали одну и ту-же цѣль—служить интересамъ школы. Крайне жаль, что новый учебникъ логики, по объему непригоденъ въ качествѣ руководства для гимназій, между тѣмъ какъ общераспространенный учебникъ логики Струве можетъ внушить ученикамъ лишь превратное понятіе объ этой наукѣ. Намъ думается, что этому горю возможно до нѣкоторой степени пособить: книгу профессора Ланге можно значительно сократить, не нарушая цѣльности курса. Съ этою цѣлью слѣдовало-бы опустить всѣ тѣ параграфы и отдѣльныя мѣста въ книгѣ, гдѣ профессоръ излагаетъ, разбираетъ и отвергаетъ классификацію сужденій у Канта. Ученіе формальной логики о силлогизмѣ, возрѣнія Дж. Ст. Милля на природу категорическаго силлогизма. (напр. ч. I, гл. 2, § 1, примѣчаніе; ч. I, гл. 3 примѣчаніе; ч. II, гл. 3, §§ 5, 6 и 8 и почти все то, что напечатано мелкимъ шрифтомъ). Это одно дало бы экономію до 50 страницъ. Въ виду невозможности двухъ-трехъ синтезовъ въ сужденіи, придется сократить также гл. 2-ую въ I части. Кромѣ того, нѣкоторые отдѣлы и параграфы можно было-бы изложить менѣе обстоятельно, отчасти прибѣгнувъ къ „сгущенію мысли“, весьма важному въ школьномъ учебникѣ (Horatius: „Quidquid praecipies, esto brevis“. Seneca: „Legem brevem esse oportet, quo facilius ab imperitis teneatur“); какіе именно,—мы не даемъ указаній, такъ-какъ это зависитъ оттого, чѣмъ авторъ болѣе дорожитъ и чѣмъ онъ готовъ былъ-бы пожертвовать. Словомъ, при дальнѣйшемъ сокращеніи профессору г. Ланге пришлось

бы уже намѣтить себѣ снова строго опредѣленныя задачи и рамки, чтобы это сокращеніе не отразилось на цѣльности и органичности руководства.

Для студентовъ-же и для работающихъ надъ собственнымъ образованіемъ книга могла бы выходить въ болѣе полномъ видѣ,—какъ теперь.

Во всякомъ случаѣ необходимо бы къ теоретическому курсу присоединить сборникъ примѣровъ для лучшаго усвоенія курса, на подобіе того, который помѣщенъ при логикѣ Міато. Въ этомъ сборникѣ примѣровъ очень удобно было бы изложить кратко дѣленіе сужденій Канта, ученіе старыхъ логиковъ о силлогизмѣ, взглядъ Милля на силлогизмъ—съ тѣмъ, чтобы ученикъ подъ руководствомъ учителя разобралъ все это.

Правду сказать, мы питаемъ мало надежды, чтобы г. Ланге принялся за урѣзку и сокращеніе своего прекраснаго дѣтища: изъ полнаго и цвѣтущаго ребенка получится сухощавый и малорослый. Но вѣдь цѣль въ сущности высокая, благородная. Намъ припоминаются поучительныя слова нашего филолога Будиловича, сказанныя имъ въ защиту Ломоносова отъ возможныхъ обвиненій въ томъ, что тотъ, свѣтило науки и при томъ натуралистъ, взялся за составленіе учебниковъ, да еще по словеснымъ наукамъ („Россійская Грамматика"): „Стоило-бы научиться у Ломоносова тому, какъ должно служить своими знаніями дѣйствительнымъ, а не отвлеченнымъ потребностямъ страны: при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ хорошій учебникъ стоитъ многотомныхъ и многоученыхъ диссертацій, („Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ". СПБ. 1869 г. стр. 119). Свою мысль извѣстный славистъ постарался впослѣдствіи оправдать собственнымъ примѣромъ, составивъ учебникъ древне-церковно-славянскаго языка. Въ сущности составить хорошій учебникъ всегда не легкое дѣло и не малая заслуга передъ подрастающимъ поколѣніемъ, особенно-же при отсутствіи даже посредственныхъ руководствъ.

Строго говоря, за одинъ урокъ нельзя основательно ознакомить учениковъ VIII класса съ наукой о мышленіи, каковъ бы ни былъ учебникъ. Между тѣмъ логика являет-

ся необходимой наукой въ кругу гимназическихъ предметовъ. Ею заверштается и нѣсколько осмысливается образованіе, изъ средствъ котораго конкретный міръ, природа, жизнь изгнаны совершенно, и которое всецѣло построено на изученіи слова, являющуюся выраженіемъ міра субъективнаго. Слово въ его этимологическихъ формахъ и синтаксическихъ сочетаніяхъ, слово родное и чужеземное, слово живого языка и давно исчезнувшихъ съ лица земли заполонило нашу гимназію. Естественно желаніе, чтобы гимназистъ вдумался наконецъ въ пріемы мысли, выражаемой словомъ, понялъ пути достиженія истины, открывающейся въ діалектикѣ (индуктивный ходъ мысли не по силамъ 18-лѣтнему юношѣ; и оттого этотъ отдѣлъ логики изучается въ гимназіи лишь въ начаткахъ).

Поэтому мы утѣшаемъ себя мыслью, что недалеко то время, когда преподаванію логики будетъ отведено больше времени. Но для осмысленной постановки этого предмета потребуется и еще одно условіе, о которомъ счелъ нужнымъ упомянуть проф. Ланге въ предисловіи къ своей книгѣ: „На одно обстоятельство мы позволимъ себѣ обратить вниманіе, обстоятельство, безъ соблюденія котораго изученіе нашего курса можетъ представить затрудненія. Какъ извѣстно, обученіе логикѣ въ гимназіяхъ лежитъ на обязанности преподавателя русскаго языка, и никакого особаго учительскаго экзамена по этому предмету не существуетъ. Но само собою разумѣется, что изученіе логики, какъ оно дается на первыхъ курсахъ историко-филологическихъ факультетовъ, не можетъ быть признано достаточною подготовкою для гимназическаго преподавателя этого предмета. Оно должно быть пополнено самостоятельнымъ позднѣйшимъ изученіемъ предмета“ (стр. 4—5). Нужно сознаться, что полученія университетскаго диплома недостаточно для того, чтобы преподавать и всякій другой предметъ въ гимназіи. Чтобы овладѣть спеціальностью въ размѣрахъ, необходимыхъ для гимназическаго преподаванія, нужно работать по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ надъ самообразованіемъ. И такихъ преподавателей не мало. Но приходится днемъ съ огнемъ разыскивать преподавателя, который-бы до конца своей службы сохранилъ любовь къ

дѣлу, чуткую душу и жажду истины. Оттого среди педагоговъ крайняя рутина, нерѣдко отвращеніе къ мысли и къ дѣльному учебнику, по которому разработка урока требуетъ всегда большей энергіи и увлеченія дѣломъ. Отсюда поразительное явленіе, подмѣченное извѣстнымъ публицистомъ Южаковымъ, отличающимся рѣдкою разносторонностью научныхъ познаній и силою обобщающей мысли. Послѣ тщательнаго разбора учебниковъ по русскому языку, географіи и исторіи, онъ приходитъ къ выводу, который, при всемъ своемъ гнетущемъ характерѣ, стоитъ, къ сожалѣнію, внѣ всякаго сомнѣнія: распространенностью и симпатіями русскихъ педагоговъ средней школы пользуются учебники безъ всякихъ достоинствъ, если не считать таковыми пренебреженія здравымъ смысломъ и полной невѣжественности въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ излагаемой науки; кромѣ того распространенность учебника и увеличеніе числа изданій идутъ рядомъ, какъ-бы въ причинной связи, съ упраздненіемъ проблесковъ мысли, замѣчавшихся въ первыхъ изданіяхъ книги (см. „Дневникъ писателя" въ „Русскомъ Богатствѣ" 1897 г. № 6 и др.) Это такого рода фактъ, что знакомство преподавателей логики съ рекомендуемыми профессоромъ сочиненіями мало поможетъ дѣлу изученія этой науки въ гимназіяхъ. Здѣсь нужно нѣчто большее: нужно разбудить среднюю школу отъ летаргическаго сна; потребно вдунуть въ нее душу живу. Школа, подобно спящей царевнѣ, ждетъ своего Ивана-царевича.

Переходя къ внѣшнимъ сторонамъ „Учебника логики", мы должны указать на множество опечатокъ, которыхъ неумѣстность тѣмъ болѣе даетъ себя чувствовать, чѣмъ меньше авторъ подходитъ въ своемъ изложеніи къ уровню пониманія гимназиста. Для примѣра укажу на стр. 57, гдѣ 4 опечатки (аргоновъ вм. аргономъ—стр. 3, разсмотренныхъ вм. разсмотрѣнныхъ—стр. 14, обоихъ вм. обѣихъ—29 стр. вѣ вм. въ—30 стр.), кромѣ 5 (отмѣченныхъ въ отдѣлѣ „важнѣйшихъ опечатокъ". Нѣкоторыя опечатки искажаютъ совершенно текстъ; приведу главнѣйшія и наиболѣе трудно распознаваемыя къ свѣдѣнію пользующихся учебникомъ преподавателей: 1) въ извѣстномъ текстѣ изъ Аристотеля, за-

ключающемъ перечисленіе категорій (Categ. II. 6), послѣ ποιόν не должно быть πάσχειν, которое у г. Ланге стоитъ дважды (стр. 34, прим.); 2) на стр. 123 въ строкѣ 7 нужно послѣ слова углы вычеркнуть „ABC и A, B, C,“; 3) на стр. 224 нужно вмѣсто сравниваемыхъ читать сравнительныхъ (строка 22). Ссылки, которыя такъ дороги для возстановленія въ памяти пройденнаго и пониманія связи читаемаго, вводятъ ученика въ заблужденіе: напр.

стр. 65, стр. 6 должно быть § 5 вм. § 6.
стр. 167, стр. 1 „ „ § 6 вм. § 9.

Кто знаетъ условія печатанія въ провинціальныхъ типографіяхъ, гдѣ дѣло поставлено такъ, что каждая новая корректура приноситъ съ собою автору новыя ошибки, не бывшія въ предшествующей корректурѣ,—тотъ не можетъ всецѣло винить автора за обиліе опечатокъ. Для исправленія этого досаднаго недостатка нужно вложить въ нераспроданные экземпляры листикъ съ аккуратнѣйшимъ перечисленіемъ всѣхъ опечатокъ, которыхъ наберется еще до 200.

Издана книга на тонкой бумагѣ, мѣстами сильно просвѣчивающей, особенно тамъ, гдѣ строки на одной сторонѣ листа не совпадаютъ со строками на другой.

Цѣна книги велика, принимая въ расчетъ среднюю цѣну изданій русскаго книжнаго рынка: за 237 стр. небольшого размѣра на дешевой бумагѣ обозначена цѣна 1 р.

Въ заключеніе скажу: пока не было учебника проф. Ланге, приходилось только желать, чтобы логику упразднили въ гимназіи; съ появленіемъ этой книги нужно стремиться къ увеличенію въ гимназіи числа уроковъ по логикѣ.

А. Флёровъ.

Одесса.

НОВАЯ ШКОЛА. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1898 г. 1—120.

Mutato nomine, de te fabula narratur.

Книга «Новая школа» (изданіе К. П. Побѣдоносцева) знакомитъ русское общество съ сочиненіемъ Демолена, появившимся въ Парижѣ въ прошломъ году и носящимъ заглавіе: «Отъ чего зависитъ превосходство Англо-Саксонскаго племени (Demolin. A quoi tient la Superiorité des Anglo-Saxons). Значительная часть сочиненія Демолена относится къ устройству школьнаго обученія и воспитанія въ Германіи, Франціи и Англіи. Послѣ выхода книги Демолена, обратившей на себя общее вниманіе образованныхъ людей въ Европѣ и уже выдержавшей множество изданій, авторъ продолжаетъ разработку вопроса о школѣ въ издаваемомъ имъ ежемѣсячномъ журналѣ «Science Social».

Разсматриваемая книга носитъ названіе «Новая школа» потому, что во второй половинѣ этой книги (послѣ критическихъ взглядовъ на нынѣшнюю систему школьнаго обученія) изображается новый типъ учителя и школы (69—81), предлагаются учебныя программы и недѣльное росписаніе занятій по программѣ новой школы (82—89), излагаются новые методы преподаванія и т. п. Книга ознакомляетъ читателей со взглядами Демолена, взятыми какъ изъ упомянутой книги, такъ и изъ журнала «Science Sociale» и возбуждаетъ въ русскомъ читателѣ живой интересъ. Правда, въ предисловіи къ книгѣ «Новая школа» замѣчено, что предполагаемая Демоленомъ «конструкція школьнаго дѣла, по образцу англійскихъ коллегій, безъ сомнѣнія, не можетъ служить образцомъ универсальнымъ для всякаго общества, для всякаго быта и для всякой экономіи, и,

конечно, для примѣненія этой формы всего менѣе представляетъ условій Россія».

Несмотря на это, критическіе взгляды Демолена на систему школьнаго обученія и на пріемы школьной педагогики заслуживаютъ полнаго вниманія. Конечно, рѣшеніе вопроса о самой системѣ школьнаго обученія должно занимать по преимуществу лицъ, власть имущихъ, а не заурядныхъ педагоговъ. Въ этомъ отношеніи «Новая школа» (въ изданіи К. П. Побѣдоносцева) можетъ оказать серьезное вліяніе на обсужденіе предложенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, которое недавно разослано на заключеніе Попечителей Учебныхъ Округовъ и которое касается подготовки учителей для среднихъ учебныхъ заведеній.

Нельзя не обратить вниманія на ту часть книги, гдѣ излагается богатый матеріалъ для сужденія о качествахъ, которыми долженъ обладать учитель и воспитатель и о пріемахъ при обученіи и воспитаніи. Всѣ разъясненія по этимъ вопросамъ цѣнны для русскаго педагога потому, что они взяты изъ школьной практики страны, гдѣ дѣло воспитанія давно поставлено лучше нашего; въ Англіи, какъ извѣстно, вѣками вырабатывался типъ школы и учителя, почему тамошнія учебныя заведенія имѣютъ свои традиціи и опытъ. Въ виду этого, разсматриваемая нами книга съ интересомъ и пользою будетъ прочитана каждымъ педагогомъ и заставитъ вдуматься въ тѣ вопросы, какіе выдвигаетъ жизнь англійской школы. Демоленъ четыре года изучалъ типъ этой школы на мѣстѣ, слѣдя за воспитаніемъ въ ней своего сына (стр. 69).

Эпиграфомъ къ разсматриваемой книгѣ служитъ изреченіе изъ первой сатиры Горація: Mutato nomine, de te zabula narratur (Lib. 1. 1, 69—70); этотъ эпиграфъ имѣетъ то значеніе, что критическіе взгляды Демолена на систему и пріемы обученія могутъ относиться не къ одной Франціи, или Германіи, а, съ замѣною имени, съ одинаковымъ правомъ и къ русской школѣ, особенно къ классическимъ гимназіямъ. На многихъ

страницахъ книги Демолена можно встрѣтить указанія на нравственное безсиліе учителей въ дѣлѣ воспитанія, на механическое спрашиваніе ими уроковъ и на другія ненормальные пріемы при обученіи и воспитаніи. Картины изъ школьной жизни, подобныя тѣмъ, какія видимъ въ книгѣ французскаго мыслителя, встрѣчаются у насъ какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, особенно гимназіяхъ, такъ отмѣчены и въ литературѣ. Многія изъ критическихъ взглядовъ Демолена на постановку учебнаго дѣла въ Россіи опредѣленно выражены въ «Московскомъ Сборникѣ» К. П. Побѣдоносцева, вышедшемъ раньше сочиненія Демолена. Хотя объектъ для наблюденія надъ системой изученія былъ различный у К. П. Побѣдоносцева и Демолена, однакожъ, выводы, къ какимъ они приходятъ послѣ своихъ сужденій о средней школѣ, одинаковы у того и другого мыслителя.

«Московскій Сборникъ» заключаетъ въ себѣ отдѣльныя главы, а въ разныхъ мѣстахъ книги и частныя замѣтки, относящіяся къ народному просвѣщенію и воспитанію. Эти мѣста въ «Московскомъ Сборникѣ», въ свое время возбудившія живой интересъ среди русскихъ педагоговъ, вызвали разныя сужденія въ нѣкоторыхъ педагогическихъ журналахъ (напр. «Народномъ Образованіи», «Филологическихъ Запискахъ», 1897 г. гдѣ напечатана статья: «О задачахъ русской школы по поводу книги «Московскій Сборникъ»).

Книга «Новая школа» является какъ бы дополненіемъ и разъясненіемъ мыслей о воспитаніи и обученіи, выраженныхъ въ «Московскомъ Сборникѣ»: она подкрѣпляетъ эти взгляды фактами изъ жизни заграничныхъ школъ, убѣжденіями начальниковъ разныхъ учебныхъ заведеній и мнѣніями даже царственныхъ особъ, (Германскій Императоръ Вильгельмъ).

Главные недостатки современнаго обученія и воспитанія, указанные въ книгѣ «Новая школа» и въ «Московскомъ Сборникѣ», слѣдующіе:

1) Чрезмѣрное расширеніе учебныхъ программъ, неблагопріятно отражающееся на физическомъ и духов-

номъ развитіи учащихся («Новая школа», стр. 7; «Москов. Сборн.» 134).

2) Ослабленіе въ учащихся личной инниціативы, воли и привычки на себя расчитывать («Новая школа», стр. 10; «Москов. Сборн.» 69).

3) Неумѣнье учащихся разсуждать и вдумываться; способность ихъ впитывать въ себя, не переваривая, какъ можно скорѣе, какъ можно болѣе свѣдѣній, что ведетъ къ разслабленію мысли («Новая школа», стр. 13; «Москов. Сборн.» 135).

4) Увлеченіе педагоговъ умственной гимнастикой, которою они заставляютъ упражняться учащихся, и беззаботность о развитіи въ послѣднихъ сознанія величія и славы своей родины. («Новая школа», стр. 23; Москов. Сборн.» стр. 86).

5) Преобладаніе при преподаваніи отвлеченнаго надъ конкретнымъ и пріученіе учениковъ соприкасаться не столько съ вещами, сколько со словами («Новая школа» стр. 37, «Москов. Сборн.» стр. 71, 122).

6) Отсутствіе личнаго и постояннаго взаимоотношенія между учителемъ и ученикомъ и замѣна этого сухимъ формализмомъ («Новая школа», стр. 64; «Москов. Сборн.» 68, 69, 122).

7) Пренебреженіе при обученіи воспитаніемъ учащихся и образованіемъ ихъ характеровъ. («Новая школа», стр. 69, Москов. Сборн.» 85).

8) Учитель-спеціалистъ рѣдко примѣняется къ дѣтскому пониманію; преподаваніе его не имѣетъ простоты и естественности («Нов. школа», стр. 72—73); Москов. Сборн.», стр. 71).

Кромѣ общихъ вопросовъ о воспитаніи и системѣ обученія, вопросовъ сложныхъ, разрѣшеніе которыхъ не зависитъ ближайшимъ образомъ отъ педагоговъ, въ книгѣ «Новая школа» излагаются разные взгляды на пріемы обученія древнимъ языкамъ, а также отечественному и новымъ, указывается существенная цѣль преподаванія исторіи, географіи и математики, выясняется польза изученія наукъ физическихъ и химическихъ (стр. 103);

значеніе садоводства и полеводства. (стр. 108), обработка дерева и желѣза (108—110), наконецъ, обращается вниманіе на занятія художественныя и общественныя развлеченія (112).

Представляя высокій и благородный идеалъ англійскаго педагога, этого «джентльмена» (какъ выражается одинъ изъ директоровъ англійской школы въ письмѣ къ Демолену, прося его отыскать для школы учителя—француза), «оберегающаго свою честь отъ всякаго пятна (стр. 76), книга «Новая школа« изданіе К. П. Побѣдоносцева) своимъ содержаніемъ расширяетъ предъ русскимъ учителемъ горизонтъ мысли для сужденій и рѣшенія вопросовъ воспитанія и обученія.

Н. Н.